

Том I

Социализм в одной стране Э.Карр

5

Э.Карр

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

5

Социализм
в одной
стране
1924-1926

Том I

Э. КАРР

ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

5

СОЦИАЛИЗМ
В ОДНОЙ СТРАНЕ
1924—1926

Том 1

E. CARR
A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

5

SOCIALISM
IN ONE COUNTRY
1924—1926

Volume one

London
Macmillan
1958

*На правах рукописи
Для служебного пользования*

№ **3** _____

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

5

СОЦИАЛИЗМ В ОДНОЙ СТРАНЕ 1924 — 1926

Том 1

Перевод с английского

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989

Редактор
Ю. А. ШКОЛЕНКО

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	7

Часть I

ОСНОВЫ

<i>Глава 1.</i> Наследие истории	13
<i>Глава 2.</i> Новые взгляды	29
а) Семья	32
б) Православная церковь	39
в) Литература	45
г) Правосудие	59
<i>Глава 3.</i> Класс и партия	77
<i>Глава 4.</i> Персоналии	114
а) Троцкий	116
б) Зиновьев	126
в) Каменев	131
г) Бухарин	134
д) Сталин	143

Часть II

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

<i>Глава 5.</i> Сельское хозяйство	155
а) Урожай 1924 г.	155
б) Проблемы села	167

	Стр.
в) Ставка на кулака	187
г) Урожай 1925 г.	217
д) Туманные перспективы	238
<i>Глава 6. Промышленность</i>	<i>250</i>
<i>Глава 7. Труд</i>	<i>274</i>
<i>Глава 8. Внутренняя и внешняя торговля</i>	<i>311</i>
а) Внутренняя торговля	311
б) Внешняя торговля	326
<i>Глава 9. Финансы и кредит</i>	<i>336</i>
<i>Глава 10. Планирование</i>	<i>359</i>
<i>Приложение А. Миграция и колонизация</i>	<i>379</i>
<i>Приложение Б. Бюджеты союзных республик</i>	<i>388</i>
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	<i>392</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом томе, первом из трех, выходящих в свет под общим заглавием «Социализм в одной стране, 1924—1926», я вплотную занимаюсь основной темой моего исследования. Как уже говорилось в предисловии к первому тому, «Большевистская революция, 1917—1923», автор стремился воссоздать «не историю революционного переворота... а историю развития той политической, общественной и экономической системы, которая возникла в результате этого переворота». Все предыдущие тома лишь подводили меня к этой главной теме. Поскольку в истории не существует четких границ между отдельными периодами, то утверждение новой системы следует отнести к середине 20-х годов. Период с 1924 по 1926 г. был решающим поворотом в этом отношении и во многом определил дальнейшее развитие общества, его положительные и отрицательные стороны.

Первые четыре главы, являющиеся своеобразным вступлением к основной части книги, объединены общим заглавием «Основы».

В первой главе предпринята попытка проследить связь революции с русской историей, ибо именно в рассматриваемый период связь эта стала наиболее очевидна. (Часть этой главы была ранее опубликована в книге «Очерки для сэра Льюиса Намье», 1956.)

Вторая глава целиком посвящена происшедшим за этот период переменам в общественном сознании и нравственных устоях. Автор затрагивает те сферы жизни общества, которых он не касался ранее.

В третьей главе рассматривается малоизученный, но очень важный вопрос о движущих силах нового общества. В четвертой даются биографические сведения о некоторых исторических личностях и указывается их роль в происходивших событиях.

Основная часть книги посвящена истории экономического развития страны с весны 1924 г. до весны 1926 г.

В следующем томе речь идет о внутрипартийных разногласиях, приведших к расколу триумvirата и к первому поражению Зиновьева, а также о политическом и структурном развитии общества за то же самое время. Том, завершающий повествование об этом периоде, посвящен внешней политике страны.

Как всегда, наибольшую сложность представляла организация материала. И все же в первую очередь я был склонен рассматривать вопросы экономического развития, хотя, конечно, самой характерной и самой драматичной приметой тех лет была борьба в партийном руководстве. Но формы, которые она принимала, находились в теснейшей зависимости от основных экономических проблем. Недостаток же такого построения заключается в том, что уже в данном томе автор вынужден был касаться некоторых вопросов внутривнутрипартийной борьбы и отношений между руководителями партии, что по сути дела является главной темой следующего тома. Даже в главах, казалось бы, целиком посвященных экономике, не всегда удавалось избежать этого пересечения тематики. Для того чтобы сделать материал более доступным, каждую отрасль экономики пришлось рассматривать отдельно, хотя, разумеется, ни одно событие, ни одно решение, принятое даже в какой-то одной отрасли, не могло не отразиться на других. Если глава, посвященная сельскому хозяйству, оказалась гораздо длиннее всех остальных глав книги, то отчасти это объясняется главенствующей ролью сельского хозяйства в советской экономике тех лет и тем, что именно оно и было тогда первоочередной заботой правительства. Разумеется, объем главы определяется еще и тем, что, поскольку это первая глава книги, посвященная народному хозяйству, в ней сразу поднимаются вопросы, затрагивающие экономику в целом. Поэтому автор счел необходимым разъяснить их как можно быстрее, но тем не менее вынужден принести извинения за встречающиеся в тексте повторы и обилие перекрестных ссылок.

Как это часто бывает, чем дальше продвигалась работа, тем сложнее казалась поставленная задача. Мне представляется в корне ошибочным традиционный взгляд на послереволюционный период в советской истории как на результат деятельности людей решительных; одни считают их просвещенными провозвестниками нового, другие — неисправимыми злодеями, в обоих случаях — людьми, знавшими, чего они хотят и куда они идут. В той же мере ошибочно и широко распространенное мнение, будто вожди партии, и в особенности Сталин, руководствовались главным образом лишь желанием увековечить свою власть. Разумеется, любое правительство стремится оставаться у власти как можно дольше. Из этого, однако, отнюдь не следует, что выбор той или иной политики власть придерживающимися был во всех случаях продиктован стремлением продлить свое ничем не нарушаемое правление. Обстановка в стране была настолько сложной, ситуации, сложившиеся в разных районах и группах населения, так значительно отличались друг от друга, что выявление факторов, определявших общее развитие, оказалось делом чрезвычайно трудным. Исследователь этого предмета не может пожаловаться на нехватку материала, однако имеющиеся сведения зачастую туманны и неоднозначны. У него мало предшественников и мало возможностей идти проторенными путями, ибо отдельные аспекты и вопросы данной

темы на сегодня освещены довольно слабо. Может быть, это обстоятельство позволит читателю быть более снисходительным к перегруженности деталями, которой подчас грешат некоторые главы: автор сознательно пошел на это, чтобы не упустить из поля зрения то, что в конечном итоге может оказаться действительно важным.

Длительная поездка в США зимой 1956/57 г. задержала завершение работы над этим томом, но вместе с тем обогатила меня дополнительным материалом и для этой книги, и для следующей.

В Центре русских исследований Гарвардского университета к автору этих строк отнеслись весьма радушно и предупредительно. Автор особо выражает свою благодарность директору центра профессору Уильяму Лангеру, его заместителю Маршаллу Шульману и всем сотрудникам за оказанную поддержку и доброту. Фонды Уайднеровской библиотеки и юридической библиотеки в Гарварде содержат много материалов по истории СССР интересующего меня периода. Автору посчастливилось работать с архивом Троцкого, хранящимся в фондах Хьюстонской библиотеки. В настоящее время профессор Джордж Фишер занят составлением каталога архива Троцкого, что существенно облегчит исследователям доступ к документам и упростит систему ссылок на них.

Кроме университетских библиотек Гарварда, автор также посетил не имеющую себе равных Нью-Йоркскую публичную библиотеку и Гуверовскую библиотеку в Стэнфорде, а также имел возможность выписывать книги из Библиотеки конгресса и библиотеки Колумбийского университета. Сотрудники библиотеки Брэндейского университета, где автор в течение полугода выступал с лекциями, оказали неоценимую помощь, разыскивая и выписывая необходимые ему книги.

Автор выражает сердечную благодарность сотрудникам всех перечисленных библиотек. Автор особенно признателен профессору Брэндейского университета Герберту Маркузе за очень полезные беседы по теоретическим вопросам, сотруднице Гуверовской библиотеки Ольге Ганкин, которая помогла в поисках редких источников, доктору С. Хейтману, который любезно предоставил в распоряжение автора свою неопубликованную библиографию трудов Бухарина, и другим американским друзьям за их неоценимое участие и поддержку.

Хотя последний этап работы над этим томом проходил в Соединенных Штатах, начало ему было положено в Англии, и именно в Англии была проделана основная часть работы.

Мистер Дж.К.У.Хорн и сотрудники читального зала Британского музея еще раз подтвердили свою готовность всегда прийти на помощь. Кроме того, автор пользовался фондами библиотек Лондонской экономической школы, Института славистики и кафедры по изучению СССР при университете в Глазго.

Еще ближе к дому — библиотека Кембриджа, располагающая ценнейшим собранием микрофильмов советских документов и пе-

риодики, которая пополняется новыми и новыми единицами, а также Экономическая библиотека Маршалла, в которой хранится экземпляр редчайшего первого издания «Контрольных цифр» Госплана (см. гл. 10 данного тома), подаренный в сентябре 1925 г. в Москве покойному лорду Кейнсу.

Особую благодарность я выражаю библиотекарю и его помощнику в Тринити-колледж, которые доброжелательно и терпеливо принимали бесконечные межбиблиотечные заявки автора.

Это предисловие было бы бесконечным, сделай я попытку перечислить всех друзей, которые так или иначе оказали помощь, снабжая автора брошюрами и книгами, обращая его внимание на источники, которые остались вне поля зрения, а также обсуждая с ним проблематику этого исследования, тем самым давая ему пищу для размышления и стимулируя дальнейший научный поиск. Хотелось бы надеяться на то, что они простят автора, который, высоко оценивая их щедрую помощь, обращается ко всем сразу, не называя имен, со словами искренней признательности. Следует, однако, упомянуть мистера Р. У. Дейвиса, автора недавно опубликованного труда «Развитие советской бюджетной системы», который помог мне в написании главы, посвященной финансам. Миссис Деграс в очередной раз сделала автору одолжение, взяв на себя труд прочтения корректуры; доктор Илья Нойштадт тоже еще раз оказал услугу читателю и автору, составив индекс; мисс Дж.И.Моррис выполнила основную часть труда по перепечатке рукописи этого и предыдущих томов.

Работа над этим и последующим томом шла более или менее одновременно, поэтому продолжение почти готово и должно увидеть свет в следующем году. Если сегодняшним надеждам автора суждено сбыться, то третий том, посвященный международным отношениям, будет гораздо меньше по объему и не заставит себя долго ждать. Читатель найдет всю библиографию в конце третьего тома.

Э. Х. Карр

28 мая 1958 г.

Часть I

ОСНОВЫ

ГЛАВА 1

НАСЛЕДИЕ ИСТОРИИ

Основу исторического процесса составляет борьба противоположных начал — преемственности и преобразований. Любой исторический период, каким бы безмятежным он ни казался, подвержен эрозии зреющих перемен; и все-таки любые преобразования, какими бы радикальными и глубокими они ни казались, всегда отмечены наличием неразрывных связей между прошлым и настоящим. Наиболее остро эта борьба противоположных начал проявляется в поворотные моменты истории, такие, как обращение Римской империи в христианство, английская революция XVII века, Французская революция, большевистская революция. Эти полные драматизма моменты отражают и порождают новые общественные силы, которые меняют исторические судьбы и облик человечества. В своем классическом исследовании Французской революции Токвиль указывает на две главные особенности революционного преобразования общества, а именно — внезапное потрясение, вызванное революцией, и ее почти всемирное значение:

«Во Французской революции... мысль человека как бы сорвалась с якоря; потеряв прежние ориентиры, человек не знал, куда идти и где остановиться. Появился невиданный доселе тип революционера. Смелые до безумия, эти люди воспринимали как должное любые нововведения, не были связаны никакими нормами старой морали и были готовы добиваться своей цели любыми средствами. Однако было бы ошибкой предположить, что они были изолированным и сиюминутным порождением конкретного исторического периода и должны были уйти вместе с этим моментом. Время шло, ряды их множились и оформились в породу, которая распространилась на все цивилизованные страны мира, сохранив свой облик, свои страсти и свой характер»¹.

В этом отношении революция 1917 г. в России очень похожа на свою французскую предшественницу. Никогда прежде наследие прошлого не подвергалось столь резкому, безоговорочному и демонстративному отрицанию, никогда притязания на всеобщий характер революции не звучали так громко; могло показаться, что ни одна из прежних революций не рвала всех нитей исторической преемственности с такой решительностью.

Революции тем не менее не устраняют, а скорее обостряют противоречия между преемственностью и преобразованиями, ибо динамика революции вовлекает в свой круговорот все общественные силы.

В разгар революции может сложиться впечатление, что жажда перемен безусловно преобладает над стремлением сохранить преемственность. Но в это время в игру вступает еще одна сила, которая не вмешивалась в спокойный ход событий, пока не задули ветры перемен. Эта сила — традиция. Она-то и действует как противовес переменам. Сопrotивляясь переменам, она реализуется через столкновение с «новой традицией», которая бросает ей вызов. Таким образом, в ходе революции элементы старого и нового находятся в одном строю, борясь и примиряясь друг с другом до тех пор, пока не образуют новый устойчивый синтез. Этот процесс может длиться несколько лет или растянуться на срок жизни нескольких поколений. Но, вообще говоря, чем дальше в прошлое уходят первые потрясения, вызванные революцией, тем решительнее отбрасывает традиция утраченные позиции. По-видимому, это вызвано следующими тремя причинами.

Во-первых, любая революция независимо от ее значения и претензий на всеобщий характер происходит в конкретной материальной среде и делается руками людей, воспитанных в конкретной национальной традиции. Программа революции должна эмпирически учитывать особенности данной среды и не может не быть ограничена этими особенностями. Революционные идеалы невольно формируются и трактуются сквозь призму предрассудков, которые являются продуктом этой среды и конкретного исторического прошлого. Основной задачей исследований Токвиля было показать, как процессы и события, происходившие еще во времена монархии, проложили дорогу Французской революции, которая, следовательно, не просто нарушила, но, по сути дела, продолжила естественный ход исторического развития Франции.

Большевистская революция в октябре 1917 г. была русской революцией, которую совершили русские марксисты. Если я замечу, что это была революция, вдохновленная учением Маркса, но победившая в стране с преимущественно крестьянским населением и в значительной степени еще докапиталистической экономикой, я тем самым лишь обозначаю один из самых элементарных и явных парадоксов, которые нужно разъяснить при решении проблемы «социализма в одной стране».

Во-вторых, характер революции меняется, и меняется в пользу принципа преемственности как раз по причине победы революции, которая превращает вчерашних повстанцев в реальную власть. В некоторых формальных аспектах все государства одинаковы и находятся на противоположном полюсе по отношению к теории и практике революции, ибо достижение целей революции и захват власти неизбежно означают отказ от дальнейших революционных преобразований и естественное возвращение к принципу преемст-

венности. Однако в любой революции ненависть к конкретному правительству в пылу разрушительного энтузиазма вызывает ненависть к правительству как таковому; поэтому усилия вождей победившей революции, направленные на создание собственного правительства и укрепление его позиций, наталкиваются как на враждебное отношение человека с улицы и крестьянина со своим наделом, для которых все правительства на одно лицо, так и на критику со стороны своих наиболее горячих или наиболее последовательных соратников, которые обвиняют их в измене своим собственным принципам и идеалам и объясняют происходящие перемены начавшимся процессом деградации и разложения. Аналогичным обвинениям часто подвергалось и христианство после его выхода из подполья и утверждения в качестве элемента государственной власти: «Любое соприкосновение со светской властью сильно влияет на церковь. Ее внутренний кризис неизбежно связан с появлением у церкви атрибутов государственной власти хотя бы потому, что у руля появляются совершенно другие люди, чем во времена гонений на церковь»². В годы Французской революции «пороки умирающей монархии разложили демократию в момент ее зарождения»³. На смену абсолютизму королей пришел абсолютизм якобинцев, а позднее — императора. Вожди победившей русской революции сразу же навлекли на себя упреки в установлении диктатуры, подобной поверженному самодержавию. Обвинения посыпались со стороны русских «левых коммунистов» в марте 1918 г., из немецкой тюрьмы от Розы Люксембург, а затем от всех лидеров оппозиции, включая Троцкого. Сам факт превращения теории и практики революции в теорию и практику государства представляет собой компромисс, который предполагает неизбежный отказ от революционного прошлого и возвращение к национальной традиции государственности. Парадоксальная фраза «революционная законность»⁴ удачно передает суть этой дилеммы.

В-третьих, победа революционного движения и, как результат, образование в государстве нового правительства означают практическую необходимость поддержания дружественных или враждебных отношений с другими государствами. Иными словами, государству нужна определенная внешняя политика, которая в свою очередь зависит частью от постоянных географических факторов, а частью от экономических условий, которые невозможно изменить в один день. По этой причине именно во внешнеполитической области сходство с политикой предшествующих правительств проявляется быстрее и очевиднее всего. Государственные интересы достаточно живучи, чтобы выйти из революционной бури целыми и невредимыми. Одна из первостепенных задач победившей революции — найти действенный компромисс между декларируемыми абстрактными идеалами и эмпирически определяемыми национальными интересами той территории, на которую она распространила свою власть. Вспомним, как решали эту задачу вожди Французской революции, и приведем широко известный отрывок из

книги французского историка дипломатии: «Французские республиканцы называют себя космополитами, но выступают таковыми только на словах. Они чувствуют, думают, действуют и трактуют свои универсальные идеи и абстрактные принципы в соответствии с традициями преуспевающей монархии, которая безраздельно правила Францией в течение 800 лет. Они отождествляют все человечество со своим отечеством, а свои национальные интересы — с интересами всех народов. Следовательно, они естественным образом путают распространение новых доктрин с ростом французского влияния, свободу всех людей — с процветанием своей республики, царство разума — с господством Франции, освобождение народов — с захватом чужих земель, революцию в Европе — с доминирующим положением Французской революции в Европе. По сути дела, их действия продиктованы логикой всего исторического развития Франции... Толпа присваивает себе все заслуги монархии, заявляя на них свои права»⁵.

В этом смысле сходство между французской и русской революциями поразительно. Пока марксисты рассуждали о том, что национальные интересы являются не чем иным, как замаскированными классовыми интересами, и пока большевистские вожди, увлеченные успешным ходом революции, рассчитывали на то, что своя внешняя политика им не понадобится, Брест-Литовский кризис привел к быстрому принятию решений относительно разумного компромисса между революционной программой и интересами Советского государства. Вопреки своим намерениям Советское правительство приступило к укреплению и защите государственной власти в России, а также к созданию по существу, если не по названию, национальной армии, призванной служить орудием национальной внешней политики.

Как во французской, так и в русской революции толчком к возрождению массового национализма стала иностранная интервенция. Во Франции массы простых французов «отождествляли любовь к родине с любовью к революции так же, как прежде отождествляли ее с любовью к королю»⁶. В Советской России вроде бы неуместное формирование основ «национальной» внешней политики и неожиданно громкие призывы к возрождению традиционного «русского» патриотизма⁷ были первыми и самыми важными факторами, проложившими дорогу к примирению с уцелевшими представителями старого режима и создавшими психологические предпосылки для построения «социализма в одной стране».

Несмотря на столь значительное сходство между революциями в России и во Франции, борьба нового и старого после свершения революции имела свои особенности. Во Французской революции, как и в английской революции XVII века, обе противоборствующие стороны имели одни и те же национальные признаки. И хотя Французская революция быстро вышла на международную арену, истоки ее развития и корни ее основных идей следует искать в самой

французской нации. Генезис русской революции был несравненно более сложным. С одной стороны, мы можем вести речь о русской революционной традиции, восходящей к Пугачеву и ставшей навязчивой идеей в русской политике, общественной мысли и литературе XIX века. С другой стороны, марксизм, который вторгся в Россию подобно тому, как христианство вторгалось в Римскую империю, представлял собой учение, претендующее на универсальность, но отмеченное чертами чужеродного происхождения. Большевицкая революция вдохновлялась идеями и опиралась на идеологию, которые пришли из Западной Европы. Образование и мировоззрение основных вождей русской революции, долгие годы проживших в эмиграции на Западе, были тоже преимущественно западного образца. Революция, которую эти вожди совершили в России, в основном рассматривалась ими не как русская революция, а лишь как начальный этап революции европейской или мировой. В качестве явления чисто русского, по их мнению, эта революция не имела ни смысла, ни значения, ни возможности выжить. Поэтому восстановление элементов старого порядка после спада революционной активности приняло форму не просто возвращения к старой идеологии и старым государственным институтам, а национального возрождения. Поверженные социальные силы, которые вновь появились на арене, чтобы пойти на компромисс с новым революционным порядком и невольно внести в него свои поправки, были также национальными силами, утверждавшими незыблемость русской национальной традиции и защищавшими ее от чужеродных влияний. Все, что произошло после революции — и особенно после смерти Ленина, — имеет двойственный характер. В революционном процессе это уже знакомое нам противодействие принципа преемственности наступлению революционных перемен. С точки зрения всей истории России это не что иное, как попытка русской национальной традиции вернуть утраченные позиции и противостоять влиянию Запада.

В этом смысле большевицкая революция соответствовала модели, выработанной всем ходом национального развития России. Проблема отсталости страны, которая беспокоила лидеров партии большевиков и обсуждалась ими в терминах марксистской теории буржуазной и социалистической революций, с давних пор омрачала русскую политику и общественную мысль. Даже такие факты ранней русской истории, как запоздалая по сравнению с Европой христианизация России, падение Константинополя и татаро-монгольское иго, представляются менее значительными, чем некоторые географические и экономические факторы, которые вызвали и увеличили разрыв между Востоком и Западом и привели к отставанию России от стран Западной Европы в сфере материального производства. Огромная территория русского государства, которое не имело четко обозначенных географических или этнографических границ, суровые климатические условия на большей части терри-

тории страны и неравномерное распределение природных богатств⁸ были подлинными причинами экономической отсталости России по сравнению с ее европейскими соседями.

Районы, которые входили в состав Российского государства, были так сильно удалены друг от друга, что процесс государственного строительства в России оказался чрезвычайно медленным и трудным. В неблагоприятных условиях русской степи способы производства и порождаемые ими социальные отношения заметно отставали от более удачливого Запада. Это отставание на протяжении всей русской истории было причиной тех противоречий, которые окрашивали и определяли отношения между Россией и Западом. Первые же контакты набирающего мощь русского государства с Западной Европой, которые начали бурно развиваться во второй половине XVI века при Иване Грозном, обнажили все слабые стороны отсталой России перед лицом ее партнеров. Эти недостатки еще больше проявились в последовавшее затем время «смут» и вторжений со стороны Польши. С этого времени начинается ускоренное развитие русского государства под флагом защиты своих рубежей. Выдающаяся роль Петра Великого в русской истории объясняется тем, что ему удалось превратить Россию в державу, способную на равных или почти на равных строить свои отношения с западноевропейскими государствами.

Эти особенности исторического развития русского государства имели такие последствия: во-первых, они явились причиной долговременного противоречивого отношения России к Западной Европе, которое мы наблюдаем на всех этапах развития русской мысли и политики. Чтобы защитить свои границы от угрозы с Запада, Россия должна была во всем следовать за ним и стремиться догнать его. Как образец для подражания Запад был предметом восхищения и зависти; как потенциальный противник он вызывал страх и ненависть.

Во-вторых, эти особенности развития России привели к появлению теории «революции сверху»⁹. Толчком к проведению реформ было не давление снизу, со стороны бесправного класса или угнетенных масс, требующих социальной справедливости и равенства, а какой-нибудь внешний кризис, который вынуждал правящую верхушку в срочном порядке укрепить власть или бросаться на поиски сильного лидера для осуществления этой власти. Поэтому реформы, которые на Западе обычно приводили к ограничению и децентрализации государственной власти, в России означали вещи прямо противоположные, то есть укрепление централизованной власти.

В-третьих, в силу этих особенностей модель развития России предполагала не поступательный прогресс, а продвижение вперед рывками, не эволюцию, а прерывистую революцию. Задача Петра Великого, продолжавшего начатое, но незавершенное дело Ивана Грозного, состояла в том, чтобы в течение одной человеческой жизни поставить средневековую Россию в один ряд с ее западными

соседями и, подражая европейским образцам, заставить своих отсталых и пассивных подданных быстро подняться до уровня требований своего времени. Следовательно, общественный прогресс в России имел неравномерный и эпизодический характер. По этому поводу Николай Тургенев писал: «В Европе, как и в большинстве цивилизованных стран, государственные институты развивались поэтапно; все они имеют свои истоки и корни в прошлом. Основы всего того, что сегодня составляет существо общественной, гражданской и политической жизни европейских стран, было в той или иной мере заложено в Средние века. Русские же миновали Средневековье. Все необходимое для своего развития Россия должна заимствовать в Европе, ибо ее собственные сохранившиеся с глубокой древности институты для этой цели непригодны»¹⁰. Один западный путешественник писал примерно то же самое: «Только Россия позднее других примкнула к цивилизованному миру, миновала процесс медленного созревания и была лишена тех преимуществ, которые дает постепенное естественное развитие. Ее правители были слишком нетерпеливы. Она не знала отрочества — поры, когда человеческий дух продельывает большую работу и осознает ответственность за независимость, которую он обретает. Русские государи, особенно Петр Великий, ни во что не ставили время и вынудили Россию стремительно пройти путь, который разделяет детство и пору зрелости»¹¹.

Но и этот путь не был проделан полностью. Смерть Петра, последовавшая в 1725 г., положила начало почти сорокалетнему периоду, когда его беспомощные преемники пытались свести на нет все его начинания и повернуть жизнь в стране в прежнее русло. Чередование бурного развития и полного застоя оставалось характерной чертой русской истории.

Следствием такого развития явилось одновременное существование в расшатанной, размытой структуре Российского государства таких социальных, экономических, политических и культурных форм, которые с европейской точки зрения принадлежали к разным ступеням общественного развития и потому не могли сосуществовать. В России продолжали уживаться элементы рабства, феодализма и капитализма, и такая аномалия не могла не способствовать дальнейшему расслоению общества и не усугублять его противоречий. В XVIII веке в России наконец стала складываться система традиций и воззрений, обозначаемая на Западе не очень определенным термином «гуманизм». Но для русских эта система представляла собой не более чем заморскую диковинку, вывезенную из Европы, которая вряд ли проникла глубоко в русское общество и русское сознание. В результате пропасть, разделявшая правителей и народ, стала еще глубже и очевидней, ибо никогда прежде Россия не была так явно разделена на «высший свет», который в условиях российской отсталости находил утешение в бесконечном мушкетировании западных идей и в упоении соблазнами цивилизации, и «темные» массы русских людей, которые

с незапамятных времен жили в нищете и невежестве. Россия стала страной разительных контрастов, в которой роскошь соседствовала с крайней бедностью, самые передовые взгляды — с дичайшими предрассудками, полная свобода — с жестоким угнетением. Пропасть между Россией и Западной Европой усугублялась пропастью внутри русского общества, разделявшей людей, мнивших себя европейцами, и исконно русский народ. Разрыв между Востоком и Западом уже не был для России явлением сугубо внешним, ибо проник в самую ткань русского государства.

Кульминация в развитии этих противоречий приходится на XIX век, когда до предела обнажились все контрасты и потенциальные возможности русского общества. На всем протяжении этого столетия политическая деятельность и политическая мысль России были сосредоточены на решении жизненно важного вопроса: с Европой или против нее? Преодолевать отсталость, идя проторенной дорогой западного общества, или искать новые, чисто русские пути? Отсюда возникал и другой вопрос: считать ли Запад авторитетом и первопроходцем или поглядывать на него с недоверием, как на незнакомца, достижения которого чужды и враждебны русскому духу?¹² В конце столетия за этими давними вопросами, разделявшими западников и славянофилов, стала возникать все более жгучая проблема расслоения русского общества, которая по сути дела была повторением этих же вопросов на новом историческом этапе. Роковая неопределенность продолжала преследовать сторонников перемен и консерваторов, радикалов и революционеров, поборников порядка и самодержавия. В обе группы входили как поклонники, так и противники Запада.

В конце столетия весь комплекс проблем, связанных с отношением к Западу, приобретает новое значение в связи с движением за индустриализацию России по западному образцу и с опорой на иностранную финансовую помощь. Как это ни парадоксально, но полемика по этому вопросу объединила марксистов, Витте и промышленников в один лагерь, а народников, помещиков-земледельцев и царский двор — в другой. И хотя на первых порах казалось, что идея индустриализации безусловно одерживает верх, последствия ее были по-прежнему неоднозначны. Опыт Запада нельзя было отвергать, но и принимать безоговорочно было невозможно. Все, что заимствовалось у Запада, действительно заимствовалось, но переделывалось на свой, сугубо русский манер.

Процесс индустриализации в России в конце XIX века имеет многие особенности, характерные для русской истории в послепетровский период. Прежде всего, тяжелая промышленность России практически с момента ее зарождения была поставлена на военные рельсы (включая строительство железных дорог), а не пыталась приспособиться к запросам потребительского рынка. В стране с преимущественно крестьянским населением, которое довольствовалось своим нехитрым натуральным хозяйством, разви-

тый потребительский рынок появиться не мог. Промышленное производство было «плановым» в том смысле, что выполняло в основном правительственные заказы и не зависело от стихийного рыночного спроса. Промышленные предприятия получали займы по политическим соображениям, а не исходя из традиционного «капиталистического» стремления получить прибыль. В этом отношении русская промышленность конца XIX века во многом превосходила пятилетние планы, которым было суждено появиться через 30 лет. Далее, запоздалая индустриализация России означала, что страна миновала многие более ранние этапы, которые были пройдены странами Запада в гораздо более медленном темпе, а именно: постепенный переход от труда кустаря-ремесленника к мелкой мастерской, от первой мануфактуры — к заводам-гигантам, на которых работают сотни и тысячи рабочих. Русская промышленность, самая молодая и во всех отношениях самая отсталая, была самой передовой в смысле высокой концентрации производства.

Русская промышленность развивалась так же быстро, как созревают овощи в парнике. Это было вызвано ее стремлением срочно ликвидировать отставание путем интенсивного копирования западных образцов; однако именно это не позволило ей пройти формирующий этап постепенного развития; минуя отрочество, она одним махом была перенесена из детства в состояние зрелости. Это привело к созданию социальной структуры, которая практически не имела сходных черт с созданными ранее западными аналогами; поэтому западное влияние и даже сознательное подражание западным образцам не привело к появлению в России соответствующих социальных структур. Тот факт, что индустриальное развитие России было запоздалым и быстрым, повлиял на формирование человеческого фактора и вполне определенного типа промышленника и рабочего. Если на Западе даже в современном менеджере жив дух владельца мелкого предприятия, который внимательно следит за колебаниями рыночной конъюнктуры и не теряет личных контактов со своими рабочими, то в России руководитель промышленного производства — это прежде всего администратор, организатор, бюрократ. Если на Западе промышленный рабочий даже в век массового производства ухитрился сохранить — насколько можно — свои личные трудовые навыки и независимость мастерового, то в России подавляющее большинство промышленных рабочих были крестьянами в заводской спецовке. «Серая масса» крестьян была в срочном порядке преобразована в «серую массу» фабричных рабочих. Для того чтобы загнать крестьянина на фабрику и заставить его подчиняться строгим фабричным порядкам, нужна была — как до, так и после революции 1917 г. — жесткая и неослабевающая дисциплина, которая приводила к тому, что отношения между руководителем производства и рабочим строились на основе совершенно определенной классовой вражды. Каким бы отсталым и слабым ни был русский пролетариат, он пред-

ставлял собой более благодатную почву для пролетарской революции, чем передовой рабочий класс стран Запада. То, что началось в традиционной русской манере как «революция сверху», впервые создавало некоторые благоприятные условия для «революции снизу». И опять-таки процесс, который начался под влиянием Запада и в подражание ему, приобрел своеобразный, чисто национальный характер.

Политическая история России во второй половине XIX века отражала экономическое положение страны. Как освобождение крепостных крестьян было запоздалой попыткой модернизировать русскую экономику по образцу и подобию западной, так и политические реформы этого времени отражали стремление осовременить устаревшую политическую структуру общества путем заимствования западных либеральных и демократических институтов и их приспособления к национальной специфике. Реформы коснулись судопроизводства, появились зачатки социального обеспечения, и на жестком старом древе самодержавной власти были привиты первые побеги не очень демократического, но все-таки местного самоуправления. Однако точно так же, как экономика России развивалась в теплице при определенной температуре, поддерживаемой извне, политические реформы питались не от мощных корней, а за счет импульсов, исходивших из чуждой Западной Европы. В результате импортированной системе придавался сугубо национальный характер. Многочисленные попытки создать активную буржуазию и самостоятельную городскую общину ни к чему не приводили; такое положение было чревато далеко идущими последствиями. Конституция 1906 г. была жалкой попыткой создать нечто подобное западной конституционной монархии и не имела ничего общего с реальностью. Как и немецкий либерализм 1848 г., русский либерализм был лишен прочной социальной базы в лице энергичного и преуспевающего класса промышленников и торговцев, как это было в других европейских странах¹³. Русский либерал — это интеллигент-одиночка, вполне осознанно копирующий западный образец. Искренний в своих побуждениях, он не имел политического веса и в отличие от европейца не мог играть важную роль в переломные исторические моменты. В русском политическом уравнивании отсутствовал средний член. Русская интеллигенция не могла заменить собой западный средний класс. Институты и социальные группы, которые появились в результате имитации западных моделей, были быстро приспособлены к условиям России и превратились в нечто сугубо национальное и чуждое Западу.

Большевистская революция явилась закономерным продолжением сложного процесса исторического развития страны. Ни один русский политический деятель никогда не ссылался на опыт и пример Запада столь откровенно и недвусмысленно и не указывал на отсталость России с таким неприкрытым презрением, как Ленин. Русские реформаторы всегда считали свою родину отсталой и

были убеждены в необходимости подражать Западу и учиться у него. Крайним выражением этой точки зрения стала концепция, согласно которой русская революция есть не более чем предвестница германской, европейской и, наконец, мировой пролетарской революции; им отводилась действительно историческая роль, без них русская революция была, согласно этой концепции, обречена на поражение. Русская национальная традиция была подвергнута анализу и сочтена почти во всех отношениях ущербной. Прошлое страны изображалось исключительно в мрачных тонах. Само слово «Россия» исчезло из официального названия новой власти, которая с претензией на универсальность предпочла именовать себя просто «рабоче-крестьянским правительством». Если уж штабу всемирной пролетарской революции и довелось временно обосноваться в России, это было не более чем обескураживающей неожиданностью. Тем не менее уже через несколько лет революция, которая свершилась в критический исторический момент под влиянием Запада, превратилась в закономерный факт русской истории и получила чисто национальную окраску. В этом смысле «социализм в одной стране» был еще одним повторением того, что бесчисленное число раз уже происходило в России.

Признаки такого поворота событий можно обнаружить в самом революционном движении еще до революции. Марксизм появился в России не просто как западная доктрина, но как учение, которое предполагало, что развитие капитализма в этой стране будет сопровождаться прямым и сознательным подражанием Западу¹⁴, то есть что Россия способна выполнить свою миссию, предначертанную ей марксистами, лишь в том случае, если пойдет по пути индустриализации вслед за Западом. Основатель «незаконного марксизма» Струве в своей знаменитой статье пришел к выводу о необходимости признать собственную отсталость и пойти на выучку к капиталистам¹⁵. В 90-х годах прошлого века русские марксисты оказались в непривычной для них роли, разделяя те же взгляды и преследуя те же цели, что и Витте, архикапиталист и поборник политики индустриализации. Первая организация русских марксистов была основана в 80-х годах группой эмигрантов в Западной Европе. Как бы указывая на совпадение программ и задач, Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), созданная на рубеже столетий, позаимствовала свое название у Германской социал-демократической рабочей партии, которую всегда считала образцом для подражания и у которой перенимала опыт. Ни одно политическое движение в России не было настолько безупречно и безаговорочно западным, настолько лишенным каких бы то ни было национальных признаков, как движение русских марксистов.

Однако не замедлили сказаться и тенденции обратного порядка. Очень рано понял невозможность простой пересадки западных моделей на русскую почву Ленин. В работе «Что делать?» (1902) он писал: «...начинающееся в молодой стране движение

может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо умение критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его»¹⁶.

Уже на начальном этапе сплочения РСДРП в единую организацию на партийном съезде 1903 г. произошел раскол партии на большевиков и меньшевиков. Разногласия по, казалось бы, мелкому вопросу, как выяснилось, были глубокими, и раскол партии произошел всерьез и надолго. С той поры русские марксисты разделились на две группы, первая из которых полагала, что деятельность партии должна строиться по западному образцу, вторая предлагала приспособиться к условиям работы в России. Первая стояла за создание массовой легальной организации, вторая — за уход в подполье как единственный способ борьбы, приемлемый для левых сил в русских условиях. С самого начала разногласий меньшевики подсознательно склонялись к первой точке зрения, большевики — ко второй.

Тем временем предметом спора стали фундаментальные проблемы марксизма. Как революционеры-практики большевики не могли уйти от решения вопроса о русском крестьянстве, которое составляло более 80% населения страны. Ленин отдавал себе отчет в том, что без прочного союза с крестьянством, революционный потенциал которого достаточно полно отражен в русской истории, ни о какой революции не могло быть и речи. Категорически отвергая народнические взгляды, которыми в последние годы жизни увлекался Маркс, Ленин тем не менее сформулировал тезис о «демократической диктатуре пролетариата и крестьянства», установление которой должно было стать кульминационным моментом первого этапа русской революции. И, наконец, в 1917 г., объявив на весь мир о принятии Декрета о земле, в котором была воплощена позаимствованная у эсеров народническая аграрная программа, Ленин тем самым накрепко привязал революцию большевиков к русской национальной традиции с ее крестьянской мечтой о земле и крестьянскими бунтами¹⁷. Уже в 1917 г. большевизм был марксизмом, примененным в условиях России и перелицованным на русский манер.

Включение «восточного» элемента в амальгаму большевизма не осталось незамеченным. Еще в 1904 г. дальновидный Троцкий в свою бытность меньшевиком указывал на то, что оплотом большевизма в России за пределами двух столиц являются уральские заводы, и саркастически отмечал стремление большевиков «спасти... социал-демократическую Азию»¹⁸. Один меньшевистский журнал, который нерегулярно выходил в Петербурге после революции 1905 г., окрестил большевиков «славянофильствующими марксистами»¹⁹. Как это делали меньшевики, с критикой в адрес Ленина выступил Плеханов, который считал ленинское отношение к крестьянству немарксистским и рассматривал его как возрождение на-

роднических ересей²⁰. В 1912 г. меньшевик Аксельрод²¹ проповедовал необходимость «европеизировать, то есть коренным образом изменить характер русской социал-демократии... и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии», на что Ленин резко отвечал, что «...пресловутая «европеизация», о которой на все лады говорят и Дан, и Мартов, и Троцкий, и Левицкий, и все ликвидаторы» есть «...один из главных гвоздей их оппортунизма».

Чем же тогда определяются характер любой социал-демократии и его «коренные» изменения? Разумеется, объяснял Ленин, «общими экономическими и политическими условиями данной страны». Аксельрод же — это «...голый дикарь, который оденет себе на голову цилиндр и воображает себя поэтому европейцем»²². В 1916 г., рецензируя сборник статей Ленина и Зиновьева «Социализм и война», Троцкий отвечал в том же духе, окрестив авторов «народниками из Челябинска»²³. Когда Ленин заявил о решимости большевиков вырвать власть из рук Временного правительства, со всех сторон посыпались обвинения в том, что он ведет себя не по-марксистски, а по-бакунински²⁴. Не кто иной как Милюков обвинял Ленина в славянофильстве: «Господин Ленин лишь повторяет мысли Киреевского и Хомякова, когда говорит о том, что Россия скажет свое слово, которое вернет к жизни дряхлеющий Запад»²⁵.

Критика не поколебала позицию Ленина. Он ощущал себя до мозга костей западником, ибо в своем понимании партии мог опираться на более давнюю западную традицию — традицию якобинцев. Сравнение большевиков с якобинцами, впервые брошенное Троцким в качестве упрека, льстило Ленину²⁶. Он апеллировал скорее к Марксу периода до 1848 г., к Марксу — глашатаю революции, чем к позднему Марксу, постигавшему противоречия и неизбежный закат капитализма. Именно ранний Маркс жил и работал в условиях, наиболее приближенных к тем, в которых теперь приходилось действовать Ленину, а опыт Парижской Коммуны показал, что и много позже энтузиазм Маркса по отношению к практике революции несколько не иссяк. Марксизм большевиков был в такой же степени подлинным и, следовательно, «западным», как и марксизм меньшевиков. И все же расхождения между ними очевидны. Из этих двух линий, составлявших сложную ткань марксистского учения, большевики были элементом преимущественно революционным и волюнтаристским²⁷, а меньшевики — эволюционным и детерминистским. Большевики утверждали, что нужно действовать, чтобы изменить мир, тогда как меньшевики говорили, что нужно изучить силы, изменяющие мир, и приспособливаться к этим силам. Наконец, большевики возлагали надежды на сознательное меньшинство, которое поднимет массы и побудит их к действию, тогда как меньшевики предпочитали вести себя более осмотрительно и выжидать до тех пор, пока изподволь созревающие революционные силы, выйдя на арену, не проникнут в сознание

масс. Разногласия по этому пункту нашли прямое отражение во взглядах меньшевиков на организационные принципы партии. По всем этим вопросам меньшевики были гораздо ближе к точке зрения западных марксистов, чем большевики. Только одного этого обстоятельства достаточно, чтобы предположить, что большевизм, из каких бы источников он ни черпал вдохновение, имеет русскую, то есть незападную, окраску. Вера в способность высокочеловеческих и предельно дисциплинированных профессиональных революционеров возглавить «стихийное» движение массы неосознательных рабочих соответствовала скорее русским, чем западноевропейским реальностям. В более широком историческом контексте эта вера дала большевикам огромное преимущество по сравнению с меньшевиками, позволяя им успешнее справляться с иррациональными тенденциями развития современного общества.

Русское историческое прошлое создало благоприятную почву для развития внутри партии большевиков скрытых антизападных элементов и слияния марксистского мессианства с уже существовавшим русским мессианством. Уже через несколько недель после победы революции Сокольников заявил: «История ясно показывает, что соль земли постепенно перемещается на восток. В 18 веке солью была Франция, в 19 веке Германия, а теперь Россия»²⁸. Однако такое перемещение повлекло за собой появление типично русских черт. Имеющий давнюю историю принцип скачкообразного развития России, которая в погоне за Западом миновала естественные этапы западного развития, сказался и на подготовке русской революции. Теория «перманентной революции» Троцкого была попыткой приспособиться к русской специфике, то есть к условиям, когда отсутствовала сильная буржуазия, способная совершить буржуазную революцию и тем самым пройти один из обязательных этапов революционного процесса, каким его видели западные марксисты. На словах отрицая эту теорию, Ленин в 1917 г. предпринял, по сути дела, то же самое, возглавив переворот, которому суждено было стать одновременно последним актом буржуазной и первым актом социалистической революции. Тогда Россия совершила еще один стремительный и резкий скачок из «младенчества» в «зрелость»²⁹. Самое первое обращение «рабоче-крестьянского правительства» ко всем народам и правительствам, призывавшее к миру и братству между народами, возможно, отражало давнее стремление русских к выполнению всемирной, а не национальной миссии. Когда новый режим, оказавшись в изоляции, был прижат к стене внутренними и внешними врагами и когда над страной нависла угроза гражданской войны, «революция снизу», принесшая большевикам победу в октябре 1917 г., стала на первых порах незаметно перерастать в старую модель «революции сверху». Иными словами, диктатура пролетариата пошла по пути самодержавия, занятого реформами. И наконец, когда недовольство крестьян послужило сигналом для отхода и принятия новой

экономической политики (НЭП), в классическую марксистскую теорию революции была внесена еще одна поправка, которая несколько выпадала из общего контекста, но от которой трудно было удержаться. В 1921 г. большевики были вынуждены искать ответ на тот же вопрос, который в свое время разделял западников и славянофилов: какой путь развития обеспечит торжество социализма в России — западный или исконно русский? Если первый, то ставку нужно делать на развитие промышленности и рост пролетариата, быть может, даже за счет крестьянства. Если второй, то упор нужно делать на то, чтобы помириться с крестьянином и добиться его поддержки в деле увеличения объема сельскохозяйственной продукции как предпосылки продвижения к социализму. Как уже не раз бывало в русской истории, дать однозначный ответ на эти вопросы не представлялось возможным. Россия не могла ни безоговорочно принять, ни полностью отрицать западный путь развития. Предпринятый Лениным переход к НЭПу был компромиссом, или, иными словами, тем недостающим звеном между пролетариатом и крестьянством, которое обеспечило продвижение вперед одновременно по двум параллельным путям. Однако этот компромисс, который иначе можно назвать «отступлением», имел идеологическую подоплеку, корни которой можно также отыскать в русской истории. Сопrotивление русского крестьянства марксизму было сопротивлением традиционного русского образа жизни западным нововведениям.

Таким образом, в первые годы существования режима большевиков над поверхностью бурного революционного потока стали понемногу возникать знакомые очертания русского пейзажа и русского видения мира. По мере того как Советское правительство все более открыто осваивало роль наследника государственной власти в России и начинало возбуждать традиционные чувства русского патриотизма, оно заявляло о своих целях в выражениях, которые внимательный исследователь может безошибочно определить как отзвуки, доносящиеся из глубин истории России. Москва — третий Рим, а теперь и центр III Интернационала — опять полна быющей через край молодости и энергии, снова преисполнена решимости обновить дряхлеющий, умирающий Запад. Она снова навлекает на себя враждебное отношение Запада, которое приписывается зависти и злобе, вызванными ее взлетом. И, как уже не раз бывало, она снова прикрывает свою экономическую отсталость заявлениями о собственном превосходстве в области духовной жизни. Осуществление эсхатологических предначертаний марксизма, подобно второму пришествию, задержалось на гораздо больший срок, чем первоначально рассчитывали верующие. Когда же эта задержка вызвала неизбежные и частые компромиссы с влиятельными оппонентами и требованиями момента, процесс отхода от идеала принял чисто русские формы и произошел на русской почве. Как ранее христианство надело на себя одежды императорского Рима, так и коммунизм явился в национальном

русском облачении. И хотя вскоре выяснилось, что компромисс был не совсем односторонним, это превращение обмануло ожидания некоторых верующих и шокировало их. Однако по мере того как понятие «судьба России» сливалось с понятием «большевизм» в единое и неделимое целое, полученный в результате слияния сплав имел легко различимые черты обоих исходных компонентов, оставаясь при этом сплавом. Когда Сталин впервые представил на обсуждение гибрид в виде концепции «социализм в одной стране», этот глубинный и скрытый процесс стал уже необратимым.

ГЛАВА 2

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Общая перемена устроений, вызванная введением НЭПа, была отчасти явлением психологического порядка, возникшим в результате спада многолетнего революционного накала и напряжения, вызванного гражданской войной. Было физически невозможно продолжать жить в условиях невыносимых тягот и лишений, которые выпали на долю значительной части населения за эти четыре-пять лет. Было психологически невозможно поддерживать на прежнем уровне ту веру и тот энтузиазм, которые позволяли оправдывать неразбериху в стране и ужасы войны муками, неизбежными при рождении нового мира. Процесс, который проходил с 1921 по 1924 г., переместил центр тяжести с политических программ на повседневность, с иконоборческой теории на обычную работу, с революции на организацию, с оторванных от жизни утопий на трезвый расчет, с интернационализма, не знающего границ, на строжайшее соблюдение государственных интересов СССР. Этот процесс затронул практически все стороны советской жизни и мышления. В сфере общественных отношений авантюры уступали место административно-хозяйственным вопросам, а революционная ломка — настойчивому проведению в жизнь решений, связанных с насущными потребностями страны. Ленин уделил этой теме большое внимание в своей речи на IX Всероссийском съезде Советов: «Задачи политические и задачи военные можно было решить подъемом энтузиазма... Мы смотрим назад и думаем, что так же можно решить и хозяйственные задачи. Но в этом-то и ошибка... научитесь работать иным темпом, считая работу десятилетиями, а не месяцами, зацепляясь за ту массу, которая измучилась и которая не может работать революционно-героическим темпом в повседневной работе...» И далее в этой же речи: «Тут работа целых десятилетий... Ее нельзя вести тем темпом, с той быстротой и в тех условиях, в которых мы вели военную работу»¹. В этих словах слышен призыв к терпению, осторожности и компромиссу. В новой ситуации главным была не политика и не поиски новых путей, а разумное решение проблемы подбора людей и дел: «Это — задача прозаическая, маленькая, это — мелкие дела; но мы живем после величайшего политического переворота, при тех условиях, когда мы должны некоторое время существовать среди капита-

листического уклада... подбирайте нужных людей и проверяйте практическое исполнение — и это народ оценит»².

Сразу же после смерти Ленина эту же тему затронул Каменев: «...мы вышли из периода обвалов, неожиданных потрясений, катастроф; мы вошли в период медленных хозяйственных процессов, которые надо уметь наблюдать»³. Теперь в чести уже не отчаянный революционер, а законопослушный и трудолюбивый работник.

Торжество здравого смысла при ведении хозяйства и повышенное внимание к бытовым проблемам пришли на смену революционному мировоззрению и породили консервативный склад ума. Любая победившая революция ускоряет расслоение (на первых порах это не более чем разница во взглядах, далее — явный раскол) между теми, кого еще лишает сна жажда кардинальных перемен, и теми, кого заботит в основном защита уже завоеванного. Первых теперь уже легко обвинить в склонности к бесплодным мечтаньям. В России такое разделение впервые проявилось в ходе дебатов по вопросу о Брест-Литовском мире; в последующие годы Ленин дважды обрушивался на «левацкий инфантилизм» ультрареволюционеров. В марте 1921 г. X партийный съезд, давая НЭПу зеленую улицу, также подверг критике программу «рабочей оппозиции» и деятельность ее представителей, критиковавших вождей партии за отказ от революционных принципов. После гражданской войны и прихода НЭПа самым разумным было считать революцию делом законченным. Последнее можно толковать двояко. За исключением кучки фанатиков, никто всерьез не помышлял о реставрации дореволюционных порядков и возврате к прошлому. С другой стороны, только доктринеры и сторонники крайних мер продолжали с серьезным видом рассуждать о дальнейшем развитии революционного процесса. Предполагалось, что завершение революции посредством «социалистического строительства» будет заключаться в последовательном упрочении и расширении завоеванных позиций мирным путем. Радикальное революционное учение уступало место традиционным методам практического хозяйствования.

В этих условиях началось неизбежное разложение идеализма первых лет революции; в первую очередь процесс затронул молодежь. Именно на съезде комсомола в 1922 г. Бухарин говорил о «некоторой идейной деморализации, некотором идейном кризисе в среде коммунистической молодежи и среди молодежи вообще»⁴. Троцкий впоследствии указывал, что «в период НЭПа аскетические тенденции гражданской войны уступили место более эпикурейскому, если не сказать веселому настрою»⁵. Даже комсомольские издания того периода всерьез толковали о том, должен ли комсомолец носить брюки «со стрелками», сколько кружек пива он имеет право выпить и стоит ли уступать место женщинам в трамваях⁶. В среде старых партийцев усиливалось ощущение пустоты и разочарования. В печати часто сетовали на резкое отличие слав-

ных героических дней революции и гражданской войны от «советских будней» — так в те времена называли период восстановления экономики, казавшийся скучным и однообразным. В одном из партийных документов 1924 г. высказывалась озабоченность ростом числа самоубийств среди членов партии, которые были вызваны тем, что они не сумели приспособиться к новому историческому этапу и продолжали жить по меркам «военного коммунизма»⁷.

Одной из характерных особенностей раннего НЭПа стало своего рода перемирие Советской власти со строго ограниченным кругом специалистов, работавших при старом режиме. Условия этого альянса были неравными. Теперь уже победители могли диктовать условия сотрудничества, на которые могла пойти определенная часть побежденных. Однако в области формирования политики, равно как и в области идей, которые вдохновляли эту политику и способствовали ее проведению в жизнь, это неравенство было не столь уж явным; здесь чаша весов скорее клонилась в противоположную сторону. Из-за нехватки «культуры» и опыта хозяйствования, которую испытывали коммунисты и о которой в последние годы жизни неустанно напоминал Ленин, управление экономикой России оказалось в значительной степени в руках бывших представителей царского режима, которые олицетворяли собой недостающее звено между старым и новым. В своей последней статье Ленин писал: «Наш госаппарат, за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям»⁸.

Советская Россия унаследовала некоторые проблемы свергнутого режима. Иногда получалось так, что какой-нибудь чиновник из «бывших», решая привычный ему вопрос, давал на него привычный ответ и принимал соответствующее решение. Эти бывшие столпы капиталистического общества и капиталистического способа управления экономикой, примкнувшие к Советской власти и выполнявшие важную работу в интересах Советского правительства, исходили из того, что эта власть представляет Россию и действует от ее имени, и стремились — осознанно или нет — быть верными русской национальной традиции. Это, однако, ни в коей мере не предполагало враждебного отношения с их стороны к революции как таковой. Теперь никто уже не помышлял о реставрации царизма или свержении Советской власти. Завоевания революции были признаны и упрочены; революция стала достоянием русской истории.

И все же главным, что принес с собой НЭП, было общее ощущение огромного облегчения. Даже те, кто яростно доказывал, что НЭП — всего лишь «передышка» перед новыми свершениями, признавали, что эта передышка нужна как воздух. Люди получили возможность вернуться к своим повседневным делам; жизнь вошла в привычную колею. Это возвращение к тому, что казалось нормальной жизнью, неизбежно означало возвращение к прежним

порядкам, нащупывание нитей между прошлым и настоящим, восстановление полузабытой традиции. В статье, датированной 1923 г., Троцкий с неподдельным удивлением отмечал: «Политика гибка, а быт неподвижен и упрям... Быту гораздо труднее оторваться от обрядности, чем государству»⁹. В первые годы НЭПа во всех сферах жизни и общественной мысли России все яснее прослеживается тенденция преемственности, явно преобладавшая над тягой ко всему новому. Такая смена настроения, быть может, наиболее очевидна в областях, находившихся вне политики и традиционно наименее подверженных переменам политического климата. Семья, православная церковь, литература и правосудие — вот наиболее благодатные предметы исследования для ученого, задавшегося целью понять общественное настроение этого периода и те изменения, которые оно претерпевало.

а) Семья

Радикальные взгляды на семью и отношения полов, доставшиеся в наследство от литературы западноевропейского романтизма, пропагандировались в работах русских революционеров в течение более чем полувека. Тайно распространявшаяся прокламация «Молодая Россия» была написана в 1862 г. На нее часто ссылаются как на первый манифест, призывающий к отмене брака как «явления в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов»¹⁰ и указывающий на то, что освобождение женщин требует передачи обязанностей по заботе о детях и их воспитанию в руки государства. Официальная партийная точка зрения, которую большевики разделяли с другими марксистскими партиями, была основана на положениях, содержащихся в работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой указывается, что «первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству», что женщины должны быть избавлены от домашних забот за счет организации общественных столовых и детских учреждений и что отдельная семья перестанет быть «хозяйственной единицей общества»¹¹. Этот чисто теоретический анализ экономических предпосылок равноправия полов не подсказал ни Марксу, ни Энгельсу никаких практических выводов. Тем не менее некоторые теоретики марксизма пошли дальше и высказывали предположение о том, что в коммунистическом обществе семья, являясь феодальным или буржуазным институтом, отомрет вместе с государством. Из этого следовало, что условием полного равноправия женщины и мужчины является освобождение жены и матери от домашнего труда и воспитания детей и передача этих обязанностей государству. Вторым условием является отказ от так называемой двойной буржуазной морали XIX века и утверждение новых норм в отношениях полов. Женщина урав-

нивалась в правах с мужчиной. «Удовлетворение половой потребности, — писал Бебель в своем фундаментальном труде «Женщина и социализм», — такое же личное дело каждого человека, как удовлетворение другой естественной потребности».¹² Иными словами, если вспомнить популярное в те годы сравнение, новая мораль не усматривала принципиальной разницы между половым актом и утолением жажды с помощью стакана воды. Однако хотя эти взгляды получили довольно широкое распространение, они не играли заметной роли в теории социал-демократии и ни в коей мере не повлияли на образ жизни ее лидеров, большая часть которых была в этом смысле безупречна по всем канонам тогдашней буржуазной морали. Это было характерно не только для РСДРП, но и для любой другой социал-демократической партии. Проблема взаимоотношения полов не нашла отражения ни в партийной программе 1903 г., ни в последующих партийных документах. Когда член партии большевиков Инесса Арманд в 1915 г. написала план брошюры по женскому вопросу, содержащий требование «свободы любви», Ленин резко осудил это положение, называя его буржуазной, а не пролетарской точкой зрения¹³.

Первые законодательные акты Советского государства о браке и семье, как и первые законы об экономике, по своей природе не были исключительно социалистическими, ибо под ними могли бы подписаться буржуазные радикалы во многих странах Западной Европы. Первый декрет обязывал всех вступающих в брак проходить через процедуру гражданской регистрации и тем самым отменял церковный брак, который прежде считался законным¹⁴. За ним последовал декрет, предусматривающий автоматическое расторжение брака по требованию одного или обоих супругов¹⁵. Осенью 1918 г. был принят детально разработанный кодекс о браке и семье, который закрепил данные положения. Наряду с этим кодекс предусматривал полное равенство полов во всех семейных делах, уравнивал в правах внебрачных и законнорожденных детей и тем самым делал первый шаг к тому, что впоследствии было принято именовать «фактическим» (гражданским) браком¹⁶. И наконец, в 1920 г. был принят декрет, разрешающий аборт в том случае, если их делают квалифицированные врачи в государственных клиниках, «пока моральные пережитки прошлого и тяжелые экономические условия настоящего еще вынуждают часть женщин решаться на эту операцию»¹⁷.

Однако, несмотря на то что законодательство о браке и семье не пошло дальше этого, сравнительно скромные достижения социализма в области отношений полов стали предметом широкого обсуждения и впервые приобрели практическое значение для текущей политики и повседневной жизни людей. Участие женщин в процессе производства, их равные с мужчинами права и обязанности из пункта партийной программы превратились в насущное требование времени, особенно в период экономической разрухи и гражданской войны. Расширение сети общественных столовых бы-

ло вызвано отнюдь не требованиями социалистической теории, а острой нехваткой продуктов питания. Серьезнейшая проблема беспризорных детей вынуждала безынициативных и загруженных другими делами чиновников заниматься организацией детских домов и колоний.

Что касается этого и других аспектов «военного коммунизма», то большевики всегда искали подтверждение правильности своих вынужденных действий, продиктованных чрезвычайным военным положением, в избитых постулатах старых социалистических программ и всегда находили его. В 1919 г. Ленин ратовал за то, чтобы создавались «образцовые учреждения, столовые, ясли, которые освободили бы женщину от домашнего хозяйства... Это труд чрезвычайно мелкий, не заключающий в себе ничего, что сколько-нибудь способствовало бы развитию женщины»¹⁸. По всей видимости, он разделял бытовавшее тогда мнение о том, что передача дела воспитания детей в руки государства необходима в силу целого ряда причин. В 1920 г. Ленин говорил Кларе Цеткин, что только так можно освободить женщину от домашнего рабства и зависимости от мужчин. Когда эти функции будут переданы государству, утверждал он, дети будут жить в лучших условиях, чем дома¹⁹. Такие высказывания отчасти шли вразрез с устоями тогдашней российской действительности. С одной стороны, традиционное бесправие поработенной женщины и эксплуатация детского труда в семьях русских крестьян и рабочих — эти символы русской нищеты и отсталости — не могли не отпугивать передовых людей России. С другой стороны, полигамная патриархальная структура семьи в азиатской части страны стала главным бастионом борьбы с революционными переменами. Даже в более развитых районах семейные отношения тормозили развитие революционного процесса. Так, в программе РКСМ, принятой в 1920 г., упоминается «консерватизм родителей», который наряду с «сильным влиянием попов и кулаков» создает неблагоприятные условия для воспитания крестьянской молодежи²⁰. Даже в 1924 г. Бухарин еще называет семью «самой консервативной твердыней всех гнусностей старого режима» и считает возможным порадоваться за юных пионеров, которые «ведут медленный подкоп» с целью разрушить традиционные семейные устои²¹. Отношение революции к семье следует рассматривать только как реакцию на положение дел в этой сфере до революции. Это касается утверждения равноправия полов и улучшения социального положения женщин, здесь достижения революции огромны и сомнению не подлежат.

Однако если оставить в стороне эти сознательные усилия по борьбе с пережитками старого режима, следует отметить, что череда таких событий, как мировая война, революция и гражданская война, оказала на семью и отношения полов такое же непредрешенное и разрушительное воздействие, как и на другие стороны общественной жизни. И здесь особым периодом был «военный коммунизм», и все, что в других условиях было бы названо неже-

лательным результатом хаоса, неразберихи и вседозволенности, задним числом оправдывалось и возводилось в ранг политики. Единственным заметным деятелем большевизма, принявшим эту теорию и сделавшим на ее основе радикальные выводы, оказалась Александра Коллонтай, которая утверждала, что устойчивый брак является атрибутом буржуазного общества, отражающим большое значение отношений собственности, и что «для рабочего класса большая «текучесть», меньшая закреплённость общения полов вполне совпадают и даже непосредственно вытекают из основных задач данного класса»²². В широко распространявшейся брошюре периода гражданской войны Коллонтай служила панихиду по семье следующим образом: «Семья перестает быть нужной. Она не нужна государству потому, что домашнее хозяйство уже не выгодно государству, оно без нужды отвлекает работников от более полезного, производительного труда. Она не нужна самим членам семьи потому, что другую задачу семьи — воспитание детей — постепенно берет на себя общество». В будущем «...сознательная работница-мать должна дорасти до того, чтобы не делать разницы между твоими и моими, а помнить, что есть лишь наши дети, дети коммунистической трудовой России»²³. В популярных рассказах и повестях, вышедших из-под пера Коллонтай, высмеиваются буржуазные пережитки прошлого и проповедуется полная свобода половых отношений с учетом того, что ответственность за последствия ложится на плечи государства. Позднее Бухарин вспоминал времена, когда казалось очень революционным плевать на чувство стыда в половых отношениях, чем выражался протест против слепых предрассудков общества, против так называемого семейного закона и унижения женщин²⁴.

Такие взгляды никогда не получали официального одобрения партии. Особенно резко выступал против них Ленин. В 1920 г. в беседе с Кларой Цеткин он критиковал «знаменитую теорию, согласно которой удовлетворить половые желания, любовь так же просто и незначительно, как выпить стакан воды». Он говорил, что эта совершенно немарксистская и к тому же антиобщественная теория просто делает молодежь безумной²⁵. Однако в условиях гражданской войны, когда партии надо было найти теоретическое обоснование определенного ослабления норм поведения в отношениях полов, теории Коллонтай были достаточно популярны в среде партийцев²⁶.

Эта популярность стала падать в новой обстановке, которая сложилась в стране после гражданской войны и перехода к НЭПу. Недавно принятые законы о браке и разводе остались в силе, ибо действительно принадлежали скорее к буржуазному, чем социалистическому этапу революции. Что же касается Коллонтай, то ее авторитет был резко подорван в связи с ее принадлежностью к «рабочей оппозиции», которая в марте 1921 г. подверглась суровой критике на X съезде партии²⁷. Теории семьи и отношений полов, ярким приверженцем которых была Коллонтай, по-

степенно уступали место более умеренным и общепринятым взглядам. Уже на V съезде РКСМ в октябре 1922 г. Бухарин выступал против «некоторой анархии в области правил поведения», обращая внимание на распушенность в области отношений полов, чрезмерное увлечение алкоголем и табаком. Съезд принял резолюцию, осуждающую эти пагубные пристрастия²⁸.

В 1923 г. Троцкий провел конференцию партийных работников, которая обозначила явный возврат к традиционным представлениям о роли семьи в обществе. «Тезисы тов. Коллонтай» подверглись критике, так как «там нет... вопросов ответственности отца и матери перед ребенком». Они вели к оставлению детей родителями — явлению, вырвавшему в Москве в серьезную проблему. Из-за того, что «мы неправильно поняли понятие «свободная любовь»», члены партии в период гражданской войны бросали детей, нисколько не заботясь о том, что с ними будет потом. Партийное учение поощряло рабочих к разводам. Женщины — члены партии ради партийной работы пренебрегали своими обязанностями жен и матерей; с другой стороны, бывали случаи, когда по настоятельному требованию мужей женщины расставались с партийными билетами²⁹. По-прежнему проповедовалась теория Энгельса об освобождении женщин от домашнего труда и вырождении «индивидуальной семьи». Впрочем, эта проповедь носила чисто декларативный характер и все больше отдалялась от реального положения дел и общественного мнения³⁰. Даже интенсивное вовлечение женщин в производство в конце 20-х годов не уменьшило этого отрыва теории от практики; развитие советской семьи продолжалось традиционными путями.

Не заставили себя ждать и другие симптомы возвращения к общепринятым нормам. В 1924 г. под огнем критики все чаще оказывалось еще одно завоевание революции — легализация абортов. В докладе Центральной контрольной комиссии РКП(б) Ярославский, оговариваясь, что партия — это не монашеская секта и что она не намерена проповедовать «поповскую мораль», тем не менее назвал статистические данные об абортах в Москве и Ленинграде «ужасающими», хотя они и были ниже соответствующих показателей в буржуазных странах³¹. В статье, опубликованной в 1925 г. Наркомздравом РСФСР, предпринимается характерная попытка примирить старые общепринятые представления с формальным признанием коммунистических теорий. В связи с этим Семашко писал: «Конечно, идеально было бы, если бы государство взяло на себя регулировать все последствия половой жизни (воспитание детей и т. д.)». Но так как это было нереально, он мог только рекомендовать «сублимацию» (это слово напечатано в кавычках в качестве робкой ссылки на сомнительный авторитет Фрейда) половых инстинктов в общественной работе. Семашко заключил как «бабушкины сказки» мнение о том, что воздержание вредно; а активная половая жизнь — полезна для здоровья. «...Топи половую энергию в общественной работе. Хочешь решить половую

проблему — будь общественным работником, товарищем, а не **самцом и самкой**»³².

На XIV съезде партии в декабре 1925 г. Бухарин осудил возникновение среди молодежи «упадочных и полухулиганских кружков — «долой невинность», «долой стыд»³³. Ему вторил печатный орган РКСМ «Молодая гвардия», который повел широкое наступление на ереси Коллонтай³⁴.

Важным фактором изменения первоначальных взглядов на семью стало такое социальное зло, как беспризорные дети. В результате революции и гражданской войны в стране появилось огромное число детей, которые остались сиротами или как-то иначе потеряли родителей. Бездомные, никому не нужные, лишенные средств к существованию, они целыми ватагами скитались по городам и весям, питаясь чем попало и становясь на путь преступлений и насилия. После смерти Ленина ВЦИК объявил об учреждении в память о нем ленинского фонда с целью помочь «бездомным» детям, в особенности жертвам гражданской войны и голода³⁵. Началась шумная кампания в печати. Через шесть месяцев, в июле 1924 г., фонд получил бюджетные отчисления в объеме 50 млн. рублей; предполагалось, что еще 50 млн. рублей поступят за счет добровольных пожертвований и местных налогов³⁶. До этого власти видели выход из создавшегося положения лишь в организации казенных детских домов, где беспризорные дети должны были обучаться какому-нибудь ремеслу. Однако скоро эти дома стали пользоваться незавидной репутацией. В то время об этом говорил Бухарин: «Если бы вы прочитали когда-нибудь, в каком положении у нас находятся «педагогические учреждения», где находятся беспризорные, у вас волосы встали бы дыбом»³⁷.

Если Луначарский, который в качестве наркома образования РСФСР отвечал за детские дома, признавал, что они безнадежно переполнены, не отвечают предъявляемым требованиям и не имеют средств для приобретения одежды для детей и оборудования для их обучения, то местные власти в провинции жаловались на то, что детдома уже поглотили львиную долю их бюджета. Проблема казалась неразрешимой. Те, кто занимался ею, оказались в положении «белки в колесе»³⁸. В августе 1924 г., когда плохие виды на урожай вызвали угрозу роста числа беспризорных детей, Рыков подверг критике всю политику правительства в этой области на заседании ЦК партии: «В детских домах мы воспитываем лодырей, которые не умеют работать и будут в дальнейшем ложиться обузой на государство. Для того чтобы предотвратить это, нужно принять меры к тому, чтобы не было этой оторванности детей от всякой производительной работы, и к тому, чтобы не увеличивалось количество беспризорных детей, и поэтому мы дали директиву в неухоженные районы — избегать увеличения населения детских домов за счет детей, которые имеют семью. В тех же случаях, когда семья не в состоянии прокормить ребенка, лучше

помогать семье, чем брать ребенка и кормить его в детском доме»³⁹.

Статья 183 первого кодекса о семье 1918 г. недвусмысленно запрещала брать на воспитание приемных детей. Обычно это удивительное положение объясняли тремя совершенно разными причинами: нежеланием открывать дверь искусственному росту членов крестьянских хозяйств, ведущему к гребованию большей доли при получении земельных наделов; опасением, что приемные дети будут служить ширмой для эксплуатации детского труда; верой в то, что сиротам лучше живется в государственных учреждениях⁴⁰. Через два месяца после выступления Рыкова Луначарский официально объявил о политике «раздачи детей населению»⁴¹. К осени 1925 г. многие городские бездомные дети поселились в крестьянских домах⁴². По скромным подсчетам официальной статистики, специально созданная комиссия пристроила таким путем в 1924 г. 55 тыс. детей, в 1925 и 1926 гг. — 75 и 85 тыс. детей соответственно⁴³. По мере того как гражданская война становилась достоянием истории и жизнь входила в нормальное русло, проблема бездомных детей постепенно трансформировалась в более естественную проблему занятости молодежи, хотя в некоторых районах страны для ее решения потребовались колоссальные усилия⁴⁴. Теперь стало совершенно ясно, что идея создания обширной системы детских домов для воспитания подрастающего поколения была при тогдашних экономических условиях утопией⁴⁵. Забота о детях опять помещалась в традиционные рамки восстановления семьи. В ноябре 1925 г. один из выступавших на заседании ЦИК РСФСР заявил, что государство не может не быть заинтересовано в институте брака, ибо «из устойчивости брака вытекает ряд последствий, имеющих, несомненно, общественное значение», и что корни проблемы беспризорных детей следует искать в том, что «семья... разваливается»⁴⁶.

Заслуживает внимания один особый аспект возвращения к более традиционным взглядам на семью и брак. Отчасти оно было вызвано переменой настроения в народе, вызванной охлаждением революционного пыла. Но, помимо этого, менялся удельный вес общественного мнения в городе и общественного мнения в деревне. «Передовые» взгляды первых дней революции и соответствующие им действия в большей степени выражали интересы городского населения, нежели населения всей страны, скорее интересы партии, чем широких масс. Даже если бы мы имели точные данные по этому вопросу, их оценка была бы для нас делом непростым. Согласно статистике разводов, за последние три месяца 1924 г. их было семь на 10 тыс. населения в крупных городах, три — в небольших городах и два — в деревне⁴⁷. Острые дискуссии в ЦИК РСФСР в 1925—1926 гг. по поводу предложения уравнивать юридические последствия «фактического» и зарегистрированного брака⁴⁸ выявили резко отрицательное отношение к этому со стороны крестьян (чего почти не наблюдалось в городской среде), которые

стояли за то, чтобы сохранить все права и обязанности, вытекающие из традиционного брака, и даже за то, чтобы ограничить свободу разводов. На сессии ВЦИК одна из делегатов ясно изложила точку зрения крестьян по этому вопросу: «Деревня стоит за то, чтобы того развала... какой у нас существует в городе в брачных отношениях, не допустить в деревне. Кто у вас комплектует беспризорных?.. Деревня? Извините, город. Что будет, если 85% населения — крестьянства — будет заниматься теми же вещами, какими вы занимаетесь в городе? Мы потонем в этом хаосе. Я думаю, что регистрация спасет от того развала, к которому деревня идет... На крестьянина суд действует»⁴⁹.

Ограничение права на развод было принято много лет спустя. И все же НЭП, представляя собой реакцию деревни на процессы, происходившие в городе, явился в известной степени противовесом революционному догматизму и важным голосом в пользу традиционного образа жизни в условиях России⁵⁰.

б) Православная церковь

Большевистская революция застала русскую православную церковь в момент внутреннего кризиса. Крушение монархии послужило толчком к зарождению движения за восстановление патриаршества, упраздненного Петром Великим. Сторонники патриаршества утверждали, что это жизненно важно для нормального функционирования церкви; их оппоненты возражали, полагая, что это несовместимо с духом православия, которому чуждо любое папство, и что хранителем истинной веры является сама огромная масса верующих. Священный синод, собравшийся в августе 1917 г. в самый разгар революции, незначительным большинством принял решение о восстановлении патриаршества. В период между 5 и 18 ноября 1917 г., по сути дела еще до установления новой революционной власти в Москве, синод волею жребия определил патриарха из числа трех кандидатов, избранных путем голосования. Им стал Тихон, митрополит Московский и Коломенский⁵¹. Столкновение церкви с большевиками было неизбежно. После того как Тихон предал анафеме узурпаторов, был издан декрет об отделении церкви от государства и национализации церковного имущества⁵². Церковь не запрещалась законом. Конституция РСФСР, принятая в июле 1918 г., гарантировала «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды». Программа партии, принятая в 1919 г., предусматривала борьбу с религией с помощью народного образования и пропаганды, но не закона и даже предлагала обращаться с церковью с известной мерой осторожности: «РКП руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков. Партия стремится к полному разрушению связи

между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма»⁵³.

Однако опыт гражданской войны привел к усилению антицерковных тенденций. Как писал в то время Троцкий, религия рассматривалась как «главное духовное оружие буржуазии»⁵⁴. Гонения приняли массовый характер. Участились случаи убийства священников, многие церковные здания были отобраны государством. И все же степень ожесточенности этой борьбы в разных районах страны была различной и зависела от точки зрения и личных качеств представителей местных властей и местного священника. Известен случай, когда в 1919 г. представители нескольких сельских Советов встретились с партийцами местной ячейки для выбора совета местной приходской церкви и ходатайствовали об освобождении регента церковного хора от военной службы в связи с тем, что замену ему найти невозможно. Есть сведения о том, что подобные случаи веротерпимости были довольно часты⁵⁵. Репрессивные меры советских властей, направленные против церкви в первые послереволюционные годы, носили скорее стихийный и эпизодический, чем последовательный и продуманный характер.

С окончанием гражданской войны и переходом к НЭПу отношение властей к церкви поначалу не изменилось. В конце 1921 г. Советское правительство обратило внимание на утварь, принадлежавшую церкви. Было решено сгруппировать эти предметы по трем категориям: имеющие историческую и художественную ценность; имеющие материальную, но не имеющие исторической или художественной ценности; и обиходные предметы. Их перемещение без ведома музейной администрации было запрещено⁵⁶. 16 февраля 1922 г. в разгар голода, который свирепствовал всю зиму, правительство издало декрет, согласно которому «все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа», подлежали передаче в Наркомфин и продаже за границу в пользу голодающих. За декретом последовали указания, из которых явствовало, что золотые и серебряные сосуды, используемые при богослужении, также подлежат изъятию⁵⁷.

Тихон призвал верующих к сопротивлению властям. Во многих районах правительственные решения не выполнялись. Советская печать широко освещала вспыхнувшие бунты, которые сопровождались жертвами и арестами⁵⁸. Многие священники оказались на скамье подсудимых, некоторые были приговорены к смертной казни. Наконец, был арестован сам Тихон. Эти события происходили под аккомпанемент пропагандистской кампании, которая оправдывала правительственные меры и обвиняла церковь в сговоре с зарубежной контрреволюцией и попытке использовать голод в каче-

стве орудия свержения Советской власти. В партийной печати большое внимание заняла антирелигиозная тематика. Весной 1922 г. было организовано издательство для выпуска ежемесячного журнала «Безбожник», который включился в широкую кампанию по дискредитации церкви⁵⁹; празднование православного рождества 1922 г. послужило предлогом для проведения шумных антирелигиозных мероприятий⁶⁰. Всю зиму продолжались процессы над священниками, которых обвиняли в саботаже. Часто суды заканчивались вынесением смертного приговора — правда, в исполнение его приводили реже. В марте 1923 г. процесс над группой католических епископов и священников и казнь одного из них вызвали волну протеста во всем мире; упоминание об этом процессе содержится в ультиматуме Керзона⁶¹.

Одновременно с этой кампанией происходили другие, не менее важные события. Группа священников, недовольных возвратом к патриаршеству и выступавших лично против Тихона, заявила о том, что она представляет современные обновленческие тенденции в церкви. Члены группы опубликовали письмо, осуждающее Тихона за отказ сдавать государствену церковные ценности. Публикацию этого письма в советской печати⁶² следует считать моментом зарождения нового течения, которое явно пользовалось поддержкой властей. В начале мая 1922 г. был основан журнал «Живая церковь», пропагандировавший цели нового течения. Несколько дней спустя манифест этой группы был опубликован в «Известиях»⁶³. В манифесте руководители традиционной православной церкви обвинялись в заговоре против гражданских властей; обновленцы требовали наказания контрреволюционно настроенных епископов; одновременно они обращались с просьбой к Советскому правительству разрешить созыв синода, решения которого должны были упорядочить внутрицерковные дела. В конце мая 1922 г. руководители нового движения, утверждавшие, что они получили что-то вроде временных полномочий от находившегося в тюрьме Тихона (этот факт позднее оспаривался), созвали в Москве поместный собор, переименовали церковь в «живую церковь» и заменили патриарха на «высшее церковное управление»⁶⁴. В августе 1922 г. в Москве проходил собор «Живой церкви», целью которого было укрепление позиций нового течения и подготовка наступления на приходы и на священников, остававшихся верными патриаршеству вообще и Тихону в частности. Представителей собора принял Калинин⁶⁵. Накануне его открытия был издан декрет, согласно которому «общества и союзы, не преследующие цели извлечения прибыли», должны были пройти регистрацию советскими властями; в противном случае их деятельность прекращалась⁶⁶. Это создавало предпосылки, для того чтобы развернуть шумную кампанию с целью лишить сторонников Тихона легального статуса и передать их церковные и другие здания ставленникам «Живой церкви». Обстановка в обоих лагерях накалилась до предела. «Живая церковь» открыто осуждалась сторонниками Тихона, которые на-

звали ее орудием Советского правительства, а руководителей нового движения обвиняли в организации и поддержке кампании преследования верующих.

Значение этих событий состоит в том, что они были первым официальным признанием церковных органов со стороны Советского государства. Троцкий окрестил эту новую политику «НЭПом церковным». Такое довольно надуманное сравнение было основано на том, что, хотя социализм и не имеет абсолютно ничего общего с религией, уступки, аналогичные тем, которые были сделаны капиталистам при НЭПе, можно распространить и на группу, которая — подобно протестантам на Западе — намерена совершить буржуазный, капиталистический и вроде бы рационалистический переворот против наиболее одиозных предрассудков старой феодальной церкви, то есть сделать «буржуазную прививку к феодальному стволу»⁶⁷. Тем самым деятели «Живой церкви» оказались в положении нэпманов и кулаков, которые рассматривались как элементы преимущественно буржуазные и в принципе чуждые, но в течение некоторого времени способные быть полезными для новой власти.

Сравнение новой политики в области религии с НЭПом справедливо в одном отношении: и то и другое представляло собой своеобразную реакцию на необоснованный оптимизм первых лет революции, когда казалось возможным покончить с капитализмом и церковью одним ударом. Так же, как понадобились уступки продавцам и покупателям товаров, возникла необходимость в завоевании определенного расположения той части населения, которая по-прежнему нуждалась в церкви. Революция не смогла одним махом упразднить религию. Даже среди рабочих старые обычаи были очень живучи, что приводило к самым разнообразным компромиссам. Как свидетельствует один современник, «икон у рабочих много, вновь он их едва ли уже когда купит, но старые бросать еще не особо намерен». Другой утверждает, что рабочий «в церковь не ходит, «Безбожник» читает, а крестить ребенка попа зовет («на всякий случай»); исповедоваться не идет, а как помирать — за попом посылает»⁶⁸. Третий полагает, что русский народ в большинстве своем не набожен, но до сего времени церковь была единственной доступной ему формой отвлечения: «Теперь, когда некоторые беспартийные ходят в церковь, то они ходят только потому, что нечем заполнить пустоту. Он отрицает бога, но вместе с тем идет в церковь. Почему он идет? Потому что мы вдребезги разбили прежнее, а на осколках ничего не создали. И нам, коммунистам, надо создать что-то новое»⁶⁹. Среди жителей деревни, особенно среди женщин, позиции церкви вообще остались незыблемыми. Нападки на религию в деревне обычно вызывали неодобрительную реакцию, и партийным работникам неоднократно напоминали о необходимости не увлекаться ими.

«Живая церковь», которая образовалась в результате раскола традиционной русской церкви, сама оказалась склонной к деле-

нию и уже в первый год своего существования разделилась на «Церковное возрождение» и «Союз общин древнеапостольской церкви». Однако общего неприятия патриаршества и общей надежды на поддержку со стороны Советского правительства оказалось достаточно для сосуществования всех трех групп, которые были представлены на заседании Святейшего синода в мае 1923 г. Собравшиеся начали с определения своего отношения к Советской власти: «Мы признаем справедливость социальной революции и видим в Советской власти силу, ведущую мир к братству, равенству и миру между народами. Мы осуждаем контрреволюцию и считаем анафему патриарха Тихона недействительной». Синод недвусмысленно осудил патриаршую церковь, объявил о лишении Тихона его сана, упразднил патриаршество и создал Высший совет русской православной церкви, распустил монастыри и утвердил различные реформы (разрешил епископам вступать в брак и ввел григорианский календарь)⁷⁰. Корреспондент «Известий», подписавшийся «Безбожник», указывал, что устами «красных батюшек» поется ныне похоронная по тихоновской церкви⁷¹.

В какой-то момент могло показаться, что «Живая церковь» и примкнувшие к ней группы одержали полную победу, которая, однако, оказалась переломным моментом. Советская власть не имела ни малейшего желания безоговорочно доверять своим новоиспеченным союзникам. Остается только гадать о том, какие именно причины вызвали этот новый поворот в политике государства. «Живая церковь» не смогла завоевать русского крестьянина, который испокон веков был привязан к старым религиозным формам. Поэтому не случайно перемена отношения к церкви совпала с тем временем, когда партия особенно заботилась о смычке пролетариата с крестьянством, а на партийном съезде шла речь как раз об опасности задеть религиозные чувства верующих⁷². Репрессивные меры, направленные против Тихона и патриаршей церкви, имели широкий резонанс за границей, где «Живая церковь» рассматривалась как послушное орудие правительства и не имела никакой поддержки. После ультиматума Керзона, когда в стране все более популярной становилась политика уступок, более приемлемый с точки зрения внешнего мира курс казался привлекательным. Стало понятно, что цели, преследуемые правительством, могут быть достигнуты уже не путем взаимодействия с «Живой церковью», а посредством такого же компромисса с Тихоном и патриаршей церковью. Теперь, после года гонений и преследований, эта задача не была столь уж неразрешима. Судебный процесс над Тихоном несколько раз откладывался. 26 июня 1923 г. Тихон подписал признание во «враждебности к советским властям и антисоветской деятельности», заявив, что выдвинутые против него обвинения и понесенное наказание соответствуют действующему уголовному законодательству. Он раскаялся в своих действиях и обратился к правительству с просьбой об освобождении: «Я отныне

Советской власти не враг... Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции»⁷³. Раскаявшийся патриарх был освобожден и вернулся к выполнению своих обязанностей в соответствии с возложенным на него саном. Было ясно, что подтверждение лояльности Советской власти развязывало Тихону руки для борьбы с «Живой церковью»⁷⁴. Через две недели после освобождения он выступил с публичным заявлением, в котором перечислил руководителей «Живой церкви» поименно, осудил их деятельность и назвал «ложью и обманом» их утверждения о том, что в мае 1922 г. они действовали будто бы от его имени. После этого патриарх призвал всех обманутых «вернуться в спасительное лоно единой церкви»⁷⁵. Некоторые идейные вдохновители «Живой церкви» переметнулись к Тихону. Остальные опальные церковники объединились в отдельную церковь и переименовали высший церковный орган в Святейший синод русской православной церкви⁷⁶.

Таким образом, Советское правительство заняло позицию нейтралитета. Диссидентская церковь, которая получила название синодальной, а деятелей которой стали именовать обновленцами, с тех пор стала существовать параллельно с традиционной, патриаршей церковью; правда, существовала она уже в ослабленном виде и без явной поддержки со стороны властей. От режима исключительно светского не приходилось ждать никаких уступок. Так, помимо прочего, сельским Советам вменялся в обязанность «надзор за правильным соблюдением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁷⁷. Тем не менее, несмотря на продолжение атеистической пропаганды, власти прекратили преследование патриаршей церкви, которая была признана настолько, насколько вообще церковь может быть признана государством, идеология которого базируется на отрицании религии. Период с 1923 по 1925 г., когда во главу угла был поставлен вопрос о завоевании на свою сторону крестьянина, был также периодом наибольшей терпимости советских властей к патриаршей церкви. Под руководством Тихона церковь придерживалась такой же политики в отношении государства. 7 апреля 1925 г. Тихон умер. Похороны 80-летнего патриарха вылились в крупную демонстрацию верующих, которую советские власти восприняли с показным спокойствием и о которой писали советские газеты⁷⁸. Несколькими днями позже в печати был опубликован текст воззвания Тихона к верующим, якобы подписанный им за несколько часов до кончины и призывающий их «быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок... с новым государственным строем»⁷⁹. Обстоятельства публикации вызывали сомнения в подлинности этого документа. Тем не менее его содержание не противоречило политике, которую проводил Тихон с 1923 г. Терпимость государства по отношению к национальной церкви целиком зависела от признания цер-

ковью светского характера власти. Во взаимоотношениях между революционным режимом и старейшим русским национальным институтом установился модус вивенди.

в) Литература

До революции отношение партии к литературе оставалось неясным. В разгар революции 1905 г. ослабление цензуры побудило Ленина написать статью «Партийная организация и партийная литература», которую в дальнейшем много и неверно истолковывали. В этой статье Ленин в известной степени настаивает на том, что литература по своему характеру должна быть партийной: «...для социалистического пролетариата литературное дело не может быть... индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса»⁸⁰. Ленин предвидел яростные возражения «какого-нибудь интеллигента, пылкого сторонника свободы», убежденного в том, что нельзя допустить «подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество». Помимо утверждения о том, что так называемая свобода буржуазного писателя — не что иное, как миф, в статье имеется указание на то, что речь идет только о «партийной литературе и ее подчинении партийному контролю». Предполагалось, что все те, кто находится вне партии, вольны писать все, что угодно, «без малейших ограничений». С другой стороны, и партия вольна исключить из своих рядов всякого, кто поддерживает антипартийную точку зрения. Позже высказывалось мнение о том, что Ленин, дескать, в данной статье вел речь исключительно о политической литературе, а отнюдь не о художественной. Это в корне неверно. Верным же здесь является то, что ни Ленин, ни любой другой партийный деятель в 1905 г. не представляли себе ситуацию, в которой партия будет иметь желание или возможность устанавливать монополию на выпуск литературной продукции. Ленин считал, что литературные дарования членов партии, равно как и все другие их таланты, должны служить делу партии, и все, что выходит из-под пера члена партии, должно соответствовать партийной линии. Однако он допускал, что непартийная, то есть свободная от таких обязательств и ограничений, литература имеет право на существование и публикацию⁸¹. Любитель русской классики, Ленин тем не менее не имел собственной теории литературы. Даже когда он садился за статьи о Герцене и Толстом, его более интересовала социальная значимость произведений этих авторов, нежели их ли-

тературные достоинства. Чисто литературные проблемы и споры Ленина не занимали.

Ко времени революции 1917 г. ядро литературной жизни России составляли несколько школ или течений, теоретические платформы которых — какими бы различными они ни представлялись — были сходны в одном: все они восставали против канонов русской литературной критики XIX века, которая полагала, что литература должна быть манифестом передовой общественной мысли, а сама критика — служить орудием идейного анализа и оценки. Новые школы объединяло предпочтение формы содержанию. Литераторы играли в слова, а эстетствующие критики занимались в основном поисками новых способов самовыражения. Такой подход объединял совершенно разнородные группировки символистов, акмеистов, ритмистов, футуристов и, наконец, формалистов, которые выделились в самостоятельное движение лишь в 1916 г. Все они претендовали на роль авангарда в литературе; отдельные представители этих группировок приветствовали революцию. Александр Блок, принадлежавший к символистам и отдавший свои политические симпатии эсерам, создал две знаменитые поэмы, в которых открыто говорил о своем признании революции. Формалисты гордились тем, что творили в «революционной» манере. Самые веские основания причислять себя к революционерам были у футуристов: во-первых, они всегда относились к буржуазии и буржуазной цивилизации не иначе как с насмешкой и негодованием; во-вторых, именно из их среды вышел Маяковский — большой поэт, ощущавший духовное родство с большевизмом или по крайней мере с бунтарской стороной его идеологии. Маяковский не только писал и читал с эстрады свои многочисленные первоклассные, полные высокой революционной риторики стихи, но и поносил все буржуазное искусство прошлых и нынешних времен в беспощадных выражениях⁸². В период между 1917 и 1920 гг., когда в обычном процессе создания и публикации литературных произведений наступила пауза, а единственным доступным средством творческого самовыражения стали кое-какие отдельные стихотворения, революция нашла в Маяковском своего глашатая.

И все-таки трудно было понять, какое место идеи футуризма или формализма — как бы высоки ни были их творческие достижения — могут занимать в марксистских теоретических построениях или как они могут быть поставлены на службу интересам рабочего класса⁸³. Поэтому некоторые деятели большевизма с самого начала полагали, что диктатура пролетариата должна дать толчок развитию своих литературных течений и способов творческого самовыражения. До революции с этими идеями выступал Богданов, большевик, имевший собственную платформу, основавший в 1909 г. на Капри партийную школу совместно с Горьким и Луначарским и скрестивший меч с Лениным в небезызвестном философском диспуте. В 1910 г. он вызвал неодобрение Ленина тем, что ратовал за создание новой пролетарской культуры и при-

зывал «развивать пролетарскую науку... вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта»⁸⁴. Однако всерьез никто не помышлял о проведении в этих вопросах партийной линии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что позже Богданов появляется на арене в качестве вдохновителя новой Организации представителей пролетарской культуры, известной как Пролеткульт. Эта организация была создана накануне революции более или менее независимо от партии и пользовалась покровительством Луначарского, старого соратника Богданова, а теперь наркома просвещения⁸⁵. В первые месяцы революции и особенно во время гражданской войны Пролеткульт пополнял свои ряды многими энтузиастами-рабочими, создавал сеть своих организаций на местах, поддерживал пролетарских поэтов, основывал журналы с целью популяризации пролетарской литературы и вообще выполнял большую работу по поддержанию культурной жизни в стране и привитию культуры рабочим. По сути дела, Пролеткульт как таковой не был литературным течением. Однако в начале 1920 г. от него отделилась группа пролетарских писателей, называвших себя «Кузницей», тем самым подчеркивая сходство литературы с рабочей мастерской. Эта группа опубликовала манифест, в котором назвала свою платформу «красным флагом пролетарского искусства». В мае 1920 г. состоялось первое совещание пролетписателей «Кузницы», собравшее 150 ее сторонников. В октябре 1920 г. этой группе удалось организовать и провести Всероссийский съезд пролетарских писателей, на котором была основана Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП)⁸⁶.

Взгляды идейного вождя Пролеткульта Богданова представляли собой стройную систему. Он исходил из того, что диктатура пролетариата развивается по трем параллельным, но тем не менее разным направлениям: политическому, экономическому и культурному. Ее главным политическим органом является партия, экономическим — профсоюзы, а культурным — Пролеткульт. Литература, подобно политике и экономике, носит классовый характер, но стоит несколько особняком; следовательно, Пролеткульт никоим образом не должен быть подчинен партии. Богданов заходил еще дальше, утверждая, что Пролеткульт, будучи организацией исключительно пролетарской, стоит на более передовых позициях, чем партия, которая в качестве политической организации вынуждена идти на союз с мелкобуржуазным крестьянством. Пролетарских же писателей он именовал прямыми социалистами, что впоследствии неоднократно ставили ему в упрек его оппоненты. Тем самым Пролеткульту отводилась почетная роль правофлангового революции. В отличие от футуристов Богданов не занимался развенчанием культуры прошлого, а считал, что рабочий класс способен принять у нее эстафету и усвоить ее самостоятельно, без подсказок буржуазных писателей. В этом смысле его позиция совпадала с мнением сторонников рабочего контроля в промышлен-

ности, которые выступали против привлечения к работе старых специалистов⁸⁷.

В годы гражданской войны вдохновители Пролеткульта и их сподвижники оставались в фаворе отчасти потому, что сама политическая атмосфера того времени способствовала укреплению наивной веры во все пролетарское, отчасти потому, что у вождей революции хватало времени только на то, что было непосредственно связано с ее выживанием⁸⁸. Однако отрицательное отношение Ленина к идеям Богданова никогда не вызывало сомнений. Ленин был твердо уверен в том, что искусство и литература, являясь — в соответствии с марксистскими представлениями — составной частью надстройки, не могут рассматриваться отдельно от экономики и политики, то есть от социального базиса. Отнюдь не открывая ничего нового, Ленин полагал, что культура неизбежно вторична и что «... культурная задача не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные»⁸⁹.

Претензии Богданова на автономию и признание литературы в качестве движущей силы диктатуры пролетариата попахивали идеализмом. Его утверждения относительно того, что рабочий класс достаточно созрел, чтобы принять из рук буржуазии старую культуру и развивать ее дальше без чьей-либо помощи, были такими же самонадеянными, как и другие утопии периода «военного коммунизма». Обращение к пролетарским писателям как к «прямым социалистам» явилось ярким примером перепрыгивания через ступеньки, которое явно противоречило теории революции Маркса. Уже в 1919 г. Ленин заявил о том, что он «с беспощадной враждебностью» относится «ко всяким интеллигентским выдумкам, ко всяким «пролетарским культурам»»⁹⁰.

Едва положение на фронтах улучшилось и впереди забрезжила победа, Ленин мгновенно находил возможность вновь обрушиться на богдановские теории. Выступая в октябре 1920 г. на съезде комсомола, он подчеркивал: «Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества». Он напомнил делегатам, что Маркс создал свое учение путем скрупулезного анализа капиталистического общества, «при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука». Далее Ленин дал свое определение понятия «пролетарская культура»: «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»⁹¹.

По распоряжению Ленина Луначарский должен был выступить на проходившем в том же месяце съезде Пролеткульта, чтобы поставить эту организацию на место, указав на то, что она яв-

ляется одним из подразделений Наркомпроса и не обладает независимым статусом и соответствующими полномочиями. Луначарский же не выполнил этого поручения, заявив, что Пролеткульт должен стремиться сохранить свою самостоятельность, то есть сделал прямо противоположное тому, чего ждал от него Ленин⁹². Тогда Ленин вынес вопрос о Пролеткульте на обсуждение в ЦК, в результате чего был принят проект резолюции, последний пункт которой гласил, что съезд «самым решительным образом отвергает, как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации... устанавливать «автономию» Пролеткульта внутри учреждений Наркомпроса»⁹³. Провести эту резолюцию на съезде было поручено Бухарину и Покровскому, что они с успехом и сделали. Богданов был выведен из состава Центрального комитета Пролеткульта. Но хотя Пролеткульту так никогда больше и не удалось восстановить свой подорванный престиж, ВАПП перед лицом все более растущей оппозиции продолжал служить сомнительному делу пролетарской литературы.

1921 г. стал поворотным не только для экономики России, но и для ее литературы. Он был ознаменован зарождением новых взглядов на литературное творчество. Если НЭП означал отход от бескомпромиссного утверждения пролетарских принципов и соглашения с силами капитализма, то в области литературы это открывало дорогу признанию дореволюционных литературных ценностей и традиций. В феврале 1921 г. Советская Россия увидела зарождение нового литературного движения, в корне отличного от всех прежних новаторских исканий. Двенадцать молодых писателей явно непролетарского происхождения объединились в группу, назвавшую себя «Серapiоновы братья». Название это было взято из сказки Гофмана и должно было означать, что объединяла их не политическая платформа, а преданность искусству. Самым важным в их творчестве было то, что все они не только не отрицали наследие прошлого, но стремились следовать лучшим образцам русской и зарубежной классики. Себя они склонны были считать скорее носителями уже существующей литературной традиции, нежели создателями новой. В противовес футуристам и «Кузнице» они стояли на позициях преемственности. Среди «серapiоновых братьев» были те, кто позднее стяжал себе славу крупнейших советских писателей: Всеволод Иванов, Федин, Каверин, Никитин, Зощенко и литературный критик Шкловский, ранее примыкавший к формалистам⁹⁴. Их произведения в первый год существования объединения составили сборник «Альманах» и три выпуска журнала «Литературные записки». Но братство само по себе не оказало бы существенного влияния на литературную жизнь России, если бы его возникновение не совпало с новыми веяниями, которые появились в официальных взглядах на литературу. В 1921 г. было основано Государственное издательство (Госиздат), хотя до получения им монопольного права на издательскую деятельность

должно было пройти еще несколько лет. Еще более важным для этого периода шагом, знаменующим окончательный отказ от огульного отрицания дореволюционных традиций, было образование в Петрограде двух ежемесячных литературных изданий по типу старых «толстых» журналов. Один из них, под названием «Красная новь», впервые вышел в свет в мае 1921 г. под редакцией члена партии Воронского. Первоначально это был не чисто литературный журнал. В первом номере «Красной нови», кроме повести Всеволода Иванова «Партизаны», рассказывающей о событиях гражданской войны, была опубликована статья Ленина в поддержку НЭПа «О продналоге», а также статьи Радека и Крупской. Но главным все же была беллетристика. Чем больше появлялось новых имен, чем сильнее литературные вкусы читателей тяготели к традиционным образцам, тем более значительным становился литературный раздел журнала. Основное место в последующих номерах отводилось художественной прозе, разбавленной стихами и мемуарами. Среди тех, кто на страницах этого журнала снискал себе славу новых литературных светил, были Бабель, Пильняк, Всеволод Иванов, Катаев и Федин.

Вторым «толстым» журналом был литературно-художественный и критико-библиографический ежемесячник «Печать и революция», в редколлегию которого входили Луначарский и стоявшие на марксистских позициях историк Покровский и литературный критик Полонский. По своему основному направлению это издание не отличалось от «Красной нови» и было обращено к тому же читателю; однако в нем уделялось меньше внимания текущей литературной продукции.

Литераторы, имена которых значатся в списке авторов этих «толстых» журналов, занимали в советском обществе вполне определенное место. НЭП, суть которого заключалась не в отрицании и уничтожении капиталистических форм, а в их приспособлении к делу построения социализма, распространялся и на область литературы. Даже во времена «военного коммунизма» использование буржуазных элементов сначала в качестве военных специалистов, а позднее в качестве специалистов по административно-хозяйственным вопросам и управлению промышленностью дало положительный эффект; в период НЭПа эта практика приобрела еще более массовый характер. И разумеется, трудно было возражать против того, чтобы поставить на службу существующему режиму перья буржуазных литераторов, лояльно настроенных по отношению к новой власти и пожелавших работать под ее началом. В ходе дискуссии, позднее разгоревшейся вокруг их произведений, Троцкий дал этим писателям определение, ставшее крылатым: «...не художники пролетарской революции, а ее художественные попутчики»⁹⁵.

Эти «попутчики» в большинстве своем были молодыми людьми двадцати-тридцати лет. Пришедшие в литературу вместе с революцией, не обремененные дореволюционным опытом, они, несмотря на отсутствие коммунистических убеждений, восприняли эту ре-

волюцию скорее как факт русской истории. В своих лучших романах, начиная с фединской книги «Города и годы» (1924), они бились над проблемой восприятия революции и ее ценностей молодым буржуазным интеллигентом. Секрет их популярности состоял в том, что в их произведениях революционная тематика была облечена в традиционные литературные формы. В этом смысле они не порывали с русской литературной традицией; их творчество противостояло как пролетписателям, задавшимся целью создать особый вид литературы — пролетарскую, так и новаторам стиля, которые, подобно футуристам или формалистам, отрицали старые творческие методы и литературные приемы как безнадежно устаревшие. Их книги были сразу же приняты читателем, которого уже изрядно утомили бесконечные новаторские изыскания.

Однако верность «попутчиков» традиции выходила за формальные или чисто литературные рамки. Воспринимая революцию вне коммунистической идеологии с ее пролетарской основой, они невольно рассматривали ее как факт русской истории, подготовленный всем ходом развития России. Троцкий называл их «советскими народниками», утверждая, что «они все более или менее склонны через голову рабочего глядеть с надеждой на мужика»⁹⁶.

Для Пильняка, чья книга «Голый год» вышла в 1921 г. и стала первой значительной работой «попутчиков», революция была не более чем стихийным бунтом, исконно русским, крестьянским мятежом, наподобие пугачевщины, которому было предназначено сменить с лица земли прогнившую городскую цивилизацию. Прежде всего в творчестве Пильняка чувствуются мощные национальные корни. В 1923 г. писатель вел дневник, который он опубликовал в 1924 г. и который проливает свет на его отношение к происходящему: «...Я — не коммунист и поэтому не признаю, что я должен быть коммунистом и писать по коммунистически, — и признаю, что коммунистическая власть в России определена — не волею коммунистов, а историческими судьбами России, и, поскольку я хочу проследить (как умею и как совесть моя и ум мне подсказывают) эти российские исторические судьбы, я с коммунистами, т. е. поскольку коммунисты с Россией, постольку и я с ними... признаю, что мне судьбы РКП гораздо меньше интересны, чем судьбы России...»⁹⁷ Славянофильские мотивы явно присутствуют почти во всех более поздних произведениях, вышедших из-под его пера. В «Третьей столице» он воспекает допетровскую Русь и вытаскивает на свет уже знакомое нам противопоставление дряхлеющей западной цивилизации дикой, необразованной, но жизнестойкой крестьянской России. В повести «Мать — сыра земля» местные «скифы» выглядят явно предпочтительнее «европейских» коммунистов. Всеволод Иванов, один из первых советских авторов, обративших свой взгляд на советскую Азию в поисках темы для своих произведений, был писателем иррациональным и антизападным, утверждавшим превосходство грубой физической силы над ухищрениями интеллекта и рассматривавшим революцию с точки зре-

ния здоровой, цельной, сильной натуры русского крестьянина. Казалось, наследие Маркса уступило место наследию Бакунина. В романе «Барсуки», опубликованном в 1925 г., Леонов, более глубокий писатель-«попутчик», испытавший в начале своего творческого пути определенное влияние Достоевского, изобразил крестьянский партизанский отряд, который отказывается подчиняться советским порядкам и в конце концов терпит поражение в боях с красноармейцами. И все же последнее слово принадлежит командиру мятежных барсуков, который говорит, что их миллионы, что они кровь и сила земли и что они разрушат города.

Таковы были литературные споры в разгар НЭПа. Лучшие из «попутчиков» привнесли в эти споры свое двойственное отношение к основным его проблемам, вызванное, по всей вероятности, как внутренней борьбой⁹⁸, так и тактическими соображениями, продиктованными благоразумием. Однако «попутчики» отражали идеологию тех, кто видел в НЭПе здоровую и естественную уступку мощному давлению со стороны русского крестьянина и для которых революция была прежде всего проявлением бунта, направленного против проникновения западного влияния в русскую национальную традицию. Таков единственный вывод, к которому мог прийти писатель, принимающий революцию и отрицающий коммунизм.

Примерно в то же самое время, когда «попутчики» начали завоевывать признание читателя в Советской России, аналогичное движение зародилось за границей среди русских эмигрантов. Эти новые внешние буржуазные соглашатели отличались от внутренних «попутчиков» тем, что у них за плечами был груз враждебного отношения к революции, от которого надо был освободиться и предать забвению. Столь неожиданный поворот как действительный компромисс с Советской властью требовал теоретического обоснования. В июле 1921 г. группа эмигрантов опубликовала в Праге сборник под названием «Смена вех», в котором красной нитью проходила мысль о необходимости примирения русской эмиграции с Советской властью, причем основным доводом в пользу такого примирения служило признание чисто русского характера революции, а также режима, пришедшего к власти в результате ее победы. Лидер этой группы Устрялов сформулировал такой вывод более чем однозначно:

«Нет, ни нам, ни «народу» неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис — ни за темный, ни за светлый его лики. Он — наш, он подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом, и ничего подобного не может быть и не будет на Западе, хотя бы и при социальной революции, внешне с него скопированной. И если даже окажется математически доказанным, как это ныне не совсем удачно доказывается подчас, что девяносто процентов русских революционеров — инородцы, главным образом евреи, то это отнюдь не опровергает чисто русского характера движения. Если к нему и прикладываются «чужие»

руки, душа у него, «нутри» его, худо ли, хорошо ли, все же истинно русские — интеллигентские, преломленные сквозь психику народа. Не инородцы-революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами-революционерами, внешне или внутренне приобщившимися «русскому духу» в его нынешнем состоянии».

С этой точки зрения НЭП представлял собой поворотный момент в развитии революции, «экономический Брест большевизма» — то есть момент, когда пришла пора «принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры — „буржуазной природы“». Воспринимая описание кронштадтского мятежа в эмигрантской печати как «русский термидор», Устрялов утверждал, что термидор означал не отрицание Французской революции, а ее дальнейшее эволюционное развитие. Подобно этому, НЭП свидетельствовал о переходе русской революции на «путь эволюции умов и сердец». Таким образом, заключал Устрялов, революция «спасается от собственных излишеств».

Еще один из авторов сборника, Ключников, говоря о старом обвинении русской интеллигенции в том, что она оказалась вне народа и выступила против народа, прямо обратился к традиции русского мессианства как к основе будущего союза интеллигенции с революцией: «Конкретно это выразится в том, что русская интеллигенция уловит начала мистического в государстве, проникнется мистикой государства. Тогда из внегосударственной и антигосударственной она делается государственной и чрез ее посредство государство — Русское Государство — наконец-то станет тем, что оно должно быть — «путем Божиим на земле»⁹⁹.

В октябре 1921 г. в Париже вышли несколько номеров еженедельника, носившего то же название — «Смена вех» — и проповедовавшего те же взгляды. Авторы журнала писали о событиях в Советской России с симпатией и отзывались об интеллигентах, вступивших в партию или поступивших на службу к новому режиму, с осторожным одобрением. Они четко разграничивали большевизм и коммунизм, заявляя, что, как бы далеко ни заходили амбиции большевиков, мощные силы НЭПа ведут своих созидателей «по пути термидора»¹⁰⁰.

Это начинание сменевеховцев вызвало двойственную реакцию в Советской России. Спустя три месяца после первой публикации «Смены вех» в Праге на нее откликнулись «Известия» и «Правда», причем последняя со сдержанным удовлетворением отмечала, что авторы сборника «прокладывают новые вехи по пути сближения интеллигенции с революцией»¹⁰¹. Невозможно было громко приветствовать такого рода признание революции, когда открыто говорилось, что революция утратила свои прежние идеалы. Идеалистический взгляд на большевистскую революцию как на единственно возможный способ самовыражения русской души не имел ничего общего с тем, во что верили и о чем во всеуслышание

заявляли те, кто эту революцию делал; кроме того, взгляд на НЭП как на эволюцию большевизма в направлении буржуазной умеренности¹⁰² был не чем иным, как проклятием для тех, кто одобрял НЭП в качестве тактического маневра, способного обеспечить выполнение поставленных большевиками задач. Тем не менее брешь, пробитая в антисоветском фронте русской эмиграции, имела большое внутри- и внешнеполитическое значение для Советской России и в будущем облегчила привыкание бывших буржуазных интеллигентов к новой для себя роли верных слуг Советского правительства. Сменовеховцы, которых Бухарин окрестил «друзьями в кавычках»¹⁰³, равно как и писатели-«попутчики», не могли оставаться вне поля зрения партии, которая, хотя и не пуская заблудших овец в овчарню, могла использовать их в своих целях.

Показательным в сменовеховском движении представляется тот факт, что оно нашло живой отклик в интеллектуальных кругах Советской России. Так, сборник «Смена вех» от 1921 г. вышел также и советским изданием, а уже в следующем году вышли два тома комментариев, посвященных этому сборнику¹⁰⁴. В 1922 г. Ленин писал: «Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики»¹⁰⁵. Годом позже на XII съезде партии ему вторил Сталин, утверждая, что «сменовеховцы приобрели массу сторонников среди советских чиновников»¹⁰⁶. Причины живого интереса к этому движению вполне понятны. Еще в статье, напечатанной в журнале «Красная новь», сменовеховцев окрестили «национал-большевиками»¹⁰⁷. Сталин прямо связывал это движение с ростом «великорусского шовинизма», причем последний он рассматривал как зловещий продукт НЭПа¹⁰⁸. Бухарин заклеил идеи сменовеховцев как «цезаризм под маской революции» и цитировал Устрялова, утверждавшего, что его последователи — не социалисты, а движимы исключительно «патриотической идеей»¹⁰⁹. В дни, когда экскурсии в русскую историю еще считались еретическими, можно было навлечь на себя упреки в тайном сочувствии сменовеховцам, рассматривая текущую политику с точки зрения таких прецедентов, как деятельность Петра и Екатерины Великой, или заявляя, что Москва опять, как в XVI веке, собирает вокруг себя русские земли¹¹⁰. Иногда сменовеховцев, впрочем как и «попутчиков», обвиняли в славянофильстве¹¹¹. Хотя эти обвинения были несправедливы (большинство из них по своему мировоззрению были скорее западниками), они тем не менее имели под собой некоторые основания в том смысле, что сменовеховцы были склонны рассматривать революцию как своеобразный эпизод русской истории. Сменовеховцы стремились не столько отрицать ее социалистический, сколько утверждать ее национальный русский характер. Устрялов вернулся в СССР, поселился в Харбине и работал в отделе образования КВЖД. Зимой 1925/26 г. он посетил Москву, где его

встретили вежливо, но не преминули воспользоваться возможностью покритиковать¹¹². Во второй половине 20-х годов движение сменовеховцев лишилось былого влияния и растеряло приверженцев. Впрочем, оно успело выполнить свою задачу — расчистить дорогу к примирению революционной и русской национальной традиции, что было необходимым условием и сопутствующим обстоятельством построения «социализма в одной стране».

Третьим течением в среде русской интеллигенции, сформировавшимся преимущественно за границей, в эмиграционных кругах, и более или менее представленным группами интеллигентов внутри Советской России, было движение так называемых «евразийцев». Александр Блок в своем стихотворении «Скифы», написанном в январе 1918 г. в Петрограде, изобразил русских скифами, которые глядят на «старый мир» Европы со смешанным чувством ненависти и любви. Они готовы бросить клич азиатским ордам и вернуть былое величие, если их призыв к миру будет отвергнут. Созданное под влиянием настроения, вызванного унижительным для России поведением немецкой стороны на переговорах в Брест-Литовске¹¹³, это стихотворение имело более широкий скрытый смысл и произвело огромное впечатление на читателя. Такое настроение было отголоском знакомых течений русской мысли; оно отражало чувство притяжения к Европе и одновременно неприязни к ней, а также веру славянофилов в исконные добродетели крестьянской Руси, конструктивный анархизм и особую миссию России, которой суждено вдохнуть новую жизнь в дряхлеющий Запад. После того как стихотворение Блока увидело свет, термин «скифство» стали употреблять скорее применительно к умонастроению, вдохновлявшему многих писателей в первые послереволюционные годы, нежели к самому литературному движению. Политически это течение было связано с левыми эсерами, которых рассматривали в качестве преемников народничества. Оно вызвало к жизни два знаменитых стихотворения, датированных 1918 г.: «Христос воскрес» Белого и «Инонию» Есенина. Скифство также нашло свое отражение в большой популярности образов предводителей русских крестьянских восстаний Степана Разина и Пугачева среди поэтов и писателей того времени¹¹⁴. Теоретическую стройность этому направлению придал литературный критик эсеровского толка Иванов-Разумник; даже такие «попутчики», как Всеволод Иванов и Пильняк, не избежали влияния скифства.

Однако наиболее серьезная попытка создать теоретические основы скифства была предпринята за границей. В 1921 г. в Софии группа эмигрантов опубликовала сборник, озаглавленный «Исход к Востоку» и снабженный подзаголовком «Утверждение евразийцев». В кратком вступлении авторы утверждали, что «Россия есть не только «Запад», но и «Восток», не только «Европа», но и «Азия» и даже вовсе не Европа, но «Евразия» и что тогдашняя революционная Россия — не что иное, как «прежняя Европейская

провинция», восставшая против Европы. Вступление заканчивалось вопросом о том, что есть революция: провозвестница грядущего растворения России в западной культуре или же предтеча новой «евразийской» культуры? Евразийцы осуждали революцию, поскольку она пришла в Россию с Запада, но, с другой стороны, приветствовали ее, ибо она отсекала Россию от Запада. В одном из эссе автор нападал на «романо-германскую цивилизацию» за претензии на универсальный характер ее культуры и за «шовинизм» в маске «космополитизма». Другой автор, вольно или невольно заимствуя геополитические измышления Макиндера, противопоставлял «континентальную» идею экономически самостоятельной Европы «океанической» идее мировой торговли¹¹⁵. Критик Полонский охарактеризовал скифство как «декадентство славянофильства»¹¹⁶. От славянофилов евразийцы унаследовали убежденность в вырождении западной культуры и отрицательное отношение к ее элементам в культуре России. Для евразийцев, имевших общие со сменовеховцами славянофильские корни, характерно такое же «туземное» восприятие русской революции. Сменовеховцы со своей стороны поспешили объявить евразийцев своими союзниками. «Так, в революционной идеологии, — писал Устрялов, — в этом дерзновенном, специфически ориентальном истолковании западного марксизма, неожиданно и причудливо обретает Россия свою исконную историческую миссию „Евразии“»¹¹⁷. Евразийцы отличались от славянофилов, которых они осуждали за узконациональное мышление, своим призывом к единению с миром, лежащим за пределами Европы. Однако представления о независимой России, которая отвернулась от Европы и опирается на прочные позиции среди азиатских народов, без труда вписывались в странное хитросплетение, которое представляла собой концепция «социализма в одной стране».

Эти движения, которые в конечном счете имели целью примирить русскую интеллигенцию (как внутри, так и за рубежом) с советским режимом, оказались достаточно значительным явлением, для того чтобы стать предметом обсуждения на XII конференции РКП(б), принявшей по предложению Зиновьева резолюцию «Об антисоветских партиях и течениях». В ней «процессы распада, разложения и перегруппировок в антисоветском лагере» объяснялись двумя причинами: «отслоением некоторых групп буржуазной интеллигенции» и «процессом частичного восстановления капитализма в рамках Советского государства, порождающего рост элементов так называемой „новой буржуазии“». Отдельный абзац резолюции посвящался сменовеховцам: «Так называемое сменовеховское течение до сих пор играло и еще может играть объективно-прогрессивную роль. Оно спланировало и спланирует группы эмиграции и русской интеллигенции, которые «примирятся» с Советской властью и готовы работать с ней для возрождения страны. Постольку сменовеховское направление заслуживало и заслуживает положительного отношения. Но вместе с тем

нельзя ни на одну минуту забывать, что и в сменовеховском течении сильны буржуазно-реставраторские тенденции, что сменовеховцам обща́ с меньшевиками и эсерами та надежда, что после экономических уступок придут политические в сторону буржуазной демократии и т. п.»

Хотя резолюция содержала предупреждение о грозящих опасностях и разоблачала иностранных капиталистов, эсеров и меньшевиков, ее практические выводы носили конструктивный характер. Предполагалось, что партия должна действовать, «опираясь на начавшийся процесс расслоения среди антисоветских групп», чтобы «суметь серьезным, деловым образом подойти к каждой группе, прежде враждебной Советской власти и ныне обнаружившей хотя бы малейшее искреннее желание действительно помочь рабочему классу и крестьянству в деле восстановления хозяйства, поднятия культурного уровня населения и т. п.». В резолюции упоминались «элементы из среды представителей техники, науки, учительства, писателей, поэтов и т. д.», по отношению к которым «...необходима систематическая поддержка и деловое сотрудничество». Партия должна была «делать все, что от нее зависит, для того чтобы помочь кристаллизации тех течений и групп, которые обнаруживают действительное желание помочь рабоче-крестьянскому государству»¹¹⁸.

Тот факт, что на августовской партийной конференции 1922 г. прозвучало пусть осторожное, но твердое одобрение деятельности литераторов-«попутчиков», не оставил равнодушными пуристов от пролетарской культуры. После того как впал в немилость Богданов, единственной заметной фигурой в Пролеткульте был Плетнев — по профессии плотник, партиец со стажем, автор рассказов и пьес, один из истинно пролетарских писателей¹¹⁹. В сентябре 1922 г. «Правда» опубликовала статью Плетнева, в которой автор, наученный горьким опытом Богданова, уже не требовал независимости литературы от партии, однако вновь повторял тезис о том, что «задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата». Этот замаскированный удар по «попутчикам» вызвал неудовольствие Ленина, который испещрил страницу «Правды» со статьей Плетнева критическими замечаниями. Месяцем позже «Правда» напечатала ответ Плетневу, который принадлежал перу Яковлева, тоже члена партии, у которого, по всей вероятности, была возможность познакомиться с ленинскими замечаниями. Яковлев построил свою резкую статью на сравнении «попутчиков» со старыми специалистами: «Ошибку, которую делали товарищи в 18-м и 19-м гг. по отношению к военным спецам, 19-м, 20-м, 21-м — по отношению к спецам промышленности, Плетнев механически переносит на область культуры»¹²⁰. Нагоняй, который получил Плетнев, был еще одним ударом по Пролеткульту, который, оставаясь одним из отделов Наркомпроса, перестал играть какую бы то ни было роль в дальнейшем развитии литературного процесса.

Использование советским обществом бывших буржуазных интеллигентов, которые были готовы признать новую власть и работать на нее, явилось естественным и неизбежным результатом новой экономической политики и так же не подлежало критике именем пролетарской культуры, как и использование специалистов под предлогом рабочего контроля. Коль скоро эти взгляды получили право на существование, они привели если не к новой политике в этой области, то по крайней мере к смещению акцентов в старой. Понятие «национальная революция» не сменило понятия «пролетарская революция», но тем не менее оказалось ценным добавлением к нему.

Сопротивление вторжению «попутчиков» и сменовеховцев в советские литературные заповедники после поражения Пролеткульта не было сломлено, скорее оно приняло новые формы. После 1922 г. наконец смолкли голоса, требовавшие создания автономной пролетарской культуры под началом некоей внепартийной организации. На смену пришла более изощренная идея, которая заключалась в том, чтобы передать знамя пролетарской культуры в руки самой партии и бдительно оберегать ее от «попутчиков» и других непартийных группировок. Первый шаг в этом направлении был сделан в декабре 1922 г., когда группа молодых людей вышла из состава «Кузницы» и основала новую, более передовую группу «Октябрь», которая должна была захватить ключевые позиции в ВАППе и навязать партии свою политику в области литературы. С этого времени литературные вопросы становятся источником споров внутри самой партии и в последующие годы играют определенную роль во внутрипартийной борьбе¹²¹. Однако это дело будущего, а пока, в 1924—1925 гг., ведущей литературной силой, пользовавшейся почти безграничным доверием партийных вождей, оставались «попутчики». Именно в книгах «попутчиков» в популярной литературной форме излагались нравственные и политические основы построения «социализма в одной стране».

Повышенная терпимость к некоммунистическим группировкам или отдельным писателям, сочувствующим новой власти, ни в коей мере не означала ослабления запрета на публикацию антисоветских материалов. Ленин, убеждая Клару Цеткин в том, что «всякий художник, всякий считающий себя таковым, имеет право творить свободно, в согласии со своими идеалами и независимо ни от чего», быстро уточнил: «При этом, разумеется, мы остаемся коммунистами и не можем сидеть, сложа руки, в обстановке надвигающегося хаоса»¹²². По сути дела, именно в этот период появилась возможность ввести абсолютный запрет и строго следить за его соблюдением. Мы можем предположить, что цензура в ее классическом виде не использовалась, да и не требовалась: вряд ли тогда существовала печатная база для выпуска литературы, могущей вызвать недовольство властей. Тем не менее Луначарский в первом номере журнала «Печать и революция», который

увидел свет в дни, когда было объявлено о новой экономической политике, высказался в защиту цензуры с прямотой, не оставлявшей места для сомнений: «Да, мы нисколько не испугались необходимости цензурировать даже изящную литературу, ибо под ее флагом, под ее изящной внешностью может быть внедряем яд еще наивной и темной душе огромной массы, ежедневно готовой пошатнуться и отбросить ведущую ее среди пустыни к земле обетованной руку из-за слишком больших испытаний пути»¹²³. 1922 год был, очевидно, последним годом, когда увидели свет некоторые специальные издания, находившиеся в явной оппозиции новой власти. Среди них теоретический экономический журнал «Экономист», авторы которого открыто заявляли о своей приверженности принципам свободного предпринимательства, а также альманах «Шиповник», вернувший свое дореволюционное название и предоставивший свои страницы философам и теологам Бердяеву, Булгакову и Степуну, поэту Ходасевичу, критику Айхенвальду и некоторым признанным «попутчикам»¹²⁴. Впоследствии эти враждебные голоса в Советской России замолчали; многие из тех, чьи голоса продолжали звучать, оказались в добровольной ссылке¹²⁵. Теперь уже неприкрытая оппозиция официальному курсу была запрещена; разрешенная же критика допускала лишь различные толкования курса. К этому периоду относится появление новой разновидности цензуры, которой в будущем суждено было приобрести большие масштабы и значение: изъятие из обращения тех публикаций, которые, хотя они и были напечатаны с полного одобрения партии или государственных инстанций, устарели и содержали взгляды, переставшие считаться ортодоксальными. В 1923 г. отдел пропаганды ЦК партии разослал партийным комитетам и отделам ОГПУ на местах специальный циркуляр, который предписывал удаление «из библиотек небольших, обслуживающих массового читателя», не только «устаревших, малоценных, а тем более вредных и контрреволюционных книг», но и «устаревшей агитационной и справочной литературы советских органов (1918, 1919, 1920) по тем вопросам, которые в данное время иначе разрешаются Советской властью (земельный вопрос, налоговая система, вопрос о свободной торговле, продовольственной политике и пр.)»¹²⁶. Все крутые повороты в политике, которые поставят контроль государства над советской литературой лицом к лицу с самыми серьезными проблемами, были еще впереди.

г) Правосудие

Перемена отношения к закону неизбежно сопровождается всякую революцию. Революция есть бунт против законной власти, направленный на низвержение существующего законопорядка. Однако как только этот порядок разрушен и победившие революционеры узурпируют власть, они немедленно начинают ощущать

потребность в установлении своей собственной законной власти. Для этого из ниспровергателей, презирающих закон, им надо превратиться в его создателей и блюстителей. Вожди Французской революции стремились изменить содержание закона, но не покушались на принцип власти и преемственности закона; тем легче давалась им смена ролей. В случае с большевиками этот переход осложнялся тем обстоятельством, что они, будучи марксистами, придерживались довольно своеобразной теории права. Для них закон — продукт и инструмент государства, которое само является инструментом определенного класса. Отсюда, говоря словами из «Коммунистического манифеста», «...ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса». Из этого следовало, что в будущем коммунистическом бесклассовом обществе закон, равно как и государство, отомрет. Правда, Маркс — в том месте из «Критики Готской программы», где он ведет речь о двух стадиях развития социализма, — допускал наличие послереволюционного переходного периода, во время которого *«равное право здесь по принципу все еще является правом буржуазным»*. Это считалось неизбежным вплоть до полной победы социализма (или коммунизма), ибо «...право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»¹²⁷.

Итак, пока режим, поставленный у кормила власти революцией, опирается на закон, последний по своей сути является не продуктом социализма, а буржуазным анахронизмом, которому суждено отмереть, как только установится новый порядок. В схеме, начертанной Марксом, социалистическому праву, как и социалистическому государству, не было отведено постоянного места. В статье, написанной после смерти Маркса, Энгельс уподобил «юридическое мировоззрение» «классическому мировоззрению буржуазии» и определил его как «теологическое мировоззрение, которому придали светский характер»¹²⁸. Ленин полностью поддержал эту точку зрения и логически развил ее в работе «Государство и революция», добавив, что не только право, но и само государство, которое ненадолго переживет революцию, будет буржуазным, хотя и «без буржуазии»¹²⁹. В одном из первых советских учебников по праву стыдливо говорилось о «том, что мы называем советским правом», и о «так называемом советском праве»¹³⁰.

Рабоче-крестьянское правительство, созданное в результате Октябрьской революции, без лишних разговоров приступило к осуществлению законодательной власти и надзора за соблюдением законов. Иначе и не могла поступить группа деятелей, именуемая себя правительством. Однако ни первые послереволюционные месяцы, ни последовавший за ними период гражданской войны не оставили им достаточно свободного времени для разработки теории права; кроме того, почти все, что говорилось или предпринималось тогда в области права, подводило к никем не провоз-

глашаемому выводу о том, что закон — это временная мера, взятая напрокат у похороненного буржуазного государственного порядка для решения вполне определенных задач и обреченная на отмирание, как только социализм станет реальностью. Отношение новой власти к дореволюционному праву оставалось неопределенным. Первый декрет, вышедший в ноябре 1917 г., по которому отменялись прежние юридические институты и создавались местные суды, избираемые или назначаемые местными Советами и состоящие из народного судьи и двух очередных заседателей, содержал положение о том, что законы, принятые свергнутыми режимами, могут считаться действующими «постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»¹³¹. Второй и более детально разработанный декрет (февраль 1918 г.) предписывал выполнение существующих судебных процедур в том случае, если они не отменены и «не противоречат правосознанию трудящихся классов» (ст. 8). Согласно этому же декрету, существующие кодексы применимы в тех случаях, если они не были отменены и не противоречат «социалистическому правосознанию» (ст. 36). В последней статье также говорилось о том, что гражданские суды должны действовать, «не ограничиваясь формальным законом», а «руководствуясь соображениями справедливости» и отбрасывая соображения «формального характера»; оговаривалась также необходимость применения этого же принципа и в уголовных судах¹³². Наиболее специфическим положением по этому вопросу был содержащийся в третьем декрете ВЦИК о составе судов (ноябрь 1918 г.) прямой запрет ссылаться на статьи из старых законов или приговоры, вынесенные при прежних режимах; в случаях, не предусмотренных советским законодательством, следовало руководствоваться «социалистическим правосознанием»¹³³. Результатом этих мер, по мнению Стучки — влиятельного советского юриста, принимавшего активнейшее участие в их разработке, — явилось «создание *пролетарского суда — без буржуазного права*, но и без пролетарского»; впрочем, далее он несколько туманно уточнял, что «мы, однако, были достаточно осторожны и не выступали *против права вообще*»¹³⁴.

Законы того времени создавались преимущественно спонтанно, и зачастую дело не шло дальше торжественного провозглашения принципа или намерения. Декрет о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 г. создал законодательную основу для самопроизвольного процесса захвата земли крестьянами; декрет от 14 февраля 1919 г. о «социализации земли» был заявлением теоретического порядка в пользу коллективизации сельского хозяйства¹³⁵. В 1918 г. были приняты два кодекса: кодекс о браке, который отменил церковный брак и ввел автоматический развод по требованию одной из сторон¹³⁶, а также кодекс о труде, который ввел обязательную трудовую повинность для представителей свергнутого класса буржуазии¹³⁷. И все же эти законодательные акты бы-

ли задуманы скорее как способы провозглашения той или иной политики, а не как определения прав и обязанностей, соблюдение которых можно было обеспечить в законодательном порядке.

Со ссылкой на высказывания Ленина в первые послереволюционные месяцы утверждалось сугубо прагматическое отношение к вопросам права. Говорилось, что не надо исполнять приказов и декретов, если они «вредят делу», а надо действовать, «как подсказывает совесть», если исполнение декрета вредно, а собственные действия полезны, никто за них не осудит; если же наоборот, то за такие деяния полагается расстрел¹³⁸. В это же самое время профессиональные юристы недоумевали, не понимая, как можно работать в новых народных судах, если нет законов¹³⁹. Гражданского права как такового не было. «С ноября 1917 по 1922 г. гражданское право формально отсутствовало», — писал Стучка¹⁴⁰. Вплоть до конца 1922 г., когда был принят Гражданский кодекс, число гражданских дел в судах было довольно незначительным¹⁴¹. Было предложено закрыть курсы гражданского права в университетах, заменив их на соответствующие курсы политических наук¹⁴². Еще один авторитет в области юриспруденции, ссылаясь на известное изречение Энгельса, отождествлявшего понятия «юридический» и «буржуазный», заявил, что в данный исторический момент борьба с фетишизацией права представляется ему делом еще более неотложным, чем борьба с поклонением господу богу¹⁴³. Разве Маркс не писал в предисловии к «Критике политической экономии» о «существующих производственных отношениях, или — что является только юридическим выражением этого... отношениях собственности»? Коль скоро собственность на средства производства отменена, пора забывать юридический язык. Управление процессом производства можно осуществлять и при помощи администрирования.

Однако если пролетарская революция, отменив право собственности и свободное предпринимательство, избавила, казалось, общество от необходимости в гражданском праве, столь же бесцеремонно расправиться с уголовным правом оказалось делом невыполнимым. В первые дни революции Ленин, исходя из сложившейся обстановки, призывал рабочих: «Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу...»¹⁴⁴

Важным требованием момента было поддержание порядка и борьба с преступностью; решение этих задач еще долго полностью поглощало внимание вновь созданных народных судов. Более того, в программах всех левых партий нашлось место рассуждениям о причинах и природе преступности, а также планам перевоспитания преступной личности. В Программе партии большевиков, принятой летом 1919 г., вопросы гражданского права не затрагивались вообще, зато предусматривалась замена «лишения свободы обязательным трудом с сохранением свободы», замена «тюрьмы воспитательными учреждениями», а также созда-

ние «товарищеских судов», с тем чтобы «меры воспитательного характера» со временем полностью заменили наказание¹⁴⁵, что, впрочем, не мешало судам принимать более традиционные меры по борьбе с преступностью. В декабре 1919 г. наркомат юстиции принял документ, озаглавленный «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», который был явно недостаточно продуман и поэтому не свободен от противоречий и туманных формулировок. В «Руководящих началах» утверждалось, что буржуазные кодексы, равно как и буржуазное государство, уничтожены и подлежат сдаче «в архив истории», тогда как опыт «борьбы с классовыми врагами» уже приучил «пролетариат к мерам общим... к системе», уже «рождает новое право». Последнее именуется в тексте «пролетарским правом», и тем самым считался решенным вопрос, которому впоследствии суждено было стать источником затяжных споров. Право было определено в безупречно марксистской манере как «система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой». Преступление определялось как «нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом», а задача уголовного права состояла в том, чтобы защищать этот порядок путем применения наказаний за нарушения. «Руководящие начала» построены по принципу, согласно которому все уголовное право рассматривается как средство защиты существующего общественного строя и образа правления, а преступление — как результат расслоения классового общества, но ни в коем случае не следствие личных пороков преступника, виновного в его совершении. Уголовное право было временной мерой, на которую пошло общество на переходном этапе своего развития в надежде отказаться от него, как только исчезнет деление общества на классы, хотя, «только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство как организацию насилия, и право как функцию государства»¹⁴⁶.

Пожалуй, наиболее показательной чертой отношения большевиков к праву было отсутствие доверия к профессиональным судьям. Это было неудивительно в обстановке, когда власти не очень-то полагались на «революционную сознательность» суда и когда обладатели профессиональных юридических знаний, даже не будучи открытыми сторонниками старого режима, были тем не менее вышколены в его традициях. Первый декрет по судопроизводству, принятый в ноябре 1917 г., установил следующий состав суда: судья, выполняющий обязанности председателя суда и фактически отвечающий за процесс судопроизводства, и два заседателя. Более основательная система «народных заседателей» была разработана в февральском декрете 1918 г. Из этого декрета следует, что на заседателей возлагается надзор за действиями судьи на случай, если последний проявляет своеобразие, слепо следует букве

закона или вызывает подозрения в политической неблагонадежности. Заседатели получили право отстранять председателя суда от выполнения им своих обязанностей на любом этапе судебного процесса, отменять решение о признании подсудимого виновным (но, очевидно, не решение об оправдании), а также смягчать приговор, вынесенный судьей.

И это было еще не все. Декрет учредил так называемый верховный судебный контроль, осуществляемый представителями местных судов, которые получили право отмены любого решения местного суда — видимо, по своей инициативе — и которым вменялось в обязанность привлекать внимание законодательных органов ко всем случаям, когда существующее законодательство (предположительно свод законов, доставшийся в наследство от прежних режимов) вступает в противоречие с «народным правосознанием». Этот «верховный» контроль, по-видимому, никогда не существовал в том виде, в каком был задуман. Тем не менее в третьем и самом главном декрете, принятом в ноябре 1918 г.¹⁴⁷, идея такого контроля воплощена в институте местных «народных судов», избираемых местными коллегиями «народных судей» и действующих в качестве апелляционных судов в районах. В то же время этот декрет расширил систему народных заседателей. Для рассмотрения уголовных дел (разумеется, исключая дела, находившиеся в компетенции революционных трибуналов) декрет определял следующий состав суда: председатель суда и шесть заседателей. Обязанности председателя суда могло выполнять только лицо политически правоспособное¹⁴⁸ и имеющее опыт работы в судебных органах или профсоюзных организациях. В случае узкого толкования этих ограничений Советами или съездами Советов, на которых избирались судьи, легко допустить, что в состав судов, рассматривавших важные дела, квалифицированные юристы не входили вообще. Этот принцип был четко сформулирован в одной из тогдашних речей наркома юстиции Курского: «Пролетариат и беднейшее крестьянство, завоевав политическую власть, неизбежно должны были для закрепления своей власти сломать всю юридическую надстройку буржуазного государства, а следовательно, и суд. Отныне решающий голос в нем должны иметь рабочие и беднейшие крестьяне в лице заседателей, избираемых Советами»¹⁴⁹. В 1921 г. Ленин писал: «Суды у нас классовые, против буржуазии. Армия у нас классовая, против буржуазии»¹⁵⁰. Такое развитие правосудия находилось в прямом соответствии с тезисом о том, что право буржуазно по своей природе и что оно пригодно и необходимо для переходного периода, однако постепенно будет отмирать по мере роста социализма.

Эта трактовка природы права стала тем не менее вызывать противодействие еще во время гражданской войны и до эпохи «военного коммунизма». Любой режим, взяв бразды правления в свои руки, нуждается в своде законов, на который он мог бы

опереться при осуществлении своей власти. Сущность закона заключается в том, что его действие должно быть понятным, предсказуемым и как можно более независимым от личных симпатий или антипатий тех людей, которые его применяют. Кроме того, закон должен быть окружен ореолом непогрешимости и неприкосновенности; только в этом случае это будет закон, который будет работать. По мере укрепления Советской власти становился все более очевидным тот факт, что марксистская интерпретация основ права исключает подобную постановку вопроса. В марте 1918 г. Ленин в наброске статьи, которая, впрочем, так и не была в свое время опубликована, указывал на то, что, хотя «новый суд» был задуман как орудие борьбы с остатками эксплуататорских классов, его нужно создавать «на принципе советских учреждений», то есть «обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся»¹⁵¹. По случаю первой годовщины революции в ноябре 1918 г. VI Всероссийский съезд Советов принял декларацию, в которой торжественно утверждалось, что «за год революционной борьбы рабочий класс России выработал основы законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России»¹⁵². Факты говорят о том, что для такого заявления в ту пору было мало оснований, ибо советское законодательство еще находилось в зачаточном состоянии¹⁵³. Тем не менее это утверждение знаменует собой первое признание непреложной объективной важности закона, признание, не обесцененное оговорками относительно его буржуазного или временного характера или ссылками на субъективную категорию революционной сознательности. Так готовилась почва для нового понимания законности, которое получило дальнейшее развитие в период НЭПа. О таком повороте в подходе к проблеме права дает представление следующий абзац из написанных в октябре 1921 г. черновых набросков Ленина к одной из речей (хотя в самой речи оратор эту мысль не развил): «Повышение законности... научить бороться *культурно* за законность, ничуть не забывая границ законности в революции. Зло не в этом *теперь*, а в *тьме* беззаконий»¹⁵⁴. Итак, впервые произошло понимание того факта, что любой пришедший к власти режим, какими бы революционными ни были его истоки, нуждается в опоре на устойчивый законопорядок; закон, проникнутый духом упорядоченности и надежности, был поставлен выше самопроизвольных всплесков революционной интуиции.

Возрождение права было одновременно и сопутствующим фактором, и прямым результатом тех экономических методов, которые вернул к жизни и узаконил НЭП. «Для того чтобы положить конец колебаниям и неуверенности в твердости нового курса экономической политики», декрет, принятый 25 августа 1921 г., устанавливал, что только суд имеет право признавать договоры недействительными и только в судебном порядке можно отменять

арендные договоры, заключаемые советскими властями¹⁵⁵. Таким образом, понятие «законный порядок» впервые появляется в советской юриспруденции на волнах новой экономической политики. Партийная конференция, состоявшаяся в декабре 1921 г., приняла резолюцию, требующую «водворения во всех областях жизни строгих начал революционной законности». Несколькими днями позже Ленин повторил то же самое в своей речи на IX Всероссийском съезде Советов: «Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота, — этого требует новая экономическая политика, — а это требует большей революционной законности»¹⁵⁶. Как впоследствии разъяснял один советский источник, в период гражданской войны органы Советской власти были вынуждены действовать по принципу революционной целесообразности и не всегда имели возможность проводить в жизнь тогдашние законодательные акты. Теперь же стал применимым обратный принцип «революционной законности»¹⁵⁷.

Этот чреватый далеко идущими последствиями поворот можно считать коренным. Уже в феврале 1922 г. в ходе кампании по борьбе с формализмом и волокитой в судопроизводстве Ленин писал наркому юстиции Курскому: «Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые» отношения; расширить право государства отменять «частные» договоры; применять не *corpus juris homani* к «гражданским правоотношениям», а *наше революционное правосознание...*»¹⁵⁸. Однако подобные взгляды на право находились в чудовищном противоречии с последовательным развитием торговли и частного предпринимательства, что было целью новой экономической политики. «Революционная законность», означавшая юридическое обеспечение торговых отношений, оказалась удачной заменой «революционного правосознания». Это было особенно важно в сфере внешней торговли и концессий иностранным фирмам. Накануне Генуэзской конференции Чичерин подчеркивал, что советское законодательство обеспечивает надежные гарантии в области внешней торговли¹⁵⁹. Это способствовало принятию декрета от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», который явился первым шагом на пути к всестороннему гражданскому кодексу, принятому осенью следующего года¹⁶⁰.

1922 год был отмечен основанием Института советского права со своим печатным органом — ежемесячником «Советское право». Во вступительной статье к первому номеру этого издания Курский писал, что цель института заключается в создании современной системы советского права. Поэтому не случайно на первые два года НЭПа приходится создание свода советских законов, включая уголовный, гражданский, земельный и трудовой кодексы РСФСР. Направленность уголовного кодекса, принятого в мае 1922 г., была сформулирована совершенно однозначно. Как указывалось в декрете ВЦИК, утвердившем этот кодекс¹⁶¹, он был

принят «в целях ограждения рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от его нарушителей и общественно опасных элементов и установления твердых основ революционного правосознания». В соответствии с основными принципами кодекса 1919 г. преступлением считалось «всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (ст. 6). В нем различались преступления, совершенные «в интересах восстановления власти буржуазии» и в чисто личных интересах преступника, причем первые считались гораздо более серьезными, чем вторые. Для первых кодекс устанавливал минимальные наказания, которые суд не имел права смягчать; для вторых были определены максимальные наказания, которые суд не имел права ужесточать (ст. 25, 27). Среди самых строгих наказаний было «изгнание с территории РСФСР на срок или бессрочно», «лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой», «принудительные работы без содержания под стражей». Однако уже в следующей статье говорилось о том, что «...впредь до отмены Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, в случаях, когда статьями настоящего Кодекса определена высшая мера наказания, в качестве таковой применять расстрел» (ст. 32—33). «Высшая мера наказания» прибегалась для преступлений, совершенных против государства. Однако в соответствии с кодексом она была применима к довольно значительному числу подобных преступлений, включавшему, помимо контрреволюционной деятельности, наиболее серьезные случаи «злоупотребления властью» должностными лицами, искажение истины судьями в пользу заинтересованных лиц, некоторые виды взятки и присвоения должностными лицами общественной собственности (ст. 110—111, 114, 128, 130)¹⁶². Большое значение этого кодекса заключалось в том, что в нем впервые были перечислены как действия, являвшиеся, с точки зрения советского суда, преступлениями, так и соответствующие им наказания. Таким образом, на смену широким полномочиям революционной сознательности пришла однозначность, свойственная законодательному акту. Более того, в нем имелось немало важное новшество. Основные принципы 1919 г. предполагали для случаев, не предусмотренных советским законодательством, что суды восполняют соответствующий пробел за счет своей революционной сознательности. В соответствии со статьей 10 кодекса 1922 г. суд, имея дело с преступлением, не оговоренным действующим законодательством, должен был применять законы по аналогии, то есть прибегать к статьям, «предусматривающим сходные по важности и роду преступления»¹⁶³. Значение этого нововведения заключается в отказе от ссылок на «революционную сознательность» как способа восполнения пробелов в законодательстве и применении критерия, который хотя бы по форме является законным.

Важным в новом кодексе или, пожалуй, в том духе, которым он был проникнут, было увеличение наказания за преступления против права на собственность. В 1922 г. 40% осужденных за преступления такого рода были безоговорочно приговорены к различным срокам тюремного заключения, в 1923 г. соотношение выросло до 49%, тогда как доля аналогичных приговоров, вынесенных за преступления против частных лиц, упала с 30 до 14%¹⁶⁴. В 1922 г. 42% всех приговоренных к лишению свободы получили менее одного года и 10% — свыше трех лет; в 1923 г. соответствующие показатели составляли 30 и 28,5%. Иногда высказывалось мнение, что эти изменения вызваны «действием мелкобуржуазного окружения»¹⁶⁵. Отмечалось, что народные заседатели из крестьян, разбирая дела о кражах, «стараются отыскать статью, по которой можно было бы чуть ли не расстрелять»¹⁶⁶. Это лишь один пример той большой разницы в степени наказания, определяемой за целый ряд преступлений в городе и деревне. Сельские суды карали за кражу «в семь раз суровее» городских, но были гораздо более снисходительны к виновным в самогоноварении и в нарушении административных распоряжений¹⁶⁷. Эта разница в основном относилась к различиям между преступлениями против отдельной личности и против государства: новые веяния, вызванные НЭПом, нашли особенно горячую поддержку именно в деревне.

Более ярким примером возрождения традиционных представлений в области права служит принятие Гражданского кодекса РСФСР¹⁶⁸. Его основная идея отражена в первой статье, гласившей, что гражданские права защищаются законом, за исключением случаев, когда эти права вступают в противоречие с экономическим и социальными целями, ради которых и существуют сами права. Естественные права человека в советской концепции были преданы анафеме. В советской юриспруденции не проводилась граница между публичным и гражданским правом. «Мы ничего «частного» не признаём,— писал Ленин,— для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное»¹⁶⁹. И все же граждане получили некоторые права в «экономических и социальных целях» (последние, как указывалось в ст. 4, заключались в том, чтобы «развивать производительные силы страны»), причем защита этих прав гарантировалась законом. В обозначенных выше пределах кодекс был призван укрепить «революционную законность» и выработать уважение к закону в народе. Земля и средства производства в национализированных отраслях промышленности объявлялись навечно изъятыми из сферы частной собственности (ст. 21, 22). С другой стороны, он гарантировал право владения, пользования и распоряжения «собственностью в пределах, установленных законом» (ст. 58). Промышленные предприятия могли арендоваться частными лицами на срок до шести лет, в течение которых владение имуществом на правах арендатора было гарантировано; однако за пределы этого срока никакие га-

рантии не распространялись. Важным признаком перемен в области права были новые взгляды на вопрос наследования. Декрет, принятый на первой волне революционного энтузиазма в апреле 1918 г., отменял право наследования, хотя даже в нем было сделано исключение, которое касалось ближайших родственников, имеющих право наследования орудий и средств производства, используемых для личного труда, а также другого имущества, стоимость которого не превышает 10 тыс. рублей¹⁷⁰. Статьи 416—418 Гражданского кодекса 1922 г. признавали право наследования и право на распоряжение в случае смерти, но круг потенциальных наследников был ограничен ближайшими родственниками, а общая стоимость наследуемого имущества — суммой в 10 тыс. рублей.

То обстоятельство, что новый закон фактически ничего не изменил в юридической практике, лишь подчеркивает важность поворота в теории советского права, который он обозначил. Впервые советский закон выступал не как противник, а как защитник личных прав граждан. В известном смысле он воплощал дух НЭПа и служил охранной грамотой нэпмана и его деловых партнеров. Менее острой, но все-таки важной стороной кодекса был перевод государственных предприятий на хозрасчет и получение такими хозрасчетными предприятиями статуса юридического лица. Хотя основной капитал государственных предприятий находился вне сферы применения частного законодательства, их оборотный капитал, согласно статье 18 кодекса, мог служить гарантией долга; кроме этого, государственные предприятия могли выступать в суде в качестве истца или ответчика в зависимости от содержания заключенных ими контрактов.

Кодексы о земле и о труде¹⁷¹ — каждый в своей области — дополняли Гражданский кодекс. Ни землевладение, ни использование трудовых ресурсов не участвовали в процессе неограниченного обмена, поэтому эти вопросы не нашли отражения в гражданском кодексе. Однако в условиях НЭПа они в большой степени приобрели характер отношений гражданского права. Если гражданский кодекс был охранной грамотой нэпмана, то кодекс о земле служил охранной грамотой крестьянина-землевладельца, а кодекс о труде — предпринимателя, управляющего промышленным предприятием, и свободного промышленного рабочего. Кодекс о земле давал крестьянину ограниченное право на землепользование, распространявшееся на его надел, а также (с некоторыми оговорками) право на аренду земли и использование наемного труда. Несомненно, этот кодекс служил воплощением новой политики уступок крестьянину, пусть даже путем возврата к капиталистическим отношениям в деревне. Точно так же и кодекс о труде служил лишь ширмой для возврата к свободному рынку рабочей силы. В отличие от кодекса о земле и гражданского кодекса этот закон не был столь явной уступкой силам буржуазии, которые в промышленности не занимали такие же клю-

чевые позиции, как в сельском хозяйстве или торговле. Тем не менее кодекс о труде возродил трудовое соглашение между предпринимателем и рабочим как основу найма, вернул право увольнения работодателю и вновь создал резервную армию труда в виде хронической безработицы. В соответствии с этим кодексом даже управляющие государственными предприятиями решали вопросы взаимоотношений между работодателем и работником с тех же капиталистических позиций.

Аналогичные тенденции заявили о себе и в новой организации системы судопроизводства, также принятой в 1922 г. Здесь обозначился явный поворот в пользу юриста-профессионала и строжайшего соблюдения законов. В мае 1922 г., одновременно с принятием первого Уголовного кодекса РСФСР, наркомат юстиции внес во ВЦИК проект декрета, который предполагал создание института государственного обвинителя, или генерального прокурора, уполномоченного не только определять, необходимо ли в данном случае судебное преследование, но и рекомендовать отмену или изменение любого судебного или иного решения, принятого в суде или исполнительной инстанции, если оно противоречит закону. Таким путем предполагалось добиться единообразия судебных решений. Генеральный прокурор как верховный хранитель «революционной законности» подчинялся непосредственно наркому юстиции и назначал подчиненных ему прокуроров автономных республик и губерний РСФСР.

Партийная фракция во ВЦИКе встретила проект декрета в штыки. Большинство утверждало, что наделение прокурора правом надзора противоречит конституционным правам местных властей, и требовало введения системы «двойного подчинения», при которой прокуроры подчинены как местным советским властям, так и генеральному прокурору РСФСР¹⁷². На этом этапе в дискуссию вмешался Ленин, который выступил на стороне меньшинства и предложил вынести этот вопрос на обсуждение в Политбюро. Он утверждал, что система «двойного подчинения» в управлении на государственном уровне оправдана различиями в условиях труда в разных районах страны (например, проблемы сельского хозяйства в Калуге отличаются от этих же проблем в Казани), но что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик». У Рабкина имеются полномочия проверять правильность решений органов управления с практической точки зрения. Задача прокурора состоит в том, чтобы «ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом», поэтому для контроля над решениями местных властей и во избежание проявлений некомпетентности и субъективизма необходима единая центральная инстанция. Ленин писал: «...Мы живем в море беззаконности и... местное влияние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культурности»¹⁷³. Эти дискуссии во ВЦИКе

привлекают внимание еще из-за выступления наркома юстиции Украины Скрипника, который тщетно пытался убедить присутствующих в том, что права, которыми собираются наделить прокурора, «означали бы уничтожение и уменьшение силы Губисполкомов и парализовали бы силу всей Советской власти на местах». Заместитель наркома юстиции РСФСР Крыленко защищал проект декрета и дал резкую отповедь своим оппонентам, которые обвиняли декрет в «фетишизации» закона: «Мы страдаем от недостатка соответствующего уважения к писаным нормам, к закону, как таковому, от недостатка этого фетишистского отношения, а не от избытка»¹⁷⁴. Доводам Ленина и Крыленко вняли, и в итоге декрет был принят в редакции, предложенной наркоматом юстиции¹⁷⁵. Таким образом был сделан крупный шаг в направлении централизации власти и облачения этой централизованной власти в строгие юридические одежды.

Строительство системы советских судебных органов было завершено принятием 31 октября 1922 г. положения о судоустройстве, которое получило одобрение ВЦИК на той же сессии, что и кодексы гражданский, о земле и труде. Важной характерной чертой возрожденного культа законности стало возвращение к принципу укомплектования судебных органов профессиональными юристами. Как заявил Крыленко, представляя проект советского судоустройства во ВЦИК, «...после пяти лет существования Советской власти, в особенности в эпоху развивающихся гражданских правовых отношений, мы должны отказаться от того начала, что народным судьей сейчас может быть всякий»¹⁷⁶. Положение о судоустройстве служило цели установления централизованного контроля над назначением судей в высшие суды республики и повышения профессиональной компетентности ранее назначенных судей. В положении предпринимались осторожные шаги в этих двух направлениях. В районных судах народный судья, выполняющий обязанности председателя суда, избирался сроком на один год местным исполнительным комитетом и мог быть переизбран. Однако выборы народного судьи губисполкомы производились «по представлению губернского суда или Народного Комиссариата Юстиции», причем кандидаты «должны иметь не менее двухгодового стажа ответственной политической работы в общественных, профессиональных или партийных организациях» или «не менее трех лет стажа практической работы в органах советской юстиции» (ст. 11—13). Народные заседатели, которые, помимо судей, входили в состав этих судов, избирались непосредственно местными органами власти из расчета: 50% — рабочие, 35% — крестьяне и 15% — красноармейцы. Каждый народный заседатель имел право участвовать в работе суда не более шести дней в году; специальная комиссия, назначаемая местным исполкомом, могла заявить протест против участия любого народного заседателя, дожидаящегося своей очереди (ст. 15—28). В местных судах председатель и два заседателя (один для гражданских

и один для уголовных дел) формально еще могли избираться местным исполкомом, однако их кандидатуры должны были утверждаться наркоматом юстиции, который имел право предложить свои собственные кандидатуры (ст. 59—63). В местных судах народные заседатели назначались местным исполкомом по спискам, составленным судебными властями. Они должны были иметь не менее двух лет стажа работы в общественных или профсоюзных организациях (ст. 64). И наконец, высшим апелляционным судом являлся Верховный суд РСФСР; председатель этого суда и два его заместителя назначались решением Президиума ЦИК РСФСР (ст. 95—96). За вынесение решений, противоречащих духу законов РСФСР и интересам рабочего класса, судьи могли быть наказаны в дисциплинарном порядке (ст. 112). Особое внимание было обращено на роль прокурора, в обязанности которого входило «наблюдение за законной деятельностью всех Народных Комиссариатов и иных центральных учреждений и организаций и предложение об отмене или изменении изданных ими незаконных распоряжений или постановлений»¹⁷⁷. Однако функции прокурора не ограничивались рамками уголовного и административного законодательства. В соответствии со статьей 254 Гражданского процессуального кодекса РСФСР прокурор был уполномочен «вступить в любое гражданское дело, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс»¹⁷⁸. Так было воплощено в жизнь стремление Ленина сделать прокурора не только хранителем законности, но и средоточием централизованной законодательной власти. Система судопроизводства, установленная данным положением для РСФСР, была позже введена в других союзных республиках и послужила основой для создания системы правоохранительных органов в масштабе СССР.

Образование СССР явилось следующим шагом в сторону возрождения законности и установления единого законопорядка. Формально разработка законов и учреждение судов по-прежнему считались прерогативой союзных республик, каждая из которых имела свой наркомюст, однако среди задач, предписанных «верховным органам власти» СССР в соответствии со статьей 1 Конституции, мы находим «установление основ судостроительства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза». Так Конституция обеспечивала единый законопорядок в стране. Централизованный надзор за поддержанием «революционной законности» обеспечивался учреждением Верховного суда СССР. Эти нововведения имели целью обеспечить контроль за работой соответствующих органов в союзных республиках, а также координацию их деятельности. Верховный суд СССР был учрежден «в целях утверждения революционной законности на территории Союза ССР». К компетенции Верховного суда относились, среди прочего, «дача верховным судам союзных республик руководящих разъяснений по вопросам общесоюзного

законодательства» и «разрешение судебных споров между союзными республиками». Во избежание следования немарксистской концепции превосходства права особо оговаривался отказ от права юридического надзора. Верховный суд был не более чем органом при ЦИКе Союза ССР и действовал как его инструмент. Только «по требованию ЦИКа» он должен был давать «заключения... о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции». Важнейшей задачей Верховного суда было «рассмотрение и опротестование перед ЦИКом Союза ССР по представлению прокурора Верховного Суда Союза ССР постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик по соображениям противоречия таковых общесоюзному законодательству или поскольку ими затрагиваются интересы других республик». Прокурор Верховного суда назначался непосредственно Президиумом ЦИК Союза ССР, причем по отношению к Верховному суду он занимал скорее главенствующее, чем подчиненное положение. Его прерогативой была «дача заключений по всем вопросам, подлежащим разрешению Верховного Суда Союза ССР, поддержание обвинения в заседании его и, в случае несогласия с решениями пленарного заседания Верховного Суда Союза ССР, опротестование их в Президиум ЦИКа Союза ССР».

Большое значение, которое приобретала фигура генерального прокурора Верховного суда СССР, объясняется тем обстоятельством, что наркоматы юстиции предусматривались только в союзных республиках и в этих условиях он становился высшей и, по существу, единственной судебной инстанцией, представляющей правительство СССР. В связи с тем что в соответствии с Конституцией должностной наркома юстиции СССР отсутствовала и верховная судебная власть осуществлялась в союзных республиках, прокурор Верховного суда СССР, будучи уполномоченным опротестовывать решения прокуроров союзных республик (которые зачастую также выполняли обязанности республиканских наркомов юстиции), фактически являлся наркомом юстиции СССР. Таким образом, новая политика в области правосудия привела не только к восстановлению судебной власти, но и к ее централизации в единой верховной инстанции¹⁷⁹.

Возрождение права и новый культ революционной законности были теснейшим образом связаны с необходимостью защитить интересы нэпмана-коммерсанта и обеспечить его соответствующими его представлениям нормами отправления правосудия. Именно эта сторона дела стала главной заботой теоретиков, засевавших за разработку теории права на период НЭПа, и именно на этой основе стало возможным объяснить возрождение законности, которая, как и НЭП вообще, была шагом назад и временным соглашением с капитализмом. Как в свое время указывал сам Маркс, на первом этапе перехода к социализму право будет преимущественно буржуазным, поэтому признание его пригодности на этот переходный период не шло вразрез с верой в отмирание права при

социализме. Так, Стучка рассматривал гражданское право как «результат товарного производства» и как «формальное равенство людей, которое порождается товарообменом на основе трудовой меновой стоимости»¹⁸⁰. В соответствии с этой точкой зрения государственные предприятия и сектор плановой экономики естественным образом выпадали из сферы применения права, подчиняясь другим формам контроля, хотя на них можно было искусственно распространить существующий законопорядок через хозрасчет. Гражданский кодекс представлял собой «настоящий буржуазный гражданский кодекс, на $\frac{9}{10}$ заимствованный из лучших буржуазных гражданских кодексов Запада»¹⁸¹.

Другой видный юрист периода НЭПа, Пашуканис, развил тезис Стучки и определил право как выражение буржуазного принципа товарообмена между формально свободными людьми: «...одновременно с тем, как продукт труда приобретает свойство товара и становится носителем стоимости, человек приобретает свойство юридического субъекта и становится носителем права». Правовые отношения объявлялись формой существования отношений экономических. Этот же подход использовался по отношению к публичному праву: «Государственная машина действительно реализует себя как безличная «общая воля», как «власть права» и т. д. поскольку общество представляет собой рынок», на котором отдельные люди ведут товарообмен на формально равных условиях. Как выяснилось, эти выводы сохраняют силу даже тогда, когда речь идет об уголовном праве, которое, хотя оно и представляло собой карательную деятельность правящего класса против его противников и вообще не заслуживало того, чтобы называться правом, тем не менее «входит составной частью в юридическую надстройку, поскольку оно воплощает в себе одну из разновидностей... формы эквивалентного обмена со всеми вытекающими из нее последствиями», а именно — понятие эквивалентного возмездия¹⁸².

Следует отметить, что в своих теориях Стучка и Пашуканис недвусмысленно связывали возрождение права с практикой НЭПа, тем самым указывая на временный характер права и допуская возможность его окончательного отмирания после победы социализма. Теория права не была лишена тех же противоречий, что и теоретическое обоснование всей новой экономической политики, которая рассматривалась одновременно как отход от социализма и как необходимый этап его строительства.

Маловероятно, что эти довольно надуманные теоретические построения производили сильное впечатление на вождей партии и администраторов, которые стремились освятить свою власть законом, или на крестьян и лавочников, которые хотели, чтобы закон стоял на страже их собственности и защищал их интересы в делах, или, наконец, на рядовых советских граждан, которым надоела неразбериха и которые предпочитали строго определенных нормы произволу чиновников. Революционный энтузиазм

превратился в «море беззакония», на которое сетовал Ленин, а «революционное правосознание» слишком часто служило лишь ширмой для бюрократических перегибов и мелочных придирок со стороны властей. Возрождение законности можно с некоторыми оговорками сравнить со стабилизацией курса национальной валюты, что было, по мнению Троцкого, «неразрывно связано с возвратом к „нормам буржуазного права“»¹⁸³. В сфере правосудия, как и в других областях, концепции начального периода НЭПа были реакцией на идеи времен «военного коммунизма», когда распыление власти приветствовалось как естественный этап на пути к социальной утопии будущего. Возвращение к законности было единственным процессом, отражавшим как потребность существующего правительства в опоре на авторитет и нормы закона, так и потребность населения в устойчивом и строго определенном законопорядке. Определение «революционная» перед словом «законность» в то время служило не чем иным, как ширмой для укрепления законности власти и возвращения к традиции в области права.

Живучесть этой традиции объясняется, помимо прочего, еще одним обстоятельством. «Забастовка», к которой сначала прибегли профессиональные юристы и которая дала повод для поспешного вывода, что «...превращение старого буржуазного юриста в советского — вещь невозможная»¹⁸⁴, длилась не дольше, чем бойкот Советской власти «неуступчивыми» специалистами в других областях. Так же как посягательство революции на право сопровождалось откровенным недоверием к судьям и адвокатам старой школы, сохранившим приверженность прежнему режиму, возрождение законодательной власти в свою очередь означало укрепление авторитета юриста-профессионала. Сам факт создания свода законов, казалось, олицетворял нечто незыблемое и вечное. Независимо от конкретного содержания кодексов и целей, для которых они предназначались, они знаменовали собой торжество принципа стабильности над хаосом первых революционных лет и пусть неосознанно, но послужили звеном, связывающим современность и историческое прошлое России. К работе над составлением новых кодексов широко привлекались бывшие царские чиновники и юристы, да и сами кодексы по форме, содержанию и даже формулировкам зачастую очень напоминали дореволюционные законодательные акты¹⁸⁵ и во многом способствовали созданию атмосферы привычности и упорядоченности, в которой представителям старого режима было легче приспособиться к новой власти. Скоро выяснилось, что вопросами толкования советских законов и управления судебными органами занимаются бывшие царские судебные чиновники. «В самом деле, — говорил Стучка в 1922 г., — если мы берем любое издание, любую работу по советскому праву, нас обыкновенно постигает полное разочарование. По обложке — советское, а внутри — как будто отдает прежним, буржуазным»¹⁸⁶. Пробелы в советском праве все откровеннее

восполнялись за счет положений из царских законов. Таким образом, пока штатные теоретики права рассуждали о том, что оно не переживет НЭПа, развернутая одновременно с этим пропаганда законности укрепляла авторитет права и не оставляла сомнений в том, что оно рассматривается как один из столпов национальной экономики и государственности. Отказ от первоначальной революционной враждебности к праву был одним из наиболее верных признаков тех перемен в жизни общества, которые впоследствии привели к появлению теории построения социализма в одной стране.

ГЛАВА 3

КЛАСС И ПАРТИЯ

Выступая перед рабочей аудиторией через несколько дней после объявления о переходе к новой экономической политике, Ленин говорил о трех классах, существующих в советском общественном строе. Это пролетариат, в отношении которого «мы имеем теперь особую усталость и изнеможение и особую издерганность» из-за сверхчеловеческой нагрузки, выпавшей на его долю в годы революции и гражданской войны; мелкая буржуазия, которую Ленин отождествлял с крестьянством и определял как «самостоятельный класс, тот класс, который, после уничтожения, изгнания помещиков и капиталистов, остается единственным классом, способным противостоять пролетариату», и, наконец, «помещики и капиталисты», которых «у нас сейчас... не видно», но которые представляют собой грозного внешнего врага¹. После двух лет НЭПа в одной из последних напечатанных при жизни статей Ленин перечеркивает «помещиков и капиталистов», но вводит новую концепцию, согласно которой социальный строй в Советской республике «основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия»². С этого момента «новая буржуазия» или новые буржуазные слои постоянно фигурируют в партийной литературе и включают такие социальные группы, как «торговцы, частные арендаторы, различные свободные профессии в городе и в деревне, деревенское кулачество и т. д.», короче говоря — кулаки в деревне, нэпманы в городе³. Осенью 1924 г. Зиновьев утверждал, что в Советском Союзе существуют «два класса с дробью», причем «дробь», состоящая из «новой буржуазии» и «остатков старой буржуазии», как утверждал автор, «составляет, допустим, третий класс»⁴. Однако к этому времени социальная структура советского общества усложнилась за счет появления еще одной группы, которую иногда именовали «комсостав» или «офицерский корпус»⁵ и в которую входили старые специалисты, инженерно-технические работники, управляющие и люди свободных профессий, так или иначе находившиеся на службе у Советского правительства или в государственных органах управления экономикой. От «новой буржуазии» они отличались тем, что не занимались собственным частным производством и не владели средствами производства. Интеллигенция — в той

мере, в какой она признавала Советскую власть и открыто заявляла о своей лояльности по отношению к ней, — также относилась к этой группе.

Таким образом, после уничтожения «помещиков и капиталистов» и перехода к НЭПу советское общество, по мнению его лидеров и теоретиков, состояло из трех или скорее четырех социальных групп или классов: пролетариата, крестьянства (включая, разумеется, значительное число мелких ремесленников, естественные интересы которых ставили их на одну ступень социальной лестницы с крестьянами), «новой буржуазии», то есть нэпманов и кулаков, а также «офицерского корпуса», который в свою очередь состоял из чиновников, управляющих, инженерно-технических работников и работников умственного труда различных специальностей. Из этих четырех групп третья (нэпманы и кулаки) находилась скорее за чертой советского общества, чем в его пределах, и существовала на положении незваных гостей, которые явно выделяются среди остальных и которых едва терпят. Как капиталисты и эксплуататоры наемного труда, они не могли претендовать на занятие государственных должностей или на членство в партии. Больше того, по Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1923 г., они даже были лишены избирательного права. Остальные три группы составляли то, что по-прежнему официально называлось диктатурой пролетариата. Деление советского общества на рабочих, крестьян, а также служащих и лиц, занятых умственным трудом, нашло отражение в официальных советских публикациях уже в 1924 г.⁶ Такая же классификация использовалась в партийной статистике, когда речь заходила о социальном составе партии. Члена партии относили к «рабочим», если его основным занятием был физический труд на производстве и транспорте, к крестьянам, если он вел личное хозяйство или работал в сельхозкооперации, или к «служащим», включавшим «интеллигентов», которые в партийных интересах не рассматривались как отдельная социальная группа. Не попавшие ни в одну из этих групп «другие» включали сельскохозяйственных рабочих, кустарей-одиночек, домашних хозяек, прислугу и студентов; членов партии среди них было мало.

Это деление на три группы, увы, было только началом трудностей, связанных с определением природы и функции классов, составлявших советское общество. Во-первых, было неясно, каковы отличительные признаки класса, точное определение которого в трудах Маркса и Энгельса отсутствует. Однако в это слово они вкладывали вполне определенный смысл, который не отличался от его общепринятого значения; было вполне понятно, что принадлежность к тому или иному классу зависит не просто от социально-экономической функции данного индивидуума и что класс является устойчивой группой, имеющей общую идеологию и общие интересы. Следовательно, этот термин применим только в том случае, когда с течением времени социальная функция пе-

перастает в нечто напоминающее общепринятый социальный статус. Перемена социальной функции не означает автоматической перемены классовой принадлежности; более того, это редко происходит в течение жизненного срока одного поколения. Человек действует, думает и чувствует как капиталист или как рабочий не просто потому, что в данный момент является таковым, а потому, что принадлежит к одному из этих классов по своему происхождению. Естественно, когда в партийных или государственных интересах возникала необходимость определить классовую принадлежность советских граждан, критерием должно было служить их социальное положение, а не род занятий в тот или иной момент⁷. В отличие от общества с устойчивой социальной структурой, где сделать это было бы сравнительно легко, в революционном обществе с его резкими изменениями социального положения людей и пристальным вниманием к этим изменениям такая классификация населения серьезно расходилась с действительностью. В обстановке, когда значительное число рабочих и крестьян было привлечено к работе в качестве ответственных должностных лиц и управляющих в партийных, советских или хозяйственных органах, опубликованные статистические данные о количественном составе трех классов в значительной степени искажали реальную картину. Положение усугублялось тем, что принадлежность к «рабочим» и «крестьянам» в советском обществе сулила вполне определенные выгоды, поэтому служащие и работники умственного труда стремились подчеркнуть свою принадлежность к этим двум классам во всех случаях, когда для этого имелся малейший повод. В некоторых партийных кругах эта практика вызывала осуждение, в результате чего была сделана попытка выявить менее многочисленную прослойку подлинных «рабочих от станка» и «крестьян от сохи». «Ленинский призыв» 1924 г. как раз и заключался в пополнении партийных рядов «рабочими от станка» и тем самым в увеличении представительства настоящих рабочих в партии⁸. Однако эти более жестко ограниченные категории никогда не использовались для официальной статистики. В партийном циркуляре от 12 августа 1925 г. содержались указания по ведению личных дел членов партии, из которых следовало, что социальная принадлежность определяется не по роду занятий, а по происхождению⁹.

В советском обществе разница между этими двумя критериями классовой принадлежности приводила к значительному расхождению в статистических данных. Например, имеются сведения о том, что в 1925 г. в Ленинградской области 74,8% членов партии называли себя рабочими, а 11,3% — крестьянами, тогда как фактически, судя по роду занятий на данный момент, рабочие составляли только 55,5%, а крестьяне — только 1,4%¹⁰. Среди членов губернских, окружных и городских районных комитетов партии 55,5% считались рабочими и 18,9% крестьянами, однако из них «рабочих от станка» было только 16%, а «крестьян от сохи» —

8,8%, причем даже эти низкие показатели были шагом вперед по сравнению с предыдущим годом¹¹. В своем выступлении перед делегатами XIV съезда партии в декабре 1925 г. Молотов заявил, что, хотя 58% членов партии называются рабочими, согласно статистике, лишь 38% являются «рабочими от станка»¹². Официальный советский справочник по статистике перевыборов в Советы РСФСР, изданный в 1926 г., сетовал на методологические трудности определения классовой принадлежности, например рабочего, находящегося на административной работе, а также на неопределенные критерии, применяемые к лицам из рабочих и крестьян, которые работают в государственных учреждениях и общественных организациях¹³. Некоторые расхождения относительно классового состава Красной Армии существовали и в статистических данных на начало 1927 г.: только 16% красноармейцев считались «рабочими», однако, если принять за главный критерий род занятий до призыва на службу, доля рабочих выросла бы до 22%¹⁴. Разумеется, некоторые рабочие из крестьян, а также рабочие, связанные с крестьянским трудом, в то время все еще числились крестьянами. Все эти неясности были не просто чисто формальными или статистическими. Когда общество еще не завершило процесса своей кристаллизации, границы между социальными группами размыты и неопределенны. Подчас трудно было определить с опорой на любой критерий личной выгоды или сознательной лояльности классовую принадлежность крестьянина, который пришел работать на завод, или рабочего, которого привлекли для работы в управленческом аппарате.

И все же противоречивые критерии для определения границ между социальными группами и классовой принадлежности отдельных лиц отступали на второй план в сравнении с трудностями, возникавшими в связи с попыткой выявить в советском обществе действие тех классовых сил, которые, согласно марксистскому учению, обеспечивали динамику развития общества. С какой стороны мы ни пытались бы подойти к изучению структуры советского общества в период НЭПа, неизбежно возникают трудности из-за той разницы, которая существовала между реальной картиной и теми категориями, которыми мыслили и с помощью которых отражали эту картину верные марксистской традиции советские вожди и теоретики. Революция, которая произошла в России в октябре 1917 г., считалась — с некоторыми оговорками, касающимися присутствия в ней буржуазных элементов, — практическим воплощением учения Маркса о пролетарской революции, что естественным образом предполагало приемлемость марксистского классового подхода. С другой стороны, вопреки прогнозам Маркса она произошла в стране с недостаточно развитым пролетариатом. Рабочий класс России одержал победу не самостоятельно, а заключив союз с крестьянством и восприняв освященную временем, но совсем не марксистскую цель крестьянской революции — захват земли крестьянами.

Как и другие большевистские вожди, Ленин не верил в то, что революция в России сможет выжить, если пролетариат в других развитых странах не совершит революции и не придет ей на помощь. Он также не верил в возможность самостоятельного построения социализма в отсталой России. Во-первых, русский пролетариат был слишком слаб, чтобы создать промышленную основу социализма, а во-вторых, любая попытка построить социализм натолкнулась бы на частнособственнические интересы численно превосходящего крестьянства. К исходу 1920 г. русское крестьянство, измученное гражданской войной и недовольное реквизицией зерна, было на грани бунта. Советская власть удержалась, пойдя на компромисс в виде новой экономической политики, которая означала подтверждение права крестьян на земельную собственность, восстановление свободной торговли хлебом и, следовательно, зеленую улицу новым капиталистам-кулакам и нэпманам. По общему мнению, это был вынужденный ход, шаг назад. Враги Советской власти окрестили его «термидором», члены «рабочей оппозиции» считали НЭП отступлением пролетариата в угоду мелкобуржуазному крестьянству.

Действительно, трудно было избежать такого заключения, если безоговорочно следовать традиции классового подхода. Когда стали слышны голоса, уверявшие, что НЭП, с одной стороны, — шаг назад, а с другой — шаг вперед по пути к социализму и что этот шаг фактически совершается в Советской России, несмотря на неудачи пролетарской революции за ее пределами, появилась видоизмененная трактовка классовых отношений. В 1919 г. Ленин писал: «Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы»¹⁵. Однако вскоре выяснилось, что новые формы несут с собой новую концепцию класса, которая чревата серьезными теоретическими осложнениями. Помимо того что эти осложнения были вызваны самой попыткой перенести категории марксистского учения из XIX в XX век и из Западной Европы в Восточную, они были еще и отражением той коренной проблемы, которая не давала большевикам покоя начиная с победы, одержанной в октябре 1917 г., и заключалась в обеспечении победы пролетарской революции в стране с отсталым и малочисленным пролетариатом. Для объяснения процесса, происходившего в то время в Советском Союзе, категории традиционного классового подхода были непригодны. К этому выводу нас подводит изучение трех признанных социальных групп, или классов, Советской России с точки зрения их фактического положения, теоретического обоснования и исторической перспективы¹⁶.

Проблема крестьянина была наиболее серьезной и трудноразрешимой проблемой, занимавшей умы советских государственных мужей как с точки зрения практики, так и в смысле решения теоретической проблемы марксистского анализа советского обще-

ства. Рассматривая крестьянство отдельно от буржуазии и пролетариата — двух основных классов капиталистического общества, — Маркс полагал, что оно является пережитком докапиталистической формации, обреченной на распад под влиянием прогрессирующего капитализма. Вместе с тем он допускал, что в менее развитых странах оно может служить потенциально революционным фактором в союзе с рабочим классом и что в вопросе о крестьянстве столкнутся интересы пролетариата и буржуазии¹⁷. Отлично подкованный марксист-теоретик Плеханов недвусмысленно утверждал, что русское крестьянство — не отдельный класс, а «сословие», которому присущи черты обоих противостоящих классов¹⁸. Ленин, который всегда старался не отделять революционную теорию от революционной тактики, не пришел к однозначному выводу относительно определения крестьянства как класса. На этапе буржуазной революции крестьянство как таковое было союзником рабочего класса в деле свержения власти феодалов-землевладельцев, и в этом смысле Ленин уверенно говорил о нем как о классе. На этапе социалистической революции пролетариат искал союза с «полупролетарскими» элементами в крестьянской среде, противопоставляя их элементам враждебным буржуазным и выжидающим мелкобуржуазным элементам¹⁹. В этом контексте крестьянство из класса превращалось в неоднородную группу, состоящую из представителей разных классов. Коль скоро предпринятая в 1918 г. попытка ускорить ход развития социалистической революции, когда хотели сыграть на неоднородности крестьянской массы с помощью комитетов бедноты, потерпела неудачу, шаг назад в сторону полукапиталистических условий НЭПа стал неизбежен. И вновь можно было говорить о крестьянстве как о классе и о важности его союза с пролетариатом, хотя при этом постоянно не давала покоя мысль о том, что возможность продвигаться дальше по пути к социализму находится в зависимости от перспективы использования противоречий внутри крестьянства, которые в какой-то момент потеряли остроту²⁰.

На фоне нелегкого положения фабричного рабочего крестьянин в период НЭПа выглядел как сторона, которая в силу своего численного превосходства и доминирующего положения в экономике страны в наибольшей степени выиграла в результате революции. Ретроспективный анализ подтверждает предположение о том, что крестьянин принял революцию на своих условиях и что он оказался достаточно силен, для того чтобы добиться долговременного выполнения этих условий. Декрет от 26 октября (8 ноября) 1917 г. означал принятие большевиками крестьянской программы распределения земли и обеспечил лояльность крестьян по отношению к Советской власти в гражданскую войну, на полях которой они защищали свои новые завоевания. Однако крестьянин не собирался драться за победу революции в других странах, идея которой оставляла его в высшей степени равнодушным. Это в равной степени убедительно подтверждается как раз-

громом белых армий, так и поражением Красной Армии у стен Варшавы в 1920 г.²¹ Как только окончилась война и исчезла опасность возвращения помещиков, крестьянин в качестве условия продления союза с пролетариатом смог выдвинуть новые требования, выполнению которых и служила новая экономическая политика.

По поводу выборов во Франции 10 декабря 1848 г. Маркс писал в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», что они представляли собой *«реакцию крестьян, которым пришлось нести издержки февральской революции, против других классов нации, реакцию деревни против города»*. То же самое можно сказать о НЭПе и его последствиях в Советском Союзе²². Бухарин отмечал, что крестьянин многому научился за время гражданской войны и вышел из нее «на более высоком моральном и интеллектуальном уровне» по сравнению с дореволюционными временами: «Крестьянин говорит: «Мы ведущая сила, и мы не позволим обращаться с нами, как с несмышленными детьми. Мы накормим рабочих, но мы — главная сила в нашем союзе, и мы знаем свои права»²³. Когда промышленность посягнула на условия наибольшего благоприятствования для крестьян и вызвала нечто вроде кризиса «ножниц», Зиновьев и Каменев на XII съезде партии в апреле 1923 г. во всеуслышание заявили, что основой советской экономики является сельское хозяйство, а стержнем советской политики — прочный союз с крестьянством. Созвучные этому идеи в течение последующих двух с половиной лет продолжали высказываться с партийных трибун и легли в основу партийных решений того времени. «Мужик, — отзывался в 1923 г. из Харбина Устрялов, — становится единственным и действительным хозяином русской земли»²⁴. В этих условиях влияние крестьянства носило ярко выраженный консервативный характер. «Крестьянство, — отмечал в ноябре 1922 г. Ленин, — довольно своим настоящим положением»²⁵. Крестьянин принял революцию, которая прогнала помещиков и отдала ему землю на условиях, максимально приближенных к личному владению, и, если это называется социализмом, тогда крестьянин обеими руками голосует за социализм. Однако это не означает идеологического сближения. Крестьянин, писал Калинин, «находится дальше от Советской власти, чем интеллигенция»²⁶. Интересы крестьянина не простирались за пределы его личного хозяйства и условий, которые необходимы для его процветания. Так что надежды и претензии крестьянина прекрасным образом укладывались в схему «социализма в одной стране» при условии, что ему будет позволено трактовать понятие «социализм» так, как ему заблагорассудится.

Впрочем, эта картина положения крестьянства в условиях НЭПа представляла собой сознательно допущенное и искусственное упрощение, игнорирующее тот очевидный факт, что крестьянство не было серой однородной массой и что уступки со стороны партии и государства были в конечном счете наиболее выгодны

предприимчивым и зажиточным крестьянам, которые умело вели хозяйство и знали, как использовать эти уступки с максимальной пользой для себя. Совершенно ясно, что такого уклона избежать было невозможно. До тех пор пока умиротворение крестьянства не перестало быть основой советской экономической политики, ее плоды пожинались в основном зажиточным крестьянством, хотя крохи с его стола могли перепадать его менее имущим иждивенцам. Если мы прибегнем к марксистской терминологии, мы получим следующую картину: несмотря на все сдерживающие меры, развитие сельского хозяйства по капиталистическому пути означало необходимость смириться с неравенством, присущим капитализму, и с капиталистической эксплуатацией в деревне. Именно зажиточный крестьянин стал силой, влияние которой все явственней ощущалось в текущей политике партии и Советского государства начиная с 1921 г. Спустя полтора года после того, как Ленин заметил, что крестьянин вполне удовлетворен своим нынешним положением, Зиновьев признал, что больше всех Советской властью доволен процветающий кулацкий сектор²⁷.

В первые годы НЭПа сложившаяся обстановка ни у кого не вызывала особой тревоги, и основным партийным лозунгом того времени по-прежнему оставалось часто упоминаемая смычка пролетариата с крестьянством. После 1924 г. развернулась пропагандистская кампания против такой крестьянской политики, которая поощряла кулака; эта кампания была новым веянием и одновременно поворотным пунктом. В теоретическом плане это был отход от трактовки крестьянства как единого класса и еще одна попытка дифференцировать его по классовому признаку. Теперь уже не только крестьянство лишалось статуса класса, но и его отдельные составные части, как выяснилось, принадлежали к разным классам. Кулак как капиталист и эксплуататор чужого труда был причислен к нэпманам. Классовое положение деревенского бедняка или наемного сельскохозяйственного рабочего (батрака), продававшего свой труд, роднило его с пролетарием, хотя в действительности батрак, будучи владельцем небольшого личного надела, жил, как правило, несбыточной мечтой расширить этот надел и стать самостоятельным хозяином и по этой причине был лишен чувства солидарности с фабричным рабочим²⁸. Середняк, то есть независимый работник, который не продавал свой труд и не покупал чужой, оказался причисленным к той же мелкобуржуазной прослойке, что и кустарь, ремесленник, мелкий лавочник и торговец в городе или деревне. Отличительным признаком этой социальной группы было то, что, владея средствами производства или контролируя их и в этом смысле принадлежа к капиталистам, они, как правило, не занимались эксплуатацией или применением наемного труда. В «Коммунистическом манифесте» мелкая буржуазия характеризовалась как класс, занимающий шаткое промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом и способный в будущем пополнить ряды последнего. Следовательно, от-

ношение партии к представителям этой группы не было безоговорочно враждебным; партия постоянно стремилась лишить кулаков и нэпманов возможности оказывать на нее влияние и обеспечить ее поддержку делу рабочего класса. В этом заключалась суть политики партии по отношению к середняку в 1919 г.²⁹; к этой же политике партия решительно вернулась после 1924 г. Обе взаимоисключающие линии политики партии в деревне, которые в течение определенного времени проводились параллельно, имели двойное теоретическое обоснование. Когда возникала необходимость добиться расположения зажиточного крестьянина, о крестьянстве говорилось как о едином классе, находящемся в союзе с рабочим классом. Когда нужно было ужесточить политику по отношению к кулаку и настроить против него середняка и бедноту, крестьянство объявлялось неоднородной совокупностью, составные части которой отличаются друг от друга по классовому признаку. Уже не классовый подход определял политику, а политика определяла классовый подход, приемлемый для конкретной обстановки. Классовый подход оказался в зависимости от целей текущей политики.

Как и все другие социальные группы советского общества, пролетариат испытал сильное влияние новой экономической политики и получил от нее косвенные материальные дивиденды. Вместе с тем роль пролетариата в обществе стала менее заметной. Теоретическое положение относительно ведущей роли пролетариата в революции, которое казалось эффективным в героические октябрьские дни 1917 г., после захвата власти перестало срабатывать. Идиллическая картина, которую нарисовал Ленин в 1918 г.: «...Теперь вся рабочая масса, не только вожди и передовики, а действительно широчайшие слои знают, что они сами, собственной рукой строят социализм ...»³⁰ — оставалась радужной мечтой. Рабочий контроль на промышленных предприятиях не смог сдвинуть производство с мертвой точки, Красная Армия оказалась бессильной перед лицом дисциплинированных частей противника, управленческий аппарат был глух к простым рецептам «Государства и революции»; наконец, рабочий класс не только не смог «повести за собой» крестьянство, составлявшее 80 % населения страны, но и сам вскоре оказался у него на иждивении. Слабость пролетариата стала очевидной, когда возникла необходимость закрепить результаты октябрьской победы 1917 г.; дальнейшие события лишь усугубили его положение. Уже в марте 1918 г. Бухарин заговорил о расслоении в пролетарской среде. В обстановке хаоса, вызванного гражданской войной, развала промышленности и бегства людей из пораженных голодом городов возникла опасность того, что русский пролетариат полностью растворится в крестьянской массе, из которой он так недавно вышел и с которой его роднили общие корни и привязанности³¹. Ленин не преувеличивал, когда, касаясь состояния пролетариата в конце гражданской войны, писал об «изнеможении и особой издерганности это-

го класса». Когда же по прошествии некоторого времени НЭП ослабил напряжение и проложил путь к восстановлению и реконструкции, именно крестьянин, а не фабричный рабочий возглавил движение вперед и на последующие три года занял умы вождей партии. По мере того как объем сельскохозяйственной продукции медленно, но уверенно приближался к довоенному уровню, промышленность по-прежнему оставалась далеко позади. Больше того, именно легкая промышленность, где рабочие были наименее квалифицированы и по своему мировоззрению и социальному статусу мало чем отличались от крестьян, первой ступила на путь восстановления. А в тяжелой промышленности, в которой до войны работало подавляющее большинство квалифицированных и сознательных рабочих, уровень производства в 1923 г. с трудом перевалил за рекордно низкие отметки 1920 и 1921 гг. За это время пролетариат не только понес количественные потери, но и потерял некоторые из своих существенных признаков.

Отчасти этот очевидный упадок пролетариата был вызван ошибочной трактовкой его характера. Как позже отмечалось в журнале «Большевик», пролетариат появился на свет отнюдь не в результате «непорочного зачатия»³². Многие рабочие были отмечены знаком родства с крестьянством и мелкими буржуа. Это в большей степени относится к русскому пролетариату, чем к рабочему классу более передовых стран, где само время почти полностью оторвало его от земли, а многолетний практический опыт выработал навыки организованных и согласованных действий. В одной из последних речей Ленин говорил: «Очень часто, когда говорят «рабочие», думают, что значит это фабрично-заводский пролетариат. Совсем не значит. У нас со времен войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны, а разве у нас сейчас общественные и экономические условия таковы, что на фабрики и заводы идут настоящие пролетарии? Это неверно. Это правильно по Марксу, но Маркс писал не про Россию, а про весь капитализм в целом, начиная с пятнадцатого века. На протяжении шестисот лет это правильно, а для России теперешней неверно. Сплошь да рядом идущие на фабрики — это не пролетарии, а всяческий случайный элемент»³³. Казалось, никогда еще престиж и влияние русского пролетариата — разбросанного, оставленного на произвол судьбы и пережившего длительный период количественного сокращения и качественной деградации — не были так близки к нулевой отметке, как в конце 1923 г.

Такой поворот событий явился следствием условий революционного и послереволюционного периода. «Мы... не сторонники захвата власти меньшинством», — заявил Ленин в 1917 г.³⁴ И даже когда в критический момент он утверждал, что «ждать „формального“ большинства... наивно», ничто не поколебало его убежденности в том, что «большинство народа за нас»³⁵. На определенном этапе поддержка крестьянства обеспечила успех ре-

волюции. Однако поскольку мировой пролетариат явно не спешил с оказанием помощи русской революции, ситуация, которая сначала воспринималась как временная пауза, затянулась. Русский пролетариат, вынужденный действовать в одиночку, с опорой на собственные силы, по численности, степени организованности и опыту не был готов к тем огромным нагрузкам, которые революция неожиданно взвалила на его плечи. Возникшая ситуация очень напоминала положение, сложившееся задолго до этого в другом историческом контексте и описанное Энгельсом в работе «Крестьянская война в Германии»:

«Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он *может* сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он *должен* сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий; он связан уже выдвинутыми им доктринами и требованиями, которые опять-таки вытекают не из данного соотношения общественных классов и не из данного, в большей или меньшей мере случайного, состояния условий производства и обмена, а являются плодом более или менее глубокого понимания им общих результатов общественного и политического движения. Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он *может* сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он *должен* сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно»³⁶.

Однако ни один вождь победившей революции — а Ленин меньше, чем кто бы то ни было, — не может смириться с тем, что он безвозвратно погиб. Ленин писал: «Тот, кто отворачивается от происходящей в России социалистической революции, указывая на явное несоответствие сил, тот похож на застывшего человека в футляре, не видящего дальше своего носа, забывшего, что нет ни одного исторического переворота сколько-нибудь крупного, без целого ряда случаев несоответственности сил»³⁷. Те же, кто упрекал большевиков в склонности к фантазерству, слышали в ответ:

«Откуда же было в такой стране начать социалистическую революцию без фантазеров?»³⁸ Желаемое должно прийти на смену действительному. То, чего не удавалось воплотить в жизнь сегодня, следует спланировать на завтра. Партия в качестве инструмента ленинской политики должна держать оборону и стремиться создать такие условия, в которых пролетариат сможет развиваться, пока не созреет для выполнения возложенной на него миссии. Группа деятелей, сплотившихся вокруг Ленина в ЦК партии и Советском правительстве, держала в своих руках бразды правления, действуя от имени пролетариата и рассматривая себя в качестве защитников его прав и интересов. С одной стороны, они представлялись себе доверенными лицами мирового пролетариата и в этом качестве — двигателями мировой пролетарской революции. С другой — доверенными лицами русского пролетариата в качестве временных владык того, что когда-то звалось Российской империей.

Итак, незаметно и без официальных комментариев учение о диктатуре пролетариата стало видоизменяться. И хотя в партийных публикациях авторы упорно продолжали трактовать традиционную точку зрения³⁹, все попытки воплотить ее на практике показывали ее несостоятельность. Ленин, который в своих дореволюционных работах практически оставлял вопросы управления экономикой вне поля зрения, теперь много и серьезно говорил о необходимости овладевать знаниями. В 1919 г. Троцкий был более лаконичен в том, что касается способности пролетариата решать задачи управления: «Завоевание власти само по себе вовсе еще не преобразовывает рабочий класс и не наделяет его всеми необходимыми достоинствами и качествами: завоевание власти только открывает перед ним возможность по-настоящему учиться, развиваться и очищаться от своих исторических недостатков»⁴⁰. Эта была картина пролетариата скорее *in posse*, чем *in esse*, диктатура не существующего реально, а идеализированного пролетариата будущего, уже обрисованного в работах Энгельса и Плеханова⁴¹.

Такая точка зрения неизбежно порождала вопрос: кто же на деле должен осуществлять диктатуру пролетариата в период, пока сам пролетариат созревает и готовится к выполнению этой задачи? Ответа пришлось ждать недолго. В условиях «низкого культурного уровня» трудящихся масс, писал Ленин в 1919 г., «Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы»⁴². В том же году Ленин объявил о диктатуре партии как о наиболее приемлемой временной форме диктатуры пролетариата, объяснив, что диктатура пролетариата осуществляется партией большевиков, которая с 1905 г. и раньше действовала как единое целое со всем революционным пролетариатом. На заре Советской власти ее вожди без тени смущения перево-

дили термин «диктатура пролетариата» на современный им политический язык как «диктатура партии». Так, в резолюции XII съезда отмечалось, что диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, то есть коммунистической партии. Хотя впоследствии формулировка «диктатура партии» подвергалась критике со стороны Сталина⁴³, суть ее не менялась и не оспаривалась. Партия продолжала играть ведущую роль в качестве «основного рычага диктатуры»⁴⁴. В 1924 г. Сталин писал: «Партия не может быть действительной партией, если она ограничивается регистрированием того, что переживает и думает масса рабочего класса, если она тащится в хвосте за стихийным движением, если она не умеет преодолеть косность и политическое безразличие стихийного движения...»⁴⁵ Партия не просто воплощает и выражает волю пролетариата. Она — организованный, наиболее сознательный авангард, направляющий волю пролетариата, ставящий перед ним определенные цели и управляющий им.

В первые послереволюционные годы, по мере того как пролетариат ослабевал, а партия набирала силу, смещение акцента с пролетариата на партию было процессом тонким и почти неуловимым. В известной степени это было логическим продолжением той роли, которую партия играла до революции: в 1904 г. Троцкий обвинял Ленина в использовании таких организационных принципов партии, которые приведут к «заместительству пролетариата»⁴⁶. Тем не менее было бы ошибкой полагать, что такое положение вещей было результатом чьего-либо замысла или целенаправленных усилий. В обстановке отчаянной борьбы, которая предшествовала революции, партия была выразителем интересов пролетариата и организатором его сил. Предполагалось, что с победой революции партия отойдет на второй план, а пролетариат к тому времени будет готов принять от нее бразды правления. Такие прогнозы строились на непоколебимой убежденности в том, что почин пролетариата в России будет подхвачен и мировая пролетарская революция обеспечит условия, в которых можно будет пожинать плоды этого почина. Когда действительность развеяла эти надежды и вслед за победой революции последовал период не менее ожесточенной борьбы с внешними и внутренними врагами, партия немедленно перестроилась, заняв, как и прежде, позицию боевого авангарда пролетариата, организующего и направляющего массы, авангарда, уверенно проводящего свою политику от имени масс. Еще до окончания гражданской войны Ленин в значительной степени вернулся к тезисам и терминологии дореволюционного периода, когда все надежды на успех революции зависели исключительно от боевого духа и организационных способностей партии. Ко времени перехода к новой экономической политике, когда уровень промышленного производства упал до минимума, подмена пролетариата партией по всем основным пунктам стала свершившимся фактом.

Большевистская партия, именуемая себя рабочей, с первых дней своего существования набирала своих рядовых членов из довольно ограниченного числа русских фабричных рабочих. Партия во все времена во всеуслышание заявляла, что ее задачей является завоевание широкой поддержки в рабочей среде и пополнение партийных рядов за счет рабочих. Тем не менее даже в 1917 г. доля рабочих в партии не превышала 60 %, а после революции из-за развала промышленности и широкого привлечения в партию управленцев и интеллигентов доля рабочих упала и в 1921 г. составила всего 41 %. В том же году лидер «рабочей оппозиции» Шляпников с трибуны X съезда партии жаловался, что в Москве только 4 %, а в Ленинграде только 2 % рабочих-металлистов являются членами партии и что ее ряды непомерно расширились за счет крестьян и интеллигенции. После 1921 г. партия предприняла усилия, направленные на изменение социального состава партии: сначала это были чистки, которые в меньшей степени затронули рабочих, чем представителей других социальных групп; за чистками последовал «ленинский призыв» 1924 г. и тому подобные кампании, предназначенные для увеличения притока рабочих в партию. Несмотря на все эти меры, доля рабочих в партии достигла 60 % только в 1929 г.⁴⁷ Привлечение в партию тщательно отобранных рабочих, тех, благонадежность которых не вызывала сомнений у партийного руководства, служило двойной цели: подавить внутрипартийную оппозицию, опирающуюся на партийных интеллигентов⁴⁸, и создать в партии ядро, способное влиять на рабочий класс и обеспечить поддержку пролетариатом политики партии. И хотя в более поздний период разница между партийными и беспартийными рабочими становилась все менее заметной, в середине 20-х годов рабочие-партийцы не только занимали особое положение и, может быть, отчасти в силу этого положения поддерживали курс партии, но и служили тем инструментом, с помощью которого власть партии распространилась на пролетариат в целом. В этот период членом партии был каждый десятый фабричный рабочий. Больше всего партийцев было среди металлистов, рабочих химической промышленности, печатников, меньше всего — среди рабочих текстильной, угольной и деревообрабатывающей промышленности⁴⁹. В целом членов партии было больше всего среди высококвалифицированных рабочих.

Более важным, чем массовый набор рабочих в партию, было выдвижение рабочих-партийцев на руководящие посты в партийных и советских органах, а также в управленческом аппарате. Ленин всегда говорил, что, если проводить в жизнь идею диктатуры пролетариата, нужно, чтобы рабочие учились науке управления. Даже когда назначение на такие посты старых специалистов стало практикой, нехватка руководящих кадров все еще ощущалась. Широкое практическое применение нашла теория, согласно которой потенциально неблагонадежные буржуазные специалисты

должны работать под началом и контролем тех рабочих, на которых партия может положиться. В послереволюционный период выдвижению наиболее способных рабочих на ответственные посты в административные и другие органы препятствовала, как это ни парадоксально, оппозиция внутри самой партии. Эта оппозиция опасалась, с одной стороны, неравенства среди рабочих и образования привилегированной прослойки (так называемой рабочей аристократии), а с другой — возрождения еретической синдикалистской идеи рабочего контроля⁵⁰.

С началом НЭПа все препятствия на пути выдвижения лучших рабочих на руководящие посты были окончательно устранены; все, кроме одного — нехватки достойных кандидатов. Это оказалось серьезной проблемой, решение которой затянулось надолго. Из всех рабочих, назначенных на ответственные должности в промышленности, один лишь Ногин сумел проявить блестящие способности и занять положение, дающее реальную власть⁵¹. Однако рядом с именем Ногина поставить практически было некого. В 1922 г. на XI съезде партии Ленин говорил, что из сотни коммунистов, занимающих ответственные посты, девяносто девять не только обнаруживают полную беспомощность в вопросах управления, но и «не умеют и не хотят понять, что у них нет этого умения, что надо учиться с азов»⁵². В резолюции съезда записано, что «школой управления социалистической промышленностью» должны стать профсоюзы, которым в качестве «важнейших их задач» вменялось в обязанность заниматься «выдвижением и подготовкой администраторов из рабочих и трудящихся масс вообще»⁵³. Начиная с этого времени назначение членов партии на ключевые посты вошло в повседневную практику и стало важной частью системы партийного руководства. Слово «выдвижение» вошло в партийный словарь как термин, обозначающий назначение рабочего на ответственную должность.

В докладе ЦК партии XIII съезду, состоявшемуся в мае 1924 г., подводились первые итоги усилий, предпринятых в соответствии с ноябрьской резолюцией 1923 г. о необходимости преимущественного «выдвижения» рабочих. Предполагалось, что «выдвижение» примет две формы: по решению центрального партийного аппарата — на выборные и иные должности в советские и административные органы, а также по решению местных партийных органов — на должности на местах. Последняя форма «выдвижения» оставалась как бы в тени. Что же касается 788 назначений, произведенных за прошедшие шесть месяцев по решению ЦК, то из этого числа 173 человека принадлежали к «выдвиженцам», то есть лицам, получившим повышение в соответствии с имеющимися у них заслугами. Однако при более внимательном изучении становится ясно, что из 71 человека, назначенного на должности в местных партийных органах, 20 человек — рабочие, 8 — крестьяне, 33 — служащие или интеллигенты и 10 — «прочие», тогда как из 102 выдвиженцев на должности в цент-

ральном партийном аппарате рабочих — 30, крестьян — 3, служащих или интеллигентов — 55, «прочих» — 12 человек. Таким образом, выясняется, что среди всех выдвиженцев рабочие составляли только 30%, тогда как служащие и интеллигенты — больше половины, и что доля последних среди назначенных на должности в центральном аппарате больше, чем в местных органах⁵⁴. Принимая во внимание тот факт, что в категорию «рабочих», несомненно, попали лица пролетарского происхождения, уже занимавшиеся административной работой или иным умственным трудом, можно легко вообразить себе те трудности, с которыми сталкивалось партийное руководство, пытаясь набрать необходимое количество «рабочих от станка», достойных выдвижения.

И все же дело сдвинулось с мертвой точки. К началу 1924 г. социальная структура органов управления основными промышленными объединениями была более или менее упорядочена. Статистические данные на начало этого года, охватывающие 88 крупных промышленных трестов, показывают, что 91% директоров этих трестов и 48% членов советов трестов были членами партии; 51% директоров и 29% членов советов были из рабочих, причем практически все они были членами партии. Больше половины директоров из рабочих были бывшими рабочими-металлистами. Средний возраст директоров был ниже, чем возраст членов советов, и составил 30—39 лет. Статистические данные на этот же период, охватывающие 639 крупных промышленных предприятий, показывают, что членами партии были 48% директоров и 34% их заместителей; частности, касающиеся происхождения, не приводятся. На 18 крупнейших заводах (5000 и более рабочих) членами партии были 100% директоров, но лишь 31% их заместителей. С другой стороны, в 88 обследованных трестах членами партии были только 7% служащих; этот процент был выше среди служащих, занимавших общие административные должности, и ниже — среди инженеров и финансистов⁵⁵. Такие цифры позволяют составить довольно ясное представление о положении дел в этой области. В рассматриваемый период стало правилом (из которого, впрочем, бывали исключения) назначать членов партии на должности директоров крупных промышленных трестов или заводов или, возможно, жаловать членство в партии человеку, уже занимающему должность; большая доля в «комсоставе» промышленности принадлежала бывшим рабочим. Среди прочих руководителей производства доля партийцев и бывших рабочих была значительно меньше. На крупных предприятиях наиболее распространенным был тандем, состоящий из директора-партийца и его беспартийного технически подготовленного заместителя. Идея такого тандема распространилась на все органы управления экономикой и на все предприятия: у руля стоит член партии из рабочих, который принимает решения и зорко следит за действиями своего заместителя — человека, знающего дело, но политически ненадежного⁵⁶.

Однако если в деле внедрения этой системы на самом высоком уровне были достигнуты определенные успехи, практика выдвижения рабочих на обычные административные должности, очевидно, по-прежнему наталкивалась на трудности. Некоторые из них ярко изложены в сообщении о «выдвижении» из состава партийной организации Вятской области весной 1926 г. Иногда партиячки отказывались выдвигать хороших рабочих, не желая расставаться с ними. Иногда сам выдвиженец терял контакт с рабочими и превращался в их глазах в одного из «хозяев». Иногда администраторы и специалисты игнорировали или допекали придирками вновь назначенных им в подчинение выдвиженцев; особенно часто подобные ситуации возникали на железной дороге, где существующее руководство занимало по отношению к выдвиженцам «если не враждебную, то, во всяком случае, недоброжелательную позицию». И наконец, сам рабочий зачастую не желал собственного выдвижения на руководящую должность в советский орган, профсоюз или кооператив, где его ждала более низкая зарплата. Несмотря на эти препоны, из 93 «рабочих от станка», выдвинутых на ответственные посты в предыдущей год, лишь 5—10%, как утверждалось, не справились с работой⁵⁷. Впрочем, такая оценка представляется не совсем обоснованной. В том же самом году Томский жаловался, что из «тысяч рабочих», выдвинутых на «экономические посты всякого рода», многие с работой не справились из-за неспособности освоиться на новой должности; в результате их перебрасывали с места на место в надежде подыскать что-нибудь подходящее⁵⁸. Тем не менее, несмотря на все трудности, наличие служебной лестницы для продвижения выше, а также доступ к пополнению партийных рядов посеяли зерно одобрения существующего режима со стороны наиболее передовой и политически активной прослойки пролетариата, а повышение жизненного уровня, каким бы медленным и неуверенным оно ни было, если и не вызывало у рабочих особых симпатий к режиму, то по крайней мере примиряло их с ним. После 1923 г. было мало свидетельств широкого недовольства новым строем среди рабочих.

Однако все эти меры отнюдь не выражали собой диктатуру пролетариата. Важнейшие решения принимались исключительно высшими партийными органами, где доля рабочих была ничтожна мала. История знает очень мало партий, которые, именуя себя «рабочими» или «трудовыми», на деле функционировали преимущественно с помощью промышленных рабочих или находились под рабочим контролем; почти всегда ведущую роль в них играли и играют представители других классов, действующие во имя и от имени пролетариата. Это особенно относится к рабочей партии такой страны, как дореволюционная Россия, где пролетариат представляет собой класс малочисленный, малоопытный и отстающий с точки зрения образованности и организованности. Никогда политику Российской коммунистической партии не определяли

промышленные рабочие. Ленин оправдывал ведущую роль интеллигентов на начальном этапе истории партии, когда в ее центральных органах рабочие не были представлены вообще⁵⁹. Несмотря на энергичные, а после 1924 г. отчасти имевшие успех попытки изменить социальный состав партии в пользу рабочих, высшее партийное руководство по-прежнему состояло из революционеров-профессионалов. В 1924 г. не более четырех или пяти членов ЦК партии и только один член Политбюро Томский были рабочими, да и те не принадлежали к числу деятелей, принимавших решения.

Слияние партийного руководства с правительством страны оказало двоякое влияние на его характер. Оно повлекло за собой дальнейшее сосредоточение высшей власти в едином центре и дальнейшее ужесточение партийной дисциплины, вызванное к тому же требованиями безопасности страны. Таким образом, налицо признаки того, что партийное руководство стало еще автократичнее, чем прежде. Вместе с тем настало время, когда выполнение принимаемых решений потребовало активного взаимодействия влиятельных групп администраторов и управленцев, а также по меньшей мере пассивного молчаливого согласия огромной массы рабочих и крестьян. Это обстоятельство вынуждало партию при выборе того или иного политического курса принимать во внимание обширный комплекс интересов и мнений, причем не только членов партии, но всего населения страны. В этом смысле партийное руководство стало более ответственным и менее автократичным по сравнению с периодом захвата власти. Но руководство осуществлялось отнюдь не представителями рабочего класса.

Третья группа состояла из «служащих и работников умственного труда», то есть в основном из чиновного люда и специалистов, прежде находившихся на службе у поверженного режима. Эта прослойка полностью выпала из поля зрения большевиков, которые в соответствии с первоначальным планом революции собирались смести с лица земли не только помещиков и капиталистов, но и вообще всех, кто так или иначе служил царям. Уже по своему определению любая революция стремится свергнуть существующий политический строй и уничтожить правящий класс, который был опорой старого режима, ибо любая революция есть социальная революция в том смысле, что целью ее является изменение социальной структуры общества.

В ходе большевистской революции процесс ломки носил особенно бурный и ожесточенный характер. Отчасти это было вызвано необычайно глубокими противоречиями между различными группами русского общества, отчасти тем обстоятельством, что люди, руками которых делалась революция, опирались на целенаправленно разработанную теорию, в которой содержалась проповедь непримиримой классовой вражды и отрицались все формы

государственности как чуждые революционному классу. Согласно этой теории, основанной на воззрениях Маркса, исходившего из опыта Парижской Коммуны, задача революционеров состояла не в том, чтобы пересест за рычаги управления буржуазной государственной машины, а разбить ее вдребезги. Об этой задаче напоминал, подчеркивая ее решающее значение, Ленин в работе «Государство и революция», написанной накануне переворота. Когда на заре революции в здании Смольного института было образовано «рабоче-крестьянское правительство», Ленин и свежеспеченные наркомы меньше всего думали о том, чтобы взять в свои руки и использовать в своих интересах существовавшие тогда еще министерства царского и Временного правительств. Троцкий, поставленный руководить из Смольного внешними сношениями нового режима, потребовал от чиновников бывшего министерства иностранных дел информацию о «тайных соглашениях», после чего стал дожидаться удобного момента для того, чтобы «прикрыть контору». Нарком финансов потребовал передачи денежных средств Государственного банка, проявляя при этом абсолютное равнодушие к тонкостям управления финансами. Сталинский комиссариат по делам национальностей вообще возник на пустом месте. И уж совсем никак нельзя было признать преемницей царской армии Красную гвардию, выросшую позже в Красную Армию, которая во многих отношениях была задумана как противоположность армии прежнего режима. Такая политика большевиков вызвала реакцию, выразившуюся в бойкоте новой революционной власти со стороны уцелевших чиновников старого правительства, которое все еще существовало в первые революционные недели. В июне 1918 г. Ленин отмечал, что «...интеллигенция свой опыт и знания... несет на службу эксплуататорам»⁶⁰.

Однако откладывать решение административно-хозяйственных вопросов на неопределенный срок было нельзя. Спустя несколько лет после смерти Маркса это было предсказано Энгельсом, который в 1891 г. в письме Бебелю выражал надежду на то, что, если бы с революцией в Германии удалось подождать еще 8—10 лет, у партии было бы время, для того чтобы подготовить достаточное количество «молодых специалистов в области техники и медицины, юристов и учителей», необходимых для «управления фабриками и крупными имениями». Далее Энгельс с тревогой говорил о возможном будущем: «Но если в результате войны мы придем к власти раньше, чем будем подготовлены к этому, то технические специалисты окажутся нашими принципиальными противниками и будут обманывать и предавать нас везде, где только могут; нам придется прибегать к устрашению их, и все-таки они будут нас надувать. Так, в меньшем масштабе, всегда было с французскими революционерами: они вынуждены были даже в обычном управлении представлять второстепенные, но связанные с непосредственной практической деятельностью посты прежним реакционерам, а те всячески мешали и все тормозили»⁶¹.

Русские революционеры оказались в еще более тяжелом положении, чем позволяло предположить сравнение их с французскими предшественниками. Французская революция свершилась, когда государственно-экономическая машина, правительственный механизм и процессы удовлетворения основных потребностей населения страны были несравненно проще, чем в начале XX столетия, да и класс буржуазии, совершивший революцию во Франции, был технически оснащен для выполнения всех этих функций. В России 1917 г. представления о государстве и его экономике как о не очень хитроумной машине, с которой могут совладать нигде не учившиеся, но обладающие природной смекалкой рабочие и крестьяне и горстка интеллигентов из числа создателей и сторонников нового режима, были чистой воды утопией. Железная дорога, почта и телеграф могли нормально работать только в руках у людей, наученных ими управлять; захваченные рабочими заводы, из которых были изгнаны или затаились до лучших времен управляющие и инженеры, бездействовали; новую боеспособную армию можно было создать только с опорой на опыт ведения войны и боевой подготовки, накопленный царскими офицерами. Большевицкая революция свершилась в такой век, когда уже нельзя было обойтись без его техников, администраторов и специалистов независимо от того, к какому классу они принадлежали и по какую сторону баррикад вели борьбу. В канун Октябрьской революции Ленин все-таки заметил, что может возникнуть необходимость взять капиталистов и *«заставить работать в новых организационно-государственных рамках... поставить их на новую государственную службу»*⁶².

На усвоение этого неожиданного и неприятного урока ушло много времени. В самой простой и беспощадной форме этот урок был преподан поражениями на фронтах. Именно в процессе строительства Красной Армии впервые возникло продуктивное сотрудничество большевистских вождей со «специалистами» прежнего строя; начало этому процессу было положено сразу после Брест-Литовска. Менее драматичным, но не менее важным было достижение *modus vivendi* с управляющими и инженерами, без которых было невозможно наладить промышленное производство; от рабочего контроля пришлось отказаться как от меры ошибочной и вредной. Такое же молчаливое согласие (особенно после переноса столицы в Москву) было достигнуто с должностными лицами и чиновниками старой администрации, которые, как вскоре выяснилось, во все большем числе выполняли в интересах Советского правительства те же самые ежедневные обязанности, которые они выполняли для его предшественников. Чем дальше от столиц, тем меньше ощущались веяния нового, тем меньше и медленнее они затрагивали старый уклад жизни. К такому выводу можно прийти, несмотря на то что точные статистические данные того времени являются редкостью. В качестве исключения можно упомянуть статистику по городу Вятке на конец 1918 г.: из 4766 советских

служащих города 4467 занимали те же самые должности в земствах при царе⁶³. Во всех областях, имевших политическое значение, высшие посты занимали большевики, в чьих руках формально находилось политическое руководство. Однако за этим партийным фасадом все больше работы ложилось на плечи тех же самых людей, которые в прежние времена выполняли ее для прежних хозяев.

Разумеется, мотивы и цели представителей этой огромной массы внепартийной бюрократии, которая проворачивала механизмы советского режима в период его становления, были различными. Один из них, оказавшись несколько лет спустя в эмиграции⁶⁴, делил эту массу на три группы. Первая включала армию писарей, конторских работников разных рангов, машинисток и т. д., то есть людей, которые составляют основу любого учреждения и которые, как правило, не имеют твердых политических убеждений; эта группа включала тех, кого Троцкий, касаясь управления хозяйством в одной из статей 1919 г., окрестил «бездельными техниками»⁶⁵. Во вторую группу входили бывшие более или менее высокопоставленные царские чиновники, которые «состояли почти исключительно из «контрреволюционеров» разного рода»; они оправдывались перед самими собой за происшедшую с ними перемену, объясняя поступление на службу к Советскому правительству стремлением помочь «сберечь ценности» и «смягчить режим». Наконец, третью группу составляли люди, которые, хотя в прежние времена и не имели никакого отношения к партии, тем не менее сочувствовали режиму и работали на него охотно, впрочем, возможно, без особого понимания его сути. В цитируемой выше работе Троцкий указывает, что в эту группу входили «представители интеллигенции и полуинтеллигенции, которые искренне примкнули к делу рабочего класса, но внутренне еще не перегорели и сохранили много качеств и приемов мысли, свойственных мещанской среде». Несомненно, привычка и нужда были для этих бюрократов и технических специалистов более вескими аргументами в пользу сотрудничества с новым режимом, нежели политические симпатии. Один из большевистских авторов того времени отмечал, что только каждый десятый из дореволюционных инженеров, поступивших на советскую службу, сочувствовал режиму⁶⁶, и это при том, что среди инженеров, по всей вероятности, было меньше людей, настроенных враждебно по отношению к Советской власти, чем среди некоторых других групп населения. Чувство взаимного недоверия между бюрократами и инженерами, с одной стороны, и партией, с другой, сохранилось на долгие годы и наложило отпечаток на все отношения между ними.

Переход к новой экономической политике, которая, как представлялось, означала отход от революционного курса и революционных устремлений во имя решения насущных практических задач, пришелся этой группе по душе, видимо, не в меньшей степе-

ни, чем крестьянству, и стал мощным фактором ее долговременного признания Советской власти. Между 1921 и 1924 гг. происходило массовое примирение «бывших» с советским режимом. Сравнительно небольшая группа «спецов» времен «военного коммунизма» теперь уже превратилась в многотысячную армию, состоявшую из бывших администраторов, промышленников, торговцев, лиц свободных профессий, которые — кто с открытым сердцем, кто с кулаком в кармане — смирились с новым строем и приступили к работе в качестве советских чиновников и «красных управляющих» в хозяйственных органах и учреждениях, специалистов на бесчисленных технических должностях в промышленности и управленческом аппарате, а также в качестве советской интеллигенции в сфере свободных профессий, образования, науки, литературы и изящных искусств. В условиях НЭПа бюрократия, управляющие, техники и интеллигенция — словом, «офицерский корпус» нового общества состоял преимущественно, даже почти исключительно, из элементов, чуждых режиму. Время от времени раздавались голоса протеста против их засилья в отдельных конкретных областях: против монопольного положения «попутчиков» в литературе, против большого числа бывших эсеров в Наркомземе или бывших царских чиновников в Наркомфине⁶⁷. Однако этот процесс успел стать повсеместным и неизбежным, и справиться с ним могло только время. В 1929 г. бывшие царские чиновники все еще составляли 37% сотрудников Наркомфина, 27 — Наркомтруда и 26% — Наркомторга. В штате местных государственных учреждений Ленинграда бывшие царские чиновники составляли 52%⁶⁸. В более отдаленных областях и областных центрах их доля, вероятно, была еще больше.

Эти процессы потребовали от вождей партии нового к ним отношения. Когда в дни «военного коммунизма» Ленин оправдывал использование старых специалистов в промышленности перед теми, кто объявлял это уступкой капитализму, когда он поддерживал идею Троцкого о массовом использовании бывших царских офицеров для укрепления командного состава новой армии⁶⁹, это все-таки были временные меры переходного периода. И хотя присутствие «чуждых» и «контрреволюционных» элементов таило в себе угрозу со стороны бюрократии и преднамеренного или непреднамеренного предательства, буржуазных специалистов той поры еще можно было рассматривать как отдельные островки в океане все сметающего на своем пути пролетарского и революционного энтузиазма. Теперь же, после «отхода» к НЭПу, когда значительную часть экономики страны затронули капиталистические идеи и методы хозяйствования, картина, казалось, переменилась. В обществе, которое возродило деньги и принципы материального стимулирования, воспринимает экономическое неравенство граждан уже не как исключение, а как естественное положение вещей и начинает проявлять терпимость по отношению к праву собственности и наследования, — в таком обществе уже рабочие

похожи на остров, который вот-вот захлестнет волна возрожденного капитализма. В апреле 1922 г. с трибуны XI съезда партии Ленин анализировал сложившуюся ситуацию с прямотой чело- века, ищущего из нее выход:

«И тут нужно ясно поставить вопрос: в чем наша сила и чего нам не хватает? Политической власти совершенно достаточно. Едва ли кто-нибудь найдется здесь, который бы указал, что в таком-то практическом вопросе, в таком-то деловом учреждении у коммунистов, у коммунистической партии власти недостаточно... Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же не хватает? Ясное дело, чего не хватает: не хватает культуры тому слою коммунистов, который управляет. Но если взять Москву — 4700 ответственных коммунистов — и взять эту бюрократическую махину, груды, — кто кого ведет? Я очень сомневаюсь, чтобы можно было сказать, что коммунисты ведут эту груды. Если правду говорить, то не они ведут, а их ведут. Тут произошло нечто подобное тому, что нам в детстве рассказывали по истории. Нас учили: бывает, что один народ завоеует другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) оказались подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников-коммунистов, потому что у них нет достаточно умения управлять... Ибо сплошь и рядом буржуазные деятели знают дело лучше, чем наши лучшие коммунисты, имеющие всю власть, все возможности и ни одного шага не умеющие делать со своими правами и со своей властью». Далее Ленин, дважды подчеркивая одну и ту же мысль, энергично отстаивает тезис о необходимости строить социалистическую экономику «их руками», «некоммунистическими руками строить коммунизм»⁷⁰.

Он возвращается к этой теме полгода спустя в речи на IV конгрессе Коминтерна: «Мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашим несчастьем. Государственный аппарат очень часто работает против нас. Дело было так, что в 1917 г., после того как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: «Пожалуйста, вернитесь к нам назад». И вот они все вернулись, и это

было нашим несчастьем. У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, в то время как внизу они самовольно распоряжаются и так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу — сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас»⁷¹.

Неослабное внимание, которое в последний год своей активной деятельности Ленин уделял проблеме бюрократии, тесным образом связано с его опасениями по поводу растущего влияния остатков дореволюционного социального порядка на работу советского административного аппарата. Одна из его последних статей, посвященная реорганизации Рабкрина, содержит презрительную характеристику «сторонников сохранения нашего аппарата в том же до невозможности, до неприличия дореволюционном виде, в каком он остается и посейчас»⁷². В это же время Троцкий писал о «классовой разнородности советского аппарата и особенно наличии в нем барских, буржуазных и статски-советнических навыков», которые способствуют росту бюрократии⁷³. В теории предполагалось, что администратор-коммунист поставлен присматривать за своими буржуазными коллегами и подчиненными. Однако на практике он зачастую оказывался игрушкой в руках своих более многоопытных подопечных или же соблазн следовать дореволюционной традиции был для него слишком велик.

И все же, несмотря на эти оправданные опасения, большевистские вожди с первых шагов революции осознали жизненно важную потребность в опорах непролетарского происхождения, призванных поддерживать диктатуру пролетариата. Затрудняя классовый анализ, эти элементы тем не менее заняли важное место в советском обществе, причем решающую роль в их социальном статусе играло то, как к ним относится партия. Хотя по своему происхождению они принадлежали к аристократии или буржуазии, они не были ни эксплуататорами труда рабочих, занятыми получением прибыли в виде «прибавочной стоимости», ни владельцами капитала или средств производства в любом виде⁷⁴. Если они и вышли из буржуазной среды с ее традициями, то теперь, играя в новой обстановке новую социальную роль, они никоим образом не могли быть причислены к буржуазии и потому не выступали столь непримиримыми классовыми врагами, как кулаки или нэпманы. Благодаря своей компетентности они были незаменимы для нормального функционирования экономической и политической машины советского общества; только с их помощью можно было избавиться от такой опасной болезни, как

отсталость рабочего класса. В отличие от уступок кулакам и нэпманам сотрудничество с представителями этой группы не было временной мерой. Экономическое положение чиновников и интеллигентов, поставленных на службу новому режиму, позволяло рассчитывать на рост их лояльности, хотя неповиновение и даже в отдельных случаях измена все еще не исключались. Привлечение бывших царских офицеров на службу в Красную Армию оправдало себя на полях гражданской войны и потому серьезных сомнений ни у кого не вызывало. Наиболее глубоким и наименее поддающимся искоренению было предубеждение против использования буржуазных специалистов и управляющих в промышленности. Однако партия, начиная с IX съезда 1920 г., всегда старалась его преодолеть. Предубеждение против буржуазных конторских служащих и чиновников в советских ведомствах и учреждениях было не столь сильным по той причине, что они составляли замкнутую группу и им не подчинялись рабочие; к их присутствию быстро привыкли и воспринимали его как должное.

Высказывания Ленина на XI съезде партии стали прелюдией к активной кампании, имевшей целью примирить все эти социальные группы с партией и режимом. Партийная конференция, состоявшаяся в августе 1922 г., приветствуя появление в среде эмигрантов сменовеховцев⁷⁵, не преминула отметить возникновение чего-то похожего и внутри страны. В материалах конференции содержится предложение «систематической поддержки и делового сотрудничества», адресованное тем представителям интеллигенции, которые «хотя в основных чертах поняли действительный смысл совершившегося великого переворота», а также призыв к партии поработать для того, чтобы «помочь кристаллизации тех течений и групп, которые обнаруживают действительное желание помочь рабоче-крестьянскому государству»⁷⁶. На I Всероссийском съезде научных работников в Москве в ноябре 1923 г. выступили Зиновьев и Бухарин; было зачитано письмо к съезду Троцкого. Выступавшие ведущие ученые старой Академии наук присягали на верность Советской власти и выражали готовность к сотрудничеству с ней во имя науки⁷⁷. Годом позже на Всероссийском съезде инженеров, состоявшемся в декабре 1924 г., Рыков говорил о необходимости примирения ученых и технических специалистов с рабоче-крестьянским государством и что эти люди должны иметь полную независимость и свободу выражать свое мнение «по вопросам науки и техники» и не должны «раболепствовать» ни перед обществом, ни перед администрацией⁷⁸.

По мере того как партия стала обращать более пристальное внимание на деревню, в поле ее зрения оказалась «крестьянская интеллигенция», состоявшая из «учителей и агрономов». В 1924 г. Рыков особо остановился на крепнущих связях между этой группой и Советской властью и призвал партию «эту интеллигенцию ассимилировать»⁷⁹. Широко освещался в печати I Всероссийский съезд учителей, который собрался в январе 1925 г. в Москве.

Выступивший на съезде Рыков говорил о том, что «на протяжении последних 2—3 лет наметился перелом в широчайших массах интеллигенции в сторону советской власти»; эту же тему развивали Зиновьев, Бухарин и Крупская⁸⁰. В отдаленных сельских районах, где советские чиновники бывали редко, а представители партии и того реже, учителя часто становились важным промежуточным звеном между населением и режимом⁸¹. Когда в марте 1925 г. ЦИК СССР впервые собрался за пределами Москвы, в Тифлисе, делегация тифлисских врачей появилась на заседании для вручения верноподданнического адреса, а Петровский в качестве председательствующего в своей благодарственной речи говорил о союзе «труда и науки» и приветствовал интеллигенцию Закавказья, способствующую продвижению страны к коммунизму⁸². III съезд Советов СССР, собравшийся двумя месяцами позже в Москве, принял делегата конференции ректоров университетов, заседавших в то же самое время, и в своей главной резолюции отметил «переход широких слоев интеллигенции на сторону советской власти»⁸³. Кульминацией этого процесса в сентябре 1925 г. стали пышные торжества, организованные по случаю 200-летия Российской Академии наук, на которые приехали ученые из многих стран. Это прогремевшее на весь мир событие знаменовало собой примирение советского режима с традициями русской науки и просвещения и способствовало установлению новых связей между советской и зарубежной наукой⁸⁴.

Итак в годы НЭПа постепенно шел процесс, завершившийся необъявленным союзом между партией, выступавшей от имени пролетариата, и прослойкой «служащих и лиц, занятых умственным трудом», состоявшей тогда преимущественно из уцелевших представителей дореволюционного режима или их ближайших отпрысков. До отъезда из Советской России в 1921 г. большую роль в этом процессе играл Горький, который заложил основу такого союза в области литературы. Прямо и откровенно говоря об отсталости русской крестьянской массы, он постоянно настаивал на необходимости всяческого расширения этого союза. В 1924 г. Горький писал, что главным препятствием на пути прогресса России к европеизации и культуре является полное господство безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства и почти полное отсутствие у него социального сознания. Диктатура политически грамотных рабочих в тесном союзе с интеллигенцией была, по его мнению, единственным возможным способом выйти из трудного положения, усугубленного войной, которая принесла стране еще больше анархии. Русская интеллигенция, то есть образованные люди и образованные рабочие, была, есть и долго будет той ломотвой лошадью, которая способна тянуть тяжкий груз русской истории⁸⁵.

Серьезные помехи на пути к примирению не в последнюю очередь были созданы самой партией. Однако в резолюции XIII съезда партии, проходившего в разгар «ленинского призыва» в мае

1924 г., содержится важное замечание, касающееся членства в партии. В частности, резолюция указывает на необходимость очиститься «от тех элементов нерабочего состава, которые за время своего пребывания в рядах партии не проявили себя как коммунисты в деле улучшения работы тех или других государственных, хозяйственных и иных организаций и не имели непосредственной связи с рабочими и крестьянскими массами»⁸⁶. В тот исторический момент легко читаемое между строк этой резолюции утверждение, что «проявить себя как коммунист» и стать достойным партийного билета может любой человек, добросовестно служащий режиму, было огромной уступкой работавшим в промышленности управляющим, другим администраторам и интеллигентам, поступившим на советскую службу. Постепенно наиболее заметных представителей этих групп населения стали принимать в партию в награду за лояльность и в знак доверия, которое они заслужили своим трудом⁸⁷. Так же как и наиболее достойные представители пролетариата, теперь они уже могли подниматься вверх по служебной лестнице, вплоть до ступеней, позволяющих иметь политический вес. Конечно, управляющему, чиновнику или интеллигенту продвижение в партийной иерархии стоило куда больших усилий, чем рабочему. И все же, за исключением высших партийных звеньев, определяющих политику, реальная власть была для них в пределах досягаемости. Зачеркнувший свое буржуазное прошлое, вырвавшийся из своего круга и смывший клеймо капиталиста и эксплуататора чужого труда, специалист или интеллигент становился — в отличие от нэпмана, то есть классового врага, которого на время оставили в покое, — одним из необходимых и постоянных столпов советского режима и как таковой включался в новую структуру советского общества. Действительно, диктатура пролетариата в том виде, в каком она существовала в годы НЭПа, фактически представляла собой созданный партией союз пролетариата с чиновниками, техническими специалистами и интеллигентами, которые, порвав со своим буржуазным прошлым, сознательно перешли на сторону советского режима и всерьез помышляли о вступлении в партию. Именно этот созданный под руководством партии союз стал правящей прослойкой общества.

На первый взгляд картина советского общества эпохи НЭПа не представляется многообещающей для успешного развития революции по пролетарскому пути. Рабочие, которые, согласно большевистской теории, своими руками делали революцию, вели за собой других и теперь в большей степени, чем кто бы то ни было, пожинали ее плоды, по-прежнему оставались незначительным и незаметным меньшинством. Крестьяне, все еще составлявшие свыше 80% населения СССР, обеспечили победу революции, но в качестве платы за свою поддержку вытребовали размежевание земли на мелкие крестьянские наделы, что отвергалось учением Маркса как дело экономически невыгодное и политически беспер-

спективное. Крестьяне спасли революцию в гражданской войне. Однако они же восстали против реквизиций зерна и вынудили правительство сделать шаг назад, навязав ему новую экономическую политику с ее рынком зерна и внедрением капиталистических элементов в других секторах экономики. В результате этих вынужденных уступок классовым врагам и потенциальным классовым врагам в городе и деревне режиму пришлось пойти на соглашение с огромной массой бывших буржуазных специалистов, администраторов и интеллигентов, которые по своим традициям и происхождению вряд ли могли сочувствовать революционным целям правительства и многие из которых позволили втянуть себя в сотрудничество с режимом, уверовав в то, что НЭП знаменует собой окончание революции.

Нет ничего удивительного в том, что НЭП, официально объявленный партией временным отступлением, вызвал серьезные опасения в левом крыле самой партии и пробудил надежды среди остатков свергнутого режима как внутри Советской России, так и в эмиграции. Это были надежды на то, что дальнейшего продвижения вперед не предвидится и что страна постепенно придет к несколько видоизмененной модели буржуазного капитализма в его русском варианте. Любая общепринятая оценка действовавших в стране социальных сил подтверждала этот прогноз. К такому же выводу можно было прийти, опираясь на аргументы, позаимствованные из арсенала марксизма и указав на невозможность построения социализма в крестьянской стране без поддержки пролетарской революции в других странах. Если бы это была полная картина или ее главные черты, вывод о неизбежности «русского термидора» стал бы неотвратимым. И все же, как выяснилось, он был ошибочным. Вместо стабилизации положения в рамках НЭПа с его благоприятными последствиями для нэпмана и кулака, вместо шага назад в сторону капитализма советский режим, объявив о возможности построения социализма в одной стране, начал лихорадочно развивать тяжелую промышленность — этот традиционный оплот сознательного рабочего, — а также беспрецедентно высокими темпами увеличивать пролетарский сектор советского общества путем последовательного ограничения нэповской рыночной экономики и усиления долгосрочного планирования. Иными словами, пока социализм в одной стране шел на уступки национализму и тем самым, казалось, отходил от столбовой дороги марксизма, его пролетарский или социалистический элемент был также абсолютно реален. В период, когда промышленный пролетариат был разбросан и ослаблен, а его удельный вес в экономике катастрофически упал, он все же нашел в себе силы, чтобы сделать невозможное: потеснить группировки, заинтересованные в консервации существующего порядка, и продолжить развитие революции по пути, обозначенному в марксистском учении. Как же объ-

яснить этот парадокс, который опроверг все прогнозы того времени и остался загадкой, ключ от которой лежит за пределами логики?⁸⁸

Ответ на этот вопрос неоднозначен. Первая причина заключается в том, что русская революция пошла гораздо дальше английской или французской предшественницы в деле разрушения социальной структуры и уничтожения надстройки старого режима. В известной степени это можно объяснить беспощадностью большевиков, послушных наставлениям Маркса и Ленина, которые, опираясь на опыт Парижской Коммуны, настаивали на необходимости сломать буржуазную государственную машину. И все же в большей степени причиной является слабость русского социально-политического порядка, который в отличие от вышеупомянутых западноевропейских стран не проявил ни цепкости, ни упорства в борьбе за выживание. Во Франции и тем более в Англии старые государственные институты и социальные группы, искалеченные и обесилевшие в борьбе, тем не менее сохранились как черты нового ландшафта, которые можно было легко узнать и нельзя было игнорировать. После гражданской войны в России уцелели только лица, индивиды, и задача советского режима состояла в том, чтобы заменить, использовать или подавить не институты или группы, а лишь разобщенных и неорганизованных людей, способность которых к сопротивлению или оказанию влияния была незначительной. Специалисты и администраторы, эпманы и кулаки — каждая из этих групп играла только свою роль. Им так и не удалось создать сплоченные оппозиционные группировки, не говоря уже о том, чтобы наладить взаимодействие между этими группировками⁸⁹.

Важной причиной слабости старого режима было и то, что русская интеллигенция — в отличие от интеллигенции Запада — никогда не была частью правящего класса; более того, она была чужда и в некоторой степени враждебна ему. Русская интеллигенция никогда не была заодно с царями, и, хотя столь длительное пребывание в оппозиции не выработало у нее единой точки зрения и не сплотило ее, оно создало благодатную почву для поддержки ею дела революции как таковой. По этой причине, несмотря на отрицательное отношение к советскому режиму со стороны большей части русской интеллигенции на раннем этапе революции, она в равной степени была против реставрации прошлого, и ее политические симпатии и привязанности из-за отсутствия альтернативы не принадлежали никому. Революция продолжала пожирать плоды разобщенности и нерешительности своих оппонентов. Она так легко победила в октябре 1917 г. не потому, что силен был пролетариат, а потому, что слаба была буржуазия, и такое соотношение сил давало о себе знать в послеоктябрьский период.

У этого очевидного парадокса есть вторая, более глубокая причина, которая связана с переменной балансом общественных отношений в современный период. Маркс использовал модель совершенно свободного общества капиталистических предпринимателей;

в качестве приемлемого инструмента для анализа эта модель была в достаточной степени сходна с современными ему реалиями западноевропейского, в частности британского, общества третьей четверти XIX века. Согласно этой модели, развитие общества происходит исключительно в зависимости от экономических отношений, среди которых решающим является непримиримый антагонизм двух классов — класса предпринимателей, которые могут существовать только посредством все усиливающейся эксплуатации труда пролетариев, и класса пролетариев, которых становится все больше и которые живут все хуже, пока рано или поздно не свергнут этот строй. Важнейшей функцией того или иного класса Маркс считал утверждение своих экономических и общественных интересов или их защиту от интересов противоположного класса. Когда же эти антагонистические противоречия исчезнут, с ними вместе исчезнут и утратившие всякий смысл своего существования классы. Наличие классов было тесно связано с классовой борьбой. Но «классовые отношения» были социальным проявлением «производственных отношений»: «Совокупность... производственных отношений, — писал Маркс в предисловии к работе «К критике политической экономии», — составляет экономическую структуру общества». А последняя определяет политическую и идеологическую надстройку. Не было необходимости в предположении, что отдельный пролетарий в большей степени, чем представитель любого иного класса, осознает характер или последствия своей роли в социальном порядке. В «Святом семействе» Маркс писал: «Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что *такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предугадываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»⁹⁰.

В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс настаивал на том, что «следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной сущностью»⁹¹.

Эта картина прекрасным образом согласуется с разделяемым Адамом Смитом и Гегелем взглядом на общество, согласно которому оно представляет собой совокупность огромного числа индивидуумов, преследующих свои собственные цели и тем самым неосознанно дающих толчок тем или иным социальным процессам.

Таким образом, Марксово учение о классах является инструментом, созданным для анализа западного капиталистического общества XIX века. Это учение возникло в условиях, когда деление общества на «касты» и «сословия» уже было упразднено и было установлено всеобщее юридическое равноправие, однако общество еще было разделено на вполне определенные слои, отли-

чающиеся друг от друга не юридическим статусом, а экономическим и общественным положением. Это учение нельзя было точно и без труда перенести на общество, подобное царской России, где еще существовали юридические сословные перегородки, или, может быть, на общества, подобные заморским англоговорящим странам, где таких перегородок вообще никогда не было и где классам поэтому не хватало той степени традиционной определенности, которую предполагает марксистский анализ. Однако еще более примечательным представляется тот факт, что к концу столетия это учение вряд ли можно было использовать применительно к тем основным странам, для которых оно было создано. Даже в Западной Европе «свободное» капиталистическое общество переживало процесс видоизменения и трансформации в «управляемое» капиталистическое общество. На смену индивиду, в одиночку преследующему свои личные цели, в качестве основной единицы экономического и социального порядка пришла группа, то принимающая форму треста или синдиката, то возникающая в виде профсоюза или государства. Что же касается последствий этих перемен, то их огромное значение было понято не сразу. А между тем они предполагали широкомасштабное расширение сферы коллективного действия за счет сферы индивидуального действия с далеко идущими осложнениями для концепции свободы, характерной для XIX века; замену предположительно стихийного действия экономических законов на сознательную манипуляцию экономическим процессом; переход от мнимого, а отчасти реального рационализма личного выбора к вызывающему иррационализму коллективного выбора; вторжение силы в ее более обнаженной и грубой форме в область регулирования общественных отношений. В обществе, стремительно удаляющемся от основополагающих постулатов свободной экономики, взгляд на класс как на объективно опознаваемую группу, совокупное действие которой является продуктом бесчисленных стихийных действий индивидов, преследующих свои личные цели, начал подвергаться тонкой и поначалу незаметной эрозии. Ближе к концу столетия перемена климата стала ощутимой.

Эти результаты перерастания свободного капитализма в управляемый в конечном счете привели к тому, что на смену примата экономики, характерного для XIX века, пришел примат политики — примата века XX. Разумеется, было бы ошибкой утверждать, что Маркс рассматривал политическое действие как ненужное или неспособное изменить экономические условия. Его ранние труды имели преимущественно политическую направленность. «Пролетариат, — говорится в «Коммунистическом манифесте», — использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс...» Маркс никогда и ни при каких обстоятельствах не отрицал необходимости политической

программы действий. Однако он предполагал, что классовая сознательность развивается внутри класса стихийно, что активный и сознательный пролетариат в момент своей победы будет составлять большинство и что политическое действие потребуется лишь для того, чтобы засвидетельствовать победу, уже одержанную за счет экономического превосходства. Государство по-прежнему оставалось вторичным по отношению к социально-экономическому строю. В «Святом семействе» Маркс писал: «Только *политическое суверенитет* способно еще воображать в наше время, что государство должно скреплять гражданскую жизнь, между тем как в действительности, наоборот, гражданская жизнь скрепляет государство»⁹². Пятьдесят лет спустя эта гипотеза была самым серьезным образом поставлена под сомнение. Через несколько лет после смерти Маркса Энгельс на закате жизни обратил внимание на влияние, оказываемое на экономический базис со стороны того, что Маркс называл «надстройкой», отметив ослабление безусловного приоритета, который Маркс отдавал экономическому фактору. Одной из примет управляемого капитализма явился рост противоречий между политическими и экономическими аспектами классовой солидарности, который привел к расслоению классов и появлению в рамках одной нации общих интересов у некоторых слоев пролетариата и правящего класса — буржуазии. Этот процесс достиг кульминационной точки в 1914 г. И здесь тоже Энгельс, который вообще стоял ближе Маркса к реальной жизни, еще до выхода в свет «Капитала» поставил под сомнение безусловную универсальность Марксовой модели полушутливой ремаркой относительно того, что английский пролетариат становится все более буржуазным⁹³. К 1900 г. предположение Маркса о том, что существует некая общность определяющих экономических интересов пролетариев всех стран и что данная общность предполагает абсолютное «отрицание» буржуазии, утратило свою актуальность. Классы на этом этапе перестали быть неделимыми совокупностями или безусловными антиподами.

В этих условиях Ленин в работе «Что делать?» (1902) предпринял первую попытку разработать программу революции. Твердо уверовав в учение Маркса, он тем не менее прекрасно отдавал себе отчет в практических требованиях движения и в обстановке, в которой ему предстояло действовать. Если физиономии современного Ленину капитализма рисует политическое действие, оно же должно и бросить этому капитализму вызов. Ленин получил в наследство марксистскую схему общества, поляризованного производственными отношениями, на которых это общество основано. В рамках этой схемы на полюсах находятся классы как воплощение антагонизма, присущего этим отношениям. Классы — «это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другого»⁹⁴. Несмотря на такое определение, Ленин с самого начала настаивал на том, что классовая сознательность рабочего класса не может расти стихийно, что она должна быть привнесена рабочему извне. Не кто

иной как Ленин впервые осудил «стихийность» и «хвостизм». Не кто иной как Ленин полагал, что политическая обязанность партии состоит в том, чтобы наставлять рабочих. Важной отличительной чертой большевистской концепции было проведение четкой границы между партией и классом, между политической и экономической структурами, причем доминирующую и ведущую роль большевики отводили партии⁹⁵. Уже одно это означало акцент на политический и волюнтаристский аспекты марксизма в противовес меньшевикам, отдававшим предпочтение экономическому и детерминистскому элементам.

Неожиданная победа большевистской революции в России, и лишь в России, не только поставила этот вопрос во главу угла, но и пролила на него дополнительный свет. Либо эту революцию следует отрицать как немарксистскую (что и сделали меньшевики), либо ее нужно признать практическим воплощением наиболее крайней, «политической» интерпретации марксизма. Революция одержала победу посредством политической акции в условиях, когда, согласно марксизму, экономика для этого еще не созрела. Как утверждал сам Ленин, в России в форме диктатуры пролетариата была реализована именно политическая «половинка социализма»⁹⁶, тогда как экономическая «половинка» отставала, что самым обескураживающим образом противоречило исходной марксистской посылке. В созданных революцией условиях вести страну по пути экономического прогресса могла только сильная политическая рука. «...При поддержке пролетарской государственной власти, — говорил в 1919 г. Ленин, — ростки коммунизма не зачахнут, а разрастутся и разовьются в полный коммунизм»⁹⁷. Он в категоричной форме продолжил эту мысль в ходе дискуссии о роли профсоюзов в 1921 г.: «Политика не может иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма»⁹⁸. В одной из своих последних работ Ленин, заявив, что построение социализма возможно только при условии достижения «определенного уровня культуры», продолжал: «...почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы»⁹⁹. По словам Кржижановского, сказанным сразу после XIV съезда партии в декабре 1925 г., «300 лет монархического режима создавали подходящую для себя общественность и подходящий тип подданного — обывателя, главной государственной добродетелью которого было безгласное подчинение преобладающим властям»; в задачи революции входило не только уничтожение дедовских моделей жизни, но и «пересоздание самого типа гражданина», у которого «для предстоящих боев» будет достаточно энергии и инициативы¹⁰⁰. Не было больше никакой возможности рассчитывать на то, что человек будет выполнять социальную функцию, не осознавая ее. Важнейшей задачей было

внедрение сознательности. Пролетарская революция в России имела другие предпосылки, нежели пролетарская революция, неумолимый ход которой предначертал в Западной Европе XIX века Маркс. Она поставила вопросы, ответы на которые находились за рамками марксистской доктрины. Задача построения социализма в одной стране диктовала задачу формирования тех, кто, собственно, будет строить.

Именно это возрождение политики в качестве доминирующего фактора сделало партию хозяйкой положения и поставило ее над классом. Конечно, партия в том виде, который она в конце концов приобрела, многим была обязана основам, заложенным в дореволюционный период подполья. Однако еще большим она была обязана тому особому положению, в котором она оказалась в результате победы революции. Промышленный пролетариат, сыгравший героическую роль в завоеваниях Октября, был небольшой тающей прослойкой. Пока победоносная русская революция оставалась в одиночестве среди капиталистического мира, который упорно не желал следовать ее примеру, ее успешная оборона оканчивалась испытанием всех сил, и шансы на успех сами большевики первоначально оценивали весьма невысоко. Защищая режим в огне гражданской войны, крестьяне и рабочие были объединены общностью интересов. Однако после разгрома «белых» армий исчезновение этой общности немедленно поставило режим под угрозу уничтожения; все его надежды на избавление от смертельной опасности были связаны с твердым руководством и железной партийной дисциплиной. Революция и гражданская война раскололи и расчленили общество. Одна только партия выстояла и вышла из всех испытаний пользующейся авторитетом в народе и уверенной в своих силах партией-победительницей. Идея НЭПа зиждилась на убежденности в том, что политическая диктатура вполне справится с управлением экономической машиной. Успех НЭПа зависел от того, насколько удачно сработают рычаги политического давления и санкции в тех областях, где при капитализме экономические рычаги и санкции работают сами собой.

Однако после перехода к НЭПу эта задача оказалась не по плечу даже партии. Судя по материалам X партийного съезда, состоявшегося в марте 1921 г., численный рост партии привел к «вступлению в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое мировоззрение»¹⁰¹. Так же как партии приходилось выковывать общество и управлять им, партийному руководству — ее ядру, сплотившемуся вокруг Политбюро, Оргбюро и Секретариата, — пришлось выковывать и направлять саму партию. X съезд, открывая зеленую улицу новой экономической политике, также принял меры в плане ужесточения партийной дисциплины. Совпадение было не случайным. Никогда еще вопрос о партийной дисциплине не стоял так остро, как в момент, когда уступки капитализму ослабляли гайки советской государственной машины. Через три года Сталин укажет на три причины, объясняющие

появление внутрипартийных группировок и необходимость борьбы с ними: неоднородность русской экономики с ее феодальными пережитками, допуск капиталистических элементов в экономику в условиях НЭПа, разнородный социальный состав самой партии, состоящей из пролетариев, крестьян и интеллигентов¹⁰². Социальной разношерстности партия могла противопоставить только жесткую партийную дисциплину. В 1921 г. лишь партийная дисциплина помогла подавить мятежников в Кронштадте и умиротворить крестьян. В последующие годы лишь партийная дисциплина отвела угрозу тихого наступления нэпманов и кулаков и, несмотря на все дурные предзнаменования, повела революцию по намеченному пути.

Однако понимание этих процессов и объяснение их причин были затруднены попыткой трактовать их в строго марксистских терминах. Острые марксистского классового анализа натыкалось на серьезные препятствия всякий раз, когда его пытались использовать применительно к обществу, в котором революция привела к крайней текучести и быстрому изменению экономического и социального статуса и в котором два основных класса рассматривались уже не как антагонисты, а как союзники, а вдруг появившийся третий класс нельзя было однозначно определить в смысле его места в системе производственных отношений и, следовательно, если исходить из марксизма, нельзя было вообще именовать его классом. Картина советского общества при НЭПе представляла собой сложную мозаику. Оно состояло из подвижных социальных групп, которые не были носителями четко очерченных социальных или экономических функций и не обладали устойчивостью класса в марксистском понимании этого слова. Сплочение советского общества обеспечивалось партией. Принадлежность к партии перепутывала всякую классификацию по социальному принципу. Социальные и экономические перегородки ломались новой линией политической демаркации. Для определения места конкретного человека в советском обществе мало было установить его социальную принадлежность. Важно было знать, является он членом партии или нет и как партия относится к нему и к его социальной группе. Без учета этого партийного фактора, имевшего политический характер, любой анализ структуры советского общества обречен на неудачу, ибо в этих условиях чисто социально-экономические категории непригодны. Партия превратилась в новый правящий класс в обществе, социальный состав которого не был четко сбалансирован. Она во всеуслышание заявила, что действует от имени пролетариата; это заявление, не означая, что командные посты в партии заняты рабочими, не было лишено смысла. Первостепенной задачей партии было обеспечение продвижения страны по пути к социализму через индустриализацию, которая должна была увеличить численность и в конечном счете повысить благосостояние и политический авторитет пролетариата. Именно эта цель и продиктованный ею политический курс объединяли партию и правящую

группу и придавали смысл ее существованию. Целью партии было продолжение дела революции, и, пока эта цель существовала, партия продолжала играть ведущую роль в обществе и манипулировать послушными ее воле социальными группами.

Несмотря на то что большевистская революция черпала силы и вдохновение в марксистском учении, она выявила такое тонкое и сложное хитросплетение политических и экономических факторов, с каким не приходилось сталкиваться на более ранних этапах развития марксизма. Ленин, его соратники и последователи находились под сильным влиянием идеалов и целей марксизма и искренне полагали, что, используя и усиливая политическую власть, добытую в результате победы революции, они в конце концов придут к созданию типа общества, предсказанного Марксом. Однако, кроме этой идеологической стороны, их нельзя было считать полномочными представителями пролетариата или пролетариата и крестьянства; в равной степени ни пролетариат, ни крестьянство, ни их союз нельзя было признать правящим классом в том смысле, в каком в западных странах можно признать правящим классом буржуазию. Диктатура пролетариата была явлением политическим, но не экономическим и не социальным; это была власть партии или группы людей, но отнюдь не класса. Она не опиралась на мощь пролетариата, ибо в то время эта мощь была крайне незначительна. Обнародованная партией политическая программа предлагала укрепление пролетариата и создание условий, в которых диктатура пролетариата в марксистском толковании этого термина могла бы стать реальностью. Но создать подобные условия означало перековать пролетариат психологически и по существу.

Таким образом, роль большевистской партии и гипертрофия ее власти были прямым следствием изолированной победы пролетарской революции в стране, низкий уровень экономического и политического развития которой никак не соответствовал условиям, предусмотренным для такой победы Марксом и ранними марксистами. Русские рабочие встретили революцию, не имея даже начатков тех политических и технических навыков, которые на Западе были привиты развитым капитализмом и демократией. Без поддержки со стороны проявившего пассивность пролетариата западных стран, а также получившего землю и потенциально враждебного грядущим реформам крестьянства русский пролетариат был неспособен использовать и умножить результаты победы, которая в первые послереволюционные годы просто грозила обернуться тяжелым ударом или поражением. Образовавшуюся пустоту заполнила партия. Разработав и осуществив план октябрьского переворота, она создала режим, который уже тогда был достаточно устойчив, для того чтобы выйти победителем в гражданской войне и предпринять перестройку хозяйственной жизни в стране. В результате этих заслуг партия автоматически приобретала авторитет, власть и ореол непогрешимости, которые в любом развитом об-

шестве являются атрибутами его символической главы и которые прежде в том же самом виде принадлежали личности царя. Партия стала чем-то большим и одновременно меньшим, чем просто правящая группировка. Партия превратилась в советское общество в миниатюре. В нем отражались все трения этого общества; по партии можно было судить о распределении власти между социально-экономическими группами в обществе.

В политическом микрокосме партии можно было разглядеть все основные проблемы страны, причем в обостренном, утрированном виде. Они не просто пассивно присутствовали, ибо политика партии не была всего лишь средоточием этих трений и конфликтов. Партия продолжала выполнять политическую программу пролетарской революции. История революции есть история воздействия этой динамичной силы на общество, в котором преобладало отсталое крестьянское хозяйство. С приходом НЭПа многим показалось, что силы революции на исходе и что партия как носитель этих сил тихо и незаметно растворится в обществе, из которого вышла. Все результаты социально-экономического анализа ситуации, сложившейся в 1921—1924 гг., казалось, говорили в пользу этого предположения. В действительности же партийное руководство в своих уступках консервативной части общества прошло ровно настолько, чтобы удержаться у руля и выдержать качку. Этот компромисс был не только сутью НЭПа, он стал основой идеи построения социализма в одной стране. Дальнейший ход событий показал, что партия могла сохранить революционную динамику и вынудить общество смириться с революцией, навязанной «сверху». Такая политическая развязка служит блестящей иллюстрацией безмерной сложности тех факторов, которые определяют ход истории.

ГЛАВА 4

ПЕРСОНАЛИИ

Ученый, задавшийся целью раскрыть роль великой личности в истории, подчас сбивается на обсуждение роли, которую в истории играет личность вообще, тем самым подменяя одну проблему другой, пусть схожей, но по сути отличной, хотя тут и существуют определенные аналогии. Исторические события совершаются по воле личностей. Эта воля, однако, обычно большей частью продиктована тем историческим контекстом, в котором личности суждено действовать; этот контекст помещает в еще более узкие рамки то, чего личность может хотеть и чего может достигнуть. Следовательно, историк, будучи не в состоянии объяснить то или иное событие путем изложения позиций тех личностей, по воле которых оно произошло, склонен создавать впечатление, что двигателями истории служат некие обезличенные силы, хотя при этом он не может не отдавать себе отчета в том, что действия, посредством которых эти силы реализуют себя, являются действиями конкретных личностей и совершаются по их воле. Точно так же значительные и памятные исторические события зачастую приписывают деятельности великих личностей. Однако то, что делает эти события значительными, а их участников великими, объясняется факторами, лежащими вне собственно событий. Значение любого события в его причинах или последствиях. Великий человек потому-то и велик, что то, что он говорит и делает, не только выражает его личную волю, но и совпадает с волей огромного множества его современников, причем не только живущих ныне, но и тех, кому предстоит родиться. Взаимоотношения великих людей с историей построены на обратной связи. Великий человек велик, ибо он оказывает влияние на своих современников и грядущие поколения, помогая им выполнить то, что им было предначертано. Но он же является и продуктом среды и велик лишь постольку, поскольку более, чем кто либо другой, воплощает в себе волю и чаяния своих современников или обладает даром предвидеть волю и чаяния тех, кто придет им на смену. Дело историка — объяснить эти факторы, не преуменьшая достижений великой личности, но и не объявляя их чем-то существующим вне истории и не подлежащим толкованию в терминах исторической науки. Задавать себе вопрос, определил ли великий человек ход событий или сами события, объяс-

няемые с других позиций, выковали великого человека, — значит создавать исторически неверный водораздел и расчленять единый и сложный исторический процесс.

Такая взаимосвязь между великими событиями и великими личностями помогает понять, почему их появление обычно совпадает с поворотными моментами в истории. Как для современников, так и для потомков имя Ленина неразрывно связано с большевистской революцией. Факт болезни и смерти Ленина в момент, когда завершился наиболее бурный этап революции и начался обычный послереволюционный период, отмеченный борьбой сил консолидации и сил реакции, способствовал восприятию его достижений в особо драматичном свете. Деятельность Ленина прервалась в начале пятого акта революционной драмы. Послереволюционный эпизод предстояло сыграть персонажам, которые по своему характеру одновременно отвечали нуждам нового периода и являлись его отражением. Политические качества преемников Ленина служат эмблемой их времени, а их политические биографии — неотъемлемой его частью.

Ни один другой исторический период не оказался более яркой иллюстрацией того, как ведущие деятели, их мнения, восхождение и падение могут зависеть от происходящих в стране событий, чем середина 20-х годов в СССР. Качества, сделавшие Троцкого выдающимся вождем в дни революционной бури и напряжения всех сил, оказались непригодными для лидерства в последовавший период, который потребовал терпения, трезвого расчета и взвешенных компромиссов; заставить же себя приспособиться к новым условиям Троцкий не мог. После его падения другие вожди начали борьбу за первенство. Вряд ли можно предположить, что победивший впоследствии политический курс победил благодаря поддержке со стороны Сталина. Правильнее было бы сказать, что восхождение Сталина к власти объясняется его умением выбирать исключительно удобный момент для того, чтобы связать свое имя с политическим курсом, который неизбежно вызовет одобрение, и, с другой стороны, своевременно отказаться от обязательств по отношению к обреченной идее. И даже это не может исчерпать всю сложность вопроса. Как борьба разных точек зрения, так и борьба отдельных вождей за власть были реальны, однако проходили самостоятельно и в разных плоскостях. Победу Сталина над соперниками можно просто объяснить его громадным превосходством над ними почти во всех областях политического искусства. Одинаково неправомочно было бы также утверждать, что Сталин взял верх потому, что поддерживал политический курс, приемлемый для партии, или что этот курс был в конечном счете принят партией в результате сталинской победы, ибо соответствующие политические идеи высказывались оппонентами Сталина задолго до того, как Сталин, уже находясь на пути к верховной власти, присвоил их себе. Таким образом, историк, стремящийся докопаться до истоков основных событий, происходивших в Советском Союзе в

20-е годы, сможет сравнительно немного почерпнуть из изучения политических портретов главных вождей и отношений между ними. И все же эти портреты составляют пусть малую, но часть общей картины, и рассмотрение политических убеждений и социального поведения этих людей поможет уяснить природу событий, в которых им довелось участвовать, и пролить на ход этих событий дополнительный свет.

а) Троцкий

Лев Давидович Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн) родился в 1879 г. в деревне Яновке на Украине. Его отец принадлежал к не очень распространенной прослойке независимых евреев-хуторян. Когда ему исполнилось девять лет, его отправили учиться в школу в Одессу, где проживали родственники по материнской линии. Последний год обучения в школе (1896—1897) прошел в Николаеве, где он впервые познакомился с запрещенной литературой и где начало формироваться его политическое сознание. В начале 1897 г. он вступил в революционную группу, занятую подпольной политической работой, и был обращен в марксизм. На следующий год он был арестован, сменил за два года несколько тюрем и в 1900 г. был сослан в Сибирь. В 1902 г. Троцкий бежал из ссылки и, минуя Вену, Цюрих и Париж, оказался в Лондоне, где присоединился к Ленину и Мартову. Его литературное дарование и несколько цветистый стиль обеспечили ему партийную кличку Перо. Троцкий быстро становится одним из авторов «Искры», вызывая восхищение Ленина и ревнивое неодобрение Плеханова.

Важным поворотом в карьере Троцкого становится II съезд партии в 1903 г. Расходясь с Лениным во взглядах на характер партийной организации, он выступает в поддержку Мартова и меньшевиков. Годом спустя в изданной под эгидой меньшевистского крыла брошюре «Наши политические задачи» Троцкий высказывается в пользу «оппортунизма в организационных вопросах» против ленинского «организационного ригоризма» и выступает с резкой, чуть ли не уничтожающей критикой, направленной лично против Ленина, именую его «Максимилианом Робеспьером» и «адвокатишкой» и обвиняя его в попытке установить «диктатуру над пролетариатом»¹. Вскоре он порывает с меньшевиками, попадает под влияние Парвуса, немецкого социал-демократа русского происхождения, который внушает ему идею «перманентной революции», и наконец возвращается в Россию, где принимает активное участие в революции 1905 г. В возрасте 26 лет он становится последним председателем недолго просуществовавшего Петербургского Совета и демонстрирует умение вести рабочих за собой и покорять рабочую аудиторию на митингах. После публичного судебного процесса, упрочившего репутацию Троцкого в партийных

кругах, он в течение некоторого времени находится в сибирской ссылке, однако вовремя бежит и успевает принять участие в работе V съезда партии, который состоялся в 1907 г. в Лондоне. С этого времени и вплоть до 1917 г. Троцкий упорно стремится занять позицию «вне фракций» и примирить большевиков с меньшевиками во имя «общепартийной» линии. На этом этапе понимание Троцким природы грядущей революции тяготеет скорее к большевистской, чем меньшевистской концепции. Однако если меньшевизм всегда был гибок и склонен к компромиссу, большевизм под началом Ленина затвердел и превратился в жесткую, как стержень, доктрину, которая отличалась нетерпимостью ко всякому проявлению инакомыслия и зачисляла в разряд врагов любого берущего под сомнение хоть один из пунктов ее программы. На практике это означало, что Троцкий оказывался на ножах с большевиками, и лично с Лениным, гораздо чаще, чем с меньшевиками². Тот факт, что в это время Ленин и Троцкий — каждый по-своему — представляли собой две наиболее выдающиеся фигуры в русском социал-демократическом движении и что среди меньшевиков просто не нашлось мишени, способной вызвать на себя polemический огонь Троцкого, лишь углубил и обострил разногласия между ними.

Период между 1907 и 1914 гг. дал обильную пищу для целой литературы, посвященной разногласиям и взаимным обвинениям, которыми обменивались соперничающие вожди партии и которые породили традиционные представления о принципиальной несовместимости взглядов Ленина и Троцкого. Именно в этот период разногласия по вопросам «перманентной революции» и роли крестьянина, которые, как показало будущее, носили отнюдь не принципиальный характер и касались скорее расстановки акцентов, были в пылу полемики раздуты до размеров пропасти; здесь следует искать истоки множества публикаций о дискуссиях, которые велись в предельно сильных выражениях³ и которым было суждено сыграть заметную роль во внутрипартийной борьбе последующих лет.

Начало войны 1914 г. не привело к быстрому примирению Ленина с Троцким. Последний провел два военных года в Париже, где совместно с Мартовым издавал русскую антивоенную газету «Наше слово», где регулярно или время от времени печатались Луначарский, Рязанов, Лозовский, Чичерин, Радек и Раковский. В это время Троцкий стоит уже на крайне левых позициях. Во взглядах на войну он расходится с Лениным скорее по форме, чем по существу. Однако его эклектизм и готовность к сотрудничеству с меньшевиками по-прежнему отпугивают от него большевиков. Его твердый интернационализм мешает ему сочувственно относиться к компромиссу с принципом национального самоопределения, на который был готов пойти Ленин. В конце 1916 г. Троцкого высылают из Франции; первые три месяца 1917 г. он проводит в Нью-Йорке. Здесь он немедленно вливается в левую партий-

ную группу, в которой ведущими фигурами были Бухарин и Коллонтай, и начинает сотрудничать в печатном органе этой группы — журнале «Новый мир». Очевидно, он чем-то обидел Коллонтай, которая писала Ленину, что «приезд Троцкого укрепил, однако, правое крыло наших совещаний» и задержал принятие Циммервальдской программы. Это письмо вызвало последнюю из тех вспышек ленинского гнева, направленных лично против Троцкого («Этакая свинья этот Троцкий...»), которые впоследствии так любябили припоминать Троцкому его враги⁴. С началом Февральской революции он стремился в Россию, его на длительное время задерживают британские военно-морские власти в Галифаксе (Новая Шотландия, Канада), после чего он только в мае 1917 г. попадает в Петроград. Сначала Ленин встретил его «сдержанно и выжидательно»⁵, однако с момента признания Троцким организационного принципа партии и партийной дисциплины, а также после его решения стать членом партии большевиков все препятствия на пути сближения были устранены. В критические месяцы 1917 г. Троцкий последовательно придерживается ленинских взглядов; в это время, по свидетельству Ленина, «нет лучшего большевика, чем Троцкий»⁶. Опыт и авторитет Троцкого, приобретенные, когда он находился на посту главы Петроградского Совета в 1905 г., оказали революции неоценимую помощь. Троцкий внес самый большой личный вклад в успешный исход октябрьского переворота 1917 г. Блестящая победа, одержанная революцией, а также последующие усилия Троцкого по комплектованию и строительству Красной Армии снискали ему мировую известность и поставили его в один ряд с Лениным. Где бы ни зашла речь о русской революции, имена Ленина и Троцкого упоминались вместе. В партии Троцкий становится фигурой номер один после Ленина. Правда, и в этот период у Троцкого возникают разногласия с Лениным. Среди самых известных пунктов — Брестский мир, поход на Варшаву, отношения между профсоюзами и государством. Однако справедливости ради следует вспомнить и ситуации, в которых Троцкий вел дискуссии с другими партийными лидерами, отстаивая ленинскую точку зрения. Так, он занял антикоалиционную позицию в ноябре 1917 г., поддерживал идею использования «военспецов» в Красной Армии и введение государственной монополии на внешнюю торговлю, выступал против насильственных мер в Грузии в 1921—1922 гг. В те годы подобные колебания в среде вполне лояльных партийцев не считались чем-то из ряда вон выходящим. Критические замечания в адрес Троцкого, содержащиеся в политическом завещании Ленина и касающиеся его «чрезмерной... самоуверенности» и «чрезмерного увлечения чисто административной стороной дела», вполне уравнивались признанием его «лично... пожалуй, самым способным человеком в настоящем ЦК»⁷ и не поддерживали и тени сомнения в его лояльности и преданности.

Позиция Троцкого в партии пошатнулась только тогда, когда Ленин отошел от активной деятельности и когда соперники Троц-

кого объединили свои усилия для того, чтобы не допустить его на роль преемника. Троцкий сам отмечал, что начало борьбы с троцкизмом совпадает с кончиной Ленина⁸, хотя причина этого была ему непонятна. Только с уходом Ленина стало ясно, в какой степени прочность положения Троцкого зависела от активной ленинской поддержки. Несмотря на поддержку среди рядовых членов партии, в лице остальных партийных вождей Троцкий имел только непримиримых врагов. Его падение объясняется не критикой его политического курса, а неприятием его как личности. Мы не погрешим против истины, если заметим, что между 1924 и 1927 гг. критика в адрес Троцкого была вызвана не тем, что он высказывал ошибочные взгляды, а скорее тем, что эти взгляды были признаны ошибочными именно по той причине, что их высказывал не кто иной, как он. Троцкий ошибался, однако ошибки, которые с течением времени были бы забыты и прощены, допусти их кто-нибудь другой, оказались роковыми для Троцкого. Его послужной список, его мировоззрение, вся его личность как таковая — вот истинные мишени и истинные причины его поражения, рассмотрение которых проливает — пусть косвенно — дополнительный свет на историю этого периода.

Из всех большевистских вождей Троцкий был больше, чем кто бы то ни было, западником и в наименьшей степени носителем специфических русских признаков. Выходец из еврейской семьи, находившейся по своему благосостоянию явно выше уровня бедности и имевшей некоторые претензии на интеллигентность, выросший в той части России, где в годы его детства процветал антисемитизм, получивший образование в школе, которая была основана немцами и в которой в его время половина учеников были немцами, Троцкий вряд ли избежал неосознанного, быть может, предубеждения против всего чисто русского. Напротив, он был склонен к «идеализации заграницы, Западной Европы и Америки»⁹, куда в последние два десятилетия перед войной 1914 г. устремились миллионы его соотечественников-эмигрантов, значительную долю которых составляли евреи. Да и сам он, спасаясь от преследований русской полиции, оказался в Западной Европе, будучи молодым, еще формирующимся человеком 23 лет от роду. Главным же было то, что та Россия, которую он не мог принять, была крестьянской Россией его детства. Зрелый Троцкий — сто-процентный урбанист. Город для него — символ всего прогрессивного. «История капитализма, — писал он в 1906 г., — это история подчинения деревни городу»¹⁰. Ни у одного русского марксиста экономическое превосходство западного капиталистического общества и отсталость примитивного русского крестьянского хозяйства не вызывали сомнений; ни один русский марксист не верил в сказки славянофильствующих авторов. Но Троцкий рассуждал об отсутствии какого бы то ни было вклада России в мировую цивилизацию с особым энтузиазмом. Государственность России «не шла дальше третьестепенных подражаний — под герцога Альбу, под

Кольбера, Тюрго, Меттерниха, под Бисмарка». А в области философии и общественных наук Россия не подарила миру «ничего, круглый ноль»¹¹. Даже восхищение Троцкого классиками русской литературы было восхищением европейца; из всех героев Толстого Каратаев из «Войны и мира» — «тип наименее понятный, во всяком случае, наименее близкий европейскому читателю»¹². Учение о революции в целом рассматривалось Троцким в неразрывной связи с влиянием европейской цивилизации на отсталую Россию: «...революция означает окончательный разрыв народа с азиатчиной, с XVII столетием, со святой Русью, с иконами и тараканами; не возврат к допетровию, а наоборот, триобщение всего народа к цивилизации...»¹³ Революционный путь России вел ее в поисках спасения на Запад. Уже в 1916 г. Троцкий продолжал осуждать «национал-революционную мессианскую настроенность, которая побуждает смотреть на свое национальное государство так, как будто именно оно призвано вести человечество к социализму»¹⁴.

Если учесть явно прозападный характер мировоззрения Троцкого, становится понятно, почему до 1914 г. он находил больше точек соприкосновения с западниками-меньшевиками, чем с большевиками. Кроме этого, Троцкий был единственным русским социал-демократом, который в тот период с легкостью находил общий язык с представителями западноевропейской социал-демократии. Его связи с Парвусом служили ему визитной карточкой в немецких партийных кругах. Между 1907 и 1914 гг. положение Троцкого «вне фракций» РСДРП делало его лучшим толкователем проблем русской социал-демократии для западноевропейских социалистов, которые, как и Троцкий, были раздражены внутрипартийными распрями в РСДРП, вызванными разными точками зрения по второстепенным, чисто доктринерским частностям. В Берлине он добросовестно посещал дом Каутского, где встречался с другими вождями немецкой социал-демократии, включая ветерана партии Бебеля. Троцкий был единственным русским, которого с удовольствием печатали в социал-демократических изданиях «Vorwärts» и «Neue Zeit»¹⁵. В Вене он был на короткой ноге с лидерами австрийских социалистов¹⁶.

В это время он проявляет большой интерес к искусству, литературе и западным течениям мысли. Через Иоффе, который обращался за помощью к психоаналитику Адлеру, Троцкий имел по крайней мере общее представление о работах Фрейда¹⁷. В 1915—1916 гг. в Париже он познакомился с лидерами французских ультралевых группировок. После основания Коминтерна Троцкий в силу своих личных контактов долгое время оставался главным авторитетом в области отношений с французской партией. В РСДРП он сделался образцом аккуратности и пунктуальности, традиционно считавшихся западными добродетелями¹⁸. Если в 1905 г. Троцкий поразил Луначарского тем, что выглядел на общем фоне необычайно элегантно¹⁹, если наезжавшие в Москву в период, когда он находился на вершине власти, отмечали изящество его

костюма, а его американский поклонник нашел его «в высшей степени буржуазным»²⁰, то все это служит еще одним подтверждением предпочтения, которое он отдавал европейским нормам поведения, не принимая ни ленинскую пролетарскую матерчатую кепку, ни сталинскую косоворотку. Назвать Троцкого наиболее европейским, а Сталина наименее европейским из первых большевистских вождей — значит указать на одну из основных причин их несовместимости. После смерти Ленина, в обстановке, когда к вершине партийной иерархии подбирались люди малознакомые или вообще незнакомые с жизнью на Западе, европейский лоск и стиль мышления, демонстрируемые Троцким, становились изолирующим фактором. Если эти качества Троцкого позволяли ему рассчитывать на понимание и поддержку, которые он на первых порах встретил в западных коммунистических партиях, то в России они были быстро обращены против него самого. Резолюция ЦК партии, принятая в январе 1925 г. и содержащая критику Троцкого, представляла троцкизм как «фальсификацию коммунизма в духе приближения к «европейским» образцам псевдомарксизма, т. е., в конце концов, в духе «европейской» социал-демократии»²¹.

У Троцкого было еще одно качество, которое делало его полной противоположностью Сталина. Из первых большевистских вождей только Сталина да еще, пожалуй, Зиновьева никак нельзя отнести к преимущественно интеллектуальным натурам. Что же до остальных — и это относится почти ко всем меньшевикам, — то это были люди, приученные оперировать идеями, люди, которые естественным образом искали ответы на возникающие вопросы, прибегая к печатному слову, и которые вряд ли могли бы с чистой совестью отстаивать точку зрения, никак не подкрепленную теорией. Все это в большей степени, чем к кому бы то ни было, относится к Троцкому²².

Если говорить только об интеллектуальной мощи, рядом с Троцким в партии поставить было некого. Его предчувствие опасности, которую таит в себе единоличная диктатура, высказанное им в брошюре 1904 г., его прогноз относительно дальнейшего развития революции в работе «Итоги и перспективы», написанной в 1906 г., его анализ различных, но тем не менее симптоматичных изъятий в идеологическом арсенале как меньшевиков, так и большевиков, сделанный им в статье 1909 г.²³, — все это можно отнести к замечательным образцам удивительной прозорливости.

После 1917 г. тяжелые испытания и груз политической ответственности не повредили остроте ума Троцкого, хотя и выявили некоторые слабые места в таком аспекте, как практическая политика. Дебаты о Брестском мире застали Троцкого за привычным делом: он пытался обосновать точку зрения, лежащую посередине дистанции, разделяющей позиции спорящих. Формула «ни войны, ни мира» была блестящей импровизацией изобретательного ума. Ее воплощение было похоже на азартную игру, которая чуть было

не была выиграна. Однако можно прийти к выводу, что азартные игры в такой обстановке не есть вершины государственной мудрости. В последующие годы на редкость часто Троцкий разрабатывал и выдвигал политические идеи, которые подчас после критики в адрес автора в итоге претворялись в жизнь. Есть свидетельства того, что Троцкий был первым (по крайней мере в партии), кто высказался в пользу новой экономической политики, и что было это за год до того, как НЭП стал реальностью. Он был горячим сторонником индустриализации и плановой экономики тогда, когда эти идеи начисто отвергались партийным руководством как способные погубить НЭП; он же ратовал и за «смычку» с крестьянством. Идея содержания армий труда и «огосударствления» профсоюзов, которая вместе с ее автором в свое время подверглась уничтожающей критике, несколькими годами позже была реализована, хотя и под другой вывеской.

Такая серия недоношенных идей или побед, одержанных не вовремя, выявляет главную слабость Троцкого как ответственного политика. Троцкий обладал даром безошибочного, порой просто сверхъестественного видения происходивших перед его глазами социально-экономических процессов, а также политических рычагов, которые в один прекрасный день понадобятся для того, чтобы совладать с этими процессами. Однако он был лишен того высшего чувства политического такта и времени, которым всегда были наделены великие государственные мужи. У него хватало прозорливости, чтобы правильно поставить диагноз, но не хватало терпения, чтобы подождать удобного момента. Он не обладал способностью манипулировать мнениями и контролировать ситуацию в интересах избранного им политического курса. Закрывая глаза на жестокие реальности при осуществлении политической власти, он совершал ошибку, распространенную среди интеллектуалов, занявшихся политикой.

От Ленина Троцкий отличался не столько особой точкой зрения по тому или иному конкретному вопросу теории или политики, сколько положением ярко выраженного «западника» и выдающегося интеллектуала, которое он занял в партии. Довольно тонкое и любопытное замечание относительно этой разницы сделал Лунначарский, заявив, что Троцкий — более ортодоксальный марксист, чем Ленин²⁴. Если рассматривать марксизм в первую очередь как жесткую систему критериев для анализа противоречий капиталистической системы и буржуазного общества и только во вторую очередь как программу действий, если его экономический или так называемый «детерминистский» аспекты ставить превыше аспектов политических и волюнтаристских, тогда Троцкий «более марксист», чем Ленин. Кстати, такое понимание марксизма — а его можно подкрепить цитатами из самого Маркса — в целом доминировало на Западе. Ленин и его сподвижники толковали марксизм несколько иначе, ибо Ленин привнес в учение Маркса гибкость и способность приспосабливаться, которые были чужды Троцкому,

но которые, пожалуй, характерны для всех случаев практического применения любой теории.

И Ленин, и Троцкий любили апеллировать к истории. Однако если Ленин ясно осознавал необходимость определять ход истории в соответствии с намеченной программой, Троцкий был склонен к пониманию истории как объективной реальности, доступной логическому анализу и развивающейся в соответствии с ним в том случае, если этот анализ правилен. Массы, действуя стихийно, следуют законам истории, и сущность большевистской революции заключается в «насильственном вторжении масс в область управления собственной судьбой»²⁵. Приговор этого суда масс обжалованию не подлежит. У поверженных оппонентов, считал Троцкий, одна дорога — на свалку истории. Рассуждая подобным образом, Троцкий лишил себя возможности докопаться до истинной причины собственного поражения, когда обнаружил, что движется как раз по пути, ведущему на свалку. В своей автобиографии и более поздних работах он бьется над поисками ответа на мучающий его вопрос: почему он проиграл? Почему народные массы не встали на его защиту? По Троцкому, ответ может лежать только в области ошибок, допущенных при оценке обстановки. Он ищет такую ошибку и — на радость себе или к вящему удовольствию читателя — найти не может. Показательно, что в последних строках своей биографии Троцкий предпочитает искать «утешение» в цитате не из Маркса, а из своего старого недруга Прудона, не апеллируя к истории, а выражая ей недоверие.

Перипетии политической карьеры Троцкого напрямую связаны с особенностями его натуры. То, что Ленин именовал самоуверенностью, а другие без обиняков называли просто наглостью, создавало полосу отчуждения между ним и его соратниками. Один из авторов, лично знакомый с молодым Троцким и впоследствии создавший небезынтересный набросок его портрета, едко описывал его стремление подняться надо всеми, быть везде и всегда первым в качестве главного свойства его характера. Это делает его революционные убеждения похожими на самодовлеющий, прямо-таки дьявольский замысел, что отличает их от не менее твердых, но человечески более понятных убеждений Ленина:

«Революция и его активное «я» совпадали. Все, что было вне революции, было вне его «я» и потому не интересовало, не существовало для него. Рабочие его интересовали как необходимые объекты его активности, его революционной деятельности; товарищи его интересовали как средства, при содействии которых он проявлял свою революционную активность; он любил рабочих, любил своих товарищей по организации, потому что он любил в них самого себя»²⁶. Между 1903 и 1917 гг. Троцкий по-прежнему оставался в изоляции, и в 1917 г., когда логика революции и магия личности Ленина привели его в партию большевиков, пропасть между ним и другими вождями не исчезла. Желая поставить Троцкого на место, Каменев не без основания писал несколько позднее,

что он «вошел в нашу партию как индивидуалист, который думал и думает, что в основных вопросах революции права не партия, а прав он, тов. Троцкий»²⁷. Похоже, даже марксистское понимание исторического процесса у Троцкого было особенным, не мешавшим ему сосредоточиться на своей личной роли, исполняемой на сцене истории. Луначарский писал, что в отличие от Ленина, который никогда не пытается посмотреть на себя со стороны, не заглядывает в зеркало истории и даже не задумывается о том, что будут говорить о нем потомки, Троцкий частенько поглядывает на себя, высоко оценивает свой вклад в историю и мечтает об ореоле подлинного вождя революции²⁸.

После падения Троцкого многие из тех, кто в свое время превозносил его и льстил ему, поторопились ославить и осудить его. Однако некоторые документы той эпохи свидетельствуют о том, что его товарищи по партии во все времена относились к нему неоднозначно и посматривали на рост его авторитета и власти с недоброжелательностью; вряд ли можно найти другое объяснение той быстроте и легкости, с которыми они объединились против него сразу же после смерти Ленина. «Возможно, его побаиваются больше, чем любят, — бывает и так, — но власть его огромна», — писал один французский коммунист, посетивший Москву в 1921 г. и описавший свои впечатления в книге с предисловием Троцкого²⁹. «Я Троцкого люблю, но я его боюсь», — признавался немногим позже на страницах «Правды» сочинитель казенных виршей Демьян Бедный³⁰. Анжелика Балабанова, которую трудно заподозрить в симпатии к Троцкому, высказывает более резкое суждение: «Его вызывающая манера держаться сводит на нет его таланты и возможности, а то, как эта манера проявляется в его отношениях с людьми, очень часто создает между ним и теми, кто его окружает, такую пропасть, которая начисто исключает как душевную теплоту, так и любое проявление симпатии или взаимности»³¹. Луначарский, ссылаясь на манеру Троцкого общаться со всеми без исключения крайне небрежно и свысока, отмечал, что его безграничное высокомерие, его полная неспособность или нежелание относиться к людям дружелюбно и быть к ним повнимательней обрекали его на определенное одиночество в партии, где у него практически не было ближайших последователей³². Один из беспартийных старых специалистов, которому в свое время довелось часто бывать в обществе вождей партии, сразу подметил изоляцию Троцкого: «На всех встречах этих старых большевиков Троцкий оставался чужаком... Троцкий заставлял уважать себя, вслушиваться в каждое сказанное им слово. При этом, когда Ленин считал возможным уступить Троцкому в публичной дискуссии, они открыто осуждали его за это или по меньшей мере высказывали недовольство, диктуемое ревностью»³³. Ленину, лидерство которого было неоспоримым, было легко смотреть сквозь пальцы на внезапный и стремительный взлет Троцкого и, памятуя о недавних заслугах, простить ему его старые грехи. Труднее приходилось тем

старым большевикам, которые ревниво наблюдали, как этот незванный гость занимал их место у кормила власти и в сердце вождя. Троцкий, по всей видимости, так и не понял, какими последствиями чревато для него столь запоздалое вступление в партию. Больше того, он усугублял их своим поведением. Его огромные заслуги перед партией, их признание со стороны предпочитавшего не поминать старое Ленина были вескими доводами в пользу его единоличного лидерства, а на меньшее он бы и не согласился. Он не видел никакой нужды в умиротворении своих недругов и бездумно умножал их число.

Несомненно, именно это свойство его натуры имел в виду Ленин, отмечая в своем завещании его «чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела». Организаторский талант Троцкого уступал только мощи его интеллекта. Тот факт, что октябрьский переворот 1917 г. не потребовал особого напряжения сил, во многом объясняется организаторским гением Троцкого; его огромным достижением явилось создание Красной Армии, а любое министерство, которое попадало к нему в подчинение или под контроль, становилось образцом исполнительности. И все это еще не исчерпывало поразительного диапазона талантов, которыми был наделен этот человек. Троцкий, пожалуй, был самым выдающимся оратором революционной эпохи. В аудитории, состоящей из тесного круга хорошо информированных партийных вождей, его всем хорошо знакомые ораторские приемы давали меньше эффекта, чем ленинская простота; это не преминул отметить Сталин, заявив, что Троцкому, когда тот излагал ленинскую теорию, не хватало «простого и человеческого определения ленинизма»³⁴. Однако некоторая витиеватость Троцкого не служила, как у Зиновьева, ширмой для прикрытия интеллектуальной немощи или отсутствия твердых убеждений. Ее причина — в бьющей через край, неумолимой страсти; никто из современников Троцкого не мог бы потягаться с ним в способности зажигать огромные аудитории огнем своего красноречия. И все же этому великому интеллектуалу, организатору и оратору не хватало одного важного — по крайней мере в условиях русской революции — качества. Троцкий мог поднять огромную массу людей, зажечь ее своим энтузиазмом и повести за собой. Но он не умел быть лидером среди равных себе. Он не мог поднять свой авторитет среди коллег, ибо не обладал скромным даром убеждать их в своей правоте или терпимо и внимательно выслушивать мнение людей, уступающих ему в силе интеллекта. У него не хватало терпения благосклонно выслушивать глупцов, и его обвиняли в неспособности терпимо относиться к себе равным. В области, где Ленин достиг совершенства, **Троцкий терпел один провал за другим.**

Итак, политический климат тех лет, а также некоторые отрицательные черты характера Троцкого не оставили ему никакой надежды на успех. Самоуверенный, высокомерный, держащийся особняком среди коллег, не сомневающийся в собственном превос-

ходстве, не замечающий или презрительно игнорирующий страсти, кипящие в душах тех, кто оказался в тени его славы³⁵, он не ощущал необходимости в защите от тех могучих сил, которые уже окружали его плотным кольцом. Небрежно отзываясь о первых нападках, направленных против него со стороны других вождей партии зимой 1923/24 г., он бахвалился, что «ничего такого не читал»³⁶. Пока дело не зашло уже слишком далеко, он не предпринимал никаких попыток сплотить своих сторонников или внести раскол в ряды своих недругов. Троцкий не имел узкополитического нюха, не чувствовал ситуацию и не умел осторожно приводить в действие чувствительные рычаги власти. В дореволюционные годы именно эта ущербность помешала ему разглядеть большое значение ленинской идеи жесткой организационной структуры партии, а после революции привела к тому, что как политик он проигрывал и Ленину, которого превосходил во многих областях, и Сталину, которого затмевал почти во всех. Однако еще в большей степени, чем его личные качества, падению Троцкого способствовала эволюция революционных событий в России. Как интеллеktуал, он потерял опору в период, когда спрос на теории начал падать, когда политическая жизнь стала вращаться вокруг эмпирического решения текущих политических задач и равновесие между конфликтующими фракциями и противоречивыми интересами можно было поддерживать только с помощью расчетливого политического маневрирования. Как убежденный и неисправимый западник, он оказался не у дел в период, когда достижения революции стали образовывать хитросплетение с обретающей былое влияние русской национальной традицией. Как революционер до мозга костей, он оказался неуместной фигурой в эпоху, которая казалась (или хотела казаться) эпохой закрепления успехов и стабилизации положения. Как индивидуалист, чье былое вольнодумство не забыли и не простили, он не мог не вызывать подозрений в партии, которая воспевала принципы коллективного руководства и которой на каждом углу мерещился призрак бонапартизма. Троцкий был героем революции. Когда героическая эпоха канула в прошлое, он пал.

б) Зиновьев

Григорий Евгеньевич Зиновьев (настоящая фамилия Радомильский) родился в 1883 г. в Елизаветграде, переименованном в 1924 г. в Зиновьевск, в мелкобуржуазной еврейской семье, глава которой был владельцем небольшой молочной фермы. Он получил домашнее образование и никогда не посещал школу или университет. Видимо, это был наименее образованный большевистский вождь, не считая Сталина. Пожалуй, он хуже остальных владел искусством управлять людьми. Пятнадцати лет он стал зарабатывать себе на жизнь: учительствовал, потом служил мелким чиновником в небольшой конторе. В начале столетия он принимает участие в

организации забастовки, а в 1902 г. отправляется за границу, останавливаясь в Берлине, Париже и Берне; в начале 1903 г. встречается в Швейцарии с Плехановым и Лениным, а после партийного съезда, состоявшегося в том же 1903 г., возвращается в Россию для ведения партийной работы. Однако по причине пошатнувшегося здоровья (болезнь сердца) он вскоре вновь уезжает за границу. В 1906 г. Зиновьев опять появляется в Петербурге, где занимается агитацией среди рабочих-металлистов, в 1907 г. отправляется в Лондон в качестве делегата V съезда партии, на котором становится членом ЦК. На следующий год его арестовывают, однако из-за слабого здоровья оставляют на свободе, и он возвращается в Швейцарию³⁷. С этого времени он становится близким сподвижником и учеником Ленина. По всей вероятности, он был единственным большевиком, поддержавшим Ленина, когда тот в январе 1910 г. в Париже остался в меньшинстве, отвергая политику компромисса с меньшевиками и идею объединенного ЦК партии³⁸, чем, несомненно, заслужил благодарность вождя. На Пражской конференции 1912 г. его выбирают в состав нового, большевистского ЦК, а на следующий год он отправляется с Лениным в Галицию. После того как в 1914 г. Каменев возвращается в Петербург в качестве редактора «Правды», Зиновьев становится основным соратником Ленина и остается таковым на протяжении всей войны. Имена Зиновьева и Ленина как соавторов появляются на титульном листе брошюры «Социализм и война», опубликованной на русском языке в Швейцарии в 1915 г. и немедленно переведенной на немецкий и французский, а также на сборнике статей, который под заголовком «Против течения» был издан в 1916 г. на немецком языке в Швейцарии и русский вариант которого вышел в 1918 г. в Петрограде.

Таким образом, к моменту, когда в апреле 1917 г. Зиновьев вместе с Лениным вернулся в Петроград в опечатанном вагоне, он уже занимал в партии особое положение. Как и другие большевистские лидеры, он был поначалу шокирован ленинскими Апрельскими тезисами, однако быстро оправился от удара и поддержал их. В июле 1917 г. он сопровождает Ленина в надежное укрытие, откуда они вместе возвращаются в Петроград в октябре. Здесь наступает переломный момент в карьере Зиновьева. Он поддерживает осторожного Каменева, выступающего против предложения Ленина о немедленном захвате власти. Менее последовательный, чем Каменев, или менее склонный к тому, чтобы сжигать за собой мосты, он фактически не вышел из состава ЦК вместе с ним, однако, когда непартийный журнал «Новая жизнь» сделал разногласия по этому вопросу достоянием гласности, он навлек на себя гнев Ленина в той же степени, что и Каменев. Через десять дней после захвата власти Зиновьев вместе с Каменевым и еще тремя членами ЦК разошлись с Лениным во мнениях относительно формирования коалиционного правительства вместе с эсерами и вышли из состава ЦК. Когда же со стороны Ленина последовал

ультиматум, Зиновьев первым из этой пятерки отрекся от собственного мнения и занял свое кресло в ЦК. Партия простила Зиновьеву эти инциденты и большей частью не вспоминала о них. Однако они оставили ощущение того, что за воинственным фасадом прячется в общем-то трусоватая натура. Уходя от ответственности, Зиновьев избегал решительных действий. Оказываясь в оппозиции, он покидал ее, опасаясь последствий.

То, что Зиновьев не занимал важной должности в правительстве, объясняется игрой случая, а не пятном на его партийной репутации. Он представлял партию на заседаниях Центрального совета профсоюзов, председательствовал на первых профсоюзных съездах. Отсюда берут начало его особые отношения с Петроградом, центром металлообрабатывающей промышленности, составлявшим большевистское ядро профсоюзного движения. В марте 1918 г. Зиновьев настойчиво выступал против переноса столицы и штаба партии в Москву³⁹, а когда за его спиной было принято соответствующее решение, он получил мандат на то, чтобы остаться в Петрограде в качестве главы Петроградской партийной организации. Однако вскоре его уже ожидали новые задачи. Имея опыт работы в Циммервальдской организации во время войны, Зиновьев был наиболее подходящей кандидатурой для поддержания связей с левыми за границей. Кульминационным моментом его деятельности в этом направлении было назначение на пост председателя Исполкома вновь созданного Коммунистического Интернационала (март 1919 г.). В тот период, когда мировая революция, казалось, вот-вот распахнет дверь в будущее, этот пост в большевистских кругах считался исключительно престижным. Все это время Зиновьев, замаливая мелкие случайные грехи той осени 1917 г., был верным сподручным Ленина и не знающим сомнений проводником его политики. Когда болезнь вывела Ленина из строя (Троцкий снял свою кандидатуру на освобождавшееся место главы партии еще раньше), почти стихийно возник триумвират, в котором с общего согласия на первую роль выдвинулся Зиновьев, ибо Каменев был слишком скромн, а Сталин слишком осторожен. Зиновьеву было поручено выступить с основным докладом на XII съезде партии в апреле 1923 г., а затем на XIII съезде в мае 1924 г., уже после смерти Ленина.

Таким образом, Зиновьев стал первым человеком в партии на непродолжительный, но важный переходный период, охватывавший последние месяцы жизни Ленина и первые месяцы после его смерти. Отчасти именно поэтому Зиновьев выступает инициатором многих зловещих событий, ставших достоянием истории партии. Именно Зиновьев, более, чем кто-либо другой, несет ответственность за насаждение культа ленинизма в партии; именно при Зиновьеве лакмусовой бумажкой, пропуском в высшие партийные круги объявляется абсолютная, не вызывающая сомнений верность Ленину. Это вполне понятно, если учесть, что для Зиновьева его бывшие личные тесные связи с Лениным стали главной опорой и основой

его авторитета в партии. Это Зиновьев придумал или впервые публично использовал термин «троцкизм» в качестве ругательного слова. Сам того не сознавая, он создал злобещий прецедент, когда с трибуны XIII съезда партии предложил Троцкому не ограничиться подчинением большинству, а выступить с покаянной речью. Это Зиновьев, несомненно грубо копируя Ленина, предложил приклеивать ярлык меньшевизма на любые отклонения от ортодоксальной партийной линии.

Появление Зиновьева в качестве фактического руководителя партии и возможного преемника Ленина высветило те его слабости, которые прежде были не так заметны⁴⁰. Он не обладал хваткостью при решении политических и экономических задач и вообще предпочитал выступать с речами, а не действовать. Меры в области экономики, принятые осенью 1923 г., были вынужденными и большей частью запоздалыми; к тому же нет оснований связывать их с именем Зиновьева. Как показала «платформа 46-ти», партия остро ощущала отсутствие твердой руки в сфере управления экономикой. Поражение революции в Германии осенью того же года стало еще более чувствительным ударом. На какое-то время Зиновьеву, возможно, удалось переложить вину на плечи Радека и Брандлера, однако это поражение в конечном счете не могло не сказаться на авторитете Коминтерна и его председателя. Еще более важным представляется то обстоятельство, что Зиновьев не имел никакого понятия о сути политической власти или природе умения управлять людьми и к тому же не обладал природным тактом — качеством, иногда свойственным простакам. Неловкий во всех своих начинаниях, Зиновьев выкладывал свои карты на стол еще до начала игры. Он так наивно и явно надеялся на то, что ему удастся примерить на себя ленинскую мантию, что становился смешон. Он сам взял на себя всю вину за развязанную против Троцкого кампанию, плоды которой позволил пожинать Сталину. Нет оснований говорить и об организаторских способностях Зиновьева. Когда он задумал воспрепятствовать восхождению Сталина, ленинградская партийная организация, в которой он, казалось, был полновластным хозяином, рассыпалась как картонный домик и оставила его безоружным, один на один с несравненно более ловким и изготавившимся к схватке противником.

Ни один из большевистских вождей этой эпохи не навлекал на себя такой уничтожающей критики, как Зиновьев. Его больше всех недолюбливали и меньше всех уважали. Зиновьев был сметлив, но политически малограмотен. По сравнению со своими коллегами по триумvirату он не обладал ни проницательностью Каменева, ни упорством Сталина. С трибуны XIV съезда партии Молотов сетовал на то, что если Каменев по крайней мере хотя бы «пытается излагать целую систему своих взглядов», то Зиновьев пустился в разглагольствования, в которых нет «ничего нового, ничего определенного, ничего классового»⁴¹. Удар достиг цели. По этому

же поводу Сталин высказался так: «качка», «истерика, а не политика»⁴². Троцкий писал о его «неисправимом непостоянстве»⁴³. Зиновьеву так и не удалось приобрести глубину убеждений или глубину понимания. Среди людей, которые страстно и всерьез относились к теоретическим тонкостям учения, эта врожденная легкость суждений стяжала Зиновьеву незавидную репутацию человека поверхностного и беспринципного. Очень часто подтверждалось, что для него не существовало принципа, которым он не мог бы поступиться под влиянием момента с целью достижения сиюминутных политических дивидендов или личной выгоды. Попад под огонь критики, он быстро оставлял свои позиции или защищал их без мужества и достоинства. На XIV съезде партии в декабре 1925 г., когда на карту была поставлена его политическая карьера лидера оппозиции, замахнувшейся на основы политики партии, он счел возможным просить прощения за поспешность своих действий, заявив, что если товарищи из ЦК и ЦКК говорят, что в интересах спокойствия не надо делать того-то и того-то, «то мы и не будем этого делать»⁴⁴. Такая своеобразная легкомысленность усугублялась тщеславием и явно завышенной самооценкой, что не могло не сказаться на его литературном стиле и манере держаться. Все на том же съезде Бухарин язвил по поводу зиновьевских «книг, делающих эпоху»⁴⁵. Летописец революции Суханов приписывал Зиновьеву «известные свойства кошки и зайца»⁴⁶. Изгнанный лидер компартии Германии Леви называл его «знаменитым на всю Европу простофилей»⁴⁷. Когда на XIV съезде Зиновьев стал в позу оскорбленной невинности, из зала выкрикивали: «Бедная овечка!»⁴⁸ В своей книге, написанной многими годами позже, Анжелика Балабанова вынесла следующий приговор: «...не считая Муссолини... это был самый презренный тип из всех, которых я когда-либо встречала»⁴⁹. Даже самые заклятые враги не отзывались ни об одном большевистском вожде с таким безоговорочным презрением, как о Зиновьеве.

Эти вердикты, некоторые из которых были вынесены еще до его падения, заставляют задуматься над тем, каким образом Зиновьеву удалось даже в течение короткого времени играть такую важную роль в партии и государстве. Тот факт, что ему довелось быть ближайшим сподвижником и учеником Ленина в годы ссылки, что в Европе как среди друзей, так и среди врагов он был известен в качестве председателя Исполкома Коминтерна и что после того, как Ленин отошел от активной работы, он проявил безоглядную готовность взять на себя ответственность, от которой отшатнулись другие, лишь частично дает ответ на этот вопрос. Один современник, имевший возможность наблюдать Ленина и Зиновьева во время войны, отмечал способность Зиновьева работать день и ночь над писанием «газетных статей, циркуляров для товарищей по партии, резолюций, брошюр — одним словом, всего, что, по мнению Ленина, было необходимо», и, хотя «в том, что он писал, не было ни глубины, ни оригинальности», он всегда был,

как говорится, на подхвате. Зиновьев «двигался в мире словесных конструкций» и влачил «бескровное бумажное существование» в отрыве от истинного понимания происходящего⁵⁰. Несомненно, Зиновьеву не повезло в том смысле, что одно его замечательное свойство находилось в ряду достоинств, которые вряд ли могут быть оценены потомками. Он обладал сильным, очень звучным тенором⁵¹ и был, по общему признанию, прекрасным оратором, способным произвести впечатление на массовую аудиторию. Похоже, своим положением в партии он во многом был обязан этой способности. Высшим достижением его карьеры была четырехчасовая речь, произнесенная им на немецком языке перед делегатами Галльского съезда Германской независимой социал-демократической партии в октябре 1920 г.; после этой речи большинство делегатов проголосовали за слияние с Коммунистической партией Германии⁵². Однако его стилю были присущи витиеватость и повторы, и даже его лучшие речи, будучи напечатанными, не впечатляют. Видимо, его ораторское искусство нуждалось в фоне из аплодисментов и знаков одобрения. В более поздний период, когда он пытался защитить мнение меньшинства перед враждебно настроенной аудиторией, его риторический гений изменил ему. В условиях напряженной дискуссии он, как полемист, много проигрывал Каменеву и Троцкому. Вскоре после смерти Ленина выяснилось, что слава Зиновьева была дутой, а его бесконечные колебания лишили его падение высокого смысла, присущего истинным трагедиям.

в) Каменев

Лев Борисович Каменев (настоящая фамилия Розенфельд) родился в 1883 г. в Москве. Его отец был искусным механиком, получившим образование в Петербургском технологическом институте и работавшим машинистом на Московско-Курской железной дороге. Вскоре после рождения сына семья переехала в район Вильны, где отец получил должность на местном заводе, производящем гвозди, а позднее, в 1896 г., — в Тифлис, где он работал в качестве железнодорожного инженера. Каменев начал учиться в Вильне, а позднее продолжил учебу в тифлисской гимназии. Исключение из школы в 1900 г. за контакты с революционными группами и чтение запрещенной литературы не помешало молодому Каменеву приступить к изучению права в стенах Московского университета. В 1902 г. он был арестован и сослан обратно в Тифлис «под надзор полиции», после чего отправился за границу. В Париже он вошел в состав одной из групп РСДРП и повстречался с Лениным. В этот период Каменев женится на сестре Троцкого Ольге. После партийного съезда 1903 г. он возвращается в Россию на партийную работу, которой активно занимается в Петербурге, Москве и Тифлисе, причем в Грузии становится од-

ним из организаторов первого «кавказского комитета» партии. В 1908 г., после серии арестов и освобождений, он вновь отправляется за границу и в последующие пять лет становится ближайшим после Зиновьева соратником Ленина. В начале 1914 г. Каменева направляют в Петербург для руководства изданием «Правды»⁵³.

Что до той поры отличало Каменева от остальных партийных вождей, так это мягкий характер, склонность к компромиссам и нежелание идти на крайние меры. За все это время он разошелся во мнении с Лениным только один раз, когда на последнем заседании объединенного ЦК в январе 1910 г. в Париже активно ратовал за такое компромиссное решение, которое еще могло спасти партию от раскола⁵⁴. Когда из-за войны Каменеву пришлось действовать в отрыве от Ленина, его склонность к соглашательству проявилась уже при более щекотливых обстоятельствах. В ноябре 1914 г. на подпольной конференции в Петрограде были арестованы ведущие деятели партии большевиков, и на судебном процессе в феврале 1915 г. Каменев и некоторые другие обвиняемые публично отмежевались от ленинских доводов в пользу поражения России в войне. Проявленная гибкость не спасла их, и последующие два года Каменев проводит в Сибири. Вернувшись в Петроград вместе со Сталиным в марте 1917 г., он оказывается на правом крыле партии, поддерживает идею обороны России и с некоторыми оговорками поддерживает Временное правительство. Продолжая стоять на своем после возвращения Ленина, Каменев был единственным большевиком, усомнившимся на страницах «Правды» в непогрешимости Апрельских тезисов. И даже тогда, когда точку зрения Ленина безоговорочно поддерживали Зиновьев и Сталин, Каменев на апрельской партийной конференции все еще продолжал упорствовать. Его поражение на этой конференции положило конец его свободомыслию. Он был верным проводником линии партии все лето, а в июле, когда Ленин и Зиновьев скрылись, был арестован вместе с Троцким. При решении любого важного вопроса Каменев инстинктивно склонялся в сторону умеренности и компромисса, но подобных позиций он придерживался всякий раз лишь столько времени, чтобы можно было избежать обвинений в элементарной слабости и оппортунизме. Ему не хватало самостоятельности в поведении и мышлении, и в итоге он неизбежно скатывался на точку зрения своих оппонентов.

Подобная ситуация дважды повторялась осенью 1917 г. Каменев, которого на этот раз первоначально поддержал Зиновьев, выступил против захвата власти, вышел из состава ЦК и попытался изложить партии свою точку зрения. Однако, оставшись в одиночестве, подвергаясь резкой критике со стороны Ленина за разглашение партийных тайн в «Новой жизни», столкнувшись с угрозой исключения из партии и, наконец, лишившись поддержки Зиновьева, он пошел на попятную и поддержал мнение партии. Немногим больше недели после захвата власти Каменев и Зиновьев, к кото-

рым позже присоединились еще три члена ЦК, выступили против решения отказаться от коалиции с другими партиями и 4—17 ноября 1917 г. после ультиматума, предъявленного большинством, вышли из ЦК. Каменев также был смещен с должности председателя ВЦИК, которая перешла к Свердлову. Через два дня Зиновьев покаялся и был восстановлен в ЦК, тогда как Каменев и остальные трое держались еще три недели, за которые была достигнута принципиальная договоренность об участии левых эсеров в правительстве. Когда же они в конце концов обратились с просьбой о восстановлении в правах, ЦК 29 ноября (12 декабря) 1917 г. отклонил их просьбу. Тем не менее, видимо, существовал общий настрой как можно скорее забыть об этом неприятном эпизоде и позволить заблудшим вернуться к партийной и государственной работе. Каменев на первом этапе переговоров о Брестском мире вошел в состав делегации, причем, как писал Троцкий, «в Бресте согласился с моей формулой, а приехав в Москву, присоединился к Ленину»⁵⁵. В январе 1918 г. его отправили на переговоры в Великобританию и Францию, и ему не довелось принять участия ни в переговорах в Брест-Литовске на их завершающем этапе, ни в партийных дискуссиях по поводу ратификации договора.

С этого времени до последнего дня активной работы Ленина Каменев оставался верным его сподвижником, идущим строго в русле политики партии. Он был вновь избран в состав ЦК в 1919 г. и за эти годы занимал несколько важных государственных постов. Однако главным свидетельством его высокого положения в партии явилось избрание Каменева на пост главы Московской партийной организации и председателя Московского Совета. Когда Ленин отошел от активной работы, никто не поставил под сомнение необходимость включения Каменева в правящий триумвират. Превосходя обоих своих коллег по триумвирату в интеллектуальном отношении, он уступал им в области практических действий, не обладая ни амбициями и самоуверенностью Зиновьева, ни искушенностью в политике, свойственной Сталину. Сильная личная неприязнь к Сталину приближала его к Зиновьеву, с которым его к тому же связывал большой опыт совместной работы. Ему принадлежит ведущая роль в кампании, развязанной против Троцкого, хотя, надо полагать, Каменев участвовал в ней не без некоторого чувства стыда, ибо однажды заявил, что обвинения в «мелкобуржуазном уклоне» не следует понимать в личном плане, так как они не означают, что «мы обвиняем того или иного товарища, на наш взгляд ошибающегося, в том, что он есть представитель мелкой буржуазии»⁵⁶. Растущее влияние оппозиции в Московской партийной организации осенью 1923 г. подорвало авторитет Каменева. С течением времени становилось понятно, что его руководство не способствует укреплению партийной дисциплины. Не исключено, что ему принадлежит немалая заслуга в деле интеллектуального оснащения «новой оппозиции» 1925 г., к тому же он один набрался мужества и открыто выступил против Сталина. Его речь

на XIV съезде партии была лучшей за всю его политическую карьеру. Однако наиболее заметная роль принадлежала Зиновьеву, и остаток своего политического пути Каменев прошел вслед за Зиновьевым навстречу собственному унижению и собственной гибели. Только однажды (и это тоже показательно) он взял инициативу в свои руки: в основном благодаря его посредничеству летом 1926 г. было достигнуто примирение между Зиновьевым и Троцким.

Многие авторитетные историки изображают Каменева высокообразованным, культурным человеком с приятными манерами. Это был превосходный собеседник и, может быть, не блестящий, но достаточно опытный оратор. Под его началом была успешно проделана работа по изданию первого собрания сочинений Ленина. Насколько можно судить, Ленин, высказывая сомнения в его организаторских способностях, считал его «умным политиком»⁵⁷. Каменев был человеком искренних убеждений, удивительно свободных от примеси личных амбиций или политического расчета. Все эти качества имели и обратную сторону. Путеводной звездой Каменева, даже в реализации собственных убеждений, была умеренность. Однако вскоре все стало на свои места: он подошел к отметке, за которой защита этих убеждений потеряла всякий смысл отчасти из-за недостаточной веры в собственную правоту, отчасти из-за неизменной готовности идти навстречу многочисленным друзьям и товарищам по партии. Молотов упрекал его в привычке ставить вопросы «в дискуссионном порядке» и снимать их в случае противодействия со стороны оппозиции, как свойственно поступать слабым людям, не способным постоять за себя⁵⁸. У Каменева не было ни желания, ни умения вести людей за собой: у него не было ясного представления о цели, к которой он мог бы их повести. Он нуждался в ведущем и из-за своей слабости в конце концов связал свою судьбу с человеком, который был менее умен, менее достоин уважения и вообще во всех отношениях менее привлекателен, чем он сам⁵⁹.

г) Бухарин

Николай Иванович Бухарин был самым молодым из признанных вождей 1917 г., которые никогда не относились к нему как к себе равному, предпочитая обращаться с ним в ласково-снисходительной манере. Он родился в 1888 г. в Москве в семье школьных учителей. Отец был математиком, обладавшим серьезными познаниями также и в литературе, и, как позднее писал его сын, был чрезвычайно непрактичным человеком в повседневной жизни. По своему происхождению Бухарин был ближе, чем кто бы то ни было из большевистских вождей, к интеллигенции. Он блестяще учился в школе, читал запрещенную литературу, познакомился с марксизмом и в 1906 г. стал членом РСДРП. В том же году

вместе с Ильей Эренбургом он помогал организовать забастовку на обойной фабрике. Он учился в Московском университете, был арестован, выпущен на свободу, вновь арестован, пока в 1910 г. наконец не уехал за границу. Бухарин занимался партийной работой, встречался в 1912 г. в Кракове с Лениным. Первая мировая война застала его в Вене. Будучи высланным австрийскими властями, он проводит некоторое время в Швейцарии, осенью 1915 г. отправляется в Швецию и Норвегию и, наконец, в 1916 г. оказывается в Соединенных Штатах. Уже после Февральской революции 1917 г. он через Японию и Сибирь возвращается в Петроград⁶⁰. В условиях, когда остальные большевистские вожди были объявлены вне закона и ушли в подполье, Бухарин и Сталин играют ведущую роль на VI съезде партии в августе 1917 г. С этого времени и вплоть до 1929 г. Бухарин является членом ЦК партии. В декабре 1917 г. он становится редактором «Правды» и после короткого перерыва, вызванного его принадлежностью к «левой оппозиции» во время Брестского мира, уже через год возвращается на эту должность.

В партии Бухарин пользовался репутацией скорее теоретика, чем практика. Его склонность к теории объясняется тем, что он подчас оказывался среди противников компромиссов, продиктованных требованиями момента, и склонялся к крайней точке зрения. Мировая война 1914 г. подсказала ему мысль всерьез заняться анализом природы империализма, используя в качестве отправной точки труд Гильфердинга «Финансовый капитал», вышедший в 1909 г. Гильфердинг проследил эволюцию капитализма, основанного на частном предпринимательстве, но постепенно вырастающего в государственно-финансовый капитализм, когда набирающие силу и самоутверждающиеся нации становятся новыми единицами измерения мощи, а столкновения между ними приходят на смену классовым противоречиям. Война убедила Бухарина в том, что такая ситуация означает новый этап капиталистического развития, новый феномен в империализме, при котором капитализм несовместим с дальнейшим развитием производства и, следовательно, обречен. Борьба за рынки сбыта, рынки сырья и сферы капиталовложений является не чем иным, как «тремя сторонами одного и того же явления: конфликта между ростом производительных сил и «национальной» ограниченностью производственной организации»⁶¹. Мораль заключалась в том, что национальные ограничения должны неизбежно рухнуть, а на смену им грянет интернационализация капитала как последний этап предсмертных судорог капитализма. Статья, в которой Бухарин излагал эти взгляды, появилась в партийном сборнике «Коммунист» в сентябре 1915 г.; среди авторов работ, вошедших в этот сборник, был Ленин, который, очевидно, одобрял содержание этой статьи⁶².

Однако выводы, сделанные Бухариным на основании этой статьи, шли вразрез с точкой зрения Ленина. Бухаринский анализ империализма привел его к отрицанию национальной государств-

венности как таковой. Если нация представляет собой устаревшую и, следовательно, реакционную политическую форму, то истинному марксисту не остается ничего другого, как предать анафеме национальную политику в любом ее виде. Исходя из этого, Бухарин воспринимал ленинскую политику «национального пораженчества» безо всякого энтузиазма и в ноябре 1915 г., находясь в Стокгольме, сколотил совместно с Пятаковым и Евгенией Бош «платформу», в которой, помимо прочего, содержались тезисы по национальному вопросу и которая аттестовала мысль Ленина о национальном самоопределении как «утопическую» и «вредную»⁶³. В очередной статье, написанной через год, Бухарин возвращается к своему анализу национального капитализма. Теперь уже каждая развитая национальная система при капитализме превращается в «государственно-капиталистический трест». Несмотря на то что эту систему традиционно именуют «государственным социализмом», она фактически является «государственным капитализмом», который неизбежно породит «законченный тип современного империалистического разбойничьего государства» — нового Левиафана, по сравнению с которым «фантазия Томаса Гоббса кажется детской игрушкой». У рабочих же нет иного выхода, как превратиться в «простой придаток государственного аппарата» или же полностью сломать этот аппарат путем установления диктатуры пролетариата, конечной целью которой должно быть самоупразднение. Когда Бухарин представил эту статью для публикации в партийном сборнике, Ленин отклонил ее⁶⁴. Отношения между ними обострились. В октябре 1916 г., перед тем как уехать из Норвегии в США, Бухарин написал Ленину в Швейцарию характерное письмо, в котором просил в ходе полемики воздержаться от интонаций, за которыми может последовать разрыв, ибо невозможность совместной работы даже как возможная перспектива причиняет ему невыносимую боль. Далее он говорил о своем великом уважении и любви к Ленину как к революционному учителю⁶⁵. Тем не менее, когда после отъезда Бухарина пресловутая статья в сокращенном виде появилась под псевдонимом в журнале международного молодежного движения, Ленин отреагировал резкой отповедью⁶⁶. Бухарин, отрицая государство как таковое и игнорируя необходимость в нем как в инструменте свержения буржуазии, не увидел разницы между марксистскими и анархистскими взглядами на государство и скатился на позицию, граничащую с анархизмом⁶⁷.

Уже перед Февральской революцией разногласия между Лениным и Бухариным потеряли остроту. Ленин, поглощенный размышлениями о предательстве дела социализма Каутским и немецкими социал-демократами и относя его на счет их благоговения перед идеей национального государства, собирался написать статью, которая через несколько месяцев вылилась в работу «Государство и революция» с ее акцентом на конечное отмирание государства. В феврале 1917 г. он писал Коллонтай, которая в то время находилась с Бухариным в Нью-Йорке: «Я готовлю... статью по вопро-

су об отношении марксизма к государству. Пришел к выводам еще резче против Каутского, чем против Бухарина... Бухарин гораздо лучше Каутского, но ошибки Бухарина могут *погубить* это «правое дело» в борьбе с каутскианством»⁶⁸. Когда ранним летом 1917 г. Бухарин добрался до Петрограда, «первыми словами», с которыми обратилась к нему Крупская, было: «В. И. просил Вам передать, что в вопросе о государстве у него нет теперь разногласий с Вами»⁶⁹.

Однако Бухарин совершенно не владел ленинским искусством политического маневра в меняющейся обстановке. В августе 1917 г. на VI съезде партии, когда главные вожди партии находились в подполье и Бухарин был одним из основных докладчиков, он предвещал «священную войну во имя интересов всего пролетариата» и утверждал, что единственным выходом из империалистической войны является «международная пролетарская революция, скольких бы жертв она нам ни стоила»⁷⁰. В ходе бесконечных дискуссий по вопросу о Брестском мире Бухарин проявил себя ярким сторонником «революционной войны», восстав как против ленинского предложения о капитуляции, так и против его же идеи относительно возможности получить помощь от капиталистических государств Запада⁷¹. Бухаринская концепция государства вновь оказалась под огнем критики Ленина весной 1918 г., когда Бухарин поспешно предложил включить в текст Программы партии пункт о развитом социалистическом строе, в котором отсутствует государство⁷², а когда примерно в это же время он опубликовал хвалебную рецензию на работу Ленина «Государство и революция», Ленин обвинил его в преувеличенном внимании к абзацам, где государство подвергается критике и обсуждаются аспекты, утратившие первостепенное значение, а также в игнорировании той части работы, где говорится о необходимости создать на переходный период «государство коммуны»⁷³. Бухарин был наиболее влиятельной фигурой в группе «левых коммунистов», которые весной 1918 г. развязали кампанию против таких уступок буржуазной теории и практике, как образование промышленных трестов с привлечением частного капитала, использование старых специалистов и введение единоначалия в управлении промышленностью. Бухарин поставил под сомнение ленинскую концепцию «государственного капитализма», которая, как он считал, несовместима с диктатурой пролетариата⁷⁴. Вместе с Пятаковым он критиковал готовность Ленина пойти на компромисс с буржуазным принципом национального самоопределения и предлагал заменить его на лозунг «самоопределение для рабочих»⁷⁵.

Бухарин был одним из энтузиастов политики «военного коммунизма», рассматривая его не просто как вынужденную меру, вызванную гражданской войной, а как одну из вех на пути от капитализма к социализму. Эту точку зрения он изложил в своей главной теоретической работе тех лет, озаглавленной «Экономика переходного периода». Этот труд вместе с популярными учебника-

ми «Программа коммунистов» и «Азбука коммунизма» (последний был написан совместно с Преображенским и переведен на многие языки) создали Бухарину прочную репутацию главного теоретика партии. Все эти работы захлестывает волна утопического оптимизма. Однако к концу гражданской войны эта волна пошла на убыль. Главным в политике «военного коммунизма» была реквизиция излишков зерна у крестьян, причем применявшиеся методы не имели ничего общего с практикой материального стимулирования. Ко времени сбора урожая 1920 г. стало очевидным, что единственным доступным методом является применение грубой силы, но и этот метод срабатывает далеко не всегда.

Статья Бухарина в «Правде» от 1 октября 1920 г. впервые показала, что автор ясно отдает себе отчет в том, насколько важна и сложна проблема крестьянина. С другой стороны, вера в неминуемую и полную победу социализма, при котором не будет места материальным стимулам, подвела его к идее обязательного труда в пользу государства, которая вполне соответствовала теории саморганизации рабочего класса, выдвинутой им в «Экономике переходного периода»⁷⁶. Зимой 1920/21 г. в ходе дискуссии о профсоюзах Бухарин оказался в одной упряжке с Троцким, сильное влияние которого, видимо, он испытывал в этот период⁷⁷. Тогда же он выступает в поддержку строгой партийной дисциплины в противовес мнению Демократической централистской группы об ослаблении централизации и более «демократичной» партийной организации⁷⁸, невзирая на то что многие члены этой группы в свое время принадлежали к «левым коммунистам». Бухарин, указывая на необходимость оздоровления Московской партийной организации, призывает очистить ее от вредных элементов, укрепить ее партийцами из провинции и создать крепкий Московский комитет партии, способный вырабатывать и проводить в жизнь линию партии. Правда, он советует воздержаться от исключения из партии тех «товарищей», которые стоят на крайних позициях, как это предлагали сделать некоторые «горячие головы». Тем не менее он рассматривает внутрипартийные дискуссии как роскошь, которую партия в тогдашних тяжелых условиях не могла себе позволить⁷⁹. В этот тяжелый период, который последовал за окончанием гражданской войны, Бухарин был не единственным большевиком, испытывавшим политические метания.

Как и большинство членов партии, Бухарин приветствовал НЭП, ибо видел в нем выход из того тупика в практической политике и политическом мышлении, который стал закономерным результатом «военного коммунизма». Теперь он работает в отрыве от большинства своих бывших единомышленников — «левых коммунистов», а особенно от Пятакова и Преображенского, которые рассматривали НЭП исключительно как шаг назад и не пытались скрывать этого. Те перемены, которые претерпели взгляды Бухарина, можно отчасти отнести на счет влияния Ленина. «Весь последующий период, — писал Бухарин о годах после 1918 г., — есть

период возрастающего влияния на меня со стороны Ленина, которому я обязан как никому другому, в смысле своего марксистского воспитания»⁸⁰. Однако Бухарин, как и следовало ожидать, пошел дальше своего учителя. Приспособив свои воззрения к новой обстановке со свойственной ему теоретической основательностью, он в итоге оказался на крайне правом крыле партии. Пройдет несколько лет после перехода к новой экономической политике, и Бухарин в одной из статей предложит свое объяснение крутого поворота, совершенного им в посленэповскую эпоху. Он заявит тогда, что под огнем самокритики исчезают без следа иллюзии детства, что на их месте во всей своей беспощадной обнаженности появляются истинные отношения и что пролетарская политика теряет в эмоциональности, зато становится все более твердой: она ориентируется на действительность и способна преобразовывать эту действительность все более настойчиво. Далее он укажет, что переход к новой экономической политике означал крушение надежд именно с этой точки зрения⁸¹.

Осенью 1922 г. Бухарин выступил в поддержку Сокольников, который ратовал за отмену монополии внешней торговли и навлек на себя упреки Ленина в защите спекулянта, мелкого буржуа и зажиточного крестьянина — следовательно, в действиях, противоречащих интересам промышленного пролетариата⁸². На IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. Бухарин расстался еще с одним из своих бережно хранимых заблуждений прошлых лет, выступив в качестве борца за идею национального государства и в поддержку практически целесообразных соглашений между Советским правительством и западными державами⁸³. На XII съезде партии в апреле 1923 г. в знак уважения к больному Ленину он противопоставил свое мнение позиции собратьев по триумвирату при обсуждении грузинского вопроса. Вместе с тем на этом же съезде он занял полярную по отношению к Троцкому позицию, защищая дело крестьянина и осуждая тех, кто хотел протолкнуть за его счет идею индустриализации страны⁸⁴. Острая нехватка промышленных товаров в деревне укрепила его симпатии к крестьянству и его прокрестьянскую ориентацию. Есть основания полагать, что в дискуссии о внутрипартийной демократии осенью 1923 г. Бухарин был настроен весьма критически по отношению к официальному курсу, но с этого момента о левизне Бухарина говорить больше не приходится. В декабре 1923 г. он активно и решительно выступает против Троцкого⁸⁵. С 1924 г. он становится главным защитником интересов крестьянина, особенно зажиточного, ибо только с его помощью можно было рассчитывать на создание запасов товарного хлеба, необходимого для развития экономики страны. Бухарин пришел к выводу, что найти общий язык с крестьянином на этом этапе важнее, чем ускоренными темпами развивать промышленность. Он последовательно придерживался этой точки зрения и оставался лидером правой оппозиции вплоть до ее разгрома в 1929 г.

Аналогичная метаморфоза произошла с позицией Бухарина по вопросу о мировой революции. В июле 1923 г. в компании с Зиновьевым он еще помышлял о том, чтобы подтолкнуть немецких коммунистов на путь революции⁸⁶. Однако потрясение, вызванное поражением в Германии, окончательно сокрушило веру Бухарина (да и многих других) в неизбежность европейской революции и революционность пролетариата западных стран. В апреле 1923 г., выступая с трибуны XII съезда партии с докладом о деятельности Коминтерна, он впервые много говорит о скрытых революционных возможностях Азии⁸⁷. Основание осенью 1923 г. Крестьянского Интернационала раздвинуло горизонты революционной веры и разбудило в Бухарине новые надежды на потенциальную революционность крестьянина⁸⁸. Однако эта присяга на верность новым знаменосцам революции вносила серьезную поправку в график ее свершения. После V конгресса Коминтерна, проходившего в мае 1924 г., Бухарин становится главным теоретиком так называемой стабилизации капитализма, допуская, что «картина вопреки нашим прежним представлениям оказалась гораздо более пестрой» и что следует быть готовыми к «переходному периоду, который, возможно, затянется на значительный срок»⁸⁹. И когда год спустя Бухарин становится теоретиком концепции построения «социализма в одной стране», по крайней мере для него это уже не революция, а социализм по договоренности с крестьянином или, иными словами, «врастание в социализм». Даже на этом заключительном этапе своего интеллектуального развития Бухарин во многом (хотя и в другой плоскости) оставался верным иллюзиям своих первых революционных лет. В натуре Бухарина не было элемента жестокости. Он свято верил в «революцию снизу», совершаемую стихийным движением народных масс. Когда переход к НЭПу и последующие события эти иллюзии развеяли, когда он понял, что дальнейшее развитие революции связано с принуждением, тем более с принуждением крестьянина, или, иными словами, означает «революцию сверху», он инстинктивно отшатнулся от этой перспективы, предпочитая отложить революцию до лучших времен, чем приближать ее такой ценой. Бухарин яснее, чем кто бы то ни было из большевистских вождей, сознавал неизбежность столь жестокой дилеммы, неустранимых противоречий между целями и средствами.

Бухарину были присущи почти все достоинства и недостатки, свойственные интеллектуалу, занявшемуся политикой. Ленин, аттестуя «Экономику переходного периода» как «отличную книгу», тем не менее критиковал ее за слабую опору на фактический материал и неконкретность, увлечение философскими абстракциями⁹⁰. В своем завещании Ленин называет Бухарина «ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии», однако тут же добавляет, что «...его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал

вполне диалектики)». В этих словах сквозит нетерпимое отношение практического политика к негибкости оторванного от жизни интеллектуала, и мнение Бухарина, по-видимому, никогда не оказывало серьезного влияния на партийные решения. Если и был по-своему прав один из иностранцев, что о Бухарине «в России говорят как о возможном преемнике Ленина»⁹¹, то это скорее мнение чужака, для которого истинные отношения внутри партии оставались тайной за семью печатями. С другой стороны, личная популярность Бухарина не имела себе равных, и Ленин в своем завещании справедливо называет его «любимцем всей партии». В декабре 1925 г. на XIV съезде партии, когда его крайняя точка зрения в защиту кулака оказалась под огнем критики, Каменев и Орджоникидзе именовали его уменьшительно-ласкательно «бухарчиком»⁹², а Сталин на этом же съезде сделал один из своих редких экскурсов в область патетической риторики, когда объявил, говоря об оппозиции: «...Они требуют крови тов. Бухарина. Не дадим вам его крови, так и знайте»⁹³.

Характерной особенностью Бухарина было сочетание неуступчивости в области убеждений и мягкого характера, что делало его игрушкой в руках людей более гибких и политически более искушенных. Убежденный при помощи аргументов в правильности того или иного политического курса, он отстаивал его с упорством, нисколько не беспокоясь о последствиях, которые этот курс может иметь лично для него или для других. Честность его не вызывала сомнений. Нельзя было, не погрешив против истины, назвать его приспособленцем или карьеристом. Однако все его качества, которые дополняло сильное чувство личной преданности, были на руку любому, кто мог убедить его в том, что предлагаемый порядок действий созвучен его убеждениям. В декабре 1920 г. Ленин высказался снисходительно, но вполне определенно: «...у каждого человека бывают маленькие слабости, и у большого человека бывают маленькие слабости, в том числе и у Бухарина. Если словечко с выкрутасом, то тут он уже не может не быть за». И спустя три недели добавил: «Мы знаем всю мягкость тов. Бухарина, одно из свойств, за которое его так любят и не могут не любить. Мы знаем, что его не раз звали в шутку: «мягкий воск». Оказывается, на этом «мягком воске» может писать что угодно любой «беспринципный» человек, любой „демагог“»⁹⁴. Или, как еще более определенно писал в своей автобиографии Троцкий, «свойство этого человека таково, что он всегда должен опираться на кого-либо, состоять при ком-либо, примкнуть к кому-либо. В такие периоды Бухарин является просто медиумом, через который говорит и действует кто-то другой»⁹⁵.

После 1921 г. именно эта уступчивость бросала Бухарина с одного крыла партии на другое и в конце концов сделала его послушным орудием в руках Сталина. Складывается впечатление, что вначале он совершенно не испытывал такого отвращения к

методам Сталина, как, например, Каменев, ибо по своим характеристикам и интересам эти два человека были так далеки друг от друга, что их пути не пересекались и трения между ними не возникали. Бухаринские слабости зачастую приводили к тому, что он произносил такие речи и совершал такие поступки, которые на первый взгляд не очень-то вяжутся с традиционно-положительными отзывами о характере этого человека. То, что не претендовавший на присутствие интеллекта и откровенно равнодушный к логике Сталин использовал против своих политических противников демагогию и подтасовку, не так потрясает, как тот факт, что аналогичными аргументами пользовался и Бухарин, который не мог не знать, чего они на самом деле стоят. Он не только пустился во все тяжкие, поддерживая кампанию, развязанную триумvirатом против Троцкого; в ходе острых дискуссий со своим бывшим единомышленником Преображенским он противопоставил взвешенному и серьезному анализу экономического положения такие доводы, в которых не было ничего, кроме попытки уйти от ответа на поставленные вопросы при помощи самой низкопробной демагогии⁹⁶. В 1925 г., действуя в том же духе, он становится рупором Сталина и его первым заместителем по ученой части в деле уничтожения Зиновьева и Каменева, а позднее и объединенной оппозиции.

Если закрыть глаза на тот факт, что описываемые события были прелюдией к гибели самого Бухарина, собственноручно подписавшего свой страшный приговор, нельзя не увидеть той большой доли вины за действия Сталина против оппозиции, которая лежит на совести Бухарина, этого самозванного сталинского сообщника тех лет. Справедливости ради следует отметить, что даже в моменты явного триумфа он не был свободен от угрызений совести и тревоги за будущее. Когда на XIV съезде партии в декабре 1925 г. Каменев упрекнул Бухарина в том, что тот в борьбе с Зиновьевым не постеснялся прибегнуть к искажению фактов — оружию, которое в былые времена не осмелился бы повернуть даже против Троцкого, — присутствовавший Троцкий нарушил презрительное молчание, которое он хранил на протяжении всех заседаний, и довольно внятно заметил: «Он вошел во вкус». После съезда Бухарин направил Троцкому полное упреков письмо, которое содержало любопытное признание: «От этого вкуса я содрагаюсь с головы до пят»⁹⁷. В июле 1928 г., публично все еще выступая в поддержку Сталина, в приватной беседе с Каменевым он называет его «Чингисханом» и высказывает вполне обоснованное опасение в том, что Сталин уничтожит их всех⁹⁸. О Бухарине не скажешь, что он не ведал, что творил, или не опасался расплаты. Бухарин — один из трагических персонажей революции. Однако его трагедия похожа не на трагедию величия, а на беду слабого, симпатичного, очень неглупого человека, волею обстоятельств попавшего в водоворот событий, размах которых требовал героя совсем другого масштаба.

д) Сталин

Иосиф Виссарионович Сталин (настоящая фамилия Джугашвили) был родом из наименее состоятельной семьи по сравнению с остальными большевистскими вождями. Он родился в 1879 г. в небольшом грузинском городке Гори в грузинской семье. Родители Сталина, бывшие крепостные крестьяне, похоронили трех из четырех своих детей, когда те находились в детском возрасте. Его отец сначала был сапожником в Гори, затем рабочим обувной фабрики в Тифлисе. Виссарион Джугашвили злоупотреблял алкоголем и умер, когда сын был еще ребенком. Очевидно, его вдова была женщиной с характером. Известно, что на хлеб себе и сыну она зарабатывала стиркой и, сама будучи неграмотной, определила сына на учебу в горийскую церковную школу. Юный Иосиф (по-грузински Сосо) оказался достаточно способным учеником и в возрасте пятнадцати лет поступил в тифлисскую духовную семинарию, которая в свое время пользовалась репутацией заведения, плодящего вольнодумцев. По крайней мере именно здесь будущий Сталин впервые знакомится с запрещенной литературой (включая, возможно, марксистскую) и овладевает искусством притворства и интриги⁹⁹. О том, чему еще он выучился в семинарии, можно только догадываться. Некоторые историки именно пребыванием в семинарии объясняют его пристрастие к тяжеловесному бесцветному стилю и бездоказательной казуистике, которыми отмечены его речи и писания.

Начало сталинской карьеры настолько окутано сочиненными льстецами и врагами легендами, что установить истину, по всей вероятности, уже не представляется возможным. Даже обстоятельства того, как он на двадцатом году жизни либо бросил семинарию, либо был из нее исключен, излагаются по-разному. Он увлекся марксизмом и вступил в РСДРП, которая в то время находилась в зачаточном состоянии и еще не знала раскола. Известно, что некоторое время он работал мелким служащим в Тифлисской обсерватории. Сталин довольно быстро вошел в избранную, хотя в то время уже начавшую расти группу профессиональных революционеров, ставших на путь служения делу революции и живущих на случайные, неведь откуда бравшиеся средства. В 1901 г. в грузинской листовке, которая нелегально и нерегулярно выходила в Баку, появляется его первая статья. Тогда же он переезжает из Тифлиса в Батум, где в апреле 1902 г. его впервые арестовывают, бросают в тюрьму и высылают в Сибирь. Так начинается новый этап его жизни, когда в течение десяти лет аресты и побегі чередуются с периодами активной партийной работы. В декабре 1905 г. в качестве делегата кавказских большевиков он участвует в большевистской конференции в Таммерсфорсе, где впервые встречается с Лениным. В 1906 и 1907 гг. Сталин принимает участие в съездах партии в Стокгольме и Лондоне. Однако его более или менее продолжительное пребывание вне России приходится

на зиму 1912/13 г., когда он проводит несколько недель сначала в Кракове с Лениным, чье благосклонное внимание он заслужил старательно написанной статьей по национальному вопросу, а потом в Вене с группой большевиков.

Основательные, но неброские способности Сталина и услуги, оказанные им партии, не сразу были оценены по достоинству. Его восхождение по ступенькам партийной иерархии началось в 1912 г., когда его — видимо, по предложению Ленина — кооптируют в состав ЦК и направляют в Петербург для организации издания «Правды». Однако уже на следующий год его ждет арест и сибирская ссылка, которая на этот раз продолжалась вплоть до Февральской революции 1917 г., принесшей свободу ему, Каменеву и многим другим политическим ссыльным. Спустя несколько недель после возвращения в Петроград, Сталин вместе с Каменевым и большинством большевиков, еще не покинувших столицу, с некоторыми оговорками выступает в поддержку Временного правительства. В середине апреля 1917 г. он живо откликается на ленинские «Апрельские тезисы» и во всех кризисах и внутрипартийных распрях ближайших нескольких лет остается верным, не знающим колебаний последователем Ленина. Уже будучи народным комиссаром по делам национальностей, Сталин все еще находится во втором эшелоне власти. В годы гражданской войны Ленин, несомненно, отдавал должное его преданности и незаурядным организаторским способностям. Кроме того, в некоторых случаях Сталин активно и надежно преграждал путь Троцкому. Однако его имя мало что говорило рядовым партийцам и было вовсе неизвестно вне партии. Его назначение на пост Генерального секретаря ЦК партии в 1922 г. было данью его репутации среди коллег по партийному руководству как человека, на которого можно положиться в решении повседневных задач, но не являлось свидетельством его популярности в партии. Считалось, что пост генсека не несет ни политической власти, ни веса в общественных делах. Тот факт, что для Сталина он послужил идеальным трамплином для восхождения к высшей власти, свидетельствует об особом, исключительном свойстве его политического гения.

В свете последующих событий в характеристике Сталина тех лет больше всего поражают мнения современников о его серости и полном отсутствии сколько-нибудь ярких талантов. Вот отзыв Суханова о деятельности Сталина в 1917 г., который был опубликован в 1922 г. и которому было суждено стать знаменитым: «Большевистская партия, при низком уровне ее «офицерского корпуса», в массе невежественного и случайного, обладает целым рядом крупнейших фигур и достойных вождей среди «генералитета». Сталин же, за время своей скромной деятельности в Исп. Комитете, производил — не на одного меня — впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать»¹⁰⁰. Луначарский в вышедшем в 1923 г. сборнике популярно написанных портретов большевистских вождей вообще

оставляет Сталина вне поля зрения. Каменев считал его «политиком второго сорта»¹⁰¹, а Троцкий в 1929 г. аттестовал его как «наиболее выдающуюся посредственность нашей партии»¹⁰². Действительно, есть основания полагать, что именно впечатление посредственности, которое Сталин производил на окружающих, сыграло ему на руку. Партия страшилась Бонапарта, и из всех ее вождей Сталин, казалось, меньше, чем кто бы то ни было, а Троцкий больше, чем кто бы то ни было, годился в претенденты на эту роль. В годы неспешного восхождения к вершине власти у Сталина было мало завистников. Против его выдвижения никто не возражал, ибо оно никого не пугало. Он спокойно пережил даже рекомендацию Ленина убрать его с поста генсека, потому что никто не видел необходимости в столь решительных мерах. Когда осенью 1924 г. Троцкий вступил в открытую борьбу с Зиновьевым и Каменевым, он не трогал Сталина, причем вовсе не потому, что пожалел его, а лишь потому, что не считал необходимым растрачивать силы на второстепенную мишень.

Тем не менее совершенно ясно, что взлет Сталина нельзя объяснить одной только защищенностью от ударов, вызванной очевидным для всех отсутствием выдающихся способностей. Пожалуй, в большей степени, чем любая другая крупная историческая личность, Сталин может служить иллюстрацией тезиса о том, что обстоятельства делают человека, а не человек обстоятельства. Сталин является самой безликой из всех великих фигур, известных истории. В ходе внутривластной борьбы 20-х годов Сталин не стремился определять ход событий по своему усмотрению; напротив, он старался переделать себя таким образом, чтобы соответствовать их развитию. Не шаткость позиций, в которой его часто обвиняли, была его главной отличительной чертой, а ее размытость, неопределенность. Его роль ни на что более не претендующего верного последователя и ученика Ленина была не совсем позой, ибо своего кредо у него просто не было. Его вполне устраивало положение верного сына революции, решающего задачи, диктуемые моментом. Однако именно в силу этого обстоятельства возрастет значение черт характера, присущих Сталину. Качества, на которых покоится величие Сталина, в точности совпадают с характеристиками современного ему этапа исторического процесса. Это не просто его личные качества, это качества его эпохи. Как говорил, цитируя Гельвеция, Троцкий, «каждый период имеет своих великих людей, а если их нет, — он их выдумывает»¹⁰³.

Две типичные для сталинского мировоззрения черты, уходящие корнями в его среду и воспитание, являются также заметными вехами в истории революции на этапе середины 20-х годов. Первой такой вехой стал отход от «европейской» модели, в рамках которой до сих пор рассматривали русскую революцию, и сознательный или подсознательный поворот в сторону русских национальных традиций. Второй приметой времени явился отказ от высокоинтеллектуальных, сугубо теоретических подходов первых

послереволюционных лет и ставка на практические, эмпирические методы решения административных вопросов. Такое смещение акцентов началось с приходом НЭПа и прочно утвердилось к моменту смерти Ленина. Совершенно естественно, что центральной политической фигурой последующих лет должен был стать не мыслитель, а выдающийся организатор и администратор.

Сталин явно отличался от окружавших его большевистских лидеров отсутствием сколько-нибудь значительного западного влияния на его образ мыслей и склад характера. Он был единственным из них, кто никогда не жил в Западной Европе, а также не говорил и не читал ни на одном западноевропейском языке. Эта его особенность не могла не сказаться на его отношении к людям и политических взглядах. Похоже, он никогда не был полностью раскован в общении с людьми, воспитанными в европейской традиции и имевшими мироощущение, свойственное европейцам; особенно он не переносил Чичерина и, если верить Троцкому¹⁰⁴, Раковского — этих виднейших носителей европейской культуры. Позднее его ближайшее окружение составили люди, которые, как и он сам, не испытали никакого западного влияния: Молотов, Киров, Каганович, Ворошилов, Куйбышев. Признаки неприятия Сталиным бытовавших тогда представлений о превосходстве Европы можно было бы заметить еще до Октябрьской революции. На VI съезде партии в августе 1917 г. он заметил, что «...было бы недостойным педантизмом требовать, чтобы Россия „подождала“ с социалистическими преобразованиями, пока Европа не „начнет“», таким образом лишь перефразируя идею, выдвинутую Троцким и одобренную Лениным. Однако Сталин пошел дальше, предположив, что «именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму», и тем самым пополнив социалистическое учение новой для тогдашнего большевизма нотой сугубо национального звучания¹⁰⁵. Как социалист, Сталин оставался скорее на национальных, чем на интернациональных позициях. В период, когда Коминтерн производил впечатление жизнеспособного организма и был объектом постоянного и пристального внимания со стороны Ленина, Троцкого и Зиновьева, Сталин был явно к нему равнодушен. Он интересовался им лишь в 1924 г., когда Коминтерн уже не был потенциальным орудием в деле мировой революции, а превратился в бюрократическую машину, способную помешать или, наоборот, помочь проведению в жизнь советской политики или достижению его личных политических целей. Ярким примером его способности заглядывать в будущее может служить его неверие в неизбежную победу революции в Германии в период, когда почти все остальные лидеры большевизма считали ее делом времени¹⁰⁶. К 1925 г., когда он начал проповедовать идею «социализма в одной стране», он уже упоминает грядущую мировую революцию только изредка и мимоходом, без особого энтузиазма. В начале 1925 г. он говорит: «Когда международная революция раскачается — трудно сказать, но когда она раскачается, это будет решающим делом». И опять,

несколькими днями спустя: «Передовой пролетариат, пролетариат Запада, — это величайшая сила и это наиболее верный, наиболее важный союзник нашей революции и нашей власти. Но, к сожалению, положение дел таково, состояние революционного движения в развитых капиталистических странах таково, что пролетариат Запада прямую и решающую помощь теперь нам оказать не в состоянии»¹⁰⁷. Во всех очевидных зигзагах сталинской экономической политики 1923—1928 гг. просматривается одна стержневая линия, один неизменный курс: решимость превратить СССР в мощное, самостоятельное, независимое от Запада государство. В его осуждении Сокольникова за попытку «дауэсизации» Советского Союза и в его собственной решимости сделать из СССР страну «индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование»¹⁰⁸, совершенно явственно слышна нотка искренности, которая нередко отсутствует в его полемических высказываниях. Сталину не стоило большого труда приспособить свое понимание марксизма к ситуации, в которой надеждам Маркса относительно победы пролетарской революции в развитых капиталистических странах не суждено было сбыться. В отличие от Ленина и Троцкого или даже Зиновьева и Бухарина Сталина все происходящее на Западе интересовало лишь с точки зрения влияния этих событий на исторические судьбы его страны и никак иначе. Преследуя свои цели, он мог копировать Запад, заимствовать у Запада, заключать с Западом сделки, но при этом взвешивал происходящее на весах национальной политики.

Примечательно, что, несмотря на грузинское происхождение, Сталин имел взгляды, которые не просто были свободны от западного влияния, но были именно русскими в более узком смысле слова. Не исключено, что правы те, кто видит в его характере некие невидимые глазу черты давней грузинской традиции. И все же логичнее всего предположить, что частые проявления грубости и беспощадности в поведении Сталина объясняются ужасающей бедностью и жестокостью обстановки, в которой он провел свои детские годы. В более зрелом возрасте он всегда чрезвычайно болезненно реагировал на преобладание меньшевистских тенденций в грузинском социал-демократическом движении¹⁰⁹. В политике все грузинское было ему чуждо. В 1921 г. он был одним из инициаторов насильственного обращения Грузии в большевизм и на протяжении всей своей карьеры, как известно, отличался нетерпимостью к любым проявлениям грузинского национализма. Он был самым «русским» по сравнению со всеми остальными большевистскими вождями периода революции не только в смысле неприятия Запада, но и в плане порицания национализма, вспышки которого время от времени отмечались на окраинах Российской Империи. Он был ярым сторонником не просто «социализма в одной стране», но такого социализма, который строится на преимущественно русской основе.

Недоверие Сталина к интеллигентам и теоретикам является

не менее важным фактором, чем недоверие к Западу, причем оба эти фактора взаимопереплетены. Традиция русской интеллигенции тесно связана с Западной Европой; именно этот факт явился причиной привычных упреков в том, что она питается за счет иностранных источников и оторвана от духа русского народа, или русской нации. Все большевистские вожди первого поколения, за исключением Сталина, были в той или иной степени наследниками или продуктом русской интеллигенции и принимали как должное постулаты западноевропейского рационализма XIX века. Один только Сталин получил образование в соответствии с традицией, которая не только чужда западному образу жизни и мышления, но и целенаправленно отвергает его. Марксизм старых большевиков предполагал подсознательную опору на основы западной культуры, которые в свое время явились почвой для первых ростков марксизма. Никому никогда не приходило в голову уклоняться от столбовой дороги просвещения или ставить под сомнение необходимость в аргументации, основанной на рациональности. Сталинский марксизм строился на фундаменте совершенно иного свойства и со временем стал больше походить на скрупулезно соблюдаемый обряд, чем на глубоко осознанное убеждение. Бывший семинарист естественным образом считал способность верить более похвальной добродетелью, чем способность размышлять.

Сталин демонстрировал равнодушие или недоверие к утонченной интеллектуальной аргументации еще в самом начале своей партийной карьеры. В 1911 г. в одном из писем своему кавказскому товарищу он называет знаменитую полемику между Лениным и Богдановым об основных философских положениях марксизма «бурей в стакане воды»¹¹⁰. Если требования здравого смысла вступали в противоречие с теорией, Сталин всегда выбирал здравый смысл. В 1906 г. на IV съезде партии он был одним из первых большевиков, выступивших за раздачу земли крестьянам. Выступая с трибуны VI съезда партии в июле 1917 г., Сталин выдвинул тезис о том, что «...именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму», и добавил фразу, которую впоследствии повторяли так часто, что она стала крылатой: «Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»¹¹¹. В том же духе он высказывался много лет спустя, когда, защищая идею построения «социализма в одной стране» от одной неудачной попытки процитировать Энгельса, он воскликнул, что Энгельсу, будь он жив и оглянись он кругом, оставалось бы только воскликнуть: «К черту старые формулы! Да здравствует победившая революция в СССР!»¹¹² В старом споре между «научным» аспектом марксизма, объясняющим ход исторического процесса, и «политическим» его аспектом, активно влияющим на этот процесс, выбор Сталина не вызывает сомнений. В любопытном неопубликованном в свое время черновом варианте одной статьи, написанном в 1921 г., он проводит границу между объективной и субъективной сторонами «движения пролетариата», на-

зывая первую теорией марксизма, а вторую его программой и добавляя, что «область действия стратегии и тактики несомненно ограничивается субъективной стороной движения»¹¹³. Троцкий делает следующий вывод: «Упорный эмпирик, лишенный творческого воображения»¹¹⁴. Время от времени Сталин, как бы доказывая, что возглавляет партию на законных основаниях, считал необходимым выступать в роли теоретика. И все же не подлежит сомнению тот факт, что в сталинском понимании политики теория занимала подчиненное положение по отношению к стратегии и тактике.

Недоверие Сталина к интеллектуальным процессам, вероятно, находит свое отражение в его неприязни к демократическим процедурам. В 1918 г. он презрительно бросил: «Властвуют не те, кто выбирают и голосуют, а те, кто правят»¹¹⁵. Железнодорожный транспорт во время гражданской войны был дезорганизован, по его мнению, «стараниями множества коллегий и ревкомов»¹¹⁶. На XIII съезде партии в январе 1924 г. он подверг критике тех «интеллигентов», которые рассматривали право образовывать фракции в качестве одного из условий демократии: «Партийная масса понимает демократию как создание условий, обеспечивающих активное участие членов партии в деле руководства нашей страной, а пара интеллигентов из оппозиции понимает дело так, чтобы дали ей возможность создать фракцию»¹¹⁷. Несколько месяцев спустя он противопоставлял «формально-демократическую партию» «действительно пролетарской партии, связанной неразрывными узами с массами рабочего класса»¹¹⁸. Если при обсуждении вопросов политики в Политбюро или каком-либо другом органе складывалось впечатление, что Сталин немногословен и не торопится занять определенную позицию, будь то в речи или статье¹¹⁹, эта уклончивость, возможно, объясняется отнюдь не заранее продуманным расчетом на то, что не следует спешить с выводами, а скорее неумением и нежеланием пользоваться подобными способами самовыражения. То, что походило на хитрость, было на самом деле, по крайней мере на первых порах, результатом неуверенности в себе. Восхождение Сталина сопровождалось закатом демократических процедур в партии. На смену принятию решения путем дискуссии и, если необходимо, голосования в составе ЦК или Политбюро пришел хорошо отрететированное единогласие под давлением Секретариата. Сталин никогда не испытывал ничего похожего на интеллектуальное удовольствие от самого процесса дискуссии, которое было, несомненно, присуще Ленину, Троцкому и Бухарину. Троцкий писал о сталинском «презрительном отношении к идеям»¹²⁰. Не исключено, что такие сомнительные высказывания, приписываемые позднее Сталину, как «один советский трактор стоит десяти коммунистов-иностранцев» или «а сколько дивизий у папы римского?», были придуманы, чтобы показать какое незначительное место занимали в его видении мира идеологические факторы.

Вполне возможно, что уклон Сталина в сторону практики по-

влиял на его личные отношения еще больше, чем на политические взгляды. В первые послереволюционные годы ни один из большевистских лидеров, кроме Ленина, не увидел в Сталине значительную фигуру. Если Ленин разглядел его выдающиеся способности администратора и организатора, то остальные знали только о его заурядном и отнюдь не первоклассном теоретическом багаже. И все же этот дефект его интеллекта совсем не означал, что Сталин был обделен даром общения с людьми. Если верить статье, опубликованной по горячим следам и, похоже, являющейся надежным источником, Сталин, принимая в марте 1925 г. крестьянскую делегацию, сумел в беседе с крестьянами создать удивительно непринужденную обстановку. Он «внимательно по-мужицки выслушивает... и покуривает трубку», делает замечания по существу вопроса, обменивается непритязательными шутками, в то время как посетители удивляются «этому простому товарищескому отношению... тов. Сталина, сравнивая с грубостью и чиновничьим отношением к крестьянству местных работников»¹²¹. В его общении с соратниками эта простота напрочь исчезала¹²². Именно перед ними Сталин демонстрировал свою «грубость» и «нерпимость», на которые в своем завещании сетовал Ленин. Его мучило то, что с ним общаются с видом собственного превосходства, и отвечал постоянным незаметным принижением роли интеллигентов в партии. Полемизируя с Троцким, он припоминает, как на II съезде партии Ленин отвергал требование Мартова открыть доступ в партию для «непролетарских элементов»; при этом Сталин допускает странное искажение сути известной дискуссии по вопросу об уставе партии. В другом месте он цитирует резкое критическое замечание Ленина по поводу преобладания интеллигентов в партии, сделанное им на III партийном съезде в 1905 г.¹²³ Предельно откровенно он высказывается в письме, адресованном в 1925 г. лидеру Коммунистической партии Германии Маслову: «У нас в России процесс отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых «вождей» тоже имел место... Это необходимый процесс обновления руководящих кадров живой и развивающейся партии». Далее, среди «бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли», он упоминает Луначарского, Богданова, Покровского и Красина¹²⁴. Те, кого он собрал вокруг себя в последующие годы, были большей частью исполнительными партийцами, теоретические амбиции которых не простирались дальше его собственных. Одно из многих объяснений причин великих чисток 30-х годов заключается в том, что они были последней вспышкой мести Сталина интеллигентам, у которых он всегда вызывал презрение. Тут он был особенно беспощаден, загоняя духовную жизнь в политически узкую смиренную рубашку. «...Мы, практики-большевики», — писал он в предисловии к собранию своих сочинений в 1946 г.¹²⁵

Часто высказывалось мнение, что среда, в которой Сталин рос и учился, наложила отпечаток на его литературный стиль. Ленин

писал и говорил с простотой и легкостью человека, который слишком поглощен тем, что он хочет сказать, чтобы обращать внимание на то, как он это говорит. Стиль Троцкого отличается блеском, свойственным мастерам, владеющим словом в совершенстве. Бухарин получал явное удовольствие от прозрачности и изысканности своих аргументов, которое передавалось его слушателям или читателям. В отличие от них как устное, так и письменное слово с трудом давалось Сталину. Благоприобретенные достоинства его стиля — ясность и точность; главный порок — полное отсутствие воображения или изящества. Когда он стремился произвести впечатление, он прибегал к таким избитым приемам, как перечисление, повтор и риторический вопрос, в которых некоторые критики уловили отзвук церковной службы. Однако форма изложения неизменно оставалась мертвой, содержание — банальным и эмоционально бесцветным. Некоторые ранние речи Сталина производят благоприятное впечатление своей сдержанностью и осторожностью. В более поздний период овации, которыми переполненные залы встречали его обличения своих врагов, не могут служить показателем. Ареной сталинских побед был не зал для дискуссий, в котором он, судя по всему, и не собирался блистать. Революционное ораторское искусство уходило со сцены вместе с интеллектуалами.

Однако если признать, что Сталин со всем своим отрицательным отношением к западному влиянию и отказом от теоретического подхода к решению политических задач был продуктом своей эпохи, то следует отметить присутствие определенного элемента драматизма в его карьере и его личности, драматизма, вызванного тем, что именно ему в большей степени, чем кому бы то ни было, пришлось доводить революцию до обозначенной цели путем интенсивной индустриализации страны. По иронии исторических судеб, именно Сталину, а не Троцкому было суждено стать ярким поборником форсированной индустриализации и всеобъемлющего планирования, а также проявить готовность к тому, чтобы принести крестьянина в жертву во имя решения этой первостепенной задачи. Было бы несерьезно приписывать такой поворот событий какому бы то ни было личному убеждению или предрассудку со стороны Сталина. Точно так же не следует думать, что Сталин лицемерил, когда громил Троцкого за предложение мер, менее драконовских, чем те, которые позже применил сам. Это лучше всего подтверждает преимущественно деперсонифицированный характер сталинской политики. Если сталинские методы в известной степени действительно несут на себе отпечаток среды, в которой он рос и учился, то цели, которые он преследовал, были продиктованы динамичной силой, заложенной в самой революции. В советскую политику Сталин привнес не оригинальность замысла, а энергию и беспощадность, с которыми эта политика претворялась в жизнь. Когда в середине 20-х годов он встал у власти, он был намерен оставаться великим исполнителем плана революции. Од-

нако дальнейшее развитие событий показывает, что в тот момент он еще не отдавал себе отчета в том, к чему приведет исполнение этого плана.

Итак, роль Сталина в истории остается парадоксальной и в некотором смысле противоречивой. Невзирая на все преграды и все оппозиции, он осуществил индустриализацию своей страны при помощи интенсивного планирования и тем самым не только на практике решил доказать правильность марксистской теории, но и сделал Советский Союз равным партнером великих держав западного мира. Благодаря этому достижению его, несомненно, можно отнести к великим исполнителям марксистского завещания и одновременно к великим деятелям, приложившим руку к тому, чтобы построить Россию по образу и подобию Запада. Наряду с этим более скрупулезный анализ этого подвига выявляет его чрезвычайно противоречивый характер. Сталин заложил фундамент пролетарской революции на останках русского капитализма, но при этом так далеко отошел от постулатов марксизма, что был близок к их полному отрицанию. Он создал новую Россию по западным меркам, но, осознанно или нет, опирался при этом на бунт против влияния и авторитета Запада и на возврат к знакомой русской национальной системе взглядов и традиций. Часто казалось, что поставленная цель и применяемые или предлагаемые методы ее достижения находятся в чудовищном противоречии друг с другом, в противоречии, которое в свою очередь отражало огромные усилия, необходимые для победы социалистической революции в отсталой стране. Эта дилемма нашла свое отражение в противоречивом послужном списке Сталина. Освободитель и тиран, человек, преданный делу, и единоличный диктатор, он последовательно проявлял настойчивость, которая не знала пощады и которая выливалась, с одной стороны, в невероятную смелость и решимость, а с другой — в невероятную жестокость и полное равнодушие к страданиям людей. Ключ к разгадке лежит за пределами личности самого Сталина. Первоначальное заключение тех, кто не нашел в этом человеке признаков величия, не лишено оснований. История знает очень немного великих личностей, которые в такой сильной степени, как Сталин, являлись бы продуктом своей эпохи и своей страны.

Часть II
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

ГЛАВА 5

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

а) Урожай 1924 г.

На XIII съезде РКП(б) (май 1924 г.) подчеркивалась необходимость дальнейшего проведения ленинского курса на укрепление «смычки» между пролетариатом и крестьянством и получила одобрение политика значительных уступок крестьянам. Выражалось некоторое беспокойство по поводу усиливающегося расслоения крестьянства. По вопросу об отношении к кулачеству полного единства мнений не было, но этот вопрос не представлялся особо серьезным и требующим безотлагательного решения¹; во всяком случае, разногласия не омрачили преобладавшую атмосферу оптимизма. Хорошие виды на урожай вселяли уверенность в том, что успехи 1922 и 1923 гг. будут не только повторены, но и превзойдены. Посевные площади продолжали расширяться и превысили 80% довоенных площадей. В наименьшей степени увеличились площади под рожь, больше всего расширились посевные площади, занятые товарными культурами, в особенности пшеницей, хлопчатником, льном и сахарной свеклой, что свидетельствовало о росте благосостояния в деревне, в частности об увеличении числа зажиточных крестьян, способных не только прокормить себя и семью, но и производить товарную сельскохозяйственную продукцию². Ожидалось, что в 1924 г. можно будет экспортировать 250—400 млн. пудов зерна по сравнению с 200 млн. пудов в 1923 г.³

Однако уже в начале июня от радужных надежд пришлось отказаться. В Поволжье и на юго-востоке России сильная засуха грозила неурожаем. Еще свежи были воспоминания о голоде из-за катастрофического неурожая 1921 г., и уже через две-три недели после полных уверенности и оптимизма заявлений на съезде Рыков, председатель Совнаркома, забил тревогу: «Положение с деревней достигло теперь такого напряжения, при котором необходимо, чтобы партия и ЦК всерьез занялись обсуждением крестьянского вопроса»⁴. Можно было ожидать, что неурожай распространится на 5,5 млн. десятин из 77 млн. десятин обрабатываемых земель и пострадают 6 млн. человек. Впрочем, отвечая на вопросы журналистов, Рыков утверждал, что подобный неурожай не идет ни в какое сравнение с катастрофой 1921 г.⁵ В начале июля 1924 г. Совнарком назначил чрезвычайную комиссию «по

борьбе с последствиями неурожая»⁶. В официальном докладе Центральному Комитету РКП(б) (20 августа 1924 г.) Рыков говорил, что всего предполагается собрать 2640 млн. пудов зерна, тогда как, по прежним оценкам, урожай должен был достичь 3000 млн. пудов. Таким образом, вместе с имеющимися резервами общие запасы зерна должны были составить лишь 2800 млн. пудов, вследствие чего экспорт зерна был приостановлен⁷. В условиях экономики, характеризующейся весьма зыбкой гранью между выживанием и катастрофой, даже подобная частичная неудача поставила перед страной чрезвычайно серьезные проблемы. Пострадавшим от неурожая необходимо было оказать помощь в виде сельскохозяйственных кредитов на сумму 20 млн. рублей, позднее сумма кредитов возросла до 30 млн. рублей⁸. Пришлось установить особые скидки с сельскохозяйственного налога, ввиду чего налоговые поступления за 1924—1925 гг. могли составить только 340 млн. рублей вместо ожидаемых 400 млн. рублей⁹. Однако в конечном счете положение оказалось не столь катастрофическим, как можно было предполагать¹⁰. Голодающих в 1924 г., по всей вероятности, было не так уж много, но косвенные последствия неурожая, отразившиеся на политике цен, ощущались во всем народном хозяйстве и имели немаловажное политическое значение.

С преодолением весной 1924 г. обострившегося в 1923 г. кризиса «ножниц» установилось примерно такое же соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, как до 1914 г. Финансовые оценки урожая 1924 г. основывались на ценах на зерно, существовавших в мае этого года. Считалось, что средняя закупочная цена ржи составит 75 коп. за пуд (соответственно этому устанавливали предположительные цены на другие виды зерна) и урожай будет реализован по цене 105 коп. за пуд¹¹. В июле с известиями о недороде цены начали стремительно повышаться. В августе 1924 г. цены на зерно превысили на 100% уровень цен в августе 1923 г.¹² Газета «Экономическая жизнь» в номере от 23 августа 1924 г. призывала добиваться «понижения и устойчивости хлебных цен». В соответствии с общей политикой контроля цен, проводившейся с конца 1923 г.¹³, образованный в мае 1924 г. Народный комиссариат внутренней торговли (Наркомвнуторг) принял меры по ограничению максимальных цен на зерно, притом настолько успешные, что в сентябре и октябре 1924 г. земледелец получал за пуд ржи соответственно 86 и 78 коп., тогда как в августе пуд ржи стоил 99 коп. Началась настоящая битва за зерно. За годы инфляции крестьянин усвоил, что благоразумнее приберегать хлеб, а не деньги. Хлеб не подешевеет, он может стать дороже, тогда как деньги дороже не станут — они, скорее всего, могут только обесцениться. С целью заставить крестьян продавать хлеб применялся «налоговый нажим» в виде «жестких сроков взимания единого селхозналога»¹⁴, но этот нажим не давал ожидаемых результатов. Зажиточные

крестьяне, которые, как отмечал Каменев, «всячески стараются оставить хлеб в своих руках и заплатить налог всем, чем угодно, только не хлебом», выплачивали налог наличными деньгами из своих сбережений или продавая скот, продукты животноводства или урожай других товарных культур, но выражали протест против угрожающего снижения цен, воздерживаясь от продажи излишков зерна; а ведь именно зажиточные крестьяне обладали этими излишками¹⁵. Более того, появились перекупщики, скупавшие зерно по ценам выше максимальных, а это означало, как отмечалось в печати, возврат к положению, характерному для 1918—1920 гг., когда «мы имели два рынка и две покупательные силы нашего рубля»¹⁶. «Правда» сетовала: «Частный капитал бросился на хлебный рынок, дезорганизуя его»¹⁷. Попытки противодействия оказывались тщетными. Так, в Ростове-на-Дону власти установили обязательный минимум поставок муки государственными заготовительными органами по твердым ценам в размере 25% всей произведенной муки и запретили вывоз хлеба за пределы региона. В результате останавливались мельницы, так как крестьяне придерживали зерно, не желая продавать его по государственным ценам¹⁸. Из запланированных 380 млн. пудов зерна к декабрю 1924 г. было заготовлено лишь 118 млн. пудов¹⁹, вследствие чего государственные запасы, составлявшие на 1 января 1924 г. 214 млн. пудов, сократились к 1 января 1925 г. до 145 млн. пудов²⁰. Положение стало критическим. Намеченный план заготовок пришлось снизить с 380 млн. пудов до 290 млн. пудов, а долю Украины в общем объеме хлебозаготовок снизить с 34 до 26%. О вывозе зерна за границу теперь не могло быть и речи; больше того, было принято решение импортировать 30 млн. пудов²¹. В ноябре максимальная цена пуда ржи официально выросла до 85 коп., в дальнейшем от попыток сдерживания роста цен пришлось отказаться. Повысившись в декабре до 102 коп., цена пуда ржи продолжала скачкообразно возрастать и достигла в мае 1925 г. 206 коп.²² Таким образом, политика твердых цен потерпела крах, кулак торжествовал, а города вновь оказались в роли пленника, за которого требуют выкуп.

Рост цен на зерно внушал тревогу в двух отношениях. Он мог привести к возобновлению недавних проявлений недовольства среди промышленных рабочих и к нарушению сбалансированной структуры заработной платы в связи с неизбежными требованиями ее повышения, которые придется удовлетворять. В ноябре 1924 г., обращаясь к делегатам VI съезда профсоюзов СССР, Рыков весьма откровенно говорил о создавшемся угрожающем положении: «Неограниченное повышение цен на хлеб означало бы крах нашего бюджета, так как вызвало бы повышение заработной платы, повышение цен на товары и срыв всей политики цен и борьбы с „ножницами”»²³.

Однако рост цен угрожал также и обострением противоречий в деревне. При сложившейся общественной структуре на селе раз-

ные слои крестьянства по-разному относились к проблеме цен. Излишки зерна оставались лишь у зажиточных крестьян, которые и были в первую очередь заинтересованы в высоких ценах на хлеб. Осенью 1924 г. с Украины впервые поступили сообщения о том, что крепкие крестьяне перекупают хлеб у бедняков как «наиболее выгодный товар для страховки денег с наибольшим процентом»²⁴. Обладание хлебными запасами сулило не только возможности выгодной спекуляции, оно стало также лучшей гарантией на случай инфляции. С другой стороны, больше покупали, чем продавали, хлеба бедняки, которые составляли в то время около трети всего крестьянства и добывали средства к существованию — целиком или частично, — нанимаясь в батраки²⁵. Средняцкие массы больше покупали или продавали хлеб в зависимости от урожая, скудного или обильного²⁶. Высокие цены на зерно вследствие недорода, таким образом, были выгодны зажиточным крестьянам и ложились тяжким бременем на бедняков, причем все больше середняков превращалось в бедняков, способных прокормиться, лишь нанимаясь в батраки²⁷. Положение особенно осложнилось к зиме 1924/25 г.: «Когда хлеб был 60 коп., бедняк попродавал, а когда хлеб стал рубль, теперь продает его кулак. Это заметно. Когда пуд хлеба был 60 коп., бедняк в первую голову платил налог, а крепкий середняк и кулак выдерживали, а теперь бедняк платит рубль за пуд хлеба, а кулак продает его»²⁸.

С высокими ценами на зерно готовы были мириться те круги в руководстве, которые поддерживали развитие кулацкого сельского хозяйства и без особой тревоги взирали на растущую социально-экономическую дифференциацию в деревне.

В начале кризиса, связанного с неурожаем, 30 июля 1924 г. в «Правде» и «Ленинградской правде» была опубликована статья Зиновьева «Неурожай и наши задачи», основную мысль которой выражала следующая фраза: «Пора, пора заставить ряд наших организаций больше повернуться лицом к деревне».

Несколько дней спустя в другой статье в «Ленинградской правде» с удовлетворением отмечалось, что Зиновьев «бросил правильный лозунг»: «Надо, чтобы вся наша партия повернулась лицом к деревне, потому что этого требуют интересы всего нашего хозяйства в целом, а стало быть, и интересы пролетариата»²⁹.

Начиная с этого времени и в течение всей осени и зимы призыв «лицом к деревне» постоянно повторялся в речах и статьях Зиновьева и стал одним из основных лозунгов политики партии³⁰. В устах Зиновьева этот лозунг, во-первых, подчеркивал его роль как продолжателя дела Ленина, проводника ленинских заветов, верой и правдой продолжающего курс на развитие и углубление НЭПа, а во-вторых, был оружием в полемике с Троцким по вопросу о недооценке последним крестьянства; наконец, этот лозунг явился выражением озабоченности и беспокойства относительно положения в стране, охвативших руководство партии

осенью 1924 г. Главной причиной озабоченности был неурожай и его последствия, то есть рост цен на хлеб, но немалую тревогу вызывали и другие признаки неблагополучия в деревне, которые широко обсуждались и освещались в прессе.

В то время в стране росло рабселькоровское движение. Многие фабричные рабочие посылали в центральные и местные советские газеты свои корреспонденции. Так называемые рабочие корреспонденты (рабкоры) брали на себя обязанность освещать в печати достижения и недостатки в работе своего предприятия, писать о своих обидах, жалобах товарищей и т. п. В ноябре 1923 г. в редакции «Правды» состоялось первое совещание рабкоров. Перед участниками выступили редактор «Правды» Н. И. Бухарин и М. И. Ульянова. Было принято решение учредить при «Правде» журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент»³¹. В начале 1924 г., когда роли крестьянства стали придавать большое значение, в дополнение к рабкорам появился институт «сельских корреспондентов» (селькоров). К сожалению, трудно было найти настоящих крестьян, обладавших хотя бы минимальными способностями и подготовкой для подобной работы; поэтому, очевидно, многие селькоры были партийными работниками или рабочими, направленными в деревню³², что ставило их в особое положение и не могло не отразиться на их деятельности. Будучи убежденными партийцами, они, естественно, были склонны отстаивать прежде всего интересы беднейших крестьян и батраков, возрождая политику комбедов 1918 г.; некоторые селькоры считали своим долгом «разжигать классовую борьбу в деревне». Такие селькоры стремились первым делом изобличать кулаков. Подобное предвзятое отношение, особенно в условиях наметившегося более терпимого официального курса в отношении кулачества, явилось причиной многочисленных случаев избиения и убийства селькоров, несомненно по наущению кулаков и прочих элементов, которых селькоры обличали в печати. Первый и самый шумевший из подобных случаев произошел 28 марта 1924 г. на Украине в деревне Дымовка, в 50 верстах от Николаева. Двое из трех членов партийной ячейки в сельсовете оказались в сговоре с местными кулаками и всячески им потворствовали³³. Третий член ячейки, селькор Малиновский, разоблачил их в газете, за что и был вскорее убит. В октябре 1924 г. в Николаеве состоялся судебный процесс; по обвинению в соучастии в убийстве перед судом предстали шесть человек. Процесс широко освещался в прессе. С пространной обвинительной речью на процессе выступил Сосновский, член партии и известный публицист, сыгравший активную роль в раскрытии преступления. В речи Сосновского неоднократно противопоставлялись бедняки и кулаки. Обвиняемые были приговорены к смертной казни. Впоследствии трем осужденным смягчили меру наказания, приняв во внимание, что они были лишь орудием в руках кулаков. Были сообщения о том, что после суда на стенах

домов в Дымовке появлялись надписи, угрожающие такой же расправой любому, кто осмелится жаловаться в газету³⁴.

Убийство в Дымовке было отнюдь не единичным инцидентом. 3 октября 1924 г. «Правда» писала о волне подобных преступлений, захлестнувшей всю страну: «...преследования и убийства селькоров стали массовым явлением... Мы наблюдаем своеобразный рецидив (возобновление) контрреволюции в деревне». В последующие два месяца в печати часто появлялись сообщения о подобных случаях³⁵. На октябрьском (1924 г.) Пленуме ЦК РКП (б) ставился вопрос об опасностях, грозящих селькорам, и была принята резолюция о необходимости «...решительно взять под охрану советских законов и советских органов тех из них, разоблачительная работа которых может вызвать угрозы насилем со стороны контрреволюционных и кулацеских элементов деревни»³⁶. В «Правде» была опубликована статья Сосновского, озаглавленная «Дымовка — не исключительное явление»³⁷, а народный комиссариат юстиции 11 ноября 1924 г. издал циркуляр, предписывающий считать убийство рабкора или селькора контрреволюционным деянием³⁸. Такая поддержка и внимание к деятельности селькоров способствовали быстрому росту их числа. Когда проводился XIII съезд РКП (б) (май 1924 г.), было всего 15 тыс. корреспондентов; по неполным данным, к январю 1925 г. в газеты писали 60 тыс. рабкоров и 80 тыс. селькоров; к августу 1925 г. рабкоров и селькоров было уже 74 тыс. и 115 тыс.³⁹. На состоявшемся в Москве в декабре 1924 г. Втором всесоюзном совещании рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров выступили Зиновьев, Каменев, Бухарин, Крупская и другие видные деятели партии, давшие деятельности корреспондентов высокую оценку. Участники совещания говорили о случаях необоснованного увольнения рабкоров, открытых угрозах и избиениях селькоров. Был оглашен список 20 убитых селькоров, причем отмечалось, что этот список далеко не исчерпывающий⁴⁰. Огласка подобных инцидентов отражала растущее беспокойство в партийных кругах по поводу терпимости к кулакам и недовольства в деревне в связи с подобной политикой.

Беспокойство и разногласия в партийном руководстве обострились также в связи с серьезным, хотя и недолго длившимся восстанием в Грузии, которое произошло в конце августа 1924 г. Это было не первое восстание против Советской власти⁴¹, однако партийное руководство было склонно объяснять его главным образом причинами общего характера, а не неудовлетворительным положением дел конкретно в Грузии. На совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б) в октябре Сталин назвал события в Грузии «показательными» и тут же сделал вывод: «То, что произошло в Грузии, может повториться по всей России, если мы не изменим в корне самого подхода к крестьянству»⁴². Причины восстания обсуждались несколько дней спустя на том же Пленуме ЦК РКП(б) (октябрь 1924 г.), на котором шла речь об

убийствах селькоров. Сталин признал, что «в некоторых уездах... оно, безусловно, имело массовый характер», что экономической основой восстания были высокие цены на промышленные товары и низкие цены на кукурузу и «...именно поэтому это восстание является показательным для новых условий борьбы по всей Советской стране»⁴³. Зиновьев, усмотревший в восстании «смесь меньшевизма и национализма», все же считал, что местными условиями определялись не более 50% причин восстания, и сравнивал его с кронштадтским мятежом (1921) и восстаниями в Тамбовской губернии (1919—1921), утверждая, что грузинское восстание было тревожным сигналом, свидетельствующим о не вполне благополучном состоянии экономики в целом⁴⁴. Спустя три месяца Сталин вновь назвал восстание «большим предупреждением» и утверждал, что «новый Тамбов или новый Кронштадт вовсе не исключены»⁴⁵. В печати восстание в Грузии называли «признаком обострения отношений крестьян к советской власти»⁴⁶. В декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) волнения в Грузии все еще упоминались как отправной пункт разногласий в партии по аграрному вопросу⁴⁷.

Вышеупомянутые события, однако, не сразу явились достаточным веским основанием, чтобы пойти на меры политического характера, которых само партийное руководство пока еще стремилось избежать. В докладе октябрьскому (1924 г.) Пленуму ЦК РКП(б) Каменев выступил в защиту политики государственного ограничения цен: «Могли ли мы пойти на то, чтобы положить в основу своей экономической политики подчинение этому стихийному росту хлебных цен? Для нас совершенно ясно, что это было бы абсолютно недопустимо... Мы перестали бы быть хозяевами экономической политики. Хозяином был бы тот, кто сумел бы скупить на эту цену хлеб»⁴⁸.

Но громкие слова не давали ответа на конкретный вопрос — как обеспечить страну хлебом? «Под свежим впечатлением грузинского восстания» Зиновьев, Бухарин и Сокольников поставили вопрос о дальнейших уступках крестьянству. Зиновьев даже предлагал «образовать фракцию беспартийных крестьян во ВЦИКе и советах и предоставить им право издавать свои газеты и т. п.». Но большинство членов ЦК сочли подобные предложения проявлением паники⁴⁹. О тревожных сообщениях из разных районов страны говорил и Сталин. В некоторых местах был «массовый отказ от принятия окладных листов», происходившие «беспартийные волостные конференции были настолько бурными, что некоторые пришлось закрыть, а в некоторых была проведена поправка: просить центр снизить налог и повысить цены на хлеб». Вдохновителями волнений, равно как и восстания в Грузии, назывались «кулаки, спекулянты и прочие антисоветские элементы». Сталинский вывод о необходимости «изолировать кулаков и спекулянтов, оторвать от них трудовое крестьянство», хотя он и был выра-

жен традиционными фразами, можно трактовать как предупреждение об опасности политики экономических уступок, которые неизбежно принесут наибольшие выгоды зажиточным крестьянам⁵⁰. Настроения крестьянства обсуждались на пленуме весь день⁵¹, но из-за разногласий и колебаний это оказалось лишь бесполезной тратой времени. Принятая резолюция органичивалась туманными рекомендациями относительно усиления партийной работы в деревне и необходимости вовлечения в Советы больше беспартийных. Формулировки резолюции по вопросам политики в деревне вообще ничего не решали, резолюция лишь отмечала необходимость «...разработать специальные указания местным организациям (в особенности для печати) по вопросам, которые при неправильном подходе к настроениям крестьянской массы могут вести к отрицательным политическим результатам в деревне (таковы вопросы о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства, о кулачестве и т. п.)»⁵². О замешательстве в связи с аграрной политикой свидетельствовало и решение ЦК о сроках проведения очередного съезда партии. После 1917 г. все съезды проводились весной, но на этот раз было решено отложить съезд до осени 1925 г., так как жизненно важные политические решения представлялось целесообразнее принимать после, а не до уборки урожая; весной же вместо съезда предполагалось провести партийную конференцию, а затем уже ежегодный Всесоюзный съезд Советов (не в январе, как обычно, а в апреле). Каменев, сообщая о принятых решениях на собрании Московской парторганизации, признал, что отсрочка съезда является нарушением Устава РКП(б), но заявил, что, если партийные массы не будут протестовать, решение останется в силе⁵³.

Итак, вызванный недородом 1924 г. кризис не повлек за собой существенных изменений ни в государственной политике, ни во взаимоотношениях партийных лидеров. Вероятно, в то время Зиновьев был в большей степени, чем Сталин или Каменев, склонен к политике дальнейших уступок крестьянству, однако все три члена триумvirата все еще были заняты прежде всего борьбой с Троцким, последняя, отличавшаяся особым ожесточением фаза которой началась в октябре 1924 г. и закончилась лишь с отстранением Троцкого от руководства НКВМ в январе 1925 г.⁵⁴ В этот период все трое неустанно напоминали в своих речах и статьях о необходимости проведения курса на сохранение союза с крестьянством и обвиняли Троцкого в пренебрежительном отношении к крестьянству. Однако не менее упорно они избегали публично высказываться о предложениях дальнейших уступок крестьянству и воздерживались от участия в полемике по вопросу об отношении к кулачеству, который становился все более щекотливым. При любых различиях истинных точек зрения словесные компромиссы были возможны, и все трое шли на них, пока признавали необходимость сохранения триумvirата.

Стремлению партийных лидеров удерживать вопрос об аграрной политике в безопасных рамках способствовала и полемика по экономическим проблемам, которая наряду с политической полемикой с Троцким привлекала большое внимание осенью 1924 г. Со времени оппозиции «левых коммунистов» в марте 1918 г. никто так упорно не возражал против линии партии, как способный и оригинально мыслящий экономист Е. Преображенский. Преображенский первый привлек внимание к тому, что НЭП может способствовать усилению кулачества⁵⁵, и вызвал гневную отповедь Ленина, подняв этот вопрос еще в марте 1922 г. на XI съезде РКП(б). Позднее он утверждал, что НЭП губительным образом сказывается на планировании⁵⁶. Преображенский был одним из немногих партийных деятелей, кому Троцкий доверительно сообщил о своем разговоре с Лениным в конце 1922 г. насчет роста и усиления бюрократии в партии⁵⁷. Он был одним из подписавших так называемое «заявление 46-ти» (вероятно, большая часть заявления была написана именно Преображенским) и видным деятелем оппозиции зимой 1923/24 г. Со Сталиным Преображенский скрестил оружие на XIII конференции РКП(б) в январе 1924 г. и вновь выступил как оппозиционер на XIII съезде РКП(б) четыре месяца спустя⁵⁸. Почти не скрывая отрицательного отношения к НЭПу и всему, что с ним связано, Преображенский неизменно выступал за повышение роли планирования и всемерное содействие развитию промышленности и против любых дальнейших уступок крестьянству.

В августе 1924 г. Преображенский выступил в Коммунистической академии с докладом «Основной закон социалистического накопления», ставшим важной вехой в истории советской экономической теории⁵⁹. Преображенский сопоставлял период, названный Марксом первоначальным капиталистическим накоплением, и соответствующий период строительства социализма. Прежде чем процесс накопления смог идти сам по себе, что характерно для развитого капиталистического хозяйства, капиталистическое общество должно было пройти стадию принудительного сосредоточения капитала в руках немногих владельцев — стадию не прикрытого принуждения и эксплуатации, отрыва крестьян от земли и превращения их в фабричных рабочих, «отделения производителей от средств производства». По мнению Преображенского, «чтобы комплекс государственного хозяйства мог развить все свои экономические преимущества... мог бы подвести под себя новую техническую базу», социализм также должен пройти фазу «первоначального накопления», то есть «накопления в руках государства материальных ресурсов главным образом из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства», или, другими словами, «отчуждения прибавочного продукта страны для расширенного социалистического производства»⁶⁰. Упомянув различные формы экспроприации, характерные для капитализма в период первоначального накопления — экспроприация труда мелких про-

изводителей, которые сохраняли докапиталистические формы производства, эксплуатация колоний, экспроприация путем налогообложения и государственных займов,— Преображенский отверг метод «колониального грабежа» как неприемлемый для социалистического государства. Совсем иначе обстоит дело, по его мнению, с «отчуждением в пользу социализма части прибавочного продукта из всех досоциалистических экономических форм» внутри страны, которое «неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз»⁶¹.

Положение и задачи в текущий момент Преображенский определяет следующим образом: «В период социалистического накопления государственное хозяйство не может обойтись без эксплуатации мелкого производства, без экспроприации части прибавочного продукта деревни и ремесла... мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства, является, несомненно, реакционной мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого хозяйства страны»⁶².

Преображенский отмечает, что в дополнение к прямому налогообложению и займам эмиссия денежных знаков также является одной из форм налогообложения и «одним из источников первоначального накопления»⁶³.

Далее Преображенский обращался к «формам первоначально-го накопления на экономической основе» (в противоположность таким мерам административного характера, как налогообложение и займы). Упомянув о различных второстепенных путях принуждения частного сектора вносить вклад в накопление, он затрагивает такую важную проблему, как цены. На XIII партконференции (январь 1924 г.) Преображенский уже говорил о политике цен как о «политически более выгодном»⁶⁴, чем налогообложение, средстве изъятия у крестьян излишков сельскохозяйственных продуктов. Теперь он предлагает проводить «политику цен, сознательно рассчитанную на эксплуатацию частного хозяйства во всех его видах»⁶⁵.

Поскольку Преображенский писал не политический памфлет, а теоретическую работу, имеющую характер экономического анализа, он предпочел обойти самый щекотливый вопрос: «...Я не говорю здесь, наконец, о затруднениях политического свойства, вытекающих из взаимоотношений рабочего класса и крестьянства и вынуждающих часто говорить об эквивалентном обмене, хотя последний является при социализации крупной промышленности еще большей утопией, чем при господстве монополистического капитализма»⁶⁶. Другими словами, эксплуатация крестьян-

ства (то есть изъятие у крестьян хлебных излишков без полностью эквивалентной компенсации) оказывается необходимым условием строительства социализма на начальном этапе. Дело политиков — замаскировать этот факт обтекаемыми фразами, но Преображенский не был политиком.

Что касается пролетариата, Преображенский утверждает, что «с момента своей победы рабочий класс из объекта превращается также и в субъекта ее». Тем не менее в отличие от работодателя-капиталиста ему не могут быть безразличны собственное благосостояние и условия труда, и в этом заключается «определенная преграда для темпа социалистического накопления», ведь «твердо сохраняется 8-часовой рабочий день»⁶⁷. Однако Преображенский утверждает, что в связи со всем этим «основной закон социалистического накопления» становится еще более обязательным: «Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социалистической революции — тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на экспроприацию досоциалистических форм хозяйства». Лишь сравнительно развитая страна может «опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия»⁶⁸.

В заключение Преображенский рассуждает о борьбе двух законов в советской экономике — закона стоимости и закона социалистического накопления. Подобно тому как закон стоимости, капиталистический по своей сути, все же оказывает определенное влияние даже на обобществленный сектор, так и закон социалистического накопления «распространяет в известной мере свое действие на частное хозяйство лишь как на чужеродную среду»⁶⁹.

Очевидно, что подобный экономический анализ и его далеко идущие последствия были восприняты и поняты не сразу⁷⁰. Впрочем, после появления работы Преображенского в «Вестнике Коммунистической академии» Огановский, ответственный работник Наркомзема и бывший эсер, не упоминая фамилии Преображенского, критиковал в журнале «Социалистическое хозяйство» тех, кто думает, что «...эти средства государственная промышленность может получить не путем расширения своего производства и сбыта его сельскому населению, а посредством прямого извлечения прибавочной стоимости от крестьянина... Мы полагаем, что избрать этот путь — значит резать курицу, несущую золотые яйца»⁷¹. В конце года политическая ситуация сложилась таким образом, что эта спорная проблема приобрела особое значение, выйдя за рамки чисто академического интереса. Статья Преображенского оказалась козырем в руках лидеров кампании против Троцкого. Преображенский, которого с полным основанием можно считать одним из наиболее верных сторонников Троцкого, дал бо-

гатый материал, подкрепляющий утверждения, что троцкизм основывался на пренебрежении крестьянством и противоречил ленинскому курсу на «смычку» пролетариата и крестьянства, так как предполагал непримиримое противоречие их интересов. Хотя Троцкий никогда открыто не пропагандировал идеи Преображенского и, во всяком случае, был достаточно искушенным политиком, чтобы не ставить вопрос в столь намеренно вызывающих выражениях, он еще на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. поддержал формулировку «первоначальное социалистическое накопление» со всеми ее следствиями⁷². В конце концов, Бухарин, единственный из экономистов в высшем эшелоне партийного руководства, ответил Преображенскому статьей в «Правде», озаглавленной «Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок», а также статьей в партийном журнале «Большевик», озаглавленной «Критика экономической платформы оппозиции»⁷³.

В начале первой статьи Бухарин касается полемики, начавшейся осенью 1924 г. с выходом в свет работы Троцкого «Уроки Октября», и рассматривает статью Преображенского как «экономическое обоснование троцкизма» и «экономическую сторону антиленинской концепции». Бухарин неоднократно подчеркивает полную несовместимость между взглядами Преображенского на эксплуатацию крестьянства как условие перехода к социализму и убежденностью Ленина, воплощенной в НЭПе, в возможности построения социализма лишь в тесном союзе с крестьянством, при развитии ресурсов и возможностей крестьянского хозяйства посредством торговли и кооперации наряду с ресурсами и возможностями пролетариата. Преображенский хотел ввести в социализм методы принуждения и ограничения, характерные для монополистического капитализма. Взгляды оппозиции, делает вывод Бухарин, являются выражением «цеховой идеологии», которой «нет дела до других классов» и которая требует «усиленного нажима на крестьянство во славу пролетариата». Бухарин утверждает, что для подавляющего большинства членов партии подобные «теории» совершенно неприемлемы. Во второй статье с ироническим подзаголовком «Уроки октября 1923 г.» те же проблемы разбираются подробнее и позиции троцкистов подвергаются еще более резкой критике. В самом деле, Троцкий никогда не выступал, подобно Преображенскому, за «принудительный рост промышленного накопления», но его требование «диктатуры промышленности» означало в сущности то же самое⁷⁴. Оппозиция вновь продемонстрировала свою неспособность понять «проблему рабоче-крестьянского блока», и эта неспособность была «основным пороком всего троцкизма».

От столь сокрушительной критики «экономической платформы оппозиции», сыгравшей свою роль в разгроме Троцкого, отмахнуться было нелегко. Напрасны были протесты Преображенского, пытавшегося в свою очередь обвинить Бухарина в том, что

тот «смешал попытку теоретического анализа советского хозяйства с реальной экономической политикой пролетарского государства», и предлагавшего убрать режущее слух слово «эксплуатация»⁷⁵. В следующие два года все те, кто стремился встать на защиту интересов крестьянства и противился индустриализации или выступал за ее проведение не столь высокими темпами, непрерывно критиковали закон первоначального социалистического накопления. Но с течением времени проблема, поднятая Преображенским, отнюдь не стала менее острой⁷⁶. Лозунги «Рабоче-крестьянский блок» и «Лицом к деревне» уже устарели, причем не только потому, что в связи с любыми мерами, направленными на развитие тяжелой промышленности, практические ответы на поднятые Преображенским вопросы становились особо важными и безотлагательными, но и потому, что теперь крестьянство меньше, чем когда-либо, было единой массой. Всякое решение в поддержку крестьян, принятое без учета различий интересов разных слоев крестьянства, становилось не концом, а началом дилеммы в аграрной политике. Различиями в проведении аграрной политики были обусловлены проявления недовольства сельского населения осенью 1924 г., они же легли в основу новых разногласий в партийном руководстве, постепенно обострившихся в течение 1925 г.

б) Проблемы села

Развитие советского сельского хозяйства в середине 20-х годов заставило партийных лидеров обратить внимание на фундаментальные проблемы характера и длительности НЭПа, от обсуждения которых они столь старательно уклонялись. До весны 1924 г. одним из важнейших вопросов советской экономики и политики была борьба между городом и деревней, между рабочим и крестьянином. XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.) ознаменовал конец этого периода. Благодаря смыканию ножиц в пользу крестьянина и принятию программы содействия развитию тяжелой промышленности противоречие было на время улажено и достигнуто более или менее удовлетворительное равновесие. Ход восстановления хозяйства допускал продвижение вперед одновременно на двух фронтах. Атака Преображенского на крестьянство в интересах промышленности оказалась в тот момент запоздалой или, наоборот, преждевременной. Проблема стояла достаточно остро в 1924 г. и вновь обострится после 1926 г., но в период перемирия выступление Преображенского лишь помогло осенью 1924 г. лидерам партии сосредоточить внимание на данной проблеме и в полной мере развернуть кампанию против Троцкого, обвиняя его в пренебрежении крестьянством. Однако, когда Бухарин обрушился на Преображенского, а Троцкий потерпел поражение и лишился своих постов в январе 1925 г., проблема отошла на второй план и на смену встала другая. Вопрос заключался уже не в том, следует ли — и если следует, то в какой степени — поддерживать и

оказывать финансовое содействие промышленности или же сельскому хозяйству, а в том, чтобы определить, какой слой крестьянства при проведении политики, направленной на содействие развитию сельского хозяйства, должен в наибольшей степени быть проводником этой политики и получать наибольшую поддержку, а также какие виды землепользования должны поощряться, а какие следует считать лишь допустимыми. Вопрос о кулаке, которому в течение большей части 1924 г. не придавали особого значения, упорно рассматривая его как второстепенный, теперь вышел на передний план. В целом атмосфера изменилась. Что касается внутривластной борьбы, перемена выразилась в том, что вместо совместной кампании триумvirата против Троцкого, проводившейся в 1924 г., возникло противостояние Бухарина и Сталина, с одной стороны, и Зиновьева и Каменева — с другой; позиции тех и других все больше расходились на протяжении 1925 г.

Отмена крепостного права оставила нерешенной важнейшую проблему организации сельского хозяйства в России в будущем; больше того, ускорив дробление крупных землевладений, она еще более усложнила эту проблему. С отменой крепостного права началась дифференциация крестьян, которые прежде, будучи крепостными, все были примерно в равном положении, и этот процесс все сильнее влиял на политику по отношению к крестьянам. Сельское хозяйство не могло успешно развиваться и процветать на основе бесчисленных мелких единоличных крестьянских хозяйств, число которых неуклонно умножалось с ростом народонаселения. Этой очевидной экономической реальности резко противоречили «Черный передел» народников-экстремистов и программа равного наделения земель, выдвигавшаяся эсерами, равно как и призывы большевиков к полному захвату помещичьих земель крестьянами. Имея крошечные наделы, крестьяне с трудом могли прокормить себя и свои семьи. Все еще практиковалось примитивное трехполье, посевы трав и кормовых культур были редкостью. Беднейшие крестьяне, лишаясь рабочего скота, уже не могли удовлетворительно вспахивать и удобрять землю. Совершенно ясно, что чем больше становится мелких крестьянских хозяйств, тем большую долю продукта земледельец потребляет на собственные нужды, и, напротив, чем крупнее производственные единицы, тем больше доля товарного урожая, тем больше сельскохозяйственных продуктов для питания растущего городского населения и излишков, которые можно экспортировать. «Умеренный» Каменев выразил эту мысль просто и недвусмысленно: «Мы, коммунисты, понимаем, что только тогда мы достроим социализм, когда эти 22 миллиона разрозненных крестьянских хозяйств подтянем к социализму, вовлечем в общее наше строительство, свяжем их в единую систему»⁷⁷.

К тому времени споры о двух путях решения дилеммы продолжались уже 50 лет. Первый путь — это всемерная поддерж-

ка «мира», то есть крестьянской общины, состоящей из «дворов» (крестьянских хозяйств), с тем чтобы на основе коллективных элементов этой старой системы создавать новые формы кооперированного и коллективного сельского хозяйства. Такова была в общих чертах точка зрения народников. Даже Маркс в известной степени допускал возможность непосредственного перехода от крестьянской общины к сельскому хозяйству будущего, организованному на социалистических началах⁷⁸.

Второй путь — как можно скорее отказаться от принципа коллективности и создать условия для конкурентной борьбы среди крестьян-единоличников по «капиталистическому» принципу, в результате чего самые предприимчивые будут преуспевать и обогащаться за счет остальных, а неудачники будут пополнять число фабричных рабочих в быстро растущих промышленных центрах или обживать отдаленные окраины огромной Российской Империи. Многие годы официальная политика не была направлена ни всецело на сохранение сельской общины, ни на исключительно капиталистический путь развития деревни. Сельская община сохранялась, но развивались и капиталистические отношения. Самым существенным признаком развития капитализма в деревне было расслоение крестьянства на кулаков, бедняков и середняков. Процесс дифференциации крестьянства подробно описал Ленин в одной из своих ранних работ: «С одной стороны, крестьяне теряют земледельческий инвентарь (живой и мертвый), — с другой стороны, крестьяне заводят улучшенный инвентарь, начинают приобретать машины и т. п. ... С одной стороны, крестьяне бросают землю, продают наделы, сдают их в аренду, — с другой стороны, крестьяне же арендуют наделы и с жадностью покупают частновладельческие земли»⁷⁹.

Лишь в 1906 г. правительство пошло на такой решительный шаг, как столыпинская аграрная реформа. Столыпин всецело поддерживал борьбу за выживание и ориентацию на «крепкого хозяина», делал все возможное, чтобы упразднить крестьянскую общину и превратить кулака в героя, надежду и опору российской аграрной политики⁸⁰. Реформа была направлена на придание сельскохозяйственному производству товарного характера, имела целью ориентировать производство на внутренний и внешний рынок, это была политика «насиловственного слома общины для расчистки пути капитализму в земледелии *во что бы то ни стало...*»⁸¹. Но, пусть и такой ценой, реформа действительно обеспечивала капиталистический путь развития сельского хозяйства в России. К началу первой мировой войны в 1914 г. были достигнуты немалые успехи, особенно в наиболее плодородных и густонаселенных районах Украины, которые стали основным источником хлеба на экспорт⁸².

В первые годы Советской власти вновь встали те же проблемы и начали проявляться те же основные экономические факторы. Революция отобрала крупные землевладения у помещиков и церк-

ви и перераспределила землю по всей стране на провозглашенных ею основах равенства, хотя практическое воплощение этого перераспределения было не везде безупречным и принцип равенства трактовался не всегда достаточно четко. Значение крестьянства резко возросло. Если до революции крестьянские наделы составляли в совокупности 240 млн. га, или 67,6% площади сельскохозяйственных угодий в пределах территории впоследствии образовавшегося СССР, то через десять лет после революции общая площадь крестьянских наделов достигла 314 млн. га, то есть 88,5% всей площади сельскохозяйственных угодий⁸³. По мнению ортодоксальных большевиков, такое решение земельной проблемы соответствовало лишь требованиям момента, но не более того. В самом деле, оно характеризовалось всеми отрицательными чертами того положения дел, которое в свое время стремился исправить Столыпин: как и прежде, земледелец обрабатывал землю лишь для того, чтобы добыть необходимые средства существования; достаточных побудительных стимулов для товарного производства не было. В связи с этим Роза Люксембург выступила с критикой ленинской аграрной реформы, утверждая, что из-за этой реформы у социализма появились новые многочисленные враги, противодействие которых будет гораздо более опасным и упорным, чем сопротивление дворян-землевладельцев⁸⁴.

Декрет о социализации земли, принятый в феврале 1918 г., характеризовал как временные и устаревшие все виды единоличного землепользования и на первое место ставил совхозы и коммуны, затем артели и товарищества и лишь на третье место единоличные хозяйства⁸⁵. Однако подобное предпочтение, отданное коллективной обработке земли, было связано с ограничениями периода «военного коммунизма». С введением НЭПа в деревне вновь появились элементы капиталистической конкуренции, вновь встала проблема выбора «социалистических» или «капиталистических» форм землепользования, коллективного или единоличного хозяйства, причем, как во времена Столыпина, чаша весов явно склонялась в пользу «капиталистического» решения проблемы. В обнародованном Наркомземом в конце 1924 г. пятилетнем плане развития сельского хозяйства недвусмысленно указывалось, что «социалистическая форма земледелия» мыслима только на таком уровне развития производительных сил, на котором «индивидуальная форма хозяйства является уже формой, тормозящей их развитие». Такое время еще не настало, и на теперешнем этапе «более жизненной» следует считать не формулу «через коллективное земледелие к развитию производительных сил», а наоборот⁸⁶. Казалось, революция не решила проблему, приходилось начинать все с самого начала.

Из всех форм коллективного сельского хозяйства, в самом широком толковании этого понятия, важнейшей, несомненно, яв-

ляется традиционная крестьянская община, или мир. Основа мира — коллективное землепользование, но не коллективная обработка земли. Мир обязывал всех членов общины применять севообороты — обычно примитивное трехполье — и обеспечивал общинное пользование пастбищными угодьями и водными ресурсами. Хозяйственной единицей и единицей членства в общине являлся крестьянский двор; на мир возлагалась обязанность распределения земли по дворам. Благодаря периодическим переделам общинной земли, иногда ежегодным, чаще производившимся раз в три года или пять лет (в зависимости от практиковавшихся севооборотов)⁸⁷, мир был единственной формой землепользования, обеспечивавшей постоянное соблюдение принципа равенства, так как переделы земли по дворам производились с учетом изменений числа работников и «едоков». В этом отношении в первые месяцы революции неуклонное соблюдение, под влиянием эсеров, принципа равенства способствовало сохранению престижа мира и продолжило существование крестьянской общины как таковой. Несмотря на предписываемое партийной установкой и декретом о социализации земли предпочтение коллективной обработки земли, никто из лидеров большевиков не оспаривал прав мира. Земельный кодекс РСФСР, вступивший в силу 1 декабря 1922 г. и явившийся воплощением принципов НЭПа, без каких-либо условий или оговорок признает мир наравне с прочими формами землепользования того времени. Признавалось, хотя и с некоторыми оговорками, право отдельных дворов выйти из мира с земельным наделом на хутор или отруб⁸⁸, однако хуторян и отрубников было в то время сравнительно немного. Мир оставался преобладающей формой землепользования во всех губерниях европейской части СССР, кроме Украины и Белоруссии, а также в земледельческих районах Сибири. В РСФСР (по состоянию на 1 января 1927 г.) из 233 млн. га крестьянских земель 222 млн. га находилась в пользовании крестьянских общин, совокупные площади хуторских и отрубных земель составляли лишь 2 млн. и 6 млн. га соответственно, а на долю разного рода коллективных хозяйств приходилось несколько более 2 млн. га⁸⁹. Вероятно, общепринятое мнение, что выходящие из мира крестьяне были наиболее предпримчивыми, работоспособными и зажиточными, в основном соответствовало действительности, поэтому хутора иногда рассматривались как оплот кулаков, тогда как мир якобы по-прежнему стоял на страже интересов беднейшего крестьянства⁹⁰. Однако были и противоположные заявления, например, что кулаки продолжают «держаться общины, так как им удобней здесь эксплуатировать бедноту и скрывать свои земельные излишки»⁹¹. В течение всего рассматриваемого периода у мира было не так уж много сторонников среди членов партии, однако в силу инерции и в связи с традиционным для крестьянства неприятием перемен крестьянские общины продолжали существовать на большей части территории РСФСР.

Двор как земледельческая единица, будь то в составе крестьянской общины, на хуторе или отрубе, в еще большей степени, чем мир, олицетворял дилемму, перед которой стояло советское сельское хозяйство, ибо тут несоответствие принципа коллективности социально-примитивным и отсталым организационным формам было еще более явным. При разработке Земельного кодекса РСФСР были предусмотрены меры ограничения дробления двора: исполкомы на местах получили право устанавливать минимальные размеры земельных наделов, при которых отделение от существующего двора, то есть дальнейшее его дробление, не разрешалось. Соответствующие статьи кодекса (ст. 85—89) имели целью поставить преграду дроблению крестьянских дворов на мельчайшие единоличные хозяйственные единицы. Более того, в Белоруссии в апреле 1925 г. был издан декрет, вообще запрещающий всякий раздел существующих крестьянских дворов⁹². С другой стороны, с точки зрения партийной идеологии патриархальный двор, где все члены семейства должны безоговорочно подчиняться его главе, нельзя было рассматривать иначе, как «позорный остаток времен рабства»⁹³. Сами крестьяне относились к этой проблеме по-разному, в зависимости от обстоятельств. Никто не мог отрицать, что одним из основных факторов дробления дворов была эмансипация женщин, в частности нежелание молодых хозяек безоговорочно подчиняться родителям мужа при совместной жизни и ведении общего хозяйства⁹⁴. В 1926 г. народный комиссар юстиции РСФСР заявил, что пришло время «со всей решительностью поставить крест над реакционной утопией о сохранении патриархальной семьи и о приостановке процесса разделения крестьянских семей на более мелкие единицы»⁹⁵. Какие бы преграды ни ставились, чтобы воспрепятствовать дроблению существующих дворов, было ясно, что крестьянский двор как общественный институт постепенно, но неуклонно отмирает. По статистическим данным, в рассматриваемый период темпы роста числа мелких домохозяйств, то есть дробление прежних патриархальных дворов, составляли не менее 2% в год⁹⁶.

Что касается новых «экспериментальных» форм коллективного земледелия, организуемых и поддерживаемых Советской властью, — совхозов и колхозов во всех их разновидностях⁹⁷ — они, естественно, исключали периодические переделы земли и основывались на принципе коллективной обработки земли, то есть во всех отношениях отличались от прежней крестьянской общины⁹⁸. Теоретически колхозы и совхозы все еще считались высшей формой организации сельскохозяйственного производства, но на практике обстановка НЭПа никак не благоприятствовала формам землепользования, ассоциировавшимся с первыми годами революции и насильственными средствами «военного коммунизма». В 1925 г. в СССР совместно обрабатывалось не более 2% земель⁹⁹. В особенности прозябали совхозы, которые с приходом НЭПа оказались хозяйствами сомнительными и никому, по существу, не

нужными. Общая площадь совхозных земель сократилась с 3,4 млн. га в 1921 г. до 2,3 млн. га в 1926 г.¹⁰⁰ В совхозах Госсельсиндиката¹⁰¹ (833 совхоза в РСФСР, 131 — на Украине, 126 — в Белоруссии и 26 — в ЗСФСР) далеко не все совхозные земли вообще обрабатывались; кроме того, значительная часть обрабатываемых земель в действительности обрабатывалась крестьянами на началах аренды¹⁰². Нередки были случаи, когда бывшие землевладельцы продолжали пользоваться, частично или полностью, своими прежними землями и имуществом под вывеской совхозов, которыми они руководили. В одной из публикаций того времени сообщалось, что некоторые совхозы действительно отвечают своему назначению — быть образцовыми хозяйствами, примером для крестьян из окрестных деревень, — снабжают крестьян семенами, содержат быков и жеребцов и предоставляют крестьянам напрокат трактора и сельскохозяйственные машины. Но в целом мало что свидетельствовало о воплощении в жизнь благих намерений, и вывод, содержащийся в другой публикации, а именно что «в настоящее время совхозы не могут служить примером правильного, рационального ведения хозяйства для окружающего крестьянского населения», был, по всей видимости, ближе к истине. Приходилось признать, что совхозы не имеют достаточных основных и оборотных капиталов, убыточны, и при отсутствии государственных дотаций, которые не предвиделись, избежать финансового краха можно было только путем ликвидации слабейших хозяйств и передачи их имущества сравнительно более благополучным совхозам¹⁰³. Описание упадка и запустения, царивших в немногих сохранившихся совхозах в Смоленской губернии осенью 1924 г.¹⁰⁴, по всей вероятности, отражает весьма типичную картину, тогда как одно из редких описаний образцового совхоза (недалеко от Челябинска) способно лишь подчеркнуть исключительность такого явления, как благополучный совхоз¹⁰⁵.

Все это показывает, что в то время власти не были особо озабочены состоянием совхозов и их дальнейшей судьбой. Впрочем, в февральском (1925 г.) постановлении Оргбюро ЦК отмечалось неудовлетворительное состояние совхозов, но указывалось, что уже сокращенная за последние годы сеть совхозов должна быть сохранена, «за исключением явно экономически нежизнеспособных». В отношении оставшихся совхозов предписывалось широкое применение сдельщины, укрепление трудовой дисциплины, 10-часовой рабочий день и обеспечение нормальной и полной загрузки постоянного штата рабочих¹⁰⁶. Декретом СНК РСФСР предусматривались меры по укреплению кадров и улучшению организации совхозов, увеличению основного и оборотного капиталов совхозов, обеспечению регулярности выплаты вознаграждения рабочим и улучшению условий их труда и быта¹⁰⁷. Но даже эти умеренные меры оставались в то время утопией. Знаменательно, что в марте 1925 г. Главное управление государственной промышленности в ВСНХ рекомендовало трестам ликвидировать все трестированные

совхозы как убыточные и бесполезные¹⁰⁸. В октябре 1925 г. ЦИК БССР обратил внимание на крайне неудовлетворительное состояние совхозов в республике, отметив, впрочем, некоторые наметившиеся в последнее время признаки улучшения, и обязал Совнарком разработать план их развития¹⁰⁹.

Запущенное состояние совхозов не могло не отражаться на условиях труда и быта совхозных рабочих. По сообщениям сельскохозяйственной инспекции о батраках и рабочих совхозов¹¹⁰, их положение в начале 1925 г. было несколько лучше, чем условия, в которых находились батраки, работавшие на единоличных хозяев. Однако отмечались случаи злоупотреблений и произвола со стороны совхозной администрации. В частности, администрация совхоза «Хвостово» в Тверской губернии проявляла «недопустимую грубость» по отношению к рабочим и принуждала их брать в счет заработной платы «пайки, нередко даже плохого качества». Администрация другого совхоза (возле Семипалатинска) насаждала в совхозе «палочную дисциплину»¹¹¹. В том же году «Правда» сообщила о беззастенчивой эксплуатации крестьян, работавших в совхозе, образованном в бывшем помещичьем имении в Башкирии¹¹². В речи на Всесоюзном совещании сельскохозяйственных коллективов Бухарин заявил: «Если мы спросим крестьян насчет совхозов, то в большинстве случаев получим очень нелестные отзывы»¹¹³.

Несколько лучшим было состояние добровольных коллективных хозяйств на крестьянской земле, число которых, сократившееся с введением НЭПа, вновь выросло. Однако элемент коллективности, ради которого собственно организовывались колхозы, стал менее выраженным. Первые колхозы были двух типов, а именно: сельскохозяйственные коммуны, члены которых трудились, проживали и распределяли доходы совместно, причем земля регистрировалась как находящаяся в пользовании коммуны, и артели, члены которых совместно обрабатывали землю и сбывали продукты труда, но жили отдельно и получали свою долю доходов, а земля закреплялась индивидуально за членами артели. Третьим типом коллективных хозяйств были так называемые ТОЗы (товарищества для общего землепользования), члены которых просто объединялись для совместной обработки определенных земельных участков без каких-либо дальнейших взаимных обязательств. Однако подобные объединения едва ли можно считать действительно коллективными хозяйствами. Изучение положения в некоторых ТОЗах Тамбовской губернии в 1924 г. показало, что «ничего кооперативного в них нет — есть только аренда государственной земли крепкими крестьянами, которым выгодно пользоваться кооперативной маркой»¹¹⁴. Даже сохранившиеся сельскохозяйственные коммуны, по всей видимости, в значительной мере утратили первоначальный дух коллективизма¹¹⁵. Колхозы, подобно совхозам, иногда были прикрытием незаконного пользования земель бывшими землевладельцами¹¹⁶. В марте 1925 г.

президиум ЦИК принял постановление, предусматривающее изгнание до 1 января следующего года бывших землевладельцев, которые «под видом организации сельскохозяйственных артелей и коммун... эксплуатируют крестьян, применяя наемный труд и устанавливая с окрестным населением кабальные отношения». Однако постановление не только оговаривало возможность исключений для тех бывших владельцев, которые «работали на земле со своими семьями с применением лишь добавочного наемного труда» или в прошлом «активно боролись на стороне советской власти в рядах Красной Армии», или же имели «особые заслуги, отмеченные постановлениями ЦИК и СНК СССР или союзных республик», но и вообще, по всей видимости, редко применялось на практике¹¹⁷.

Однако слабый энтузиазм властей в отношении колхозов объяснялся, конечно, не столько вышеупомянутыми недостатками и злоупотреблениями, сколько общей политической линией, обусловленной новой экономической политикой. В конце февраля 1925 г. в Москве состоялось Всесоюзное совещание сельскохозяйственных коллективов, на котором колхозники из всех регионов СССР говорили о своих достижениях и далеко идущих планах на будущее, ожидая, несомненно, официального признания успехов и заверений во всемерной поддержке. Однако энтузиазм делегатов-колхозников быстро охладили. Зампред Сельхозсоюза Каминский выступил с высокой оценкой роли сельскохозяйственных кооперативов, которые во многих отношениях соперничали с колхозами. Он утверждал, что именно через простейшие формы сельскохозяйственной кооперации, «организацию обращения, организацию обмена» лежит путь к последующей «полной коллективизации». О том же, в сущности, говорил и Бухарин, который при этом всячески преуменьшал роль колхозов: «...Мы не можем начать коллективизацию с производственного угла, надо начать с другого. Столбовая дорога пойдет по кооперативной линии... Коллективное хозяйство — это не главная магистраль, не столбовая дорога, не главный путь, по которому крестьянство придет к социализму».

Заявив, что «коллективное хозяйство есть самое лучшее хозяйство», Крупская ограничилась общими фразами и просила у делегатов извинения за то, что по болезни она не может сделать того доклада, «который стоит в повестке дня». Несмотря на протесты делегатов с Украины, где колхозное движение было сравнительно более развитым, чем в других регионах¹¹⁸, совещание постановило, что «сельскохозяйственная кооперация, одним из видов которой являются сельскохозяйственные коллективы (коммун, артели и товарищества), представляет собой в этих условиях единственно возможную форму перехода от мелкого крестьянского производства к технически усовершенствованному крупному хозяйству», и осудило попытки выделить колхозы из кооперативного движения и организовать их в «независимые союзы колхозов». Таким образом, колхозы в будущем не должны были получать

поддержки как самостоятельное движение в отрыве от сельскохозяйственной кооперации¹¹⁹.

В свете всех этих выступлений дальнейшее развитие коллективной обработки земли представлялось маловероятным. Действительно, в 1924 и 1925 гг. наблюдался некоторый рост числа колхозов¹²⁰. Средний колхоз в то время насчитывал около 50 «едоков», в том числе 20—30 «трудоспособных»¹²¹. Особенно оптимистические сообщения поступали с Украины, где колхозы получали кредиты от кооперативов на приобретение семян и машин и, как утверждалось, собирали гораздо более высокие урожаи, чем окружающие единоличные хозяйства¹²², и с Северного Кавказа, где колхозы организовывались с целью обработки земель, прежде не обрабатывавшихся¹²³. Однако частичное возрождение колхозов оказалось недолговечным, их число снизилось с 16 тыс. в РСФСР и 5500 на Украине в 1925 г. до 14 800 на всей территории СССР в 1927 г.¹²⁴ Независимо от того, свидетельствуют ли эти цифры о действительном уменьшении числа колхозов или лишь о том, что колхозники убедились, что подчеркивание статуса коллективного хозяйства уже не приносит реальных выгод, совершенно очевидно, что с 1925 г. коллективное сельское хозяйство не получало существенной официальной поддержки.

В то время как все попытки найти «социалистическое» решение проблемы советского сельского хозяйства посредством содействия развитию коллективных единиц по обработке земли по сути оказывались тщетными, силы капитализма в деревне перешли в открытое наступление. С введением НЭПа и снятием Земельным кодексом 1922 г. некоторых прежних ограничений появилось и стало расти противодействие уравниловке; целесообразность и необходимость вознаграждений предприимчивым и успешно ведущим хозяйство крестьянам уже практически не оспаривалась. В 1924 г., когда крестьянство вышло победителем в схватке «ножниц», стоял только один вопрос: как далеко позволят зайти этому противодействию? Какого-либо нового политического курса, казалось, не требуется: государству надо просто не вмешиваться и дать возможность развиваться антиуравнительным тенденциям, обусловленным сложившейся ситуацией. В начале 1924 г. эта точка зрения была вполне откровенно и убедительно высказана в печати А. Хрящевой, сотрудницей Наркомзема:

«Роль зажиточного крестьянства в подъеме производства хлеба и скота приобретает значение для народного хозяйства. Именно на эти слои крестьянства, как поставщика товара на мировой и внутренний рынок, падает задача воссоздания хозяйства. Поэтому все мероприятия, направленные на восстановление хозяйства, объективным ходом вещей должны содействовать тем условиям, в которых это восстановление возможно; мероприятия будут содействовать развитию зажиточных хозяйств и способствовать

превращению середняков в зажиточных. Иного пути при денежно-товарных отношениях нет.

Другая сторона развития народного хозяйства (промышленность) также толкает крестьянские хозяйства на путь дифференциации в ближайшем будущем. Поскольку будет развиваться промышленность, постольку мелкие, маломощные хозяйства будут уходить от земледелия в промышленность и расчищать почву для углубления классовых различий в деревне»¹²⁵.

Другой комментатор, Л. Крицман, описывает этот процесс в терминах марксистского классового анализа: «Рост классового расслоения крестьянства есть не что иное, как рост капитализма в деревне. Процесс классового расслоения крестьянства и процесс развития капитализма — это синонимы, это одно и то же. Развитие капитализма в деревне означает рост капиталистических слоев крестьянства, с одной стороны, и рост пролетарских слоев крестьянства, с другой стороны»¹²⁶.

Конечно, ввиду различий местных условий на обширной территории СССР какие-либо обобщения делать довольно трудно, но в целом можно выделить три основных фактора, которые способствовали процессу дифференциации крестьянства: аренда земли, которая в принципе разрешалась Земельным кодексом 1922 г., хотя и с некоторыми ограничениями, всегда дававшими возможность ставить ее законность под сомнение; наем рабочего скота и сельскохозяйственных машин и инвентаря, который никогда не запрещался; наем работников, который также разрешался, хотя и с оговорками, Земельным кодексом¹²⁷.

Аренда земли¹²⁸ могла совершаться при двух условиях. Бедный крестьянин, которому неоставало земли для прокормления семьи, мог арендовать дополнительный участок. Известен случай, когда на Северном Кавказе кулаки арендовали у государства 6 тыс. десятин пастбищных угодий по 60 коп. за десятину и отдавали пастбища в пользование беднякам, которые должны были отдавать по три пуда шерсти с каждой выпасаемой овцы¹²⁹. Однако подобные операции едва ли можно было проделывать в более густонаселенных регионах, тем более с пашней, поскольку бедняки редко имели лошадей или другой рабочий скот и были не в состоянии, даже если арендовали землю, обработать ее, чтобы собрать урожай, достаточный для удовлетворения нужд семьи. Гораздо более распространенной была аренда земли крепкими крестьянами, имевшими достаточно лошадей и инвентаря, у бедных соседей, которые, убедившись в тщетности усилий самостоятельно справиться с обработкой земли, отдавали ее кулакам за долю в урожае, а сами нанимались в батраки¹³⁰. Такая практика становилась все более распространенной. По сообщениям из двух районов Северного Кавказа, в одном из них площади арендуемых земель возросли в 1925 г. по сравнению с 1924 г. в 2,5 раза, в другом — почти в два раза¹³¹. В процентном выражении доля арендуемой пашни возросла в первом случае с 10 до 20%, во втором —

с 9 до 15%. С другой стороны, поскольку договоры об аренде редко заключались на срок больше одного года, арендатор не был заинтересован в сохранении и улучшении состояния арендуемой земли¹³², его заботой было только собрать в тот или иной год максимально возможный урожай, чтобы получить возможно больший доход. Бедняков, желающих сдать землю, которую они не могли обработать, было так много, что арендная плата резко снизилась. Если в довоенное время на Северном Кавказе платили за аренду одной десятины от 8 до 13 руб. в год, то теперь арендная плата составляла лишь от 50 коп. до 3 руб. Одна красноармейская вдова жаловалась, что, имея надел в 10 десятин, она была вынуждена отдавать лошадному крестьянину почти всю землю, за что тот обязался сеять вдове одну десятину ее же семенами¹³³. В «потребляющих» губерниях РСФСР доля хозяйств, включающих арендованные земли, возросла с 5,5% в 1925 г. до 10,8% в 1926 г., а в «производящих» губерниях — с 11,2 до 18%¹³⁴. Эти цифры показывают, во-первых, повсеместный рост аренды земли и, во-вторых, преобладание этого процесса в более плодородных губерниях. Результатом роста аренды были повсеместное перераспределение земли и тенденция к повышению производительности хозяйства благодаря сосредоточению более крупных производственных единиц в руках наиболее предприимчивых и усердных хозяев.

Учитывая разнообразие форм аренды земли и неодобрительное официальное отношение к аренде, которая считалась если не незаконной, то, во всяком случае, нежелательной, трудно предположить, что официальная статистика в полной мере отражала происходящие изменения. Кроме того, имеющиеся статистические данные едва ли можно непосредственно сопоставлять с данными за предшествующий период. До 1921 г. число как безземельных крестьян, так и крестьян, владевших наделами свыше 4 десятин, уменьшалось; в 1920 г. наделы более чем 86% крестьянских хозяйств составляли до 4 десятин¹³⁵. При НЭПе, особенно после 1923 г., наблюдались в известной степени противоположные процессы: все больше становилось крестьян, терявших землю, и все больше — имевших в своем распоряжении свыше 4 десятин. В 1925 г. в «потребляющих» губерниях РСФСР 22% крестьянских хозяйств считались безземельными или имеющими меньше одной десятины, 67% — от 1 до 4 десятин, 11% — свыше 4 десятин. В «производящих» губерниях упомянутые три категории хозяйств составляли соответственно 13,5, 53 и 33,5%¹³⁶. На Украине относительное количество безземельных крестьян увеличилось с 3,2% в 1923 г. до 4,4% в 1924 г.; количество крестьян, имевших менее 2 десятин, сократилось с 37 до 33%¹³⁷. В европейских губерниях СССР доля крестьянских хозяйств с наделами от 6 до 10 десятин возросла с 5,6% в 1922 г. до 10,2% в 1925 г., а хозяйств свыше 10 десятин — с 1,2 до 3,3%¹³⁸. В Сибири в 1925 г. число безземельных крестьян и крестьян, имевших свыше 4 десятин, увели-

чивалось, а число хозяйств площадью менее 4 десятин сокращалось¹³⁹. В 1926 г. значительное число мелких хозяев были арендодателями, а владельцев крупных хозяйств — арендаторами земли. Наибольшее распространение сдача земли в аренду получила в центральных сельскохозяйственных районах РСФСР, на Урале, в Сибири, в Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе и на Украине¹⁴⁰.

Возможно, еще более важным фактором роста капиталистических отношений в деревне было предоставление за плату рабочего скота и сельскохозяйственных машин и орудий. Сокращение поголовья рабочего скота было немаловажным показателем состояния советского сельского хозяйства. Хотя поголовье крупного рогатого скота и овец в СССР к 1925 г. приблизилось к уровню 1916 г., рабочих лошадей в 1925 г. было лишь 20 млн. голов, тогда как в 1916 г. — 27 млн.¹⁴¹ Общая цифра, естественно, не отражает местных различий в обеспеченности рабочим скотом. В «потребляющих» губерниях центрального района и северо-западной части РСФСР лошадей было примерно столько же, сколько в 1916 г. На Украине, в Поволжье, на Северном Кавказе и в Средней Азии поголовье лошадей было гораздо меньше, чем среднее по стране, и именно здесь положение бедняков было особенно тяжелым¹⁴². Относительная доля безземельных крестьян после революции сократилась наполовину, но безлошадных крестьян стало лишь на немного меньше. По некоторым данным, в процентном выражении число безлошадных крестьян в РСФСР сократилось в 1917—1920 гг. с 29 до 27%, а число однолошадных — увеличилось с 49 до 63%¹⁴³. По более поздним данным, в РСФСР доля крестьян, «не имеющих рабочего скота», сократилась до 24% в 1922 г. и вновь возросла до 27% в 1924 г.¹⁴⁴ На Украине в 1924 г. 52% крестьян не имели лошадей и 32% имели только одну лошадь¹⁴⁵. Неожиданно небольшой оказывается доля безлошадных крестьян в 1925 г. в Белоруссии — лишь 19%¹⁴⁶. По другим данным, безлошадные крестьяне в РСФСР составляли от 44% в Олонецкой губернии до 29% в Костромской губернии; особенно мало безлошадных крестьян было в Брянской губернии и северо-западном регионе — 17 и 12% соответственно¹⁴⁷. В то время часто повторялось, что безлошадные крестьяне в 1924 г. составляли 40% всех крестьян в стране¹⁴⁸. Относительная доля крестьян, имевших больше одной лошади, почти повсеместно не превышала 10%; только в Сибири и на Украине свыше 20% крестьян имели больше одной головы рабочего скота¹⁴⁹. Количество имевшихся лошадей, возможно, было главнейшим показателем благосостояния или бедности крестьянина, так как крестьянин без лошади или другого тяглового животного не мог, как правило, сводить концы с концами только обработкой своего земельного надела без дополнительных заработков. Обладание скотом, кроме того, было важным фактором поддержания плодородия земли¹⁵⁰.

Общих данных о количестве сельскохозяйственных орудий в

собственности крестьян у автора нет, но можно предположить, что крестьяне, имевшие больше лошадей, были лучше обеспечены и инвентарем, а у безлошадных имелись лишь самые примитивные орудия¹⁵¹. Сравнительно крупные и мелкие хозяйства были по-разному обеспечены машинами и орудиями. В 1925 г. среди крестьян, обрабатывавших менее двух десятин, владельцев железных плугов было только 29%, один или несколько плугов наверняка имелись только в хозяйствах площадью 10 десятин и больше. Сеялка или жатка в инвентаре хозяйства, площадь которого составляла меньше 10 десятин, была скорее исключением, чем правилом¹⁵². Кроме Сибири, где более крупные хозяйства и нехватка рабочих рук создавали особые условия¹⁵³, простые крестьяне редко бывали знакомы с сельскохозяйственными машинами, и до замены лошади трактором было еще далеко¹⁵⁴.

В таких условиях вновь происходило расслоение крестьянства на три группы: крестьяне, имевшие больше скота и орудий для обработки своей земли, чем это было необходимо им самим, были готовы давать свое имущество на определенных условиях крестьянам, которые не имели в достаточном количестве тягловых животных и инвентаря, зависели, следовательно, от крестьян из первой группы и находились в положении немногим лучше, чем положение безземельных; наконец, крестьяне в третьей, промежуточной группе в благоприятные годы приближались по своему положению к первой (зажиточной) группе, но чаще опускались до уровня бедняков. Происходило классическое «капиталистическое» разъединение собственности на средства производства и собственности на рабочую силу, сопровождавшееся эксплуатацией владельцами средств производства крестьян, которые располагали только собственными рабочими руками. Кулак, владея средствами производства (а как средства производства скот и инвентарь имеют не меньшее значение, чем земля), мог диктовать условия крестьянской массе¹⁵⁵. Описание одного сельского района в Тверской губернии, где дифференциация крестьянства после революции если и происходила, то в незначительной степени, содержало существенную оговорку, что там наем живого или мертвого инвентаря был практически неизвестным явлением¹⁵⁶.

Третий фактор процесса дифференциации — наемный труд¹⁵⁷ — сопутствовал первым двум и был их непосредственным следствием. При возрастающей концентрации средств производства в руках зажиточного слоя крестьян становилось все больше бедняков, для которых единственным источником существования оставалась продажа собственной рабочей силы. Дать четкое определение батрачества¹⁵⁸ не менее трудно, чем охарактеризовать противоположный слой — кулачество, то есть трудно безоговорочно относить крестьян к тому или иному слою, поэтому оценки числа батраков представляются даже менее достоверными, чем оценки числа кулаков. Батраком называли любого крестьянина, работавшего на земле за плату деньгами или натурой. По инициативе Наркомтру-

да летом 1924 г. было проведено обследование положения 1600 тыс. крестьян, работавших по найму. Оказалось, что 117 тыс. крестьян были заняты в сельском хозяйстве, 190 тыс. — в строительстве, 145 тыс. были лесорубами и сплавщиками и 358 тыс. — неквалифицированными разнорабочими¹⁵⁹. Однако данное обследование коснулось почти исключительно мужчин, тогда как по другим источникам женщины составляли около 40% наемной рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве¹⁶⁰. В вышеупомянутое общее количество не входили и 100 тыс. совхозных работников, из которых 70 тыс. выполняли сельскохозяйственные работы¹⁶¹. В 1926 г., когда отсутствие статистических данных стало приобретать скандальный характер и, как заявил один делегат съезда Всеработземлеса¹⁶², считали все, что угодно, — коров, овец и свиней, только не батраков, было опубликовано сообщение, в котором указывалось, что в советской деревне насчитывалось 3500 тыс. наемных рабочих, в том числе 250 тыс. рабочих совхозов, 1600 тыс. батраков, 600 тыс. пастухов вместе с подпасками, 600 тыс. лесорубов и лесосплавщиков, 100 тыс. лесников, 150 тыс. рабочих в сельских предприятиях, сельскохозяйственных, кустарей сельскохозяйственной промышленности и 50 тыс. рабочих на различных промыслах (включая рыбные) и на элеваторах¹⁶³. Понятно, что эти данные были далеко не полными, поскольку факты найма на работу далеко не всегда регистрировались или же работу по найму умышленно маскировали¹⁶⁴. Больше того, не разграничивалась временная и постоянная работа по найму. По данным обследования, проведенного Наркомтрудом в 1924 г., батраки нанимались в среднем на шесть месяцев¹⁶⁵. Работа носила главным образом сезонный или сезонный характер: лишь в отдельных районах СССР по климатическим условиям было целесообразно держать батраков круглый год. Далеко не все батраки — возможно, не более 20% — считали работу по найму своим основным занятием. Некоторые прежде были самостоятельными хозяевами, многие сохраняли часть земельного надела, большинство мечтало вернуть или приобрести самостоятельность¹⁶⁶.

В 1922—1924 гг. положение батраков неуклонно ухудшалось. Условия найма постоянно ужесточались в связи с ростом числа желающих предложить свои услуги, который явился следствием естественного прироста населения, сокращения земельных ресурсов и поголовья скота и сокращения возможностей трудоустройства в промышленности из-за безработицы. При создавшемся положении, когда «свободных рабочих рук в деревне огромный избыток, а тягловой силы — крайний недостаток»¹⁶⁷, эксплуатация бедняков кулаками стала суровой реальностью, а вовсе не демагогическим измышлением. Чаще всего батрак жил совместно с работодателем и получал плату за свой труд натурой — кулак кормил батрака, давал ему жильё и иногда какую-нибудь одежду, мог добавить несколько пудов ржи. Если батрак имел свою землю, кулак в дополнение к описанной плате натурой иногда давал

батраку лошадь, чтобы тот мог вспахать и засеять свой участок. В Западной Сибири, где плотность населения была меньше и условия найма более благоприятны, батраки, по некоторым сообщениям, в дополнение к «харчам», жилью и одежде получали в месяц от 2 руб. 50 коп. до 12 руб. наличными¹⁶⁸. Однако, даже если эти сообщения соответствовали действительности, подобная оплата труда батраков скорее была исключением, чем правилом. Суммарная оплата труда в сельском хозяйстве редко превышала 12 руб. в месяц и едва ли когда-нибудь выплачивалась наличными; женщины получали вдвое меньше¹⁶⁹. Обычно на сельскохозяйственных работах продолжительность рабочего дня не ограничивалась. Работодатели в деревне предпочитали нанимать самых темных и забитых работников, которые, естественно, были самыми послушными и уступчивыми и соглашались на самые плохие условия. По некоторым данным, на Украине в 1924 г. 80% батраков были неграмотными; в целом по СССР из батраков, объединенных Всеработземлесом (которые, очевидно, были наименее отсталыми и темными), неграмотные составляли 38%, а малограмотные — 16%¹⁷⁰. По этой же причине предпочтение зачастую оказывалось подросткам в возрасте 14—16 лет¹⁷¹. Известен случай, когда наняли семилетнего ребенка за харчи и одежду¹⁷². В Архангельской губернии бедняки отдавали своих детей внаем крепким хозяевам для работы пастухами или подпасками, дети получали 3—5 руб. (очевидно, в дополнение к жилью и питанию) за работу в течение четырех месяцев¹⁷³. Корреспонденции пестрили сообщениями о противодействии кулаков участию «их» батраков в общественной жизни, союзах и т. д. «Тут и прямые угрозы увольнением, тут и различные запугивания и даже побой»¹⁷⁴.

О тяжелой доле батраков с понятным сочувствием говорится в одной из тогдашних журнальных статей: «Но в общем и целом подавляющая масса батрачества остается у нас сейчас вне защиты закона и организации. Законы ей неизвестны, организации создать не на что, помощь государства, которая должна явиться со стороны сель.-хоз. инспекции труда, отсутствует. Ибо нет фактически и этой инспекции. Батрак в большей части случаев всецело предоставлен на волю «стихийного регулирования рынком» его взаимоотношений с нанимателем»¹⁷⁵. Наемный труд был меньше распространен в европейских губерниях РСФСР, а в наибольшей степени преобладал на Украине, в Крыму, на Северном Кавказе и во всех азиатских регионах РСФСР¹⁷⁶.

Организовать наемных работников, когда такая попытка наконец была предпринята, оказалось неизмеримо трудно. Крестьянские комитеты взаимопомощи, о которых шли жаркие споры на XIII съезде РКП(б)¹⁷⁷, оказались не эффективными, как и предсказывали проводники кулацких интересов. По сообщению из Пензенской губернии, «большинство комитетов взаимопомощи до сего времени не в состоянии оказывать маломощному крестьянскому населению реальную помощь, которая давала бы возмож-

ность последнему перестать быть объектом эксплуатации имущих слоев деревни»¹⁷⁸. Всеработземлес существовал с 1920 г., но мало чем помогал даже совхозным рабочим и рабочим в лесной промышленности, которым он был призван содействовать в первую очередь. В апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) отметил, что «с растущим применением наемного труда в деревне» Всеработземлесу пора «выработать достаточно гибкие формы и методы учета, организации и охраны наемного труда в крестьянском хозяйстве»¹⁷⁹. Однако существенных изменений к лучшему так и не было, и годом позже XIII съезд РКП(б), на котором впервые была высказана серьезная озабоченность процессами классового расслоения и наступления капитализма в деревне, пришел к выводу, что сложная задача организации разобщенных и отсталых батраков требует «достаточно умелого и значительного кадра платных работников» и что для этой цели необходимо выделить соответствующие фонды¹⁸⁰. Всеработземлес получил «несколько сот тысяч рублей» и право взимать с нанимателей особый сбор¹⁸¹. Трудности работы среди батраков усугублялись упорным противодействием зажиточных хозяев, преобладавших в сельских Советах и их органах¹⁸². Вообще в профсоюзном движении Всеработземлес и его потуги рассматривались с нескрываемым презрением¹⁸³.

Попытки объединить все многочисленные и разрозненные данные и факты дают весьма сложную и противоречивую картину тогдашнего советского сельского хозяйства. Всякие обобщения выглядят рискованными и сомнительными, многие явления на поверку имеют несколько иной характер, чем казалось. Классические взаимоотношения землевладельца и арендатора зачастую превращаются в свою противоположность. Зажиточный крестьянин, имеющий землю и сдающий ее по частям в аренду беднякам за высокую плату, был менее распространенным явлением, чем бедняк, отдающий крупному крестьянину в аренду землю, которой все равно недостаточно для прокормления бедняка с семейством или которую он не может обработать из-за отсутствия необходимого рабочего скота и сельскохозяйственных орудий. Мало того, зажиточный крестьянин мог пользоваться землей бедняка и не прибегая к аренде. Вполне обычной была практика обработки крепким крестьянином бедняцкой земли за львиную долю урожая, так что зажиточный хозяин благодаря обладанию тяглом и инвентарем получал возможность извлекать доходы от земли, которой он не владел и которую не арендовал. Теоретически зажиточный крестьянин нанимался обрабатывать землю для бедняка — посредством такой фиктивной узаконенности он стремился избежать того, чтобы его считали кулаком. Впервые внимание к столь ненормальному положению дел привлекла резолюция XIII съезда РКП(б) (май 1924 г.): «Своеобразие происходящего в деревне расслоения заключается в том, что основным элементом его до настоящего времени является не столько земля, сколько торговля,

скот, инвентарь, превращающиеся в орудия накопления и средство эксплуатации, маломощных элементов...»¹⁸⁴

Известный экономист того времени резюмирует создавшееся положение следующим образом: «Основной до сих пор, по-видимому, растущей в своем значении формой капиталистического хозяйства в советской деревне является капиталистическое (по преимуществу мелкокапиталистическое) хозяйство, основанное на сдаче в наем раб. скота и с.-х. инвентаря, при котором скрытый капиталист выступает под видом рабочего, работающего в чужом хозяйстве собственным рабочим скотом и инвентарем, а скрытый пролетарий под видом хозяина без рабочего скота или без инвентаря (или с недостаточным живым и мертвым инвентарем), нанимающего владельца этих необходимых средств производства»¹⁸⁵.

В таких условиях практически всякая попытка сопоставления разных слоев крестьянства, сравнения прочности их экономического положения представляется почти наверняка обреченной на неудачу. Юридические формы не соответствовали экономической реальности. Статистические данные не просто недостаточно точны, они могут ввести в заблуждение. В одной из публикаций Госплана, вышедшей в свет в 1926 г., отмечалось, что «важнейший вопрос нашего хозяйственного будущего — характер происходящего расслоения в деревне и его темп — не мог быть освещен в нашей работе за неимением данных»¹⁸⁶.

Неудивительно поэтому, что традиционное деление крестьянства на кулаков, середняков и бедняков¹⁸⁷ вызывало бесконечные разногласия терминологического и статистического характера. Каменев однажды просто отказался пояснить, какого крестьянина, по его мнению, следует считать кулаком, а в другой раз заметил, что, хотя он «большой любитель диаграмм», у него никогда не было возможности достаточно четко представить себе картину «дифференциации», чтобы изобразить ее графически¹⁸⁸. В принципе кулаком считался крестьянин, который систематически пользовался наемным трудом, увеличивал площади сельскохозяйственных угодий в своем распоряжении (посредством аренды или другими путями), владел в достаточных количествах средствами производства (скот и инвентарь) и получал доходы от торговых или финансовых операций, не имевших прямого отношения к сельскохозяйственному производству¹⁸⁹. Кулак был по существу мелким сельским капиталистом. Однако само слово «кулак» резало слух, поэтому сторонники уступок кулаку предпочитали говорить о «зажиточных» или «богатых» крестьянах. Иногда утверждали, что богатые крестьяне были кулаками, а зажиточные ими не были. Никто не отрицал, что бедняки (да и середняки) ненавидели кулаков. Однако не было единства мнений насчет того, кого именно середняки и беднота считали кулаками. Высказывалось мнение, что «под словом „кулак“ трудовые земледельцы понимают деревенского „паука“: крестьянина-мародера, лавочника, человека, который держит у себя в хозяйстве наемных работников и выез-

жает на их шее, и всех тех, кто живет не своим трудом. Но такого крестьянина, который своим личным трудом обрабатывает землю и живет сравнительно хорошо, они не считали кулаком»¹⁹⁰. Не меньше разногласий вызывал вопрос, кого следует причислять к середнякам и кого к беднякам, причем разные мнения на этот счет отражали соответствующие различия в подходе к выбору курса по отношению к крестьянству. На сессии ЦИК РСФСР (октябрь 1924 г.) произошел характерный для того времени спор между Лариным и Калининым. Ларин утверждал, что 64% всех крестьян — бедняки, а Калинин доказывал, что середняки составляют 80% крестьянства¹⁹¹. По официальной оценке (в журнальной статье, опубликованной в 1925 г. еще до того, как разногласия по данному вопросу приобрели особенно острый характер), бедняцких хозяйств насчитывалось 10 млн., или 45%, середняцких — 11—12 млн., то есть 51%, а кулацких около 1 млн., то есть 4%. В той же статье, однако, отмечалось, что число кулацких хозяйств росло, достигая в некоторых местностях 10—12%¹⁹².

Процесс дифференциации был не только весьма сложным, он характеризовался существенными различиями в разных регионах СССР. В одной из вышедших в то время книг на материале всестороннего изучения положения в одном из районов Смоленской губернии описывается процесс расслоения середняков, которые составляли там три четверти сельского населения. Естественно, середняки гораздо чаще превращались в бедняков, чем поднимались до уровня кулачества: существенных запасов у середняка не было, и вследствие какого-либо стихийного бедствия или неурожая середняк часто оказывался в положении, вынуждающем его искать работу по найму. В связи с безработицей в промышленности лишь немногие крестьяне могли трудоустроиться в городе, поэтому все более остро вставала проблема перенаселенности в деревне, где беднота нещадно эксплуатировалась кулаками, платившими своим батракам произвольную заработную плату, к тому же главным образом натурой. В той же книге отмечалось, что влияние кулачества возрастает, и «пока отношение кулаков к советской власти удовлетворительное»¹⁹³. Наибольшей интенсивностью процесс расслоения отличался на Украине, где благодаря плодородным почвам условия для крупного хозяйства и товарного сельскохозяйственного производства издавна были особенно выгодными. До 1914 г. Украина была главным поставщиком зерна на экспорт из Российской Империи и центром сахарного производства. Столыпинская реформа обусловила появление на Украине наиболее крупных и эффективных единоличных крестьянских хозяйств, иными словами, самых крепких кулаков. С другой стороны, на Украине проблема перенаселенности в сельской местности стояла чрезвычайно остро, больше, чем в других регионах, было безземельных селян, живших впроголодь. Дифференциация крестьянства на Украине приняла наиболее выраженную форму. Не случайно именно на Украине комбеды (комнезаможы) сохра-

нялись и действовали в традициях классовой борьбы гораздо дольше, чем в других регионах СССР¹⁹⁴. Но и тут в 1925 г. беднота только оборонялась. На Северном Кавказе зажиточные крестьяне говорили членам государственной комиссии, что им следовало бы дать возможность «устраивать» бедняков и позволить каждому крепкому крестьянину, имеющему лошадей, брать бедняка-работника. Тогда крестьяне дадут много хлеба — «большие миллионы пудов, как и прежде давали, и бедняк возле лошадного будет кормиться». Другие крепкие крестьяне говорили, что «бедняки — лодыри, все ходят к вам за помощью, а работать они на земле не могут. Нечего вам на них и тратиться. Предоставьте лучше нам вести „культивированное” хозяйство»¹⁹⁵.

Весной и летом 1925 г. создалось положение, когда дольше медлить с принятием определенного решения было уже невозможно. Проблема, которую русские марксисты стремились решить, выступая за развитие крупномасштабного коллективного сельского хозяйства, была отнюдь не теоретической; это была именно та проблема, которая в свое время побудила Столыпина сделать «ставку на крепкого хозяина», — проблема эффективности производственных единиц в российском сельском хозяйстве. Теперь ее решение представлялось более настоятельным, но и более отдаленным и проблематичным, чем когда бы то ни было. В 1913 г. доля товарного зерна составляла 20%, доля всей товарной сельскохозяйственной продукции по отношению к общему объему сельскохозяйственного производства доходила до 22%, а в 1924—1925 гг. эти не столь уж значительные цифры сократились до 14 и 16% соответственно¹⁹⁶. Революционный передел земли после 1917 г. лишь усугубил трудности, с которыми сталкивалось российское сельское хозяйство после отмены крепостного права. Самостоятельный крестьянин, предоставленный самому себе с небольшим наделом (который и не мог быть большим при распределении земли на началах равенства), вынужден был перейти к земледелию только для прокормления своей семьи, прочие же свои нужды ему приходилось удовлетворять посредством натурального обмена с соседями или предлагать свой труд и труд членов своей семьи на поденных работах или в сельских кустарных промыслах.

Такой крестьянин был не в состоянии производить хлеб на продажу городу, тем более на экспорт, да и не помышлял об этом. Как показал опыт 1920—1921 гг., принудительное изъятие хлеба, особенно когда оно угрожало крестьянским семьям голодом, вызывало ожесточенное сопротивление крестьянских масс. Еще меньше мог думать крестьянин о выращивании ценных товарных технических культур, необходимых как сырье для промышленности, таких, как сахарная свекла, хлопчатник, лен, масличные культуры; эти культуры требовали более обширных площадей и орудий, которых у крестьян не было. Малоземельные крестьяне не имели ни скота, ни навоза, ни машин, необходимых для интенсивного земледелия, а ведь только интенсивное земледелие позволяет произ-

водить товарную сельскохозяйственную продукцию и наращивать производство продуктов мясного и молочного животноводства. Чтобы советское сельское хозяйство было в состоянии кормить города, обеспечивать фабрики и заводы сырьем, давать сельскохозяйственные продукты на экспорт и накапливать резервы капитала для развития промышленности, настоятельно нужна была иная форма организации сельского хозяйства. Теоретически возможными были два решения: социалистическое, то есть крупномасштабное, коллективное сельское хозяйство, которое ни один из тогдашних советских лидеров всерьез не считал практически осуществимым¹⁹⁷, и капиталистическое, то есть снятие ограничений на свободную игру экономических сил и допущение конкуренции в сельскохозяйственном производстве. При втором подходе к решению проблемы логично было бы поощрять предприимчивых и успешно хозяйствующих крестьян, увеличивающих площади обрабатываемых земель, приобретающих новые орудия, применяющих наемный труд и выращивающих ценные товарные культуры. Логичным было бы и разрешение маломощным крестьянам отдавать землю в аренду или вообще от нее отказываться и становиться наемными работниками в сельском хозяйстве или в промышленности. Если отбросить камуфляж и прикрасы — это политика поддержки кулака и содействия росту кулацких хозяйств за счет эксплуатации маломощных крестьян. В условиях экономического роста обогащение кулаков возможно было и без обнищания батраков. В 1925 г. едва ли можно было представить себе сколько-нибудь перспективным иной курс по отношению к советскому сельскому хозяйству.

в) Ставка на кулака

На XIII съезде РКП(б) в мае 1924 г. Калинин был единственным оратором, который предложил, хотя и в завуалированной форме, пойти на некоторые уступки кулачеству¹⁹⁸. Хотя Калинин, очевидно, чувствовал значительную незримую поддержку единомышленников, общепринятая точка зрения была противоположной; в частности, в партийном органе «Большевик» «кулакофильские тенденции» язвительно назывались «столыпинско-советской политикой»¹⁹⁹. Кулак по-прежнему подвергался нападкам в печати. Вышедший 2 июля 1924 г. первый выпуск «Нашей деревни» — приложение к «Ленинградской правде» для крестьян — содержал несколько сообщений о злоупотреблениях кулаков и карикатуру, изображавшую кулака в традиционном для советской политической карикатуры обличье толстого капиталиста, окруженного худыми, истощенными бедняками²⁰⁰. Однако в связи с недородом тон официальной пропаганды стал несколько более сдержанным, а в августе 1924 г., как раз когда Преображенский выступал с крайне левых позиций, правое крыло партии предпри-

няло искусную попытку успокоить ревностных сторонников партийной доктрины крупномасштабного коллективного сельского хозяйства как неперемennого условия социализма. Варга, экономист из Коминтерна, в своей книге «Очерки по аграрному вопросу» напомнил об известных разногласиях по аграрному вопросу в Социал-демократической партии Германии в начале века (отрывки из книги Варги были напечатаны в «Правде»). Многие социал-демократы утверждали, что пути развития сельского хозяйства и промышленности необязательно должны совпадать и что единоличное крестьянское хозяйство может быть эффективным и совместимым со строительством социализма. Каутский в то время защищал точку зрения «ортодоксальных» марксистов о необходимости крупного коллективного сельского хозяйства и обвинял сторонников противоположных взглядов в ревизионизме. Варга без колебаний воспользовался удобным случаем — связать доводы за коллективное хозяйство с именем Каутского, ставшего впоследствии ренегатом, и тем самым дискредитировать их, противопоставив им аргументы прежних противников Каутского как доводы в пользу нового положения, а именно что в условиях преобладавшего капитализма, подобных условиям НЭПа, единоличное крестьянское хозяйство характеризуется большей эффективностью, чем крупное обобщественное хозяйство. Что касается последнего, речь о нем может идти на позднейших этапах строительства социализма. Реакция была чрезвычайно резкой, ортодоксальные марксисты изобличали «ревизионистский» характер взглядов Варги²⁰¹. В январе 1925 г. под эгидой Коммунистической академии начал выходить новый ежемесячный журнал «На аграрном фронте», который стал главным образом органом партийных интеллектуалов, которые критически рассматривали тогдашние «буржуазные» тенденции в аграрной политике. Дискуссия продолжалась, и, хотя Варга не получил официальной поддержки, он все же в известной степени поколебал господствующий постулат о превосходстве крупного коллективного хозяйства.

Партийные лидеры избегали вмешиваться в подобные дискуссии, но многие практические вопросы требовали безотлагательного решения. В частности, почвой для столкновения партийных группировок послужило убийство селькора в Дымовке. Это происшествие широко использовалось как повод для дискредитации группировки, выступавшей за политику терпимости и содействия зажиточным крестьянам. Теперь эта группировка, становившаяся все более многочисленной и влиятельной, попыталась нанести ответный удар, обвинив Сосновского, который руководил расследованием происшествия в Дымовке, в очернении всего советского аппарата в деревне. Его персональное дело обсуждалось в Оргбюро ЦК в конце января 1925 г., причем Сталин выступил в защиту Сосновского: «Нужно сказать, что нынешний курс нашей политики есть новый курс, отмечающий новую линию нашей политики в отношении деревни в деле строительства социализма. Этого то-

варищи не хотят понять. Если этого основного не поймут, — никакая у нас работа не пойдет, никакого социалистического строительства у нас не будет... надо сказать товарищам, что не надо бояться вытаскивать кусочки жизни на свет божий...»

Селькоров и рабкоров, продолжал Сталин, следует расценивать как «один из основных рычагов в деле выявления наших недочетов и исправления нашей партийной и советской строительной работы на местах»²⁰². Дымовское дело стало настолько значительным событием, что ЦК и ЦКК приняли постановление, в котором оно было названо происшествием, вскрывающим опасность «отклонения от правильной линии советских и даже партийных организаций в условиях роста капитала». Попандопуло и Постолати, отмечалось в постановлении, действовали «под прямым влиянием кулачества». Партийные организации порицались за то, что они «не оценили политического смысла убийства селькора Малиновского»; постановление высоко оценивало роль Сосновского в разоблачении безобразий, творившихся в деревне. Номер «Правды», в котором было напечатано постановление, подвел итог в передовой статье «Об уроках Дымовки»: то, что случилось в Дымовке, было «типическим явлением», показывающим опасность роста капитализма в деревне, «где кулацкому капиталу противостоит наиболее слабый фланг советского фронта»²⁰³. О подобных случаях шла речь и на XIII губернской конференции Московской организации РКП (б). Секретарь МК Угланов, в то время сторонник Сталина, говорил об убийстве некоего председателя сельсовета, который пытался протестовать против недоплаты сельхозналога, об угрозах убить секретаря деревенской ячейки комсомола и о бурных митингах на местах, когда кулаки пытались контролировать Советы, организуя против них часть крестьян²⁰⁴.

Сталин не замедлил выступить на конференции с речью, в которой подчеркивал значение крестьянского вопроса, предостерегал от крайностей, однако выразил весьма скептическое отношение к политике, ориентированной на кулака. Назвав «пустяками» и «увлечением» склонность некоторых товарищей «понимать лозунг „лицом к деревне“ как лозунг, говорящий о том, что надо повернуться спиной к городу», Сталин заявил, что крестьянство оставалось единственным и, следовательно, совершенно необходимым союзником, который «может оказать прямую помощь теперь же», но отметил, что всецело полагаться на крестьянство не следует: «Союзник этот, вы сами знаете, не очень крепкий, крестьянство не такой надежный союзник, как пролетариат капиталистически развитых стран»²⁰⁵.

Столь нехарактерная для Сталина двойственная позиция свидетельствует, что он явно стремился как можно дольше не втягиваться в разгоравшуюся полемику. Если бы кто-нибудь в январе 1925 г. оказался настолько проницательным, чтобы предвидеть неизбежный разрыв между Сталиным и Зиновьевым, он почти

наверняка увидел бы в Зиновьеве будущего сторонника прокрестьянской политики, а в Сталине — ее противника.

Наметившаяся тенденция вскоре стала весьма явной. Один из крестьянских делегатов на Совещании по вопросам советского строительства в Москве в январе 1925 г. привел довод, часто повторявшийся в последующие месяцы в той или иной форме: «Вы призываете нас улучшать хозяйство, механизировать его. Хозяйство и доходы наши будут расти, у нас будет больше лошадей, коров и машин, и тогда что вы будете делать? Представитель исполкома отвечает: „Мы вас раскулачим“».

Рыков дал обнадеживающий ответ, что, если крестьянин сможет, улучшив обработку земли или перейдя на другие культуры, собрать 40 пудов с земли, которая прежде давала 2 пуда, такой крестьянин заслуживает награды, а не осуждения: «Тот, кто хорошо ухаживает за землей, тот не кулак, он — советский трудящийся»²⁰⁶.

Позиции тех, кто в первые месяцы 1925 г. выступал за дальнейшие уступки крестьянству — на практике это означало дальнейшие уступки зажиточным крестьянам или кулакам, — подкреплялись многими факторами, в том числе чисто психологического характера. Весной 1924 г. урожая ждали с оптимизмом только потому, что помнили богатые урожаи, собранные в 1922 и 1923 гг. Разочарование в 1924 г. вызвало столь же мало обоснованный пессимизм относительно видов на урожай в 1925 г. К тому же можно было опасаться, что исключительно мягкая и малоснежная зима 1924/25 г. неблагоприятно отразится на посевах. Зажиточные крестьяне продолжали придерживать зерно, оставшееся от урожая 1924 г., пытаясь воспрепятствовать попыткам государства добиться снижения цен на зерно. При сложившейся обстановке у крестьян не было стимулов увеличивать посевные площади в 1925 г., они могли даже пойти на сокращение посевов, а это грозило обернуться катастрофой в случае неурожая. Партийным руководителям, видимо, начали мерещиться крестьянский бойкот и возвращение к тем временам, когда города и промышленность должны были нести все бремя тяжелого положения в экономике. Создавалось впечатление, что судьба страны зависит от доброй воли зажиточных крестьян, ибо только они могли вырастить и дать государству столь необходимый хлеб. Значит, во что бы то ни стало их нужно было обласкать и умиротворить.

Теперь не хватало только лидера, способного возглавить движение, и такой лидер в значительной мере в силу стечения обстоятельств нашелся в лице Бухарина. В полемике с Преображенским²⁰⁷ он был озабочен главным образом политической стороной вопроса и стремился выставить своего оппонента в неблагоприятном свете, обращая внимание на его пренебрежительное и даже враждебное отношение к крестьянам и их интересам. Попутно Бухарин, возражая Преображенскому, указывал, что социалистическое накопление следует проводить вовсе не теми методами,

которые предлагал Преображенский. По мнению Бухарина, пролетарское государство должно было получать от крестьянства все необходимое «на основе *растущей рационализации и растущей доходности* крестьянского хозяйства», причем главным средством обеспечения рационализации Бухарин считал сельскохозяйственную кооперацию²⁰⁸.

Альтернативы не было. При отказе от политики накопления методами принуждения ничего другого не оставалось, как рассчитывать на рост процветающего крестьянства, которое могло бы обеспечить и выгодный рынок сбыта промышленных товаров, и капитал, из своих сбережений, необходимый для развития промышленности. На успех подобной политики, в любом случае проблематичный, можно было надеяться только при условии упрочения положения зажиточной верхушки крестьянства, ибо только она могла обеспечить в будущем необходимое накопление капитала. В начале 1925 г. как тактические соображения борьбы против троцкистской оппозиции, так и материальное положение в деревне требовали не просто уступок крестьянству в целом, а политики, направленной конкретно на содействие дальнейшему расслоению крестьянства при терпимом отношении к кулаку. В статье, опубликованной в феврале 1925 г. в журнале «Большевик», Бухарин восхвалял крестьянство как движущую силу революции и отвергал «буржуазную» теорию консерватизма, якобы изначально присущего крестьянству. Бухарин отмечал, что крестьянство составляет половину населения континентальной Европы, и, по его мнению, приближающийся сельскохозяйственный кризис заставит и капиталистические государства повернуться «лицом к деревне», а крестьянство «может стать — и станет — под руководством пролетариата великой освободительной силой нашего времени»²⁰⁹. В «Большевике» была напечатана «дискуссионная» статья Крицмана «Союз пролетариата и большинства крестьянства в СССР после победы революции», но уже в одном из следующих номеров журнала появились две статьи, опровергавшие ее основные положения²¹⁰: рассуждения о расслоении крестьянства теряли свое значение как острие нападок на кулака, становились нежелательными.

Весной 1925 г. настроения в пользу зажиточного крестьянства продолжали усиливаться. В марте 1925 г. в одном из постановлений ЦИК указывалось, что «основой дальнейшего развития промышленности и транспорта может служить только развитие и расширение крестьянского рынка» и реализация их интересов зависит от «развития сельского хозяйства и его товарности»²¹¹; «крестьянский рынок» означал главным образом зажиточное крестьянство. Рыков ответил одному коммунисту, утверждавшему, что крестьянин, имеющий двух лошадей и двух коров, есть кулак, что, как он надеется, через два года таким кулаком будет каждый крестьянин²¹². В одной из статей по вопросу о классовом расслоении утверждалось, что «кулачество как специфическая категория соб-

ственников-эксплуататоров... не может в наших условиях расцвести махровым цветом»²¹³. Камнем преткновения становилось не столько обладание крепким хозяйством, сколько само слово «кулак». В опубликованной в «Правде» статье «Еще раз о крепком трудовом крестьянстве» А. П. Смирнов требовал прекратить давать «позорную кличку» «каждому крепкому трудовому хозяйству». По словам Каменева, «мы были бы безумцами, если бы такого крестьянина, который пользуется условиями, созданными советской властью для повышения его благосостояния и уровня хозяйства, стали считать кулаком. Мы подрубили бы тот сук, на котором мы сидим»²¹⁴. Однако в защиту взглядов оппозиции выступил Ларин. Он с осуждением писал в «Правде» о «своего рода „признании де-юре“ зажиточного домохозяина как законной разновидности советской деревни» и о том, что находятся такие коммунисты, которые не считают крестьянина кулаком, даже если тот нанимает десять сезонных работников. В ответе, опубликованном в партийной газете для крестьян «Беднота», Ларина обвинили в клевете на середняков и лицемерном угодничестве перед бедным крестьянством²¹⁵.

Любопытным и знаменательным свидетельством настроений, преобладавших весной 1925 г., может служить продолжительная беседа Сталина с делегатами Всесоюзного съезда селькоров 14 марта, на которой было затронуто много вопросов. Говорили о кулацкой эксплуатации, о случаях несправедливого обложения сельскохозяйственным налогом: «скидками с сель.-хоз. налога пользуются зажиточные, а с бедняков берут все последнее». Но беседа касалась и примеров другого рода. Делегатка из Башкирии рассказала, что там всякого крестьянина, имеющего трех лошадей и трех коров, считали кулаком, даже если он не нанимает батраков, и Сталин согласился: «Случается, как в деревне крестьянин сделает новую крышу, так говорят: он кулак». На встрече, судя по сообщению «Бедноты», затрагивался и такой щекотливый вопрос, как землепользование, причем речь шла о кардинальном изменении существующего порядка. Делегат из Тульской губернии сетовал, что без уверенности в продолжительном сроке пользования крестьянин не заинтересован в улучшении земли, и предлагал выделять хотя бы небольшие наделы независимо от величины семьи и хозяйства крестьянина, чтобы «были непоколебимые границы, чтобы было устойчивое землепользование». Сталин согласился, что без уверенности в продолжительном землепользовании крестьянин не станет удобрять землю, и спросил, насколько лет следовало бы давать землю крестьянам. Когда крестьянин ответил «Лет на 20», Сталин якобы спросил: «А если больше, лет на 40 или совсем навсегда?» Изумленный столь неожиданной и смелой постановкой вопроса крестьянин ответил: «Можно и дольше, можно, пожалуй, навсегда, но надо об этом хорошенько подумать не в одну голову». Сталин закончил беседу, отметив, что речь идет отнюдь не о собственности на землю, поскольку землю

нельзя будет продавать и покупать, но «пользоваться ею можно будет надежно»²¹⁶.

Беседа ни к чему не обязывала ее участников, но она показывает ту атмосферу свободы весной 1925 г., в которой стало возможным обсуждение столь далеко идущих планов. В сущности, стремление крестьян получить возможность свободно арендовать землю и обрабатывать ее с использованием наемного труда было выражением желания предприимчивого и крепкого крестьянства быть уверенным в гарантии продолжительного землепользования. «Основной закон» (май 1922 г.) и Земельный кодекс того же года²¹⁷ лишь возбудили у крестьян такое желание, но отнюдь не удовлетворили его. Признавалось право крестьянина выйти из общины на хутор или отруб, но община в принципе по-прежнему распоряжалась выделенной хуторянину или отрубнику землей: сход общины в любое время мог проголосовать за передел. Поскольку купля-продажа земли вообще не могла совершаться, а аренда земли и наем работников разрешались лишь при определенных условиях и на ограниченное время, нужен был какой-то особый орган, чтобы следить за изменениями состава крестьянских семей и изменениями их возможностей обрабатывать землю и соответственно пересматривать распределение земли. Теперь зажиточные крестьяне желали не просто иметь временное право брать землю в аренду и пользоваться наемным трудом, им нужна была гарантия землепользования, которая по сути была бы равноценна восстановлению частной собственности на землю (за исключением, возможно, права купли-продажи земли)²¹⁸. Подобный шаг, однако, явился бы прямым противоречием букве закона и принципам, которые партия считала непреложными. Земельный кодекс (ст. 2) объявлял землю «собственностью рабоче-крестьянского государства», а Ленин в одной из последних статей особо подчеркивал значение собственности государства на землю и другие средства производства как гарантии против реставрации капитализма²¹⁹. От всего этого никак нельзя было просто отмахнуться. Пока приходилось ограничить аппетиты крестьян-собственников разрешением аренды земли и найма рабочей силы.

Итак, обеспечение страны сельскохозяйственной продукцией требовало доброй воли крепкого крестьянства, ибо только зажиточные крестьяне могли дать хлеб, а для обеспечения этой доброй воли необходимо было без промедления удовлетворить в той или иной форме все более настойчивые требования крестьян по трем ключевым вопросам аграрной политики, а именно: облегчение сельскохозяйственного налога, безоговорочное признание права использования наемного труда и отмена соответствующих условий и ограничений, предусмотренных Земельным кодексом, и, наконец, неограниченное право аренды земли. Эти три требования характеризовались одной общей чертой: будучи принятыми, они дали бы новый толчок расслоению крестьянства, способствовали бы

дальнейшему обогащению зажиточных крестьян за счет бедноты, так как беднякам все чаще приходилось бы отказываться от своей земли и наниматься в батраки к крепкому соседу. При сложившейся ситуации у партийных лидеров, одержавших к тому времени победу над Троцким, не было выбора — единственным курсом, который позволял надеяться на рост сельскохозяйственного производства, оставалась политика уступок кулаку.

Прежде всего весной 1925 г. остро встала проблема сельскохозяйственного налога. Поскольку этот налог был одним из основных источников финансовых поступлений СССР и единственным прямым налогом, который платили крестьяне, решение о сумме и способах обложения на следующий бюджетный год явилось бы не только важным актом аграрной политики, но и необходимой предпосылкой построения государственного бюджета. Продовольственный налог, сменивший в 1921 г. продразверстку времен «военного коммунизма», превратился в 1923 г. в «единый сельскохозяйственный налог», исчислявшийся в денежном выражении и взимающийся по нижеследующему порядку²²⁰. По завершении уборки урожая Наркомфин устанавливал общую сумму налога за год и направлял губерниям цифры обложения соответственно оценкам урожая в каждой губернии. Губернские власти делили сумму обложения по округам по тому же принципу; в свою очередь окружные власти рассылали суммы обложения по районам. Районные власти делили сумму налога, которую они были обязаны собрать и передать финансовым органам, между крестьянскими хозяйствами не пропорционально стоимости собранного урожая (достоверно установить стоимость собранного урожая в каждом хозяйстве было практически невозможно), а пропорционально площадям обрабатываемых земель. Для исчисления налога крестьянский скот «пересчитывался» в единицы площади пашни согласно установленным законом коэффициентам. Налог был прогрессивным, хозяйства делились на категории по земельным площадям, однако деление хозяйств на категории не было достаточно четким и в немалой степени зависело от произвола местных властей. В 1923/24 бюджетном году налог взимался частью деньгами, частью натурой — по выбору крестьянина. В следующем году налог стал исключительно денежным. Однако основа обложения и сбора с некоторыми незначительными изменениями, выразившимися главным образом в освобождении посевов некоторых культур от налогообложения, осталась прежней. Система налогообложения принимала в расчет различия местных условий в разных регионах СССР. Так, в регионах менее интенсивного земледелия (Северный Кавказ, Сибирь) за основу налогообложения принималась десятина посева (а не пашни, как в других регионах). В регионах развитого животноводства (там, где животноводство преобладало) вместо десятины сельскохозяйственных угодий за единицу принималась голова крупного рогатого скота, к которой приравнивались одна лошадь или верблюд, два осла, один мул, три овцы

или три козы (которые в этих регионах учитывались при обложении налогом) ²²¹.

Подобная система налогообложения вызывала немало возражений. Чаще всего отмечались такие ее недостатки, как неравномерные налоги на индивидуальные хозяйства по разным районам, поскольку оценки, на основании которых исчислялись суммы налогов на губернии, округа и районы, были весьма приблизительными; отсутствие заинтересованности развивать хозяйство у крестьянина, который облагался налогом с единицы обрабатываемой земли и головы скота; невозможность знать заранее, сколько придется заплатить, так как крестьянин узнавал сумму обложения только тогда, когда нужно было платить. Самую резкую критику вызывал, однако, тот факт, что подобная система, несмотря на предполагаемую прогрессивность обложения, давала определенные преимущества зажиточным крестьянам перед беднотой ²²². Налогом теперь облагались только обрабатываемая земля, крупный рогатый скот и лошади; домашняя птица не облагалась налогом нигде и ни при каких обстоятельствах; овцы и козы облагались только в тех регионах, где они составляли основной элемент хозяйства, а свиньи и телята не учитывались при исчислении налога начиная с 1923—1924 гг. Не облагались налогом и посевы технических культур, которые выращивались главным образом зажиточными крестьянами на продажу. Налогом не облагались доходы от сельской торговли и сельских промыслов, а они составляли, по подсчетам в разных регионах, от 20 до 45% всех крестьянских доходов. Ни для кого не было секретом, что выгоды от вышеуказанных необлагаемых налогом источников доходов получали преимущественно зажиточные крестьяне в экономически развитых районах ²²³. По общепринятому мнению, хотя какие-либо точные сопоставления были невозможны, крестьянин платил меньше налогов, чем до революции, и ему приходилось нести менее тяжкое налоговое бремя, чем промышленному рабочему ²²⁴.

После введения подоходного налога с дифференцированной ставкой в городе осенью 1922 г. ²²⁵ неоднократно выдвигались и обсуждались предложения сделать и сельскохозяйственный налог подоходным. В апреле 1923 г. XII съезд партии провозгласил в самых общих выражениях, что «наше законодательство (в первую очередь налоговое) должно учитывать классовые деления в деревне, соответственно возлагая главные экономические тяготы на наиболее зажиточные хозяйства» ²²⁶. В следующем году даже консервативный Рыков заговорил так, что его слова можно было трактовать как довод в пользу прогрессивного налога: «Если крестьянин, у которого крупного скота голов 10 или 12, продаст 2 головы, его хозяйство будет немного слабее, но оно сохранится. Если же однолошадный продаст лошадь, то его хозяйство разорится» ²²⁷.

Второй Всесоюзный съезд Советов решил, что «налог должен быть прогрессивным, с максимальным приближением его к подо-

ходному и с освобождением от него бедноты», а также что «налог должен быть построен как налог на совокупность доходов крестьянского хозяйства, а не только с земледелия»²²⁸. Однако это было легче сказать, чем сделать. Осенью 1924 г. Наркомфин выдвинул конкретное предложение о переводе сельскохозяйственного налога на подоходную основу, и Сокольников поставил этот вопрос перед ВЦИК²²⁹. Предложение, по всей видимости, поддерживали Рабкрин и ЦКК²³⁰, но даже столь мощная поддержка не дала результатов. Помимо вполне обоснованного возражения насчет невозможности точного исчисления крестьянских доходов в денежном выражении, предложение встречало упорное противодействие зажиточных крестьян²³¹. Другим предложением такого рода — довольно любопытным примером возврата к капиталистическому мышлению — было предложение увязать налогообложение с оценочной годовой стоимостью аренды земли²³². Однако для осуществления такого проекта требовалось много техники и оборудования для земельной съемки, обследования и определения стоимости земли, которых в наличии не было.

Итак, в марте 1925 г. в атмосфере необычной терпимости по отношению к кулаку вопрос о сельскохозяйственном налоге обсуждался на сессии ЦИК. Некоторые ораторы говорили о том, что зажиточным крестьянам удастся уклоняться от тягот налога, что кулаки не платят налогов на доходы от торговли и промыслов, что льготы и освобождение от налогов чаще получает кулак, который умеет обойти начальство, чем бедный крестьянин²³³. Тем не менее отдельные высказывания такого рода не могли возбудить над общим мнением. Вопрос был поставлен перед комиссией членов ЦИК из крестьян, которые, как и следовало ожидать, выступили против каких бы то ни было изменений принципа налогообложения²³⁴. В принятой резолюции рекомендовалось снизить сумму обложения с 470 млн. рублей в 1924—1925 гг. (из которых фактически поступило 400 млн. рублей) до 300 млн. рублей в следующем году. Более того, 100 млн. рублей, нужных для бюджета органов на местах и собиравшихся в прежние годы дополнительно к основному налогу, должны были в 1925—1926 гг. поступить из общей суммы. Даже и этим дело не ограничилось. Резкие возражения были выдвинуты против ставок налогообложения скота. Осенью 1924 г. крестьяне резали много крупного рогатого скота — этот факт объясняли высокими ставками и боязнью введения подоходного налога, который ляжет на крестьян еще более тяжким бременем²³⁵. Решено было снизить ставки на треть, то есть лошадь по новым ставкам должна была соответствовать половине десятины обрабатываемой земли, а не $\frac{3}{4}$ десятины. Несомненно, это была уступка зажиточным крестьянам — ведь только они владели сельскохозяйственными животными²³⁶. Резолюция не предусматривала никаких мер, направленных на повышение степени прогрессивности налога; поправка о целесообразности перехода на подоходный налог в 1926—1927 гг. была отклонена²³⁷.

По всей видимости, некоторые партийные круги отнеслись к решению неодобрительно. Сталин, вновь придерживаясь осмотрительного и умеренного курса, на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 6 апреля 1925 г. говорил о необходимости такого распределения налогов, «чтобы бедняк не был обижен, а кулак не был освобожден от налоговых тягот»²³⁸.

Приближалась XIV. партконференция, назначенная на конец апреля 1925 г., и вопрос о сельскохозяйственном налоге оставался единственной из трех ключевых проблем аграрной политики, по которой удалось в какой-то степени продвинуться вперед, и единственным вопросом, официально включенным в повестку дня конференции решением январского (1925 г.) Пленума ЦК РКП(б)²³⁹. Другие два вопроса — использование наемного труда и аренда земли — изучались назначенной Политбюро комиссией во главе с Молотовым²⁴⁰. В то время серьезных разногласий среди лидеров партии относительно курса, которого следует держаться, по всей видимости, не было. В первой половине апреля 1925 г. Каменев выступил на съезде Советов Московской губернии. В своей речи он, в частности, заявил с достаточной откровенностью и категоричностью: «...Нам надо будет пересмотреть и наше законодательство о землепользовании, о найме и об аренде, потому что у нас много еще таких юридических норм, которые на самом деле задерживают развитие производительных сил в деревне, запутывая классовые отношения, вместо того чтобы вводить их в правильное русло... мы за развитие производительных сил, мы против тех пережитков, которые мешают развитию производительных сил... Мы за крестьянское накопление, Советская власть должна стоять на этой точке зрения, но мы за то, чтобы это накопление регулировать»²⁴¹.

В речи на пленуме ИККИ в начале апреля 1925 г. Бухарин привел довольно софистический довод: «...Деревенская беднота, не находя применения своей рабочей силе, порой оказывается против нас, на том основании, что мы запрещаем наемный труд в сельском хозяйстве»²⁴². На состоявшемся несколько дней спустя XV съезде Советов Ленинградской губернии Рыков заявил, что «ни в коем случае нельзя задерживать рост хозяйства, рост производительных сил, даже если крепкие хозяйства будут прибегать к найму рабочей силы, а в некоторых случаях и к аренде земель»²⁴³. Будучи в основном единого мнения относительно целесообразности уступок зажиточному крестьянству, партийные лидеры отдавали себе отчет в том, что подобная политика не найдет одобрения массы рядовых членов партии и что многие делегаты приближавшейся партконференции, скорее всего, выступят против такого курса. За десять дней до начала конференции, 16 апреля 1925 г., состоялось заседание Политбюро, на котором обсуждались вопросы желательной тактики²⁴⁴.

Из трех ключевых проблем аграрной политики проблема сельскохозяйственного налога стояла наименее остро — основная ра-

бота здесь была уже проделана месяцем раньше, на сессии ЦИК. Вопрос был включен в повестку дня партконференции, оставалось только не допустить новых выступлений за превращение сельскохозяйственного налога в подоходный. Политбюро рекомендовало ЦК вновь рассмотреть предложения о переводе сельскохозяйственного налога на исчисление по принципу подоходности или с учетом арендной стоимости земли и представить результаты этого рассмотрения для обсуждения на очередном съезде партии. Такое решение гарантировало против нажима антикулацкой группировки, выступавшей за скорейший переход к подоходному налогу, и против неожиданностей при обсуждении налоговых проблем на конференции.

Вопрос об использовании наемного труда требовал более осторожного подхода. Политбюро, однако, побудило Совнарком сделать решительный шаг в канун партконференции. Через два дня после заседания Политбюро, 18 апреля 1925 г., Совнарком принял постановление о наемном труде, названное «Временными правилами» (предвидя возможные протесты, Совнарком подчеркивал, что постановление отнюдь не увековечивает разрешение использовать наемный труд). В постановлении указывалось, что «условия найма определяются добровольным соглашением, подписываемым нанимателем и нанимающимся или профессиональным союзом от имени батрака или батрачки». Продолжительность рабочего дня свыше восьми часов допускалась лишь «по соглашению сторон, в зависимости от характера работ в отдельные сельскохозяйственные периоды»; один день в неделю должен был предоставляться для отдыха. Что касается детского труда, к работе по найму допускались «подростки не моложе 14 лет, для выполнения особо легких работ могут допускаться подростки не моложе 12 лет». Правила оговаривали выплату вознаграждения следующим образом: «Вознаграждение — государственный минимум заработной платы, установленный для данной местности, наниматель не имеет права принуждать батрака или батрачку получать плату натурой». Правила предусматривали обязательное социальное страхование при найме нескольких батраков: «Крестьянские хозяйства, пользующиеся одновременно наемным трудом не менее трех батраков в течение целого года, обязаны страховать последних в порядке социального страхования по особым правилам»²⁴⁵. Конечно, при тогдашних условиях работы в сельском хозяйстве, низком уровне грамотности, безынициативности большинства батраков и слабости Всеработземлеса эти правила едва ли могли иметь большое практическое значение. Однако постановление, видимо, преследовало двоякую цель. Во-первых, формально установив требования в отношении охраны наемного труда, постановление узаконивало практику, прежде считавшуюся своего рода исключением из правила; во-вторых, оно служило как бы ответом тем, кто критиковал партийное руководство за безразличие к судьбе батраков. П. Стучка назвал «Временные правила» «первым поло-

винчатым шагом к расширению трудового кодекса на крестьянский труд»²⁴⁶. Полный текст «Временных правил» сразу же был напечатан в центральных газетах. «Экономическая жизнь» приветствовала их как вносящие «ясность в классовые отношения в деревне» и недвусмысленно утверждала, что рост благосостояния не должен впредь считаться предосудительным с экономической и социальной точек зрения²⁴⁷. Партийная газета для крестьян «Беднота» выступила в слегка извиняющемся тоне, утверждая, что «увеличение числа крепких и зажиточных крестьянских хозяйств, применяющих наемный труд, — неизбежное явление, если всерьез говорить о новой экономической политике не только в городе, но и в деревне»²⁴⁸.

Самым щекотливым был вопрос о праве арендовать землю, и Политбюро было труднее всего оправдать свою позицию именно по этому вопросу. Новая редакция статьи 28 Земельного кодекса, принятая Президиумом ЦИК и СНК РСФСР 21 апреля 1925 г., предоставляла «право сдачи всей или части земли в аренду за плату, денежную или натуральную», «трудовым хозяйствам, временно ослабленным вследствие стихийного бедствия (неурожая, пожара, падежа скота и т. п.) или недостатка инвентаря или рабочей силы»²⁴⁹. Подобно тому как «Временные правила» узаконивали «временное» использование наемного труда, разрешение сдавать и брать землю в аренду оправдывалось необходимостью, обусловленной временными, преходящими обстоятельствами. Однако если текст «Временных правил» был опубликован в центральной печати еще до открытия партконференции, новая редакция статьи 28 Земельного кодекса впервые появилась в «Известиях» только 1 мая 1925 г., то есть через два дня после того, как делегаты конференции разъехались по домам. Можно только гадать, объясняется ли такая задержка возросшим чувством неловкости или возросшей боязнью оппозиционных выступлений в партии по данному вопросу. Однако едва ли можно сомневаться, что оба постановления преследовали цель не допустить бурных дебатов на партконференции.

Таким образом, когда 27 апреля 1925 г. началась XIV конференция РКП(б), у Политбюро уже имелся тщательно разработанный план, как не допустить, чтобы аграрный вопрос стал яблоком раздора. Меры предосторожности вполне могли бы дать желаемый результат, если бы не опрометчивый шаг Бухарина, который в столь ответственный момент счел возможным выступить на следующий день после принятия Политбюро решений об использовании наемного труда и об аренде земли. Бухарин выступил с докладом на собрании актива Московской партийной организации в Большом театре. Он почти открыто призывал проводить линию, которую ее противники называли «столыпинско-советской». Решения Политбюро, когда Бухарин выступил с докладом, то есть 17 апреля 1925 г., еще не были обнародованы, и Бухарин явно стремился подготовить для них почву, причем развивал идею

целесообразности опоры на зажиточных хозяев в гораздо более откровенных и недвусмысленных выражениях, чем те, которые можно было прежде слышать с партийной трибуны ²⁵⁰.

Прежде всего Бухарин обрисовал положение Советской России как страны, находящейся в окружении капиталистических держав, которые оправились после разрухи и упадка, явившихся следствием мировой войны. Поэтому необходимо «увеличить быстроту хозяйственного оборота». Каковы же способы ускорения экономического развития? При «военном коммунизме» уповали на возможность «сразу завести плановое хозяйство и таким образом прийти к социализму». При НЭПе пришлось признать, что страна должна прийти к социализму «в процессе вытеснения, преодоления и переработки целого ряда промежуточных форм»; кроме того, следовало помнить о неизбежности «процесса накопления в крестьянском хозяйстве». Бухарин говорил, что Ленин на разных этапах оценивал роль НЭПа как положительную, но по-разному. Для оценки Лениным НЭПа на первом этапе характерна статья «О продовольственном налоге», написанная в мае 1921 г. Ленин утверждал, что можно построить социализм, направив капитализм в русло «государственного капитализма», говорил о необходимости уступок мелкобуржуазному крестьянству, «мелкому хозяйчику», которого, однако, он называл «нашим главным врагом». На этом этапе, отмечал Бухарин, Ленин считал кооперацию важнейшим звеном в цепи государственного капитализма, которое благоприятствует «кулацким элементам в деревне». Выражением взглядов Ленина на более позднем этапе явилась одна из последних его статей «О кооперации», написанная в январе 1923 г. Ленин отказался от концепции альянса с капитализмом и изменил точку зрения относительно роли кооперации. Трактую последние ленинские работы ²⁵¹ как указание на то, что организованные в кооперативы крестьяне и социалистическая государственная промышленность перейдут в наступление против крупного капитала и вообще против остатков частного капитала, Бухарин обрисовал умершего вождя как сторонника беспрепятственного развития зажиточных крестьянских хозяйств.

Бухарин сгустил краски, описывая слушателям положение в деревне, но во многом его слова вполне соответствовали действительности:

«...Зажиточная верхушка крестьянства — кулак и отчасти середняк — *боится сейчас накапливать* ²⁵².

...ежели крестьянин хочет поставить железную крышу, то его завтра объявят кулаком и, следовательно, ему — крышка. Если крестьянин машину покупает, то так, чтобы «коммунисты не увидели». Дело технического улучшения сельского хозяйства обставляется какой-то конспирацией.

Если мы возьмем различные прослойки в деревне, то увидим, что кулак недоволен тем, что мы ему *мешаем накапливать*. С другой стороны, беднота иногда ворчит на нас за то, что мы мешаем

ей наниматься в батраки к этому самому кулаку... А бедняк, который не имеет лошади и не имеет орудий производства, который сидит на земле, недоволен тем, что мы мешаем ему «кормиться» около кулака».

Далее Бухарин переходит к конкретным действиям:

«Наша политика по отношению к деревне должна развиваться в таком направлении, чтобы *раздвигались, а отчасти и уничтожались многие ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства*. Крестьянам, всем крестьянам, надо сказать: *обогащайтесь*, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут...

Нужно развивать зажиточное хозяйство для того, чтобы помогать бедняку и середняку. Такая постановка вопроса на первый взгляд кажется парадоксальной»²⁵³.

Бухарин предпринял тактический маневр, впоследствии больше удавшийся Сталину: он попытался предстать защитником линии, лежащей между двумя уклонами, из которых первый, по крайней мере в то время, был чисто гипотетическим: «Одни товарищи считают, что нужно развязать кулацкие хозяйства — и только. Они не видят другой половины проблемы: вопроса о «возмещении», о помощи середняку и бедняку».

Гораздо более серьезную опасность представлял противоположный уклон: «Другие говорят, что капитализм в деревне развивается, кулак будет вести крупное хозяйство, будет расти рента, образуются новые помещики из кулаков, и мы вторую революцию проделаем».

Подобную точку зрения Бухарин назвал «теоретически неверной и практически бессмысленной». Бухарин закончил свое выступление успокоительными заверениями. Подобно тому как в капиталистических странах кооперация и кредит заставляют крестьянство «врастать в организацию промышленной и банковской буржуазии», «мы через кооперацию приведем крестьян к социализму». Бухарин признал, что «классовая борьба в деревне сразу не отомрет», она может даже временно обостриться. «Но дело заключается в том, что капиталистические элементы, которые в деревне нарастают, не придется экспроприировать в процессе второй революции»²⁵⁴.

В заключение Бухарин заявил: «Есть ли это «ставка на кулака»? Этого нет. Есть ли это проповедь обострения классовой борьбы в деревне? Тоже нет. Я вовсе не стою за обострение классовой борьбы в деревне».

Немедленной реакции на доклад Бухарина не последовало. Даже призыв к крестьянам «обогащайтесь», который Бухарину никогда больше не дадут повторить, прошел в тот момент без возражений.

Спустя десять дней, 27 апреля 1925 г., началась XIV конференция РКП(б). Дебаты по первому вопросу, о едином сельскохозяйственном налоге, не принесли никаких неожиданностей. Цю-

рупа выступил с пространной речью, в которой подробно разбирал предлагаемые цифры сокращения налога и утверждал, что в настоящее время крестьянину приходится платить только 4 рубля (в среднем), тогда как до войны сумма налогов, ренты и прочих податей доходила до 10 рублей²⁵⁵. Цюрупа говорил также о необходимости более мягкими средствами обеспечивать поступление налоговых платежей. Что касается принципа налогообложения в будущем, он осторожно высказался в том смысле, что, хотя налог в его теперешнем виде нельзя считать вполне удовлетворительным, перевод его на подходящую основу обложения представляется практически неосуществимым, и выразил личное предпочтение налогу на арендную стоимость. Как бы то ни было, в заключение Цюрупа зачитал решение Политбюро отложить окончательное рассмотрение вопроса до очередного съезда партии, что было равносильно прекращению обсуждения²⁵⁶.

В докладе Рыкова были слегка затронуты более широкие аспекты аграрной политики. Рыков отметил, что главной задачей в рассматриваемый период было восстановление и переоснащение промышленности. В стране наблюдалось «относительное аграрное перенаселение», развивалось товарное производство. Эти факторы неизбежно вели к дифференциации во всех ее формах: «...В условиях свободного товарооборота и мелкобуржуазной крестьянской экономики совершенно неизбежен более быстрый рост для одних крестьянских хозяйств, замедленный для других».

Рыков убеждал, что «нет никакой надобности ставить административные препоны» использованию наемного труда и аренде земли, что наемный труд и аренда необходимы для «развития производительных сил в области сельского хозяйства». Высказываясь по такому острому вопросу, как отношение к кулачеству, Рыков взял быка за рога. Калинин и его единомышленники пытались противопоставлять зажиточного, богатого крестьянина кулаку. Такой подход, по словам Рыкова, был нереальным и бессмысленным, лучше было откровенно признать «неизбежность при современном восстановительном процессе роста в деревне отношений буржуазного типа и необходимость установления четкой политической линии по отношению к этому буржуазному крестьянскому слою».

В этой связи Рыков так сформулировал свою политическую установку: «При предоставлении условий для свободного накопления в кулацких хозяйствах увеличивается темп накопления во всем хозяйстве, быстрее возрастает общенациональный доход, увеличиваются материальные возможности в отношении реальной хозяйственной поддержки маломощных бедняцких хозяйств, расширяются возможности поглощения избыточного населения, и создается, наконец, более благоприятная обстановка для роста кооперации и направления крестьянских сбережений по кооперативному руслу».

Поставив, таким образом, перспективы восстановления и развития всей экономики страны в зависимость от дальнейшего укрепления кулацких хозяйств, Рыков все-таки высказал пожелание, чтобы, «развязывая капитализм в сельском хозяйстве, мы смогли в большей мере, чем до сих пор, повернуться лицом к бедняку и середняку»²⁵⁷.

Начались прения. Поначалу казалось, что надежды лидеров партии оправдаются и особых споров речь Рыкова не вызовет. Председательствовал Каменев: ни Сталин, ни Зиновьев в прениях участия не приняли. Троцкого вообще не было среди делегатов. В прениях выступили второстепенные ораторы. Один из них, явно имея в виду бухаринское выступление, заметил, что вопрос о том, «до какого размера крестьянин имеет право богатеть», так и не получил должного разъяснения, а также заявил, что, судя по выступлению Рыкова, последний склонен считать буржуазным любое растущее и укрепляющееся крестьянское хозяйство. Другой делегат пожелал пойти еще дальше в снятии ограничений развития кулацких хозяйств и даже подверг критике то положение проекта резолюции, в котором предлагалось «не допускать в правление обществ явно кулацкие элементы»²⁵⁸. Однако когда слово потребовал Ларин, Каменев явно забеспокоился и попытался объявить прения законченными. Делегаты проголосовали против прекращения прений, и Каменеву пришлось дать Ларину десять минут, затем еще добавить время²⁵⁹. Ларин начал с того, что поддержал Рыкова в том, что целесообразно узаконить использование наемного труда и аренду земли. Впервые он заявил с присущей ему безапелляционностью, что НЭП утвердился и в деревне. Ларин поддержал Рыкова и в осуждении позиции Калининна, сказав, что Калинин и Смирнов, пытаясь отрицать существование расслоения и называя кулаков середняками, подобны «католическим попам, которые мясо в постные дни перекрещивали в рыбу». Подготовив таким образом почву, Ларин перешел к главной теме своего выступления — обрушился с нападками на Бухарина. Бухарин не просто говорил о целесообразности временно вести политику в духе НЭПа, он в принципе возражал против идеи обострения классовой борьбы в деревне и стремился доказать, что не может быть и речи о «второй революции», то есть экспроприации кулаков через 15—20 лет. Ларин, напротив, приветствуя предлагаемые временные меры умиротворения кулака, признавая их необходимость, мечтал о конце НЭПа и экспроприации кулацких хозяйств через 15—20 лет²⁶⁰. В ходе всего выступления Ларин искусно делал вид, будто всем сердцем принимает и поддерживает линию Рыкова и ЦК, от которой якобы отошел Бухарин. Подобное выступление требовало официального ответа. Рыков достаточно убедительно возразил, что нет ничего более неуместного, нежели угрозы Ларина в адрес кулака как раз в тот момент, когда его так нужно умиротворить и снискать его благожелательное отношение²⁶¹. Однако он и не пытался ответить на щекотливый

вопрос относительно предполагаемой продолжительности тактики уступок и конечной цели аграрной политики.

На следующий день Бухарин, который прежде не собирался брать слово и отсутствовал, когда Ларин выступал со своими нападками, заявил, что нет никаких расхождений между его точкой зрения и мнением ЦК, и отверг обвинения в «кулацком уклоне». В свою очередь он обвинил Ларина в том, что тот искажает действительное положение, рассматривает его слишком упрощенно, игнорируя существование середняков, как будто их совсем нет между кулаками на одном полюсе и колхозами на другом. Кооперация середняков и объединение бедноты в колхозы могут идти рука об руку со свободным развитием буржуазного крестьянского хозяйства. Успех обеспечивается их сочетанием: «Колхоз — это есть могущественная штука, но не это столбовая дорога к социализму»²⁶². Бухарин был «любимцем партии», тогда как Ларин отнюдь не вызывал личных симпатий. Делегаты сочувственно выслушали объяснения Бухарина, во всяком случае без явного неодобрения.

Поскольку никто из других лидеров партии не выразил желания выступить, дебаты кончились. В резолюциях конференции проблема кулачества и отношения к нему нашла лишь косвенное отражение среди других вопросов. Формулировки вступительного раздела общей резолюции по вопросам партийной работы были достаточно сдержанными: смычка пролетариата и крестьянства провозглашалась более необходимой, чем когда бы то ни было; утверждалось, что противоречия интересов рабочих и крестьян существуют, но их нельзя рассматривать как «непримиримые», что капиталистические элементы в деревне «неизбежно будут нарастать», но будут преодолеваться «средствами экономической борьбы и растущим кооперированием основной массы крестьянства»²⁶³.

Во вступительном разделе резолюции о кооперации²⁶⁴ проблема получила дальнейшее развитие. Прежде всего отмечалось первостепенное значение подъема сельскохозяйственного производства: «...рост сельского хозяйства диктует необходимость скорейшей замены трехполья многопольем и перехода к более совершенным методам сельскохозяйственного производства». В резолюции указывалось, что этому процессу неизбежно будут сопутствовать «обострение конкуренции между социалистическими и капиталистическими элементами хозяйства» и «расслоение деревни», которое с переходом к новой экономической политике «найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьянской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства, с одной стороны, и пролетаризации его бедняцких элементов — с другой»²⁶⁵. В данном контексте откровенное признание роста сельской буржуазии предполагало практический вывод о необходимости развития и укрепления кооперации как достаточного средства противодействия.

Получалось, что тревога была необоснованной и партия вполне контролировала положение. Резолюцией о сельскохозяйственном налоге настоятельно рекомендовалось снизить сумму налога на 1925—1926 гг. до 280 млн. рублей. Но по важнейшему вопросу о принципе налогообложения в резолюции лишь констатировалась нерешенная проблема, однако конкретные решения не предлагались. Отмечалось, что прогрессия обложения, «вполне обеспечивающая интересы бедноты и середняков», должна также «открывать возможность дальнейшего развития крестьянского хозяйства». На Центральном Комитете возлагалась задача подготовить к очередному съезду предложения, которые должны были гарантировать «беспрепятственное развитие сельскохозяйственного промысла» и в то же время «давать возможность защиты интересов тех слоев в деревне, кои являются опорой Советской власти»²⁶⁶. Даже последняя фраза, обращенная, по мысли авторов, к бедноте, в свете новой политики выглядит довольно двусмысленно и расплывчато.

В отличие от съезда партийная конференция не была высшим органом партии, поэтому принятые на конференции решения становились обязательными лишь после утверждения Центральным Комитетом²⁶⁷. Для этого на все время конференции был созван ЦК в полном составе. Однако ЦК не ограничился утверждением решений конференции. Как только конференция благополучно завершилась (29 апреля 1925 г.), ЦК рассмотрел те же политические проблемы в более узком кругу. Уже на следующий день ЦК принял постановление, спустя несколько дней опубликованное в печати и явившееся на определенное время основным партийным программным документом по вопросам аграрной политики. В докладе о проекте постановления Молотов провел различие между кулаками как таковыми и приписываемыми им грехами: «...допуская кулачество, мы будем бороться против кабальных сделок, против преступной эксплуатации бедноты»²⁶⁸. Автором текста постановления, как выяснилось впоследствии, был Бухарин²⁶⁹.

Во вступительной части постановления, названного «Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни», отмечалось, что следствиями гражданской войны явились «значительное падение сельскохозяйственного производства и обеднение деревни (острый недостаток живого и мертвого *инвентаря*), что теперь находит себе выражение в серьезно сказывающемся относительном *перенаселении деревни* (так называемой *деревенской безработице*)». Далее излагались основные принципы аграрной политики:

«Интересы действительного подъема сельского хозяйства, развивающегося в настоящий период в подавляющей своей массе как мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство, требуют увеличения товарности продукции крестьянских хозяйств и в связи с этим — решительного устранения пережитков «военного коммунизма» в деревне (например, прекращения борьбы административ-

ными мерами против частной торговли, кулачества и т. п.), противоречащих допускаемому в условиях НЭПа развитию рыночных отношений в стране. Вместе с усилением торговой связи деревни с городом и внешним рынком идет и будет расти укрепление основной массы середняцких хозяйств с одновременным (по крайней мере для ближайших лет) ростом на одной стороне зажиточных слоев деревни с выделением капиталистических элементов (кулачества), а на другой — батраков и деревенской бедноты.

Наличие значительного количества свободных рабочих сил в деревне, не поглощаемых развитием сельского хозяйства и промышленностью, особенно подчеркивает в настоящее время необходимость действительного устранения всяких административных препятствий, тормозящих рост и укрепление крестьянских хозяйств (в том числе и зажиточных его слоев), с необходимым проведением законных (особенно экономических) мер борьбы против кулачества, связанного с деревенским ростовщичеством и кабальной эксплуатацией бедноты».

Данный текст, как и доклад Молотова, в сущности допускает возможность существования кулаков, не являющихся эксплуататорами.

Спределив основной принцип осмотрительного поощрения кулаков, постановление отдало должное также и традиционной кооперации, и — с оговорками — совхозам и колхозам. Постановление предусматривало «всемерное содействие объединению трудовых крестьянских хозяйств путем развития кооперирования в деревне» и провозглашало, что лишь таким образом можно «превратить медленный подъем сильно ослабленной массы мелких крестьянских хозяйств в могучее развитие производительных сил деревни». Отмечалось, что следует оказывать содействие кооперативным товариществам по использованию машин и товариществам для совместной обработки земли. Такая политика создаст «предварительные условия для постепенного (добровольного) перехода к крупному коллективному сельскому хозяйству, соединенному с применением последних приемов механизации его и с электрификацией». Что касается совхозов, рекомендовалось «частичное сокращение совхозов, которые не могут быть действительно восстановлены уже в ближайшие два-три года». Поддержка колхозного движения предусматривалась в той степени, в какой «оно действительно растет при вполне добровольном участии объединяющихся крестьянских хозяйств и батрачества»; колхозы также должны были «доказать свою хозяйственную жизнеспособность».

За пространной вводной частью следовали три раздела, посвященные «практическим мероприятиям», которые составили постановляющую часть. Первый раздел предусматривал меры, направленные на содействие росту относительно крупных индивидуальных хозяйств в руках крепких крестьян. В нем говорилось о необходимости «решительно бороться с попытками частых переде-

лов, противоречащих Земельному кодексу»²⁷⁰, предусматривалось выделение кредитов для содействия объединению разрозненных земельных участков и уменьшению чересполосицы. Говорилось о необходимости содействия образованию отдельных хозяйственных единиц в виде хуторов или отрубов, а также о необходимости мер содействия всем формам кооперации и механизации. Предусматривалось «более широкое использование права отдачи земли в аренду крестьянами» на время до двух севооборотов, а при трех-четыреполье — на срок не свыше 12 лет. Впрочем, допускалось превышение и этого предельного срока, если речь шла о государственных фондовых землях, сдаваемых в аренду отдельным землепользователям. Предусматривалась материальная поддержка совхозам. Одобрялся декрет СНК РСФСР об укреплении совхозов от 6 марта 1925 г.²⁷¹, и говорилось о целесообразности принятия подобных декретов в других республиках; однако выражалось сомнение в оправданности «существования теперешнего количества» совхозов. Одобрялось решение Политбюро (16 апреля 1925 г.) и декрет Совнаркома (18 апреля 1925 г.)²⁷² о разрешении неограниченного найма рабочей силы, причем уточнялось (и это, очевидно, вызывало разногласия), что речь идет в равной мере об обработке арендуемых земель и земель при других видах землепользования. Во втором разделе говорилось о необходимости «принять серьезные меры к действительному изменению существовавшей в последний период практики лимитирования цен на хлеб и с.-х. сырье, переходя на гибкое государственно-экономическое регулирование и соглашение государственных и кооперативных заготовителей» без установления «обязательных цен для продавцов-крестьян». Это положение свидетельствовало об успехе защиточных крестьян, которым удалось сорвать попытки установить твердые цены на хлеб после недорода в 1924 г. В третьем разделе коротко подтверждалось снижение суммы сельскохозяйственного налога и говорилось о целесообразности организации общественных работ и переселения с целью уменьшить перенаселенность в деревне. Для этого предусматривались такие меры, как передача государственных земель в распоряжение крестьян, сокращение числа совхозов в густонаселенных местностях и раздел совхозных земель среди крестьян²⁷³. Впервые в партийном документе прозвучала тема, ставшая одной из наиболее широко обсуждаемых в последующие несколько лет, — проблема перенаселенности деревни²⁷⁴. Но хотя в нем содержались обычные поклоны в сторону таких привычных символов партийной доктрины, какими были совхозы и колхозы, ясно подразумевалось, что партия делает ставку на кулака как на оплот в деле возрождения сельского хозяйства. Выдвинутый Бухариным лозунг «обогащайтесь» формально не поддерживался, но по своей сути постановление явилось выражением бухаринской политики.

Спустя несколько дней после партийной конференции и обсуждения в Центральном Комитете проблем аграрной политики вы-

шло Положение о едином сельскохозяйственном налоге²⁷⁵. Это был чрезвычайно сложный документ, содержащий более ста таблиц норм обложения и переводных коэффициентов для отдельных регионов и местностей. Помимо дополнительных уточнений, он отличался от прежних документов такого рода тремя немаловажными особенностями: он предусматривал, как это уже было решено раньше, уменьшение общей суммы налога, снижение коэффициентов пересчета для обложения скота и содержал подробные таблицы установленных законом минимальных размеров хозяйств в разных регионах, облагавшихся налогом (хозяйства меньших размеров налогом не облагались), то есть теперь больше, чем прежде, беднейших крестьян освобождалось от налога²⁷⁶. Первые два новшества были существенной уступкой зажиточному крестьянству, последнее же было костью, кинутой тем партийцам, которых тревожил поворот в сторону кулака и которые требовали предпринять что-нибудь для улучшения положения бедняков. В том и другом отношении новая линия вполне отражала настроение партийного руководства. Как отметила «Экономическая жизнь», XIV партконференция «признала переход к развернутым формам НЭПа в деревне вполне своевременным и отвечающим данной стадии развития народного хозяйства»²⁷⁷.

Теперь, когда все препятствия, связанные с возможными возражениями делегатов партконференции и членов ЦК, были успешно преодолены, юридические формальности не представляли особых затруднений. В начале мая 1925 г. сессия ЦИК РСФСР утвердила без сколько-нибудь существенных дебатов поправку к Земельному кодексу об аренде земли, принятую Президиумом ЦИК двумя неделями раньше²⁷⁸.

Более значительным событием оказался IX Всеукраинский съезд Советов, состоявшийся в это же время в Харькове. Каменев, как председатель СТО, прибыл из Москвы с целью разъяснить официальную экономическую политику и ответить на возможные возражения. Он говорил о необходимости принятия законов, «которые снимут рогатки с крестьянского хозяйства»; это означало, что нужно «установить более длительный срок переделов», чем срок, предусмотренный действующим законодательством (на Украине девять лет), и снять ограничения на аренду земли и применение наемного труда²⁷⁹. Решения съезда по вопросам сельского хозяйства предусматривали целый ряд мер, направленных на его развитие. В резолюции отмечалось, что перенаселенность является важнейшей проблемой в украинской деревне, говорилось о разнообразных мерах и полумерах, призванных выправить положение: рост сельскохозяйственного кредита, развитие производства сахарной свеклы и сахарной промышленности, развитие производства других технических культур и продуктов животноводства, «закрепление и углубление опыта коллективизации незаможнических и середняцких хозяйств» посредством кооперации и других форм совместной обработки земли, наконец, организация пе-

расселения крестьян в менее населенные местности в других регионах СССР. Все эти общие рассуждения помогали замаскировать спорный характер новой политики. Из трех принятых в Москве решений решение о снижении общей суммы единого сельскохозяйственного налога вообще не упоминалось в резолюции по сельскому хозяйству, хотя в общей резолюции оно отмечалось с «удовлетворением». В общей резолюции рекомендовался «более гибкий подход к обложению отдельных районов и групп хозяйств, имея в виду наибольшее благоприятствование подъему животноводства»²⁸⁰. На Украине, где было много безлошадных крестьян, низкие нормы обложения скота давали особые преимущества зажиточным крестьянам — даже в большей степени, чем в других регионах страны. В двух заключительных параграфах резолюции по сельскому хозяйству одобрялось «удлинение аренды до 12 лет», а также одобрялся «изданный Союзным правительством закон о применении наемного труда в крестьянском хозяйстве».

Наиболее сложная из стоявших перед Каменевым задач заключалась, однако, в том, чтобы провести новые предложения на III Всесоюзном съезде Советов, который состоялся сразу же после Всеукраинского съезда Советов. Главную часть своего выступления Каменев посвятил чтению проекта резолюции «О практических мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства», перемежая текст проекта собственными комментариями его отдельных положений²⁸¹. Вступительная часть резолюции была составлена с таким расчетом, чтобы уделить должное внимание как сельскому хозяйству, так и промышленности, а также разным прослойкам крестьянства. Указывалось, что «меры содействия крестьянским хозяйствам должны осуществляться наряду с дальнейшим развитием промышленности»; «применение каких-либо административных мер против вырастающей на почве свободной торговли буржуазной (кулацкой) верхушки деревни» отвергалось как «нецелесообразное»; указывалось, что «политика Советской власти должна быть направлена на действительную помощь бедняцким и середняцким элементам крестьянства». Лейтмотивом резолюции и всей речи Каменева было предоставление свободы крестьянам, а это могло означать только предоставление свободы крепким крестьянам. Утверждая, что «принцип свободного выбора форм землепользования» должен быть подтвержден, Каменев признавал, что «разделение крестьянства на отдельные хуторские и отрубные хозяйства несомненно задержало бы процесс коллективизации и механизации сельского хозяйства», и указывал, что нужно «неустанно вести пропаганду среди крестьянства за формы землепользования, облегчающие переход от мелкого, раздробленного, отсталого хозяйства к крупному коллективному хозяйству...». Но, как бы то ни было, в резолюции твердо проводился принцип «строгого соблюдения права свободного выбора». Подтверждалось право брать землю в аренду и нанимать рабочую силу, согласно «Временным правилам» от 18 апреля 1925 г. Отмечалось, что «регу-

лирование цен со стороны государства ни в коем случае не должно приводить к установлению разорительных обязательных цен для продавцов-крестьян». В то же время через кооперацию крестьяне должны были получать финансовую помощь, необходимую для более полного обеспечения крестьянского хозяйства рабочим скотом и более широкого применения тракторов. Что касается подхода к проблеме перенаселенности деревни, еще не вполне осознанной и изученной, резолюция не предусматривала особо решительных мер. Каменев поставил под сомнение целесообразность без конца твердить об «индустриализации сельского хозяйства» как о средстве решения этой проблемы. Вместо этого «хитрого иностранного трудного слова» лучше было бы просто объяснить крестьянину, что производимые им продукты следует не экспортировать в виде сырья, что выгодно прежде всего иностранным капиталистам, а обрабатывать на собственных заводах и фабриках²⁸². Как одна из возможностей уменьшить «избыточную рабочую силу деревни» предусматривалось увеличение площади обрабатываемой земли путем мелиорации: государство выделяло 77 млн. рублей на мелиоративные мероприятия в юго-восточной части страны, где засуха была обычным явлением. Кроме того, предусматривалось содействие развитию кустарных промыслов и ремесел: в резолюции выражалось одобрение декрета от 10 апреля 1925 г. об освобождении от налога сельских кустарей и ремесленников, не использующих наемный труд²⁸³. Как третий путь решения проблемы указывалось содействие переселению крестьян на «свободные земли» в менее густонаселенных районах страны²⁸⁴.

Закончив чтение проекта, Каменев пустился в рассуждения о принципах, положенных в основу резолюции. Добиться действительного подъема сельского хозяйства можно было, оказывается, только при условии «культурной революции». Одна из основных задач заключалась в ликвидации неграмотности, преодолении «старых рабских навыков», «непривычки к общественной работе», безынициативности. Поэтому наибольшей поддержки заслуживали те, кто дальше продвинулся в этом отношении. Каменев красноречиво говорил о необходимости «снять некоторые ограничения, которые остались в нашей деревне как наследие старой, изжитой эпохи военного коммунизма», и дать возможность крестьянству «законным путем более свободно применять свой труд и более свободно пользоваться результатами своего труда». Без подобных мер, утверждал Каменев, невозможно поднять производство, хотя, конечно, «этими же самыми мерами... воспользуются прежде всего, в первую голову и шире всего зажиточные элементы деревни»²⁸⁵. По столь острому вопросу, как определение, кого, собственно, следует считать кулаком, Каменев предпочел высказаться уклончиво: «Да, мы отказываемся считать кулаком того крестьянина, который, пользуясь Советской властью, пользуясь советским кредитом, пользуясь советской кооперацией, улучшает свое хозяй-

ство, поднимает его технический уровень, приобретает новые машины в кредит у советской промышленности».

Наконец, Каменев категорически отрицал, что меры, принимаемые с осени 1924 г., представляют собой какое-либо изменение политики, и закончил выступление многочисленными цитатами из Ленина, доказывая, что Ленин еще несколько лет назад говорил именно о том, что делается теперь. Это не помешало, однако, Каменеву позднее при подведении итогов назвать принимаемые меры «известным политическим актом»²⁸⁶.

Несмотря на призывы Каменева, те из партийных делегатов, кто был стойким ревнителем большевистской идеи, не проявили большого энтузиазма. Зиновьев обратился к фракции РКП(б) III съезда Советов СССР с большей откровенностью, чем он мог бы себе позволить, выступая с трибуны съезда. Он открыто говорил об «уступках» зажиточному крестьянству, назвал признание права аренды земли «безусловно необходимой уступкой». Соглашаясь, что кулак в деревне более опасен, чем нэпман в городе, Зиновьев выдвинул довольно надуманный аргумент насчет того, что обуздать кулака можно, оказывая помощь бедному крестьянину: «Нет, у нас пока еще беда не столько в кулацком засилии, а в том, что в деревне так много пролетария, о котором говорил Ленин в брошюре «К деревенской бедноте»».

В заключение Зиновьев пытался успокоить оппонентов, утверждая, что борьба против кулачества будет продолжаться новыми средствами: «Наша задача заключается в том, чтобы... развязавши отчасти руки кулаку, в то же время готовить обход его, готовить его политическую изоляцию»²⁸⁷.

Однако полностью исклчить скептические настроения не удалось. В прениях по докладу Каменева прозвучали достаточно откровенные замечания крестьянских и других делегатов, знакомых с обстановкой в деревне. По словам делегатки из Тамбовской губернии, пострадавшей в 1924 г. от неурожая, крестьяне голодали, были даже случаи голодной смерти: «У нас 50—60% голодающего народа». Что касается переселения, делегат из Белоруссии заметил, что расходы, связанные с переселением, могут позволить себе только зажиточные крестьяне, а у них-то как раз и нет причин трогаться с места. Другой делегат жаловался на нехватку земли на Украине и в Белоруссии и мечтательно говорил о «лишней земле» в Сибири. «Я недоумеваю, как нас встретят в деревне, когда мы приедем и скажем, что можно брать землю в аренду», — заявил еще один оратор. Другой сетовал на то, что в Самарской губернии землю перераспределяют каждый год, несмотря на формальное осуждение частых переделов²⁸⁸. В целом, однако, серьезных протестов не было, никто не предлагал, да и не мог предложить, никакого альтернативного курса. С незначительными уточнениями резолюция была принята единогласно²⁸⁹. Итак, делалась ставка на кулака.

В рамках кампании, направленной на помощь крестьянам и повышение уровня сельскохозяйственного производства, делались также и попытки возродить сельскохозяйственную кооперацию, некогда довольно развитую, но при «военном коммунизме» практически прекратившую существование. С введением НЭПа ВЦИК и СНК приняли декрет (16 августа 1921 г.), предоставивший «трудящемуся населению сельских местностей» право образовывать «сельско-хозяйственные кооперативные товарищества или артели как для совместного ведения сельско-хозяйственного производства, так и для организации труда своих членов, снабжения их необходимыми сельскому хозяйству орудиями, семенами, удобрениями и др. средствами производства, а также для переработки и сбыта продуктов земледельческого производства и, наконец, для других мероприятий, направленных к увеличению количества и улучшению качества производимых их членами сельско-хозяйственных продуктов»²⁹⁰. Несмотря на столь обстоятельное описание их функций, сельскохозяйственные кооперативы, как и другие производственные кооперативы, в то время, очевидно, не получали сколько-нибудь существенной поддержки. Осенью 1923 г., когда месячный оборот всех кооперативов не превышал 6 млн. рублей, оборот производственной кооперации составлял всего лишь одну шестую часть этой суммы²⁹¹. Связанные с «ножницами» трудности привлекли внимание партии к необходимости создания эффективной системы сбыта сельскохозяйственных продуктов, и 1924 год стал важным этапом в возрождении сельскохозяйственной кооперации. Образование в феврале 1924 г. Центрального сельскохозяйственного банка обеспечило возможность предоставления кредитов сельскохозяйственным кооперативам²⁹². В многословной резолюции XIII съезда РКП(б) (май 1924 г.) о кооперации отмечалась «слабость кооперации в деревне» и указывалось, что кооперация должна охватывать не только потребительскую, но и производственную сторону крестьянского хозяйства; упоминались также уже существующие организации по коллективному сбыту продукции молочного животноводства, льна и картофеля²⁹³. О возрождении интереса к кооперации летом 1924 г., после XIII съезда РКП(б), свидетельствует факт принятия ряда решений, направленных на содействие кооперативам²⁹⁴. Эти меры благоприятствовали и сельскохозяйственной кооперации. Декретом ВЦИК и СНК СССР от 22 августа 1924 г. функции сельскохозяйственной кооперации определялись столь же широко, как и декретом, принятым тремя годами ранее, но больше внимания уделялось организационной стороне вопроса. На наркомземы союзных республик возлагалась задача общего надзора и руководства деятельностью сельскохозяйственных кооперативов в каждой республике; кроме того, если кооперативы пользовались кредитом, контроль за их деятельностью возлагался на соответствующие финансовые органы²⁹⁵. Данный декрет и открывшиеся перед кооперативами возможности получать кредиты представляли собой существенный

шаг вперед. В начале 1923 г. активы сельскохозяйственной кооперации в РСФСР не превышали 57 млн. рублей; к 1 октября 1924 г. они возросли до 460 млн. рублей (с учетом Украины — до 560 млн. рублей). В РСФСР число местных обществ по оказанию сельскохозяйственного кредита возросло с 1600 в октябре 1923 г. до 11 500 в апреле 1925 г.²⁹⁶ Тем не менее членами сельскохозяйственных кооперативов числились лишь 3 млн. крестьян, тогда как до 1914 г. — 12 млн.²⁹⁷

Возвращение к официальному признанию и поддержке кооперации выявило наличие двух преобладавших в партии точек зрения относительно кооперации, причем поборники того и другого взгляда могли отстаивать свою правоту, ссылаясь на Ленина. Некоторые партийцы придерживались той точки зрения, что сельскохозяйственная кооперация, как и до 1914 г., предназначена для того, чтобы помогать крестьянам-единоличникам эффективно и выгодно производить и сбывать сельскохозяйственные продукты, то есть кооперация была капиталистическим институтом, который вполне вписывался в рыночную экономику НЭПа. Именно об этом говорил Ленин с введением НЭПа, когда он признал «кооперативный» капитализм временно полезной формой государственного капитализма: «Кооперация мелких товаропроизводителей... неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду»²⁹⁸.

Эти ленинские слова были порождены предостережением, прозвучавшим на партийной конференции в августе 1922 г. относительно тех антисоветских сил, которые «систематически пытаются превратить сельскохозяйственную кооперацию в орудие кулацкой контрреволюции»²⁹⁹. Однако в двух статьях, точнее, в двух набросках одной статьи, написанных в последние недели активной деятельности, Ленин пересмотрел свой критицизм и признал, что сельскохозяйственная кооперация может играть важнейшую роль в достижении конечной цели и обеспечении необходимого условия социалистического хозяйства — коллективизации сельского хозяйства: «... кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение» и «в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом»³⁰⁰. Эти различия отражали разницу в отношении к НЭПу, причем коммунисты, придерживавшиеся того или иного из двух преобладавших мнений, в равной степени могли подкреплять свою точку зрения цитатами из ленинских работ³⁰¹. Те, кто считал НЭП по сути шагом назад к капитализму и думал, что настанет день, когда нужно будет сделать другой шаг, уже в обратном направлении, не питали доверия к сельскохозяйственной кооперации, рассматривая ее как пережиток капитализма, который временно приходится терпеть. Те же, кто признавал НЭП столбовой дорогой, верили, что кооперация представляет собой одно из важнейших средств перехода к социализму.

Неудивительно поэтому, что сельскохозяйственная кооперация быстро начала фигурировать в спорах об отношении к кулачеству, характерных для 1924 и 1925 гг. Утверждение, что кооперация — оплот социализма в деревне, могло выглядеть правдоподобным только при условии, что кооперация действительно служит интересам бедняков и середняков. В мае 1924 г. XIII съезд РКП(б) признал, что сложившаяся обстановка «диктует необходимость всячески сохранить низовую кооперацию от захвата и влияния кулацко-спекулянтских элементов деревни, которые делают и будут продолжать делать попытки использовать кооперацию в качестве лавочки для своей наживы, дискредитируя тем самым идею кооперации среди широких крестьянских масс»³⁰². Декретом от 22 августа 1924 г. право членства в сельскохозяйственных кооперативах признавалось лишь за лицами, имеющими право избирать и быть избранными в Советы, что теоретически исключало возможность участия в кооперативах лиц, пользующихся наемным трудом, так как они причислялись к буржуазии. Однако практическое применение этого положения, по крайней мере в РСФСР, оговаривалось инструкцией Наркомзема от 12 ноября 1924 г., которой предписывалось строгое соблюдение вышеупомянутого положения в отношении лиц, создающих новые сельскохозяйственные кооперативы, но обязательного исключения лишенцев из действующих кооперативов, если не было других указаний, не предусматривалось³⁰³. Что бы ни предписывала партийная доктрина, никакие декреты и постановления не могли изменить реальное положение вещей: сельскохозяйственные кооперативы состояли преимущественно из зажиточных крестьян. Задачей кооперативов была главным образом организация совместной обработки и сбыта сельскохозяйственных продуктов, а специально товарным производством занимались зажиточные крестьяне. Какое значение могла иметь кооперация для бедного крестьянина, ведущего мелкое хозяйство лишь для удовлетворения нужд собственного семейства? На первых порах были, пусть скромные, успехи в организации товариществ по совместному приобретению и использованию сельскохозяйственных машин³⁰⁴, но, как отмечалось на совещании по вопросам индустриализации полеводства в Госплане, «тракторные товарищества брали заказы на запашку земель, то есть функционировали уже как зародыши «маленьких акционерных компаний». При таких условиях использование трактора нельзя считать рациональным»³⁰⁵. Другими словами, беднота не могла позволить себе арендовать трактор. Процент кооперирования был значительно «в более высших слоях»³⁰⁶ и среди производителей специализированных и технических культур, а это были опять-таки преимущественно зажиточные крестьяне, занимавшиеся сравнительно крупномасштабным товарным производством³⁰⁷. Если за кредитом обращался зажиточный крестьянин, он легко мог получить и 100 рублей, бедняк же считал, что ему повезло, если получал 5—10 рублей³⁰⁸. В печати часто сообщалось о случаях

отказа беднякам в приеме в кооперативы и приводились примеры отрицательного отношения бедноты к сельскохозяйственной кооперации как к вотчине кулаков и «крепких» хозяев³⁰⁹. Так, «Правда» сообщала о том, что во Владимирской губернии «кулаков немного, но они умеют организоваться» и «пролезть в правления кооперативов»³¹⁰. «В кооперацию тихонько проходят старые спекулянтики и торгаши», — жаловался делегат из Сибири на заседании ЦИК РСФСР в октябре 1925 г.³¹¹ Утверждалось также, что в том же году «мы имеем в составе руководящего персонала кооперативной периферии на Украине... большую половину деятелей, принимавших непосредственное участие с оружием в руках в борьбе против советской власти»³¹². Многочисленные сообщения с мест подтверждали мнение Я. Яковлева, что «капиталистические начала получили под кооперативной вывеской наиболее благоприятные для себя условия» и что партийное руководство «ублажает себя якобы имеющимся примером движения к социализму, в то время как в действительности есть движение к капитализму»³¹³.

В первые месяцы 1925 г., в условиях приобретающей все больший размах кампании за умиротворение кулака, вопрос о сельскохозяйственной кооперации стал чрезвычайно важным, и попытки доказать ее социалистический характер, подкрепляемые вышеупомянутой цитатой из последней статьи Ленина, стали обычной темой пропаганды партийной линии. Решение отвести колхозам второстепенную роль по сравнению с сельскохозяйственной кооперацией³¹⁴ фактически оказалось победой зажиточного крестьянства. Однако даже это решение можно было с достаточной правдоподобностью изобразить шагом к распространению и укреплению социалистических принципов в сельскохозяйственной кооперации.

Первая попытка всесторонне обсудить роль сельскохозяйственной кооперации была предпринята в апреле 1925 г. на XIV партконференции, когда все большее значение придавалось подъему сельскохозяйственного производства и примирению с зажиточным крестьянством. В своем выступлении на конференции Рыков не стал подчеркивать потенциально социалистический характер кооперации в той же степени, как это делал Бухарин в вышеупомянутой речи. Ничего не сказав о колхозах, Рыков утверждал, что при НЭПе «кооперация стала нашим главным, почти единственным рычагом», и заявил, что, поскольку условия НЭПа ставят партию и правительство перед необходимостью опираться на сельское хозяйство, организованное на мелкобуржуазных принципах, основной целью кооперации следует считать не «непосредственное обобществление процессов сельскохозяйственного производства», а «организацию и объединение крестьянства как товаропроизводителя». Рыков говорил о несостоятельности надежд на коллективное сельское хозяйство, подобно тому как годом раньше он язвительно высмеивал иллюзии относительно планирования:

«Коллективная организация нескольких крестьянских хозяйств, обрабатывающих землю деревянной сохой, — это вовсе не социалистическое строительство. С помощью деревянной сохи мы социалистического сельского хозяйства не построим».

С другой стороны, Рыков превозносил значение трактора, который «революционизирует сельскохозяйственный производственный процесс в гораздо большей степени, чем тысяча агитаторов», так как наглядно показывает необходимость кооперативных методов производства, равно как и кооперативных методов реализации продуктов сельского хозяйства³¹⁵. Некоторые затруднения вызвала попытка сочетать кредитные функции, прежде выполнявшиеся отдельными кредитными кооперативами, с прочими видами деятельности сельскохозяйственной кооперации. Сельскохозяйственные кооперативы на местах оказывались в положении, обязывающем их нести двойную ответственность — перед центральной организацией кооперации и перед Центральным сельскохозяйственным банком; крестьяне, как сообщалось, не желали рисковать, доверяя свои сбережения организациям, занимающимся также и торговлей. Рыков сказал, что в будущем предусматривается полное разделение функций, «чтобы дать крестьянам полную уверенность в том, что кредитные средства обеспечены от каких-либо рисков»³¹⁶.

В резолюции конференции, имевшей более эклектический характер, чем выступление Рыкова, функции сельскохозяйственной и кредитной кооперации описывались сбалансированно и с учетом всех точек зрения. В качестве первой функции кооперации указывалась организация кредита для крестьян через самостоятельные товарищества (общества) сельскохозяйственного кредита, финансируемые Центральным сельскохозяйственным банком, второй — организация коллективной переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции. Обе функции, которые представляли собой возрождение видов деятельности, хорошо развитых до 1914 г., полностью отвечали взглядам сторонников развития самостоятельных зажиточных хозяйств. Третье положение резолюции — «организация колхозов всякого рода (товариществ, артелей и коммун)» — явилось уступкой тем членам партии, которые считали проводимую политику неоправданным уклоном, благоприятствующим кулаку, и верили, что коллективное сельское хозяйство — единственное и необходимое условие развития социалистического сельского хозяйства. Четвертое положение о функции кооперации по обеспечению крестьян средствами производства отражало высокую оценку Рыковым роли тракторов и вполне отвечало взглядам представителей всех течений, но перспективы его практической реализации были в то время еще крайне ограниченными³¹⁷. Наконец, по чрезвычайно острому вопросу о социальном составе кооперативов в резолюции предусматривалось «недопущение явно кулацких элементов» в правление кооперативов³¹⁸. Однако никто не стремился выглядеть «явно кулацким элементом», и исполне-

ние этого требования оказалось в руках органов, в которых преобладали зажиточные крестьяне, поэтому оно не могло иметь большого практического значения.

Из двух получивших одобрение функций, которые теоретически могла выполнять сельскохозяйственная кооперация, — помощь самостоятельным сельским хозяевам и содействие развитию коллективного сельского хозяйства — в середине 20-х годов первая продолжала заслонять вторую. Как следствие сельскохозяйственная кооперация, которая, согласно официальной партийной точке зрения, должна была служить оплотом против постепенной реставрации капитализма в деревне, все больше служила интересам предприимчивого и успешно ведущего хозяйство кулачества, то есть интересам мелких сельских капиталистов. Противопоставление XIII съездом РКП(б) сельскохозяйственной кооперации как альтернативы капиталистическому развитию деревни³¹⁹ оказывалось лишь благим пожеланием. «Правда» признавала, что кооперативное движение, как правило, выходит из глубины крестьянских масс и оказывается «вне сферы нашего влияния»³²⁰. С принятием общего курса на содействие развитию крепких индивидуальных хозяйств, которое было признано лучшим средством обеспечения роста сельскохозяйственного производства, все дополнительные рычаги мобилизовывались на достижение поставленной цели. Одним из важнейших рычагов, конечно, служила сельскохозяйственная кооперация, имевшая давние, еще дореволюционные традиции и отвечавшая интересам крепких крестьян, эффективно хозяйствующих и достигших достаточного уровня благосостояния.

г) Урожай 1925 г.

Постановление ЦК (30 апреля 1925 г.), юридически оформленное в виде соответствующих законодательных актов и вступившее в силу в следующем месяце, явилось высшей точкой кампании, имевшей целью стимулировать крестьянина развивать и улучшать хозяйство, сделать крепкое крестьянство опорой восстановления и развития народного хозяйства. Сторонники этого курса считали его логическим следствием новой экономической политики — раз уж разрешили крестьянину свободно торговать и строить свое хозяйство на основе буржуазных рыночных отношений, в целях обеспечения эффективности хозяйства представлялось необходимым не останавливаться на полпути, а довести до конца предоставленную крестьянину свободу действий. НЭП, будучи односторонней мерой, благоприятствующей крестьянам, имевшим излишки хлеба, позволял брать у них эти излишки и проложил путь к впечатляющему экономическому подъему. Если бы непосредственным результатом теперешнего развития и углубления НЭПа явился рост благосостояния верхнего слоя крестьян, рост продуктивности крепких крестьянских хозяйств и количественный рост

этой высшей прослойки — другими словами, усиление кулачества и превращение наиболее состоятельных середняков в кулаков, — то общий рост благосостояния, которого следовало ожидать в случае успеха подобной политики, отразился бы и на других слоях крестьянства, и других секторах экономики и, следовательно, в достаточно долговременной перспективе, предполагавшейся НЭПом, послужил бы на благо конечной цели построения социалистического общества. Новая политика была весьма сходной со своим прототипом и в другом отношении: она дала толчок новым разногласиям между теми, кто высоко оценивал НЭП как единственно верный путь к достижению цели построения социализма, и теми, кто подчеркивал, что НЭП есть «отступление», и воспринимал его как неизбежное, но временное зло³²¹. Именно так встал вопрос и теперь в отношении нового курса. Следует ли оценивать его положительно как «развитие и углубление НЭПа» или же ему нужно дать отрицательную оценку, признав его «отступлением»? Зиновьев, которому предстояло выступить в Москве с докладом о работе и итогах XIV партийной конференции и III съезда Советов СССР, советовался с другими членами Политбюро насчет того, следует ли именовать «отступлением» уступки в отношении аренды земли и найма рабочей силы. Один или два члена Политбюро высказались против употребления этого слова, но не настаивали на своем возражении, так что в итоге было официально предложено считать уступки отступлением³²².

Процесс формирования группировок в партийном руководстве, расходившихся в оценке решений XIV партийной конференции и выражавших разные мнения насчет того, как нужно относиться к кулаку, шел не так уж быстро. Сталин все еще занимал весьма двойственную позицию. После победы над Троцким его отношения с Зиновьевым характеризовались возрастающим взаимным недоверием. С присущей ему проницательностью и дальновидностью Сталин, видимо, в самом начале понял, что резкий поворот политики в пользу кулака за спиной партийной конференции разгневал очень многих коммунистов, а обезоруживающая откровенность Бухарина вообще сделала положение опасным. Еще во время работы XIV партийной конференции Сталин заявил в президиуме «в присутствии Сокольников, Зиновьева, Каменева и Калинина... что лозунг «обогащайтесь» не есть наш лозунг»³²³. Однако бухаринский лозунг не был отвергнут публично, и широкая общественность не сразу узнала о несогласии с ним партийных руководителей. Спустя несколько недель в недавно начавшей выходить газете «Комсомольская правда» появилась статья, оправдывающая, хотя довольно сдержанно, лозунг «обогащайтесь». На следующий день письмо Секретариата ЦК призвало редакцию газеты «к порядку», а лозунг был объявлен «не нашим» и ошибочным³²⁴. Однако порицание в адрес редакции, как и осуждение лозунга Сталиным, оставалось неизвестным широким партийным массам. Общественное мнение в СССР и за рубежом все еще полагало,

что Бухарин говорил если не от имени всей партии, то по крайней мере выражал единое мнение партийного руководства ³²⁵.

Тем временем те, кто добился уступок в апреле, спешили закрепить свой успех, дать ему теоретическое обоснование. В датированном 1 июня 1925 г. номере журнала «Большевик» не только было напечатано продолжение речи Бухарина с пресловутым лозунгом, но и появились две статьи, явно имевшие целью пропаганду нового курса. В первой статье И. Литвинов утверждал, что союз с крестьянством, повсюду и при любых обстоятельствах являющийся неременным условием победы революции, требует «умелого жертвования временными интересами пролетариата ради постоянных классовых его интересов». Во второй статье, «О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии», некий В. Богушевский одобрительно ссылаясь на Смирнова и Калинина, говорил о кулаке как о «типе дореволюционной России... жупеле, призраке старого мира» и предлагал вообще отказаться от использования этого слова в советской печати ³²⁶. Знаменательно, что в том же номере «Большевика» впервые была опубликована записка Ленина, адресованная Политбюро в канун XI съезда РКП(б), в которой критиковались взгляды Преображенского на усиление кулачества и расслоение крестьянства. Было напечатано также письмо Ленина Осинскому по этому же поводу ³²⁷. Обнародование в подходящий момент ранее не публиковавшихся материалов из ленинского наследия становилось обычным тактическим маневром при обострениях внутрипартийных разногласий.

Положение осложнилось неожиданным вмешательством Крупской. Разгневанная извращением, как она считала, взглядов своего покойного супруга, Крупская написала статью, в которой критиковала бухаринскую линию и политику терпимости по отношению к кулаку, и направила ее в редакцию «Правды» для опубликования. Бухарин, редактор «Правды», написал ответную статью, в которой защищал свою точку зрения, и представил обе статьи на рассмотрение Политбюро. Политбюро оказалось в затруднительном положении: сама мысль о запрете публикации статьи вдовы Ленина казалась кощунственной. С другой стороны, никак нельзя было допустить обнародования факта разногласий в высшем партийном руководстве по столь животрепещущему вопросу, и это соображение в конце концов возобладало. Большинство голосов Политбюро решило не печатать ни статью Крупской, ни статью Бухарина. В меньшинстве остались Зиновьев и Каменев ³²⁸. Чтобы дать своего рода удовлетворение Крупской, Центральный Комитет потребовал от Бухарина написать и опубликовать в печати статью с признанием ошибочности лозунга «богачайтесь» ³²⁹. Однако мнение Политбюро было более весомым, чем мнение ЦК. Бухарин не воспринял требование ЦК как нечто безотлагательное и отбыл в летний отпуск, так и не отрехшись публично от своего пресловутого лозунга.

Самолюбие Зиновьева было уязвлено тем, что на этот раз ему пришлось подчиниться большинству в Политбюро. Его речь на конференции партработников частей Ленинградского военного округа (21 июня 1925 г.) впервые открыто свидетельствовала о расколе по аграрному вопросу в высшем эшелоне партийного руководства. Зиновьев пошел на это и позаботился, чтобы речь была опубликована³³⁰, хотя несколько неожиданным выглядел сам факт выступления по аграрному вопросу перед военной аудиторией. Зиновьев начал с того, что заявил, что хотел бы «несколько остановиться на крестьянском вопросе». Он сказал, что лозунг «Лицом к деревне» означал «лицом к середняку и бедняку», но некоторые крестьяне понимали дело так, будто лозунг «Лицом к деревне» есть «поворот к более зажиточным слоям деревни», будто партийное руководство решило «ездить не на убогой крестьянской лошадке, а на жирной кулацкой лошади». Решения о свободе аренды земли и найма рабочей силы были «серьезными уступками богатой верхушке деревни»; пытаться изобразить дело иначе означало бы «преподавать политику партии в сладеньком виде». Явно имея в виду статью Богусhevского, хотя и не называя автора, Зиновьев с насмешкой отозвался о тех, кто называл кулака «устаревшим термином», «призраком старого мира» и «нереальным существом». Напротив, говорил Зиновьев, «кулак в деревне *более опасен*, гораздо более опасен, чем нэпман в городе»; отрицать существование расслоения значило выражать «кулацкую идеологию». Со стабилизацией валюты в СССР установился хозяйственный порядок, который является не социализмом, а, по выражению Ленина, «государственным капитализмом в пролетарском государстве»; речь идет о «нэповской России с растущими элементами социализма». Сам факт существования кулака достаточно убедительно говорил о том, что социализм пока еще не построен.

Теперь партия была начеку, и всякий намек на дальнейшие уступки вызывал немедленную острую реакцию. В июле 1925 г. стало известно, что Наркомзем Грузинской ССР подготовил проект решения о легализации купли-продажи земли. Стало также известно, что готовившие проект ответственные сотрудники Наркомзема происходили из «бывших князей, дворянства и духовенства» и что проект поддерживали «некоторые коммунисты». Когда о проекте узнало партийное руководство, все участники его разработки подверглись суровому осуждению, и на этом дело кончилось³³¹. В том же году Наркомзем Белорусской ССР выдвинул предложения по восстановлению и развитию сельского хозяйства, предусматривавшие меры содействия росту числа хуторских и кулацких хозяйств; ЦК партии отклонил и осудил эти предложения³³². В Туркесреспублике «новый курс» трактовался как «уступка баю и манану»; на Урале лозунг «Лицом к деревне» иногда истолковывался «лицом к кулаку», ввиду чего партия теряла доверие бедноты³³³.

На Украине аграрные проблемы вставали наиболее остро — тут сильнее всего чувствовалась перенаселенность в деревне и разница в положении зажиточных и бедняцких слоев крестьянства была наиболее разительной. В 1924 г. отдельные районы Украины сильно пострадали от недорода. Как утверждалось на сессии ЦИК УССР (февраль 1925 г.), в Волынской губернии положение было особенно тяжелым. Примерно 20—30% крестьян питались только картофелем, у 10% крестьян не было и картофеля, и им оставалось только «наниматься в кабалу к кулаку или просить подаяния»³³⁴. Конечно, такое положение усиливало враждебность к кулаку. В подобной атмосфере принятые в Москве на XIV партконференции решения об уступках зажиточному крестьянству были восприняты украинским партийным руководством со смешанными чувствами, а единогласное одобрение новой политики IX Всеукраинским съездом Советов³³⁵ не помешало вспышке кризиса летом 1925 г. Кризис был связан с чисто украинской проблемой — вопросами о комитетах незаможных селян (комнезамах, или КНС). Комнезамы появились на Украине поздно, уже после того, как комбеды в РСФСР были распушены³³⁶. Однако, подобно российским комбедам в 1918 г., украинские комнезамы неизбежно становились соперниками сельсоветов, и поэтому борьба между беднотой и зажиточным крестьянством в этот период проявлялась в форме борьбы комнезамов с сельсоветами за политическую власть в деревне. В обстановке украинского национализма борьба становилась еще более напряженной, причем самыми ярыми националистами обычно были элементы, поддерживавшие зажиточных крестьян и враждебные по отношению к комнезамам. Кампания за «возрождение Советов» весной 1925 г. явилась скрытым ударом по их доминирующему политическому влиянию, а поощрение украинского национализма — ударом по институтам, никогда не связывавшим себя с националистическими воззрениями или действиями³³⁷.

Но главным отрицательным фактором явилось решение об умиротворении кулака, принятое XIV партконференцией и одобренное IX Всеукраинским съездом Советов в мае 1925 г. Уже через несколько дней после съезда харьковская «Пролетарская правда» вторила Бухарину: «Крестьянин боится накапливать, боится купить новую сеялку, жатку, борону или плуг, так как его могут тут же окрестить кулаком, лишить избирательных прав и, так или иначе, просто раскулачить». Новая линия, утверждала газета, необходима, чтобы стабилизировать крестьянское хозяйство и добиться роста сельскохозяйственного производства. Выражалось сожаление, что «некоторые партийцы в КНС и многие члены комнезамов понимают новый курс как ставку на середняка и предательство по отношению к комнезамам»³³⁸.

Дебаты о будущем комнезамов достигли апогея и вылились в ожесточенные споры об аграрной политике на Пленуме ЦК КП(б)У в июле 1925 г. Петровский, в то время председатель ЦИК

УССР, воспользовался случаем отметить нарастание буржуазных тенденций в политике партии:

«Это мне напоминает несколько тот момент, когда буржуазия готовилась к великой французской революции на основании учения классовой борьбы, а потом, когда она взяла власть в свои руки и рабочий класс начал организовываться и вести борьбу против нее, то буржуазия стала против классовой борьбы. Не шибко ли мы, товарищи, здесь поворачиваем?.. Уже и сейчас в некоторых селениях меня встречали преимущественно середняки и замужние селяне, оттирая при таких встречах бедняков.

Можем ли мы потворствовать такому явлению? А эта тенденция, товарищи, сейчас проявляется очень сильно. НЭП, так сказать, пробивает себе дорогу, и если мы его не боимся в городе, то не забывайте, что в селах бедноте и слабым еще коммунистическим организациям трудно будет справиться с этими нэповскими тенденциями»³³⁹.

Зато Попов, другой украинский партийный лидер, считал, что слишком много льгот получают «нехозяйственные элементы сельской бедноты, склонные к паразитическому существованию на государственный счет», и выступил за роспуск оставшихся комнезамов как «анахронизма эпохи военного коммунизма»³⁴⁰. Решено было не ликвидировать комнезамы, а превратить их в «общественные и добровольные организации», которые должны будут защищать интересы бедноты, и таким образом лишить их политического влияния, которое автоматически перейдет к Советам³⁴¹. Это был в сущности компромисс: институт как таковой сохранялся, но уже не играл никакой роли, комнезамам подрезали крылья. Попов, который отстаивал компромиссное решение, впоследствии признал, что «остатки старых антисоветских настроений в середняцкой массе далеко еще не ликвидированы», что «далеко еще не исчезло недоверие между середняком и бедняком», что реорганизация комнезамов прошла «болезненно» и что на очередных выборах в Советы «советская активность середняка явно возросла, но активность бедноты и КНС была сравнительно небольшой»³⁴². Летом и осенью 1925 г. зажиточное крестьянство на Украине, как и повсюду в СССР, играло доминирующую роль. Одно сообщение, поступившее в это время с Украины в ЦК, показывало, говоря словами Крупской, «как обнаглед кулак» и в какой степени беднота «чувствует себя покинутой»³⁴³.

Тем временем внутрипартийная борьба вступала в решающую фазу. Как и в 1923 и 1924 гг., сигналом к бою послужила уборка урожая — решающее событие в России в любой год. Прежние опасения не оправдались: урожай 1925 г. оказался богатым. По сравнению с предшествующим годом увеличились посевные площади: увеличение площадей под рожь было сравнительно незначительным, но площади под пшеницу и технические культуры возросли в гораздо большей степени³⁴⁴. В 1924 г. было собрано примерно

2800 млн. пудов зерна, в том числе 450 млн. пудов товарного зерна. По первым прогнозам на 1925 г., предполагалось, что урожай зерна составит 4000—4200 млн. пудов, из которых товарного зерна будет собрано 1200 млн. пудов и 350—400 млн. пудов можно будет экспортировать³⁴⁵. Основываясь на этих прогнозах, Сокольников предполагал, что государственные заготовительные органы смогут заготовить 800—900 млн. пудов зерна³⁴⁶. Одобренный СТО июльский официальный прогноз предусматривал несколько меньший, но все-таки очень значительный объем хлебозаготовок — 780 млн. пудов³⁴⁷. Однако в августе от надежд на исключительно богатый урожай пришлось отказаться, так как из-за необычно ранних дождей потери составляли до 230 млн. пудов. Предполагаемый объем экспорта пришлось снизить с 380 до 235—265 млн. пудов и соответственно пересмотреть программы импорта³⁴⁸. Тем не менее урожай оказался гораздо больше прошлогоднего — по окончательным подсчетам, стоимость урожая 1925 г. по довоенным ценам превысила 10 млн. рублей, тогда как стоимость урожая 1924 г. составила менее 8 млн. рублей. Было собрано 4400 млн. пудов зерна, или 80% урожая 1913 г., и такой урожай обеспечивал возможность значительного экспорта. Возросло производство и других продуктов сельского хозяйства. В частности, производство картофеля, молока, фруктов, овощей и табака превысило довоенные показатели³⁴⁹. Словом, урожай свидетельствовал о возрождении сельского хозяйства.

В отличие от 1924 г. причиной трудностей в 1925 г. был не недород, а неожиданные сложности с реализацией собранного урожая. При новом курсе, определенном в апреле 1925 г., попытки устанавливать максимальные твердые цены на зерно урожая 1925 г. были официально прекращены. Теперь государственные заготовительные органы руководствовались так называемыми директивными ценами. Эти цены, которые должны были поддерживаться не административными мерами, а экономическими средствами, то есть через спрос и предложение, имели целью скорее защиту крестьянина от снижения цен (которого можно было ожидать в урожайный год), чем защиту государства и потребителя от роста цен. У советского руководства в то время было не меньше оснований опасаться перепроизводства и падения цен на сельскохозяйственные продукты, чем у экономистов капиталистических стран. На III съезде Советов СССР Рыков заявил, что «в этом году правительство окажется достаточно сильным и не допустит падения цен на хлеб настолько, чтобы они были обидными для крестьян»³⁵⁰.

Лето прошло в обстановке беспокойства и опасения того, что благодаря ожидавшемуся богатому урожаю цены на зерно упадут до катастрофически низкого уровня. В «Правде» (28 августа 1925 г.) за подписью весьма ответственного работника СТО и с предварительными замечаниями Каменева³⁵¹ была опубликована подробная оценка результатов сбора урожая, в которой откровен-

но признавалась «картина повсеместного падения хлебных цен» и констатировалось наличие предпосылок для «нового раствора лезвий ножиц». Ровно через неделю в Москве выступил с речью Каменев, который разюмировал ситуацию и ближайшие задачи следующим образом: «Наша задача заключается в том, чтобы не дать цене на хлеб свалиться ниже определенного уровня... Поэтому мы приняли политику директивных цен, то есть такой системы массовой государственной закупки, которая обеспечила бы крестьянству определенную, справедливую цену, согласованную также и с интересами потребителя хлеба: рабочего и закупающего хлеб крестьянства. Если мы видим, что цены начинают падать, мы должны в этом месте увеличить спрос и таким образом поднять цены. Если цены взлетают слишком высоко, мы должны снять заготовителей»³⁵².

В начале сентября 1925 г. в связи с ожидаемым богатым урожаем цена пуда ржи упала до 101 коп., то есть составила меньше половины цены, которую платили четыре месяца назад. С учетом предполагавшегося дальнейшего снижения цен директивная цена устанавливалась порядка 75—80 коп.³⁵³; во избежание падения цен ниже этого уровня предусматривались массовые закупки хлеба государством. Директивные цены на другие виды зерна устанавливались пропорционально по тому же принципу.

Расчеты, на первый взгляд достоверные, оказались совершенно ошибочными и дискредитировали тех, кто ими занимался. Как ни парадоксально, следствием богатейшего после революции урожая явилось не изобилие, а напряженное положение на внутреннем хлебном рынке и усиленное давление на цены в сторону их повышения. В предыдущем году твердые цены, выплачиваемые государственными заготовительными органами, держались всю осень, несмотря на более высокие цены на свободном рынке. В 1925 г. директивные цены не обеспечивали нормального хода заготовительной кампании, и их пришлось почти сразу же повысить. Первой забила тревогу «Экономическая жизнь», опубликовав 24 сентября 1925 г. статью, в которой сообщалось о росте цен и замедленных темпах хлебозаготовок. Через несколько дней «Правда» выразила озабоченность по поводу сократившегося предложения хлеба, особенно «в некоторых районах Украины», объясняя его нехваткой промышленных товаров и снижением сельскохозяйственного налога³⁵⁴. В августе 1925 г. «роль частного капитала в перевозках хлебных грузов составила лишь 10,9%», в последующие месяцы доля свободного рынка удвоилась и даже более чем удвоилась³⁵⁵. Немедленно были повышены директивные цены на пшеницу, в отношении которой конкуренция государственным заготовительным органам со стороны свободного рынка была особенно острой. Но, несмотря на гибкую политику цен, заготовка хлеба шла медленно. Наличные запасы в «потребляющих» губерниях за октябрь—декабрь 1925 г. фактически сократились³⁵⁶. Повышение директивных цен не сузило расхождения между офи-

циальными ценами и ценами на свободном рынке и не обеспечило государственным органам возможность снова взять рынок под свой контроль. В декабре 1925 г. цена на рожь на свободном рынке на 50% превышала директивную цену; рыночная цена на пшеницу превышала директивную на 33%³⁵⁷.

Столь неожиданный и нежелательный поворот событий объясняли по-разному. Замена «твердых» цен «директивными» означала отказ от попыток держать крестьянина в узде; теперь изменения политики начинало приносить плоды: несовершенство организации и соперничество между разными государственными заготовительными органами³⁵⁸ порождали их известную слабость, рост благосостояния и расширение кредита вели к росту капиталов в руках частных заготовителей и позволяли им наращивать обороты торговых операций. «Частный капитал,— писал Смилга в «Правде» в январе 1926 г.,— вытесненный из торговли промышленными товарами, перешел большей частью на скупку хлеба». Однако основной причиной был, конечно, рост самостоятельности и рыночной власти зажиточного крестьянства, что позволяло ему отстаивать свои интересы. Крестьяне получили «значительно большую свободу», чем когда бы то ни было прежде, «в выборе сроков и условий в распоряжении своими излишками ввиду уменьшения принудительных продаж»³⁵⁹. Впервые, как отметил позднее Сталин, «крестьянин и агенты правительства столкнулись лицом к лицу на рынке, как равные»³⁶⁰. «Налоговый пресс», то есть тяжесть сельскохозяйственного налога, был сведен до минимума, от твердых цен отказались, «административные мероприятия по части нажима» на зажиточного крестьянина были отменены, ему позволили даже занимать некоторые посты в местной администрации. Более того, 1924 год, когда низкие цены осенью и зимой резко подскочили весной, не прошел даром для крестьянина. Крестьяне извлекли урок, и если годом раньше впервые стали отмечаться случаи скупки и создания запасов хлеба кулаками³⁶¹, то теперь, после уборки урожая 1925 г., подобные случаи стали обычным явлением: «Осенью везут на продажу менее состоятельные крестьяне, а более состоятельные везут весной; нередко более зажиточные крестьяне, середняки, скупают хлеб осенью и держат до весны в надежде на этом заработать»³⁶².

Сообщения об умышленном придерживании запасов хлеба зажиточными крестьянами поступали с Урала и из Сибири, с Украины и Северного Кавказа³⁶³. Конечно, можно было надеяться, подобно автору статьи в «Ленинградской правде» (13 ноября 1925 г.), что «...кулаки, которые сейчас скупают хлеб по дорогим ценам в надежде на перепродажу его зимой и весной по еще более высокой цене, жестоко поплатятся за такую нерасчетливую спекуляцию», но в действительности у кулаков не было особых причин опасаться возмездия. Зажиточный крестьянин уже не испытывал стеснений в денежных средствах и в условиях нехватки промышленных товаров, на которые можно было бы потратить день-

ги, оказывался в положении, которое позволяло ему превращать государство как бы в своего заложника, заставляя государство платить выкуп. В ноябре 1925 г. Сокольников все еще говорил об экспорте, пусть в сокращенном объеме — 200 млн. пудов³⁶⁴. Но уже в следующем месяце вся серьезность сложившегося положения стала очевидной. Политбюро вынесло решение отказаться от планов экспорта, ибо стало ясно, что объем заготовленного хлеба будет на 200 млн. пудов меньше ожидавшегося (780 млн. пудов, по первоначальным прогнозам)³⁶⁵. Перспектива финансирования промышленного развития по широкому фронту за счет средств, вырученных от реализации обильных излишков зерна на внешнем рынке, растаяла. Кулак показал, что хозяин положения он.

Взвинчиванию цен на хлеб кулачеством осенью 1925 г. способствовал грубый просчет в организационной стороне хлебозаготовок, в их механизме. Суть НЭПа заключалась в снятии ограничений на свободную торговлю излишками зерна. Практика наркомпродовских реквизиций была упразднена, и в новых условиях, казалось, не было нужды в каком-либо органе вместо Наркомпрода. В 1924 г. Наркомвнуторг начал создавать свой хлебозаготовительный механизм в виде акционерной компании «Хлебопродукт». В июле 1925 г. был принят декрет, имевший целью наделить Наркомвнуторг СССР, действовавший через республиканские наркоматы внутренней торговли, неограниченными полномочиями в области государственных хлебозаготовок³⁶⁶. Однако декрет явно запоздал — к тому времени на хлебном рынке уже активно действовали другие организации³⁶⁷: кооперативы, госторги, государственные и губернские мукомольные тресты и главное Госбанк, который в традициях времен инфляции, когда зерно было самым стабильным, надежным и в то же время самым легко реализуемым видом активов, продолжал иметь немалую часть своих резервов в виде зерна³⁶⁸. Все эти организации осенью 1925 г. скупали зерно у крестьян и зачастую сталкивались между собой на рынке в тех или иных местностях, конкурировали, и при этом взаимная враждебность агентов разных организаций часто приводила к публичным скандалам³⁶⁹. Каменев возмущался «вахханалией конкуренции между хлебозаготовителями»³⁷⁰. Борьба за крестьянский хлеб еще более обостряла межведомственное соперничество, которое время от времени накладывалось на прочие трудности и противоречия хозяйственной жизни, что, естественно, осложняло развитие советской экономики. Что касается крестьян, располагавших товарными излишками зерна, у них, конечно, были все основания желать увековечения системы, которая обеспечивала им возможность выбора между конкурирующими покупателями хлеба³⁷¹.

Осенью 1925 г. развитие и углубление всех вышеупомянутых нежелательных признаков и явлений сопровождалось ростом внутрипартийных разногласий. Конечно, не вполне оправдавшиеся

ожидания относительно урожая 1925 г. не шли ни в какое сравнение с недородом 1924 г., тем более с катастрофическим голодом 1921 г. Тем не менее разочарование привело даже к более драматическому, чем в связи с трудностями прежних лет, обострению проблемы политической власти и к новой расстановке политических сил. С 1923 г. оппозиция, несмотря на свою слабую организацию и разобщенность, упорно выступала против политики дальнейших уступок крестьянству и расширения свободы торговли, пытаясь доказать несовместимость подобной политики с нуждами развития планового хозяйства и промышленного развития. Троцкий, Преображенский, Пятаков и группировка, составившая ядро «46-ти», придерживались точки зрения, противоположной официально принятому мнению о том, что укрепление крестьянского хозяйства на основе уступок крестьянам есть необходимое условие успешного развития промышленности. Собранный в 1925 г. урожай, казалось, оправдывал взгляды этой группировки и выявлял необоснованность оптимизма в отношении официального курса. События этого года обусловили образование и другой оппозиционной группировки, которая, хотя она и стояла прежде за уступки крестьянству на широком фронте, считая их естественным следствием НЭПа и политики «смычки», теперь начала проявлять озабоченность растущим расслоением крестьянства. Политика, благоприятствующая небольшой части крестьянства — кулакам и сравнительно имущим крестьянам, которых можно было тоже причислить к кулакам, — при ущемлении интересов массы бедного и среднего крестьянства шокировала эту новую оппозицию, которая осенью 1925 г. нашла своих лидеров в лице Каменева и Зиновьева.

У того и другого были личные причины противиться росту влияния и авторитета Сталина, и расхождения по политическим вопросам, несомненно, обострялись их недовольством превращением Сталина в диктатора. Однако в искренности их опасения насчет поворота политического курса сомнений быть не может. Объяснения, которые впоследствии дал Каменев, представляются поэтому вполне правдоподобными: «Мы испытывали подлинную глубокую тревогу за определенную политику партии в данный момент, нам казалось, что ряд товарищей и пресса, в частности, недооценивают всех процессов, которые происходят не в социалистическом, а в капиталистическом секторе нашего хозяйства. Нам казалось, что партия не отдает себе отчета в тех трудностях, которые несет усиливающееся накопление кулака и нэпмана, усиливающееся отодвигание от нас бедняка. Правы мы были или не правы, это — дело другое, но мы считали, товарищи, что нашей законной обязанностью было, конечно в рамках партийного устава, об этом партии сказать»³⁷².

Эта «новая оппозиция» имела мало общего с «рабочей оппозицией», хотя в некоторой степени их объединяла общая антикулацкая платформа и солидарность в отрицательном отношении к

официальной линии партии. Слабым местом обеих оппозиций было отсутствие определенной положительной программы. Переход на рельсы НЭПа был обусловлен невозможностью дальнейшего применения к крестьянству мер принуждения, все дальнейшие события явились следствием официального отказа от насилия по отношению к крестьянству. Отказаться теперь от поддержки крестьян, располагавших излишками, лишить их возможности пользоваться рыночной властью, чтобы наиболее выгодно распоряжаться имевшимися излишками, значило вновь пойти на применение методов принуждения, хотя и в смягченной, завуалированной форме. Оппозиционеры не могли откровенно требовать возвращения к насилию по отношению к крестьянству и не предпринимали открытых действий, которые позволяли бы судить, как далеко они готовы зайти. Это понятно, если учесть, что сторонники официальной линии располагали таким мощным оружием, как авторитет **Ленина**, настаивавшего на «смычке» с крестьянством, и в любом случае могли возразить оппозиционерам, что те предлагают вернуться к методам «военного коммунизма».

В речи Каменева о политике цен при реализации урожая, с которой он выступил 4 сентября 1925 г.³⁷³, также содержались некоторые критические моменты, в которых угадывалась платформа «новой оппозиции». Несмотря на отличный урожай, указывал Каменев, не следует игнорировать отдельные «черные пятна»: «Мы были бы плохими марксистами, если бы, например, только радовались тому, что у нас хороший урожай, но не поставили бы себе вопроса: а каково социальное содержание этого урожая?»

По оценке Каменева, 14% крестьян собрали 33% хлеба и имели в своем распоряжении 61% товарных излишков: из 1200 млн. пудов товарного зерна 700 млн. находилось в руках этих 14% зажиточных крестьян. Каменев обвинил некоторых коммунистов в замазывании этих фактов. «Один очень ответственный товарищ, — заявил Каменев, — задал вопрос: „Согласуется ли подобное подчеркивание этих цифр с политикой развития производительных сил в деревне?“» Далее Каменев подверг критике мнение о роли кооперации как проводника социализма в деревне: «Кому она [кооперация] больше помогает? И тут нельзя отрицать того факта, и было бы политикой страуса это отрицать, что кооперация, так, как она поставлена сейчас, неизбежно, стихийно втянутая в товарный оборот, пока еще больше помогает более сильным слоям».

Он упомянул Троцкого без особой нужды, просто чтобы лишь один раз подчеркнуть, что не разделяет еретических взглядов последнего. Именно в этот момент Каменев оказывал поддержку скептикам, выступавшим с нападками на первые «контрольные цифры» Госплана³⁷⁴. В равной степени он подчеркнул свое несогласие с теми, кто все еще думал, что «надо спасти революцию соглашением с капиталистическим Западом». Каменев закончил свою речь следующим обнадеживающим заверением: «Мы совсем

не бессильны перед тем ростом расслоения, который наблюдается в деревне. Наоборот. У нас есть ряд очень действенных мер, которыми мы можем ввести в известные рамки выпячивание кулацкой верхушки, *путем содействия поднятию середняка и бедняка*».

Речь Каменева не выходила за рамки официальной партийной линии, но иная расстановка акцентов в выступлении председателя СТО явилась все же вызовом, который нельзя было оставить без внимания. К тому же именно в это время Институт Ленина, которым руководил Каменев, опубликовал статью Ленина, которая не была включена в первое издание собрания сочинений. Статья, написанная в августе 1918 г., в момент наибольшего размаха кампании в поддержку комбедов, была озаглавлена «Товарищи — рабочие! Идем в последний, решающий бой!» и содержала самые резкие отзывы Ленина о кулаке, который «ненавидит Советскую власть и готов передушить, перерезать сотни тысяч рабочих». Ленин требовал «беспощадного подавления» кулаков, этих «кровопийц, вампиров, грабителей народа, спекулянтов, наживающихся на голоде»³⁷⁵. Публикация статьи явно преследовала цель напомнить, что ленинские работы, столь часто цитировавшиеся поборниками официального курса, не всегда однозначны.

Одновременно с осторожным выступлением Каменева выступил и Зиновьев, причем гораздо более дерзко и вызывающе. В начале сентября 1925 г. он передал в редакцию «Правды» для опубликования пространную статью, озаглавленную «Философия эпохи». В статье рассматривалась философия сменовеховцев и критиковался недавно вышедший в Харбине сборник Устрялова «Под знаком революции». Сборник, по мнению Зиновьева, свидетельствовал о «поворотном пункте» в истории НЭПа. Устрялов писал: «И тогда за ним, нэпманом, должна прийти и созидательная буржуазия... и в первую голову, конечно, этот «крепкий мужичок», без которого немыслимо никакое оздоровление нашего сельского хозяйства». Он мечтал об оздоровлении, направленном «по руслу спокойной и экономной эволюции», и с удовлетворением отмечал, что «мужик становится единственным и действительным хозяином русской земли». В своей статье Зиновьев заявил, что это та же самая «канонизация кулака», которую можно найти в эмигрантских публикациях, показатель «опасности перерождения», опасности, которую Ленин всегда считал неизбежной, если мировой революции долго не будет и НЭП затянется на очень продолжительное время. Когда Устрялов утверждал, что «страна готова к нормальной жизни», он имел в виду буржуазную жизнь. Он был «идеолог буржуазии (хотя и «новой»)».

В действительности же Устрялов мало интересовал Зиновьева. Последствием Каганович сказал, что «как будто об Устрялове идет речь, а на самом деле там стреляют по тов. Бухарину»³⁷⁶. Главная цель Зиновьева заключалась в том, чтобы привлечь внимание к опасности кулацкого уклона: «*Да, развитие нэп'а при*

затяжке мировой революции действительно чревато среди других опасностей и опасностями перерождения. На это десятки раз указывал Ленин» (курсив Зиновьева)³⁷⁷. Далее шли «выпады по адресу Бухарина» — за неимением первоначального варианта статьи установить, упоминалось ли в ней имя Бухарина, не представляется возможным³⁷⁸. Затем, как бы в противовес утверждениям, что линия партии способствует дифференциации, Зиновьев пустил ся в риторическое восхваление «равенства»:

«Хотите знать, о чем подлинно мечтает народная масса в наши дни? Чтобы выразить парой слов эту мечту, можно сказать: это — уничтожение классов, новая жизнь, социалистическое равенство. Вот подлинный ключ к пониманию философии нашей эпохи...

Во имя чего в великие дни Октября поднялся пролетариат, а за ним и огромные массы всего народа?

Во имя новой жизни на началах именно не-буржуазных».

В заключение в статье отмечалось, что предстоит «серьезная борьба за истолкование революционной линии», определенной решениями XIV Всесоюзной партийной конференции, и выражалась уверенность, что пролетариат «сумеет помочь РКП истолковать линию революции в строго ленинском духе»³⁷⁹.

Когда этот взрывоопасный документ стал известен, в Москве из членов Политбюро были только Калинин и Молотов³⁸⁰. Молотов, возглавлявший Секретариат, отослал статью Сталину, который был тогда в отъезде. Сталин ответил письмом (12 сентября 1925 г.), в котором подверг ее «грубой и резкой критике». Статья Зиновьева, писал Сталин, «представляет искривление партлинии в духе Ларина». Говорить о «борьбе за истолкование» решений XIV конференции значило, по мнению Сталина, «вести линию на нарушение этих решений». Сталин отмечал, что Зиновьев обошел «главную тему» конференции — среднее крестьянство и кооперацию, — чтобы «смешать Бухарина со Столыпиным» и выдвинуть лозунг о «равенстве», который в тот момент был «эсеровской демагогией». Называть революцию «неклассической», как это делал Зиновьев, значило «скатиться к меньшевизму». В конце концов статья Зиновьева была подвергнута «изменениям и добавлениям, которые были потом внесены членами ЦК». В исправленном тексте все ссылки и намеки на Бухарина и его лозунг были сняты, хотя осталось вялое упоминание об ошибочных взглядах Богушевского, появился новый абзац о важной роли середняка и опасности левацкого игнорирования этой роли³⁸¹. Абзац о равенстве был коренным образом переработан, перед словом «равенство» появился спасительный эпитет «социалистическое». Исправленный текст был опубликован в «Правде» (19 и 20 сентября 1925 г.) и вышел также отдельной брошюрой. Хотя Сталин формально оставался на заднем плане, его ведущая роль во всем эпизоде со статьей, конечно, была очевидна для Зиновьева, и разрыв между ними стал неизбежным. Однако вопрос о линии

в аграрной политике все-таки оставался открытым, о чем свидетельствует хотя бы факт появления в конце сентября критической статьи в журнале «Большевик», направленной не только против Богушевского, но и против Калинина и Смирнова, которые обвинялись в попытках «легализовать кулака, отрицая его существование»³⁸².

В октябре 1925 г., когда еще не вполне улеглось волнение в узком кругу партийного руководства, вызванное «Философией эпохи», из-под пера Зиновьева вышел объемистый труд (около 400 страниц), озаглавленный «Ленинизм» с подзаголовком «Введение в изучение ленинизма». Этой книгой Зиновьев явно стремился вновь заявить свои претензии на роль авторитетного толкователя учения Ленина — претензии, пошатнувшиеся после наскоков Сталина. Авторское предисловие было датировано 17 сентября 1925 г.; именно в это время Секретариат занимался переработкой текста «Философии эпохи». В предисловии Зиновьев выразил «горячую признательность» Крупской, которая «при двукратном чтении этой работы в рукописи и в корректуре дала мне ряд ценнейших советов». Зиновьев писал, что началом книги «послужили лекции, читанные автором в конце 1924 года перед слушателями Коммунистической Академии и Института Красной Профессуры». В самом деле, первая половина книги всецело отражала атмосферу предшествующей зимы и кампании против Троцкого, касаясь лишь таких безопасных и избитых тем, как буржуазно-демократическая и социалистическая революция, первостепенное значение смычки с крестьянством (Ленин «открыл» крестьянство как союзника рабочего класса в пролетарской революции), перманентная революция и пренебрежительное отношение Троцкого к роли крестьянства.

В середине книги, однако, тематика меняется, и Зиновьев, хотя и в завуалированной форме, выступает против позиции тогдашнего партийного руководства. В конце длинной главы «Ленинизм и диктатура пролетариата» он неожиданно заводит речь об Устрялове, «книжка которого «Под знаком революции» недавно нам попала в руки». Здесь, по сути, повторяются доводы, высказанные в «Философии эпохи», причем в более четких и недвусмысленных выражениях. Не упоминая имени Бухарина, Зиновьев поместил длинную цитату из Устрялова, в которой тот приветствует лозунг «обогащайтесь», и отметил, что Устрялов считает, что НЭП — «не тактика, а эволюция». Существовали две опасности: уклон к тому, чтобы «передержать» диктатуру, слишком затянуть ее, и опасность того, что «мелкобуржуазные силы «разбавят водою» пролетарскую диктатуру, развинтят основные «гайки» и тем самым дадут возможность буржуазии (и кулаку)... прямо-таки ударить по основным столбам пролетарской диктатуры». Зиновьев не оставляет места сомнениям, что в сложившихся в СССР условиях реальной следует считать именно вторую опасность³⁸³.

Две следующие главы именовались «Ленинизм и НЭП». Опе-

рируя многочисленными цитатами, Зиновьев доказывал, что Ленин считал НЭП отступлением. Более того, Зиновьев утверждал, что отступление продолжается:

«Но нельзя торжествовать мнимую победу некапиталистической эволюции в сельском хозяйстве как раз тогда, когда нам приходится делать еще дополнительные уступки именно капиталистическим элементам сельского хозяйства»³⁸⁴. Далее Зиновьев утверждал, что глубоко заблуждаются «те, кто... с серьезным видом доказывает, что кулака в современной русской деревне «нет и в помине», и те, кто доказывает, что «накопление» в деревне будет происходить чуть ли не путем непорочного зачатия»³⁸⁵. Установленный НЭПом хозяйственный порядок был «государственным капитализмом в пролетарском государстве», а государственный капитализм — этап на пути к социализму. Тут Зиновьев сослался на недавно опубликованную статью, написанную в 1918 г., в которой Ленин яростно обрушивался на кулака³⁸⁶. Мораль была совершенно ясна: классовая борьба продолжается и будет продолжаться, и этот факт нельзя замазывать разговорами о классовом сотрудничестве. Если в 1923 г. наибольшим врагом было «безбрежное брюзжание, пессимизм и крики о „гибели страны”», то в 1925 г. опасность заключалась в «самодовольстве, когда оно превращается в замазывание классовой борьбы в деревне и затушевывание опасности со стороны кулака»³⁸⁷.

До сих пор главной, пусть безымянной, мишенью был Бухарин. Далее Зиновьев обращает оружие против идеи «социализма в одной стране», обильно цитируя Ленина в попытках доказать невозможность создания и налаживания социалистического хозяйства в одной стране, к тому же столь отсталой. Подобно другим спорам на эту тему, расхождение между Зиновьевым и Сталиным носили несколько отвлеченный характер. С одной стороны, резолюция XIV партийной конференции, предложенная самим Зиновьевым, обязывала его твердо держаться принципа строительства социализма, и Зиновьев вновь, подчеркивая курсивом свою убежденность, говорит, что мы *«должны, можем, смеем, обязаны»* строить социализм в одной стране³⁸⁸. С другой стороны, Сталин не отрицал, что для окончательного построения социализма требуется победа социалистической революции в других странах. Временами, казалось, спор сводился к выбору совершенного или несовершенного вида одного и того же глагола, к выбору формулировки — процесс строительства или факт построения социализма. Однако, читая эту главу из книги Зиновьева, нельзя было не понять, что председатель Исполкома Коминтерна, прикрываясь рассуждениями о международном характере революции, подводит мину под сталинскую концепцию социализма в одной стране: «Ленин с головы до ног был международным революционером. Его учение применимо не только к России, а ко всему миру. Нам, ученикам Ленина, надо гнать как наваждение одну мысль о том,

будто мы можем остаться ленинцами, ослабив хоть на йоту международный момент в ленинизме»³⁸⁹.

Итак, в книге Зиновьева впервые открыто прозвучало отрицание возможности построения социализма в одной стране. Сталин не мог расценить это иначе, как объявление войны своей концепции. В следующей главе Зиновьев обращается к сравнительно безобидной теме — роли партии. Однако и тут он затрагивает весьма спорный вопрос, настаивая на необходимости преобладания рабочих над крестьянами в руководстве комсомолом, и, не называя имени Сталина, дает запоздалый ответ на сталинскую критику своих прежних рассуждений о «диктатуре партии»³⁹⁰. Завершает книгу банальная и безобидная глава «Ленинизм и диалектика».

В начале октября 1925 г., когда собрался Пленум ЦК, который должен был подготовить почву для очередного XIV съезда партии, намеченного на декабрь, отношения между лидерами были уже весьма напряженными. Пленум давал возможность поместиться силами, но, как показали дальнейшие события, ни одна из сторон еще не была готова к решительному бою. Каменев выступил с докладом о хозяйственном положении, по которому состоялись продолжительные прения. В докладе отдельно рассматривались три недавних периода экономической политики, а именно: май — июнь 1925 г., когда еще преобладали сомнения и осторожные оценки; период оптимизма в июле — августе, когда ввиду ожидавшихся больших излишков хлеба составлялись заманчивые планы экспорта и импорта, и, наконец, август — сентябрь — вновь период сомнений и неуверенности, так как потери ввиду ранних дождей грозили осложнениями в ходе хлебозаготовок. В докладе (проекте резолюции) прозвучали и нотки сомнения в правильности выбранного курса опоры на крепкие хозяйства: «Самый хороший урожай, являясь громадным плюсом, укрепляя и облегчая дело дальнейшего социалистического строительства, распределен среди отдельных групп крестьянства таким образом, что усиливает его дифференциацию».

Не подвергая сомнению содержащийся в докладе вывод о необходимости контроля над ценами на хлеб «чисто административными мерами», пленум «поручил Политбюро ЦК на основе состоявшегося обмена мнений обсудить практические мероприятия и вынести окончательное решение по докладу Каменева»³⁹¹. Неопределенность ситуации со сбором и реализацией урожая оправдывала отсрочку важных политических решений, и эта отсрочка всем принесла только облегчение³⁹².

Вторым важным пунктом повестки дня был доклад Молотова, в котором он предложил проект резолюции «О работе партии среди деревенской бедноты». Проект, который включал некоторые предложения, выдвинутые Зиновьевым³⁹³, и который, следовательно, можно было считать компромиссным, был «в основном» одобрен Политбюро ЦК 1 октября 1925 г.³⁹⁴ В докладе, весьма урав-

новешенном по тону, признавался рост расслоения в деревне, но отмечалось, что «главную массу хлеба производит и выбрасывает на рынок именно середняцкая масса», а это противоречило приведенным Каменевым цифрам. Молотов вновь отметил существование двух уклонов — прокулацкого (Богушевский) и антикулацкого (Ларин)³⁹⁵. Выражением последнего уклона явилось, по словам Молотова, и выступление украинской газеты, протестовавшей против реорганизации комнезамов³⁹⁶.

Проект был принят с незначительными поправками. Рекомендация организовывать бедноту в Средней Азии по принципу комнезамов была снята и передана на рассмотрение Политбюро; появилась рекомендация о создании фонда для предоставления бедноте кредитов³⁹⁷. Можно утверждать, что в своем окончательном виде резолюция была некоторым сдвигом влево. Уступки кулаку, отраженные в решении ЦК от 30 апреля, уходили в прошлое. В резолюции давались несколько иные определения уклонов, или «искажений политики по отношению к деревне», — уклоны именовались «недооценкой отрицательных сторон НЭПа» и «непониманием всей необходимости НЭПа». Первый уклон представлял собой «забвение интересов деревенской бедноты и недооценку кулацкой опасности», второй — «забвение важнейшего в данный период значения основной середняцкой массы крестьянства, разрыв союза рабочих и крестьян». В резолюции поддерживалось решение ЦК КП(б)У о реорганизации комнезамов. Больше внимания, чем в прежних документах, уделялось деятельности Всеработземлеса и необходимости «охраны интересов беднейших слоев деревни»; рекомендовалось проводить «особые собрания бедноты» для защиты ее интересов на выборах в Советы³⁹⁸. Наконец, вновь поднимался вопрос о переводе единого сельскохозяйственного налога в подходящий. Однако никто, кроме Сокольников, ставшего самым активным и решительным защитником интересов маломощного крестьянства и противником уступок кулаку, не считал, что настало время поставить этот вопрос перед съездом партии³⁹⁹. Все решения были приняты единогласно, и пленум завершился без каких-либо радикальных решений.

С каждым днем затруднения в ходе хлебозаготовок становились все более очевидными. Через неделю после завершения работы Пленума ЦК Каменев выступил с докладом «Об итогах Пленума ЦК РКП(б)» на собрании актива Московской партийной организации. Знаменательно, что на этот раз речь об уклонах шла в обратном порядке, то есть сначала Каменев осудил «ларинский уклон», противоречащий ленинскому утверждению, что «НЭП есть неизбежный путь к социализму», а затем уже приступил к многословным рассуждениям об уклоне Богушевского, считавшего кулака фигурой из прошлого, которую можно уже не принимать в расчет. Подобно Молотову, приводившему злободневные цитаты в подтверждение уклона Ларина, Каменев процитировал слова из «последней книжки журнала „Печать и Револю-

ция"», чтобы показать, что кулацкий уклон отнюдь не исчез: «...аграрный капитализм будет рычагом роста социалистических элементов советского хозяйства»⁴⁰⁰, и сослался на молотовскую резолюцию как на подтверждение неприемлемости подобных взглядов. Не упоминая о возражениях Молотова и слегка изменив первоначальные цифры, он повторил утверждение, что 12% крестьян владеют 60% хлебных излишков, добавив в несколько таинственном духе, что сами по себе эти цифры не отражают «классового расслоения крестьянства». Богушевский, ставший притчей во языцех, единственный раз выступил на собрании, пытаясь обосновать свою точку зрения. Каменев возражал ему в довольно мягкой форме. Никто уже не мог предложить ничего нового⁴⁰¹.

Важность проблемы, видимо, приглушала внутривнутрипартийные разногласия, и весь ноябрь подготовка к XIV съезду партии шла в обстановке, казалось, предполагавшей возможность вновь прийти к компромиссу. Если бы дело ограничивалось лишь разногласиями по вопросам экономической политики, эта надежда, вероятно, оправдалась бы. В середине ноября Бухарин наконец выступил с запоздалым и несколько принужденным отречением от лозунга «обогащайтесь». Подобно Зиновьеву с его «Философией эпохи», Бухарин поместил в «Правде» статью о сменовеховском движении. В статье, озаглавленной «Цезаризм под маской революции», Бухарин обвинил Устрялова в отрицании демократии не во имя большевизма, а «во имя фашистского цезаризма и буржуазной диктатуры». В отличие от зиновьевской статьи статья Бухарина по сути была выступлением в защиту НЭПа: Устрялов увидел в НЭПе «перерождение большевизма» и высказал мнение, которое Зиновьев теперь фактически пытался популяризовать. Солью статьи, однако, был ответ Бухарина Устрялову, который, назвав Бухарина «ортодоксальнейшим и чистокровнейшим», превозносил его за лозунг «обогащайтесь», выдвинутый Бухариным якобы от имени партии. Бухарин решительно отмежевался от сомнительных устряловских комплиментов и в немногих словах выразил сожаление по поводу своей неудачной фразы: «Эта формулировка была, несомненно, ошибочной формулировкой того совершенно правильного положения, что партия должна держать курс на подъем благосостояния деревни»⁴⁰².

В конце ноября Политбюро одобрило тезисы доклада Каменева XIV съезду ВКП(б). Основной темой доклада по вопросам хозяйственного строительства, опубликованного в «Правде» (27 ноября 1925 г.), было развитие промышленности. Цель аграрной политики определялась как «вовлечение крестьянства в социалистическое строительство при помощи широкого кооперирования его на базе растущей индустриализации страны». Без каких-либо практических выводов в докладе отмечалась частичная неудача хлебозаготовительной кампании. Подтверждались решения XIV партийной конференции относительно «укрепления и развития

крестьянского хозяйства», но конкретно упоминались только середняки и бедняки. В обстановке обострившихся разногласий среди партийного руководства, целиком поглощавших внимание партии, проблемы аграрной политики временно отошли на второй план. Как председатель СТО Каменев нес главную ответственность за прогнозы, оказавшиеся необоснованными или даже фальсифицированными, и за политику, признанную как не оправдавшую возлагавшихся на нее ожиданий. Зиновьев выдвинул лозунг «Лицом к деревне» в ходе кампании против Троцкого и, таким образом, превратился, как без тени сомнения утверждали некоторые троцкисты, в «одного из инициаторов крестьянского уклона»⁴⁰³. Положение «новой оппозиции» было недостаточно прочным, чтобы дать бой по аграрному вопросу. Каменевские цифровые данные о распределении излишков хлеба по категориям крестьян подверглись резким нападкам; критиковалось и ЦСУ, предоставившее эти данные Каменеву. По оценкам ЦКК, даже бедняки продали две пятых выращенного ими хлеба, середняки — от трети до половины, причем бедняки, середняки и зажиточные крестьяне произвели соответственно 21,7%, 48,6 и 29,7% товарного зерна⁴⁰⁴. При отсутствии общепринятых четких определений разных категорий крестьян статистическими данными можно было манипулировать как угодно.

Поражение оппозиции на XIV съезде ВКП(б), следствием которого в числе прочего было осуждение доклада Каменева и смещение Каменева и Сокольников с занимаемых постов, не обеспечило единства мнений по вопросам аграрной политики. И на съезде, и на предшествовавших ему Ленинградской и Московской губернских партийных конференциях к теме двух уклонов обращались бесчисленное число раз; однако тема эта уже утратила новизну, и дебаты не были особенно бурными. Сталин заверил делегатов, что «сельское хозяйство, в отличие от промышленности, может двигаться на известное время быстрым темпом и при нынешней технической базе» и «...дальнейшее развитие земледелия не встречает пока что таких технических затруднений, какие встречает наша промышленность»⁴⁰⁵. Бухарин, покаявшийся в своей ошибке, получил полное отпущение грехов, и даже к уклону Богушевского было проявлено сравнительно терпимое отношение. Сталин продолжал настаивать, что партия должна «сосредоточить огонь» на борьбе с «раздуванием роли кулака», и отмежевался от ларинской «схемы «второй революции» против засилья кулака»⁴⁰⁶. Бухарин, явно достигший вершины своего влияния и авторитета, уделил оправданию аграрной политики партии и уступок зажиточному крестьянству больше времени, чем любой другой делегат.

Тем не менее многие признаки свидетельствовали о том, что новая расстановка акцентов, намеченная октябрьской резолюцией ЦК, получала дальнейшее развитие, и разгром оппозиции не обязательно означал отрицание всех критических выступлений оппо-

зиционеров. Сталин признал, что в партии появились «настроения, что политика прочного союза с середняком означает будто бы забвение бедноты», что «не только некоторым элементам бедноты, но и некоторым коммунистам показалось, что отказ от раскулачивания и административного нажима есть отказ от бедноты, забвение ее интересов», и подчеркнул, что резолюция октябрьского Пленума ЦК была направлена именно на исправление этих ошибок⁴⁰⁷.

Молотов высказался с трибуны съезда еще более определенно:

«В настоящее время середняка мы за собой по-настоящему еще не ведем.

Эту задачу мы поставили, эту задачу — задачу сплочения бедняков и середняков вокруг нашей партии — мы теперь только начинаем осуществлять; но она, задача, у нас выполняется еще слабо и поэтому является важнейшей, но и труднейшей центральной задачей работы в деревне... Бедноту мы, действительно, еще не можем считать организованной вокруг нашей партии».

Далее Молотов призвал партию «бороться против забвения интересов бедноты» и «неуклонно бороться против кулацкой опасности, за изоляцию кулака, за вышибание с тех экономических и политических позиций, которые он еще занимает в деревне»⁴⁰⁸. Эти слова гораздо ближе к языку оппозиции, чем к языку Бухарина.

Официально съезд ничего не изменил в аграрной политике партии. Он не вынес отдельной резолюции по аграрному вопросу, а его общая резолюция, которая по обыкновению была изложением линии партии по внешней и внутренней политике, оказалась совершенно нейтральной в отношении аграрной политики. Съезд одобрил решения ЦК об исправлении ошибок, допущенных в ходе хлебозаготовительной кампании и во внешней торговле. В сдержанных выражениях утверждалось, что страна «имеет все необходимое для построения полного социалистического общества» и что «государственная социалистическая промышленность» является «авангардом народного хозяйства»⁴⁰⁹. Указывалось, что одновременно развиваются и «противоречия», а также «специфические опасности и трудности», в частности «рост кулацких хозяйств в деревне вместе с ростом дифференциации этой последней». Среди мер, направленных на «обеспечение победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом» в сфере сельского хозяйства, резолюцией предусматривались «повышение техники земледелия (тракторизация), индустриализация сельского хозяйства, упорядочение дела землеустройства и всемерная поддержка разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства». Наметив столь дальние перспективы движения по социалистическому пути развития, авторы резолюции, по-видимому, почувствовали необходимость восстановить равновесие. Далее в одном из абзацев вновь был поставлен диагноз двум противопо-

ложным уклонам, поставленный прежде октябрьским (1925 г.) Пленумом ЦК и ошибочно отнесенный к решениям XIV партийной конференции. В резолюции выражалось одобрение решений по аграрному вопросу, принятых XIV партийной конференцией, причем среди прочих ошибочно упоминались решения об использовании наемного труда и аренде земли, принятые не конференцией, а Пленумом ЦК уже после того, как конференция завершилась⁴¹⁰. Отмечалось, что данный «поворот партийной политики коренным образом улучшил положение в деревне» и «поднял авторитет пролетариата и его партии среди крестьянства». В противовес одобрению политики поддержки кулака беднякам была обещана поддержка и содействие партии, но вновь тут же следовало уточнение: «...не может быть и речи ни о возврате к комбедам, ни о возврате к системе нажима периода военного коммунизма, практике «раскулачивания» и т. п.»⁴¹¹

Таким образом, резолюция XIV съезда ВКП(б) отражала не победу какого-либо одного мнения, а нерешенную дилемму, стоящую перед теми, на ком лежала ответственность за проведение советской аграрной политики. Тем не менее отдельные мимоходом сказанные замечания Сталина и Молотова явились «пылью на ветру», показывающей, в каком направлении неизбежно должна пойти линия партии под влиянием импульса, приданного ей интенсивной индустриализацией.

д) Туманные перспективы

За XIV съездом ВКП(б) последовал период затишья, когда никто не проявлял желания поднимать спорные вопросы. Признаки тревоги по поводу заготовок хлеба осенью 1925 г. могут даже показаться преувеличенными. Катастрофу удалось отвести, горожане получили достаточно продовольствия, фабрики и заводы были в целом обеспечены сырьем, хотя все это обошлось дороже, чем предполагалось. Правда, пришлось отказаться от намерения экспортировать зерно. Все шло, в общем, по-прежнему; возможно, темпы экономического роста могли бы быть и выше, но это уже другой вопрос. Несмотря на преобладание в течение некоторого времени такой атмосферы затишья, постепенно становилось все более очевидно, что после XIV съезда ВКП(б) взгляды на перспективы хозяйственного развития и экономическую политику во всех ее аспектах претерпели определенные изменения. Отныне первостепенное значение стали придавать нуждам промышленности, и именно они в дальнейшем определяли темпы развития других секторов экономики. Разгром оппозиции способствовал возникновению новых группировок, что не мешало партийному руководству принимать некоторые взгляды и аргументы прежней оппозиции. Осенью 1925 г. недоверие и враждебность по отношению к кулаку были главным пунктом платформы оппозиции. Те-

перь, когда оппозиция потерпела поражение, партийному руководству легче было признать наличие веских оснований для отрицательного отношения к кулаку без опасений быть причисленным к оппозиционерам. В январе 1926 г. в «Правде» была опубликована корреспонденция из Харькова, в которой говорилось, что реорганизация на добровольной основе комнезамов на Украине отнюдь не свидетельствует о снижении их роли и эффективности как передового отряда в борьбе с кулаками⁴¹². В начале февраля в «Правде» со значительным опозданием была помещена длинная речь Микояна, с которой он выступил, как уточнялось в газете, «незадолго перед XIV партсъездом на северо-кавказском краевом съезде Всеработземлеса». Микоян открыто говорил о беспощадной «классовой борьбе» с кулачеством⁴¹³. Все говорило за то, что о кампании против кулаков отнюдь не забыли; постоянной темой официальной публицистики стала необходимость совершенствовать организацию бедноты на борьбу с кулаками⁴¹⁴.

Новые веяния выразила и попытка поднять престиж и эффективность Всеработземлеса — профсоюза сельскохозяйственных рабочих⁴¹⁵. Октябрьский (1925 г.) Пленум ЦК напутствовал Всеработземлес как «организацию широких пролетарских и полупролетарских масс: сельскохозяйственных рабочих, батраков и полупролетарских элементов деревни, основным занятием которых является работа по найму», — хотя следует отметить, что эти строки вошли в резолюцию «О работе партии среди деревенской бедноты», а не в резолюцию о профессиональных союзах⁴¹⁶. Впервые упоминание о Всеработземлесе и его деятельности фигурирует в общей резолюции XIV съезда партии (декабрь 1925 г.)⁴¹⁷, а в конце января 1926 г. в Москве состоялся V съезд Всеработземлеса (первый съезд, работа которого освещалась в какой-то мере средствами массовой информации). На съезд собралось 537 делегатов со всей страны, в том числе 103 батрака. Съезд принял несколько резолюций, в частности «О борьбе с кулаком в деревне», и даже резолюцию, в которой выражались такие далеко идущие требования батраков, как заработная плата выше госминимума, выплата заработной платы наличными, а не натурой, улучшение условий проживания и питания⁴¹⁸. Численность Всеработземлеса, составлявшая на 1 января 1923 г. 250 тыс. человек (в том числе менее 5 тыс. батраков), достигла к 1 октября 1925 г. 770 тыс. человек, в том числе 260 тыс. батраков⁴¹⁹. Но даже если предположить, что все они были активными членами Всеработземлеса (а такое предположение выглядит более чем сомнительным), Всеработземлес объединял лишь небольшую часть массы полупролетарской сельской бедноты; среди членов Всеработземлеса было также много агрономов, землемеров и других работников нефизического труда, занятия которых имели отношение к сельскому хозяйству⁴²⁰.

Поставленные XIV съездом ВКП(б) задачи индустриализации страны и построения социалистического общества конкретизиро-

вали и сделали более насущным и безотлагательным вопрос, по которому Бухарин скрестил оружие с Преображенским еще в конце 1924 г. Вопрос заключался в том, каким образом можно получить необходимые для развития промышленности ресурсы из единственного имевшегося в стране или потенциально возможного источника — излишков советского сельского хозяйства. Представив первые «контрольные цифры», Госплан придал этому вопросу первостепенное значение: «Поскольку вся система контрольных цифр — система экономического равновесия и цен — построена на презумпции полного извлечения товарных излишков крестьянской продукции и поскольку, следовательно, невыполнение этой задачи угрожает нарушением равновесия, принять директиву, что овладение крестьянским рынком, извлечение всей товарной продукции сельского хозяйства... является первостепенной и важнейшей задачей нашей экономической политики»⁴²¹.

Попытки уйти от дилеммы путем создания режима благоприятствования крестьянству исчерпали себя. Кажется, все было сделано, чтобы заинтересовать зажиточных крестьян, дать им возможность развивать хозяйство, арендовать землю, нанимать работников, собирать обильные урожаи, повышать свое благосостояние. В 1925 г. зажиточное крестьянство воспользовалось всеми уступками и собрало отличный урожай. Но зажиточный крестьянин не желал реализовывать хлеб на рынке, бедном дешевыми потребительскими товарами, которые ему, естественно, хотелось приобретать. Поэтому крестьяне не хотели расставаться с излишками, необходимыми для обеспечения развития промышленности в долгосрочной перспективе. В январе 1926 г. Преображенский говорил о сложившемся положении с обычной для него трезвостью суждений: «...социалистическое накопление может угрожать разрывом с крестьянством, ликвидацией смычки и т. д. Между тем мы в настоящее время имеем размычку с крестьянством благодаря товарному голоду, а товарный голод происходит вследствие недостаточного накопления»⁴²².

Чтобы и дальше проводить политику умиротворения крестьян, необходимо было пойти на увеличение экспорта зерна в уплату за импорт потребительских товаров; однако XIV съезд ВКП(б) решительно отверг подобные крайние, диктуемые отчаянием меры, которые заставили бы отказаться от планов индустриализации или в лучшем случае отложить их осуществление на неопределенное время⁴²³. Неудивительно поэтому, что в начале 1926 г. возобладали настроения, направленные против дальнейшего умиротворения кулачества, все чаще раздавались призывы к поиску возможностей подъема бедняцких хозяйств, к поиску новых путей, новых способов заставить зажиточных крестьян расставаться с излишками.

В целях проведения новой линии выдвигалось два рода предложений. Во-первых, предлагалось вновь задействовать фактор цен. Поскольку кризис возник из-за невозможности удерживать

цены на сельскохозяйственные продукты на низком уровне, речь могла идти только о повышении цен на промышленные товары. Одной из очевидных причин нежелания кулака сбывать излишки сельскохозяйственных продуктов был товарный голод, нехватка промышленных изделий, которые он мог бы купить. В феврале 1926 г. в органе Госплана появилась статья, в которой отмечался относительный характер товарного голода и утверждалось, что он является результатом неправильной политики цен: если бы промышленные товары стоили дороже, крестьянину, чтобы иметь возможность их приобрести, пришлось бы продавать больше хлеба. Повышение цен на промышленные товары рассматривалось как единственный путь к восстановлению «равновесия спроса и предложения», как «переход от административного к экономическому планированию»⁴²⁴. В апреле 1926 г. в «Большевике» была опубликована далеко идущая «дискуссионная» статья некоего Я. Оссовского, коммуниста и бывшего рабочего, в которой ставилась под сомнение вся политика цен после ликвидации «ножниц» осенью 1923 г., а сама ликвидация расценивалась как «грехопадение». Автор статьи утверждал, что в результате благоприятствующей крестьянству политики цен крестьянские накопления вместо того, чтобы использоваться на благо промышленного развития, теперь «напирают на нас, расшатывая наше плановое хозяйство»⁴²⁵. Слабость такого довода состояла в том, что он предполагал высокую эластичность спроса крестьян на промышленные товары и не принимал в расчет опасность того, что потребитель может ответить на резкий взлет цен бойкотом подорожавших товаров. Предложение резко поднять цены на промышленные товары, которое, по существу, было предложением вновь раскрыть «ножницы», конечно, было совершенно неприемлемым и не могло всерьез рассматриваться в то время, когда общий рост цен считался главной угрозой экономической стабильности. Статья немедленно подверглась критике как апология «первоначального социалистического накопления», по Преображенскому, и была довольно непоследовательно названа «возвратом к капитализму»⁴²⁶, а Оссовский на несколько месяцев стал мишенью для ревностных поборников официального курса.

Второе предложение заключалось в ужесточении налогообложения. Поскольку значительное облегчение налогового бремени в 1925 г., особенно благоприятствовавшее зажиточным крестьянам, не дало ожидаемых результатов и, по общему мнению, явилось одним из факторов, давших возможность крестьянам придерживать излишки сельскохозяйственных продуктов, переход к противоположной политике представлялся вполне логичным. Требования повысить налоги, конечно, не прибавили популярности тем, кто с ними выступал, поэтому резкой критике подвергалось главным образом не снижение общей суммы налога, а характер распределения налогового бремени. Привести конкретные факты в подтверждение высказываемой критики было не так-то просто. Было до-

подлинно известно, что в год, когда собранный урожай превысил урожай предшествующего года (в стоимостном выражении) более чем на 25%, реальная сумма сельскохозяйственного налога была уменьшена примерно на 40% ⁴²⁷. Как отмечалось в статье, опубликованной в журнале «Большевик» в конце октября 1925 г., если в 1924—1925 гг. налоги позволили изъять у крестьянства 17% доходов, то в текущем году сумма налога составила лишь 10,8% крестьянских доходов. Отмечалось, что из 22 млн. крестьянских хозяйств 6 млн. беднейших хозяйств были полностью освобождены от налога (возможно, эта цифра немного завышена). Утверждение, что налогообложение тех, кто ему подлежал, стало более прогрессивным, представляется весьма сомнительным. Сообщалось, что наибольшие льготы (скидку с налога до 50%) получили самые малоимущие налогоплательщики, но тут же указывалось, что снижение налога на самые зажиточные хозяйства было таким же или почти таким же, как снижение налогов на середняцкие хозяйства ⁴²⁸. По более поздним статистическим данным, в 1924—1925 гг. бедняки выплатили 6,2% суммы сельскохозяйственного налога, середняки — 76,9 и кулаки — 16,9%, тогда как в 1925—1926 гг. выплаты составили соответственно 4,0, 74,8 и 21,2% ⁴²⁹. Однако подобные подсчеты не были гарантированы от неточностей в такой же мере, в какой могли оказаться неточными подсчеты по категориям налогоплательщиков.

Как свидетельствуют другие источники, попытки переложить большую долю значительно уменьшенного налогового бремени на зажиточное крестьянство оказались не везде и не вполне успешными. В выступлении одного официального лица прозвучало недвусмысленное согласие со словами Крупской на XIV съезде ВКП(б), которая говорила, что кое-где на Украине налогообложение проводится таким образом, что наибольшие послабления получают зажиточные крестьяне, а основная тяжесть налога ложится на плечи бедняков ⁴³⁰. В «Большевике» появилась статья одного автора с Украины, который утверждал, что «отказ от прогрессивных норм пересчета для продуктивного скота, общее снижение норм привели в нынешнем году к большому понижению налога для хозяйств многоскотных, а следовательно, и более зажиточных, в то время как маломощные хозяйства — бесскотные и с пониженной скотообеспеченностью — получили меньшее снижение, а иногда даже и увеличение налога» ⁴³¹. Некоторые факты выявились со всей очевидностью. Во-первых, общая сумма сельскохозяйственного налога была сокращена, причем весьма значительно, а любое подобное сокращение налога, если оно не сопровождается приданием налогу более прогрессивного характера, неизбежно приносит наибольшие выгоды тем, кто платит наибольший налог. Во-вторых, низкие нормы пересчета скота в сочетании с освобождением от налогообложения побочных доходов и посевов технических культур опять-таки ставили зажиточных крестьян в еще более выгодное положение. В-третьих, хотя от налога освободили многих бед-

няков⁴³², мало что было сделано для уменьшения налога, который платили малооблагаемые крестьяне, то есть середняки. Наконец, при действовавшей системе налогообложения многое зависело от местных властей. Все чаще приходилось слышать жалобы на рост влияния кулаков в местных советах⁴³³, и никак нельзя исключить возможность использования кулаками своего влияния при определении ставок налогообложения, особенно на Украине и Северном Кавказе, где кулачество было самым сильным.

После поражения оппозиции на XIV съезде партии необходимость радикального пересмотра сельскохозяйственного налога уже не оспаривалась. В докладе для СТО о недоработках при составлении контрольных цифр на текущий хозяйственный год Госплан назвал причиной возникших трудностей «диспропорцию» развития сельского хозяйства и промышленности, причем было выдвинуто предложение о пересмотре единого сельскохозяйственного налога в трех отношениях: в сторону увеличения общей суммы налога, придания налогу более прогрессивного характера и сокращения срока, в течение которого налог должен выплачиваться⁴³⁴. В то же время Наркомфин настаивал на включении в число облагаемых налогом также и доходов от вспомогательных видов сельскохозяйственной деятельности (виноградарство, пчеловодство, птицеводство и т. п.) и на исчислении стоимости движимого и недвижимого имущества хозяйств для целей налогообложения в денежном выражении вместо пересчета в единицы площади пашни⁴³⁵. В начале марта 1926 г. Совнарком одобрил эти предложения как основу для налогообложения на следующий бюджетный год⁴³⁶. Тем не менее пока еще требовалось соблюдать осторожность. Когда в «Правде» появилась статья, где говорилось о необходимости удвоить поступление от сельскохозяйственного налога путем увеличения его суммы до 400 млн. рублей как минимум, Рыков упрекнул ее автора в «бестактности» такого предложения⁴³⁷. Хотя партийное руководство еще не решалось ставить вопрос прямо и открыто, было ясно, что вскоре в силу необходимости линия партии пойдет именно в этом направлении.

Зимой 1925/26 г. вновь был выдвинут лозунг «индустриализации сельского хозяйства», против которого Каменев выступил на III съезде Советов⁴³⁸. Техническая отсталость и слабая оснащенность советского сельского хозяйства были общеизвестны. Затруднения в проведении аграрной политики обуславливались прежде всего зависимостью государства и индустрии на данном этапе развития от хлебных излишков в руках кулаков. Только кулаки располагали достаточным сельскохозяйственным инвентарем. Вопрос заключался в том, можно ли преодолеть эту зависимость, если мерами механизации, кооперации и содействия развитию крупных хозяйств удастся поднять эффективность крестьянского хозяйства в целом. В ноябре 1925 г. в органе Госплана «Плановое хозяйство» появилась дискуссионная статья, автор которой (с Украины) излагал проект индустриализации сельского хозяйства, то есть

развития крупномасштабного земледелия с широким применением машин по американскому образцу. По мнению автора статьи, настоятельная необходимость скорейшего осуществления этого проекта вызывалась тремя обстоятельствами: окончанием периода восстановления народного хозяйства и вступлением его в период реконструкции; затруднениями в контроле за производственной деятельностью отсталых и разрозненных крестьянских хозяйств, с которыми столкнулись плановики после уборки урожая 1925 г., наконец, ростом кулацких элементов в деревне. По подсчетам автора, для «полной индустриализации Украины» за 14 лет требовались капиталовложения на приобретение сельскохозяйственной техники на сумму в 45 млн. рублей⁴³⁹.

Такой проект, конечно, был утопией, и его нельзя было принимать всерьез. Однако никто никогда не оспаривал важной роли механизации для решения аграрной проблемы, по крайней мере теоретически. В 1919 г. на вопрос британского журналиста, что больше всего нужно Советской России для развития сельского хозяйства, тогдашний нарком земледелия ответил одним словом: «Трактора»⁴⁴⁰. Примерно в это же время, выступая на VIII съезде РКП(б), Ленин говорил: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов», все крестьяне были бы за коммунизм⁴⁴¹. С введением НЭПа СНК РСФСР постановил «признать сельско-хозяйственное машиностроение делом чрезвычайной государственной важности»⁴⁴². Это, однако, было делом будущего. По имеющимся данным, в 1922 г. во всей стране насчитывалось лишь 1500 тракторов, из которых только 25% были в рабочем состоянии. Сельскохозяйственную технику начали импортировать, хотя и в небольших количествах, в 1923 и 1924 гг., когда в США были заказаны некое количество сот тракторов. Большинство американских тракторов предназначалось для Северного Кавказа, где коллективное хозяйство было более развитым, а избыток рабочих рук был не столь значительным. В начале августа 1924 г. в связи с отличными видами на урожай внимание к проблеме тракторизации возросло, и СТО утвердил срочный заказ на 1000 тракторов из США, которые прибыли в Новороссийск уже в конце сентября⁴⁴³. Даже сдержанный нарком земледелия РСФСР А. П. Смирнов выразил энтузиазм по поводу оснащения сельского хозяйства тракторами: «Трактор имеет исключительное значение для коллективизации. 80% нашего тракторного парка дали возможность создать разного рода кооперативы и общества по их использованию. Несомненно, трактор является одним из важнейших факторов, ведущих к отказу от привычки к единоличному крестьянскому производству. При связи тракторизации с кооперацией и правильном использовании трактор становится не просто сельскохозяйственной машиной, он становится новым фактором роста социалистических элементов в деревне. Трактор объединяет бедноту, в частности, путем подъема производительности бедняцких хозяйств и является реальным препятствием кулацкой эксплуатации»⁴⁴⁴.

К этому же году относятся первые попытки выпуска тракторов на советских предприятиях. Сообщалось, что в начале 1925 г. Госсельсиндикат отремонтировал для совхозов 50 тракторов, получил некоторое число (точной цифры нет) новых тракторов с Коломенского завода и заказал 1000 тракторов тресту Гомзы. Однако все это были лишь первые шаги и не всегда удачные⁴⁴⁵.

Постепенно этим вопросом стали интересоваться влиятельные партийные круги. Указом СТО от 5 августа 1925 г. устанавливались единые цены с целью устранить существенную разницу в стоимости советских тракторов и тракторов зарубежного производства. Самая низкая цена была установлена на американский «Фордзон» и его аналог «Фордзон — Путиловец», выпускавшийся заводом «Красный путиловец», — 1800 рублей. Финансирование приобретения тракторов возлагалось на Центральный сельскохозяйственный банк; срок платежей за зарубежные тракторы предусматривался продолжительностью в два сезона (два урожая), а за тракторы советского производства — три сезона⁴⁴⁶.

Вышеупомянутым высказыванием Ленина о тракторах на VIII съезде партии начиналась статья «О механизации деревни», напечатанная в «Правде» 15 октября 1925 г. В книге «Рост крестьянской общественности» Ларин отмечал, что если «маломощный уже сейчас загоняется в коллектив нуждой», то середняка придется привлекать тракторами и электрификацией, «чтобы у него прямо слюнки потекли и чтобы он превратился в рьяного коллективиста»⁴⁴⁷. В декабре 1925 г., в канун XIV съезда ВКП(б), в двух номерах «Правды» была напечатана статья Микояна «На путях тракторизации сельского хозяйства». Микоян утверждал, что в СССР уже были в эксплуатации 2 тыс. импортных тракторов, главным образом на Северном Кавказе. В текущем году, по словам Микояна, предусматривалось импортировать еще 15 тыс. тракторов; были выделены средства на строительство в Сталинграде тракторного завода, поскольку уже было принято решение, какой из трех типов наилучшим образом отвечает условиям земледелия в СССР⁴⁴⁸. Съезд признал «подъем сельскохозяйственной техники» (тракторизацию) одной из насущных нужд деревни, что послужило сигналом к началу довольно широкой, но не всегда целенаправленной дискуссии. В январе 1926 г. Кржижановский говорил, что «спрос на тракторы растет из месяца в месяц»⁴⁴⁹. Преображенский рекомендовал «передачу в массовом масштабе государственных тракторов деревенской бедноте» как шаг к «отделению от мелкого производства операций, легче всего поддающихся обобществлению»⁴⁵⁰. В «Правде» были опубликованы две статьи по вопросу об электрификации деревни, в которых указывалось, что электрификация благоприятствует коллективному производству. Электроэнергия позволяет совместно производить обмолот и помол зерна, да и многие другие работы в деревне. В связи с этим газета утверждала, что электрификации противятся кулаки, и сообщала о случаях саботажа⁴⁵¹. В конце февраля 1926 г. в Москве состо-

ялся съезд представителей сельскохозяйственных организаций РСФСР, на котором обсуждались такие вопросы, как поставки тракторов и техническое содействие сельскому хозяйству⁴⁵².

Дело практического подъема технического уровня сельского хозяйства продвигалось столь медленно, что прогресс мог показаться чисто иллюзорным. В оправдание своего отрицательного отношения к перспективам оснащения сельского хозяйства передовой техникой скептики ссылались на ленинскую трактовку «индустриализации сельского хозяйства»⁴⁵³. Они утверждали, что в условиях избытка рабочих рук в деревне на Украине, да и в других регионах СССР для подъема сельскохозяйственного производства требовалось не передовое высокомеханизированное сельское хозяйство по американскому образцу, а, напротив, хозяйство, основанное на интенсивном труде, которому будут нужны многочисленные зерносушилки, перерабатывающие предприятия и холодильники, что совхозы как прообраз «социалистических зерновых фабрик» не оправдали ожиданий, особенно в густонаселенных местностях, и что «индустриализация сельского хозяйства» в смысле его механизации в конечном счете немыслима без индустриализации всего народного хозяйства, ибо только она может давать необходимые машины и оборудование и поглощать рабочую силу, высвобождающуюся при механизации сельскохозяйственных работ в деревне⁴⁵⁴. В статье «К социализму или к капитализму», опубликованной в августе 1925 г., Троцкий говорил о «научных методах земледелия, электрификации и вообще о повышении технического уровня» как о неперенном условии социалистического сельского хозяйства и добавлял, что «технический прогресс и развитие социалистического сельского хозяйства неотделимы от возрастающего преобладания промышленности в хозяйственной жизни страны»⁴⁵⁵. О развитии индустрии как неперенном условии обеспечения развития сельского хозяйства говорил и Сталин в докладе активу ленинградской организации о работе апрельского (1926 г.) Пленума ЦК ВКП(б): «Теперь само сельское хозяйство не может двигаться вперед, ежели вовремя не подашь сельскохозяйственных машин, тракторов, изделий промышленности и т. д. ... теперь оно опирается и уже уперлось в прямое развертывание индустрии»⁴⁵⁶.

По более поздним статистическим данным, в 1925—1926 гг. в Советском Союзе было произведено сельскохозяйственной техники на 70 млн. рублей (по довоенным ценам), тогда как перед войной на 67 млн. рублей⁴⁵⁷. Так что о впечатляющем шаге вперед говорить не приходится. Споры постепенно улеглись, возобладал пессимистический взгляд на возможность скорого достижения больших успехов в деле механизации сельского хозяйства. Однако эти споры свидетельствуют о том, что уже тогда были влиятельные силы, которые придавали очень большое значение далеко идущей и единственно эффективной альтернативе поли-

тике опоры на кулака и революционным социальным переменам, необходимым для практической реализации альтернативного курса.

Апрельский (1926 г.) Пленум ЦК был первым важным событием в партийной жизни после XIV съезда ВКП(б), и обе стороны с беспокойством ожидали возобновления борьбы. К этому времени наметился явный отход от политики терпимости по отношению к кулаку. За несколько дней до начала пленума Ярославский, человек Сталина, в докладе ЦКК о ходе проверки деревенских ячеек с негодованием говорил о партийцах, «пускавших в ход ложь, что в деревне нет бедноты, среди которой можно было бы вести работу»⁴⁵⁸. Сталин ясно дал понять, что не собирается вступать в борьбу по данному вопросу, и это обстоятельство в известной мере выбило почву из под ног оппозиционеров, толковавших о кулацком уклоне. Предложенный Рыковым проект резолюции был результатом трехмесячной работы комиссии, назначенной ЦК по предложению Троцкого⁴⁵⁹. Проект представлял собой довольно эклектичную попытку примирить разные точки зрения. Троцкий, впервые за почти два года принявший активное участие в работе партийного органа, предложил несколько поправок, которые по сути составили альтернативный проект резолюции.

Дальнейшие дебаты свелись к обсуждению двух проектов⁴⁶⁰. Троцкий утверждал, что несбалансированность в экономике, губительная для смычки пролетариата и крестьянства, может проявить себя двояким образом: либо в виде изъятия для последующего вложения в развитие индустрии слишком большой доли национального дохода, либо в виде изъятия слишком малой его доли. Если бы предложение промышленных товаров превышало спрос, налицо была бы первая ошибка. В действительности, напротив, спрос превышал предложение, поэтому речь могла идти только о второй ошибке: «...рост государственной промышленности отстает от развития сельского хозяйства». При таких условиях, указывал Троцкий, хороший урожай «может стать фактором, не ускоряющим темп экономического развития, а, напротив, дезорганизующим экономику». Главным предложением Троцкого в области сельскохозяйственной политики было ужесточение налога и установление более дифференцированных налоговых ставок с целью обеспечить «правильное перераспределение накопления в народном хозяйстве». Умолчав о розничных ценах, Троцкий предложил поднять оптовые цены на промышленные товары⁴⁶¹. Каменев поддержал Троцкого, в частности по вопросу о возможных отрицательных последствиях богатого урожая и по вопросу об увеличении сельскохозяйственного налога. Когда Каменева вновь упрекнули в ошибках прошлой осени, последовала реплика — вероятно, Троцкого, — что «это не по-марксистски, нужно видеть классовое содержание наших хозяйственных трудностей»⁴⁶². Сходство взглядов Троцкого

и Каменева оказалось столь разительным, что Сталин в ходе дебатов иронически спросил: «Так что же, значит, блок?»⁴⁶³

Как ни важны были эти дебаты с точки зрения отношений между лидерами партии, обсуждение представляло собой в сущности «бой с теньями». Сталин не был готов ни к борьбе за продолжение политики опоры на кулака, ни к тому, чтобы противиться выдвижению индустриализации на первый план. Хотя пленум и отклонил поправки Троцкого, но единогласно принятая резолюция несла на себе печать компромисса, что было не столь уж неблагоприятно для оппозиции. В разделе о сельском хозяйстве упоминалась «борьба между различными социальными группами крестьянства», а также «неизбежное усиление кулачества в данный период НЭПа» и «борьба кулацких элементов за овладение деревней». В заключение говорилось, что партия должна оказывать бедноте материальную помощь и считать своей целью «укрепление смычки пролетариата и бедноты с середняком для изоляции кулачества». Далее в резолюции указывалось, что перед партией стоит «задача тщательного изучения опыта применения найма рабочей силы в деревне, развития арендных отношений». Самым важным положением сельскохозяйственного раздела резолюции явился вывод о необходимости реформы сельскохозяйственного налога. В резолюции одобрялась денежная оценка хозяйства для целей налогообложения, обложение налогом доходов от вспомогательных видов сельскохозяйственной деятельности и сельских промыслов и более прогрессивная система обложения, означавшая «полное освобождение от налога наиболее маломощных групп и усиление обложения зажиточных и кулацких слоев крестьянства». Что касается кооперации, резолюцией предусматривалось «полное обеспечение в самой кооперации интересов середняцко-бедняцкой массы крестьянства и борьба с попытками использования кооперации кулацкими элементами»⁴⁶⁴. Практическая реализация всех этих мер отнюдь не могла быть делом ближайшего будущего. Соппротивление кулачества и поддерживавших его партийных кругов было упорным и действенным. Но, как бы то ни было, весной 1926 г. нарастали настроения в пользу усиленного развития промышленности, и несовместимость курса на индустриализацию с политикой умиротворения зажиточного крестьянства становилась все более очевидной.

В дополнение к общей резолюции по вопросам экономической политики ЦК вынес по докладу Каменева особую резолюцию «Об организации хлебозаготовительного аппарата на кампанию 1926—1927 гг.» В данном случае была сделана попытка исключить в дальнейшем скандальное взаимное соперничество хлебозаготовительных организаций, которое чрезвычайно осложнило прошедшую кампанию и привело к резкому повышению расходов на заготовки⁴⁶⁵. В резолюции указывалось, что отныне государственными заготовками хлеба должны заниматься лишь Хлебопродукт и кооперативные организации, а мукомольные предприятия и тресты могут закупать зерно лишь для удовлетворения своих

нужд и только в тех местностях, где они расположены; контроль за помолом возлагался на Наркомторг. Госбанк мог содействовать осуществлению внеплановых заготовок путем предоставления кредитов и заключения сделок на комиссионной основе, но его деятельность в роли заготовительного агента государства предусматривалось свести к минимуму, а его заготовительные органы подлежали ликвидации по согласованию с Наркомторгом⁴⁶⁶. Таким способом предполагалось «упростить и удешевить наш заготовительный аппарат»⁴⁶⁷.

ГЛАВА 6

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Разрешение кризиса, связанного с «ножницами» цен зимой 1923/1924 г., открыло путь к достижению новых успехов в развитии всех отраслей промышленности, что в свою очередь свидетельствовало о несостоятельности мрачных прогнозов оппозиции и лишний раз продемонстрировало правильность основополагающего принципа НЭПа, который заключается в том, что возрождение промышленности, подобно всем остальным сферам советской экономики, зависит от возрождения сельскохозяйственного производства. В период экономического оживления, которое проходило на стабильной основе с 1923 по 1926 г., темпы развития сельского хозяйства и промышленности соответствовали друг другу. Усилия представителей обеих сторон, направленные на выдвижение анти-тезиса друг против друга, оказались ненужными и бесплодными. Такие просчеты дискредитировали оппозицию 1923 г. Официальная установка на то, что неуклонное процветание сельского хозяйства является основным условием дальнейшего роста промышленного производства, полностью оправдала себя. Но по мере дальнейшего развития сельского хозяйства и промышленности лица, ответственные за проведение экономической политики, сталкивались с необходимостью решать новые проблемы. И эти проблемы возникали из одного источника. Сельское хозяйство и промышленность, стимулируемые НЭПом, развивались скорее по капиталистическому, чем по социалистическому пути. В сельском хозяйстве это означало поощрение кулаков, а в промышленности — содействие развитию легкой промышленности, которая могла работать на потребительский рынок, располагая ограниченным капиталом, и обеспечивать высокую прибыль, а не тяжелой промышленности, для развития которой требовался первоначальный объем долгосрочных капиталовложений; НЭП не обеспечивал условий для такого развития¹. Поэтому политическая борьба в деревне против господства кулаков, начавшаяся в 1924 г. и сохранившая остроту в 1925 г., проходила одновременно с политической борьбой в городе, где основное внимание концентрировалось на удовлетворении нужд тяжелой индустрии. История развития промышленности с 1923 по 1926 г. делится на три этапа. Первый этап относится к 1923/24 фин. г., когда «спонтанные» рычаги оживления, стимулируемые

НЭПом, все еще действовали хорошо, а темпы развития легкой промышленности опережали темпы роста тяжелой. Второй этап, с осени 1924 г. до конца 1925 г., характеризуется запутанной борьбой конфликтующих сторон и политических мнений, которая проходила с переменным успехом. Третий этап, начало которого совпало с работой XIV партийного съезда в декабре 1925 г., стал этапом преимущественного развития тяжелой индустрии в экономике страны.

Оживление промышленности в 1923—1924 гг. объясняется двумя благоприятными факторами. Во-первых, рационализация промышленности путем концентрации производства, проходившая в довольно широких масштабах летом 1923 г.², обеспечила снижение производственных издержек; кроме того, имело место снижение цен на промышленные товары, навязанное и стимулируемое официальными действиями, явившимися результатом сочетания таких факторов, как кризис «ножниц» цен³ и хороший урожай, что привело к увеличению объема производства и численности занятых в промышленности при одновременном снижении цен. Такое расширение производства не требовало значительных новых капиталовложений. Оно было достигнуто благодаря использованию рабочей силы, производственных зданий и оборудования, бездействовавших в годы застоя.

Во-вторых, благоприятно сказалось на оживлении промышленности смягчение условий кредитования. Нехватка оборотного капитала особенно остро ощущалась во время кризиса 1923 г., когда банки навязали снижение цен путем задерживания выплаты кредитов промышленности⁴. Первым результатом финансовой реформы явилось новое ужесточение условий кредита, которое объяснялось слишком большой осторожностью Наркомфина и банков, а также боязнью за сохранение стабильности нового денежного курса⁵; этим же объясняется враждебность к этой реформе со стороны промышленности⁶. Но к осени 1924 г. эти страхи рассеялись, и проблема нехватки оборотного капитала потеряла свою актуальность. Стабильность денежного курса была достигнута. Краткосрочные кредитные потоки свободно поступали на предприятия, которые легко могли находить рынки сбыта для своей продукции. Общая задолженность промышленности пяти основным банкам возросла со 161 млн. рублей на 1 октября 1923 г. до 448 млн. на 1 октября 1924 г. и 953 млн. на 1 октября 1925 г.⁷. Больше того, темпы оборота капитала также возросли, что обеспечило возможность более экономичного использования данного объема кредита⁸. Недовольство вызывало лишь то, что кредитная система, основанная на рыночной конъюнктуре, благоприятствовала развитию отраслей промышленности, производящих потребительские товары, которые обеспечивали быструю прибыль, оставляя на голодном пайке тяжелую промышленность, выпускающую

средства производства, необходимые для долгосрочных проектов реконструкции⁹.

При таких обстоятельствах 1923/24 фин. г. стал годом стабильного развития всех отраслей промышленности в Советском Союзе. Промышленное производство (за исключением мелкой кустарно-ремесленной промышленности, составившей лишь незначительную часть от общего объема) в 1922—1923 гг. составило 1950 тыс. довоенных рублей, что вдвое превышало низкий уровень 1920 г. и на 34% — уровень производства 1913 г. В 1923—1924 гг. оно достигло 2570 тыс. довоенных рублей, что в 2,5 раза превысило уровень 1920 г. и на 40% — уровень довоенного производства¹⁰. Однако темпы роста производства значительно отличались в разных отраслях промышленности. В среднем уровень производства ведущих отраслей, контролируемых ВСНХ, составил лишь 36% от довоенного, причем этот средний показатель характеризовался значительными колебаниями в этих отраслях. В металлопромышленности, выпускающей основную долю средств производства, он составил лишь 28,7%, а в текстильной промышленности, самой крупной отрасли по выпуску потребительских товаров, — 35%¹¹. Согласно другим расчетам, проведенным в этот период, тяжелая индустрия, уровень производства которой в 1913 г. составил 22,6% от общего уровня промышленности, обеспечивала всего 17,7% в 1922—1923 гг. и 17,4% — в 1923—1924 гг.¹² В период общего оживления они продолжали отставать. Самые низкие темпы развития наблюдались в основной отрасли — металлургии. В 1923—1924 гг. было выпущено лишь 660 тыс. т чугуна, 990 тыс. т стали и 690 тыс. т проката против 4 млн., 4 млн. и 3,5 млн. в 1913 г.¹³.

Оживление в промышленности в 1923—1924 гг. означало, что промышленность в целом впервые стала давать прибыль. Понятие прибыли в советской промышленности было и оставалось в какой-то степени спорным и неопределенным. Но с принятием хозрасчета она стала существенным показателем в анализе хозяйственной деятельности в Советском Союзе, и результаты, хотя и заслуживающие критики при детальном рассмотрении, свидетельствовали о значительных общих успехах. Счет прибылей и убытков в государственной промышленности в 1922 г. характеризовался общими убытками в 11 млн. рублей. Самые большие убытки наблюдались в металлургической, химической и бумажной отраслях промышленности, пищевая, соледобывающая и кожевенная отрасли получили значительную чистую прибыль, а текстильная промышленность характеризовалась маргинальным уровнем прибыли¹⁴. Период убытков теперь окончательно остался позади. 1922/23 фин. г. был первым, когда страна поставила перед собой цель обеспечить небольшую прибыль, однако такая цель была достигнута за счет недостаточной суммы амортизационных отчислений. Значимость этой проблемы все еще не была признана. Все сходились на том, что промышленность получила прибыль в 1923—1924 гг., хотя циф-

ровые данные о сумме прибыли в значительной мере отличались от официальных отчетных; сами промышленные тресты оценивали свою прибыль в 55 млн. рублей, в то время как ВСНХ определял ее на уровне 83 млн. рублей, а по данным Наркомфина эта цифра составила 102 млн. рублей. Нетрудно понять, почему тресты были заинтересованы в занижении нормы прибыли, а Наркомфин в ее увеличении. Но все руководство в целом выразило единое мнение о том, что наиболее прибыльной отраслью оказалась текстильная промышленность, за ней следовали угледобывающая и нефтяная, а металлообрабатывающая и машиностроительная отрасли были единственными, фактически работавшими с убытком¹⁵. Позднее в официальном отчете ВСНХ была указана цифра валовой прибыли промышленности на тот год, равная 105 млн. рублей¹⁶.

«Спонтанное» и незапланированное оживление промышленности в 1923—1924 гг. отодвинуло на некоторое время в тень основную проблему — проблему отраслей промышленности, выпускающих средства производства. На эту проблему указывал Троцкий и представители оппозиции в 1923 г. Возрождению тяжелой индустрии уделялось место во всех основных партийных решениях. XIII партийная конференция в январе 1924 г., осудившая экономические тезисы оппозиции, тем не менее приняла резолюцию, предложенную комитетом по урегулированию цен, в которой «социалистическое накопление» рассматривалось как фундаментальный и решающий фактор, предопределяющий судьбу диктатуры пролетариата в условиях НЭПа. Она твердо рекомендовала отвести ведущую роль металлопромышленности и оказывать ей всестороннюю поддержку со стороны государства¹⁷. Назначение Дзержинского на пост председателя ВСНХ рассматривалось как мера, направленная на выполнение этих рекомендаций. На XIII партийном съезде в мае 1924 г. Зиновьев заявил, что настал момент, когда необходимо обеспечить подъем тяжелой индустрии и производства средств производства¹⁸. Но любой практический шаг в этом направлении по-прежнему наталкивался на мощную оппозицию. Выступая несколько дней спустя после окончания работы съезда, Сокольников предостерегал относительно «темпа развития государственной промышленности» и отмечал, что съезд призвал бороться против «уродливых форм увлечения так называемым „социалистическим накоплением“»¹⁹.

Немного позже представитель Наркомфина утверждал, что именно развитие легкой, а не тяжелой промышленности позволяло удовлетворять потребности крестьянского рынка, а капитал, предназначенный для инвестирования, должен использоваться в отраслях переработки сельскохозяйственной продукции на экспорт²⁰. Мнение о том, что вместо развития своей собственной тяжелой индустрии Советскому Союзу следует расширять производство сельскохозяйственной продукции на экспорт и импортировать технику и средства производства из-за рубежа, отнюдь не было лишено смысла. К концу 1923/24 фин. г. появились признаки ради-

кальных перемен, наметившихся в промышленной политике 1924—1925 гг.

Ситуация, сложившаяся осенью 1924 г., мало обнадеживала сторонников интенсивной индустриализации. Урожай был низким. Партия была серьезно обеспокоена недовольством крестьянства, и Зиновьев провозгласил лозунг «Лицом к деревне»²¹. Троцкий возобновил нападки на партийное руководство, а кампания, направленная против Троцкого, строилась на обвинении его в том, что он недооценивал роль крестьянства²². Ограничение бюджетных расходов и умиротворение крестьянства стали двумя основными лозунгами текущей политики. Именно в такой атмосфере Главное управление металлической промышленности (Главметалл, или ГУМП)²³ осенью 1924 г. выдвинуло план развития этой отрасли на 1924—1925 гг., который предусматривал выпуск валовой продукции в объеме 306 млн. рублей, то есть на 55% больше, чем за предыдущий год²⁴. Такой план немедленно спровоцировал кризис в экономике. В первые годы НЭПа промышленность получала кредиты из бюджета. Эти кредиты частично выделялись в виде прямых субсидий на восстановление основного капитала и частично в виде ссуд под оборотный капитал, главным образом для закупки сырья. С 1923 г. проводилась политика, направленная на ограничение этих бюджетных источников (в 1923—1924 гг. государственная промышленность получила из бюджета 82 млн. рублей в виде дотаций) и финансирование промышленности за счет долгосрочных и краткосрочных банковских кредитов²⁵. Такой метод финансирования существенно отличался от бюджетного кредитования. Банковские кредиты предоставлялись на основе реальных гарантий и потенциальной прибыли. Такая мера отвечала требованиям отраслей, выпускающих потребительские товары: они не нуждались в крупных капиталовложениях и их продукция пользовалась спросом на рынке, обеспечивая быстрый оборот. Другое дело отрасли, связанные с производством металла, которые все еще находились в стадии строительства и реконструкции. Им требовались значительные средства, и они не могли обеспечить себе прибыль в ближайшем будущем. Если бы программа Главметалла на 1923—1924 гг. или программа, подобная ей, была одобрена, это повлекло бы за собой необходимость предоставления значительных ссуд из бюджетных источников²⁶.

Возникли резкие политические разногласия. Сокольников, представляя на рассмотрение в ЦИК проект бюджета в октябре 1924 г., повторил свой старый тезис о том, что расширение промышленности зависит от расширения сельского хозяйства: промышленность «прикована к состоянию сельского крестьянского хозяйства»²⁷. Этот принцип доминировал в бюджетных ассигнованиях. В связи с низким урожаем государственная помощь сельскому хозяйству возросла с 59 млн. рублей в 1923—1924 гг. до 88 млн. в 1924—1925 гг. Транспорт, который получил 50 млн. рублей в предыдущем

году для покрытия своего дефицита, вероятно, сможет сбалансировать свои статьи расчетов в 1924—1925 гг. Промышленности придется соблюдать режим экономии, поскольку государственные субсидии, составившие 82 млн. рублей в предыдущий год, снизились в 1924—1925 гг. до 59 млн.; затраты на электрификацию были урезаны с 46 до 37 млн. рублей²⁸. В конце октября 1924 г. Сокольников заявил членам Центрального Комитета партии о том, что «мы несколько переборщили по линии поддержания тяжелой промышленности», и акцентировал внимание слушателей на мнимой опасности чрезмерного развития металлической промышленности²⁹. Выступая на VI съезде профсоюзов в середине ноября, Рыков выразил точку зрения участников съезда относительно того, что «по росту металлической промышленности можно судить о том, насколько восстанавливается производственный скелет всего нашего хозяйства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве». Но он извинился за то, что не мог представить «окончательных данных по вопросу о перспективах металлической промышленности на протяжении ближайшего года», поскольку комиссия, занимавшаяся этим вопросом, еще не представила отчет³⁰.

В результате был достигнут компромисс. Согласно решению, одобренному СТО несколько дней спустя, предполагалось сократить темпы роста, намеченные в программе Главметалла, на 10%, то есть уровень производства на этот год был снижен до 270 млн. рублей вместо запланированных 306 млн.³¹ В начале декабря 1924 г. Каменев выступил на заседании Моссовета с речью, которая отличалась путаницей мыслей. Он говорил, что в прошлом «наша металлическая промышленность стояла не на деревенском спросе, а на заказах железных дорог, пароходств, на военных заказах царского правительства». Но на основании этих правильных и уместных замечаний он не сумел сделать надлежащего вывода в сложившейся ситуации и, приводя цифры из решений СТО, продолжал защищать позицию, которой придерживались Бухарин и Сокольников: «Может ли наш основной потребитель, а именно крестьянин, потребить то, что наша промышленность производит?»³². В то же время Дзержинский предупреждал участников Всесоюзной конференции ВСНХ о том, что дефицит денежных средств явился сдерживающим фактором в развитии промышленности; в частности, отрасли металлообработки и машиностроения имели хроническую задолженность по банковским ссудам и были не в состоянии выплачивать заработную плату без получения дополнительных кредитов.

В резолюции, принятой участниками конференции, было ослаблено внимание к проблемам развития тяжелой промышленности. В ней отмечалось, что развертывание промышленности «должно идти в ногу с развитием крестьянского хозяйства и исходить из потребностей последнего»³³. Эта же мысль подчеркивалась в передовой статье газеты «Экономическая жизнь» от 11 декабря 1924 г., которая с восторгом приветствовала резолюцию, рассмат-

ривая ее как вклад в дело «большевистской экономической политики», и осуждала «недооценку роли крестьянского хозяйства». Разочарование сторонников развития промышленности каким-то неувловимым образом было связано с новым обострением кризиса в отношениях между Троцким и партийным руководством. Борьба с Троцким продолжалась, и каждое официальное заявление, затрагивающее вопросы текущей политики, должно было внести свою лепту в кампанию по его разоблачению. Все, что было связано с именем Троцкого или с его сторонниками, должно было официально отвергаться.

Поэтому особенно примечателен и характерен тот факт, что после громогласного осуждения позиции Троцкого и нанесенного ему и его сторонникам поражения, а также после снятия его с поста председателя Революционного военного совета Центральный Комитет партии вынужден был снова круто изменить курс экономической политики. Теперь, когда уже больше не существовало непосредственной опасности усиления позиции Троцкого, хотя и складывались условия, свидетельствующие о том, что он, вероятно, не во всем был не прав, стало возможным обеспечить новый подъем в развитии тяжелой промышленности, а сторонников Троцкого представить таким образом, чтобы они почувствовали, что сражаются с ветряными мельницами. Возражения Наркомфина не были приняты во внимание. Центральный Комитет поручил ВСНХ пересмотреть программу производства в тяжелой индустрии, одобренную СТО в ноябре 1924 г., в сторону увеличения на 15% (тем самым с избытком компенсируя предыдущие урезания) и признал необходимым «соответственное увеличение бюджетных ассигнований и расширение кредита металлопромышленности». В более широком аспекте Центральный Комитет потребовал «приступить к разработке плана восстановления основного капитала, переоборудования заводов и постройки новых в соответствии с потребностями всего хозяйства». Пленум обратил особое внимание на вопрос «о снабжении металлом деревни», а также о темпах производства свинца и цинка и о том, что выпуск локомотивов и вагонов должен возрасти³⁴. Впервые высшее партийное руководство одобрило конкретную программу роста тяжелой промышленности.

Хотя зигзаги советской экономической политики в 1924—1925 гг. можно частично объяснить ходом борьбы с Троцким, однако необходимо более подробно рассмотреть причины, обусловившие окончательную победу сторонников развития тяжелой индустрии. К числу наиболее очевидных из них можно отнести масштабы экономического подъема, вызвавшего неожиданный рост государственных доходов. Несмотря на низкий урожай, денежные доходы продолжали поступать в казну такими темпами, которые опровергали все предостерегающие прогнозы, сделанные летом предыдущего года, и заставили пересмотреть бюджет в сторону значительного увеличения в январе 1925 г.³⁵. Поскольку наличные

фонды позволяли более щедро финансировать промышленное развитие, Наркомфин лишился своего наиболее убедительного аргумента. И все-таки в этом случае трудно ответить на вопрос, почему эти излишки нельзя было использовать для облегчения бремени налогов или же, сохранив их, направить в отрасли, выпускающие потребительские товары, а не в тяжелую индустрию, производящую средства производства.

Упорство в достижении цели, которая в те годы состояла в обеспечении развития тяжелой индустрии, несмотря на все препятствия и оппозицию, требует объяснения на ином уровне и, вероятно, является результатом стремления к самообеспеченности страны, которому был дан импульс еще в дореволюционный период, а также результатом развития «марксистского социализма», порожденного самой революцией. Под влиянием этих двух факторов советская экономика добилась определенных успехов в 20-е и 30-е годы.

Следует отметить одно обстоятельство, которое выдвинуло на первый план проблему индустриализации в 1925 г. и определило характер принятых решений. После введения НЭПа экономическое развитие приобрело спонтанный и относительно спокойный характер экономического оживления, возвращения утерянных позиций. Для этого не требовалось никаких новых решений, никаких новых денежных средств. Именно поэтому появилась возможность стимулировать подъем промышленности частично за счет вновь задействованных заводов и фабрик, частично за счет рационализации. Такой путь не требовал новых крупных капиталовложений. Однако все, чего можно было достичь таким способом, было достигнуто к концу 1924 г. Согласно официальным оценкам, существовавшие заводы и фабрики использовались на 85% от проектной мощности³⁶. Временные средства для достижения цели были исчерпаны. Следующий шаг, необходимый для дальнейшего развития экономики или по крайней мере для поддержания уже достигнутого уровня, нужно было сделать в сторону накопления капитала. Необходимо было не просто возместить убытки, нанесенные мировой и гражданской войнами, оживить экономику, находившуюся в течение долгого времени в запущенном состоянии, а реконструировать и модернизировать устаревшие фабрики, заводы и оборудование. Возникла острая потребность в разработке широкой программы капиталовложений, подобной той, что была предложена Дзержинским на XIII съезде партии в мае 1924 г.³⁷

Хотя партийная резолюция, принятая в январе 1925 г., дала свое благословение на «бюджетные отчисления» и «расширение кредита», она проигнорировала детали этой финансовой проблемы. Именно вокруг этого и разгорелась борьба в 1925 г. Анализ сложившейся ситуации был сделан в ряде тезисов, посвященных вопросу о восстановлении основного капитала, который теперь стал рассматриваться как «центральный в политике индустриализации», одобренной ВСНХ в конце февраля 1925 г.³⁸ На карту было пос-

тавлено не только «простое воспроизводство» капитала, но и расширение производства за счет увеличения основного капитала. Для этого было необходимо обновить устаревшее оборудование на многих предприятиях и создать новые отрасли. Начинать решение проблемы обновления основного капитала следовало «на основе плана, разработанного в масштабе всей страны». Первый шаг к достижению намеченной цели нужно было сделать в сторону обеспечения плановых отчислений на амортизацию «с учетом интересов всей страны, а не частных экономических интересов отдельных государственных предприятий». Но этих резервов явно не хватало для осуществления политики экстенсивного развития. После того как все возможные ресурсы были исчерпаны, включая рационализацию, увеличение темпов кругооборота капитала, повышение производительности труда, а также изъятие накоплений у населения посредством налогообложения, возникла необходимость создания «промфонда» за счет амортизационных отчислений, государственных субсидий и ссуд, предназначенных для капиталовложений в промышленность. Руководство было возложено на соответствующие банки (Промбанк и Электробанк), подчинявшиеся ВСНХ.

После принятия этих тезисов ВСНХ созвал «особое совещание по восстановлению основного капитала в промышленности» (Освок), которое активно работало в течение восемнадцати месяцев³⁹ и ознаменовало важный этап в истории промышленного планирования. В его первой рекомендации, связанной с «построением промышленного фонда по пути выпуска облигационного займа», распоряжаться которым было поручено Промбанку под общим руководством ВСНХ, предусматривалось, что вложения на 1925/26 фин. г. составят не менее 300 млн. рублей. Было подсчитано, что 80 млн. рублей может выделить для этих целей промышленность, а 250—300 млн. могут быть обеспечены из бюджетных средств⁴⁰. В начале мая 1925 г. Госплан организовал «особое совещание по установлению методов оценки основного капитала» для координации исследований, проводимых ВСНХ и другими органами по этому вопросу⁴¹. Со своей стороны СТО созвал еще одно «особое совещание по улучшению качества продукции», которое продолжало работать в течение всего года и в котором активное участие принимал сам Троцкий⁴².

Весна 1925 г., когда шло активное обсуждение амбициозных проектов и краткосрочные кредиты свободно поступали из банков⁴³, была временем бурного оптимизма в промышленности, и в особенности в тяжелой индустрии. На XIV партийной конференции в апреле, участники которой были обеспокоены борьбой, развернувшейся вокруг проблемы, касающейся определения роли кулака, с удовлетворением ознакомились с представленной Дзержинским благоприятной картиной положения на промышленном фронте. Дзержинский сказал, что «металлопромышленность, ее состояние и ее уровень» сыграли решающую роль в «определении

уровня динамики и тенденции развития всех остальных отраслей». Предстояло многое сделать. Если в целом промышленное производство в 1923—1924 гг. составило 42—45% от довоенного уровня, а в текущем году эта цифра должна была достичь 70%, то в металлопромышленности было обеспечено лишь 30% в предыдущем году, а в 1924—1925 гг. предусматривалось всего 47%. Однако доменные печи на Украине уже восстанавливались; автомобили и тракторы выпускались впервые в текущем году; создание Авиа-треста закладывало основы для развития авиационной промышленности. В текущем году в металлопромышленность было вложено 70 млн. рублей. Дзержинский представил на рассмотрение трехлетний план развития промышленности, предусматривавший рост производства на 80% против достигнутого в тот период. Сам он был настроен еще более оптимистично и считал, что этот уровень может быть достигнут за полтора-два года⁴⁴. Специальной резолюцией «О металлопромышленности», принятой на конференции, предусматривалось, что план производства металлической промышленности на сумму 270 млн. довоенных рублей, одобренный СТО в 1924 г. и пересмотренный ЦК в январе 1925 г. в сторону дальнейшего увеличения до 310 млн. довоенных рублей, может быть еще раз изменен и доведен до грандиозной суммы в 350 млн. Везде необходимо повысить эффективность и строже обеспечивать экономию, а перед теми трестами, которые все еще оставались убыточными, необходимо было поставить «как жесткую задачу» свести концы с концами. И наконец, была проведена четкая грань между долгосрочным «перспективным» планом роста металлопроизводства и новым трехлетним «директивным» планом, причем последнему было уделено особое внимание, а строительство новых фабрик было объявлено «первоочередной задачей»⁴⁵.

Такая же атмосфера энтузиазма господствовала на III съезде Советов СССР, работа которого проходила месяц спустя. Во вступительной речи Рыков говорил о «переломном моменте», поскольку «мы отнюдь не думаем останавливаться на том, что уже достигли, и на том, что было достигнуто русским народным хозяйством до Октябрьской революции»⁴⁶.

Отсюда следует, что лозунг возрождения оставался в силе. Все еще стояла задача вернуть утерянные позиции, но теперь уже можно было увидеть перспективы новых достижений. Дзержинский дал несколько более широкую и более доступную характеристику достижений в промышленности, чем это он сделал на партконференции. В своей резолюции участники съезда уделили особое внимание наиболее важному вопросу текущего момента — «организации долгосрочного кредита» для промышленности. Такое кредитование могло быть на первый случай обеспечено из амортизационных фондов, накопленных самой промышленностью. Однако промышленность могла также рассчитывать на получение кредитов из государственного бюджета и от банков. «Задача восстановления основных капиталов промышленности приобретает тем боль-

шее практическое значение, чем более полной становится нагрузка предприятий»⁴⁷. Весна 1925 г. стала поворотным пунктом, когда оживление и восстановление рассматривались как прошедший этап и наступил новый этап осуществления программы роста и новых усовершенствований. Об этом впервые упомянул год назад Зиновьев⁴⁸, а также часто говорили партийные руководители. Но под этим автоматически подразумевалась не просто степень плановости, а конкретное планирование ради достижения осознанно поставленных целей. Как заявил один из руководителей промышленности на заседании Ленсовета, настало время, когда «мы начинаем выкладывать соображения не о капиталистической целесообразности, а о своей социалистической целесообразности»⁴⁹.

Впервые серьезному анализу была подвергнута проблема амортизации, ее стали учитывать при всех расчетах прибыли в промышленности. До 1921 г. разрушенные и изношенные заводы и техника оставались бесконтрольными. Можно было ремонтировать только самое необходимое, и, хотя никакой детальной статистики до 1923 г., очевидно, не было, нет сомнений в том, что средства, выделенные на амортизацию в первые два года НЭПа, были недостаточны для того, чтобы не отставать от темпов продолжающегося износа оборудования, что приводило к снижению стоимости основных фондов в промышленности. Первая серьезная попытка решить проблему амортизации была сделана в 1923—1924 гг., когда тресты, работавшие под руководством ВСНХ СССР, получили прибыль на сумму в 100 млн. рублей после того, как на амортизацию было отчислено 130 млн. рублей. В 1924—1925 гг., когда впервые были опубликованы полные цифровые данные, прибыли всех трестов достигли 436 млн. рублей, в дополнение к 271 млн.⁵⁰, выделенных на амортизацию, хотя сомнительно, чтобы даже этой суммы было достаточно для балансирования длительного процесса ухудшения состояния экономики⁵¹. Только после 1925—1926 гг. объемы капиталовложений в промышленность позволили эффективно контролировать темпы снижения стоимости, а проведение строгого анализа хозяйственной деятельности в совокупности с необходимыми амортизационными средствами начало приносить плоды в государственной промышленности.

Подъем промышленности в 1924—1925 гг. зависел от местных условий и находился под их воздействием. Развал тяжелой индустрии и в особенности металлоотраслей во время и после гражданской войны особенно сильно повлиял на экономику двух районов, где эти отрасли были в основном сконцентрированы: Украины и Ленинграда. Украина, в частности, была местом военных действий, иностранной оккупации и анархии в течение долгого времени. В этот период она частично уступила свою роль в металлургической отрасли Уралу, где, исходя из более выгодных в стратегическом отношении условий, была сконцентрирована промышленность. Первым условием подъема тяжелой промышленности на Украине явилось восстановление пришедшего в упадок угледобы-

вающего производства в Донбассе. С 1921 г. этот вопрос постоянно находился в центре внимания, а к 1924 г. уже были достигнуты серьезные и даже впечатляющие результаты. В начале 1923/24 фин. г. был разработан амбициозный план годовой добычи угля в Донбассе в объеме 412 млн. пудов: к январю 1924 г. стало возможным увеличить плановую цифру минимально до 450 млн., а максимально до 500 млн. пудов; к концу экономического года валовая добыча угля достигла 540 млн. пудов, и тем самым впервые был превышен на 50% довоенный уровень добычи в этом районе⁵². Как только уголь начал снова свободно поступать в промышленность, последовало автоматическое оживление производства железа и стали во вновь созданном гигантском тресте Югосталь⁵³. Соперничавший с ним Урал до открытия карагандинского угольного бассейна не имел свободного доступа к запасам коксующегося угля⁵⁴. Соперничество между Югосталью и Уралом горячо обсуждалось на VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. Некоторые считали, что такое соперничество носит «нездоровый» и «опасный» характер, а Рыков, наоборот, официально приветствовал его: «Одно из положительных качеств новой экономической политики и заключается в том, чтобы в условиях рынка при условии конкуренции испытать нашу работу... Мы страдали не от большого количества конкуренции, а от недостатка конкуренции в нашей государственной промышленности»⁵⁵.

Поскольку, однако, в октябре 1923 г. был создан комитет для регулирования процесса надлежащего размещения государственных заказов металлопромышленности⁵⁶ и поскольку последняя полностью зависела от этих заказов, ясно, что окончательное решение определялось курсом государственной политики, а оживление тяжелой индустрии на Украине было мощным фактором в решающем 1925 г. в деле стимулирования расширения государственной помощи.

Другим бывшим центром тяжелой индустрии, пострадавшим от длительного промышленного застоя, был Ленинград. Здесь тяжелая промышленность не пережила такую разруху, как на Украине, хотя и находилась в запущенном состоянии. Политические мотивы позволили защитить его от последствий рационализации, хотя и за счет эффективности⁵⁷. Поскольку в Ленинграде была в основном сконцентрирована металлопромышленность, низкий уровень производства, на который скатилась эта отрасль, нанес удар по процветанию и престижу города не менее серьезный, чем перенос столицы в Москву. Ни для одного города оживление не значило так много, как для Ленинграда. После принятия в январе 1925 г. решения об интенсификации промышленного производства ВСНХ учредил специальную комиссию для разработки пятилетнего плана развития промышленности в Ленинграде⁵⁸. Оживление уже началось. Было время, когда Зиновьев на заседании Ленсовета в апреле 1925 г. заявил, что на Ленинград «смотрели как на город со славным прошлым, но без настоящего

и будущего», теперь же, однако, «мы собираем опять в стенах наших заводов состав ушедших рабочих»⁵⁹. В июне 1925 г. был опубликован подробный отчет комиссии ВСНХ. Ранее выдвигалось предложение о том, чтобы в Ленинграде развивалось легкое машиностроение, а тяжелое машиностроение было вынесено за его пределы. Но об этом уже даже не вспоминали. Комиссия рекомендовала в течение пяти лет осуществить капиталовложения на сумму в 290 млн. рублей, при этом 150 млн. рублей должно было поступить из местных и внутренних резервов, а 140 млн. — из бюджета страны. На этой основе было подсчитано, что промышленное производство в Ленинграде к концу пятилетнего периода достигнет 130% довоенного уровня, а производственные затраты снизятся со 175% (в начале периода) до 122% довоенного уровня, что позволит обеспечить некоторое повышение реальной заработной платы. В то же время Дзержинский выступил с речью в Ленинграде, заявив, что «задания, которые поставлены III съездом Советов, касающиеся проблемы восстановления основного капитала, относятся прежде всего к Ленинграду». Он критиковал «финансовый фетишизм» зависимости от финансов как от «какой-то силы, вне нас лежащей»⁶⁰. Неделью спустя ВСНХ одобрил план, представленный комиссией, уделив особое внимание необходимости расширения машиностроения и электроэнергетической промышленности и увеличив общую сумму капиталовложений, предложенную комиссией, за пятилетний период до 465 млн. рублей, из которых, однако, только 125 млн. должны поступить из государственного бюджета⁶¹. Этот план стал поворотным моментом в деле подъема советской тяжелой промышленности и означал воскрешение Ленинграда.

Летом 1925 г. вопрос о долгосрочных кредитах для промышленности был самым жгучим. Проект «промфонда», разработанный ВСНХ в марте предыдущего года, явно претерпел изменения и теперь был представлен в двух вариантах. Первый вариант предусматривал, что фондом будет распоряжаться ВСНХ под надзором СТО и что этот фонд будет формироваться за счет отчислений из прибыли промышленных предприятий, а также государственных и банковских ссуд. Это предложение встретило сильное противодействие со стороны оппозиции, которая заклеила его как возвращение к «главкизму», то есть к финансированию промышленности непосредственно ВСНХ, а не через банки⁶². Альтернативное предложение, одобренное Госпланом, предусматривало, что задача финансирования промышленного производства будет возложена на Промбанк. Оно вызвало возражение, поскольку одно и то же учреждение не должно заниматься долгосрочными и краткосрочными кредитами⁶³. В результате компромиссного решения, принятого в середине августа, для восстановления промышленности государство должно было выделить ссуду в 300 млн. рублей⁶⁴. Этот рычаг оказался менее действенным, чем предполагалось. После официального отказа от практики принудительной

подписки на государственные займы⁶⁵ никаких средств по добровольной подписке не поступало, и государственные предприятия вынуждены были акцептовать свою квоту нового промышленного кредита. Поскольку подписчикам было дано право платить за облигации в рассрочку и поскольку они могли частично обеспечивать платежи путем закладывания своих облигаций в Государственный банк, эта сделка делала государство просто участником задолженности промышленности банкам, не увеличивая общей суммы средств⁶⁶. Это иллюстрировало фундаментальную дилемму расширения промышленного производства — неспособность найти ни в одной из отраслей народного хозяйства сбережения, необходимые для финансирования капитального строительства. Однако, несмотря на то что эта мера не решала стоящих перед экономикой задач, она была сигналом для дальнейшего стимулирования промышленности расширять свое производство, а для банков — проводить щедрую кредитную политику, чтобы способствовать этому расширению. Тревожные признаки инфляции все еще игнорировались⁶⁷.

Под действием этих мощных движущих сил 1924/25 фин. г. стал годом рекордных достижений советской индустрии; за два предшествующих года удалось обеспечить быстрый подъем отраслей, производящих потребительские товары; были заложены основы для весьма значительного развития отраслей, производящих средства производства; были подготовлены условия для промышленного развития, превышающего по темпам и масштабам довоенное промышленное производство России. По расчетам Госплана, общая стоимость «цензовой» промышленной продукции в довоенных рублях возросла с 2627 млн. в 1923—1924 гг. до 4000 млн. в 1924—1925 гг., что означает увеличение на 54%⁶⁸. Согласно несколько более низким данным ВСНХ, производство отраслей, производящих потребительские товары, возросло в стоимостном выражении с 788 млн. довоенных рублей в 1923—1924 гг. до 1318 млн. в 1924—1925 гг., а производство тяжелой индустрии — с 1620 млн. до 2642 млн. довоенных рублей; в пределах этой категории производство средств производства увеличилось с 820 млн. до 1312 млн. рублей. Производство железа и стали в количественном выражении почти удвоилось в тот год⁶⁹. Однако хотя рост производства средств производства впервые не отставал от роста производства потребительских товаров, это не означало, что удалось преодолеть наследие прошлого. Основные металлургические отрасли все еще сильно отставали. В 1924—1925 гг. объем производства текстиля достиг 66% валового производства 1913 г., соли — 57, спичек — 85, сигарет — 102, угля — 55, нефти — 76%. В этом же году добыча железной руды составила не более 23,8% уровня 1913 г., чугуна — 31, стали — 43,8, проката — 38%⁷⁰.

В этих условиях Госплан опубликовал в августе 1925 г. свои первые «контрольные цифры народного хозяйства» на следующий экономический год⁷¹. Преобладал сдержанный оптимизм. Вряд ли

можно было ожидать такого же феноменального роста валового промышленного производства, как в 1924—1925 гг., когда он составил 48%. На 1925—1926 гг. предусматривалось увеличение валового промышленного производства на 33%. Однако темпы роста не распределялись равномерно по всем отраслям промышленности. Предполагалось, что рост крупномасштабного производства будет осуществляться более быстрыми темпами (46%), чем мелкомасштабного (26%) или кустарного (8%); самые высокие темпы роста были установлены в тяжелой промышленности. Таким образом, в то время как производство текстиля должно было возрасти в 1925—1926 гг. на 42%, соли — на 15, спичек — на 10%, в металлопромышленности и электроэнергетике производство должно было соответственно возрасти на 63% и 73%. В результате рост валового промышленного производства на 1925—1926 гг. в предвоенных ценах должен был составить 89% уровня 1913 г., металлопромышленности — 90, текстиля — 92%⁷². В данном случае валовое увеличение промышленного производства, намеченное Госпланом, было достигнуто, но запланированная доля крупномасштабных отраслей, и в частности тяжелой промышленности, которую они должны были составить в этом увеличении, оказалась завышенной. «Стихийные» силы все еще оставались более могущественными, чем усилия плановых органов.

Обнародование контрольных цифр свидетельствовало о высокой отметке волны оптимизма, которая захлестнула всю советскую экономику в первой половине 1925 г. Осенью после уборки урожая потребовалось провести обычную переоценку экономической ситуации, что вызвало бурную реакцию. Снова, как и осенью предыдущего года, возникли сомнения, хотя их причины и проявления носили в корне иной характер. Обескураживающие трудности, связанные со сбором зерновых, явные признаки кредитно-денежного кризиса, а также широко распространенный скептицизм и враждебность, вызванные опубликованием такого необычайного новшества, как контрольные цифры, — все эти факторы, вместе взятые, создали неблагоприятную атмосферу для требований, направленных на дальнейшее развитие промышленности. Продолжалось детальное обсуждение методов, позволяющих обеспечить достижение цели. Рассматривался проект учреждения специального банка для финансирования государственной промышленности⁷³, а Наркомфин предложил план создания специального отдела долгосрочного кредита в Промбанке⁷⁴. Зиновьев, резко меняя свое мнение в пользу развития промышленности, настаивал на том, что без переоснащения существующих заводов и фабрик или же строительства новых невозможно дальнейшее развитие промышленности⁷⁵. Вторя ему, Каменев заявил, что «к концу этого года не будет на советской земле ни одной фабрики, ни одного завода, которые не работали бы полным ходом, не бу-

дет ни одного предприятия, которое не получило бы полной довоенной нагрузки»⁷⁶.

Но к тому времени уже нельзя было игнорировать основной вопрос, касающийся источников капиталовложений для промышленности и, следовательно, норм инвестирования. Устами Сокольникова была выражена естественная реакция Наркомфина на политику, которая создавала невыносимое стеснение в сфере финансовых ресурсов и угрожала стабильности денежной системы. Осенью 1925 г. сторонники более осмотрительного курса располагали достаточными аргументами. Отмена программы экспорта зерна означала, как пояснил Сокольников в начале октября, сокращение импорта сырья, полуфабрикатов и потребительских товаров. «В связи с этим придется в известной степени пересмотреть целый ряд планов развертывания промышленности и идти более осторожным путем». Сокольников выступил за философию сдержанности: «Возникшие на этом пути затруднения вообще подводят к вопросу о методах планирования. Они показывают, что после всех успехов мы все-таки не должны приходить в чрезмерный восторг. Если бы в распоряжении Советского государства были большие резервы, если бы под нашими ногами была уже действительно гораздо более солидная почва, то мы могли бы более смело вести политику хозяйственного развертывания, а теперь приходится призывать к большей осторожности»⁷⁷.

Через несколько недель он еще более бурно протестовал против расширения кредита для преодоления кризиса. Предложение лечить товарный голод дальнейшим ухушением денежного обращения, «конечно, никаких положительных результатов не могло бы дать» и «ряд планов развертывания промышленности нуждается в пересмотре»: Старательно завуалированная нота предостережения звучала в отношении перспектив получения займа для кредитования восстановления промышленности: «Если нет оснований сомневаться в возможности проведения его полностью в текущем году, то в календарных сроках выполнения этого займа должна быть проведена... некоторая передвигка, в связи с чем финансирование по займу хозяйственного восстановления представляется необходимым частично оттянуть на месяц или два»⁷⁸.

В период тревожной неуверенности, который предшествовал XIV съезду партии, и до тех пор, пока компромисс между руководителями все еще казался вероятным или возможным, никто не спешил браться за это трудное дело. VII Всесоюзный съезд профсоюза металлистов, который собрался в Москве 17 ноября 1925 г., должен был продемонстрировать новый этап борьбы за верховенство тяжелой промышленности, и его работа предавалась широкой гласности. Но Дзержинский, который выступил с основным докладом от имени правительства, ограничился лишь красноречивыми банальностями, а Зиновьев, единственный представитель высшего руководства, присутствовавший на съезде, посвятил основную часть своего выступления международному положению

нию⁷⁹. Противники индустриализации, как казалось, в какой-то момент приобрели большое влияние. Шанин, «профессор Наркомфина»⁸⁰, написал статью, в которой в категорической форме выступил против индустриализации. По мнению Шанина, промышленность «развертывается слишком быстро, и, кроме того, развертывается неправильно». Текущий кризис явился результатом попытки форсировать капитальное строительство в то время, когда спрос на потребительские товары все еще превышал предложение. Задача экономической политики прежде всего должна была состоять в том, чтобы расширить объем сельскохозяйственного экспорта, и эту задачу можно было решить путем стимулирования «тех отраслей... которые создают большие экспортные массы», то есть перерабатывающей промышленности, а также отраслей, производящих потребительские товары⁸¹. Но хотя статья Шанина и появилась в официальном экономическом журнале как «дискуссионная», без редакторского одобрения, речь Сокольникова, с которой он выступил перед ответственными лицами Госбанка, свидетельствовала, что он поддерживал эту точку зрения. «Более быстрое развитие сельского хозяйства по сравнению с промышленностью никоим образом не может быть бичом хозяйственного развития страны, а, наоборот, является основным условием для более быстрого хозяйственного развития. Противоречия между уровнем, достигнутым промышленностью и сельским хозяйством, должны разрешиться выходом на внешний рынок и реализацией излишков сельскохозяйственного сырья на внешнем рынке для организации капитального импорта в страну»⁸². Преображенский нарушил молчание, опубликовав свою пессимистическую статью, в которой выразил опасение по поводу того, что нехватка товаров будет расти и что, вместо того чтобы искать фундаментальные средства, позволяющие расширять капитальные накопления в промышленности за счет всего хозяйства страны, найдутся многие, которые «пойдут по линии наименьшего сопротивления» и будут поддерживать расширение импорта потребительских товаров⁸³.

В такой обстановке и по мере приближения XIV съезда партии казалось маловероятным, чтобы съезд обозначил заметную веху на пути к индустриализации. Сталин, твердо взявший к этому времени в свои руки мощные рычаги партийного аппарата, призвал к поддержке крестьян в борьбе с нападками Зиновьева и Каменева — новоявленных борцов за индустриализацию, а защита со стороны Троцкого продолжала компрометировать политику сплошной индустриализации и всеобъемлющего планирования. И все же, несмотря на эти предзнаменования, съезд вошел в историю партии под названием «съезд индустриализации». Логика социализма в одной стране заставила Сталина отказаться от политики уступок кулаку и почти против воли перейти на сторону индустриалистов. Фактически такая установка была нарушением границы, разделявшей участников личной борьбы за власть.

С одной стороны, Сталин нашел себе союзников в лице Бухарина, Рыкова и Калинина, которые единодушно поддерживали крестьянство. Неловкая попытка Бухарина на съезде примирить понятие социализма в одной стране с его концепцией защиты крестьянства с помощью теории индустриализации «черепашьим шагом» не была забыта и обрекла его на бесчестье и осмеяние в последующие годы: «Мы завоевали ясное и точное убеждение в том, что мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе, что этот рост социализма будет во много раз медленнее, что мы будем плестись черепашьим шагом, но что все-таки мы социализм строим и что мы его построим»⁸⁴.

С другой стороны, положение оппозиции все серьезнее осложнялось из-за ее непоследовательности, поскольку в нее входили не только Зиновьев и Каменев, которые стремились к индустриализации даже ценой сближения с Троцким, но также Сокольников — единственный видный деятель партии, который открыто выступал за экспорт зерна и импорт потребительских товаров, отодвигая индустриализацию на неопределенное будущее. Примечательно, что Сталин, выступая в прениях, развернувшихся на съезде, опроверг еретические утверждения Сокольникова гораздо более энергично, чем Каменев и Зиновьев, повторяя снова и снова свою решимость не допустить, чтобы СССР мог «превратиться в аграрную страну для какой бы то ни было другой страны», а сделать его страной, которая будет «производить машины и прочие средства производства»⁸⁵.

В основной резолюции съезда такая точка зрения была принята в форме «основных положений», которыми должен руководствоваться в своей политике Центральный Комитет и которые сводились к тому, чтобы «вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял собой самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически...». Эта резолюция, занесенная в протокол в качестве первых «директив в области экономической политики», выражала решимость партии и правительства «во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом», для того чтобы «обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства», и «держат курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования»⁸⁶.

Все, что касается осуществления этой политики, оставалось туманным и противоречивым. Но после XIV съезда партии были четко определены некоторые принципы партийной доктрины, и

против них уже нельзя было выступать открыто. Во-первых, основное средство борьбы с «диспропорцией» в советской экономике необходимо было искать не в развитии сельского хозяйства, а путем развития промышленности. Во-вторых, индустриализация должна была проводиться прежде всего путем развития отраслей, производящих средства производства, которые должны были стать широкой основой для последующего развития отраслей, производящих потребительские товары. В-третьих, индустриализация должна была финансироваться из внутренних источников, и ее первоочередной задачей было преобразование СССР в экономически могущественную и самостоятельную страну. Индустриализация явилась логическим экономическим следствием построения социализма в одной стране.

Однако если противники индустриализации не могли уже больше дать бой по принципиальным вопросам, то и ее сторонники нисколько не спешили воплотить эти принципы в жизнь. Вероятно, это звучит весьма странно, но из всех партийных лидеров лишь Троцкий высказывался с энтузиазмом по поводу резолюции съезда о «росте социалистической государственной промышленности». Он повторял, что «поднять крестьянство без подъема промышленности нельзя»⁸⁷.

Теперь полемика развернулась не по вопросу о том, проводить ли индустриализацию, а о том, какие темпы индустриализации можно считать реальными и подходящими. Слово «темпы» стало самым популярным в словаре советской экономики. Наркомфин предложил сократить общую сумму денежной ссуды с 300 млн. рублей, что было бы связано с серьезными трудностями, до 225 млн. Компромиссная цифра в 240 млн. рублей была в итоге одобрена СТО⁸⁸. 24 марта 1924 г. СТО составил план промышленного производства на текущий год на общую сумму 5050 млн. червонных рублей, или 3020 млн. довоенных рублей. Эта сумма превысила контрольные цифры, одобренные летом предыдущего года, но, очевидно, была ниже, чем те, что предусматривались в промежуточных проектах⁸⁹. Автор передовой статьи, опубликованной в текущем номере партийного журнала «Большевик», заметил, что трудно примирить такие противоположные явления, как рост цен и симптомы инфляции, с фактом, свидетельствующим о том, что «наше хозяйство находится в процессе подъема, а не упадка». Однако его вывод сводился к тому, что средство борьбы следует искать не в «аграризации», за которую выступал Шанин, а в дальнейшей индустриализации⁹⁰. Укрепление этой несколько озадачивающей веры в преимущества промышленного развития было характерным для нового душевного настроения.

Пленум Центрального Комитета партии 6—9 апреля 1926 г., хотя он и был посвящен в основном политике в сельском хозяйстве, прошел под знаком сильного упора на индустриализацию. Об этой тенденции свидетельствовало новое появление Троцкого на партийной сцене. Основным мотивом требования Троцкого

ужесточить сельскохозяйственный налог была необходимость финансирования развивающейся промышленности, и он упрекал Каменева в том, что тот не видит, что проблема расслоения в деревне может быть решена только путем дальнейшей индустриализации⁹¹. Проходили дискуссии относительно грандиозного проекта строительства плотины на Днепре (позднее известного под названием Днепрострой) для выработки электроэнергии. Будучи председателем комиссии по электрификации, Троцкий был одним из наиболее активных энтузиастов этого проекта. Сталин придерживался позиции осмотрительности и высказал ряд замечаний, которые позже Троцкий опубликовал и выставил на посмеище: «Средства, которые здесь потребуются, грандиозны, несколько сот миллионов. Мы как бы оказались в положении крестьянина, который скопил несколько копеек и, вместо того чтобы починить свой плуг или обновить свои запасы, купил граммофон и разорился. Можем мы не учитывать решение съезда о том, что наши промышленные планы должны соответствовать нашим ресурсам? Товарищ Троцкий, однако, безусловно не принимает во внимание это решение съезда»⁹².

В своей основной речи и поправках к резолюции Рыкова⁹³ Троцкий постоянно возвращается к центральной теме: «государственная промышленность отстает от развития сельского хозяйства» и «наши основные экономические трудности связаны с тем, что объем промышленного производства слишком мал». Он выступил с уже знакомыми рекомендациями — сделать сельскохозяйственный налог более прогрессивным, а оптовые цены — «более гибкими», сократить ненужные расходы, помня о том, что «мы еще не вышли из стадии примитивного социалистического накопления», увеличить долгосрочные промышленные кредиты и капиталовложения в промышленность, ускорить процесс электрификации, а также более интенсивно использовать планирование. Резолюция в своем окончательном варианте настолько явно поддерживала развитие промышленности, что не могла не обеспечить себе единодушное одобрение. Она противопоставляла первые годы НЭПа, когда в центре внимания находилась проблема оживления сельского хозяйства, настоящему периоду «диспропорции» экономического роста, когда «развитие индустрии и вообще индустриализация страны являются той решающей задачей, успешное разрешение которой определяет дальнейший рост всего хозяйства в целом по пути к победе социализма». Несмотря на сложности, была нарисована радужная картина перспектив промышленного развития: «Промышленность возрастает гораздо сильнее всех других отраслей хозяйства СССР. Общая продукция промышленности по сравнению с предыдущим годом вновь увеличивается примерно на 30—40%. Впервые в настоящем году в промышленность вкладываются значительные средства на переоборудование и новое строительство, чем определяется возможность расширения индустрии в последующие годы». Единственным конкретным решением

о помощи промышленности было принятие неопубликованной и, очевидно, больше нигде не запротоколированной резолюции Политбюро от 25 февраля 1926 г. «О капитальных затратах в промышленности, госбюджете и образовании специального резерва по госбюджету»⁹⁴.

Эта мысль была незамедлительно разъяснена. Анализируя результаты пленума на активе Ленинградской партийной организации (участники которого должны были приветствовать преимущественное развитие промышленности), Сталин говорил об «основном лозунге» индустриализации, провозглашенном на XIV съезде партии. Однако недостаточно было говорить о разворачивании промышленности: даже у колониальных стран есть свои отрасли промышленности. Важно было развивать тяжелую промышленность. Отсюда делался вывод о том, чтобы «двигать вперед индустрию нашей страны, как основу социализма и как руководящую силу, ведущую вперед народное хозяйство в целом», «ускорить темп нашего социалистического накопления», наладить «правильное использование накапливающихся резервов и установить строжайший режим экономии»⁹⁵. Тем, кто слушал это, надлежало понять, что битва за индустриализацию выиграна. И это отчасти, но лишь отчасти было правдой. Проблема накопления и источников накопления стала важнейшей. Но лидеры еще не были готовы ее решить⁹⁶. Борьба между сторонниками развития сельского хозяйства и сторонниками развития промышленности, а также между приверженцами различных типов аграрной политики, которая была характерна для ранних стадий спора, теперь возобновилась в новых условиях с новой силой. И тем не менее фактически наблюдался определенный прогресс. Промышленность продолжала развиваться, в то время как противники с обеих сторон продолжали обмениваться теми же аргументами относительно темпов индустриализации.

В то время как основные проблемы промышленного возрождения должны были решаться на крупных промышленных предприятиях, работающих непосредственно под руководством государственных органов, две другие формы промышленного производства продолжали играть важную роль. Во-первых, государственные предприятия, не находившиеся в непосредственном подчинении у государственных органов, были отданы в аренду частным лицам или кооперативам; они попали в категорию цензовой отрасли. Во-вторых, находившиеся вне категории цензовой отрасли мелкие частные промышленные предприятия продолжали функционировать в небольших городах⁹⁷, а сельскохозяйственные отрасли играли важную роль в торговле в сельской местности, хотя точно определить их значение было исключительно трудно. Согласно статистическим данным Госплана, производство в этих двух формах промышленности продолжало расти в период оживления, хотя их доля в валовом производстве несколь-

ко снизилась. Таблица, подготовленная Госпланом в начале 1926 г., дает достаточно полную картину промышленного производства в миллионах червонных рублей ⁹⁸:

	Секторы цензовой промышленности			Мелкая кустарно-ремесленная промышленность	Всего
	государственный	кооперативный	частный		
1923—1924 гг.	3346	204	195	1668	5413
1924—1925 гг.	4985	394	252	1935	7566
1925—1926 гг. (оценки)	7100	500	291	2322	10213

Таким образом, хотя производство в кооперативном и частном секторах цензовой промышленности, а также в мелких кустарных отраслях и ремесленном производстве продолжало расти, его доля в валовом производстве снижалась, и это снижение было более заметным в частном, чем в кооперативном секторе. Официальная позиция менялась от сдержанной терпимости до активной поддержки. Комиссия ВСНХ, созданная в феврале 1925 г. для анализа того места, которое частный капитал занимал в промышленности и торговле, сообщила, что «при данном состоянии народного хозяйства неизбежно существование некоторой группы частных промышленников и торговцев и задача государства заключается в том, чтобы целесообразно использовать производственные элементы в интересах расширения и удешевления производства» ⁹⁹.

Сдача в аренду государством промышленных предприятий частным лицам или кооперативам, желающим или имеющим возможности использовать их, проводилась в скромных масштабах начиная с первых дней НЭПа ¹⁰⁰. В соответствии с последним постановлением ВСНХ от 10 сентября 1924 г. предприятия разрешалось сдавать в аренду максимально на 12 лет, то есть на тот же период, что и землю ¹⁰¹. Сданные в аренду предприятия были, как правило, мелкими, и их общая доля в хозяйстве всегда была незначительна ¹⁰². Из общего числа сданных в аренду предприятий, равного 6500 на 1 марта 1924 г. (неясно, все ли они были пущены в эксплуатацию на полную мощность), 30% относились к пищевой промышленности, 24% — к кожевенной; половина из них была сдана в аренду частным лицам (половина из этого числа были бывшими владельцами), остальная часть — артелям, кооперативам или учреждениям ¹⁰³. Одно такое предприятие было зарегистрировано в пригороде Москвы. В августе 1924 г. начала работать новая фабрика по производству винтов, болтов и гвоздей под названием «Пролетарский труд». Она была основана на базе объединения двух бывших фабрик арендаторами, возможно, бывшими владельцами одной из них. Создание этого предприятия было одобрено Московским губернским ВСНХ, профсоюзом рабочих металлопро-

мышленности и, наконец, губернским плановым отделом (Губ. план), прежде чем были предоставлены необходимые кредиты на общую сумму в 100 тыс. рублей. Арендаторы должны были продемонстрировать, что они способны реконструировать фабрику и пустить ее в производство в более короткие сроки и в лучшем состоянии, чем это делает государство. Фабрика начала работать в августе 1924 г., и на ней было занято 192 рабочих, а в октябре 1925 г. число работающих составило 653 человека¹⁰⁴. Это производство, вероятно, представляет собой типичный пример эмпирической, связанной с восстановлением промышленного производства на мелких предприятиях после разрухи 1918—1921 гг. Частная промышленность внесла свою лепту в промышленное оживление в середине 20-х годов. В 1925 г. в ней было занято на 36% больше рабочих Москвы и Московской области, чем в предыдущем году, хотя это число все еще составляло лишь 12—13% от общей численности промышленных рабочих этого региона¹⁰⁵. В конечном счете, однако, арендованные предприятия столкнулись со сложной проблемой. Если они не добьются успехов, они не смогут обеспечить себе прибыль и разорятся. Если же они добьются успехов раньше или позже, они перейдут в собственность государства или области¹⁰⁶.

Мелкие кустарно-ремесленные предприятия, включавшие крестьянские хозяйства, занятые неполный рабочий день, и мелкие предприятия, использовавшие наемный труд или же представлявшие собой артели или кооперативы¹⁰⁷, внесли более значительный вклад, чем арендованные предприятия, в дело увеличения валового объема промышленного производства. Эти предприятия, хотя им почти полностью удалось избежать контроля из центра, получили официальное одобрение своей деятельности, а также поддержку с первых дней НЭПа, что позволило им добиться процветания в более короткие сроки, чем фабрикам и заводам¹⁰⁸. Промышленные кооперативы, которые были наивысшей формой организации кустарных и ремесленных рабочих, но охватывали только их часть¹⁰⁹, освобождались, согласно статье 57 Гражданского кодекса, от ограничения числа наемных рабочих в отличие от «частных» промышленных предприятий¹¹⁰; однако они никогда не создавали конкуренции сельскохозяйственным кооперативам (и в еще меньшей степени потребительским кооперативам). В 1925 г. в РСФСР они были объединены в четыре кооперативных союза, которые образовали общий Всероссийский союз промышленных кооперативов. В него вошли рабочие кожевенной и текстильной отраслей, металлопромышленности, деревообрабатывающей и строительной отраслей, а также союзы, объединявшие рабочих, занятых в лесоводстве, рыболовстве и охотничьем хозяйстве. Предполагалось, что кооперативы, организованные в эти союзы, насчитывали 600 тыс. членов на 1 октября 1925 г. Промышленные кооперативы Украины объединяли 65 тыс. членов. Появились также промышленные кооперативы в Белоруссии, Закавказье и Узбекистане, насчитывав-

шие несколько тысяч человек¹¹¹. К этим предприятиям с самого начала относились с завистливой враждебностью как профсоюзы, так и сторонники крупного производства. Подобно сельскохозяйственным кооперативам, промышленные кооперативы, организованные в мелком кустарно-ремесленном производстве, часто обвинялись в том, что они просто служат прикрытием для возрождения так называемого мелкого капитализма, связывая это понятие прежде всего с кулаком¹¹².

Вполне логично, что в тот момент, когда сельскохозяйственная политика была направлена в сторону защиты обеспеченного крестьянина, эти по преимуществу сельские формы промышленного производства должны были вновь привлечь к себе внимание. 10 апреля 1925 г. был принят декрет, освобождающий от налогов рабочих, занятых в мелкой кустарно-ремесленной промышленности, а также ремесленников и индивидуальных кустарей в городах¹¹³. Передовица «Правды» на следующий день рассматривала упадок сельскохозяйственного производства как одну из причин аграрной перенаселенности, что вызывало безработицу. На XIV партийной конференции в апреле 1925 г., где центральное место в партийных дебатах занимала защита кулака, Рыков начал кампанию в пользу промышленных коопераций и сельскохозяйственных предприятий. Промышленные кооперации игнорировались потому, что «наши хозяйственные органы частенько посматривали, да и теперь смотрят на промысловую кооперацию как на конкурента». Их нужно развивать прежде всего для того, чтобы дать работу избыточному населению, которое в противном случае вынуждено «давить на город, увеличивая резервную промышленную армию». Рыков осудил ревнивое отношение профсоюзов к мелким кустарным производствам: «Некоторые из наших работников профессионального движения не понимают того, что кустарь, весь бюджет которого состоит из заработка в кустарной промышленности, вовсе не дальше от рабочего класса, чем те крестьяне, которые уходят на временную работу в город и которых профсоюз организует»¹¹⁴.

Резолюция конференции потребовала больше внимания, чем это было в прошлом, к «вопросам, связанным с кустарно-промысловой кооперацией»; кустарей и ремесленников нельзя игнорировать как «рабочих и лишать избирательных прав». Государственная промышленность обязана работать в союзе с сельскохозяйственными предприятиями, а не заключать «разорительных сделок по отношению к кустарю»¹¹⁵. Несколько дней спустя III съезд Советов принял резолюцию о помощи мелким кустарно-ремесленным предприятиям в «предоставлении кредита, сырья и полуфабрикатов, поддержании и развитии промысла, повышении товарности кустарного производства»¹¹⁶.

Такая поддержка мелких частных предприятий способствовала их дальнейшему процветанию, что в свою очередь обеспечивало развитие всего хозяйства, хотя доля частного производства снижалась сравнительно с государственным и кооперативным секторами.

ГЛАВА 7

ТРУД

Ситуация с трудовыми ресурсами в середине 20-х годов характеризовалась медленным, умеренным, но и несомненным улучшением. Со стабилизацией валюты прекратились наконец жестокие скандалы 1923 г. из-за заработной платы. Кампания за повышение производительности труда, проводившаяся постоянно и неуклонно, увенчалась определенным успехом и заложила фундамент для восстановления и развития промышленности, особенно тяжелой; этому способствовали как укрепление трудовой дисциплины, так и технические усовершенствования. С другой стороны, структура заработной платы, уже не контролируемой государством, оставалась хаотичной и вызывала недовольство в разных отраслях промышленности и разных регионах; аппарат улаживания конфликтов был перегружен и сам по себе громоздок; профсоюзам же становилось все труднее и труднее сочетать роль лояльных инструментов партии и государства и роль представителей групповых интересов рабочих. Кроме того, не было и не предвиделось решения проблемы массовой безработицы, не уменьшавшейся в течение этого периода и преобладавшей в ситуации с трудовыми ресурсами. Страх увольнения все еще преобладал над всеми прочими формами утверждения дисциплины, а избыток рабочей силы приводил к сосредоточению внимания не на совершенствовании технических средств производства, а на повышении индивидуальной выработки.

Число безработных неуклонно росло в первую половину 1924 г., причем число зарегистрированных на 70 биржах труда увеличилось с 754 тыс. на 1 января до 822 тыс. на 1 июля, что, по расчетам, соответствует 1240 тыс. зарегистрированных безработных на 1 января и 1340 тыс. на 1 июля¹. На VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. Шмидт повторил знакомые объяснения, которые, будучи справедливыми, мало чем могли помочь смягчению суровых реальностей проблемы. Из общего числа зарегистрированных на 1 июля 25% вообще никогда не работали по найму; 17% работали менее трех лет; в число прочих входили конторские служащие или крестьяне, недавно прибывшие из деревни; лишь 300—400 тыс. были настоящими безработными промышленными рабочими². В июле 1924 г. на биржах труда была повторена операция по ликвидации фиктивных записей, уже несколько раз проводившаяся ранее³. Это в сочетании с сезонным оттоком рабочих рук на

уборку урожая привело к поразительному сокращению данных на 1 октября, когда на тех же 70 биржах труда оказалось зарегистрировано всего 473 тыс. безработных, а общая оценка их числа составила 775 тыс. Особенно отличились московские и ленинградские биржи труда, где число зарегистрированных безработных уменьшилось соответственно со 140 до 70 тыс. и со 170 до 13 тыс. человек⁴. Но в результате этих манипуляций, которые один профсоюзный делегат сравнил с практикой, принятой Наркомфином в инфляционный период при ревальвировании денег и выразившейся в зачеркивании нулей на купюрах⁵, добиться сокращения безработицы на сколь-нибудь длительный период времени не удалось. После коренной реорганизации в январе 1925 г., когда биржи труда были превращены в организации по добровольному найму рабочих⁶, процесс перерегистрации был проведен еще раз. В первые три месяца 1925 г. число зарегистрированных безработных сократилось на 60 %, главным образом за счет неявки на перерегистрацию. С другой стороны, процент членов профсоюза среди незарегистрированных безработных вырос в результате этой операции с 38 до 61, и это было воспринято как признак того, что теперь списки более точно соответствовали действительному числу безработных⁷. В октябре 1925 г. «Правда» сообщала, что официальное число безработных на 1 сентября составило 1100 тыс. человек, сопроводив это замечанием, что, поскольку регистрация на бирже труда больше не обязательна, в действительности общее число может достигать 1300 тыс. человек⁸.

Теперь стало ясно, что проблема безработицы в Советском Союзе в одном из основных аспектов отличается от подобной проблемы на Западе. Было справедливо замечено, что, если в западных странах кривая безработицы меняется обратно кривой занятости, в Советском Союзе в 1924—1926 гг. число как безработных, так и занятых рабочих росло. Число рабочих, занятых в промышленности, которое в 1913 г. составляло где-то около 2600 тыс. человек, в 1921—1922 гг. упало ниже 1250 тыс. человек, но после этого начался стабильный рост, и в 1923—1924 гг. оно составило 1620 тыс. человек, а в два последующие года, по общей оценке, — 1900 тыс. и 2300 тыс. человек⁹. Уже в 1924 г. один критик заметил, что деревня «вновь выбрасывает в город «резервную армию труда», но в настоящее время наша промышленность не в состоянии поглотить всей предлагаемой рабочей силы»¹⁰. Быстрое развитие тяжелой промышленности высветило новую проблему нехватки квалифицированных рабочих, что, однако, не уменьшало тяжесть безработицы в целом. «Таким образом, — писал Смилга в то время, — на одном фланге — недостаток рабочей силы, на другом — перепроизводство рабочей силы»¹¹.

Таким образом, безработицу в промышленности в Советском Союзе можно диагностировать как отражение перенаселенности деревни, к которой было привлечено внимание в постановлении ЦК партии в апреле 1925 г.¹² Быстрый естественный прирост на-

селения сопровождался усиливавшимся процессом «расслоения» деревни, что способствовало непрерывному уходу из нее лишних крестьян, неквалифицированных работников, искавших работу в городах и на заводах. «Если мы дали работу 2000 безработным, — говорил тогда Зиновьев на заседании Ленсовета, — то очень часто в это время приходит новых 10 тыс. безработных из деревни, которые ищут работу, считают, что в городе можно сносно жить... Чайной ложкой это море безработицы не исчерпаешь»¹³.

Поскольку производительность труда рабочего в промышленности была во много раз выше, чем в сельском хозяйстве¹⁴, эта миграция могла бы в долгосрочном плане считаться потенциально только желательной и, поскольку рационализация и механизация сельского хозяйства должны были бы сократить спрос на сельский труд, окончательное решение проблемы безработицы в Советском Союзе могло состоять лишь в развитии промышленности, достаточно быстром, чтобы поглощать растущее сельское население. Преображенский был первым, кто настаивал, что все попытки радикально решить проблему безработицы ведут к проблеме накопления. «Сотни миллионов ценностей, — писал он в 1925 г., — в форме неиспользованного труда безработных, в виде стоящих заводов с неиспользованным оборудованием, незаконное использование начинки действующих заводов, — эти сотни миллионов гибнут, а люди голодают лишь потому, что мы только-только еще приступаем к накоплению и делаем пока еще слабые успехи в этой области»¹⁵.

Однако этот анализ не сделал проблему менее затруднительной или менее тягостной. Профсоюзы откровенно не симпатизировали массам безработных, осложнявшим состояние рынка труда. «Профсоюзы, — писала официальная профсоюзная газета, — никогда не брали на себя задачу интересов лиц, не работающих по найму. Одного желания получить работу и быть принятым в союз мало. Профсоюзы ведут борьбу за организованный труд, за организованное получение работы и, конечно, теми, кто уже состоит в этой организации... Если бы союзы этого не делали, они потеряли бы свое место классовой организации, главную свою сущность — защиту интересов своих членов... Безработные — не члены союза с нами могут не согласиться по существу затронутого вопроса, потому что они хотят получить работу... но профсоюзы, еще раз повторяю, не брали, не берут и не могут взять на себя защиту всех не работающих по найму»¹⁶. Безработные, не состоявшие в профсоюзе, не имели права и на пособие по безработице; как сказал Бухарин в своей исполненной сочувствия к безработным речи на XIV съезде партии, «так как мы сейчас работаем не на собесовских началах, то положение безработных сейчас особенно тяжело»¹⁷.

В то время постоянно слышались жалобы, что безработица более тяжело сказывается на женщинах, чем на мужчинах, и даже что женщин вышвыривают с производства. Здесь кризис вновь

выявил ту же самую ненормальность, заключавшуюся в одновременном росте занятости и безработицы. Абсолютное число женщин, занятых в промышленности, росло стабильно и увеличилось с 414 тыс. человек на 1 января 1923 г. до 679 тыс. человек на 1 января 1926 г.; доля занятых женщин сократилась с 29,5% в январе 1923 г. до 27,5% годом позже, после чего она медленно восстанавливалась и в 1928—1929 гг. оставалась постоянной¹⁸. Вопреки этим цифрам факты свидетельствуют, что текучесть женского труда была непропорционально высокой¹⁹ и что усиление безработицы привело в некоторых профсоюзах (особенно среди металлистов) к исключению женщин. Несовместимость такого положения дел с принятой партийной доктриной была отмечена XIII съездом партии в мае 1924 г.: «В связи с продолжающимся вытеснением работниц из производства съезд подчеркивает, что сохранение женской рабочей силы в производстве имеет политическое значение и ставит перед партией задачу усилить поднятие квалификации женского труда и вовлечь женщин, где возможно, в те отрасли производства, где женский труд не применялся вовсе или применялся в недостаточной мере»²⁰.

Затруднительное положение сложилось из-за нежелания хозяйственников нанимать женщин в соответствии с ограничениями, налагаемыми защитительным законодательством, и, вероятно, также из-за возражений со стороны рабочих-мужчин по поводу особых привилегий и льгот для женщин²¹. Проблема в целом обсуждалась в ходе продолжительных дебатов, а на VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. профсоюзное руководство заняло твердую позицию. Шмидт, народный комиссар труда, пространно говорил о вытеснении женщин из промышленности («женщин всегда увольняли первыми») и продолжал: «Нам необходимо пересмотреть ряд законов, воспреещающих ночной труд женщин и не допускающих их во вредное производство. Там, где условия труда тяжелы, нам необходимо будет пересмотреть условия труда с таким расчетом, чтобы доступ женщин в эти отрасли промышленности и на эти работы был бы более широкий, чем до сих пор».

Другой делегат сетовал, что «увольнение женщин с предприятий получило массовый характер». Женщина-делегат разъяснила, что нежелание хозяйственников принимать на работу женщин оказалось результатом принятого в их отношении защитительного законодательства; по ее мнению, например, запрещение труда женщин на ночных работах «дезорганизует производство». Поэтому ключ к решению задачи — в ослаблении этих ограничений: для женщины лучше «иметь возможность зарабатывать себе кусок хлеба, а не идти на бульвар торговать собой». Единственной причиной, по которой эти ограничения не были отменены, оказалась «боязнь того, что скажут на Западе»²². Съезд учел это выступление, рекомендовал отменить запрещение привлекать женщин к некоторым вредным и ночным работам как ведущее «к вытеснению женщин (особенно квалифицированных женщин) с производства»

и поручил профсоюзам «бороться с существующей тенденцией замены женщин мужчинами на производстве»²³. Никаких формальных изменений в законодательстве сделано не было. Но в апреле 1925 г. Наркомтруд СССР разослал наркоматам труда союзных республик циркуляр, подтверждавший «необходимость впредь разрешить применение ночного труда женщин во всех отраслях производства, за исключением тех особо вредных производств, где труд женщин вообще запрещен»; беременных женщин следовало переводить в дневные смены²⁴. Заработная плата женщин в то время составляла от 60 до 65% заработной платы мужчин, и эта разница была результатом более низкой квалификации женщин-работниц²⁵.

Гораздо больше дебатировался вопрос о широко распространенной безработице среди подростков²⁶. Она грозила не только деморализовать будущих рабочих в самом начале их деятельности, но и лишить их практической подготовки, необходимой для того, чтобы они стали квалифицированными рабочими. В мае 1922 г. вступил в силу закон, обязывающий промышленные предприятия бронировать определенный процент рабочих мест (так называемый предельный минимум) для подростков в возрасте 15—16 лет, чтобы давать им профессиональную подготовку²⁷. Но при росте безработицы и избытке наемного труда взрослых людей хозяйственники и рабочие пошли на сговор, чтобы обойти это условие. Случалось, что безработным подросткам предоставляли работу на заводах якобы для получения профессиональной подготовки без выплаты заработной платы; было выпущено распоряжение, запрещающее такие злоупотребления²⁸. На XIII съезде партии в мае 1924 г. было объявлено, что 40% подростков, желавших получить работу на фабриках и заводах, оставались безработными²⁹. На VI съезде комсомола в июле 1924 г., где подробно обсуждался вопрос о безработице среди подростков, официальный оратор признал существование «противоречия между сегодняшним жестким хозрасчетом и подготовкой квалифицированных рабочих в перспективе завтрашнего расширения промышленности» и смог лишь выразить надежду, что «реальные проценты брони», которые были «почти выполнены» в 1923 г., будут строго соблюдаться в текущем году. Другой делегат высказал недовольство тем, что все наниматели, за исключением нескольких наиболее преуспевающих трестов, относятся к применению труда подростков как к «накладному расходу» и проводят кампанию против их труда; запрещение использования подростков на вредных работах также служило препятствием для их найма и профессиональной подготовки³⁰. На VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. было объявлено, что подростки составляют только 2,9% от общей занятой рабочей силы, тогда как двумя годами раньше они составляли 3,7%. Шмидт посетовал, что безработных подростков оказалось столько же, сколько работающих, и что положение тех, кто никогда не работал и не имеет поэтому права на страховое пособие, просто отчаян-

ное³¹. Резолюция съезда потребовала строгого соблюдения «предельного минимума» рабочих мест для подростков с целью «повышения квалификации рабочей молодежи»³². Но отмена обязательного найма рабочей силы через биржу труда осложнила проведение этого условия в жизнь³³, хотя в феврале 1925 г. была спущена партийная директива, возражающая против отмены или сокращения заработной платы подростков и подчеркивающая необходимость соблюдать «предельный минимум» и сконцентрировать внимание на профессиональной подготовке³⁴.

Проблема еще больше обострилась на XIV съезде партии в декабре 1925 г., когда делегат от комсомола разоблачил «предложения насчет того, чтобы снизить заработную плату рабочим-подросткам, ввести бесплатное ученичество, в частности у кустарей, чтобы школы фабзавуча из массовых школ превратить в школы для подготовки высококвалифицированных рабочих, мастеров и пр., чтобы во вредных производствах лишить рабочих-подростков дополнительных стимулов...». Бухарин в некотором замешательстве ответил на эту тираду, что «старые нормы должны быть сохранены», но что вопрос в целом рассматривается партийными инстанциями³⁵. Постановление съезда гласило, что съезд «считает необходимым сохранение всех основных законоположений о труде и образовании рабочей молодежи»³⁶. Оставалось неясным, в какой степени эта принципиальная победа найдет воплощение в практике. В феврале 1926 г. ЦК комсомола призвал принять ряд мер «по регулированию и использованию труда подростков на ночных работах, куда они в настоящее время не допускаются, но куда при известных условиях их допускать можно»³⁷. Официальный докладчик на VII съезде комсомола смело провозгласил официальную доктрину: «Социалистическая организация труда молодежи означает, что труд подростков в производстве подчинен не только хозяйственным задачам, не только задачам хозяйственной выгоды, но и задачам обучения». Тем не менее на съезде было признано, что ни в одной отрасли промышленности не заполнен целиком тот процент рабочих мест для подростков, который был установлен правительственным законодательством³⁸. Недовольство хронической безработицей среди подростков еще раз было высказано в конце года³⁹.

Вопрос о подготовке людей как для квалифицированной работы на промышленных предприятиях, так и для административных постов продолжал оставаться огромной проблемой. С 1921 г. по решению профсоюзов назначались стипендии студентам высших учебных заведений, учащимся технических училищ и рабфаков⁴⁰. С 1923 г., когда впервые заявила о себе безработица, промышленные предприятия и советские учреждения должны были в соответствии с законом предоставлять соответственно один и два процента своих вакансий выпускникам вузов и техникумов⁴¹. Тем не менее кампания за экономию бюджетных средств вела к сокращению наличных фондов. В 1923—1924 гг. 67 тыс. студентов по-

лучали государственную стипендию от 15 до 20 рублей в месяц (почти столько же составляла заработная плата промышленного рабочего). В 1924—1925 гг. число стипендиатов сократилось до 47 тыс., а Наркомпрос угрожал ввести под своим контролем плату за обучение в высших учебных заведениях. На VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г., где были обнародованы эти факты, положение студентов вырисовывалось в мрачных тонах: многие из них, будучи не в состоянии снять жилье, жили в подвалах или ночевали на вокзалах⁴². Годом позже на XIV съезде партии Бухарин, описывая печальную ситуацию с молодежью в Советском Союзе, еще раз сказал об «отчаянном материальном положении» даже «тех слоев из молодежи, которые на ступеньках образовательной лестницы стоят наверху (учащиеся в вузах, рабфаках и проч.)»⁴³. В этот период были приняты несколько постановлений, направленных на предоставление выпускникам техникумов и училищ работы, которая соответствовала бы их способностям и полученной подготовке. Как правило, они должны были приниматься в качестве специалистов на должности, отвечающие их квалификации. Наркомтруд был обременен правами направлять их на такие посты⁴⁴. Однако обилие подобных постановлений ставило под сомнение их эффективность. В век хронической безработицы рабочая сила оставалась дешевым товаром, и громадные ее потери на каждой стадии развития оставались неизбежным злом.

В те времена поддерживалась теория о том, что условия найма произвольно определяются индивидуальными или коллективными договорами между профсоюзами и нанимателями. Вмешательство государства было ограничено теперь уже почти совершенно тщетными предписаниями относительно определенного законом минимума заработной платы, который объявлялся ежемесячно⁴⁵. Хотя вопросы заработной платы и оставались острыми, но они занимали гораздо менее заметное место в рабочей политике в период с 1924 по 1926 г., чем в предшествовавшие годы. В 1924 г. благодаря финансовой реформе, росту экономического процветания и промышленного производства положение рабочего значительно улучшилось. Острое недовольство рабочих, характерное для осени 1923 г., смягчилось, а заработная плата достигла уровня, который в любом случае давал возможность жить и работать. Она выплачивалась в стабильной валюте, что исключало повторение происходившего в прошлом жонглирования индексом цен⁴⁶; вопиющие злоупотребления, которые выражались в задержке заработной платы и частично вызывались желанием извлекать выгоду из падения курса валюты, в основном прекратились, хотя жалобы на задержки выплаты денег на месяц или шесть недель все еще поступали, особенно с Украины и Урала⁴⁷. В некоторых местах лишь 40% заработной платы выплачивалось наличными, а остальное выдавалось кредитными билетами на кооперативы; говорилось о случаях, когда вся заработная плата выдавалась кредитными

билетами. VI съезд профсоюзов отказался осудить эту практику и лишить кооперативы такой искусственной поддержки⁴⁸. Тем не менее она скомпрометировала себя и постепенно заглохла⁴⁹. Кроме того, начались протесты против растущих вычетов из заработной платы в форме взносов в МОПР (Международная организация помощи борцам революции)⁵⁰, в ОДВФ (Общество друзей воздушного флота) и в Доброхим (Общество друзей химической обороны): вычеты этого рода доходили в некоторых случаях, как утверждалось, до восьми или девяти процентов от суммы заработной платы. VI съезд профсоюзов принял постановление, по которому подобные вычеты не могли превышать 4% заработной платы⁵¹.

Из запутанных и, по общему мнению, ненадежных статистических данных становится все же ясно, что, кроме этих облегчений, заработная плата в течение большей части 1924 г. повышалась. Среднемесячная зарплата в первом квартале 1924 г. составила 36,2 червонного, или 20,39 условного, рубля. В октябре 1924 г. она выросла до 42,25 червонного, или 25,58 условного, рубля⁵². Официальный оратор на съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. заявил, что заработная плата достигла 109% предвоенного уровня в Москве, 90 — в Ленинграде и 75% по стране в целом⁵³. Другой анализ заработной платы того времени, в котором использовалась та же общая цифра (75%), показал, что в пищевой промышленности заработная плата достигла 129,2% предвоенного уровня, в текстильной — 98,2, в металлургической — 62,5, в горнодобывающей — лишь 48,6%⁵⁴. Вполне понятно, что все статистические сведения, имевшие целью регистрацию средних уровней заработной платы, скрывали очень большие различия между разными отраслями промышленности, разными регионами и разными категориями рабочих; это, как отметил Томский на VI съезде профсоюзов, было неизбежно, пока не было предложено вернуться к системе государственного регулирования⁵⁵. Самая высокая заработная плата уже выплачивалась в Москве; следом за ней шел Ленинград; третьей, как правило, была Украина, а замыкающим в перечне крупнейших промышленных районов был Урал⁵⁶. Вообще говоря, чем более развитым в промышленном отношении был регион, тем выше была заработная плата, а разница, вероятно, компенсировалась частично за счет разницы в стоимости жизни. Металлисты Украины и Урала в 1924 г. получали всего 8,5 рубля в месяц (в условных рублях), тогда как их товарищи по профессии в Москве получали 18 рублей; в Донбассе заработная плата находилась все еще на 50% довоенного уровня. В общем, официальный оратор признал, что, «если вы посмотрите, сколько рабочих у нас получает свыше 50 рублей, вы видите, что кружки эти очень и очень невелики. А вот эти черные пятнышки — это только до 10 рублей, здесь мы имеем еще пространство достаточное большое»⁵⁷.

Более важным и трудным был вопрос о разнице в заработной

плате рабочих разной квалификации. После сентября 1921 г., когда в интересах повышения производительности труда был официально отвергнут эгалитарный принцип уравнивания заработной платы⁵⁸, разница в оплате труда квалифицированного и необученного рабочего стала быстро расти. Шкала заработной платы, согласованная с профсоюзами, имела 17 разрядов, из которых первые девять относились к работникам физического труда, а остальные — к конторским служащим и административному персоналу. В первоначальной шкале, принятой в 1921 г., разница между первым и девятым (высшим для работника физического труда) разрядами составляла 2,7:1, а между первым и семнадцатым 5:1; к концу 1923 г. это тройственное соотношение выглядело так 1:3,5:8⁵⁹. Однако такая дифференциация, вызванная разной оплатой за работу, требующую разной квалификации, продолжала шокировать членов партии и профсоюзных работников, воспитанных на традициях равенства. В разгар кризиса заработной платы в 1923 г. положение низкооплачиваемых рабочих оказалось настолько отчаянным, что стало трудным противостоять давлению, направленному на увеличение их доли в истощенных фондах заработной платы⁶⁰. VI съезд профсоюзов утвердил существовавшую шкалу заработной платы с ее 17 разрядами, столкнувшись при этом с некоторой оппозицией со стороны тех, кто требовал еще больше увеличить число разрядов и разницу в величине тарифных ставок⁶¹. Однако наиболее впечатляющие различия в заработной плате рабочих объяснялись тогда не столько разными разрядами шкалы зарплаты, сколько разным объемом выполняемых работ или разным количеством отработанного времени. Дальнейшее распространение сдельной формы оплаты труда, которая, будучи впервые применена к квалифицированным рабочим, угрожала впоследствии перекрыть разрыв между квалифицированным и неквалифицированным трудом, было нейтрализовано решением о развитии системы премиальных для неквалифицированных рабочих, а также для административного персонала⁶². С 1924 по 1926 г. разрыв между заработной платой квалифицированных и неквалифицированных рабочих продолжал расти, но не столь быстро и неуклонно, как в предшествующий период⁶³. Основой партийной доктрины были принципы уравниловки, служившие до сих пор определенным тормозом для применения иных методов. XV партийная конференция, состоявшаяся в ноябре 1926 г., положительно отнеслась к последним шагам в области повышения заработной платы «низкооплачиваемых групп рабочих», рассматривая их как «дальнейший шаг в направлении изживания ненормальной разницы в оплате различных категорий трудящихся»⁶⁴. В те времена серьезно думали, что при распространении общего образования и постепенном отстранении оставшихся буржуазных элементов от ответственных должностей различия в заработной плате рабочих разных разрядов будут постепенно стираться. Это было неотъемлемой частью строительства социализма⁶⁵.

Признаком силы эгалитарных настроений было именно то, что, когда бы в течение этого периода ни выносился на обсуждение вопрос о заработной плате, недовольные всякий раз указывали на жалование специалистов как на постоянный повод для недовольства. Хотя ситуация якобы уже была упорядочена принятым в ноябре 1923 г. декретом, определявшим пределы «персональных окладов и особых вознаграждений», выходящих за пределы 17-разрядной шкалы заработной платы, определенной коллективными договорами⁶⁶, существенная разница между этими окладами и заработной платой даже наиболее высокооплачиваемого рабочего продолжала привлекать внимание; в период кризиса заработной платы зимой 1923/24 г. персональные оклады были урезаны на 10%, а когда они были очень высокими, и на 20%⁶⁷. Однако ажиотаж не утихал, и в мае 1924 г. для персональных окладов был установлен новый потолок в 250 рублей в месяц, хотя и на сей раз была предусмотрена спасительная оговорка относительно того, что для установления более высокого оклада требуется специальное разрешение ВСНХ⁶⁸. Была принята еще одна попытка уладить скандал, вызванный получением высоких окладов членами партии. Правительство приняло постановление, запрещавшее членам партии получать жалование, превышающее заработную плату среднего рабочего, за исключением тех случаев, когда им по роду работы приходится иметь дело с представителями зарубежных стран⁶⁹. Однако новая кампания за повышение производительности труда способствовала росту влияния «красных спецов» и сделала дальнейшие попытки «притеснения» специалистов неуместными. На VI съезде профсоюзов по этому поводу много не говорилось, хотя один из делегатов повторил старые жалобы насчет того, что специалисты не хотят работать в старые жалобные городов, а официальный оратор, призвавший ВЦСПС принять «очень серьезную и настойчивую линию» по этому вопросу, возражал против требования ввести оклады специалистов в обычную шкалу заработной платы⁷⁰. Съезд в своем постановлении о поощрительных вознаграждениях за повышение производительности труда особо рекомендовал ввести «в соответствии с производственными достижениями премирование подсобного и административно-технического персонала» и потребовал от фабрично-заводских комитетов обращать особое внимание на установление «нормальных деловых и товарищеских отношений» между специалистами и рабочими⁷¹. Но все это мало чем могло смягчить горькие чувства, все еще преобладавшие в профсоюзных кругах⁷².

Нарастающий экономический подъем летом 1925 г. и все большее снисхождение к буржуазным элементам в экономике, что проявлялось в новом отношении к «кулаку», привели к возобновлению нажима, направленного на улучшение положения специалистов. Постановление от 10 июля 1925 г. окончательно закрепило принцип выплаты «тантьем», своего рода «сдельных» премий в виде процента от прибыли сотрудникам административного и техни-

ческого аппарата государственных предприятий или предприятий, работающих с привлечением государственного капитала, ответственным за рост прибыли или сокращение производственных издержек. ВСНХ было поручено разработать подробные предложения о распространении этих принципов на тяжелую промышленность ввиду особой важности этого сектора экономики⁷³. В опубликованном четыре дня спустя постановлении ВСНХ разъяснялось, что в связи с новой кампанией за повышение производительности труда необходимость в квалифицированных руководителях обострилась, как никогда, и что их жалование не должно увязываться с ценностью их работы для повышения производительности. Размер жалования должен соответствовать качеству и объему выполненной работы, а премии следует выплачивать за особую работу, определяя их размер как процент от размера жалования. Этот процент должен согласовываться с профсоюзами⁷⁴. Следующее постановление, принятое в августе 1925 г., предусматривало финансовые и прочие льготы для профессиональных или административных работников, назначаемых на должности в Архангельской и Мурманской областях и областях или автономных районах РСФСР в Азии⁷⁵. Эти уступки никак не смягчили критику, и в том же месяце вопрос обострился настолько, что привлек внимание ЦК партии, который разъяснил, что такие меры необходимы «для обеспечения нормальных условий специалистов в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте и других отраслях хозяйственной и государственной жизни». Было рекомендовано бороться «против огульной критики» специалистов в партийной и профсоюзной печати и обеспечивать им «материальные стимулы» в виде индивидуальных премий за достижения в области улучшения производства». В постановлении также поддерживалось установление для специалистов особой тарифной сетки, «чтобы отойти от системы персональных договоров»⁷⁶. Однако это последнее предложение оказалось, очевидно, слишком далеко идущим и реализовано не было.

Каким бы ни было возмущение рабочих, вызванное исключительным статусом специалистов, фактор высокой и нерегулируемой заработной платы ведущих хозяйственников и организаторов производства оставался тем не менее необходимым стимулом процесса производственной деятельности — неискоренимым пережитком капитализма в смешанной экономике, созданной НЭПом. «Правда» резонно указывала, что единственным кардинальным решением в этой ситуации будет улучшение системы технического образования и воспитание на ее основе собственных кадров «красных спецов»⁷⁷. Рыков в речи на Московской областной партийной конференции постарался дискредитировать кампанию против специалистов, определив ее как часть атаки оппозиции на так называемое «буржуазное перерождение нашего государства»⁷⁸. Томский на XIV съезде партии разъяснил, что существует только один путь заставить скудное число специалистов отдать свои силы в распо-

ряжение государства (не считая милитаризации труда) — предложить им более высокие оклады⁷⁹. Возбуждение, направленное против привилегий специалистов, все же не утихало. Постановление от 15 марта 1926, указывавшее на многообразие систем, принятых для оплаты труда специалистов, и на необходимость установления «единообразных оснований выдачи тантьем», предусматривало прекращение действия всех новых договоров относительно выплаты этих вознаграждений⁸⁰. Сомнительно, чтобы эта попытка ограничения оказалась очень эффективной. Это следует из того, что, хотя в апрельском (1926 г.) постановлении ЦК партии этот вопрос был обойден, Сталин, выступая с докладом о работе Пленума ЦК, жестко отозвался о тех, кто находит нередко нужным «лягнуть хозяйственников, обвиняя их во всех смертных грехах». Промышленности были нужны новые люди для управления, а это требовало «не бичевания хозяйственников, а наоборот, — всемерной их поддержки в деле строительства нашей промышленности»⁸¹.

Предубеждение против любого фиксирования заработной платы со стороны государства, порожденное НЭПом, оставалось настолько сильным, что проявлялось даже в отношении государственных служащих. Только в 1925 г. было положено начало созданию гражданского аппарата управления с системой должностей и единообразных должностных окладов. До бюджета 1925—1926 гг. Наркомфин никак реально не контролировал расход средств, выделявшихся в распоряжение ведомств, а принцип единообразия вообще не существовал⁸². До этого времени наркоматы заключали коллективные договоры с профсоюзами, охватывавшими служебный персонал, и нанимали лиц на ответственные должности по персональным договорам, как и специалистов в промышленности. Это, естественно, приводило к неравенству и аномалиям. Как свидетельствуют публиковавшиеся тогда данные, самая низкая зарплата выплачивалась в государственных учреждениях; затем в возрастающем порядке следовали экономические управления, государственные торговые органы, кооперативы и, наконец, банки. Машинистка, чья зарплата в государственном учреждении составляла 13 товарных рублей, могла получать в банке 32 товарных рубля в месяц; у кассиров соответствующие цифры составляли 24 и 42 рубля, у секретарей — 30 и 56 рублей, и так далее⁸³. В постановлении, принятом 2 января 1925 г., Совнарком признал «необходимым установить единообразную номенклатуру должностей для госслужащих как учреждений, состоящих на госбюджете (центральных и местных), так и на хозрасчете, с присвоением этим должностям твердых окладов»⁸⁴. В следующем месяце законом была закреплена шкала заработной платы по семи нижним разрядам советских работников: к ним относились начальники районной милиции, народные судьи, учителя, а также председатели и секретари сельских районных советов⁸⁵. В июне были заложены основы четкой системы. В каждом государственном учреждении и на каждом предприятии должно было разрабаты-

ваться штатное расписание с утвержденным окладом для каждой должности. Численность персонала должна была утверждаться Рабкрином и ВЦСПС, а должностные оклады — Наркомфином, Наркомтрудом и Рабкрином. Была оставлена и лазейка для установления повышенных окладов специалистам особо высокой квалификации и для найма на временную работу⁸⁶. В июле сопротивление профсоюзов отмене коллективных договоров с советскими служащими было окончательно преодолено, и ВЦСПС разослал по низовым организациям циркулярное письмо, одобряющее и санкционирующее реформу⁸⁷. Оказалось, что новая система эффективна, во всяком случае в Москве, что и было доказано к осени 1925 г., когда указом, принятым в сентябре 1926 г., она была распространена на всю страну⁸⁸, хотя профсоюзы не переставали жаловаться на то, что этот аспект контроля за зарплатой ушел у них из рук⁸⁹.

С точки зрения перемены во взглядах существенным было то, что споры о размере заработной платы и должностных окладов велись уже не в плане социальной справедливости или жизненного уровня рабочих, как это было прежде. Теперь в каждой дискуссии решительно обращались к новому фактору, имевшему чрезвычайно важное значение: необходимости повышения производительности труда. Проблема стимулирования производительности труда и разногласия, к которым она приводила и которые порождали обвинения в «тейлоризме», сопротивление сдельщине и образованию «рабочей аристократии» вследствие установления дифференцированных ставок заработной платы, существовали с первых недель Советской власти⁹⁰. Ленин решительно отстаивал свои принципы в известной статье, написанной в 1919 г. и посвященной коммунистическим субботникам: «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда»⁹¹.

Вслед за основанием в 1922 г. Центрального института труда под руководством Гольцмана и Гастева с целью изучения научной организации труда (НОТ) была создана контргруппа, ведомая Керженцевым, которая также использовала таинственное сокращение НОТ и обвиняла институт в стремлении к повышению производительности труда не за счет улучшения организации производства, а за счет увеличения давления на каждого отдельного рабочего⁹². Разногласия достигли апогея в феврале 1924 г., когда была созвана Всероссийская конференция по проблемам научной организации труда. В ходе подготовки к конференции руководители Центрального института труда выпустили манифест, в котором привели данную Лениным оценку тейлоризма, заявив, что «непра-

вильно и бесполезно ставить преподавание НОТ на основе полемики с Тейлором и другими», и предложили посылать специалистов за рубеж для изучения «заграничной техники управления и организации труда»⁹³. Этот манифест вызвал энергичное противодействие группы Керженцева, чья «платформа 17-ти» появилась в «Правде» неделей позже: в ней содержались обвинения в открытом призыве к капиталистическим методам, возражения против «сдельщины, основанной на торге с каждым рабочим по каждой работе», и доводы в защиту того, что группа называла «объективно правильной формой зарплаты»⁹⁴. Зиновьев пришел на помощь Центральному институту труда и, полностью изменив свою позицию в прежней полемике с Гольцманом в 1920 г., призвал к подготовке партийцев из среды рабочих в качестве лидеров и организаторов, которые «личным примером будут подымать производство»⁹⁵. Тогда Керженцев сделал заход с другого фланга в профсоюзной газете, которая опубликовала первоначальный манифест. Он обвинил институт в недостатке веры в рабочих и в желании «цивилизовать» их «сверху», в попытке создать «аристократию рабочего класса, жрецов по НОТ», а также в отказе признать НОТ как «проблему классовую»⁹⁶.

Конференция, которая состоялась 10 марта 1924 г., избрала в свой президиум членов обеих групп, и было ясно, что ее смысл заключался в достижении компромисса. Она закончилась принятием пространных тезисов, предложенных Куйбышевым. Попытки рассматривать НОТ как «целостную систему организации труда» были осуждены как немарксистские. С другой стороны, НОТ приветствовалась как средство улучшения существующей организации труда путем совершенствования средств производства (механизации, электрификации и т. п.), рационализации его условий и «повышения продуктивности живого человеческого труда (повышение квалификации, интенсификация труда, качественное улучшение труда и т. д.)». «Первой и основной работой в области НОТ в СССР» был план электрификации: все программы, в которых это исходное требование обходилось, признавались «бессодержательными». С другой стороны, «при такой политической и экономической ситуации является ребячеством, или непониманием задач рабочего класса, или замаскированной борьбой с пролетарской диктатурой пренебрежение к вопросам повышения продуктивности живого человеческого труда в стране, где этот живой труд играет колоссальную роль в силу слабого развития техники»⁹⁷.

Наиболее полный анализ проблем производительности труда был в то время дан в докладе, прочитанном специалистом Наркомтруда на конференции руководителей производства в мае 1924 г. Оратор начал с того, что привел ошеломляющие расчеты, по которым производительность труда трех русских рабочих оказалась равной производительности одного американского или полутора английских рабочих. Это не могло полностью объясняться относительной неэффективностью труда русского рабочего или служить

оправданием его более низкой заработной платы. Катастрофическое падение производительности труда объяснялось и другими факторами: старением производственных зданий, сооружений и оборудования; снижением качества сырья; провалом попыток заставить промышленные предприятия работать с полной загрузкой; сохранением нерентабельных предприятий по политическим соображениям; раздутым штатом служащих и технического персонала; восьмичасовым рабочим днем; наконец, нехваткой капитала, что приводило к неэффективной организации работ. Тем не менее, после того как все эти факторы принимались во внимание, оставались еще две «субъективные причины» низкой производительности труда: более низкая квалификация рабочих и более слабая интенсивность труда каждого рабочего⁹⁸. Контраст между «объективными» и «субъективными» факторами производительности стал излюбленным стереотипом того периода. Никто не отрицал необходимости устранения объективных недостатков, не зависивших от рабочего, но во многих случаях на пути к их устранению по-прежнему стояли практические преграды; поэтому было естественным сконцентрировать внимание на субъективных причинах, заложенных в самом рабочем и поддающихся устранению при помощи соответствующей политики увещевания, обучения, премирования и штрафов⁹⁹. Наконец Троцкий на XII съезде партии настаивал на безусловной необходимости повышения производительности труда как вкладе рабочих в «социалистическое накопление»¹⁰⁰.

В течение лета 1924 г. кампания за повышение производительности труда набирала силу, причем возглавлял ее Дзержинский в качестве председателя ВСНХ¹⁰¹. В июне Дзержинский написал открытое письмо «правлениям синдикатов и трестов и красным директорам», рекомендуя им совместно с профсоюзами вырабатывать пути и методы вовлечения «рабочих масс» в консультации относительно возрождения промышленности и необходимости повышения производительности труда¹⁰². Однако нельзя было слишком долго отрывать вопрос о повышении производительности от вопроса о заработной плате. На XIII съезде партии Зиновьев привел несколько оптимистических цифр, свидетельствовавших, что производительность труда повышается равномерно с ростом заработной платы и достигла от 70 до 75% довоенного уровня¹⁰³. Тем не менее такая благоприятная оценка была решительно опровергнута Дзержинским в его обращении к ВЦСПС¹⁰⁴. В начале июля ВСНХ объявил, что начинает по согласованию с ВЦСПС исследование уровней производительности труда и заработной платы. В речи на Коломенском заводе Дзержинский заявил, что перед войной на этом предприятии на 100 единиц продукции шло 27 рублей заработной платы, а теперь идет 108 рублей и что производительность труда составляет всего 39% довоенного уровня; на Сормовском заводе она была еще ниже¹⁰⁵. Один комментатор описывал расхождение в темпе роста зарплаты и производительности труда как «новые ножницы», которые должны быть сомкну-

ты любой ценой¹⁰⁶. С этого времени политика заработной платы была окончательно поставлена в зависимость от производства — логический результат принятия принципа хозрасчета. Была принята доктрина: заработная плата не может расти быстрее, чем производительность труда (или может расти такими же темпами, если должно происходить накопление капитала); политика же цен исследовалась все более и более тщательно, причем исключительно с точки зрения ее способности стимулировать повышение производительности труда.

Своей кульминации кампания достигла в постановлении ЦК партии от 19 августа 1924 г. о заработной плате и производительности труда. Происходивший в прошлом процесс роста заработной платы, говорилось в постановлении, был «неизбежен и в общем закономерен»: необходимо было достичь определенного «уровня обеспечения потребностей первой необходимости рабочего». Но теперь настала пора пересмотреть такое положение. Было объявлено, что с октября 1922 г. по январь 1924 г. заработная плата увеличилась на 90 %, тогда как производительность выросла лишь на 23 %; хотя признавалось, что указанные цифры имеют «условный характер», но они «правильно характеризуют тенденцию отставания роста производительности труда от роста заработной платы». Был сделан вывод, что в дальнейшем любое повышение реальной заработной платы должно проводиться не повышением тарифных ставок и должностных окладов, а путем снижения цен благодаря повышению эффективности производства. Обязанность профсоюзов заключалась в том, чтобы выступать плечом к плечу с государственными экономическими органами в ходе кампании за повышение производительности труда: «...общее противопоставление хозорганов профсоюзам должно быть изжито. При диктатуре пролетариата как ВСНХ, так и профсоюзы должны рассматривать дело увеличения производительности своим делом». Постановление заканчивалось общим указанием повышать производительность, не допускать дальнейшего роста заработной платы и решать производственные разногласия путем мирных переговоров¹⁰⁷.

Куйбышев, бывший тогда председателем ЦКК ВКП(б), комментировал это постановление на совещании «красных директоров». Среди мер, необходимых для повышения производительности труда, он назвал «электрификацию, механизацию и внедрение новых технологических процессов», а также «более рациональное использование оборудования, имеющегося в нашем распоряжении». Но он отметил также, что в стране, где технический уровень производства все еще низок, фактор труда имеет господствующее значение; он также напомнил аудитории, что «даже Ленин заявлял о необходимости практического использования сдельной оплаты труда и всего научного и прогрессивного, что есть в системе Тейлора»¹⁰⁸. Основную часть своей речи в Моссовете посвятил производительности труда Каменев, утверждая, что в металлообрабатывающей промышленности в 1924 г. она составила всего 30

или 40% от уровня 1913 г., и закончив цитатой из Ленина относительно того, что капитализм будет побежден социализмом только в результате более высокой производительности труда¹⁰⁹. В октябре 1924 г. в партийном журнале была напечатана передовая статья за подписью Молотова, которая заканчивалась так: «Наш путь — через поднятие производительности труда к социализму, на основе электрификации»¹¹⁰.

Осторожное возражение из Ленинграда в пользу повышения заработной платы в металлообрабатывающей промышленности, подкрепленное доводом относительно того, что массовый приток новых рабочих в эту отрасль должен отрицательно сказаться на производительности труда¹¹¹, было гласом вопиющего в пустыне. Когда Ларин выражал недовольство тем, что «наши хозяйственники» осознали важность повышения производительности труда, но вопросы повышения заработной платы «до последнего времени часто проникали в глубины их подсознания дальше, чем следовало бы»¹¹², он косвенно атаковал политику партии.

Под знаком этой кампании проходил VI съезд профсоюзов в ноябре 1924 г. Зиновьев открыл прения в умиротворительном духе, признав, что «производительность труда ни в коем случае не создается только из личной интенсивности» и что «50% зависит от государства, от хозяйственников, от всех нас»¹¹³. Увеличение объема производства путем простой интенсификации труда, без дополнительных капиталовложений должно привести к повышению соотношения трудовых затрат и вложенного капитала и, таким образом, стимулировать сохранение устаревших и неэкономичных предприятий. Однако Рыков разъяснил преобладавшую точку зрения просто: хотя важным желательным моментом было «восстановление основного капитала промышленности», существо дела заключалось в том, что «из всей этой цепи вопросов наиболее доступным для разрешения при тех средствах, которые у нас имеются, является повышение производительности труда каждого отдельного рабочего»; но два делегата с определенной обоснованностью выразили недовольство тем, что цель кампании заключается в расширении производства за счет «мускулистой силы рабочего класса»¹¹⁴. Было высказано мнение, что некоторые хозяйственники ставят своей целью отмену 8-часового рабочего дня, повышение норм выработки на 20—25% и роспуск фабрично-заводских комитетов, хотя другой делегат процитировал выдержки из недавно продленных коллективных договоров, по которым нормы выработки должны возрасти на 20—30%, притом с согласия рабочих¹¹⁵. Несмотря на некоторый ропот, никто, кроме вечно несогласного Рязанова, который, поддавшись наущениям Томского, объявил себя вообще противником повышения производительности труда¹¹⁶, не возражал против вывода о том, что рабочий должен производить больше продукции за те же деньги. Съезд в своем постановлении официально признал, что «дальнейшее улучшение материального положения рабочих будет зависеть от разви-

тия нашей промышленности и сельского хозяйства», и от имени профсоюзов принял обязательство помогать хозяйственным органам страны «в практической работе поднятия производительности труда»¹¹⁷.

На съезде обсуждались два хорошо испытанных средства достижения цели. Одно из них заключалось в расширении сдельной формы оплаты труда. С самых первых дней революции сдельные ставки оплаты труда признавались профсоюзами неохотно, но применялись широко¹¹⁸. Формальное ограничение сдельщины, предусмотренное кодексом законов о труде, всегда можно было обойти при помощи оговорки об «исключительном случае», и оно оказалось неэффективным. В своем постановлении, принятом в августе 1924 г., ЦК партии вернулся к этому вопросу, строго потребовав «отмены ограничений сдельного приработка» и «периодического пересмотра норм выработки и сдельных расценок», позволяющего учитывать улучшения в организации производства¹¹⁹. Профсоюзная газета начала кампанию за сдельную работу как стимул повышения производительности труда¹²⁰. Официальный оратор решительно выступил в защиту сдельных расценок, и в постановлении съезда рекомендовалось «широкое проведение поощрительных форм заработной платы путем введения системы прямой неограниченной сдельной оплаты труда». Тем не менее эта рекомендация вызвала, видимо, гораздо большее сопротивление, нежели любое другое постановление съезда, и квалификационная поправка, направленная Рязановым в редакционную комиссию, была отвергнута незначительным большинством в 143 голоса против 132¹²¹. Далее, хотя постановлением о политике заработной платы в общих словах предписывалось продолжение «борьбы против применения сверхурочных», Шмидт успешно противодействовал принятию специальной поправки к его докладу, осудив как народный комиссар труда злоупотребления сверхурочными: те примеры, которые приводились сторонниками поправки, показывают, что на некоторых предприятиях продолжительность сверхурочных работ достигала 60 часов в месяц и что предусмотренное законом требование непрерывного 42-часового перерыва в конце недели игнорировалось¹²². Годом позже было объявлено, что к сверхурочным работам привлекалось 20% промышленных рабочих¹²³. В данном случае так же, как и в случае с ограничениями на работу для женщин, настоятельные нужды страны должны были, вероятно, взять верх над заботой об индивидуальном рабочем, которая вдохновляла идеалы и обеты мирового социализма. Одним из результатов повышенного распространения сдельщины и сверхурочных оказалось то, что обычные ставки заработной платы стали играть менее важную роль в определении фактически выплачиваемого жалования. По сравнению с обычными ставками фактические зачастую удваивались или более чем удваивались, а в коллективные договоры закладывались ставки ниже уровней, предусмотренных 17-разрядной шкалой, особенно для высших разрядов работников физиче-

ского труда, где в наибольшей степени преобладали сдельная форма оплаты труда и сверхурочные¹²⁴.

VI съезд профсоюзов в ноябре 1924 г. явился решающим этапом в установлении зависимости заработной платы от производительности труда. После принятия августовского постановления ЦК партии были приведены в действие все рычаги, которые реально могли остановить рост заработной платы. С самого высокого уровня, отмеченного в октябре 1924 г., заработная плата резко упала в ноябре, затем несколько возросла и в течение зимы осталась практически постоянной¹²⁵. Тем временем производительность быстро росла¹²⁶, и этот рост был обусловлен в основном, хотя и не полностью, повышением интенсивности труда¹²⁷. Соотношение между заработной платой и производительностью труда продолжало оставаться животрепещущим вопросом. В феврале 1925 г. СТО создал комиссию для его изучения¹²⁸ — вероятно, для смягчения критики, нежели для создания предпосылок какого-либо изменения политики; и на XIV партийной конференции, состоявшейся двумя месяцами позже, представитель профсоюзов выразил недовольство методом, при помощи которого постоянно поднимались нормы выработки¹²⁹. 53,4 % часа, отработанного в 1925 г. в крупной промышленности, было оплачено по сдельным расценкам, а в 1926 г. эта доля выросла до 55,6 %. В металлообрабатывающей и текстильной промышленности по сдельным расценкам было оплачено около двух третей отработанного времени, в угледобывающей — около половины¹³⁰. Данные за март 1926 г. показывают, что из всей заработной платы, выплаченной в крупной промышленности, 4,2 % было уплачено за сверхурочную работу, причем эта доля, которая сравнивалась с соответствующей долей, составившей в 1914 г. 6,4 %, выросла до 5,8 % в металлургии и до 7,7 % в горнодобывающей промышленности¹³¹.

В течение зимы 1924/25 г. внимание было привлечено к быстро растущему травматизму в промышленности. Профсоюзная газета сообщила, что Наркомтруд разослал инспекторам по труду циркулярное письмо, указывающее, что они должны «категорически бороться с намечающимся кое-где стремлением в связи с кампанией по поднятию производительности труда ослабить внимание к вопросам охраны труда»¹³². Тем не менее жалобы продолжали поступать. Заведующий отделом труда Московской профсоюзной организации осторожно высказался на тему о том, что «определенное влияние на рост несчастных случаев оказывают и причины, связанные с поднятием производительности труда». В Ленинграде, где число несчастных случаев в промышленности выросло с 4 тыс. до 10 тыс. (соответствующие цифры о числе рабочих не приводились), основными их причинами были «недостаточное освещение и погоня рабочих за количеством выработки». В Донбассе за прошедший год число несчастных случаев удвоилось, а число случаев со смертельным исходом выросло на 40 %¹³³. Статьи в прессе называли распространение производственных травм «бичом рабочего

класса, общественным бедствием»¹³⁴ и относили его частично на счет устаревшего и изношенного оборудования, но главным образом на счет кампании за повышение производительности¹³⁵. Как свидетельствуют официальные данные, травматизм в горнодобывающей промышленности увеличился с 1095 случаев на 10 тыс. рабочих в 1923—1924 гг. до 1524 в 1924—1925 гг.¹³⁶

Весной 1925 г. непрерывный нажим с целью повышения производительности труда вызвал новую волну недовольства среди рабочих. Вспыхнуло несколько крупных стачек «без ведома профсоюзов, без ведома партийных органов, без ведома хозорганов» на текстильных предприятиях Московской и Иваново-Вознесенской губерний¹³⁷, причем они были лишь симптомами более широкого недовольства. В первом полугодии 1925 г. один из каждых шести профработников был вовлечен в производственный конфликт, а это означает, что разногласия не могли быть улажены местной расценочно-конфликтной комиссией (РКК)¹³⁸. Конкретные причины волнений установить было трудно. Тем не менее профсоюзная газета, не колеблясь, возобновила старые жалобы на сговор между союзами и хозяйственниками: «В самом деле, каково может быть отношение рабочих к своему союзу, когда представители последних в РКК вместо защиты интересов рабочих занимаются их увольнением и штрафованием? Какое доверие может питать рабочий к своему фабзавкому, когда последний, поддаваясь воздействию хозяйственного органа, без достаточных оснований утверждает снижение расценок или увеличение норм?»¹³⁹

ЦК партии как будто поддержал это объяснение. В июле он объявил, что профсоюзная организация не должна становиться «придатком администрации». Поэтому «практика выборов фабзавкомов по спискам должна быть в данный момент отменена», а новые выборы в фабрично-заводские комитеты в Московской губернии и в Иваново-Вознесенске, где произошли стачки, следовало проводить после того, как они будут «тщательно подготовлены»¹⁴⁰.

Все же, поскольку равновесие было нарушено, не было сомнений в том, что основной причиной недовольства рабочих была низкая заработная плата. Нельзя больше было отказывать им в некотором облегчении их положения. Под воздействием частично забастовок, а частично быстрого расширения промышленности и благоприятных условий кредита ограничение роста заработной платы, наложенное осенью 1924 г., было преодолено. На XIV партийной конференции в апреле 1925 г. основное внимание было сосредоточено на проблеме производительности труда. Что касается заработной платы, то была просто повторена старая формула относительно подтягивания заработной платы «в отставших отраслях и районах» до общего уровня, но «в первую очередь на базе увеличения производительности»¹⁴¹. Однако III съезд Советов СССР, состоявшийся в следующем месяце, хотя и указывал по-

прежнему на необходимость повышения производительности и «интенсификации труда», все-таки осторожно допустил возможность того, что «в результате более высокой производительности зарплата также должна расти»¹⁴² — первое после многих месяцев официальное свидетельство того, что вопрос о повышении заработной платы может снова попасть в повестку дня. Фактически же летом 1925 г. без какого-либо записанного официального решения произошло общее и значительное повышение заработной платы — как номинальное, так и реальное. Со среднемесячной зарплаты, составлявшей 23,02 условного, или 41,74 червонного, рубля в марте 1925 г., ее уровень вырос до 25,24 условного, или 45,05 червонного, рубля в июне и до 30,6 условного, или 51,14 червонного, рубля в сентябре. На 1 октября 1925 г. реальная заработная плата всех рабочих в промышленности была на 5—10% выше по сравнению с тем же периодом годом ранее; зарплата транспортных рабочих, самой низкооплачиваемой категории, увеличилась более чем на треть¹⁴³. Такое резкое и незапланированное повышение заработной платы, проведенное в ответ на проявления недовольства со стороны промышленных рабочих, захватило всех врасплох. Готовя свои контрольные цифры на 1925—1926 гг. в течение лета 1925 г., Госплан планировал на предстоящий год рост заработной платы на 16%, что к сентябрю 1926 г. позволило бы повысить ее в среднем до 48 червонных рублей. На самом деле зарплата уже к сентябрю 1925 г. повысилась в среднем до 51 рубля¹⁴⁴.

К концу лета такое повышение заработной платы вызывало беспокойство у партийного руководства как по существу, так и в связи с партийной тактикой. Во-первых, оно имело инфляционный характер, а страхи по поводу инфляции и потенциальной угрозы валюте как раз начали ощущаться¹⁴⁵. Во-вторых, эффективное давление, направленное на повышение заработной платы, шло не только от профсоюзов, которые под руководством Томского и Андреева оставались безукоризненно преданными партийному руководству, но — достаточно неожиданно — также от Наркомфина и СТО¹⁴⁶, а Сокольников, нарком финансов, и Каменев, председатель СТО, были осенью 1925 г. уже готовы перейти ко все более и более открытой оппозиции политике не только Бухарина, Рыкова и партийных «правых», но и политике Сталина. Именно Сокольников неожиданно и нарочито поднял вопрос о заработной плате на финансовой конференции, состоявшейся 15 июня 1925 г. Заработная плата в металлургии, горнодобывающей промышленности и на транспорте была, заявил он, ниже предвоенного уровня, и «на восьмом году Советской власти» пришло время поднимать ее¹⁴⁷. Каменев в своей речи, обращенной к Московской партийной организации 4 сентября 1925 г., признав, что темпы роста заработной платы отстали от темпов роста производительности труда, обвинил профсоюзы в том, что они не смогли поддержать связь между партийным руководством и массами по данному вопросу, и выдвинул предложение о разработке в порядке эксперимента

схемы, при реализации которой промышленные рабочие могли бы участвовать в прибылях предприятий¹⁴⁸. Тот факт, что «новая оппозиция» 1925 г. в отличие от Троцкого и «46-ти» осенью 1923 г.¹⁴⁹ была готова использовать в своих интересах недовольство рабочих, представлял собой своего рода дань росту силы и значения пролетариата, происходившему по мере развития промышленности; в любом случае это не могло не беспокоить профсоюзы¹⁵⁰ и не настораживать партийных руководителей, поскольку и те и другие оказались застигнутыми врасплох — эффективной политики заработной платы не существовало. То, что забастовщики пользовались в партии определенной симпатией, показывает речь Угланова, который сокрушался по поводу участия «коммунистов в неорганизованных конфликтах рабочих с администрацией» и угрожал жесткими дисциплинарными мерами — «вплоть до исключения из партии» — тем, кто совершил подобные нарушения¹⁵¹.

В октябре 1925 г., в преддверии XIV съезда и чтобы не обострять разногласия, уже ставшие глубокими, ЦК партии осторожно обошел проблему заработной платы. В проекте резолюции по экономической политике, предложенном пленуму, говорилось: «Центральный Комитет, ставя политику заработной платы в прямую зависимость от уровня производительности труда (и разворачивания промышленности), считает необходимым дальнейшее проведение политики повышения заработной платы и подтягивания отсталых отраслей»¹⁵².

Однако проект резолюции, внесенный Каменевым, был упрятан в долгий ящик¹⁵³, и Центральный Комитет в постановлении, тщательно взвешенном и отражавшем расхождение во мнениях между его членами¹⁵⁴, показал, что он озабочен главным образом тем, чтобы сделать профсоюзы козлом отпущения за события, происшедшие годом раньше. Профсоюзам было предъявлено обвинение в том, что они нередко пренебрегали «своей важнейшей и главной задачей — защитой экономических интересов объединяемых ими масс», хотя в то же время в постановлении содержались положительная оценка их работы «в деле восстановления хозяйства и промышленности» и призыв к ее продолжению. Постановление, принятое в августе 1924 г. и призывавшее к сотрудничеству с «хозорганами»¹⁵⁵, было обойдено молчанием, а «некоторые профсоюзные организации» оказались виновными в «однобоком, так называемом хозяйственном уклоне». Хитрый замысел этой фразы заключался в том, чтобы соединить вместе две ошибки явно противоположного характера — слишком пассивное отношение к нажиму на рабочих со стороны руководства предприятий и чрезмерно активное вмешательство в вопросы управления. Тем не менее в ней давалась надлежащая характеристика растущей тенденции профсоюзов объединяться с администрацией в борьбе против зачинщиков беспорядков¹⁵⁶. С другой стороны, признавалось, что бывали случаи чрезмерного вмешательства партии в профсоюзную работу и вопросы назначений. Фактически постановление зафик-

сировало определенную озабоченность, но оставило все на своих местах¹⁵⁷.

Под прикрытием этой резолюции вопрос о заработной плате отодвинулся на задний план. Почти прибегнув к уловке, ЦК партии по докладу наркома труда постановил поручить Политбюро «разработать вопрос о возможности некоторого повышения заработной платы в наиболее отсталых отраслях и рассмотреть имеющиеся заявления по вопросам зарплаты в отдельных ударных отраслях промышленности»¹⁵⁸. Очевидно, что столь осторожно сформулированное поручение не приглашало к решительным действиям. В передовой статье «Правды» от 10 октября 1925 г. рекомендовалось проявлять «осторожность в деле повышения зарплаты», хотя и признавалось, что не следует препятствовать тому, чтобы уровень зарплаты, имевшийся в тяжелой промышленности и на транспорте, распространялся и на другие отрасли. Передовица в официальной экономической газете поясняла, что хотя некоторое повышение зарплаты неизбежно, но оно «не должно быть ни чрезмерным по состоянию промышленных средств, ни огульным»¹⁵⁹. Сам Шмидт в опубликованной в «Правде» статье высказал еще меньше ободряющего относительно перспектив роста зарплаты¹⁶⁰.

В чем бы ни заключался смысл постановления Центрального Комитета, оно представляло собой призыв к резкому прекращению роста заработной платы, наблюдавшегося в течение последних шести месяцев. После незначительного, но повсеместного понижения ее в течение октября и ноября 1925 г., которого удалось избежать только низкооплачиваемым транспортникам, заработная плата вновь оставалась достаточно стабильной на протяжении зимы 1925/26 г.¹⁶¹. В середине ноября ЦК партии принял и опубликовал тезисы о профсоюзах, которые Томский должен был представить на утверждение съезду партии в декабре. Однако они ничего не могли добавить к октябрьскому постановлению ЦК и, кроме ссылки общего характера на «улучшение экономического положения рабочих», обошли вопрос о заработной плате молчанием¹⁶². Сокольников, нимало не смущаясь, по-прежнему говорил о «задаче восстановления не только зданий и оборудования, но и живой силы рабочего класса» и о необходимости «подогнать зарплату в отраслях наиболее отставших, подведя, где можно, зарплату к довоенной норме»¹⁶³. Но Дзержинский накануне съезда резко критиковал лозунг «повышения зарплаты» как невыполнимый. Для реализации обязательной цели строительства тяжелой промышленности были нужны все ресурсы, и извлечь их следовало «из единственного источника всего нашего достояния, а именно из рабочего и крестьянина»¹⁶⁴. Программа интенсивной индустриализации, сосредоточенная на производстве средств производства, была несовместима с фондами завышенной заработной платы, которые привели бы к увеличению давления на уже перенапряженный рынок потребительских товаров.

Ко времени XIV съезда партии во второй половине декабря 1925 г. все остальные проблемы были заслонены борьбой между руководством партии и ленинградской оппозицией. В ходе общих прений вопрос о заработной плате поднимался только для того, чтобы обвинить Сокольников в демагогии и безответственности, а другие его аспекты не рассматривались. Тезисы Томского о работе профсоюзов обсуждались на последнем этапе прений, когда основная битва была уже дана и выиграна, и не вызывали большого интереса. В своей речи Томский¹⁶⁵ лишь изложил, кое-где в цветистой форме, текст тезисов, которые в свою очередь повторяли основное содержание критических замечаний, сформулированных в постановлении ЦК партии двумя месяцами раньше. Стачки прошлой весны оказа́лись результатом невнимания профсоюзов к нуждам рабочих масс, которое заслуживало порицания. Справедливое желание профсоюзов «поддерживать правильные распоряжения и мероприятия хозяйственников» приводило иногда к тройственному блоку («тройственному союзу», — вставил Рязанов) между администрацией, партией и профсоюзами, что неизбежно приводило к вопросу о том, против кого же оказывался направленный этот «единый фронт». Контакт с рабочими был бы более благоприятным, если бы заключение коллективных договоров не происходило «автоматически». Томский уделил некоторое внимание защите и пропаганде системы «производственных совещаний» и «производственных комиссий», в которые входили представители как рабочих, так и администрации и которые должны были создаваться не только в масштабе фабрик и заводов, но и в отдельных цехах¹⁶⁶. Однако он предостерег слушателей в том смысле, что «не нужно преувеличивать роли этих совещаний и вбивать в головы их участников, что их решение есть последнее слово». Иначе «нельзя будет работать нашим хозяйственникам», и мы столкнемся с «самой худшей формой коллегиальности»¹⁶⁷. Бегло упомянув о стачках, Томский ограничился замечанием, что на государственных предприятиях стачки «теоретически возможны, но практически не применяются» и что они оказались свидетельством «слабости, неподготовленности, ненормальности в работе союзных и местных парторганов»¹⁶⁸.

Обсуждение доклада носило поверхностный характер. Рязанов мягко критиковал Томского, ничего не сказав о двух жизненно важных проблемах кампании за повышение производительности труда — заработной плате и охране труда¹⁶⁹. Представитель оппозиции перечислил шесть основных особенностей ситуации в области трудовых ресурсов, которые указывали на то, что в стране сложился скорее государственный капитализм, нежели социалистический строй: выплата заработной платы по сдельным ставкам; отношения между рабочими и администрацией; существование армии безработных; способы найма и увольнения рабочих; частые конфликты на производстве; наконец, распространенность сверхурочных, приводящая в итоге к отмене 8-часового рабочего дня¹⁷⁰. Андреев,

отстаивая резолюцию, предоставил некоторую дополнительную информацию. Признавая, что вопрос о профсоюзах поставлен в повестку дня съезда потому, что «он получил за последний период особую остроту», он повторил общие критические замечания Томского по поводу недостаточной защиты союзами «материальных интересов рабочих», «хозяйственного уклона» и ослабления «связи профсоюзов с массами». Но по вопросу о заработной плате он был непреклонен. Вступая в явное противоречие с октябрьским постановлением ЦК партии, он энергично высказался против уравнивания заработной платы. Разница в заработной плате отражает «удельный вес промышленности и квалифицированность тех или других рядов пролетариата», она выполняет необходимую функцию и должна существовать и впредь. Сдельные расценки Андреев охарактеризовал как старый капиталистический метод регулирования труда, который тем не менее следует сохранить «из-за нашей слабой техники»¹⁷¹. Затем тезисы были единогласно одобрены без каких-либо поправок.

Не оставалось ни малейшего сомнения насчет последствий этой резолюции для ставок заработной платы. Месяц спустя Шмидт, нарком труда, вновь выступил с резкой критикой в адрес оппозиции за ее демагогические заявления накануне съезда: «Некоторые очень ответственные товарищи имели неосторожность тогда сказать, что в этом году мы достигнем довоенного уровня заработной платы, а может быть, даже перешагнем его. Это было крайне неосторожно сказано. Профсоюзам пришлось разъяснять рабочим массам, почему мы этого уровня в нынешнем году достигнуть не можем»¹⁷².

В феврале 1926 г. Томский обратился к ВЦСПС в аналогичных выражениях: «В этом году мы должны рекомендовать всем профсоюзам открыто и честно заявить рабочим, что повышения заработной платы ожидать не приходится. Мы должны сейчас, исходя из того, что мы имеем, протягивать ножки по одежке»¹⁷³.

В том же месяце Политбюро приняло постановление о повышении заработной платы в угледобывающей промышленности и на транспорте до общего уровня¹⁷⁴. Но циркуляр ВЦСПС, вышедший в марте 1926 г., вновь настоятельно указывал, что невозможно никакое повышение заработной платы, за исключением тех случаев, когда оно подкреплено повышением производительности труда¹⁷⁵. В выступлении Томского с профсоюзной трибуны звучали патристические нотки: «Если русский рабочий ставит вопрос о возможности пойти потише, более тихим темпом («жертв не хотим», «потихише будем двигаться» и т. п.), тогда он должен поставить перед собою другой вопрос: куда же мы будем двигаться таким образом? Ответ ясен: мы будем постепенно отставать от промышленной Европы и превратимся в аграрную страну»¹⁷⁶.

ЦК партии на апрельском (1926 г.) Пленуме категорически отказался от возобновления дискуссии по вопросу о заработной плате. Он потребовал «решительных мер по повышению произво-

дительности труда как путем рационализации производства, в частности более полного использования оборудования, повышения квалификации рабочих, улучшения организации фабрично-заводских предприятий, так и путем уплотнения рабочего дня, усиления трудовой дисциплины, борьбы с прогулами и т. п.» и отметил, что цель этих мер заключается в том, чтобы «достигнутый уровень заработной платы был реально обеспечен»; дальнейшее повышение должно зависеть от расширения промышленности и роста производительности труда¹⁷⁷. Сталин в своем докладе о работе Пленума ЦК поддержал «кампанию за уничтожение прогулов на заводах и фабриках, за поднятие производительности труда, за укрепление трудовой дисциплины на наших предприятиях»¹⁷⁸. В мае 1926 г. пространное постановление СТО, носившее скорее увещательный, чем законодательный характер, призвало добиться повсеместного повышения производительности труда на 10% до конца года. Этого предполагалось достичь как за счет технических и организационных усовершенствований, так и путем большей интенсификации труда и укрепления трудовой дисциплины¹⁷⁹.

Несмотря на упорное сопротивление дальнейшему росту заработной платы, продолжавшийся подъем промышленности не мог не сказываться на заработках рабочих или не позволять им почувствовать некоторое облегчение тех лишений, которые они испытывали. Впервые стало обретать определенную эффективность социальное страхование. На VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. Шмидт заявил, что в страховой фонд вступили 90% из числа тех, кто имел законное право на страхование, или 5,5 млн. рабочих. Пособия по временной нетрудоспособности выплачивались теперь пунктуально из больничного фонда. С другой стороны, пенсии при постоянной нетрудоспособности выдавались все еще в половинном размере; максимальный размер пенсии по постоянной нетрудоспособности составлял всего 15 рублей в месяц. Около 50 тыс. рабочих — немного, но «лиха беда начало» — было направлено в санатории и здравницы¹⁸⁰. Все еще испытывались трудности в сборе членских взносов; в апреле 1924 г. была списана большая сумма задолженности по взносам¹⁸¹. Но и здесь положение медленно улучшалось. Большой шаг вперед был сделан в феврале 1925 г., когда был создан Всесоюзный совет социального страхования, состоявший из представителей профсоюзов и заинтересованных ведомств. Он не был независимым органом, и представитель Наркомтруда, являвшийся его председателем, имел право налагать «вето» на его решения, что могло быть затем обжаловано в Совнарком. Но, находясь, таким образом, под контролем, он все же осуществлял управление фондами страхования и решал все относящиеся к ним принципиальные вопросы¹⁸². Как было указано в отчете, опубликованном в том же году несколько позже, число застрахованных к 1 июля 1925 г. возросло почти до 7,5 млн.: в течение трех первых кварталов 1924/25 фин. г. сумма

вносов увеличилась до 314 млн. рублей, из которых 196 млн. рублей было выплачено по пособиям и 87 млн. рублей было израсходовано на оплату медицинского обслуживания органам здравоохранения. Наименее удовлетворительным был прогресс в сокращении безработицы. Общее число получавших пособие по безработице составило на 1 июля 1925 г. 304 тыс. человек, причем 24% из них получали пособие в размере 30% от своей обычной заработной платы, а остальные — в размере 20%¹⁸³. Скудость помощи безработным продолжала оставаться вопросом государственной политики, если не государственной необходимости¹⁸⁴.

В это время было обращено внимание еще на один давнишний повод для недовольства рабочих — на проблему жилья. Русский промышленный рабочий, заботился ли он о себе сам или селился, как это было принято везде за пределами больших городов, в бараках, которые строили заводы и фабрики, никогда не располагал ничем, кроме самых примитивных условий жизни. Самое лучшее, что можно было бы о них сказать, — это то, что они были все же чуть лучше, чем условия, в которых все еще жил русский крестьянин. Тем не менее с 1914 г. эти условия, как и другие материальные обстоятельства, еще и ухудшились. Строительство и ремонт жилых зданий застыли на мертвой точке еще перед революцией и с тех пор не возобновлялись. У промышленных предприятий не было средств и больших побудительных стимулов для улучшения или надлежащего содержания жилищ своих рабочих. Жилые здания в городах были переданы городским властям. Однако квартплата, даже при восстановлении ее в условиях НЭПа, была в течение долгого времени чисто номинальной¹⁸⁵, а содержанием домов пренебрегали. В этих условиях ничего не делалось для того, чтобы смягчить массовое бедствие перенаселенности, которая обострилась в результате возвращения населения в города после 1921 г. Анализ положения, сложившегося в городах РСФСР осенью 1925 г., показывает, что городское население за последние два года увеличилось на 7,5%, тогда как прирост жилой площади составил 0,6%, а средняя жилплощадь в расчете на душу населения сократилась на 6,8%¹⁸⁶. По выполненным в 1924—1925 гг. расчетам, износ основных жилых фондов в РСФСР составил за последние 10 лет 48 млн. довоенных рублей. В мае 1925 г. была повышена квартирная плата, и из 342 млн. червонных рублей, собранных в результате ее взимания в 1925—1926 гг., 143 млн. рублей было израсходовано на капитальный ремонт, в результате чего в течение одного года износ был уменьшен до 4 млн. рублей¹⁸⁷. Как указывает другой автор, ухудшение состояния жилого фонда в Москве было окончательно остановлено только в 1934 г.¹⁸⁸. Если такими были условия в столице, то в других городах они были, очевидно, еще хуже.

Если уже пренебрегали проблемами срочного ремонта, то вряд ли могла идти речь о строительстве новых жилых зданий. Первая попытка самопомощи была зарегистрирована, видимо, в ходе ко-

оперативного движения, возникновение которого привело в декабре 1923 г. к созыву съезда по вопросам жилищной кооперации с целью создания жилищно-строительных кооперативов; съезд создал «организационное бюро» для этой цели¹⁸⁹. Проблема жилья вышла на официальный уровень в следующем месяце на XI Всероссийском съезде Советов, который в конце пространного общего постановления по условиям труда поручил Наркомтруду «в связи с обострившимся жилищным положением» разработать и представить на утверждение Совнаркома план строительства и ремонта домов с привлечением государственного кредита¹⁹⁰. Первыми из тех, кто начал двигаться в этом направлении, оказались власти Украины, где проблема стояла наиболее остро, и в марте 1924 г. было принято постановление, разрешающее создание жилищно-строительных кооперативов¹⁹¹. В мае 1924 г. постановлением Совнаркома было предусмотрено создание комитета «помощи кооперативному строительству рабочих жилищ» для наблюдения за выполнением плана, который должен был финансироваться за счет жилищного налога на зажиточных домовладельцев¹⁹².

Новая политика получила официальное одобрение на XIII съезде партии, который признал, что жилье становится «наиболее важным вопросом материальной жизни рабочих», и поручил всем советским органам поддерживать жилищно-строительные кооперативы¹⁹³. В августе 1924 г., после долгих обсуждений в комитете, вышло постановление о создании жилищно-строительных кооперативов трех типов. Первый должен был снимать в аренду дом у городских властей на 12-летний срок, содержать его и сдавать квартиры сьемщикам за соответствующую плату. Кооперативы второго и третьего типов должны были вести строительство домов, причем в кооператив второго типа могли вступать только рабочие, а членами кооператива третьего типа могли быть любые граждане, а также юридические лица¹⁹⁴. На VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. Шмидт заверил, что косвенные субсидии, предлагаемые жилищно-строительным кооперативам в соответствии с принятыми постановлениями, составят 39 млн. рублей только в текущем финансовом году, и сказал, что, по его оценке, рабочие кооперативы смогут в течение этого времени построить для 95 тыс. рабочих 16 500 жилищ. Постановление съезда ограничилось указанием на «обостряющийся жилищный кризис» как на «один из наиболее важных вопросов материальной жизни рабочих» и рекомендацией профсоюзам поддерживать жилищно-строительные кооперативы¹⁹⁵.

К этому времени всем было ясно, что разработка и реализация серьезной программы жилищного строительства зависит от наличия средств. Жилье для рабочих стало неотложной проблемой, и наконец были приняты конкретные меры в ходе кампании за расширение промышленности, набравшей силу весной 1925 г. В январе 1925 г. был основан специальный банк — Центральный банк для коммунального хозяйства жилищного строительства (Цеком-

банк) — для финансирования жилищного строительства в городах и сельской местности¹⁹⁶. Оставалось только предусмотреть источники кредита. Постановлениями, принятыми в феврале и марте 1925 г., государственные торговые организации, а затем и государственные промышленные тресты обязывались отчислять 10% прибыли в фонды благосостояния рабочих: 75% этих фондов отводилось на строительство жилья для рабочих¹⁹⁷. В начале апреля 1925 г. был введен коммунальный налог на жилье с конкретной целью извлечь средства для финансирования строительства домов для рабочих: 70% поступлений направлялось местным властям, а 30% — в централизованный строительный фонд¹⁹⁸. Один профсоюзный делегат на XIV партконференции в апреле 1925 г. охарактеризовал эти меры как недостаточные для выхода из отчаянной ситуации. Некоторые рабочие ночевали на вокзалах, другие платили крестьянам 20 или 25 рублей в месяц за койку¹⁹⁹. Месяц, последовавший за конференцией, оказался периодом очень большой активности на жилищном фронте. В Госплане состоялась конференция по жилью и жилищному строительству²⁰⁰; были надлежащим образом утверждены документы о Союзе жилищно-строительных кооперативов (Жилсоюзе)²⁰¹, а III съезд Советов одобрил «значительную государственную поддержку строительству рабочих жилищ» и проголосовал за выделение из бюджета 36 млн. рублей для этой цели²⁰². В июле 1925 г. ЦК партии начал кампанию по поддержке и развитию жилищно-строительных кооперативов²⁰³.

Благодаря этим усилиям 1924 г. стал свидетелем восстановления жилых домов, принадлежавших промышленным предприятиям, городским властям, кооперативам и частным лицам, — восстановления в больших масштабах, которые в следующем году выросли еще больше. Ниже показан объем затрат на жилищное строительство в течение этих двух лет по источникам финансирования (в миллионах червонных рублей)²⁰⁴:

	1924—1925 гг.	1925—1926 гг.
Промышленность и транспорт	73,0	110,0
Городские и местные власти	26,6	63,2
Кооперативы	5,9	26,5
Частные лица	51,0	87,0
Всего	156,5	286,7

В Москве в 1925 г. было построено в пять раз больше жилой площади, чем в 1924 г., а в 1926 — в два раза больше, чем в 1925 г.²⁰⁵ В контрольных цифрах развития народного хозяйства на 1925—1926 гг. Госплан рекомендовал, чтобы объем капита-

довложений в жилищное строительство составил 375 млн. рублей, 200 млн. из которых предусматривалось затратить на капитальный ремонт, реконструкцию и завершение строительства уже существующих жилых зданий, а 175 млн. — на новое строительство (из последней суммы 70 млн. рублей предполагалось затратить на строительство зданий для переселения, а 105 млн. — на строительство домов для нового промышленного населения). Из общей суммы в 375 млн. рублей 135 млн. должно было поступить от промышленности, 100 млн. — из бюджета, а остальное — из внутренних источников строительной промышленности и в порядке предоставления долгосрочного кредита. Предполагалось также покрыть часть затрат за счет повышения месячной квартплаты рабочих на три рубля²⁰⁶. Эти далеко идущие планы были выполнены не полностью. Предложение о повышении квартплаты было слишком непопулярным, чтобы встретить одобрение²⁰⁷. Бюджетные ассигнования были ограничены 80 млн. рублей²⁰⁸. Даже при этом программы строительства оказались слишком большими, для того чтобы обеспечить себя строительными материалами, а из-за роста цен выделенные ассигнования не удалось распределить с тем эффектом, какой ожидался²⁰⁹. ЦК партии в апреле 1926 г. еще раз указал, что придает жилищному строительству «сугубое значение», поскольку «дальнейший рост промышленности, повышение производительности труда и улучшение быта рабочих упираются в жилищный кризис»²¹⁰. Хотя в 1924—1925 гг. строительство наконец начало компенсировать физический износ жилого фонда, было отмечено, что жилая площадь в расчете на душу населения во всех городах СССР фактически уменьшилась с 6,1 кв. м в 1924—1925 гг. до 5,6 кв. м в 1926—1927 гг.²¹¹ Тем не менее, хотя условия быта и были убогими, качество домов постепенно повышалось, а их количество увеличивалось, и на первое время перспектива дальнейшего улучшения была реальной. Среди материальных условий, которые в середине и конце 20-х годов все в большей степени стимулировали способность рабочих к повышению производительности труда, причем довольно успешно, постепенное улучшение жилищной ситуации сыграло, очевидно, важную роль.

В то время как процесс повышения уровня жизни промышленного рабочего и эффективности его труда от ужасающе низкого уровня гражданской войны и первых двух лет НЭПа совершался мучительно и крайне медленно, характер и статус профсоюзов также претерпевали процесс постепенных изменений. После волны стачек, прошедшей весной 1925 г., партийные и профсоюзные руководители оказались на удивление готовыми к обнаружению серьезной болезни в профдвижении — разрыва связи между руководством профсоюзов и ведомыми ими массами. Конечно, открытое, почти нарочитое признание этого провала в постановлениях октябрьского (1925 г.) Пленума ЦК и последовавшего за ним

XIV съезда²¹² было частично тактическим приемом: возложение ответственности за происшедшее на профсоюзное руководство было способом освобождения от нее партии и проводимой ею политики. Однако постановка диагноза требовала дальнейших дискуссий о ходе болезни и методах ее лечения. Растущий разрыв можно было объяснить либо снизу, либо сверху, то есть с точки зрения меняющегося характера членства в профсоюзе или с точки зрения изменения статуса профсоюзного руководства. Существенное значение имели оба аспекта.

За три последних года развитие профсоюзов в численном и организационном отношении шло стабильно и равномерно. Между V съездом профсоюзов в сентябре 1922 г. и VI съездом в ноябре 1924 г. число членов профсоюза выросло с 4,5 млн. до 6 млн. человек; по состоянию на 1 апреля 1925 г. их было 6900 тыс., а годом позже — 8750 тыс.²¹³ Однако количественный рост требовал внимательного изучения. Хотя рост числа членов профсоюзов происходил частично вследствие расширения промышленности, только треть членов профсоюзов были промышленными рабочими²¹⁴. Большой приток новых членов объяснялся главным образом успешной работой профсоюзов по вовлечению и организации сезонных рабочих, которые по окончании сезона ускользали из профсоюзных сетей — особенно сельскохозяйственные и строительные рабочие. С 1 января 1923 г. по 1 октября 1925 г. число членов профсоюза Всеработземлес выросло с 253 тыс. до 730 тыс., а число членов профсоюза строителей — со 107 тыс. до 575 тыс.²¹⁵ Кроме того, не только сельскохозяйственные рабочие и строители, а и подавляющее большинство новичков, принятых на промышленных предприятиях, были только что прибывшими из деревни крестьянами, которым были совершенно незнакомы требования и традиции профсоюзов, так что быстрый количественный рост представлял, как было сказано в постановлении XIV съезда партии, «непомерное разбухание союзов за счет непролетарских элементов, а равно превращение союзного членства в чисто формальное (человек с союзной книжкой)»²¹⁶. Накануне съезда Бухарин говорил о «новых слоях населения, пролетаризованной крестьянской массе, которая только *становится* рабочим классом», и о гигантской задаче «воспитания этих новых слоев рабочего класса»²¹⁷.

Большой приток в союзы новых и неопытных членов был использован Томским в его докладе на съезде в качестве аргумента в пользу особого внимания к культурно-просветительной работе, которую он охарактеризовал как «важнейшую отрасль работы профсоюзов». Нельзя ожидать, что рабочий будет «думать только о пролетарской революции и ее проблемах». Ему нужен и «здоровый отдых, и здоровый смех»; рабочие клубы должны служить как для этих целей, так и для «политического развития и просвещения» рабочего²¹⁸. Рекомендация была разумной. Однако концепция профсоюза как организации, чья самая важная функция заключается в заботе о политическом и культурном просвещении

необученных масс полупролетаризованного крестьянства, оказалась полярно противоположной концепции профсоюза как организации классово-сознательных рабочих, объединяющихся для выражения своих требований и принуждения к ликвидации допущенных несправедливостей, и предполагала совершенно иные отношения между руководителями профсоюза и его членами. Признаки, присущие большей части советских профсоюзов в середине 20-х годов, ярко высветили их резкие отличия от существовавших прежде организаций, благодаря которым и родилось само их название независимо от того, происходило это в России или где-либо еще. Они были неотъемлемой частью того наследства отсталости экономической и социальной структуры России, которое сделало построение социализма в этих условиях тяжелым делом.

Однако более важной, чем изменение характера членства в профсоюзе, оказалась непрерывная эволюция профсоюзов в направлении к полной интеграции профсоюзов в правительственный механизм — процесс, симптомом которого, в большей мере чем причиной, был «хозяйственный уклон». Даже в капиталистических странах отношение профсоюзов как к нанимателям, так и к государству должно было быстро претерпевать трудноуловимые изменения, первые признаки которых стали уже очевидными. В социалистической или частично социалистической экономике такие отношения не могут носить никакой иной характер, кроме дружественного. Официальная независимость, дарованная профсоюзам НЭПом, на практике означала не реальную независимость (ибо это было невозможно), а менее влиятельное положение в иерархии власти²¹⁹. Как только было принято предложение — а оно и не могло быть полностью отвергнуто — о том, что в долгосрочном плане интересы рабочего ставятся в зависимость от общего роста производства, политика профсоюзов ни в каком существенном вопросе уже не могла быть отделена от правительственной политики, направленной через все препятствия на построение национальной экономики на принципах социализма. Открывая в ноябре 1924 г. VI съезд профсоюзов, Зиновьев в своей речи напомнил союзам, что они призваны осуществлять свою политику не как «узкопрофессиональную, а как политику рабочего класса в крестьянской стране»; в этом отличие «ленинизма, большевизма от тред-юнионизма»²²⁰. Не было случайностью, что Андреев, прежний сторонник программы Троцкого, направленной на «огосударствление профсоюзов»²²¹, поднялся на командную высоту в профсоюзной иерархии, тогда как Томский, усвоив полученный в 1921 г. урок опалы за забвение линии партии²²², был теперь преданным защитником согласованности деятельности профсоюзов с политикой государства и по всем важным вопросам находился на правом крыле партии.

Руководящий принцип был еще раз провозглашен в постановлении XIV съезда партии: «Рост и развитие советской промышленности и увеличение ее продукции, являясь реальным залогом

прочности успехов общего социалистического строительства, требуют в будущем от Компартии, Соввласти и профсоюзов еще большего внимания в деле закрепления и развития этих успехов»²²³.

В этом триумфальном прогрессе на пути строительства социализма партия, правительство, хозяйственники и профсоюзы шли рука об руку. И все же такой альянс, каковы бы ни были намерения и заявления, не мог не расширить и не углубить пропасть между профсоюзными руководителями, ответственными за проведение этой политики, и бессловесными массами рабочих, которые были средством ее реализации. Фактический отказ от стачек как политического орудия, затухание интереса к социальному страхованию и охране труда, отстранение союзов от всякого участия в найме рабочих²²⁴— все это были признаки нового отношения к профсоюзам. Они были теперь не организацией, представляющей особые интересы рабочего класса (поскольку никаких таких особых интересов не признавалось), а органами для выполнения определенных особых функций в рамках правительственного механизма, который отождествлял интересы рабочего класса с интересами общества в целом.

Как инерция большинства пассивных членов, так и отождествление руководства профсоюзов с правительственной политикой способствовали дальнейшему усилению процесса концентрации власти в профсоюзной организации. Профсоюзы, как и партия, уже решительно отвергали любое проявление «федерализма» в своей организации: «Централизм профессионального движения, общее руководство всем профессиональным движением из центра остаются и должны оставаться незыблемым руководящим принципом нашего профессионального движения, ибо в нашей работе какой-нибудь разброд, какая-нибудь самостоятельная политика отдельных организаций является вредной и послужит первой предпосылкой к распаду рабочего класса»²²⁵.

По мере того как шло время, все больше решений принималось ВЦСПС или его президиумом; местным организациям или отраслевым союзам оставалось все меньше инициативы; больше внимания уделялось соблюдению «профсоюзной дисциплины», требовавшей слепого повиновения решениям руководства. На XIV съезде партии в декабре 1925 г. Томский в резкой форме напомнил членам профсоюза, что «все директивы и распоряжения всесоюзных съездов и ВЦСПС как органа, руководящего от съезда до съезда и работающего под непосредственным руководством ЦК партии, под неусыпным его наблюдением, должны быть обязательны для проведения на местах». Обжалование того, что было бы признано как неправильное решение центрального органа, допускалось. Однако «...демократический централизм определяет необходимость точного выполнения директив центральных профсоюзных органов»²²⁶. В постановлении съезда, где довольно фальшиво признавалась необходимость «самостоятельности и инициа-

тивы во всех областях союзной работы», содержалось указание членам партии, входящим в состав ВЦСПС, «неукоснительно сохранять единство общей линии, единство организационного построения профорганизаций по всей территории СССР»²²⁷.

Наиболее ярким примером процесса концентрации и централизации стала принятая теперь общая практика заключения коллективных договоров о ставках заработной платы и условиях труда для целой отрасли между ВЦСПС и центральным руководством отрасли в Москве. Это имело преимущество как в плане обеспечения обоснованного единообразия ставок заработной платы в промышленности, так и в плане облегчения реализации логически последовательной политики в области заработной платы и поэтому решительно поддерживалось администрацией промышленных предприятий и официальными хозяйственными органами. Однако иногда система приводила, как признал на VI съезде профсоюзов официальный докладчик ВЦСПС Догадов, к «само-му жестокому бюрократизму»; договоры заключались без какого-либо участия местных профсоюзных органов и отделений и даже без информирования их о происходившем; недовольство этими явлениями эхом отозвалось в более резких выступлениях других делегатов²²⁸. Постановление съезда осторожно признавало необходимость «известной децентрализации договорной работы в виде ограничения системы общесоюзных генеральных договоров» и «расширения практики дополнительных к генеральным локальных договоров»²²⁹. Однако из-за сопротивления официальной и хозяйственной оппозиции добиться удалось немногого. Больше года спустя, на XIV съезде партии, Томский повторил принцип, по которому договор должен выноситься «на обсуждение тех, от имени которых этот коллективный договор пишут», но признал, что на практике «те рабочие, за которых подписывается коллективный договор, не знают, за что за них подписались»²³⁰. Трудно вообразить процедуру, которая с большей вероятностью могла бы создать у рядовых членов профсоюза чувство отчуждения от отдаленного и бюрократического руководства.

Конечно, отношения между рабочими и чиновниками от профсоюзов в разных местах складывались по-разному, но свидетельства этого обнаружить трудно. Проблема сбора членских взносов²³¹ была частично решена «взиманием взносов через особо выделенных из рядовой членской массы сборщиков», которые должны были явиться «проводниками влияния союза в массе его членов», хотя постановление VI съезда профсоюзов требовало осуществить «скорейший переход союзов на исключительно индивидуальное взимание членских взносов», а один из делегатов признал в прениях, что много союзов еще «зависят от конторы» при взимании взносов²³². В следующем году было принято постановление, требовавшее от государственных и частных предприятий, использовавших наемный труд, вносить 1% фонда заработной платы на профсоюзные расходы²³³.

Важнейшим звеном в цепочке, соединявшей союзы с промышленными рабочими, служили фабрично-заводские комитеты, являвшиеся «передаточной инстанцией», как назвал их Томский, «которая связывает нас с самыми широкими рабочими массами»²³⁴. Один из современников назвал заводской комитет «коллективным отцом», к которому рабочий обращался за советами по личным вопросам вплоть до таких, как «разводиться мне с женой или нет», и утврждал, что именно завком более, чем партия, «проник в бытовую жизнь рабочего»²³⁵. Однако такие комитеты были большой редкостью, а положение и характер фабзавкомов менялись от предприятия к предприятию. В некоторых случаях в комитетах господствовали такие профсоюзные деятели, которые были защищены политикой партии от критики со стороны администрации; как заявил один из делегатов VI съезда профсоюзов, фабрично-заводские комитеты «в глазах рабочей массы... превращаются в отделение хозяйственного органа»²³⁶. В других случаях оказывалось, что фабзавкомы заявляют претензии на определенную самостоятельность, и тогда профсоюзное руководство и администрация начинали относиться к ним с некоторым недоверием. Но и в таких случаях власть профсоюзов и сила администрации росли за счет стихийной и неорганизованной деятельности рабочих. «Мы наблюдаем, — заявил докладчик по организации съезда, — тенденцию к тому, чтобы практическая союзная работа концентрировалась в руках узкого круга профессиональных работников»²³⁷.

Те же процессы продолжали происходить и в другой важной области профсоюзной практики — урегулировании спорных вопросов. На XIV съезде партии выражалось недовольство тем, что в тех случаях, когда разногласия не удавалось уладить РКК, представлявшей администрацию, то вместо обращения к суду примирительного производства или к третейскому суду они выносились непосредственно в райком или обком партии, где и принималось решение. Как отметил Томский, это возмущало рабочих не состоявших в партии, и зачастую приводило к тому, что ответственность за принятие оказавшегося непопулярным решения возлагалась на нее²³⁸. В своем постановлении съезд резко осудил эту практику и потребовал укрепления РКК и арбитражных органов как нормальных каналов улаживания разногласий. Была предложена, однако, лишь одна существенная перемена. Одностороннее право требовать передачи вопроса на рассмотрение третейского суда без согласия другой стороны, закрепленное за профсоюзами кодексом законов о труде, хотя и отмененное указом, принятым в марте 1923 г.²³⁹, было теперь подтверждено и распространено на «хозяйственные органы», которым было в этом плане обеспечено такое же положение, как и профсоюзам²⁴⁰. Мало вероятно, чтобы на практике эта перемена к чему-нибудь привела, поскольку право выносить разногласия на принудительный арбитраж было уже передано государственным органам, ЦИК, Совнаркому, СТО. Тем не менее это стало одним из пунктов обвинения

политики партии, выдвинутого оппозицией в следующем году²⁴¹.

Фактически, о чем бы ни шла речь, отношения между профсоюзами и государством или между профсоюзами и администрацией предопределялись общей зависимостью от партии и подчинением ее воле. В этом и состояла суть так называемого хозяйственного уклона, поскольку генеральная линия партии была в равной степени обязательной как для тех ее представителей, кто контролировал профсоюзы, так и для тех, кто контролировал промышленную политику. В ответ на критику профсоюзов на XIV партконференции весной 1925 г. Дзержинский вновь сделал попытку добиться разумного равновесия между функциями профсоюзов и хозяйственных органов, находившихся в его подчинении: «Линия у нас одна, но в текущей практике в результате получается некоторое состязание. Мы нажимаем с одной стороны, они нажимают с другой стороны... Тов. Лепсе нажимает на то, чтобы мы... подняли хозяйство, удешевили производство, но при этом не перегибали палки в отношении того элемента, который все определяет, на котором держится наша политика и экономика, которая является нашей базой, то есть в отношении рабочего класса. Мы, с другой стороны, защищаем интересы хозяйства от, может быть, чересчур большого нажима, вытекающего из тех тяжелых условий, в которых приходится жить нашему рабочему классу»²⁴².

Однако равновесие было искусственным и воображаемым. Что бы ни говорилось о долговременной заинтересованности рабочих в расширении промышленности путем накопления капитала, их ближайшие интересы неизбежно вступали в противоречие с кампанией за повышение производительности труда без повышения заработной платы. Они беспокоились именно о своих ближайших интересах, защиты которых они тщетно ожидали от профсоюзов. Основной политической проблемой оставалось соотношение между требованиями к увеличению производства и требованиями рабочих. Однако политику диктовала партия, а не профсоюзы, и по мере того, как шло время, оказывалось, что руководители профсоюзов имеют все меньше влияния на выработку политики партии.

Та же дилемма возникла относительно способа выборов профсоюзных руководителей и наиболее важных освобожденных работников профдвижения. Известное постановление X съезда партии в марте 1921 г., предписывавшее двойной принцип выбора руководящих работников профсоюзов «под непосредственным контролем партии» и одновременное применение «обычных методов пролетарской демократии», привело поначалу к путанице в интерпретации, которую не удалось устранить и официальным признанием «противоречий между различными задачами профсоюзов»²⁴³. По мере того как на практике партийный контроль становился все строже и все эффективнее, партийная доктрина продолжала настаивать на обязательной выборности всех руководящих работников профсоюзов. На XIV съезде партии Андреев по-

пал в большое место, упрекнув организацию в «слишком односторонней ответственности, недостаточной ответственности профессиональных работников перед своими избирателями, односторонней ответственности перед вышестоящими профессиональными и партийными инстанциями»²⁴⁴. В резолюции съезда вновь подтверждались принципы «широкой выборности всех профсоюзных органов» и «гласной, простой, доступной пониманию каждого рабочего отчетности выборных должностных лиц перед своими избирателями»²⁴⁵. Когда на съезде Рязанов заявил, что не только хозяйственники, но и «профработники ставятся партией», кто-то поправил: «Выбираются». Но Рязанов возразил на это: «Выбираются, убираются, снимаются — для меня это решительно все равно», и все знали, что он говорит чистую правду²⁴⁶. Очевидно, ни один из участников профдвижения не забыл, что отставка и возвращение Томского были делом не его избирателей, а партийного руководства. Иначе и не могло быть. Можно было найти формулы, которые оправдали бы любое требование: «...крепко построенные, крепко связанные с массами, централизованные, самостоятельные, пользующиеся абсолютным доверием и авторитетом со стороны объединяемых ими членов профсоюзов во главе с коммунистами, работающими под общим руководством своей партии, — вот твердая опора и гарантия для проведения коммунистической политики партии, расширения ее авторитета, для распространения безграничного ее влияния на широчайшие слои рабочих»²⁴⁷.

Однако точка зрения на профсоюзы как на «передаточный механизм от компартии к массам»²⁴⁸ предполагала в качестве неперемennого условия, что последнее слово в определении политики профсоюзов и при назначении тех, кто должен был ее проводить, должно принадлежать партии. Осуществление воли партии было синтетическим процессом, в ходе которого в конечном счете решались любые конфликты или противоречия между профсоюзами и политическими или экономическими органами, между профсоюзными работниками и государственной администрацией или хозяйственниками.

ГЛАВА 8

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

а) Внутренняя торговля

Ликвидация «ножниц» зимой 1923/24 г. остановила кризис, который больше никогда не повторялся в таких масштабах. Никогда советская экономика снова не переживала «кризиса сбыта», когда невозможно было найти покупателей готовой продукции. Весной 1924 г. за «кризисом сбыта» 1923 г. последовал «товарный голод», который продолжался в течение многих лет, и его можно считать естественным симптомом быстро развивающейся экономики. В 1923—1924 гг. валовой торговый оборот оценивался Госпланом в 9750 млн. червонных рублей против 9938 млн. рублей в 1913 г., а с учетом роста цен эта цифра составила примерно половину от довоенного торгового оборота¹. Рост торговли сопровождался ее расширением. Оборот на московской бирже, чья доля в общем товарообороте страны достигала в 1922—1923 гг. почти двух третей, вырос в 1923—1924 гг. на 56%, но рост товарооборота на губернских биржах достиг 137% и теперь составлял половину валового. Этот процесс децентрализации продолжался и в следующем году².

Расширение торговли проявилось в довольно быстром повышении чудовищно низкого уровня, на который скатилось потребление даже самых примитивных товаров в период гражданской войны. Официальная статистика годового потребления на душу населения сахара, соли, спичек и хлопка в эти годы свидетельствует о нищете и постепенном росте³:

Годы	Сахар (фунты)	Соль (фунты)	Спички (коробки)	Хлопчатобумажные изделия (аршины)
1913	20	33	25	25
1921—1922	2,3	13,1	5,7	3,8
1922—1923	4,4	17,7	11,5	5,3
1923—1924	7,4	21	14	9,5
1924—1925	11,4	22,9	17	15,6
1923—1924 (% от 1913)	35	64	56	40
1924—1925 (% от 1913)	57	69	68	62

Однако, несмотря на настойчивые утверждения партийных руководителей в то время о важности крестьянского рынка для промышленных товаров, факты свидетельствуют о том, что увеличению спроса и потребления промышленных товаров в большей мере способствовало увеличение заработной платы в промышленности, чем рост процветания в деревне. Было подсчитано, что если в 1913 г. крестьянин потреблял 66% реализуемой товарной продукции, то его доля в 1923—1924 гг. снизилась до уровня несколько выше одной трети⁴. Согласно последующим расчетам, стоимость в оптовых ценах товарной продукции, полученной деревней из города, достигла в 1922—1923 гг. 32% в пересчете на довоенные цены, или 62% в пересчете на текущие цены, от стоимости товаров, полученных городом из деревни; в 1923—1924 гг., когда «ножницы» были частично сокращены, этот показатель составил 44% в довоенных ценах и 69% в текущих ценах⁵. Баланс подводился за счет большой разницы между оптовыми и розничными ценами, в особенности на промышленные товары, реализованные в деревне, а также сельскохозяйственного налога. Поскольку уровень жизни крестьян зависит от закупок и продаж и может быть выражен в денежных средствах, спад уровня жизни в деревне по сравнению с 1913 г. оказался более значительным, чем в городе. Для большей части крестьян, чье благосостояние все еще зависело от условий натурального хозяйства, такое сравнение было малообоснованным. Однако крайняя бедность деревни стала барьером на пути осуществления любой попытки государства извлечь избыточные средства у крестьянина для развития и укрепления экономики.

Тем не менее каким бы низким все еще ни оставался жизненный уровень и какие бы сравнения между городом и деревней ни проводились, в течение всего 1924 г. безусловно наблюдалось значительное и неуклонное улучшение условий жизни. Расширение внутренней торговли, свидетельствовавшее о развертывании сельскохозяйственного и промышленного производства, являлось как бы вознаграждением и оправданием НЭПа с его основной задачей — расчистить каналы для товарообмена. Но к тому времени, когда наблюдалось оживление, выявились слабые стороны НЭПа, и проводимую политику регулирования цен при тщательном ее анализе вряд ли можно было согласовать с принципами НЭПа⁶. С этого времени стало ясно, что дальнейшее развитие торговли зависит не от устранения препятствий и ограничений, стоявших на ее пути, а от конструктивных мер, обеспечивающих ее развитие и регулирование. Контроль и управление торговлей составили основной элемент экономической политики, а это требовало расширения активности государства в этом секторе экономики и ограничения роли частной торговли. XIII съезд партии в мае 1924 г., совпавший по времени с созданием народного комиссариата внутренней торговли (Наркомвнуторг)⁷, четко указал на то, что новый комиссариат должен выполнять две основные функции. Пер-

вой была «такая организация внутренней торговли и такое руководство деятельностью государственной торговли и кооперации, которые бы облегчили последним овладение рынком... и осуществили бы действительный контроль государства над деятельностью частного капитала». Вторая состояла в «регламентации всей внутренней торговли, установлении твердых цен»⁸. Вся торговая политика в последующие годы строилась с учетом этих двух факторов.

Соперничество между государственной, кооперативной и частной торговлей стало основной темой дискуссий в этот период, и официальная статистика проводила четкую грань между этими тремя «секторами»; при этом государственную и кооперативную торговлю иногда объединяли в один «социализированный сектор». Цифры торгового товарооборота свидетельствовали о том, что «социализированный сектор» неуклонно опережал частную торговлю⁹.

Торговый товарооборот (в млн. рублей)

Годы	Государственная торговля		Кооперативная торговля		Частная торговля		Всего
	в абсолютных цифрах	%	в абсолютных цифрах	%	в абсолютных цифрах	%	
1923—1924	3025	29	2750	25	4833	46	10 608
1924—1925	4855	35	5137	38	3711	27	13 703
1925—1926	7760	35	8900	41	5351	24	22 011

Несколько иная картина получается, когда показаны отдельные процентные соотношения государственной, кооперативной и частной торговли в оптовой и розничной торговле¹⁰.

Доля оптовой торговли в процентах

Годы	Государственная торговля	Кооперативная торговля	Частная торговля
1923—1924	61	17	22
1924—1925	60	30	10
1925—1926	55	36	9

Доля розничной торговли в процентах

Годы	Государст- венная торговля	Кооператив- ная торговля	Частная торговля
1923—1924	16	26	58
1924—1925	17	40	43
1925—1926	16	45	39

Эти цифры, вероятно, занижают показатели объема частной торговли, в особенности в более ранние годы, но общий вывод несомненен. Торговля, включая оптовую и розничную, быстро расширилась в эти годы, а частичное увеличение товарной стоимости в 1925—1926 гг. просто отражает рост цен. В оптовой торговле, прежде всего промышленной продукцией, государственная торговля продолжала преобладать¹¹, хотя ей и пришлось уступить некоторые свои позиции кооперативам. В розничной торговле доля государственной торговли оставалась постоянно низкой, однако доля кооперации постепенно увеличивалась за счет частного торговца.

С самого начала принятия НЭПа и в еще большей степени в период кризиса «ножниц» политика партии и правительства неизменно была направлена на то, чтобы частная торговля, какой бы необходимой и полезной она ни была в переходный период советской экономики, в конечном итоге уступила место государственно-кооперативной торговле. Развитие и расширение этих форм торговли стало постоянной задачей, которая осуществлялась с различной степенью интенсивности в последующие годы. Но эта долгосрочная задача не мешала проявлять терпимость и даже время от времени стимулировать частную торговлю. Широко разрекламированные аресты нэпманов в декабре 1923 г.¹² больше не повторялись, хотя постоянной темой пропаганды была необходимость преодоления превосходства частного капитала в розничной торговле. XIII съезд партии отмечал «недопустимость таких мер в области торговли, которые бы привели к сокращению или нарушению общего товарооборота»¹³.

Осенью 1924 г. частному торговцу хватило сил нарушить официальные планы сбыта урожая, а также сломать твердые цены на зерно, которые пытались навязать правительство¹⁴, а тревога, вызванная трудностями сбора зерна, способствовала появлению определенной склонности к умиротворению такого мощного противника. В ноябре 1924 г., когда наблюдалось ограничение кредита и быстрое свертывание программы поддержки тяжелой промышленности¹⁵, начали поговаривать о «новой торговой политике», направленной на то, чтобы «приостановить нынешний процесс свертывания частной торговли, чтобы поддержать и усилить емкость товаропроводящей цепи»¹⁶.

Это было непосредственным следствием политики уступок кре-

стьянину, выраженной в лозунге «Лицом к деревне». В своем обдуманном заявлении Каменев, председатель СТО, утверждал, что рост торговли опережает возможности государственных органов торговли и кооперации, и заключал отсюда, что надо возродить терпимость по отношению к частному торговцу¹⁷. Возможно, частная торговля получала косвенные выгоды от ограничения кредита для государственной промышленности и кооперации; однако для оказания ей действенной помощи было сделано очень мало конкретного. Декретом СТО от 31 марта 1925 г., который прежде всего касался обеспечения кооперации столь необходимым ей капиталом, была предпринята попытка поддерживать некое равновесие. В нем признавалось стремление привлечь частный капитал к участию в финансировании расширяющейся торговли, «в особенности розничной». Исходя из этого, стало необходимым отказаться от существовавшего в то время порядка, когда государственная промышленность требовала от частных торговцев оплаты наличными деньгами по всем расчетам и настаивала на так называемом «отпуске товаров по принудительному ассортименту» (это означало, что покупатель был обязан брать те товары, которые ему не нужны, чтобы иметь право купить необходимые товары)¹⁸; предусматривались также налоговые уступки для частных торговцев¹⁹.

В резолюции, принятой XIV партийной конференцией месяца спустя, отмечалось, что «кооперативная и государственная торговля не может полностью обслужить возрастающего товарооборота в стране, в области торговли остается значительное место для участия частного капитала»²⁰. Необычным для этой кампании было проведение большого открытого заседания в Москве, на котором Шейнман, народный комиссар внутренней торговли, и другие советские знаменитости выступили перед собравшимися на нем нэпманами с целью привлечь в торговлю частный капитал²¹. За ним последовал циркуляр Госбанка всем его отделениям и конторам на территории Советского Союза, в котором разъяснялось, что в связи с «наблюдаемым ростом покупательской способности населения и существенным расширением промышленного производства» наряду с государственными торговыми учреждениями в работе по распределению должны принимать участие частные организации, в особенности в тех районах, где государственная и кооперативная торговля находится на низком уровне. Для этих целей разрешалось предоставлять кредиты частным торговцам, хотя при этом годовой ссудный процент должен был превышать на 3—5% ссудный процент для государственных предприятий или кооперативов; предлагалось также увеличить эту цифру до 12—15%²². Но затем эти официальные меры, направленные на примирение, начали сходить на нет, и снова был взят курс на оказание давления в пользу государственных и кооперативных торговых организаций²³. В течение всего периода НЭПа нэпман находился под воздействием различных тенденций в официальной

политике, которые были направлены либо в сторону стимулирования его деятельности, либо ее осуждения. Однако ни как частный торговец, ни как частный капиталист он уже не представлял серьезной угрозы. Основной проблемой советской экономической политики была и оставалась отсталость и закоснелость крестьянства, на чьи плечи была взвалена основная тяжесть груза, связанного с индустриализацией. Роль нэпмана сводилась лишь к тому, что пока он обеспечивал крестьянина рынком, который оставался вне контроля государства, он усиливал возможности крестьянина противостоять колебаниям официального политического курса.

События 1923—1924 гг. заставили рассматривать кооперативы как основное орудие борьбы за «победу на рынке» и противоядие угрозе со стороны частной торговли. XII партийный съезд в апреле 1923 г. принял решение о кооперации как «торговом аппарате, долженствующем во все возрастающих размерах соединить государственную промышленность с сельским хозяйством», и поставил задачу «превращения его в основного посредника между госпромышленностью и сельскохозяйственным производством»²⁴. Когда кризис «ножниц», несомненно, убедил партийных лидеров в невозможности предоставления полной свободы торговли и вмешательства в той или иной форме стало неизбежным, кооперативы стали именно тем наиболее очевидным и наименее отталкивающим каналом, по которому это вмешательство могло бы стать ощутимым. Отрывок из последней статьи Ленина, в которой рост кооперативов рассматривался как признак роста социализма, назойливо цитировали в партийной литературе и прессе. В резолюции комитета по «ножницам» осенью 1923 г., одобренной Политбюро, а затем XIII партийной конференцией в январе 1924 г., указывалось, что любое расширение деятельности кооперативов и государственной торговли означает расширение «сферы социалистического хозяйства», которое опиралось на такую деятельность для того, чтобы «отвоевать ими на основе конкуренции позиции у частного торгового капитала»²⁵. Одновременно с этим кооперации были предоставлены определенные льготы по подоходному и промышленному налогам, что давало ей преимущества перед частной торговлей²⁶. Растущее внимание к вопросам торговли автоматически снова поставило потребительские кооперативы в центр событий.

Попытка вновь опереться на кооперативы заставила сделать следующий шаг, направленный на восстановление их первоначального статуса и престижа. С апреля 1918 г. членство в потребительских кооперативах теоретически должно было быть всеобщим и обязательным: это стирало все различия между членами и нечленами. После введения НЭПа никаких непосредственных перемен в этом отношении не последовало, когда кооперативы вновь обрели формальную независимость и присущие им качества²⁷. Однако членство в производственных кооперативах, исходя из их характера, оставалось добровольным. Дух НЭПа требовал, чтобы член-

ство в потребительских кооперативах, подобно профсоюзам, снова было поставлено на добровольную основу. Принцип добровольного индивидуального членства был, судя по всему, восстановлен на практике до того, как ситуация изменилась посредством законодательства²⁸.

Первым официальным шагом стал декрет от 28 декабря 1923 г. «О реорганизации потребительской кооперации на началах добровольного членства»²⁹, а за резолюцией Центрального Комитета партии, принятой в апреле 1924 г.³⁰, последовал имевший важные последствия декрет от 20 мая 1924 г., принятый накануне XIII съезда партии; этот декрет потом повсеместно рассматривался как устав кооперативов. Согласно декрету, членство в кооперативах признавалось добровольным, вступительный взнос не должен был превышать 50 коп., а максимальный годовой членский взнос составлял 5 рублей. Все граждане, имеющие право на голосование в соответствии с конституциями республик, могли стать членами кооперативов³¹. Нечленам кооперативов также должны были оказываться соответствующие услуги. Как ни странно, потребительские кооперативы получили разрешение и поддержку в посягательстве на прерогативы ведущих промышленных, сельскохозяйственных и кредитных кооперативов³². Они не только могли продавать, но и «заниматься сбором и переработкой сырья», а также выступать в качестве агентов, осуществляющих сбыт продукции от имени своих членов, обеспечивать своих членов орудиями труда или сырьем и заниматься кредитными операциями³³.

Поддержка, оказанная кооперации этим декретом, была подкреплена XIII партийным съездом — первым съездом после 1920 г., который счел необходимым провести особую дискуссию и принять резолюцию о кооперации. В своем докладе о внутренней торговле Каменев называл кооперацию «не только орудием борьбы с расхождением цен оптовых и розничных, но в то же время и орудием нашей социальной политики в деревне, организации во круг пролетарской диктатуры бедняцких и середняцких слоев против элементов кулацких». Касаясь деятельности кооперации в своем специальном докладе, Андреев провел уже известную грань между их ролью при социализме и капитализме, хотя и упрекнул их в том, что они больше заинтересованы в обеспечении прибыли, чем в удовлетворении потребностей членов кооператива³⁴. Резолюция начиналась с определения роли кооператива как посредника между государственной промышленностью, которая составляла 90% всего производства, и преимущественно крестьянским потребителем; было бы ненормальным, если бы в пролетарском государстве эта роль была бы отведена частному торговцу. Кооперации было поручено твердо придерживаться принципа добровольного членства и не «разбрасывать себя для обслуживания всего населения». Попытки объединения сельскохозяйственной и потребительской кооперации были объявлены к этому времени «неправильными». Крестьяне как потребители и крестьяне как про-

изводители должны были принадлежать к разным организациям. В то время, когда заработная плата была все еще недостаточно высока, чтобы «полностью покрыть все потребности рабочего», кооперативы могли оказать помощь рабочим путем снижения цен, предложения скидок и предоставления кредита. Государственная промышленность должна была оказывать кооперации максимальное содействие «как в отношении предоставления лучшего ассортимента товаров, так и сроков и форм товарного кредитования». Государственная торговля должна была ограничиваться оптовыми и оптово-розничными рынками³⁵. Летом 1924 г. были предприняты дальнейшие шаги к исправлению давней несправедливости путем убеждения ВСНХ вернуть сельскохозяйственным, промышленным и кредитным кооперативам здания, складские помещения и другие формы собственности, отобранные им у этих кооперативов³⁶.

Однако, несмотря на успехи, достигнутые кооперацией в обеспечении растущей доли быстро развивающейся внутренней торговли Советского Союза, эта дорога все еще оставалась трудной. «Опять, — говорил Каменев в то время, — мы начали присматриваться к кооперации, причем, когда мы стали действительно к ней присматриваться, оказалось, что она как орудие для выполнения нашей задачи снижения цен очень и очень слаба, что кооперация еще очень и очень мало приспособлена к действительной борьбе с частным капиталом»³⁷.

Через шесть месяцев после XIII съезда партии было объявлено, что в результате «отчаянной борьбы между кооперацией и розничными торговцами» кооперативные цены оказались полностью конкурентоспособными, а на определенные виды стандартных товаров ниже, чем у частных торговцев. Однако постоянным препятствием в дальнейшем развитии кооперации оставались нехватки оборотного капитала. С одной стороны, кооперативы могли брать товары у изготовителей только в кредит, а с другой, они пытались получать авансы у покупателей, отдавая приоритет тем, кто был в состоянии заплатить заранее³⁸.

Как указывалось в официальной экономической газете, главная задача состояла в том, чтобы вести «систематическую работу по овладению розничным рынком». Но это не могло быть достигнуто «без увеличения оборотных средств кооперации»³⁹. Такая политика натолкнулась на жесткую оппозицию. Конкуренция и зависть друг к другу, которыми были отмечены ранее отношения между кооперацией и государственными хозяйственными органами, все еще не исчезли⁴⁰. На VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. Рыков характеризовал кредитный голод кооперации в необычно саркастической манере⁴¹. Кооперация ожидала получить «неограниченный кредит»; ее представители приехали в город с брошюрой Ленина о кооперации как со свидетельством их права на получение такого кредита. Еще тогда, когда собирали членские взносы, кооперация уже задолжала сотни миллионов рублей трестам и

промышленным концернам, которые к тому времени не могли больше истощать свои оборотные средства на эти цели и вынуждены были продавать продукцию частным торговцам, которые могли платить наличными⁴². Представитель кооперации в своем ответе смог доказать справедливость своих аргументов: «Рабочая кооперация торгует так, что никакого накопления капитала за счет прибылей нет. И может быть, еще долго ей придется торговать и не накапливать капитал за счет прибылей. Мы должны сказать, что определенный банковский кредит должен быть кооперации предоставлен. Это должно быть сделано в силу хозяйственной целесообразности ее экономической работы»⁴³.

Но в то время, когда промышленность сама испытывала затруднения с кредитом и ее программы расширения урезались, вряд ли можно было ожидать с ее стороны благорасположения к кооперации. Эти трудности отражали острый дефицит капитала в советской экономике в целом, характерный для всего периода НЭПа.

Борьба продолжалась зимой 1924/25 г. В результате общего ограничения кредитов банками тресты и синдикаты, находившиеся сами под сильным давлением сверху, начали воздерживаться от предоставления кредитов кооперативам и требовали повышения доли выплат наличными за свою продукцию, что привело к значительному увеличению объема опротестованных векселей, а также к сокращению масштабов розничной торговли из-за дефицита фондов капитала⁴⁴. Но кооперативы не остались без сильной поддержки. Участники Ленинградской губернской партийной конференции в январе 1925 г. осудили «абсолютно вредное наметившееся за последние месяцы со стороны некоторых хозяйственных организаций стремление сократить свои обороты с кооперацией путем ухудшения условий купли-продажи при сделках с кооперацией (уменьшение кредита и т. д.)»⁴⁵. В конце концов силы, преодолевшие сопротивление противников расширения тяжелой промышленности, также одержали победу в пользу потребительских кооперативов. На сессии ВЦИК в марте 1925 г. была принята резолюция об ассигновании 8 млн. рублей из бюджета СССР с целью «увеличения оборотных средств нашей кооперативной торговли»⁴⁶. Госплан, активно выступавший за предоставление кредитов промышленности⁴⁷, также взял под свою защиту потребительскую кооперацию. Указывая на неизбежную опасность общего сокращения торговли, он приводил доводы против ошибочного предположения о том, что частный капитал смог бы возместить дефицит кредитных средств, и предложил увеличить государственные субсидии торговым организациям, включая потребительскую кооперацию, с 8 млн. рублей до 25 млн. рублей в текущем финансовом году⁴⁸.

В результате СТО издал пространный декрет от 31 марта 1925 г., который отражал факт общего подъема экономики и поставил на ноги потребительскую кооперацию. В декрете указыва-

лось, что сумма субсидий, выделенных из бюджета кооперативам на условии долгосрочных кредитов для укрепления основных капитальных средств, была увеличена до 10 млн. рублей. Из этой суммы 4 млн. рублей должно было поступить в распоряжение потребительской кооперации, 4 млн. — сельскохозяйственной, а оставшая часть — промышленной кооперации, включая кооперативы, объединяющие рабочих мелкой кустарной промышленности. В декрете указывалось, что государственная промышленность не только должна продолжать предоставление кредитов кооперации, как это было раньше, но при заключении сделок с кооперацией должна «облегчить условия кредита и расчетов». Но эти солидные уступки сопровождались резкими словами в адрес кооперации. Впредь она должна рассчитывать на дальнейшее увеличение своего капитала за счет взносов, собранных с членов кооперации, а также на прибыль, полученную ими в результате торговых операций: обеспечение прибыли и снижение цен должны достигаться на основе сокращения накладных расходов и совершенствования деятельности кооперации⁴⁹. На XIV партийной конференции, состоявшейся в следующем месяце, особое место было отведено проблемам, связанным с работой сельскохозяйственной кооперации⁵⁰. Однако потребительская кооперация тоже не осталась без внимания.

Рыков восхвалял принцип добровольного членства и утверждал, что число членов в потребительской кооперации составляет 8 млн. человек. По мнению Хинчука, председателя Центросоюза, в это число включено множество «мертвых душ»⁵¹. Жалобы на то, что все ведущие посты в кооперации заняты членами партии, а также на то, что в органах кооперации много «антисоветских людей» и что эти органы слабо связаны с партией, казалось, исключали друг друга⁵². Резолюция конференции благословляла «кооперативные организации всех видов», но настаивала на «строгом разграничении их организаций между собой», в особенности на том, чтобы сельскохозяйственная и потребительская кооперации действовали отдельно друг от друга. Что касается потребительской кооперации, резолюция одобрила в более сдержанной и завуалированной форме основные положения декрета от 31 марта. Терпимость, проявленная к тому, что частный капитал продолжал участвовать в розничной торговле, скорее возвышала, чем принижала роль кооперации, которой обещали «более решительную поддержку ее со стороны партии и государства», а также «более благоприятные условия кредита и расчетов», хотя им и было заявлено, что они должны «преодолеть свои собственные недостатки»⁵³. Последний пересмотр бюджета на III Всесоюзном съезде Советов в мае 1925 г. еще раз свидетельствовал о благосклонном отношении руководства к деятельности кооперации, поскольку сумма, выделенная для кредитных вы плат кооперации, еще раз была увеличена до 12 млн. рублей⁵⁴.

Декрет от 31 марта 1925 г. и резолюция XIV партийной конференции укрепили позиции потребительской кооперации, которые оставались стабильными в этот период. Имея полную поддержку партии и правительства, она начала шаг за шагом вытеснять частного торговца⁵⁵. Торговый оборот потребительской кооперации вырос с 2000 млн. рублей в 1923—1924 гг. до 3500 млн. рублей в 1924—1925 гг.⁵⁶ Однако некоторое время продолжались трения между нею и сторонниками развития промышленности. Еще в 1921 г. было решено, что государственные хозяйственные органы и предприятия, включая промышленные тресты, обязаны предлагать свою продукцию в первую очередь кооперации и только если последняя отказывается от нее — частным торговцам⁵⁷. Это распоряжение было специально выделено в резолюции XIV партийной конференции в апреле 1925 г.⁵⁸ Однако когда летом этого года были приложены усилия, направленные на то, чтобы обязать тресты и синдикаты соблюдать эти указания, некоторые из них сослались на право коммерческой независимости, которое было закреплено за ними в законе о трестах от 10 апреля 1923 г.⁵⁹ — любопытный случай, когда была предпринята попытка довести принципы НЭПа до их логического конца. Вновь потребовалось вмешательство СТО, чтобы преодолеть это сопротивление⁶⁰. Но даже его вмешательство не помогло преодолеть эти трудности. В январе 1926 г. Дзержинский, будучи председателем ВСНХ, и Хинчук, председатель Центросоюза, выступили с совместным обращением к органам государственной промышленности и кооперации, призывая их к дружескому сотрудничеству, а также согласились организовать совместную комиссию для урегулирования противоречий и споров, возникавших между ними. На этот раз, вероятно, жалобы были не только с одной стороны. Хинчук признал, что некоторые кооперативные органы установили для себя слишком широкие полномочия; одна из задач заключенного соглашения состояла в том, чтобы ограничить процент надбавок на оптовые цены, которые устанавливали торговые организации⁶¹.

Представитель оппозиции выступил в журнале Госплана против косвенных мер, обязывающих промышленные организации продавать свою продукцию кооперации на льготных условиях. Эта форма «благоприятствования кооперации» и «протектирования одной конкретной хозяйственной организации за счет другой» была отвергнута промышленностью, поскольку она ощущалась кооперацией как «груз, отягчающий ее подъем»⁶².

Контроль над ценами был введен осенью 1923 г., чтобы преодолеть «ножницы», и проведение такой политики прежде всего обусловило необходимость создания Наркомвнуторга весной 1924 г. Новый комиссариат сразу же приступил к ужесточению механизма контроля, введенного три месяца назад СТО и Комвнуторгом⁶³.

В течение всего последующего периода борьба за контроль над ценами стала центральным пунктом всех хозяйственных вопросов. Было признано, что контроль на данной стадии нельзя одинаково применять по отношению ко всем видам товарной продукции, хотя именно такой контроль должен стать конечной целью планового социалистического хозяйства. Летом 1924 г. высказывались предположения о том, что осуществление контроля над ценами, установленными на промышленные товары, не представляет большой трудности. Формально это было правильное предположение, потому что основную часть промышленной продукции всех видов обеспечивала государственная промышленность, и казалось, что оно подтверждалось опытом 1923 г., когда цены на промышленные товары были принудительно снижены по диктату государственной политики, хотя механизмы контроля были гораздо слабее, чем год спустя. Контроль над сельскохозяйственными ценами требовал других обоснований и методов, нежели те, которые использовались в случае с промышленными ценами. Но и эта задача находилась, по-видимому, в 1924 г. в компетенции Наркомвнуторга, на который ВЦИК в октябре возложил обязанность контролировать деятельность, связанную с распределением продукции земледелия, а также следить за тем, чтобы «для каждого данного года существовал определенный уровень цен, который, с одной стороны, дает возможность сельскому хозяйству наиболее полно удовлетворить потребности своих членов, а с другой стороны, создает предпосылки для развертывания промышленности... и стабилизации цен на определенном уровне»⁶⁴.

Спад промышленных цен, который начался в октябре 1923 г. и позволил сократить «ножницы»⁶⁵, непрерывно продолжался, хотя и в меньшей степени, в течение всего 1924 г. Более эффективная организация, значительное расширение объема производства, а также установление стабильного денежного обращения способствовали тому, что политика государственного контроля оптовых цен проводилась в жизнь гладко и успешно. Раствор «ножниц» был максимальным, а промышленные цены самыми высокими в октябре 1923 г. Согласно официальным данным, на 1 декабря 1924 г. промышленные цены снизились в среднем на 27,4%, хотя, за небольшим исключением, даже они оставались на 50—100% выше, чем в 1913 г.⁶⁶ В своей речи на заседании ВСНХ 2 декабря 1924 г. Дзержинский сумел довольно деликатно обойти решение о замедлении промышленного роста, подробно и с оправданной гордостью говоря об успехах политики цен. Он предпринял редкий для того времени экскурс в область теории контроля цен: «Этот кризис действовал с автоматической точностью и заставил поставить перед нами во всем объеме вопрос об интересах промышленности и интересах всего народного хозяйства и увязке этой взаимной связи промышленности со всем народным хозяйством... Тогда мы усвоили ту мысль, что не всегда должна себестоимость определять цену, но, может быть, у нас цена должна

определять себестоимость, ибо то снижение, на которое пришлось пойти, показало, что себестоимость не есть нечто объективное, чего рабочий класс и его организации не могут переделать, что себестоимость складывается из элементов, зависящих и от воли рабочего класса и организаторов хозяйства».

Он заявил, что в период с 1 октября 1923 г. до 1 октября 1924 г. оптовые цены на промышленную продукцию снизились на 29%, в металлический и продовольственной отраслях это снижение достигло 35%, а в кожевенной — 33%. На 1 октября 1923 г. соотношение между индексами сельскохозяйственных цен и цен на текстильную продукцию составило 1:4,8; к 1 октября 1924 г. оно снизилось до 1:1,8. Больше того, спад промышленных цен и процесс закрытия «ножниц» продолжались и далее⁶⁷.

В этом списке успехов политики цен имелся, однако, один изъян. Даже тогда, когда ощущалась полная уверенность в том, что правительство может контролировать оптовые цены, контроль розничных цен все еще оставался слабым. В одном из своих призывов к планированию Струмилин писал: «Если мы сможем диктовать не только оптовые, но и розничные цены, как производителю, так и массовому потребителю, то задача преодоления нэпа будет разрешена»⁶⁸.

Но такая мечта была далека от осуществления. В течение всего этого периода спад розничных цен был значительно менее резким и в значительно меньшей степени был подвластен контролю, чем оптовые цены. На некоторые виды стандартной продукции, как, например, керосин, соль и сахар (первые виды товаров, на розничные цены которых была сделана попытка установить контроль)⁶⁹, разница между оптовыми и розничными ценами поддерживалась относительно стабильно. В октябре 1924 г. Лежава, бывший в то время народным комиссаром внутренней торговли, заверил ЦИК в том, что на основные товары массового потребления — керосин, сахар, спички и табак — были установлены твердые единые цены на всей территории Советского Союза⁷⁰. Но они составляли лишь исключение из общего правила. Несмотря на новое распоряжение относительно того, что владельцы магазинов обязаны придерживаться цен, установленных законом о розничной продаже⁷¹, соотношение между розничными и оптовыми ценами на 1 апреля 1924 г. составило 33,5%, а к ноябрю 1924 г. возросло до 45%, что в два или два с половиной раза превышало это соотношение в 1913 г.⁷² Преобладание частного капитала в сфере розничной торговли в значительной степени сводило на нет попытки регулировать их со стороны правительства. Каменев характеризовал расхождение оптовых и розничных цен на готовую продукцию как «новые ножницы, которые режут и нашу промышленность, и наши добрые отношения с крестьянством»⁷³; и крестьянин начал задавать вопрос правительству, почему оно контролирует цены на зерно и не контролирует цены на хлопчатобумажную ткань⁷⁴. Но при всех успехах в области регулирования опто-

вых цен чувствовалось, что правительство в скором времени решит и этот вопрос. На протяжении 1924/25 фин. г. потребительская кооперация много работала над тем, чтобы сократить разницу цен на свои потребительские товары⁷⁵. Летом 1925 г. соотношение между оптовыми и розничными ценами, как считали, снова было доведено в среднем до 33%⁷⁶.

Проблема сельскохозяйственных цен, которую прежде рассматривали как второстепенную, теперь стала камнем преткновения. Вплоть до августа 1924 г., когда был собран новый урожай, тенденция роста сельскохозяйственных цен приветствовалась, и ее рассматривали как дальнейшее свидетельство сокращения «ножниц». Но когда за сбором урожая не последовало ожидаемого снижения цен, Наркомвнуторг попытался сдерживать их, установив максимальные пределы, которые были гораздо выше, чем в предшествующем году, но ниже уровня рыночных цен в августе. Попытка провалилась. А в ноябре и декабре 1924 г. политика закупок зерна по твердым ценам полностью оказалась несостоятельной в результате конкуренции со стороны частного рынка⁷⁷. Однако эту неудачу, какой бы неприятной она ни была, приписывали событиям, связанным с неурожаем. Никаких немедленных выводов по поводу экономической обоснованности политики контроля над ценами не было сделано. Цены на зерно продолжали расти в последующие месяцы, а промышленные цены оставались стабильными или же падали, тем самым сжимая «ножницы», образовавшиеся в 1923 г. В середине лета 1925 г. на фунт ржи можно было в среднем купить приблизительно такое же количество промышленных товаров массового потребления, как и в 1913 г.⁷⁸ Это был период, когда партия и правительство проводили твердую политику поддержки обеспеченности крестьянина, стремясь к тому, чтобы рост цен на зерно не воспринимался как повод для серьезного беспокойства, и даже промышленность продолжала развиваться благодаря наличию щедрого кредита. Снова высказывались предположения (такой сильный и устойчивый след оставил после себя кризис «ножниц») о том, что впереди маячит основная опасность, которая связана с крахом цен на зерно после сбора урожая. Твердые цены к этому времени дискредитировали себя. Однако необходимо было придерживаться «директивных» цен, чтобы поддерживать цены в целом в разумных пределах⁷⁹.

Обстановка после сбора урожая поколебала эти ожидания, и сельскохозяйственные цены постепенно, а иногда и резко, продолжали расти с сентября 1925 г. до лета следующего года. Но к этому моменту ситуация радикально отличалась от ситуации предшествующего года. Промышленные цены впервые начиная с лета 1923 г. также начали расти, притом более быстрыми темпами, чем сельскохозяйственные, что позволило высказать мнение о частичном «раздвижении ножниц вновь»⁸⁰. В долговременной перспективе весь процесс можно было рассматривать как падение покупательной способности рубля, вызванное началом кредитной

и денежной инфляции⁸¹, но непосредственным симптомом этого явления оказалось новое резкое увеличение разницы между оптовыми и розничными ценами, которая после достижения низкого уровня 33% летом 1925 г. начала снова расти в августе. В октябре 1925 г. эта разница составляла 47%⁸², и ситуация казалась критической. В печати было опубликовано подписанное Дзержинским постановление ВСНХ для всех хозяйственных органов, в котором указывалось на необходимость положить конец «вахханалии роста розничных цен», а также распоряжение органам ОГПУ, тоже подписанное Дзержинским, которое должно было содействовать соблюдению закона путем жестких мер по борьбе со спекулянтами⁸³. Однако с ростом признаков инфляции розничные цены вскоре полностью вышли из-под контроля. «Хлебные цены высоки, но промышленные цены на селе еще выше. Гвоздь именно в этом»⁸⁴. «Правда», отмечая нехватки промышленных товаров, характеризовала высокие цены на сельскохозяйственную продукцию как основные «экономические трудности» на данный момент и открыто заявляла об инфляции⁸⁵. Совещание в Наркомторге⁸⁶ в марте 1926 г. приняло решение о создании Центральной комиссии цен и подчиненных ей местных комиссий, которые должны были заниматься вопросами, связанными с ростом розничных цен, хотя их полномочия и, что еще более важно, задачи, по всей видимости, оставались неопределенными⁸⁷. Считали, что весной 1926 г. розничные цены превышали оптовые в среднем на 60%, что обеспечивало высокие прибыли тем, кто был занят в торговле⁸⁸.

На Пленуме Центрального Комитета партии в начале апреля 1926 г. была сделана слабая попытка разрешить эту проблему. Участники пленума отмечали как «увеличение общего уровня цен», так и «резкое расхождение между оптовыми и розничными ценами». Это объяснялось частично увеличением спроса на промышленные товары в деревне, последовавшим за хорошим урожаем, снижением сельскохозяйственного налога и высокими ценами на сельскохозяйственную продукцию, а частично ростом спроса в городах, вызванного повышением заработной платы и ростом численности рабочих, занятых в промышленности, в особенности тяжелой. Таким образом, основная трудность была сопряжена с нормами инвестирования в тяжелую промышленность, которая не обеспечивала непосредственного результата в виде потребительских товаров, что позволило бы сбалансировать рост фонда заработной платы. Но как всегда легче установить диагноз болезни, чем найти средство лечения. Резолюция не могла пойти дальше, чем настаивать на «необходимости добиться решительного понижения розничных цен» и потребовать, чтобы «внимание профсоюзов, госпромышленности, госорганов торговли и особенно кооперации» было сосредоточено на решении этой задачи⁸⁹. Несколько дней спустя в своей речи в ЦИК Рыков подтвердил это ходовое мнение, отметив, что «главная опасность, которая грозит нашему хозяйству,— это чрезмерный рост розничных

цен»⁹⁰. Лишь немногие мечтатели и экстремисты придерживались мнения о необходимости преднамеренного использования цен в качестве орудия, способствующего росту накоплений и изменению хозяйственного положения; и эти сигналы тревоги лишь указывали на существование долговой проблемы советской экономики, не предполагая ее решения.

б) Внешняя торговля

Впервые удалось разработать четкий план или политику внешней торговли в 1922/23 фин. г., когда хороший урожай сделал возможным скромный экспорт зерна впервые после революции, а подготовка к стабилизации валюты заставила Наркомфин обратить серьезное внимание на важность активного торгового баланса. В течение этого года был намечен план, предусматривавший экспорт на сумму 210 млн. товарных рублей; этот план был выполнен, хотя и с большими отклонениями по отдельным видам товаров⁹¹. В пересчете на довоенные цены, однако, общая стоимость экспортируемой продукции достигла всего 133 млн. рублей, или меньше 10% довоенного уровня. Объем сельскохозяйственной продукции составил 65% валового экспорта, строительного леса и лесоматериалов — 16,8%, а нефти — 11,4%; доля других видов продукции была ничтожной⁹². Объем экспорта превышал объем импорта в 1922—1923 гг. на 23 млн. рублей, хотя в пересчете на довоенные цены (когда цены на зерно были ниже, а на промышленные товары выше) эти цифры свидетельствовали о дефиците в 14—15 млн. рублей⁹³, что касается импортных закупок в тот год, 53% поступило в распоряжение промышленности, а в распоряжение железнодорожного транспорта, почты и телеграфа — 11,7%⁹⁴. В целом 70% импортных поставок в 1922—1923 гг. шло на удовлетворение потребностей промышленности, и это было большим шагом вперед по сравнению с предыдущим годом, когда 60% импортной продукции шло на потребительский рынок, включая продовольствие⁹⁵.

На 1923/24 фин. г. план экспортно-импортных поставок впервые был принят 7 сентября 1923 г., то есть до начала хозяйственного года, и дважды пересмотрен в феврале и июне 1924 г. В своем окончательном виде он предусматривал объем экспорта на сумму 428 млн. рублей и импорта на сумму 334 млн. При этом активный баланс рассматривался в качестве важного фактора политики стабилизации валюты. Показатели экспорта и импорта фактически значительно превысили цифры, предусмотренные планом, и составили 522 и 439 млн. рублей соответственно⁹⁶. Поддержание второй год подряд активного торгового баланса существенно способствовало психологическому настрою на стабилизацию валюты. Из общего объема экспорта сельскохозяйственная продукция составила 75%⁹⁷. Она включала значительные поставки зерна, прежде

всего ржи; только в 1930—1931 гг. Советский Союз был в состоянии снова экспортировать такой большой объем зерна. Лесоматериалы и нефть продолжали оставаться теми несельскохозяйственными товарами, экспорт которых был самым значительным. Из числа импортных поставок почти 75% шло на нужды промышленности, в основном они включали сырье и полуфабрикаты⁹⁸. Фактически в эти годы формировалась структура советской внешней торговли. Импортная продукция использовалась для удовлетворения наиболее насущных нужд промышленности и потребительского рынка; процессы переоснащения, основанные на внедрении новой техники, практически еще не начались. Экспортные поставки, необходимые для финансирования импортной продукции и поддержания платежного баланса, представляли собой в основном сельскохозяйственную продукцию и, следовательно, зависели от хороших урожаев. Сложилась опасная ситуация, которую Красин тщетно пытался исправить с помощью политики компромисса с иностранным капиталом. Но после того как обращение Красина на XII съезде партии в 1923 г. не получило поддержки⁹⁹, вопрос об иностранных займах больше не рассматривался в качестве составной части практического политического курса. Проводилась политика иностранных концессий, но в масштабах, не способных повлиять на торговый баланс. Импортную продукцию необходимо было оплачивать за счет экспорта.

Планы на 1924—1925 гг. разрабатывались в духе возрастающего оптимизма. Стабилизация валюты и быстрый рост производства должны были сопровождаться также расширением внешней торговли: увеличение поставок сырья и оборудования для промышленности нуждалось в финансировании за счет расширения сельскохозяйственного экспорта. Частичные неудачи, связанные с неурожаем, нанесли удар по этим надеждам. Объем экспорта зерна в 1924—1925 гг. снизился почти вдвое по сравнению с предыдущим годом; и хотя этот дефицит был восполнен за счет увеличения экспорта льна, строительного леса, нефти и марганцевой руды, цены на лен и строительный лес на мировом рынке резко упали, а валовая стоимость экспорта возросла всего с 522 млн. рублей в 1923—1924 гг. до 558 млн. в 1924—1925 гг. Программа импорта продолжала форсироваться в связи с необходимостью импортных закупок зерна и сахара в первые месяцы 1925 г., а общий объем импорта в тот год вырос до 720 млн. рублей, что привело к образованию пассивного баланса на сумму 162 млн. рублей. Среди импортных товаров стоимость машин и инструментов для промышленности достигла скромного уровня — 48 млн., а сельскохозяйственных машин и инструментов — 40 млн.; оба эти показателя выросли более чем в три раза по сравнению с предыдущим годом¹⁰⁰.

Скромное увеличение рыночной стоимости даже в неурожайный 1924/25 фин. г. вселило надежду на более ощутимые успехи после ожидаемого хорошего урожая 1925 г. А плановые органы,

впервые опубликовавшие «контрольные цифры народного хозяйства» в августе того года¹⁰¹, еще более укрепили эти надежды. Ограничиваясь торговлей с Европой и Западом (цифры, относящиеся к торговле со странами Азии, оставались неполными и ненадежными)¹⁰², они оценили фактический объем экспорта 1924—1925 гг. на чрезмерно низкую сумму в 462 млн. рублей и прогнозировали его увеличение в 1925—1926 гг. до 1100 млн. рублей; из этой суммы объем экспорта сельскохозяйственной продукции должен был составить 950 млн. рублей, превысив соответствующую цифру 1924—1925 гг. более чем в два с половиной раза. Это могло бы позволить довести импорт до 950 млн. рублей и в то же время ликвидировать пассивный баланс, который существовал в предшествующем году. Эти безусловно преувеличенные цифры оправданны, если сравнивать их с показателями довоенного уровня. В 1924—1925 гг. когда промышленное производство достигло 70%, а сельскохозяйственное — 71% от довоенной стоимости, внешняя торговля составила всего 24%. Осторожный в своих высказываниях Красин отмечал, что такое расхождение частично объясняется общим спадом уровня международной торговли, а частично снижением доли советского зерна, поступившего на рынок, но он верил в то, что этот разрыв можно будет сократить¹⁰³.

Цифры Госплана на 1925/26 фин. г. все еще оставались почти в два раза ниже, чем показатели внешней торговли в 1913 г., хотя ожидалось, что объем сельскохозяйственного и промышленного производства достигнет почти 90% от валового объема 1913 г.¹⁰⁴ Они тем не менее оказались ошибочными. Неожиданные трудности, с которыми столкнулись государственные органы в ходе сбора зерна¹⁰⁵, лимитировали объем, предначиненный на экспорт, а снижение цен на мировом рынке в сентябре и октябре 1925 г. сделало экспорт невыгодным¹⁰⁶. Сокольников, будучи ярким защитником финансовой ортодоксальности, стал выразителем интересов тех, кто выступал за снижение объема импорта соответственно снижению экспорта, настаивая даже в этот неблагоприятный момент на том, что необходимо поддерживать активный торговый баланс для пополнения истощенного золотого запаса¹⁰⁷. Против такого аргумента, видимо, невозможно было возразить. Программы импорта были резко сокращены, а плановые цифры экспорта и импорта снизились до 720 млн. и 625 млн. рублей соответственно¹⁰⁸. В конце концов объем экспорта оказался ниже установленного уровня и составил всего 670 млн. рублей, в то время как объем импорта увеличился до 735 млн.¹⁰⁹ Пассивный баланс в 65 млн. рублей, хотя и вдвое ниже, чем в 1924—1925 гг., продолжал оставаться существенным и способствовал ослаблению валюты весной и летом 1926 г.¹¹⁰

Вопросы, связанные с организацией внешней торговли, неизменно стояли в центре внимания дебатирующих сторон в те годы. Настойчивая и успешная защита Лениным монополии внешней

торговли в последние месяцы его активной жизни освободила эту институцию от открытого возобновления нападков на нее¹⁴¹. Однако признание монополии внешней торговли не устраняло посягательств на исключительное право народного комиссариата внешней торговли (Внешторг) вести торговлю с иностранными торговыми организациями. Уже в марте 1922 г. Центросоюз обеспечил себе формальное признание своего права на торговые операции за рубежом¹⁴². Декретом от 16 октября 1922 г.¹⁴³ в принципе были сделаны уступки в отношении других экономических органов, которые претендовали на право в общих рамках политики Внешторга вести прямые торговые операции с иностранными покупателями и продавцами. Месяц спустя были созданы условия для предоставления лицензий на внешнеторговые операции кооперативам, а также смешанным компаниям, использующим иностранный капитал¹⁴⁴. Еще через месяц Троцкий, отвергая общие нападки на монополию внешней торговли, вместе с тем привел доводы против предложения о дальнейшем ограничении права для трестов и синдикатов на самостоятельные представительства за рубежом¹⁴⁵.

С первых дней существования Внешторга была проведена четкая грань между административной деятельностью, которая мало чем отличалась от других народных комиссариатов, не представляя особой сложности, и функциональной, осуществление которой зависело от наличия технического штата работников, имеющих опыт работы в торговле и бизнесе. Внешторг, подобно другим союзным комиссариатам, имел своего полномочного представителя при Совнаркоме каждой союзной республики, а деятельность, связанную с операциями по закупке и продаже на внутреннем рынке, выполняли государственные торговые организации (госторги), основанные во всех республиках и находившиеся под контролем этих представителей¹⁴⁶. Внешторг был представлен в столицах крупных зарубежных государств своими торговыми представительствами (торгпредствами). Такая же грань была проведена между административными и оперативными отделами торгпредства, и, хотя эти различия практически не ощущались в более мелких торгпредствах, в Париже и Лондоне функции этих отделов были четко разграничены¹⁴⁷. Никаких исключений не допускалось в отношении административных аспектов деятельности, а также аспектов, определявших торговую политику Внешторга. Однако его полномочия, связанные с контролем за операциями по купле и продаже, широко и постоянно оспаривались. Основным аргумент состоял в том, что тресты и синдикаты, имевшие дело с определенными видами продукции, могли более квалифицированно вести переговоры по закупке и продаже интересующей их продукции, чем неспециализированные торговые органы Внешторга и торгпредств, на которых неизбежно лежала печать бюрократии. В качестве наиболее благовидного предлога многие «товарищи», которые близко стояли к производству, предлагали следующее: «Дай-

те нам возможность самим поехать за границу и купить то, что нам нужно. Нам не нужны никакие бюрократические органы»¹¹⁸. Если логически развить этот довод, можно сделать вывод, что он противоречит принципу монополии в целом. Но излагаемый в сдержанных выражениях и подчеркивающий лицемерную преданность главному руководству Внешторга, этот аргумент казался убедительным. Его правоту подтверждали бесчисленные истории, свидетельствовавшие о некомпетентности Внешторга и его работников. Развертыванию этой кампании способствовало изолированное положение Красина в партии, в особенности после смерти Ленина, а также предрассудки, легко настраивавшие людей против него как человека буржуазного происхождения, ведущего западный образ жизни и идущего на уступки капиталистам.

Раздутые штаты Внешторга, где общая численность работников увеличилась с 18 900 на 1 мая 1924 г. до 24 700 человек на 1 октября 1925 г., попали под обстрел критики¹¹⁹. В частности, торгпредства за рубежом превратились в объект сплетен и скандалов. Посты в них, которых, как считали в то время, страстно домогались представители золотой партийной молодежи, а также пользовавшиеся особым расположением нэпманы, распределялись в основном по принципу nepотизма¹²⁰, открывая неограниченные возможности для потворствования буржуазным вкусам, а также другим гораздо более прямым формам коррупции.

Находясь в затруднительном положении из-за своего невысокого положения, с точки зрения партийных кругов, а также подозрений, легко вызываемых характером деятельности, Внешторг всегда вынужден был вести борьбу за сохранение своей монополии и принципов планирования внешней торговли против нападков со стороны торговых организаций. Даже лица, не входившие в ограниченный круг представителей, которым было поручено вести торговые операции с иностранными фирмами, оказывались вне контроля и проявляли самостоятельность, исходя из собственных интересов в решении вопросов, представлявших для этих лиц большой интерес. В 1920 г., когда на транспорте еще оставалась очень сложная ситуация, делегация путейцев во главе с инженером-железнодорожником Ломоносовым посетила страны Западной Европы. Впоследствии Красин критиковал миссию Ломоносова, «выдавшую за границей заказы на многие десятки миллионов рублей без всякого согласования с планом и ресурсами государства, при грубом нарушении интересов нашей промышленности, а иногда, как при заказе на рельсы, и на очень невыгодных условиях». Зимой 1923/24 г. Ногин, директор текстильного треста, энергичный и влиятельный деятель партии, совершил поездку в Соединенные Штаты Америки (где Внешторг еще не имел своего представительства), сделал крупные закупки хлопка и основал в Нью-Йорке акционерную компанию с использованием советского капитала, получившую название «Всероссийский текстильный синдикат», не проконсультировавшись ни с Внешторгом, ни с Нар-

коминделом¹²¹. Красин продолжал отрицать, что «даже с точки зрения технического исполнения той или иной операции был бы какой-нибудь смысл передавать это дело в руки отдельных гос- и хозорганов». Он утверждал, что, будучи индивидуалистами, представители этих органов совсем не обязательно в своей основе должны быть более компетентными, чем представители Вннешторга, и в итоге тот факт, что монополия внешней торговли вызвала такую ненависть в капиталистических кругах, есть наилучшее свидетельство важности сохранения ее во всей полноте¹²². К 1924 г. даже совместные компании с участием иностранного капитала потеряли свою значимость: «Сам Вннешторг и кооперация все более и более овладевают техникой внешней торговли»¹²³.

Растущая роль внешней торговли в народном хозяйстве, перспективы на высокий урожай в 1925 г., которые должны были способствовать ее дальнейшему расширению, кампания, направленная на развертывание тяжелой промышленности, и новый акцент, сделанный на принцип планирования, — все это усиливало нетерпимость к двусмысленной позиции Вннешторга. Можно было слышать жалобы на торговые организации, получавшие прибыли в результате заключения внешнеторговых сделок, что приводило к дальнейшему росту цен¹²⁴. В 1924—1925 гг. была предпринята попытка пересмотреть список организаций, которым СТО предоставил лицензии на ведение внешней торговли. Из него исключили Донуголь, Азнефть, Грознефть и ГУМ и внесли Лесозэкспорт (созданный по аналогии с Хлебэкспортом) и Маслоцентр¹²⁵. Есть основание полагать, что именно Красин почувствовал необходимость рассмотреть этот вопрос. В конце июля 1925 г. в своих тезисах он кратко охарактеризовал принципы и направленность деятельности Вннешторга, выступая в его защиту. В тезисах Красин довольно ловко провел связь между нападками на Вннешторг со стороны «белогвардейской эмиграции и заграничной печати» и аналогичными нападками со стороны «нарождающихся кулацких элементов» в Советском Союзе в борьбе против Советской власти, решительно отождествляя Вннешторг с теми, кто поддерживает планирование: «Монополия внешней торговли подразумевает единый государственный импортно-экспортный план Союза, вырабатываемый плановыми органами НКВТ при участии всех заинтересованных ведомств, утвержденный Госпланом и СНК и увязываемый на основе учета потребностей всего народного хозяйства, а также экспортных и валютных ресурсов Советского Союза». Именно поэтому «передача внешних торговых функций от Вннешторга в руки значительного числа других, хотя бы тоже государственных хозяйственных органов... на практике и в действительности повела бы к нарушению монополии внешней торговли». Вместе с тем этот принцип ни в коем случае не исключает возможности предоставления подчиненным организациям Вннешторга права на проведение самостоятельных торговых операций от своего имени и на комиссионной основе при условии, что

будут приняты меры, предотвращающие конкуренцию между организациями, совершающими куплю или продажу на международном рынке. Нужно дать больше свободы торгпредствам и торговым организациям в назначении цен и заключении торговых сделок за рубежом¹²⁶.

Этот документ был представлен на рассмотрение Центрального Комитета партии в сентябре 1925 г. и вызвал там широкую дискуссию 5 октября. Куйбышев, председатель Центральной контрольной комиссии, который в этот период выдвигался как надежный партийный деятель, специалист по спорным финансовым и экономическим вопросам, подготовил проект. Он был принят за основу резолюции и передан на доработку комиссии, состоявшей из некоторых членов Центрального Комитета, местных партийных работников и руководителей Внешторга. Окончательный текст проекта резолюции был одобрен Политбюро и опубликован в «Правде» от 6 ноября 1925 г.¹²⁷ В резолюции подтверждалось, что ведение внешней торговли должно осуществляться «через специально созданный орган (НКВТ)». Особое внимание в резолюции уделялось роли внешней торговли в развитии сельского хозяйства и промышленности: «Целый ряд решающих отраслей сельского хозяйства в настоящее время (культура пшеницы, ячменя, кукурузы, льна; маслоделие, птицеводство, животноводство и пр.) может развиваться дальше в значительной степени при условии обеспечения расширяющегося сбыта на мировом рынке. С другой стороны, расширение проблемы основного капитала для нашей промышленности тесно связано с дальнейшим развитием внешней торговли».

Торговля, однако, стала носить более специализированный характер и требовала к себе соответствующего отношения. Чтобы решать важные проблемы импорта и экспорта, желательно было учредить специализированные компании, ассоциации или синдикаты. Организация таких компаний должна была быть поручена Внешторгу и подтверждена СТО. Этот пункт резолюции рассматривался как важное новшество, отвечавшее в какой-то степени интересам тех, кто выступал за децентрализацию внешней торговли¹²⁸. Однако на практике никаких радикальных перемен не произошло, и, хотя формулировка была облечена в форму, которая должна была отвечать интересам всех, резолюция прежде всего оберегала интересы Внешторга¹²⁹.

Однако это не положило конец обеспокоенности Красина. Его настроения были выражены в опубликованной им длинной статье в журнале СТО на следующий день после публикации резолюции. Вероятно, это случайное совпадение. Красин признал, что к принципу монополии внешней торговли относятся как к священному. Однако «это неоспоримое признание самого принципа скрывает в себе большие опасности разных обходных и замаскированных движений и маневров»¹³⁰. Один из таких маневров быстро достиг решающей стадии. 18 ноября 1925 г. был издан декрет об объеди-

нении двух торговых комиссариатов в один народный комиссариат внешней и внутренней торговли (Наркомторг) ¹³¹. Эта мера была логическим шагом, в защиту которого выступал Госплан уже с первых дней создания народного комиссариата внутренней торговли ¹³². Официально эти изменения объяснялись ростом значимости внешней торговли в хозяйстве страны, а также необходимостью координировать потребности внешней и внутренней торговли. Бывший народный комиссар внутренней торговли Лежава добавил, что эта мера была гарантией против «экспортных уклонов» — решимости экспортировать во что бы то ни стало без учета потребностей общества ¹³³. Если некоторые представители торговли надеялись, что это объединение приведет к проникновению частного предпринимательства в сферу внешней торговли — «НЭП во внешней торговле», — то эти надежды были обречены на провал ¹³⁴. Самым очевидным изменением явилось смещение Красина с его поста в Совнаркоме. На пост нового народного комиссара торговли был назначен Цюрупа, а бывшие комиссары внешней и внутренней торговли, Красин и Шейнман, — его заместителями ¹³⁵. Красин, полпред во Франции с октября 1924 г., был к этому времени переведен в Лондон и должен был пребывать в течение оставшихся двенадцати месяцев своей жизни за рубежом. Но это не было новостью. После смерти Ленина Красин не пользовался особым расположением партийных лидеров и поэтому не мог заниматься никакими другими вопросами, кроме вопросов внешней торговли, и даже здесь его полномочия оспаривались.

Но если враги Красина считали, что ликвидация отдельного комиссариата внешней торговли будет началом радикального изменения политики, то их ждало разочарование. Фундамент, заложенный Красиным в основание Внешторга в период с 1920 по 1925 г., оказался настолько прочным, что его невозможно было расшатать. Потеря руководящего поста и последовавшая год спустя смерть Красина в Лондоне не привели к ослаблению, а, наоборот, укрепили монополию, в создание которой он вложил свой труд. Через месяц после объединения комиссариатов XIV партийный съезд подтвердил установку на промышленное развитие и решимость сделать Советский Союз (по словам Сталина) «независимой экономической единицей» ¹³⁶, а это означало в итоге не только поддержку принципа планирования, но и более строгий контроль за политикой экспорта и импорта. Резолюция Политбюро от 21 января 1926 г. определила процесс накопления запасов основных видов торговой продукции как меру защиты от колебаний цен и отрицательного воздействия рыночной конъюнктуры ¹³⁷. При существовавших нехватках этот проект был утопией, однако он свидетельствовал об определенном понимании проблем внешней торговли. В конце концов в апреле 1926 г. Центральный Комитет партии принял резолюцию о хозяйственной политике, которая, хотя и не внесла ничего нового в сферу внешней торговли, содержала несомненное признание ее значимости. «Темп расши-

рения основных капиталов и переоборудования промышленности, равно как повышение техники и интенсификация сельского хозяйства, в сильнейшей степени зависит от успешного развития наших экспортных операций и ввоза из-за границы необходимого оборудования, сырья и полуфабрикатов для промышленности и сельскохозяйственных орудий для земледелия. Поэтому развитие экспорта является также необходимым условием индустриализации страны и ускорения темпа развития промышленности»¹³⁸. Победа в борьбе за укрепление монополии внешней торговли была окончательно одержана, когда XIV партийный съезд проголосовал за самообеспеченность и интенсивную индустриализацию.

Теоретические задачи, связанные с расширением советской внешней торговли, не привлекали широкого внимания в то время. Независимо от того, верят ли капиталисты в экономические преимущества международного разделения труда применительно к отношениям между капиталистическими странами и страной, стремящейся создать социалистическое хозяйство, или нет, бесспорен был тот факт, что быстрое построение социализма в Советском Союзе зависело от широкого импорта капитального оборудования из более развитых стран и, следовательно, также от наличия выгодных рынков в этих странах для советских товаров. Троцкий в своей статье «К социализму или к капитализму?» осенью 1925 г. впервые отметит неожиданную общность интересов у капиталистических стран и Советского Союза в поддержании уровня процветания в целом: «Торгово-промышленный кризис в Европе, а тем более во всем мире может отразиться кризисной волной у нас. Наоборот, в случае значительного торгово-промышленного подъема в Европе немедленно должен возрасти спрос на лес и лен как необходимое для промышленности сырье и на хлеб, на который население Европы при улучшении конъюнктуры представляет более высокий спрос... Получается такое положение, что мы, как хозяйствующее государство, заинтересованы, по крайней мере в известных пределах, в улучшении конъюнктуры в капиталистических странах»¹³⁹.

Троцкого отнюдь не смущал факт «противоречий, присущих нашей так называемой хозяйственной политике», для которой внутри страны и за рубежом было свойственно в определенной степени сотрудничество между социализмом и капитализмом и одновременно обострение борьбы между ними. Он не анализировал потенциального влияния такого сотрудничества на советскую внешнюю политику. И другие тоже не стремились разобраться в этом вопросе. Пока было достаточно того, что внешняя торговля вносила важный вклад в развитие индустриализации.

Большое внимание уделялось в этот период обеспечению условий для предоставления концессий иностранному капиталу. Первоначально в апреле 1922 г., накануне конференции в Генуе, был учрежден Главный концессионный комитет, подчиненный СТО¹⁴⁰;

и ни провал переговоров с западными державами, ни драматический отказ от урквартской концессии осенью того года¹⁴¹ не рассеяли надежд на конечный успех проводимой политики. В 1923 г. комитет стал непосредственно подчиняться Совнаркому¹⁴². В состав торговых делегаций в Берлине и Лондоне вошли концессионные комитеты¹⁴³. В 1925 г. снова возрос интерес к иностранным концессиям. В Париже и Риме к торгпредствам были прикреплены концессионные комитеты¹⁴⁴, а в составе Главного концессионного комитета была образована постоянная комиссия в Москве «по наблюдению за выполнением концессионных договоров»¹⁴⁵. 1925 год был отмечен двумя впечатляющими успехами в концессионной политике: концессия Ленских приисков и гарримановская марганцевая концессия на Кавказе¹⁴⁶.

Иностранные концессии так и не смогли оправдать грандиозные надежды, которые сначала на них возлагались, или сыграть важную роль в советском хозяйстве. Ситуация, сложившаяся весной 1925 г., иллюстрируется цифрами трех предыдущих лет:

Годы	Полученные предложения	Заклученные соглашения
1921—1922	338	18
1923	607	44
1924	311	26

В сравнении с этими цифрами в первые четыре месяца 1925 г. было получено 30 предложений и заключено всего лишь три соглашения. Первое место в этом списке занимала Германия, которая получила 43% предложений и заключила 24,2% соглашений; за ней следовали Великобритания, США и Франция. Примерно 40% концессий можно охарактеризовать как «промышленные» (включая горнодобывающую промышленность и лесоводство), остальные связаны с сельским хозяйством, транспортом и торговлей¹⁴⁷. Большие расхождения наблюдались между различными официальными данными по капиталовложениям в концессии и доходам, полученным от них. Согласно одному из авторитетных отчетов, государственные доходы от концессий составили 14 млн. рублей в 1923—1924 гг. Но в последнем квартале 1925 г. Каменев оценил доход текущего года на сумму не более чем в 4 млн. рублей, из которых 1,2 млн. рублей должно было поступить от гарримановской концессии¹⁴⁸. Одобрение XIV партийным съездом политики интенсивной индустриализации на основе принципа самообеспеченности страны совпало с ростом понимания того, что политика концессий не сумела обеспечить привлечение достаточного объема иностранного капитала на условиях, приемлемых для советского режима.

ГЛАВА 9

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ

В сфере финансов кульминация НЭПа была отмечена денежной реформой. Она явилась логическим следствием возвращения к свободе торговли и денежной экономике, преимуществами которых нельзя пользоваться в полной мере, не имея устойчивой валюты. Она увенчала также политику уступок крестьянину, который вынес на своих плечах основную тяжесть как прямых, так и косвенных последствий безудержного обесценения валюты. Ее непосредственные результаты, как и результаты введения НЭПа самого по себе тремя годами ранее, оказались почти во всем благоприятными и быстро заставили замолчать тех, кто сначала отнесся к ней с недоверием или неодобрением. Она вселила во всех чувство уверенности, проложила путь удивительному оздоровлению и оживлению как сельского хозяйства, так и промышленности и впервые открыла серьезные возможности для планирования. В то же время оказалось существенным, что в момент введения устойчивой валюты, основанной на всеобщем золотом стандарте и благодаря этому защищенной от манипуляций государства, последнее было вынуждено восстановить контроль над ценами на товары первой необходимости. Силы, которые делали невозможным сохранение режима цен свободного рынка, в конечном счете должны были оказаться роковыми для режима свободного обмена и свободно конвертируемой валюты на твердой основе. Трудности еще предстояли. Но до этого все были охвачены чувством огромной гордости за величие достигнутого и не менее сильной решимостью принимать любые, даже самые неприятные меры, которые могут оказаться необходимыми, чтобы не уступить завоеванных позиций. Забота о стабильности валюты была доминирующим фактором финансовой политики в течение первого года реформы.

Введение стабильной валюты имело немедленные последствия для государственного бюджета: естественно, что основным аргументом противников реформы были предполагаемые трудности сведения бюджета в новых условиях. Бюджет на 1923—1924 гг. был сведен с остатком примерно в 1900 млн. рублей. Из общей суммы дохода 17,8% поступлений было результатом прямого налогообложения; 16,5% поступило в виде косвенных налогов (акциз, таможенные пошлины и другие виды сборов); 40,7% составили

неналоговые поступления (более трех четвертей этой суммы составляли, однако, поступления от транспорта, который был самостоятельной отраслью и включался в баланс по обеим статьям бюджета); наконец, 25% были получены из дополнительных источников, наиболее обильным из которых оказалась эмиссия денег на сумму 180 млн. рублей — довольно значительную, хотя и наполовину меньшую, чем в предыдущем году¹. Поскольку в 1924—1925 гг. не было возможности изыскать соответствующие ресурсы, а любой дефицит бюджета пришлось бы покрывать путем выпуска государственных займов, облигации которых приобретались неохотно, при составлении бюджета пришлось пойти на крайние ограничения. Сокольников, обращаясь к участникам финансовой конференции, состоявшейся в июле 1924 г., был настроен осторожно: «Вопрос о размере нашего бюджета в значительной мере является вопросом о размере обложения крестьянства, т. е. вопросом о пропорциональном сочетании государственного хозяйства и хозяйства крестьянского. Следуя опять тому, что подчеркивал тов. Ленин, следуя общей линии нашей партии, наша задача, задача финансового аппарата, оберегать, охранять возможность развития крестьянского хозяйства. Именно на основе этого роста крестьянского хозяйства может развиваться и государственный бюджет». Сокольников не верил в то, что деревня, или, иначе говоря, крестьянство, сможет вынести возросшее бремя налогов, и определил максимальную сумму бюджета на текущий год в размере 2100 млн. рублей — на 10% больше, чем в предыдущем году².

Работая в этих пределах, Наркомфин теперь определил так называемые контрольные цифры, или предварительные оценки на 1924/25 фин. г.³ Они были представлены в Совнарком в первые десять дней нового финансового года, утверждены им 14 октября 1924 г. и направлены Сокольниковым в ЦИК несколько позже в том же месяце. Хотя эти контрольные цифры и не составляли официального бюджета, но они служили прологом ко всему, что предпринималось в невзрачной истории советских государственных финансов. Сокольников мог похвастаться, что впервые после революции «мы имеем возможность в начале финансового года глядеть вперед». Кроме того, это был первый бюджет, позволивший охватить всю территорию СССР⁴. Из общей суммы бюджета, составлявшей 2100 млн. рублей, 843 млн. приходилось на долю транспорта и связи, сохраненным в госбюджете по чисто формальным причинам⁵.

Сумму основных доходов, полученных от налогообложения и достигших 46% всех доходов (или более 70%, если исключить транспорт и связь), составили 250 млн. от сельскохозяйственного налога, 70 млн. от подоходного налога, 120 млн. (из которых, однако, только 66 млн. было взято в союзный бюджет, а остальные средства были распределены между бюджетами местных органов власти) от промышленного налога и 300 млн. от акцизного сбо-

ра⁶. Отсюда следует, что самым крупным источником дохода было прямое налогообложение. «Советская система, — говорил Сокольников, — определенно опирается на путь развития прямых налогов», и он повторил аксиому, что «прямое налогообложение — это классовое налогообложение»⁷. Самыми большими статьями расхода оказались затраты на содержание центрального аппарата управления и административных органов на местах (400 млн. рублей) и на оборону (378 млн.). Другими заслуживающими внимания статьями расхода были 59,6 млн. рублей на нужды промышленности, 40 млн. на развитие сельского хозяйства, не считая 46 млн. на оказание помощи пострадавшим от недорода, и 37,9 млн. на «строительство и электрификацию». Ожидаемые расходы превышали ожидаемые доходы на 120 млн. рублей. Предлагалось покрыть дефицит за счет выпуска серебряной и медной монеты приблизительно на 80 млн. рублей, а также государственных займов. ЦИК одобрил эти «контрольные цифры» и поручил Наркомфину подготовить основанный на них официальный бюджет для повторного представления его Совнаркому и на одну из последующих сессий ЦИК. Он принял также новый декрет о реформе подоходного налога. Крестьяне, платившие сельскохозяйственный налог, и рабочие, зарабатывавшие меньше 75 рублей в месяц (в эту категорию входили в то время почти все работники физического труда), от уплаты подоходного налога освобождались. Прочие доходы делились на 17 категорий. Налог по самой низкой категории, для доходов меньше 500 рублей в год, составлял 10 рублей; те же, кто, получая 8 тыс. в год и более, попадал в высшую категорию, должен был платить 1500 рублей, а также по 300 рублей с каждой тысячи, полученной свыше 8 тыс. рублей⁸. Поимущественный налог, составлявший ранее часть подоходного налога в первоначальном его виде, был теперь отменен. После ввода этого налога в 1922 г. было потрачено немало сил, чтобы обложить им тех представителей бывших правящих классов, которые не получали дохода, а жили на средства, выручаемые от продажи имущества. Теперь эти люди практически исчезли, а поступления от обложения поимущественным налогом были столь незначительны, что не оправдывали расходов на его сбор⁹.

Решение, одобряющее предварительные цифры бюджета 1924—1925 гг., было довольно важным событием. Оно сопровождалось принятием 29 октября 1924 г. закона о бюджетных правах, смысл которого заключался в том, чтобы поставить ведомственные расходы под строгий контроль Наркомфина и не допускать, чтобы они превышали доходы. Отныне принцип сбалансированного бюджета прочно утверждался в советской практике. Функцией Наркомфина был анализ предварительных данных о намечаемых расходах, представляемых ведомствами на основе контрольных цифр, приведение их в соответствие с расчетной величиной дохода и сведение результатов по бюджетам республик (представлявших собой результат той же процедуры на республиканском уровне)

в единый союзный бюджет, который вместе с замечаниями Госплана направлялся на окончательное утверждение сначала в Совнарком, а затем в ЦИК¹⁰. Теперь в Советском Союзе была не только стабильная валюта, но и упорядоченная бюджетная система. Неугомонный Ларин сказал в этой связи, что «Наркомфин переживает теперь свой высший момент» и что пришло время, когда может установиться его «диктатура»¹¹. Как и большинство высказываний Ларина, данное высказывание оказалось в определенной степени пророческим.

Живучесть доходов от акциза, особенно на сахар и водку, а также увеличение поступлений от транспорта — все это были признаки расцвета — вскоре оправдали расширение бюджетных предположений. Как потом объяснил представитель Наркомфина, первоначальные контрольные цифры готовились летом 1924 г., до того как в полной мере сказались выгоды денежной реформы¹². Давление со стороны расходовавших средства ведомств, а также менее пессимистические выводы, делавшиеся теперь из последствий недорода, завершили процесс. Предварительные оценки увеличились на 180 млн. рублей и составили 2280 млн. рублей¹³. Однако настроения все еще характеризовались осторожностью, и лишь «после длительных прений» ЦК партии в январе 1925 г. дал санкцию на «расширение бюджета»¹⁴.

В то время было принято еще одно немаловажное решение. Оно было симптомом новой расстановки сил в советском хозяйственном механизме, и господству Наркомфина был нанесен первый открытый удар. В 1923 г. XII съезд партии одобрил преобразование народного комиссариата рабочей и крестьянской инспекции (Рабкрина) в орган, действующей совместно с Центральной контрольной комиссией (ЦКК) партии¹⁵, а Куйбышев, нарком Рабкрина, стал также и председателем ЦКК. Поскольку как Рабкрин, так и Наркомфин имели право контроля над деятельностью других ведомств, неудивительно, что за реорганизацией Рабкрина последовали разногласия с Наркомфином по поводу соответствующих контрольных функций двух органов¹⁶. В обстановке, когда господствовала общепринятая финансовая система, а престиж Наркомфина был в зените, эти разногласия разрешились в пользу Наркомфина. Рабкрин получил расширенные дисциплинарные права при проверке эффективности, правильности и честности действий администрации, но был освобожден от всех функций финансового контроля, которые были полностью оставлены за Наркомфином¹⁷. Теперь власть Наркомфина, казалось, не вызвала сомнений. Когда 29 октября 1924 г. был принят закон о бюджетных правах, была сделана оговорка о создании в каждой союзной республике бюджетной комиссии при ЦИК республики. Примечательно, что при союзном ЦИКе такой комиссии создано не было, ибо комиссия, отвечающая за составление бюджета, являлась ведомственным органом в рамках Наркомфина.

Эта ситуация дала наконец Куйбышеву, который был человеком Сталина и пользовался поддержкой его секретариата, возможность получить компенсацию за отстранение Рабкрина от финансовых дел. В январе 1925 г. ЦК партии решил, что должна быть создана и подчинена ЦИК комиссия по союзному бюджету, которая будет помогать этому величественному органу выполнять свою (до тех пор чисто формальную) функцию по контролю бюджета¹⁸. Это решение нашло выражение в двух указах президиума ЦИК от 7 марта 1925 г., содержавших список из 56 человек, включенных в комиссию. Затем в том же месяце было составлено положение о комиссии. В задачи комиссии входили анализ проекта бюджета после одобрения его Совнаркомом, выработка любых других рекомендаций относительно бюджета и подготовка доклада по бюджету для окончательного утверждения ЦИКом¹⁹. Немного спустя был подписан указ, которым Куйбышев официально назначался председателем комиссии (фактически он занимал этот пост с самого начала)²⁰. Через год число членов комиссии было увеличено до 96: из них 15 человек были представителями СССР, а остальные представляли союзные республики пропорционально численности населения, причем 47 членов комиссии представляли РСФСР²¹.

Сразу же стало ясно, что появился новый орган власти и что финансовая монополия Наркомфина нарушена, хотя это и не повлекло за собой никаких немедленных перемен в политике или в перспективных направлениях развития. Мартовская сессия ЦИК в 1925 г. состоялась в Тифлисе. Знаменательно, что Сокольников туда не поехал; вместо него там был представлявший Сокольников его заместитель Брюханов, и Куйбышев автоматически принял на себя обязанности основного докладчика по бюджету, представив ЦИКу подробный отчет от имени своей новой комиссии. Комиссия предложила несколько второстепенных поправок, приведших к увеличению бюджета, в результате чего его итоговая сумма выросла до новой высоты в 2360 млн. рублей. Но наиболее важные моменты в речи Куйбышева относились к будущему. Он предложил принять не «директивный», как в прошлые годы, а «твердый» бюджет, что связывало бы тех, чьей обязанностью было его исполнение²². Кроме того, он подчеркнуто выразил пожелание, чтобы в будущем бюджеты в большей степени основывались на неналоговых источниках дохода. ЦИК принял резолюцию, содержавшую поправки и утверждавшую бюджет²³.

На очередном выступлении перед активом Московской партийной организации Сталин с энтузиазмом говорил о принятых поправках к бюджету и вывел немаловажную мораль относительно политических методов, тогда еще только начинавших формулироваться в его сознании: «...Вы знаете, что в продолжение полугода мы должны были менять наш государственный бюджет трижды ввиду быстрого роста доходных статей нашего бюджета, не предусмотренного нашими сметными предположениями.

Иначе говоря, наши сметные предположения и наши бюджетные планы не поспевали за ростом государственных доходов, ввиду чего в государственной кассе оказались излишки. Это значит, что соки хозяйственной жизни нашей страны прут вверх с неуправляемой силой, опрокидывая все и всякие научные планы наших финансовых специалистов. Это значит, что мы переживаем не менее, если не более, мощный хозяйственный трудовой подъем, чем это имело место, например, в Америке после гражданской войны»²⁴.

Затем бюджет был представлен III Всесоюзному съезду Советов, состоявшемуся в мае 1925 г., и еще раз претерпел процесс пересмотра в сторону увеличения, после чего был утвержден в общей сумме 2558 млн. рублей, причем президиум ЦИКа было предоставлено особое право на дальнейший пересмотр бюджета в случае, если условия будут это оправдывать. Съезд также подтвердил на будущее принцип «твердых» ежегодных бюджетов²⁵. Наконец, в июле 1925 г. президиум ЦИК, воспользовавшись предоставленным ему правом, расширил общую сумму бюджета до 2876 млн. рублей по росту доходов главным образом за счет поступлений от акцизного сбора и промышленного налога, а по росту расходов — от предоставления сельскохозяйственного кредита, финансирования кооперативов, а также выделения ассигнований на программы электрификации и строительства²⁶. Никогда еще бюджет СССР открыто не обсуждался столь долго, столь часто и столь обстоятельно, как бюджет 1924—1925 гг., первый бюджет Союза, основанный на стабильной валюте. Редко какой бюджет вызывал столько энтузиазма и оптимизма. Это сыграло важную роль в повышении общей уверенности в своих силах летом 1925 г.

Когда позднее в баланс 1924/25 фин. г. были внесены коррективы, результаты свидетельствовали о быстром восстановлении народного хозяйства и государственных финансов. Даже после такой повысительной корректировки окончательные расчетные цифры были все же превзойдены. Сумма доходов составила несколько более 3000 млн. рублей, что позволило увеличить сумму расходов на общую сумму в 32 млн. рублей. Хотя прямое налогообложение принесло ту же долю доходов, что и в прошлом году, но доля акцизных сборов увеличилась с 10,4 до 16,9%; в основном благодаря этому налогообложение принесло уже 44,2% всех доходов по сравнению с 33,9% в предыдущем году. Доля хозяйственных предприятий связи, впервые обошедшихся без субсидий, оказалась несколько выше и составила 35,8%; доля же неналоговых доходов, которые составились главным образом из прибылей государственной промышленности и гослесхозов, увеличилась с 12,6 до 13,4%. С другой стороны, доходы от эмиссии денег совсем не отразились на бюджете, а доходы, извлекаемые из займов и кредита, стали пренебрежимо малы. Бюджет страны был впервые сведен без дефицита. Что касается расходов, то они

выросли главным образом за счет субсидий на сельское хозяйство, необходимых из-за неурожая 1924 г. (сумма субсидий достигла 171 млн. рублей), дотаций на жилищное строительство, роста расходов на социальные услуги, включая образование, а также дотаций бюджетам местных органов власти. Субсидии промышленности и расходы на содержание административного аппарата остались на прежнем уровне; на 10% выросли расходы на оборону²⁷. Основная цель бюджета 1924—1925 гг., которой удалось достичь, заключалась в обеспечении финансовой стабильности, необходимой для удовлетворения насущных требований — обеспечения текущего дохода. При составлении бюджета во главу угла пока еще обдуманно и сознательно не ставились экономические или политические цели. При составлении бюджета 1924—1925 гг. Наркомфин в последний раз был главным или единственным исполнителем.

Еще до того, как был принят бюджет на 1924—1925 гг., началось формирование бюджетного плана на 1925—1926 гг. Настроение безудержного оптимизма было порождено экономическим оживлением последних двенадцати месяцев. Бюджет 1924—1925 гг. был сведен без особого напряжения на треть выше первоначально рассчитанного уровня. И в будущем году с уверенностью ожидался дальнейший прогресс. Руководители тяжелой промышленности бурно требовали увеличения ассигнований из бюджета для финансирования ее развития, провозглашенного партией и правительством. На совещании наркомфинов союзных республик, состоявшемся в апреле 1925 г., Сокольников призвал к сдержанности. Хотя бюджет на 1924—1925 гг. не достиг еще 2500 млн. рублей, он выдвинул в качестве цели цифру в 3000 млн. рублей для бюджета 1925—1926 гг. Официальным указом от 3 июля 1925 г. Наркомфину поручалось представить Совнаркому проект «твердого» бюджета на 1925—1926 гг., а Госплану дать свои замечания по этому проекту не позже 1 октября 1925 г.²⁸

Теперь наиболее спорным вопросом становился источник будущих доходов. По давней партийной традиции, восходившей ко II съезду партии в 1903 г., все предпочтения отдавались прямому налогообложению, что и было подтверждено Лениным уже после революции²⁹. Тем не менее на эту традицию уже совершались серьезные посягательства. Нужда в новых налоговых поступлениях после введения НЭПа привела быстро к восстановлению акциза на спички, свечи, табак, вино, кофе, сахар и соль, причем особое возмущение вызвал налог на соль, отмененный царским режимом еще в 1881 г.³⁰ Сумма акциза из года в год росла³¹. В 1923 г. был введен акцизный сбор на текстиль и резиновые галоши³²; кроме того, вновь была введена монополия на водку³³. В 1924—1925 гг. акциз принес свыше 500 млн. рублей (хотя вначале ожидалось 300 млн.), причем монополия на водку, бывшая в то время яблоком раздора, принесла 178 млн. рублей³⁴. Опубликованная в

конце 1924 г. в издаваемом Наркомфином журнале статья призвала к «дальнейшему напряжению существующих ставок, в частности, тех акцизов, которые затрагивают и широкую массу крестьянства», с необычной откровенностью поясняя, что это единственный способ налогообложения бедного крестьянства: «...путем прямого налогообложения практически бесконечно трудно настичь слои населения, имеющие минимальные излишки, — здесь делу могут помочь лишь достаточно утонченные приемы более или менее универсального косвенного обложения»³⁵.

Весной 1925 г. политика умиротворения зажиточного крестьянина и нажим с целью снижения сельскохозяйственного налога могли привести только к одному выводу. Зиновьев, все еще бывший в тот момент поборником лозунга «Лицом к деревне», в этом выводе не сомневался:

«Мы приближаемся к тому времени, когда так или иначе крестьянство должно быть освобождено от прямых налогов... Неправильно было бы повторять теперь социал-демократические зады и говорить, что прогрессивный подоходный налог справедливее и лучше, чем косвенный»³⁶.

Сокольников продолжал вести маневренную оборону. «...Мы должны, — заявлял он, — отстаивать систему прямых налогов... как налогов, обеспечивающих возможность классового подхода, классовой политики»; все остальное означало бы «измену основным принципам социализма»³⁷. Однако на III съезде Советов СССР он застенчиво признал, что поступления от водки играют «роль довольно значительную» для бюджета, хотя и высказал намерение «в дальнейшие годы твердо ограничивать производство и потребление алкоголя»³⁸. Теперь, когда на состоявшейся в апреле XIV партийной конференции были приняты конкретные обязательства резко уменьшить сельскохозяйственный налог, подтвержденные в следующем месяце съездом Советов, стало очевидным, что никакой альтернативы нет. При испытываемом недостатке денег было бы донкихотством пренебрегать таким неиссякаемым источником дохода. Повышение цены на водку имелось в виду сгладить повышением ее крепости. Ограничения на крепость «рыковки» были быстро отменены: в 1924 г. она была повышена с 20 до 30°, а теперь поднялась до 40°³⁹.

Когда месяц спустя, в июне 1925 г., Сокольников изложил перед аудиторией специалистов Наркомфина проект бюджета, оказалось, что оптимизм в нем сочетается с реализмом. Теперь на рассмотрение предлагалась общая сумма бюджета в 3560 млн. рублей, что, по текущим оценкам, соответствовало превышению бюджета предыдущего года примерно на 1000 млн. рублей. Бюджетом предусматривалось, кроме увеличения расходов на оборону и содержание административного аппарата, выделение 140 млн. рублей на развитие сельского хозяйства, 85 млн. на нужды промышленности, 60 млн. на электрификацию и жилье и 25 млн. на кооперативное строительство. По доходам прямое налогообло-

жение должно было принести 568 млн. рублей (при этом учитывалось сокращение поступлений от сельскохозяйственного налога с 442 до 390 млн. рублей), косвенное налогообложение — 870 млн. (с учетом увеличения суммы акцизных сборов с 500 до 750 млн.), а пошлины и сборы — 130 млн. рублей; неналоговые поступления должны были, по расчетам, принести 1748 млн. рублей, из которых на долю транспорта и связи приходилось 1250 млн. Было ясно, что даже с учетом степени подготовленности аудитории предполагаемое увеличение дохода от продажи водки со 173 до 298 млн. рублей требует более подробных разъяснений. Никто не собирается, сказал Сокольников, воскрешать «пьяный бюджет» царской России; тем не менее, хотя производство спирта в текущем году не превысило $\frac{1}{5}$ довоенного уровня (у Карра — «5% довоенного уровня». — *Ред.*), в следующем году предусматривалось «жесткое ограничение» на уровне 15%. Было сочтено, что лучше «при невозможности воспретить пьянство по крайней мере заставить пьющих платить кое-что в госбюджет»⁴⁰. Тем не менее, как несколько недель спустя признал Сокольников, «это шаг назад, вынужденный шаг назад»⁴¹.

В соответствии с этими расчетами, бюджет на 1925—1926 гг., представленный Совнаркому Наркомфином осенью 1925 г., был сведен на общую сумму в 3778 млн. рублей⁴². К этому времени начал проявлять себя обычный нажим, направленный вверх, особенно в плане неотложных требований расширения и развития тяжелой индустрии, и после продолжительного и напряженного изучения Совнарком в январе 1926 г. утвердил бюджет в общей сумме 4000 млн. рублей. Рост доходов предусматривался за счет повышения цены на водку до полутора рублей за ведро (2,70 галлона), а также железнодорожных и почтовых тарифов⁴³. В сумме доходов, собранных в 1925—1926 гг., поступления от акциза увеличились до 840 млн. рублей, причем поступления от монополии государства на торговлю спиртным составили 364 млн.; потребление водки за этот год выросло в четыре раза.

В период зимнего кризиса 1925/26 г. после неожиданных затруднений с хлебозаготовками объем бюджета начал внушать некоторые опасения, и именно в этот требующий осторожности момент бюджет поступил на окончательное рассмотрение сессии ЦИК в апреле 1926 г. После длинных докладов Брюханова, заменившего Сокольникова в январе на посту народного комиссара финансов, и Куйбышева, председателя бюджетной комиссии ЦИК, бюджет наконец был утвержден в общей сумме 3900 млн. рублей⁴⁴. Предусматривалось, что налоговые поступления составят 1900 млн. рублей (включая 1150 млн. от косвенного налогообложения), а неналоговые — 2000 млн. (включая поступления от транспорта и связи). Брюханов, еще раз оправдываясь, признал, что сокращение доли доходов от прямого налогообложения означает отступление от «признака и принципа классовости», но не предложил никакой альтернативы. По расходам промышленность

должна была получить 155 млн. рублей (в том числе тяжелая промышленность — 107 млн.) по сравнению с 98 млн. в предыдущем году, сельское хозяйство — 158 млн. по сравнению со 147 млн. годом раньше⁴⁵. Выводы из бюджета были ясны, хотя считалось неудобным признавать их открыто. Было положено начало финансированию развития тяжелой промышленности, причем единственным способом, которым это можно было сделать при условии отказа от иностранных займов, — а именно путем вытягивания у крестьянства его доходов. Однако, учитывая доминирующее положение зажиточного крестьянина в экономике и его сопротивление любому существенному увеличению прямого налога, было признано необходимым пойти, пренебрегая социалистическими принципами, на косвенное налогообложение, которое в равной степени обременило все слои крестьянства. Бюджет 1925—1926 гг., сведенный на сумму в 4000 млн. рублей⁴⁶, был отмечен апогеем влияния кулака на финансово-бюджетную политику.

Серьезными недостатками государственных финансов были почти полное отсутствие источников ликвидного капитала и как следствие слабость кредита. Государственные займы этого времени были не чем иным, как реализацией в иной форме прямого налогообложения с целью привлечения в казну государства как можно большей части дохода государственных или частных предприятий. Маловероятно, чтобы попытки привлечения сбережений частных лиц и ликвидации таким образом избыточной покупательной способности имели успех в сколько-нибудь значительном масштабе или же без той или иной формы принуждения, а это фактически было бы возвращением к прямому налогообложению. Форма натурального кредита — «зерновые займы» 1922 и 1923 гг.⁴⁷ — исчезла после денежной реформы. За введением в феврале 1924 г. устойчивой валюты последовал новый 8-процентный золотой заем, облигации которого размещались исключительно по высокой нарицательной стоимости государственными организациями и учреждениями и переуступке не подлежали, а в следующем месяце был выпущен 5-процентный «крестьянский заем» с облигациями нарицательной стоимостью от рубля и выше, которые погашались тиражами с ноября 1924 г. по декабрь 1926 г. В апреле 1924 г. появился второй 6-процентный выигрышный заем, подлежавший оплате путем ежегодных розыгрышей в течение пяти лет с момента выпуска⁴⁸. Однако эти займы тоже не имели сколько-нибудь самостоятельного успеха, и вскоре подписка на них стала принудительной⁴⁹; подобным методом было реализовано облигаций на сумму около 60 млн. рублей до 23 февраля 1925 г., когда был принят очередной указ, еще раз накладывавший вето на обязательную подписку на заем⁵⁰. Те, кого удавалось убедить или заставить приобрести облигации, как правило, помещали их в банк в качестве ссуд под обеспечение, поэтому в то время не было никакого преувеличения в утверждении, что государственные

займы «в большей своей части оседали в банках»⁵¹. В то время облигации государственных займов переходили на открытом рынке из рук в руки не более чем за 40% их номинальной стоимости⁵². Единственным займом, пользовавшимся среди прочих хоть какой-то популярностью, был крестьянский заем, второй выпуск которого последовал весной 1925 г. Однако его привлекательность для крестьян объяснялась лишь возможностью использовать облигации для уплаты налогов, и они избавлялись от последних до конца сезона; в остальных случаях облигации для горожан превращались в некоторое подспорье для накопления незначительных сбережений⁵³. Общие суммы, реализованные путем выпуска государственных займов, были все еще весьма малы. Чистые поступления в бюджет от реализации займов составили в 1924—1925 гг. лишь 64,3 млн. рублей, а в 1925—1926 гг. — 28,4 млн.⁵⁴ В апреле 1925 г. был выпущен еще один годовой 5-процентный заем на 10 млн. рублей, а осенью того же года — второй крестьянский выигрышный заем⁵⁵.

Постоянные усилия, направленные на восстановление привычки к мелким сбережениям, имели некоторый, хотя и незначительный, успех. Сеть государственных трудовых сберегательных банков и касс, основанных в 1923 г., постоянно расширялась, и они постепенно завоевывали доверие вкладчиков, но на протяжении этого периода так и не стали серьезным фактором финансовой политики. С 1 октября 1924 г. по 1 сентября 1925 г. число таких банков и касс выросло с 5 до 9 тыс., сумма хранящихся в них вкладов — с 11 до 29 млн. рублей; однако 48% этой суммы составляли вклады организаций, 25 — вклады предпринимателей и только 7,5 и 1,8% — соответственно вклады рабочих и крестьян⁵⁶. Принятие 27 ноября 1925 г. декрета, определяющего статус этих учреждений, было признаком их растущего значения⁵⁷. На 1 декабря 1925 г. существовало 10 тыс. сберегательных банков и касс (7700 в РСФСР), в которых хранились вклады 870 тыс. вкладчиков (713 тыс. в РСФСР) на общую сумму 42 млн. рублей (34 млн. в РСФСР). Они едва начали проникать в сельскую местность, а в отдаленных районах были еще неизвестны⁵⁸. Одна из причин, которыми объяснялась невыгодность вкладов в деревне, заключалась в том, что «местные власти смотрят на вкладчика как на зажиточный элемент, как на объект обложения»⁵⁹.

После основания в 1921 г. Госбанка и Промбанка, а также нескольких других специализированных банков в следующем году медленно и мучительно началось развитие банковского кредита⁶⁰. Непонятно почему, но создание сельскохозяйственного банка задерживалось. Этот вопрос был вынесен на обсуждение IX Всероссийского съезда Советов в декабре 1921 г.; однако принятое тогда решение выполнено не было⁶¹. В феврале 1924 г. на II съезде Советов СССР было окончательно решено основать Центральный сельскохозяйственный банк (Центросельбанк) для облегчения кредитования сельского хозяйства. Положение о нем было утвер-

ждено ЦИК в следующем месяце⁶². Фактически основании этого банка предшествовало создание в ноябре 1923 г. сельскохозяйственного банка на Украине, а после него были учреждены такие же банки в других союзных республиках, причем последним в феврале 1925 г. был создан сельскохозяйственный банк РСФСР⁶³. Республиканские банки были, по сути дела, отделениями Центросельбанка⁶⁴; через них кредит предоставлялся местным кредитным товариществам, включая кредитные кооперативы, вначале составлявшие часть сельскохозяйственных кооперативов, но позднее ставшие самостоятельными единицами⁶⁵. Система сельскохозяйственного кредита основывалась главным образом на предоставлении денег из бюджета в форме субсидий или средств Госбанка в форме ссуд: в апреле 1925 г. ЦК партии решил, что 10 млн. рублей должно быть ассигновано Центросельбанку из бюджета и столько же авансировано Госбанком⁶⁶. Только 15% средств Центросельбанка и подчиненных ему организаций поступило от участия в акционерном капитале и от вкладов⁶⁷.

Организация кредита через банки вскоре породила новые проблемы. В 1923 г. Сокольников решительно утверждал, что кредитная политика является прерогативой исключительно банков, свободной от «введения обязательного планирования», а также оплотом рыночных принципов НЭПа⁶⁸. На первый взгляд могло показаться, что утвердить такую точку зрения помогла финансовая реформа: предпосылкой стабильности и самостоятельности валюты была, помимо всего прочего, правильная и независимая кредитная политика. Однако в действительности нельзя было дальше совмещать автономию финансов с более позитивными воззрениями на экономические функции государства, явившиеся последствиями кризиса, вызванного «ножницами» цен. Ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности кредитная политика не могла более руководствоваться соображениями чисто финансового характера. В сельском хозяйстве «здоровую» кредитную политику, отдававшую естественное предпочтение зажиточному крестьянину, невозможно было согласовать с переменной линией партии, направленной на поддержку середняка и бедняка⁶⁹. В промышленности практика, при которой банковский кредит фактически резервировался за рентабельными отраслями легкой промышленности, а существование тяжелой промышленности, от которой нельзя было ожидать быстрых доходов, зависело от дотаций из госбюджета⁷⁰, в общем-то противоречила новой партийной директиве о сосредоточении усилий на расширении металлообрабатывающей промышленности. Банки, как государственные организации, были призваны сыграть свою роль в содействии новой политике.

Первым следствием новой концепции роли банков как политических инструментов было упорядочение банковской системы. Следовало положить конец необдуманному созданию множества банков с разными и зачастую расплывчато определенными функциями, проводящих иногда разную политику и конкурирующих

между собой, а иногда и объединяющихся против господства Госбанка. В апреле 1924 г. ЦК партии в резолюции, посвященной в основном вопросам регулирования внутренней торговли, коснулся и проблемы кредитной политики:

«Необходимо организовать комитет банков, задачей которого должны быть регулирование банковского кредитования и устранение параллелизма, предварительное рассмотрение ориентировочных планов кредитования, установление согласованных дисконтных ставок и целесообразного распределения банковских средств по различным районам и отраслям хозяйства».

В передовой статье «Экономической жизни» делались из этого соответствующие выводы. Решение означало «углубление планового начала в кредите» и клало конец разногласиям относительно возможности или необходимости «планового кредита»⁷¹. Такой комитет был образован декретом Совнаркома от 24 июня 1924 г.: кроме Госбанка, в него вошли Промбанк, Цекомбанк, Мосгорбанк (Московский городской банк), Центросельбанк, Внешторгбанк (Банк для внешней торговли) и Товарищество взаимного кредита⁷². В 1925 г. число банков, занятых финансированием программы развития, возросло после создания Акционерного банка по электрификации, или Электробанка, и Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства, или Цекомбанка⁷³.

Такое расширение банковских мощностей позволило создать организационную структуру для сверхбыстрого роста кредита на нужды увеличения производства. Показатель «Ссуды и учтенные векселя» в отчетности Госбанка вырос с 312 млн. рублей на 1 октября 1923 г. до 598 млн. на 1 октября 1924 г. и до 1425 млн. еще через год⁷⁴. Ссуды, предоставляемые другими банками и кредитными учреждениями, росли примерно в той же пропорции. Поток сельскохозяйственного кредита хлынул из Госбанка через Центросельбанк в сельхозбанки республик, а оттуда в кредитные товарищества и местные сельскохозяйственные или кредитные кооперативы. Как утверждает, процентная ставка по ссудам крестьянам понизилась с 8% по долгосрочному и 12% по краткосрочному кредиту в 1924 г. соответственно до 6 и 10% в 1925 г.⁷⁵ Из общей суммы предоставленных крестьянам ссуд 27% было предназначено на закупку сельскохозяйственных орудий и инвентаря, 23 — на покупку рабочего скота и 9% — на приобретение семян; кредиты предоставлялись также на окультуривание земель, электрификацию, развитие специализированных видов сельскохозяйственной деятельности и приобретение оборудования для переработки сельскохозяйственной продукции⁷⁶. Промбанк и Электробанк выделяли путем разных скидок ссуды под товары и целевые (то есть долгосрочные) ссуды. Эта последняя категория стала важной только с наступлением зимы 1924/25 г.; до этого банковский кредит был только краткосрочным⁷⁷. Лишь Всекобанк, Мосгорбанк и Товарищество взаимного кредита зависели в основном

от вкладов; они получали также некоторый кредит от Госбанка. Финансирование Центросельбанка и Цекомбанка, созданных для решения конкретных задач государственной политики, производилось главным образом из госбюджета⁷⁸. Все способствовало быстрому развитию финансов и кредита. Летом 1924 г. даже Сокольников обратился в новую веру, усвоив конструктивный взгляд на функцию кредита и провозгласив своей целью, «исходя из реальных финансовых планов, подойти к реальным хозяйственным планам»⁷⁹. В январе 1925 г. Каменев указывал, что «централизованный кредит — это новая командная высота, созданная нами почти из ничего», и что он является «решающим фактором регулирования хозяйства, фактором, вносящим решающие коррективы, способным и вызывать и предотвращать кризисы», а Кржижановский, все еще сомневавшийся в «иероглифах банковской отчетности и закулисных тайнах банковских концернов», был тем не менее готов приветствовать «кредит и план» как «родных братьев в единой социализирующей системе»⁸⁰.

Увеличение кредита требовало соответствующего расширения эмиссии банкнот, что и было сделано в полной мере. Общая стоимость банкнот, находившихся в обращении на 1 января 1924 г., составляла 237 млн. рублей. После кратковременного периода относительного ограничения, последовавшего за финансовой реформой⁸¹, в течение всей осени эмиссия банкнот стремительно возрастала, в результате чего на 1 октября 1924 г. в обращении находилось уже 346 млн. рублей, а на 1 января 1925 г. — 410 млн. рублей. После некоторого уменьшения в первые месяцы 1925 г.⁸² находившаяся в обращении денежная масса в течение лета и осени резко росла и к 1 октября достигла 651 млн. (что почти вдвое больше, чем годом ранее), а к 1 ноября 1925 г. — 719 млн. рублей. Рост оказался еще более значительным, когда к общей сумме были приплюсованы казначейские билеты и серебряная и медная монета (что составило на 1 октября 1925 г. 490 млн. рублей по сравнению с 280 млн. годом раньше)⁸³. К моменту проведения финансовой реформы эмиссия банкнот и валюты более чем на 50% обеспечивалась золотом и иностранными девидами. К 1 октября 1924 г. обеспечение сократилось до 38%, а к 1 октября 1925 г. — до 23%⁸⁴. Поскольку за активным внешнеторговым балансом 1923—1924 гг., позволившим создать значительные резервы золота и инвалюты, последовал пассивный баланс в 1924—1925 гг., ближайших перспектив ввода дополнительных резервов для покрытия увеличенной банкнотной эмиссии не было.

К концу 1924 г. рост денежной эмиссии привлек внимание профессиональных наблюдателей, причем некоторые из них были непрочь вызвать призрак инфляции⁸⁵. Однако положение не настолько уж отличалось от раннего этапа инфляции, чтобы можно было легко отмахнуться от этих страхов как от преувеличенных или необоснованных. В долгосрочном плане почти не имело значе-

ния, выражалось ли в финансовом смысле превышение расходов над доходами в народном хозяйстве в форме бюджетного дефицита или в форме увеличения кредита, предоставляемого банками. Это были альтернативные средства, направленные на одно и то же и чреватые одинаковыми инфляционными последствиями. Однако для наблюдателей того времени, сталкивавшихся с незнакомыми обстоятельствами, тождественность происхождения этих последствий была затемнена кажущимися различиями. До реформы 1924 г. банкноты выпускались, для того чтобы дать государству возможность в период хаоса и острого экономического кризиса жить по средствам и не влезать в долги. Теперь же бюджет был сбалансирован, государственная финансовая машина была в полном порядке, а развитие народного хозяйства шло быстрыми темпами; это был именно тот рост реальных ценностей, который требовал расширения кредита и увеличения эмиссии денег. Если бы масса денег в обращении увеличилась чрезвычайно, то их все равно можно было бы на что-нибудь потратить (то есть любой рост платежеспособного спроса был обеспечен товарами). Единый сельскохозяйственный налог впервые уплачивался наличными; выплата заработной платы натурой практически прекратилась; последние пережитки натурального хозяйства уступали место денежной экономике. Не был безосновательным, хотя и не был понятным, аргумент относительно того, что по окончании этой экономической перестройки быстрое и безболезненное поглощение растущей бумажной денежной массы не может продолжаться неопределенно долго. На обсуждении этого вопроса со специалистами Госплана 25 января 1925 г. Струмилин доказывал, что существующие темпы банковской эмиссии не дают оснований для беспокойства. Имело значение только отношение находящейся в обращении суммы денег к товарному обороту. Струмилин старался показать, что если бы эмиссия денег росла столь же быстрыми темпами, какими рос товарооборот начиная с 1 октября 1924 г., то к 1 мая 1925 г. в обращении находилось бы уже 884 млн. рублей (фактическая цифра на этот момент составила только 780 млн. рублей); если темпы роста товарооборота не сократятся, то к 1 января 1926 г. находящаяся в обращении денежную массу можно без опасения увеличить до 1254 млн. рублей⁸⁶.

По-видимому, эти выводы были в целом одобрены. Нажим с целью расширения кредита, которое рано или поздно должно было повлечь за собой увеличение эмиссии денег, становился непреодолимым. В докладе на заседании СТО, состоявшемся 30 марта 1925 г., даже Сокольников допустил возможность того, что хотя в предстоявшем квартале не предполагалось отказываться от принципа «твердых кредитных контингентов», но не исключалась возможность учета векселей сверх установленного «кредитного контингента», и высказал предположение, что «наша стабильная валюта может в гораздо большей степени быть поставлена на службу экономике»⁸⁷. Чуть позже председатель правления Гос-

банка призвал «несколько смягчить» кредитную политику⁸⁸. Теперь Сокольников, должно быть, согласился с плановыми принципами хозяйствования, если судить по отчеканенной им фразе, что «планировать — значит располагать резервами». Он заявил также, что «использование кредитных ресурсов» может теперь осуществляться без страха инфляции⁸⁹. Весной 1925 г. появились все признаки, оправдывающие почти безрассудный оптимизм по части будущего, которое сулили червонцы. Несмотря на значительное увеличение эмиссии денег, несущественный общий рост цен не позволил серьезно усомниться в горделивом заявлении Сокольникова на III съезде Советов в мае 1924 г. о том, что «покупательная сила наших денег... на внутреннем рынке была в течение этого года вполне устойчивой»⁹⁰. Вплоть до марта или апреля 1925 г. в Москве в обмен на червонцы свободно предлагались инвалюта и золото (в основном золотые монеты царской чеканки) — поразительное свидетельство всеобщей уверенности в валюте⁹¹.

Первый тревожный сигнал прозвучал в мае 1925 г. или около того, когда начал испытываться неожиданно устойчивый спрос на инвалюту в обмен на червонцы. Это было отнесено частично на счет закупок государственных предприятий за границей (в то время совершение таких сделок еще не было полностью сосредоточено во Внешторге), частично контрабанды⁹² и частично спекулянтов, орудовавших на «черной бирже», или, как тогда называли, «американке»⁹³. Однако масштабы кризиса сначала не осознавались в достаточной мере. На финансовом совещании в июне 1925 г. Сокольников, как бы поддерживая оценку Струмилина, данную в минувшем январе, предсказывал дальнейшее увеличение денежной эмиссии на 50% (с 800 млн. до 1200 млн. рублей) к 1 января 1926 г.⁹⁴ Что же касается финансовых органов, то они в течение лета довольствовались опрометчивой убежденностью в том, что «...наличие благоприятного уровня и происходящее все время развертывание промышленности создают у нас благоприятные условия»⁹⁵. В июле в передовой статье, опубликованной в официальном финансовом журнале, осторожно осуждалась точка зрения, будто борьба с инфляцией является «борьбой с воображаемыми противниками», и отмечалось, что существующие в Советском Союзе условия слишком отличаются от условий в капиталистических странах, чтобы имеющие там значение прецеденты представляли какую-то ценность для определения пределов эмиссии денег⁹⁶. Но никаких конкретных выводов не делалось. Июльским декретом 1925 г. было запрещено использование выплат в иностранной валюте за исключением внешнеторговых сделок или прочих случаев, предусмотренных законом⁹⁷.

Переход в новое состояние был отмечен публикацией в августе 1925 г. контрольных цифр Госплана на 1925—1926 гг. Четко следуя линии быстрого промышленного развития, Госплан утверждал, что в настоящий период «денежная масса должна расти быстрее товарооборота, а кредит быстрее денежной массы». Исходя из

этого, предсказывалось, что объем денежного обращения возрастет с 1157 млн. рублей на 1 октября 1925 г. до 1973 млн. на 1 октября 1926 г. (это составит 78% роста по сравнению с 97% за предыдущий год), что вклады и суммы на текущих счетах в банках за этот же период вырастут с 1067 до 2400 млн. рублей, а сумма займов и ссуд — с 1900 до 3800 млн.⁹⁸ Эти цифры вызвали резкие возражения сторонников общепринятой системы финансирования. Один из критиков сказал, что вторжения плановиков в сферу денежной политики «принципиально недопустимы»⁹⁹; другой предпринял лобовую атаку на заложенную в контрольные цифры концепцию, предполагавшую, что кредит представляет собой «нечто, что может быть создано государством», и развил свои доводы в общую критику принципов планирования: «Уже одно то, что рынок денежного капитала теснейшим образом связан с устойчивой валютой и имеет определенную цену, находящуюся в зависимости как от внутреннего рынка капитала, так и от высоты цены на капитал на мировом денежном рынке, показывает, что границы и возможности планирования довольно сужены. Ибо, как известно, основа нашего кредита — наша твердая валюта — зависит и от равновесия бюджета, и от активности нашего расчетного баланса... Таким образом, один из сильнейших источников нашей стихийности в хозяйстве — денежный капитал»¹⁰⁰. Даже более умеренные критики, которые воздерживались от возбуждения принципиальных разногласий, все же усмотрели в цифрах Госплана «опасность инфляции»¹⁰¹. Сокольников, вернувшись на прежние позиции, обвинил Госплан в упорном нежелании отказаться от того, что «политика денежного обращения должна быть подчинена политике кредита», и указал, что это «формула инфляционная»¹⁰².

Оптимизм Госплана мог быть оправдан только быстрым и поступательным ростом экономической активности после уборки урожая. В ситуации, когда темпы увеличения денежной массы уже обогнали темпы развития торговли, отказ крестьянина от продажи на рынке произведенной им сельскохозяйственной продукции ускорял неизбежный кризис. В ноябре 1925 г. Госбанку впервые пришлось выбросить на рынок значительное количество золота и иностранной валюты, чтобы поддержать стабильность обмена¹⁰³, хотя тот факт, что червонцы еще не котируются ни на одной из крупнейших бирж мира¹⁰⁴, сделал эту операцию более легкой, чем можно было ожидать. Благодаря таким усилиям официальная цена золота, поднимавшаяся в сентябре, до конца года стабилизировалась на этом более высоком уровне¹⁰⁵. Однако с октября до декабря 1925 г. объем сделок на «американке» более чем удвоился, а спрос на золото оставался постоянным¹⁰⁶.

Повторное появление верных признаков инфляции через 18 месяцев после завершения валютной реформы не привело ни к каким кардинальным решениям со стороны партийного руководства. Отчасти это произошло из-за его озабоченности внутрипартийной

борьбой, отчасти из-за запутанного и неясного характера проблемы: как указал Госплан в докладе СТО в феврале 1926 г., вопросы денежного обращения и кредита «относятся к наиболее сложной и наименее изученной области народного хозяйства»¹⁰⁷. В брошюре под названием «Осенние „заминки“ и проблемы хозяйственного развертывания», написанной, очевидно, осенью 1925 г., Сокольников начал с утешительной банальности относительно того, что «...товарный голод возник в СССР только как результат несоответствия между денежной массой, находящейся в обращении, и масштабом развертывания товарного оборота», а заключил тем, что пока еще можно преодолеть «элементы дезорганизации» рынка и решить задачу «приведения денежного обращения в полный порядок», загадочно добавив, что «сохранение твердой валюты — проблема, выходящая из сферы экономики в сферу политики»¹⁰⁸. В то время еще можно было делать вид, что причина затруднений заключается не в «излишке денег», а в «недостатке товаров»¹⁰⁹, подразумевая под этим, что непрерывное расширение денежного обращения должно стимулировать непрерывное развитие производства. Однако столь беспечное отношение к делу было вскоре опровергнуто фактами. В докладе на собрании партийного актива в ноябре 1925 г. Сокольников, впервые признав, что резервы Госбанка израсходованы на поддержку валюты, напомнил аудиторией, что валюта обеспечивается золотым покрытием («об этом как-то все время забывали»), и предложил начать импорт золота, чтобы восстановить истощенные резервы¹¹⁰. Тем не менее доклад не был опубликован, а через несколько дней в публичном выступлении в Госбанке Сокольников «с полной уверенностью» констатировал, что «никаких опасений за судьбу твердой валюты нынешние сезонные хозяйственные затруднения не внушают и не могут внушить»¹¹¹. Бухарину оставалось только открыто заявить в декабре 1925 г. на Московской партийной конференции об «опасности колебания нашей валюты» и добавить, что «эта опасность и сейчас висит над нами»¹¹². На XIV съезде партии, проходившем в течение второй половины месяца, ни один из руководителей не упомянул о неприятной и запутанной проблеме денежного обращения и об опасности инфляции.

И все же, как и во всей истории развития советской экономики, выход из ситуации был определен основным постановлением съезда об усилении политики индустриализации; что же касается финансов, то все ограничилось обсуждением требований расширить кредиты для промышленности. Явлением невиданной новизны, отмеченным за последние 12 месяцев, был поток кредитов, хлынувший в тяжелую промышленность. Этот кредит, порождая потребительский спрос вследствие увеличения фондов заработной платы рабочих и служащих, никоим образом не приводил к немедленному соответствующему увеличению производства потребительских товаров, в результате чего сразу же сложилась классическая ситуация инфляции, когда платежеспособный спрос (то

есть сумма денег, находящихся в обращении) намного превышает предложение товаров. Найти решение проблемы было тяжело. Финансовая реформа привела к ликвидации способа, с помощью которого сначала находили средства для восстановления промышленности (эмиссия денег), и не предложила никакой альтернативы. В ноябре 1925 г. Госбанк отреагировал на валютный кризис, можно сказать, ортодоксальным образом: он ограничил кредит промышленности. В следующие три или четыре месяца долгосрочный кредит оставался на постоянном уровне, а краткосрочный сократился. Развитие промышленности замедлилось¹¹³; эти меры, способствовавшие сокращению массы денег в обращении, обычному для зимних месяцев¹¹⁴, сразу же произвели впечатление того, что инфляционные тенденции взяты под контроль. Однако такое впечатление было обманчивым. После последних событий, когда в августе 1923 г. Госбанк резко призвал промышленность к порядку, ограничив кредит, положение коренным образом изменилось¹¹⁵. Значение промышленности и ее место в народном хозяйстве возросли неимоверно, и момент, когда XIV съезд партии только что провозгласил ускоренную индустриализацию как основную цель политики партии, отнюдь не был благоприятным для попыток сдерживать или ограничивать темпы ее развития. Лишенные банковского кредита крупные промышленные тресты оказались достаточно крепкими, чтобы самим обеспечивать свои финансовые нужды взысканием наличных средств с заказчиков и значительным увеличением счетов. За период ограничения банковского кредита их денежные авуары увеличились на 55%, портфель неучтенных векселей — на 53, а их банковские счета — на 24%; ограничение денежной массы частично компенсировалось увеличением циркуляции векселей. В этих обстоятельствах «зажатие кредита в значительной мере оказалось фиктивным»¹¹⁶. Инфляционные тенденции промышленного развития, не уравновешенные сбережениями ни в каком другом секторе экономики, все еще сохранялись. То, о чем раньше думали как о временном повышении цен, теперь стало рассматриваться как падение покупательной способности рубля, и падение это все более быстрыми темпами продолжалось в течение всей зимы 1925/26 г.¹¹⁷

Эти события вызвали между экономистами оживленную полемику. Госплан, заинтересованный более всего в том, чтобы не прерывать процесс индустриализации, занимал оборонительную позицию и не был склонен придавать слишком большое значение опасениям по поводу денежного обращения. Преображенский открыто критиковал проводимую Наркомфином политику поддержки червонца и обвинил тех, что отвечал за нее, в денежном фетишизме:

«В стране, не имеющей золотого размена и вынужденной в сфере хозяйственного руководства заменять стихийный разум золота как инструмента регулирования при законе ценности плановой политикой распределения средств производства и средств потребления через бумажную валюту, они систематически вызывают

к золотому разуму черной биржи и в случае отклонения бумажного червонца от золотой десятирублевки впадают в панический страх и делают ненужные и убыточные для государства золотые интервенции, позволяя нэпманам переводить в золото бумажные червонцы»¹¹⁸.

Смилга, выступая в Коммунистической академии 2 февраля 1926 г., признал, что «инфляционные узлы» существуют, но отнес их в основном на счет деятельности спекулянтов и высказал мысль, что «последовательная политика индустриализации страны» является единственным лекарством от этой болезни. Он решился утверждать, что «режим твердой валюты не поколеблен» и что эмиссию денег можно без риска продолжать такими же или почти такими же темпами, и, кроме того, подверг критике как тех, кто выступал за дефляцию путем ограничения кредита, так и «инфляционистов», предлагавших либо изменить золотой паритет червонца, либо лишить его золотого содержания и восстановить товарный рубль¹¹⁹. В памятной записке, направленной где-то в это время в СТО, Госплан счел необходимым предостеречь СТО от «дефляционной политики — сжатия денежной массы, находящейся в обращении». Такая политика «бьет по промышленности, сектору, который нуждается в настоящее время в наибольшей поддержке»¹²⁰.

Неудивительно, что представители Наркомфина испытывали более острое беспокойство относительно статус-кво, а также относительно затрат на интервенцию, цель которой заключалась в поддержании меновой стоимости червонца. Бронский, ставший теперь должностным лицом Наркомфина, прямо возложил вину за сложившееся положение на произвольное увеличение кредита: «Кредитная инфляция является, таким образом, источником повышения цен продуктов сельского хозяйства и промышленности, вызывает обесценивание денег, увеличивает платежеспособный спрос как города, так и деревни... затрудняет экспорт... и вызывает кризисные явления товарного голода»¹²¹.

Новый нарком финансов Брюханов признал, что «наши осенние просчеты» привели к опасности инфляции, но выразил решимость противостоять инфляционным упрощениям «некоторых наших товарищей-хозяйственников»¹²². На съезде ВЛКСМ Бухарин загадочно сказал, что текущая финансовая политика направлена на достижение двух противоречивых целей — урезывание кредита торгующим организациям с целью ограничения эмиссии денег и увеличение притока товаров на рынок¹²³. Критикуя инфляционное увеличение сельскохозяйственного кредита путем субсидий из бюджета, Милютин коснулся того аспекта проблемы, который было модно игнорировать¹²⁴. Банки единодушно возражали против любого дальнейшего увеличения эмиссии в сложившихся условиях и советовали провести в текущем квартале сокращение денежной массы на сумму от 25 до 100 млн. рублей¹²⁵. В этом затруднительном положении некоторые представители «наркомфиновской

профессуры», поддержанные, очевидно, некоторыми специалистами ВСНХ и Госплана, высказали пожелание девальвировать червонец и обеспечить его стабильность на менее высоком уровне. Более ортодоксальная точка зрения, существовавшая в финансовых кругах, заключалась в том, что такая мера была бы самым поверхностным средством избавления от недуга. Это в достаточной мере соответствовало действительности. Однако кроме неопределенного предписания, предусматривавшего «отказ от дальнейшей инфляции и корректировку уже допущенной этой осенью инфляции», эти ортодоксы не смогли дать никаких практических рекомендаций¹²⁶.

Выход из этого лабиринта политических установок и идей, искать который утомленные партийные руководители ни малейшего желания не выказывали¹²⁷, постепенно нашелся сам. В ходе дискуссии было замечено, что условия, влиявшие на покупательную способность рубля на внутреннем рынке, были разными и отличались от тех факторов, которые угрожали его меновой стоимости по отношению к иностранным валютам, и что его обратимость в золото была единственным фактором, который связывал два эти элемента воедино. Было немыслимо приостанавливать или препятствовать предоставлению кредитов или средств, необходимых для дальнейшего промышленного развития. Невозможно было и впустую в течение неопределенно долгого времени тратить золото и инвалюту на защиту меновой стоимости советской валюты от спекулянтов. Роль, которую червонец играл во внешнеторговых сделках, была пренебрежимо малой: почти все сделки совершались в иностранной валюте. Отсюда было уже недалеко до вывода о том, что «мы ни в какой мере не заинтересованы в курсе червонца на «американке» и что «никакой связи между покупательной силой наших денег и золотым курсом червонца нет»¹²⁸. Рубикон был перейден, обратного пути не было. В марте 1926 г. казначейство — по-видимому, без какого-либо официального решения или объявления — прекратило предлагать золото и иностранную валюту по золотому паритету за червонец, что привело к постепенному падению его меновой стоимости на «черной бирже». В то же время продолжался рост розничных цен. Начали ходить слухи о серьезном сокращении промышленного производства, из-за чего, как выразился один обозреватель, «в столицах создалась определенная паника»¹²⁹. На самом деле ни о каком сокращении производства речи не было, да и быть не могло. Постановление XIV съезда партии об ускоренной индустриализации оставалось краеугольным камнем ее политики. Перед требованиями партии вся финансовая ортодоксальность растаяла как дым.

Одновременно с молчаливым предоставлением червонца его собственной судьбе было объявлено о достижении в результате продолжительной дискуссии соглашения о методах и средствах предоставления промышленности долгосрочных кредитов. План ВСНХ насчет создания «фонда промышленного развития», неза-

висимого от банков, по-прежнему оставался под сукном¹³⁰. Тем не менее было принято решение создать в системе Промбанка отдельное Управление долгосрочных кредитов для промышленности с собственными счетами, что позволило разделить организацию долгосрочного и краткосрочного кредита. Это решение свидетельствовало о намерении вернуться к политике более щедрых кредитов¹³¹. В апреле 1926 г., впервые за два года, ЦК партии на мгновение обратил внимание на проблему денежного обращения и кредита, заявив о «необходимости на протяжении ближайших месяцев достигнуть соответствия между массой обращающихся в стране денег и товарной массой в обороте и допускать расширение эмиссии только постольку, поскольку будут достигаться успехи в покупательной способности рубля»¹³². Однако это было идеалистическим пожеланием и пустым символом нежелания официально признать отказ от основы денежной реформы 1924 г. Валютные сделки стали теперь преступными и контрреволюционными. В газетах за 6 мая 1926 г. было широко оповещено о том, что три должностных лица Наркомфина были расстреляны, а несколько других приговорены к различным срокам тюремного заключения за «спекуляцию золотом, валютой и государственными ценностями», что привело к повышению спроса на золото и иностранную валюту и отрицательно сказалось на обмене. Наконец, был принят закон от 9 июля 1926 г., запрещающий вывоз червонца: отныне попытка вывоза червонцев за границу приравнивалась к контрабанде, и государство не принимало никаких последующих претензий по их выкупу¹³³. Этим законом был официально скреплен отказ от мимолетной попытки поддержания советской валюты, основанной на золоте и связанной ее золотым паритетом с международной денежной системой.

Из провала этого предприятия можно было сделать несколько выводов. Первый заключался в том, что в отличие от 1923 и 1924 гг. государственные финансы достаточно окрепли, чтобы поддерживать массу регулируемой валюты и не требовали больше золотого обеспечения для доверия к ее стабильности. Традиция отказа от рубля, принявшая всеобщий характер в годы великой инфляции, была преодолена, хотя было знаменательно, что не наблюдалось никаких признаков предстоящего официального отказа от золотой основы советской валюты¹³⁴. Второй вывод заключался в том, что полностью плановая экономика, к внедрению которой советский режим еще только приступал, была несовместима с подчинением столь жизненно важного элемента экономики, как ее валютная и кредитная политика, законам рынка: в действительности к отказу от золотой основы валюты привела неспособность продвигаться одновременно с поддержанием этой основы по пути индустриализации темпами, реальными и приемлемыми для советского руководства. Финансы более не играли роли как бы автономного регулирующего фактора в экономике, а превратились в инструмент политики в руках плановых органов. Третий вывод

состоял в констатации слабой связи между советской экономикой и экономикой капиталистического мира. Внешняя торговля не играла большой роли для советской экономики, а значение торговли с Советским Союзом для мировой экономики было совершенно незначительным. Червонец, несмотря на все его золотое обеспечение, фактически так и не смог завоевать себе место на мировом денежном рынке: советской внешней торговле всегда было удобнее заключать сделки в любой другой валюте. План Дауэса и его последствия лишь подчеркнули финансовую изоляцию Советов от объединенного капиталистического мира. Отказ от золотого обеспечения червонца, происшедший в тот момент, мог бы служить в качестве неосознанного отражения или символа построения социализма в одной стране.

ПЛАНИРОВАНИЕ

С весны 1924 г. партийные органы начали постепенно признавать принципы и практику планирования. После обострения болезни Ленина, последний раз случившегося весной 1923 г., не было сомнений в том, что перспективы планирования представляются ободряющими. Пресловутое объединение Троцкого с оппозиционной «группой 46-ти» весной 1923 г., в результате которого было выдвинуто требование об усилении планового начала в экономике, сделало для триумvirата невозможным принятие того же курса, особенно если учесть сопротивление, которое Ленин оказывал наиболее крайним устремлениям плановиков, о чем было хорошо известно¹. Тем не менее, как это часто случалось в те времена, действие основных экономических сил все же заставляло руководителей партии и государства выбирать именно тот курс действия, который они критиковали раньше, когда его предлагали другие; поэтому разгром оппозиции не обязательно означал окончательный отказ от ее политики. За критикой Троцкого и оппозиции на XIII партийной конференции в январе 1924 г. неожиданно последовал ряд мер, которые на первое время поставили планирование в центр экономической политики: назначение Цюрупы председателем Госплана и одновременно заместителем председателя Совнаркома; указание Госплану со стороны Центральной контрольной комиссии и Рабкрина «разработать генеральный перспективный план экономического развития СССР на ряд лет (пять или десять)»; наконец, партия впервые стала уделять внимание восстановлению металлообрабатывающей промышленности². Все эти действия были признаком сознательного или невольного изменения отношения к планированию.

Однако прежде, чем концепция централизованного планирования укоренилась и получила всеобщее признание, оставалось сделать еще многое. К этому времени, несмотря на официальные выступления в защиту «единого экономического плана», на практике планирование заключалось в разработке ВСНХ планов по отдельным отраслям при общих консультациях и помощи Госплана. Первый пятилетний план развития металлообрабатывающей промышленности, контрольные цифры которого должны были быть значительно превышены, был составлен в 1922—1923 гг.³ Такие планы

зачастую были отражением внезапного кризиса какой-либо отрасли или резкого роста спроса на производимые ею товары и напоминали о призывах к «ударничеству» эпохи «военного коммунизма»⁴; но оказалось, что в более спокойное время они приводят к путанице и одностороннему развитию. Первый генеральный промышленный план, подготовленный ВСНХ в 1923 г., был не более чем попыткой объединить группу таких отдельных планов⁵. Осенью того же года Наркомзем, поощряемый Госпланом, приступил к разработке пятилетнего плана развития сельского хозяйства, и в конце 1924 г. вышла в свет брошюра «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства». Но это по-прежнему было набором отдельных планов — плана топографической съемки и окультуривания земель, ветеринарного плана, плана лесного хозяйства и так далее, — содержавших статистические показатели, которых, как надеялись, можно было достичь к 1928 г.⁶. Высказанное Кржижановским летом 1924 г. недовольство тем, что «итоги трехлетней работы Госплана... показывают, что единого хозяйственного плана мы до сих пор еще не имеем»⁷, было достаточно обоснованным; указание Центральной контрольной комиссии и Рабкрин о передаче Госплану плановых функций всех остальных органов и о том, что «народные комиссариаты, а не только их плановые комиссии должны быть подотчетны Госплану»⁸, оставалось на бумаге.

Однако за это время произошли некоторые события, которые дали импульс быстрому практическому развитию планирования. Первое место среди них занимает кризис «ножниц», вызванный разрывом в ценах и заработной плате и вскрывший неблагоприятные последствия надежд исключительно на стихийное функционирование рынка, что послужило причиной вынужденного, а иногда и неосознанного перехода на плановые принципы хозяйствования. Установление контроля как над оптовыми, так и над розничными ценами признавалось как эмпирическая необходимость, однако последствия его не признавались и даже отрицались. Тем не менее можно было еще много рассуждать на тему о том, что установление контроля над ценами представляет собой «окончание экономического отступления» и «ревизию» НЭПа⁹. После вмешательства государства в торговлю с целью изменения ее условий путем контроля цен подобной интервенции не избежал ни один сектор, и, сознательно или невольно, вмешательство должно было обуславливаться и формироваться в соответствии с широким диапазоном конечных целей или, иными словами, генеральным планом развития народного хозяйства. Отдельных планов, направленных на достижение конкретных результатов, уже было недостаточно, да они и не соответствовали ситуации. Еще раз была продемонстрирована взаимозависимость всех секторов экономики. В этой связи знаменательным было решение Госплана в декабре 1923 г. создать Конъюнктурный совет с приданной ему торговой секцией, которая должна была изучать динамику и функционирование рынка¹⁰.

Теперь это представлялось необходимой отправной точкой для любой серьезной попытки установить всеобъемлющий плановый контроль над экономикой. Точно так же, как НЭП, первоначально задуманный в качестве способа обмена товарами в условиях свободного рынка, постепенно приобретал все больший размах и — в соответствии с логикой развития — захватывал все ветви экономики, придавая им новую форму по образцу свободного рынка, так и теперь явно ограниченное и чисто эмпирическое решение восстановить равновесие между городом и деревней путем контроля цен на некоторые основные товары привело в ходе постепенного и неотвратимого процесса к расширению контроля над другими секторами экономики и, наконец, к принятию всеобъемлющего плана. История этого процесса охватывает пять лет, которые прошли с кризиса «ножниц» до начала первого пятилетнего плана.

Вторым фактором было то обстоятельство, что возрожденный интерес к планированию отнюдь не случайно совпал с решением, принятым на XIV партийной конференции, о предоставлении металлургической и металлообрабатывающей промышленности «первоочередного» внимания и поддержки, за которым последовало предоставление Дзержинскому мандата на претворение этого решения в жизнь¹¹. Признание того, что развитие тяжелой промышленности, расширение производства средств производства является условием успешного построения социализма, было общим местом во всех партийных дискуссиях. Единственной альтернативой этой установке были планы, предлагавшиеся теми, кто считал, что Советский Союз должен вернуться к статусу царской России как крупного экспортера зерна и сельскохозяйственных продуктов и импортировать нужные ему промышленные товары; но такая готовность позволить стране попасть в «колониальную зависимость» от капиталистического мира никогда не разделялась сколько-нибудь влиятельными партийными кругами. Условия же НЭПа не благоприятствовали развитию тяжелой промышленности, а, наоборот, препятствовали ему. Примитивная и преимущественно аграрная экономика СССР в то время и на долгосрочную перспективу создавала такое положение, когда развитие тяжелой промышленности означало планирование, а планирование означало — в первую очередь и в основном — развитие тяжелой промышленности. Тяжелая промышленность оказалась первым сектором экономики, в котором следовало навести плановый порядок, а сельское хозяйство — последним.

Третьим фактором, который выявился в середине 20-х годов и высветил еще с одной стороны необходимость планового начала в экономике, было сочетание массовой безработицы и быстрого прироста населения как одной из основных ее причин. Кризис безработицы пронесся над большинством стран капиталистического мира в 1920 и 1921 гг.; тем не менее оживление началось с так называемой стабилизации капитализма в 1923 г. и в последую-

шие годы. В Советской России безработица носила эндемический характер начиная со второго года НЭПа и по-прежнему неуклонно росла. К 1924 г. стало выясняться, что это явление отличается от безработицы в промышленности развитых капиталистических стран. Именно в этом году Преображенский привлек внимание к «колоссальной скрытой безработице в деревне», а Рыков объяснял кризис, выразившийся в росте безработицы, «притоком рабочей силы из деревни в город»¹². Поскольку естественные темпы прироста населения установились на уровне 2% в год¹³, предотвратить неограниченный рост давления избыточной рабочей силы на рынок промышленного труда могли только такие традиционные противоядия, как война, массовый голод и миграция. Когда страна ликвидировала последствия первой мировой и гражданской войн и голода 1921—1922 гг., безработица быстро стала острой проблемой. Были перекрыты возможности эмиграции за рубеж. Повышение эффективности сельскохозяйственного производства в целом означало бы занятость на земле меньшего, а не большего количества рабочей силы¹⁴. Были предприняты попытки переселения людей из голодных областей европейской части России в относительно незаселенные и невозделанные степи азиатской ее части, но для того, чтобы найти реальное решение проблемы в сколько-нибудь значительных масштабах, требовалось слишком много средств¹⁵. В 1924 и 1925 гг. кампания за расширение производства, уже начавшая приносить впечатляющие результаты, породила последнюю надежду на поглощение хоть какой-то части избытка рабочей силы, и эта достойная похвалы цель представляется одной из тех, которым могло бы служить планирование.

Зимой 1924/25 г., по мере того как механизм планирования медленнее приводился в действие, возникло новое противоречие, причем не противоречие между относительными интересами сельского хозяйства и промышленности, а разногласия между самими плановиками относительно фундаментальных методов планирования. Большевицские теоретики, занимавшиеся организацией экономики будущего, всегда были убеждены в том, что экономические законы, управляющие капиталистическим обществом, не будут иметь никакого отношения к новому общественному строю. В своей «Экономике переходного периода», опубликованной в 1920 г., Бухарин заявил, что «...конец капиталистически-товарного общества будет и концом политической экономии», поскольку политическая экономия — это «наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, то есть наука о неорганизованном социальном хозяйстве»¹⁶. В том же году Троцкий утверждал, что «политическая экономия чем дальше, тем больше будет получать историческое значение»¹⁷, а несколько позже Преображенский говорил о противоречии между законом стоимости и «плановым началом» и предсказывал, что с переходом к социализму закон стоимости отомрет¹⁸. Но как нужно было понимать задачу плановых органов в свете столь категорических суждений? Может

быть, при расчете контрольных цифр, которые должны были служить маяком в деле социалистического строительства, им следовало брать в качестве отправной точки расчеты и методы капиталистического прошлого? Очевидно, что такая гипотеза признавала бы достоверность и важность законов политической экономики для строительства социализма. Или плановики должны были руководствоваться исключительно неким внутренним видением потенциальных возможностей социалистического будущего? Ясно, что эта гипотеза рассматривает планирование не как науку, а как интуицию. Ни один из выводов не был достаточно ясным.

Разногласия получили широкую огласку в результате опубликования в январе и феврале 1925 г. в первых двух номерах ежемесячного журнала Госплана двух статей под общим названием «О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве». Их автором был Громан, один из наиболее видных экономистов Госплана, который, опровергая скепсис и индетерминизм рыковской школы, пытался установить определенные экономические законы, или «закономерности», в народном хозяйстве, которые подтверждали бы прогнозы относительно будущих тенденций. Сущность планирования заключалась в том, чтобы понять эти «закономерности» и экстраполировать полученные с их помощью данные на дальнейшее развитие экономики. «Если даже, — писал Громан, — с самого начала приступить к сознательному преобразованию общества, то метод и формы такого преобразования диктуются объективным состоянием общества и объективными тенденциями его развития, заложенными в нем»¹⁹.

Вызов был быстро принят теми, кто был готов рассуждать о «сознательном» элементе в планировании. Экономический журнал, издававшийся СТО, опубликовал статью, в которой исследовался вопрос о том, каких экономических категорий надо придерживаться, чтобы оправдать экстраполирование данных дореволюционной экономики на экономические кривые послереволюционного периода. Следует ли все еще признавать действие экономических законов и категорий капитализма? Не требует ли период перехода к социализму собственной «особой... системы экономики»?²⁰ Еще один экономист подверг в журнале Госплана критике поставленный Громаном диагноз «заложенных в обществе объективных тенденций» как отражающий «взгляды исторической школы» и самоуверенно заявил, что любая попытка планирования «принимает характер до известной степени внутренней интуиции»²¹.

В полемике между сторонниками концепций, которые позднее стали известны как «генетическая» и «телеологическая», присутствовал элемент нереальности. В резолюции XII съезда партии, составленной Троцким, рекомендовался такой метод планирования, который позволял бы сочетать «хозяйственное предвидение и инструктирование соответственных органов относительно тех или других явлений, которые неизбежно, или по всей вероятности, возникнут в такой-то хозяйственный момент» с «возможной кон-

кретизацией такого предвидения по отдельным отраслям промышленности и по районам, с примерными календарными директивами относительно необходимых мероприятий для использования ожидаемой ситуации»²². «Телеологи» не отрицали, что существенной составной частью планирования является научный анализ, основанный на признанных фактах: никто не настаивал более горячо, чем «суперпромышленник» Преображенский, на экономических законах, следствия которых «диктуются нам внешне принудительной силой» и в свою очередь «диктуют нам наряду с прочим и определенные пропорции отчуждения прибавочного продукта деревни для целей расширенного социалистического воспроизводства»²³. «Генетики» не отрицали возможности и необходимости осознанного и целенаправленного руководства экономикой. Выявление глубокого политического расхождения между двумя точками зрения, определение «генетической» теории как меньшевистского отношения к революции²⁴, а «телеологической» теории как большевистского отношения — все это еще предстояло в будущем.

Полемика частично была обусловлена особенностями того времени. Пока политика была направлена в первую очередь на восстановление страны после разрухи, на возврат к прежним уровням производства и эффективности, уже достигнутым в прошлом, «генетическая» теория отвечала требованиям практики. Однако как только период восстановления сменился периодом движения в неизведанное, стало трудно опровергнуть необходимость в «телеологической» концепции планирования. Было бы недобросовестно и обманчиво смешивать «генетиков» среди плановиков со скептиками, которые брали под сомнение практическую осуществимость планирования. Даже если иногда они оказывались по одну сторону баррикады со скептиками, пытаясь внушить осторожность своим более самоуверенным коллегам, их вера в экономическое прогнозирование как основу планирования, то есть именно в то, что отрицали скептики, была глубже и сильнее, чем у кого-либо еще. И только когда скептики были обращены в бегство, а главная битва за планирование выиграна, раскол между «генетиками» и «телеологами» стал действительно острым.

Определенная разница в расстановке акцентов двумя школами на конкретных вопросах политики в действительности дала себя почувствовать довольно скоро. Было естественно, что к «генетикам» должны были принадлежать те, кто наибольшее внимание уделял проблемам, которые ставило перед плановиками преобладающее влияние на экономику отставания сельского хозяйства, а к «телеологам» — те, кто громогласно требовал приоритета для развития промышленности. В докладе Наркомзема по планированию вопрос излагался ясно и беспристрастно: «В плане развития сельского хозяйства, где имеет место масса нецентрализованных, распыленных единичных хозяйств, где стихийные факторы развития имеют преобладающее значение, роль телеологических конструкций неизбежно понижается и приобретает подчиненное

значение, а роль генетических моментов соответственно повышается»²⁵.

Представитель Наркомзема, позднее выступавший по поводу этого с докладом в Госплане, объяснял: «Мы считали, что нужно установить прежде всего особенности и направления эволюции сельского хозяйства, дабы уяснить себе, каким образом практически возможно его реконструировать. Поэтому, не отказываясь от постановки определенных целей в реконструкции сельского хозяйства, мы связываем эти цели с реальными тенденциями сельскохозяйственной эволюции. Мы не имели в виду и не считаем возможным в пять лет произвести полную революцию в сельском хозяйстве или осуществить в этот срок все стоящие перед нами задачи. Констатируя их как цель, мы в то же время исследуем революционные тенденции сельского хозяйства и его конкретные условия и, таким образом, пытаемся выяснить пределы того революционного воздействия, которое государственная власть может с успехом применить по отношению к нему в течение этого периода. Поэтому наш метод был в основе генетическим, но заключал в себе и телеологические элементы»²⁶.

Дзержинский, выступая в апреле 1925 г. на XIV партийной конференции за развитие тяжелой промышленности, тактично пытался навести мосты между различными точками зрения, не пользуясь теоретическими терминами: «Если вы думаете, что мы можем коммунизм ввести, если будем сидеть в кабинете, обложимся книгами и составим идеальный план, а потом уже этот план будем проводить, то мы знаем наверняка, что мы с таким планом провалимся, ибо наш план — это есть процесс выявления сцеплений нашей государственной промышленности и отдельных ее отраслей между собою, каждой из этих отраслей с нашим рынком, с теми, для кого мы работаем, т. е. с крестьянством... Это процесс, который еще не завершился, не закончился, и выявить его нам, крупной промышленности, объединяющей пару миллионов рабочих против ста миллионов крестьянства, для того чтобы этот план, ведущий к коммунизму, разработать, — для этого нужно жить, для этого нужно бороться, для этого нужно разрешать целый ряд проблем»²⁷.

Вопрос о степени и широте давления, которое можно было бы оказывать на экономику в целом и на доминирующий в ней сельскохозяйственный сектор в интересах тяжелой промышленности, лежал в основе любой политической проблемы и любых теоретических дискуссий, связанных с планированием.

Лето 1925 г. ознаменовалось мощной вспышкой плановой деятельности, отразившей настроение оптимизма, вдохновленного быстрым развитием всех отраслей экономики в течение прошедшего года. В феврале 1925 г. Наркомвнуторг создал плановую комиссию по торговле (Внуторгплан) для разработки ежегодных и перспективных планов внутренней торговли в СССР²⁸. В марте 1925 г.

Центральное статистическое управление опубликовало в кратком изложении предварительный балансовый отчет о выполнении плана народным хозяйством за 1923/24 фин. г.²⁹ В июле 1925 г. Наркомзем РСФСР представил президиуму Госплана свой пятилетний план, который вызвал большую дискуссию по вопросам планирования сельского хозяйства³⁰; в том же году через некоторое время Наркомзем Украинской ССР, не желая отставать, разработал семилетний план развития сельского хозяйства³¹. В июле 1925 г. ВСНХ, отказавшись от прежней практики составления планов по отдельным отраслям или регионам, опубликовал пространственный отчет о «Перспективах промышленности на экономический 1925—1926 г.»³². 14 августа 1925 г. СТО принял два декрета, производивших впечатление (хотя впоследствии это оказалось до определенной степени преждевременным) искреннего обращения к принципу планирования. Первым из них ВСНХ и другие комиссариаты, занимавшиеся развитием промышленности, обязывались разработать и не позднее 5 сентября 1925 г. представить в СТО «производственно-финансовый план» на основе общих цифр Госплана на 1925—1926 гг.; эти отраслевые и региональные планы должны были затем быть сведены Госпланом в «общий план промышленности». Вторым декретом предусматривался ряд контрольных цифр на 1926—1927 гг., которые Госплан должен был представить не позже 1 августа 1926 г.³³ Наконец, 20 августа 1925 г. Госплан представил в СТО и опубликовал «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—1926 год», над которыми он работал с начала года³⁴. Выражение «контрольные цифры» Госплан позаимствовал у Наркомфина, где оно означало предварительные расчетные показатели, представляемые до официального бюджета³⁵. Контрольные цифры Госплана имели к плану развития народного хозяйства на будущий год такое же отношение, какое контрольные цифры Наркомфина имели к «твердому» бюджету. Как осмотрительно пояснил Смилга, докладывая эти цифры на заседании СТО, они не имели обязательного характера. Госплан лишь пожелал заинтересованным ведомствам: «...стройте свои планы с учетом наших контрольных цифр»³⁶. Контрольные цифры были главным образом результатом работы трех ведущих экономистов Госплана — Громана, Струмилина и Базарова. Поскольку Громан был предводителем «генетической» школы, а Струмилин — «телеологической», ясно, что разница между двумя точками зрения не была в то время препятствием к достижению согласия³⁷. Оппозиция, против которой боролись все плановики независимо от того, к какой школе они принадлежали, исходила от скептиков, более или менее открыто сомневавшихся в практической осуществимости планирования.

Во введении к 96-страничной брошюре небольшого формата, содержавшей полные «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—1926 год», объяснялось, что для их расчета использовались три метода. Первый, названный «методом динамических коэффи-

циентов», был основан на экстраполировании на будущее некоторых статистических тенденций, сложившихся в восстановительный период начиная с 1921 г.; было разумно предположить, что при прочих равных условиях действие сил, служивших на благо восстановления в течение этого периода, будет продолжаться в тех же пропорциях или в пропорциях, подчиняющихся тем же законам развития. Второй метод, метод «экспертных оценок», заключался в использовании расчетов, сделанных должностными лицами и представителями административно-управленческого аппарата, занятыми в различных отраслях производства; это был приближительный эмпирический метод, степень точности которого полностью зависела от компетентности, образованности и проницательности экспертов, дававших оценки. Третий метод, названный «методом контрольных сопоставлений с довоенными данными», состоял в сравнении результатов, полученных при помощи первых двух методов, с соответствующими показателями довоенного времени; это было вполне естественной уловкой в то время, когда достижение предвоенного уровня жизни все еще оставалось идеальным критерием для сравнения, хотя авторы плана, оправдываясь, объясняли, что «...довоенные соотношения были... не нормой, не моделью перспективных построений, а лишь некоторым условным масштабом измерений»³⁸. За этими вступительными замечаниями следовал раздел, содержащий сводные данные по текущему году и расчетные сводные показатели по сельскохозяйственному и промышленному производству, торговому обороту, динамике цен, экспорту и импорту, заработной плате, строительству и транспорту, капитальным вложениям, денежному обращению и кредиту и государственному кредиту. Затем шел раздел политических рекомендаций довольно общего характера относительно необходимости выполнения плана. Предполагалось, что они явятся как бы обоснованием для «операционного» плана, отличного от «перспективного». Рекомендовалось «максимально форсировать экспорт», понизить цены, повысить заработную плату, увеличить поголовье рабочих лошадей и особенно расширить парк сельскохозяйственных тракторов, а также увеличить денежную и кредитную экспансию³⁹. Наконец, вторая часть брошюры состояла из подробных таблиц, содержавших данные, на основании которых производились расчеты. Все основные производственные показатели были даны тремя способами: в довоенных ценах в рублях, в единицах индекса текущих цен, рассчитанного в рублях, и в единицах индекса текущих цен, рассчитанного в червонцах.

Если судить в ретроспективе, то контрольные цифры Госплана на 1925—1926 гг. были замечательным достижением, и они до известной степени были затем подкреплены достигнутыми результатами. Показатели промышленного производства на конец года⁴⁰ незначительно превысили оценки Госплана в довоенных ценах, но повышение индекса цен, рассчитанного в червонцах, оказалось еще больше, что и отразило неожиданный рост цен. Контрольные

цифры по сельскому хозяйству также были рассчитаны с удивительной точностью; при их составлении удалось правильно определить виды на урожай. Все три основные ошибки, вызванные чрезмерным оптимизмом и признанные Госпланом год спустя, заключались в недооценке «трудностей, связанных с реализацией» урожая, «преувеличенной цифре предполагавшейся эмиссии» и «преувеличенной цифре экспорта и соответственно импорта»⁴¹. Однако в то время было маловероятно, чтобы документ такой поразительной новизны и важности, как «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—1926 год», избежал критики. Он был составлен «только силами работников Госплана»⁴²; перед другими ведомствами не была поставлена задача оказать им помощь — по чьей вине, не ясно. Момент их представления оказался неудачным. В ходе составления контрольных цифр в июне и июле и даже при их представлении в СТО 20 августа 1925 г. еще сохранялись безмерный оптимизм и самоуверенность⁴³. В течение нескольких следующих недель дожди нанесли значительный ущерб урожаю на последних этапах уборки; начали поступать первые сообщения о трудностях со сбором урожая, затем последовала острая реакция, направленная против щедрого кредита, который промышленность получала с весны⁴⁴.

Эти повороты судьбы, а также полемика и взаимные обвинения, вызванные ими, привели к созданию атмосферы, враждебной честолюбивым проектам Госплана. Ядром оппозиции оказался Наркомфин. Сокольников явно сожалел о своем кратковременном весеннем обращении в плановую веру⁴⁵, и на состоявшемся 10 сентября 1925 г. в Наркомфине совещании он предпринял массированную атаку на контрольные цифры: «Госплану не удалась первая попытка дать контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925—1926 гг. в точном смысле этого слова. Цифры Госплана имеют лишь вспомогательное перспективное значение и, конечно, не могут быть приняты как твердая экономическая перспектива». Он особенно негодовал по поводу попытки Госплана покуситься на прерогативы Наркомфина. Размер бюджета нельзя было ставить в зависимость «от величины продукции или от ее товарной части». Эмиссия денег должна была в наступающем году увеличиться до 1600 или 1650 млн. рублей, но не до 1900 млн., как предполагал Госплан. Сокольников повторил свой излюбленный аргумент относительно того, что развитие промышленности может быть обеспечено только через развитие сельского хозяйства. Поскольку получить заграничный кредит на приобретение машин и оборудования было невозможно, единственная реальная цель заключалась в «быстром развитии с.-х. экспорта»⁴⁶. В гораздо более специальной статье, опубликованной в издававшемся Наркомфинном журнале, подвергались критике все три метода, использованных Госпланом при определении контрольных цифр, а относительно третьего метода (сравнения с довоенными показателями) особенно жестко отмечалось, что «подобным образом исчисленные

показатели не могут быть удовлетворительны, в частности, ни в отношении бюджета, ни тем более в отношении денежного обращения и кредита»⁴⁷.

Первое общее обсуждение контрольных цифр состоялось на заседании СТО под председательством Каменева 18 сентября 1925 г. Пятаков от имени ВСНХ высказал мнение, что потенциальные темпы промышленного развития преуменьшены, а вероятный объем товарного зерна завышен. По мнению как Свидерского, выступавшего от Наркомзема, так и Сокольникова, представлявшего Наркомфин, слишком большое внимание уделялось промышленности, а интересы сельского хозяйства оказались на втором плане. На этот раз Сокольников был настроен еще более враждебно и отозвался о практической применимости контрольных цифр как о «минимальной», отрицая возможность «организованного и планового использования всех ресурсов», поскольку «огромное количество элементов находится вне нашей плановой воли» — это были обычные аргументы скептиков. Предложения Госплана по эмиссии денег были, как он выразился, «формулой инфляционной». Итоги подвел Каменев в осторожной, но не очень благосклонной форме. Он согласился с большинством выступавших ораторов насчет того, что составленные Госпланом цифры слишком оптимистичны. Кроме того (и это было наиболее серьезным обвинением), он квалифицировал их как слишком бессистемные: вместо «системы цифр» они представляли собой «ряды цифр»⁴⁸. Заседание закончилось созданием комиссии во главе с Каменевым, которой было поручено изучить значение контрольных цифр и дать соответствующие предложения. Однако это оказалось просто вежливым способом закрыть дискуссию; комиссия так никогда и не созывалась⁴⁹. Один из «наркомфиновских профессоров», несколько саркастически отозвавшись об этих «новых экономических таблицах», выразил удовлетворение тем, что в результате решения СТО цифры Госплана «утратили свое свойство контрольности» и были «признаны лишь рабочей гипотезой, цифровое выражение которой не может быть обязательным для ведомств в их плановой работе»⁵⁰.

Через несколько дней после заседания СТО «Правда» в двух номерах опубликовала длинную статью Троцкого, находившегося тогда в отпуске на Кавказе, написанную им под непосредственным впечатлением обнародованных контрольных цифр. Она называлась «К капитализму или к социализму?» и начиналась неистовым панегириком в адрес «сухих статистических колонок», составленных Госпланом, в которых Троцкий углядел «великолепную... музыку растущего социализма». Их публикация явилась событием, которое должно отмечаться в советском календаре. Госплановские статистики не были астрономами, которые «пытаются уловить динамику процессов, от их воли совершенно независимых». Они были активными руководителями экономической политики, для которых каждая цифра была «не просто фотографией,

но директивной». Цифры представляли собой «диалектическое сочетание теоретического предвидения с практическим усмотрением, т. е. учета объективных условий и тенденций с субъективной постановкой задач хозяйствующего рабоче-крестьянского государства»⁵¹. Осенью 1925 г. одинокий голос Троцкого, выступившего в поддержку контрольных цифр, оказался скорее не благом, а помехой. Похвала с его стороны ничего не дала для того, чтобы партийное руководство заинтересовалось практическим внедрением контрольных цифр.

Вскоре появились и внешние факторы, стимулировавшие возобновление кампании против планирования. Разочарование результатами уборки урожая ослабило и без того не очень твердую веру в ценность экономического предвидения. Критическое положение с хлебозаготовками было использовано для того, чтобы дискредитировать не просто конкретные оценки, основанные на допущении падения цен на зерно после хорошего урожая, а сам принцип планирования применительно к крестьянскому хозяйству⁵². Рыков еще раз разъяснил, что, пока страна подвержена таким кризисам, как неурожай, «которые приводят к разорению миллионов крестьянских хозяйств», всякое планирование будет неэффективным. Разочарование урожаем 1925 г. служило напоминанием о «неслаженности, несоответствии между планами и реальными жизненными процессами»⁵³. На собрании Московской партийной организации Каменев указал на те же обстоятельства: «...наши планы разворачивания промышленности, построенные на учете урожая, претерпели уже некоторые изменения. Крестьянская стихия внесла ряд поправок в наши планы». Он заключил свое выступление более откровенным, чем ранее, признанием относительно сущности дилеммы: «Оказалось, что наш план и понимание крестьянином своих интересов разошлись»⁵⁴. Несколько дней спустя эту тему развил Рыков. «План Госплана, Рыкова и Каменева» был нарушен «планом крестьянского двора». До этого времени государство выжимало у крестьян хлеб сначала путем продразверстки, затем при помощи сельскохозяйственного налога; теперь же крестьянин впервые вступил «в экономическое сношение с городом и фабрикой как «равноправная» величина». Результат был обескураживающим: «Первый экзамен, который мы держим теперь на свободный экономический товарооборот между городом и деревней, нами выдерживается пока что недостаточно хорошо»⁵⁵. Сокольников гнул ту же линию: «При осуществлении хлебозаготовительного плана против госплана был выдвинут стихийно крестплан. И когда два эти плана столкнулись, госплан должен был податься назад перед крестпланом»⁵⁶.

По мере углубления кредитного кризиса оппозиция Наркомфина Госплану и его контрольным цифрам становилась все более открытой. В ноябре 1925 г. Сокольников произнес в Деловом клубе речь, о которой было сказано, что она направлена «не только против данных контрольных цифр, но против планового хозяй-

ства вообще», и вернулся к своей старой точке зрения, что спасение может прийти только при «максимальном форсировании сельского хозяйства», которое позволило бы значительно расширить экспорт сельскохозяйственной продукции⁵⁷. Все, чего можно было ожидать от Госплана, писал в то время Бронский, — это «приблизительного выяснения направления развития отдельных частей народного хозяйства»; это облегчило бы «приспособление нашей хозяйственной деятельности к стихийным силам народного хозяйства»⁵⁸. Антипатия финансовых органов к планированию, видимо, до некоторой степени отражала бюрократическую ограниченность; как свидетельствует Кржижановский, Шейнман, бывший в то время председателем правления Госбанка, смотрел на планирование как на «посягательство на независимость финансовых органов»⁵⁹. Народный комиссар сельского хозяйства РСФСР заявил, что ошибки в расчетах по хлебозаготовкам явились следствием не злой воли кулака как виновника всех несчастий, а «бумажных, чуждых действительности планов, слишком случайно и поспешно построенных»⁶⁰.

Осенью 1925 г. климат оставался неблагоприятным по отношению к планированию, и партийное руководство почти или совсем не уделяло внимания контрольным цифрам. На Пленуме ЦК партии в начале октября 1925 г. доклад Каменева о хозяйственном положении в прениях не обсуждался и был оставлен на рассмотрение Политбюро⁶¹, благодаря чему удалось избежать обсуждения спорных вопросов, поднятых Госпланом. Передовая статья в «Правде» разъяснила, что вопрос о контрольных цифрах остается открытым: «Окончательные предпосылки наших расчетов на предстоящий год выяснятся, вероятно, к декабрю, к моменту партсъезда. Именно поэтому пленум ЦК не решился связывать партию какой-либо окончательной оценкой хозяйственной обстановки, решив предоставить это партсъезду и оставив на ближайший период в силе ту ориентировку, которая нашла свое выражение в контрольных цифрах»⁶². Но это едва ли могло считаться победой планирования. Не только не был принят, но даже не рассматривался никакой «операционный» план, основанный на контрольных цифрах. В конце календарного года не были еще утверждены ни промышленный план ВСНХ, ни бюджет, ни план по кредиту на 1925—1926 гг.⁶³ На таком важном форуме, как XIV съезд партии в декабре 1925 г., доклад Сталина не содержал ничего, кроме обычных упоминаний о планировании. Эта проблема опять осталась в тени и не была упомянута в резолюциях съезда.

Несмотря на такое умолчание, XIV съезд партии явился большой вехой в развитии советского планирования. Разногласия между сторонниками и противниками планирования, между энтузиастами и скептиками представляли собой проблему, которая лежит в основе любого политического противоречия советского режима, — проблему отношения промышленности к сельскому хозяйству, государства — к крестьянину. Если предполагалось, что Совет-

ский Союз должен развиваться по линии крестьянского хозяйства, расширяя сельскохозяйственный экспорт и импортируя промышленную продукцию с конечным расчетом на постепенное и безболезненное развертывание советской промышленности, то планирование должно было оставаться несущественным и малозначительным фактором: «командные высоты» советской экономики зависели бы от причуд климата, от могущественного и неорганизованного крестьянина-единоличника и от мирового рынка⁶⁴. Предполагая это, Сокольников и Рыков — если называть только самых видных и откровенных скептиков — были совершенно правы. Если же, с другой стороны, Советский Союз должен был двигаться вперед через интенсивное развитие тяжелой промышленности к экономической и военной независимости и при этом темпы развития будут зависеть только от того, какое напряжение смогут выдержать рабочий класс и главным образом крестьянство, то точкой опоры всей советской экономической политики должно было стать всеобъемлющее планирование, ибо, как было показано вновь и вновь, тяжелая промышленность — производство средств производства — могла развиваться и поощряться лишь в условиях плановой экономики. Фактически планирование одержало победу еще в мае 1924 г., когда устами Зиновьева на XIII съезде партии было заявлено, что развитие металлургической и металлообрабатывающей промышленности является основной целью партии. Однако значение этого решения еще не было окончательно осознано, и бесцельная битва за планирование продолжалась с переменным успехом в течение следующих 18 месяцев. Окончательная победа была одержана — хотя опять-таки без полного понимания происшедшего, — когда в декабре 1925 г. XIV съезд устами Сталина провозгласил свое намерение «сделать нашу страну страной экономически самостоятельной и независимой» и «уберечь нашу страну от хозяйственного подчинения системе мирового капитализма», а также указал, что такова «судьба деревни — она должна идти за городом, за крупной промышленностью»⁶⁵. Не было случайным то, что Сокольников, которого Сталин критиковал как принципиального сторонника аграрного пути развития Советской России, ставящего его в зависимость от импорта промышленной продукции из-за границы⁶⁶, должен был также быть и принципиальным врагом планирования. XIV съезд вошел в историю партии как «съезд индустриализации», а состоявшийся всего два года спустя XV съезд — как «съезд первой пятилетки». По существу, это были последовательные этапы одного и того же пути. Решение об индустриализации было фундаментом, на котором зиждились пятилетние планы развития народного хозяйства.

Понадобилось определенное время, чтобы смогли проявиться эти последствия XIV съезда партии. Три первых месяца 1926 г. были периодом непрерывного беспокойства о денежном обращении, дальнейших попыток ограничения кредита на развитие промышленности, а также робкого интереса к прогрессу планирова-

ния. Не было сомнения в том, что лишь по иронии судьбы Сокольников, освобожденный в январе 1926 г. от должности наркома финансов, был назначен заместителем председателя Госплана⁶⁷. Тем не менее это показывает, что Госплан все еще не считался одним из ключевых руководящих органов народного хозяйства. В феврале 1926 г. Госплан представил на рассмотрение новые контрольные цифры, учитывавшие менее благоприятные экономические перспективы по сравнению с цифрами, составленными шесть месяцами раньше. Оппозиция все еще группировалась вокруг Наркомфина, а Смилга, хотя он и резко осуждал крайнюю точку зрения, выражавшуюся в том, что советская экономика уже была якобы в состоянии бросить вызов экономическим законам, и был готов согласиться с тем, что «левые» энтузиасты преувеличивают возможности планирования и игнорируют объективные условия, все-таки высказывал недовольство тем, что «некоторые элементы государственного аппарата (аппарат в значительной степени тоже наследство старого строя) вообще против плана»⁶⁸. В начале марта 1926 г. Сокольников воспользовался случаем и выступил на всесоюзном совещании плановых органов с выражением еще большего скептицизма относительно планирования и потенциальных возможностей развития промышленности⁶⁹.

То, что было официально названо «первым всесоюзным совещанием президиумов госпланов Советского Союза», центральных и региональных госпланов, состоялось в Москве 10 марта 1926 г.; его важность была подчеркнута в передовой статье «Правды» за это число⁷⁰. Рыков, более гибкий, чем Сокольников, выступил на совещании с приветственной речью к делегатам, которая, по существу, представляла собой несколько наивное признание в пересмотре своих прежних позиций. Страна вступала в «так называемый период реконструкции», и «осуществить работу этого периода без плана, разумеется, нельзя»⁷¹.

Кржижановский, описав некоторые подробности структуры и организации работы Госплана, представил совещанию упрощенную схему процесса планирования, задуманную в то время Госпланом:

«Контрольные цифры Госплана начинают... играть роль организующего плановую работу стержня. В дальнейшем, разумеется, дело должно идти таким образом, чтобы контрольные цифры Госплана предвзяли выработку годовых операционных планов хозяйствующими ведомствами.

Проработанный таким образом материал будет возвращаться в Госплан для сводки в единый годовой операционный хозяйственный план страны. В свою очередь подвергнутся переработке и контрольные цифры, выступая, таким образом, вторично уже не в качестве предисловия, а послесловия... Контрольные цифры должны в конце концов вылиться в законченную балансовую сводку годовичного операционного плана, т. е. исполнительного рабочего чертежа хозяйственной эксплуатации.

Однако такой годичный план должен неизбежно являться лишь отрезком перспективного хозяйственного плана, предвидящего цикл хозяйственных работ примерно на пятилетний срок... В свою очередь перспективный план будет правильно скомпанован лишь при наличии правильно составленного генерального (операционного) плана народного хозяйства».

Далее Кржижановский предложил выделить три основных направления работы Госплана — «план генеральный, план перспективный и планы годовые, операционные, с сопутствующей последней системой контрольных цифр». Госплан в тот момент переживал «период подготовки контрольных цифр перспективного хозяйственного плана страны на предстоящее пятилетие»⁷².

Были сделаны более подробные доклады. Струмилин изложил «перспективный план на ближайшее пятилетие», которым занимался непосредственно он, а также новую политику партии и правительства и телеологическую концепцию планирования:

«Нашей основной задачей мы ставим индустриализацию страны на базе электрификации и по возможности бескризисное развёртывание всего хозяйства с ежегодным усилением его социалистических формостов за счет соответствующего сокращения частнохозяйственных элементов.

Само собою разумеется, что все эти общие регулятивные идеи и соответствующие им плановые директивы должны были получить то или иное цифровое выражение в нашей пятилетке, представляющей собою, таким образом, систематическую сводку не только наших предвидений, но и предуказаний».

Далее Струмилин представил подробные расчеты в денежном и процентном выражении по показателям развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта и строительства на пять лет, начиная с 1925—1926 гг. и кончая 1929—1930 гг. включительно — первый конкретный пятилетний план развития всей советской экономики⁷³. Затем были споры, «нужны ли даже такие пятилетние планы и не следует ли остановиться на одних генеральных планах»⁷⁴. Было очевидным, что на таком собрании должны возобладать самые честолюбивые точки зрения. Громан представил доклад о работе Конъюнктурного совета и высказал жалобу на неполноту статистического материала. Затем он привлек внимание к тому, чему суждено было стать значительным поворотом в истории планирования. Контрольные цифры на 1925—1926 гг. были основаны на концепции «стопроцентного использования всех производительных сил»; контрольные цифры на 1926—1927 гг. должны были учесть «необходимость усиления капитальных затрат»⁷⁵. Ранее предполагалось, что задача состоит в восстановлении народного хозяйства до уровня, достигнутого до 1914 г. Теперь же, когда впервые появилась возможность подумать о превышении этого уровня, возникли новые политические проблемы, и планирование приобрело новое значение. Вопрос о капитальных вложениях вырисовывался более четко, чем когда-

либо до этого, и выступал в качестве коренного вопроса планирования⁷⁶.

В резолюции апрельского (1926 г.) Пленума ЦК, цель которой заключалась в осуществлении постановления XIV съезда партии об ускоренном развитии промышленности, содержался ряд положений относительно планирования. Резолюция требовала «усиления планового начала и внедрения режима плановой дисциплины в деятельность всех государственных органов», а также «борьбы за уничтожение планового сепаратизма, расхлябанности в составлении и выполнении планов». Было твердо указано, что индустриализация и планирование являются гранями одного и того же процесса: «В ускорении накопления, целесообразном использовании накапливаемых средств, гораздо более жестком, чем до настоящего времени, осуществлении планового начала заключаются основные задачи предстоящего периода в развитии хозяйства»⁷⁷.

Несколькими днями позже Рыков, выступая на сессии ЦИК в новой для себя роли поборника планирования, отозвался о нем как о «мощном оружии для практического и наиболее эффективного использования наших ресурсов». Он говорил о «необходимости плановой дисциплины», с возмущением рассказывал, что иногда в одной области строят новый лесопильный завод, не интересуясь, нет ли уже подходящего у соседей, и пояснил, что «теперь, когда хозяйство уперлось в недостаток средств для вложения в промышленность и сельское хозяйство, каждая копейка, израсходованная зря, является преступлением»⁷⁸. Такая перемена позиции означала поражение Наркомфина в длительной арьергардной борьбе за устойчивые финансы как рычаг управления народным хозяйством. Факторы, вызвавшие резкую перемену официального отношения к планированию, вскоре привели к отказу от тяжелой борьбы за поддержание эффективного золотого паритета червонца и как следствие этого к ослаблению ограничений на кредитование промышленности⁷⁹. Во исполнение решения XIV съезда партии развитие промышленности, начиная с производства средств производства и в целях создания независимого и самостоятельного народного хозяйства на социалистической основе, стало средоточием экономической политики, а это означало признание примата планирования над силами «свободного» рынка и «международной» валюты. С весны 1926 г. советская экономическая политика прочно встала на этот путь. Единственными спорными вопросами оставались темпы и средства продвижения по такому пути.

К середине 20-х годов термин «планирование» стал означать подготовку Госпланом ежегодных или пятилетних планов, охватывающих все народное хозяйство. Не были забыты и конкретные «планы», из которых, собственно говоря, и возникло всеобъемлющее планирование. Хотя сначала прогресс был медленным, к весне 1926 г. почти весь первоначальный план ГОЭЛРО был

выполнен. В разных районах Советского Союза было построено пять новых электростанций, а расширение московской ТЭЦ позволило достичь на ней мощности в 100 тыс. кВт электроэнергии⁸⁰. Из предусмотренных ГОЭЛРО проектов незаконченным оставался пока самый крупный — сооружение ГЭС мощностью в 54 тыс. кВт на реке Волхов, неподалеку от Ленинграда. Первые планы по этому проекту были составлены еще в 1913 г. До включения в план ГОЭЛРО в 1921 г. он был утвержден Временным правительством, а потом еще раз — в 1918 г. Даже тогда нехватка средств заставила отложить начало работ до 1924 г., когда к ним приступили в связи с широкой кампанией по индустриализации, проводившейся в этом году. К сентябрю 1925 г., когда электростанцию осматривала правительственная комиссия, строительные работы были практически завершены, электротехническое оборудование было получено главным образом из-за рубежа (турбины и генераторы из Швеции), и подача тока была назначена на май — июнь 1926 г.⁸¹ Эта оценка оказалась слишком оптимистичной, и Волховская ГЭС дала первый ток 19 декабря 1926 г.⁸² Поскольку это был первый значительный проект получения электричества на базе энергии воды, реализованный в Советском Союзе, он получил широкую известность и приветствовался как символ будущего великого развития промышленности. Тем не менее на протяжении 20-х годов электроэнергия в Советском Союзе по-прежнему производилась в основном на базе угля (включая бурый уголь), дров и торфа.

Тем временем активно обсуждались другие крупномасштабные проекты, причем двумя наиболее амбициозными из них были канал Волга — Дон и строительство гигантской ГЭС на Днестре. У Волго-Донского канала уже была долгая история, так как впервые он был задуман в полные оптимизма дни 1918 г. По оценке Госплана, данной весной 1925 г., для его сооружения требовалось 140 млн. рублей, и было принято решение отложить строительство канала, но зато возвести плотину на Днестре⁸³. Естественно, что особый интерес к этому проекту был проявлен на Украине. На IX Всеукраинском съезде Советов, проходившем в мае 1925 г. с участием Каменева, была принята резолюция, где, в частности, говорилось о «необходимости постановки вопроса о скорейшем начале работ по строительству Днепрогэса и перекрытию Днестра»; кроме того, об этом проекте еще раз упоминалось в отдельной резолюции о промышленном развитии⁸⁴. В конце лета 1925 г. на месте будущего строительства побывала техническая комиссия; представитель Госплана возражал против дальнейшего откладывания проекта⁸⁵. Троцкий с энтузиазмом писал о «комбинате, наменном как сочетание мощной энергетической станции и целого ряда промышленных и транспортных потребителей дешевой энергии»⁸⁶. Вполне вероятно, что именно в связи с тем, что в свое время за этот проект выступал Троцкий, Сталин даже в апреле 1926 г. все еще отзывался о нем с недоверием и недоброжелатель-

ностью⁸⁷. Но истинным препятствием была нехватка ресурсов. На том этапе размах был слишком велик, чтобы можно было осуществить задуманное без технической помощи и финансовой поддержки из-за рубежа. В 1927 г. и то, и другое стало реальным, и работа началась.

В России концепция планирования всегда соседствовала с концепцией регионального развития. В период Витте предполагалось, что реорганизация российского хозяйства предполагает в качестве одной из первоочередных мер новое деление России на экономические регионы в целях разработки экономических ресурсов и развития потенциальных возможностей различных регионов. При Советской власти основными сторонниками новой схемы деления на регионы были поборники планирования⁸⁸. Хотя сначала теоретики планирования выражались в терминах «единого хозяйственного плана» для всей страны, на практике планирование начиналось с частных планов — не только с планов развития отдельных отраслей, но и с планов по отдельным регионам. Такая тенденция была облегчена конституционным делением страны на республики по национальностям и дальнейшим процессом административно-территориального деления. С 1923 по 1925 г. в Украинской, Закавказской и Белорусской ССР и, наконец, в РСФСР были созданы собственные госпланы с различной степенью автономии или подчинения центральному Госплану СССР⁸⁹. В начале 1926 г. только в Госплане РСФСР насчитывалось 950 сотрудников, а его годовой бюджет превышал 2 млн. рублей. Ему подчинялись три госплана автономных республик, а также 12 региональных, 42 областных и 43 отраслевых плановых комиссий⁹⁰. Из числа вновь созданных регионов Уральский район был не только первым в рассматриваемом отношении, но и наиболее передовым в развитии планирования. К концу 1923 г. работало не меньше трех органов планирования — создавался центральный план развития района, планы развития Пермской и Тюменской областей, — а кроме того, нужно было свести все эти планы в один⁹¹. Региональные госпланы Украины, Закавказья и Урала опубликовали свои независимые планы развития на 1924—1925 гг.⁹² «Сибирское отделение Госплана» планировало экономическое развитие «Западно-сибирского региона» на основе связи между углем Кузнецкого бассейна и промышленностью Урала⁹³. Во всех остальных местах для развертывания регионального планирования нужно было указание из центра. В 1925 г. из Москвы была послана экспедиция с целью исследования природных ресурсов и экономического потенциала Карачаево-Черкесской автономной области на Северном Кавказе⁹⁴.

Несмотря на внимание, уделявшееся в то время проблемам регионального планирования, первые контрольные цифры Госплана на 1925—1926 гг. полностью опирались на концепцию «единого хозяйственного плана» по всему Советскому Союзу, не содержа-

ли разбивки по регионам и не предусматривали такого деления. Даже если бы потребовался анализ по регионам, для него не было достаточных статистических данных, а имевшиеся показатели, представлявшие по собственной инициативе различными местными органами, вряд ли были единообразными или сопоставимыми. На совещании плановых органов в Госплане в марте 1926 г. было решено исправить этот недостаток и включать в данные по контрольным цифрам на 1926—1927 гг. показатели как по стране в целом, так и по автономным республикам и экономическим районам. Однако статистического материала по-прежнему не доставало, и, когда в сентябре 1926 г. были опубликованы контрольные цифры, в них содержались показатели с разбивкой только по двум республикам — Украинской и Белорусской ССР — и по двум экономическим районам — Северо-Западному (где были за недостатком данных исключены сведения по Карельской автономной республике и Мурманской области) и Уральскому (где были представлены только итоговые данные) ⁹⁵. Тем не менее в следующем году эксперимент повторен не был. В контрольных цифрах на 1927—1928 гг. не было разбивки показателей по регионам, хотя во вступлении к ним содержался раздел под названием «Хозяйство экономических районов». Это не было случайностью. Если на раннем этапе развития советского планирования местная инициатива и играла заметную роль и развитие специфических ресурсов различных регионов (особенно тех, которые до того времени считались отсталыми) оставалось важной целью плановых органов, то с течением времени становилось ясно, что планирование, по существу, является централизующим фактором в руководстве экономикой. В конечном итоге планирование означало, что принятие основных решений в экономической политике является прерогативой единой власти: местные плановые органы должны представлять свои статистические показатели и расчеты по единой предписанной форме и при проведении политики в жизнь должны подчиняться центральному органу. Кроме того, поскольку целью планирования в СССР было развитие промышленности и выделение средств для этой цели полностью зависело от решений, принимаемых в соответствии с принятой в Москве политикой, постольку право местных плановых органов на принятие решений было ограничено мелкими, несущественными вопросами. Внимание к планированию на местах проявлялось лишь в контексте делегирования на места некоторых административных функций и особенном интересе к развитию ресурсов отсталых регионов. Тем не менее даже до принятия первого пятилетнего плана власть Госплана над местными плановыми органами была абсолютной. Нельзя было провести какое-то различие между госпланами союзных и автономных республик или между плановыми органами автономных и обычных областей: все это были, по сути дела, местные отделения центрального Госплана.

МИГРАЦИЯ И КОЛОНИЗАЦИЯ

Побочным результатом аграрной политики тех лет было возобновление процесса внутренней миграции и колонизации, являвшегося отличительной особенностью последнего периода царской России. В течение двух веков до отмены крепостного права в России расширение ее территории происходило за счет продвижения и закрепления военных гарнизонов, как это делалось при феодальном общественном строе: на новых землях обосновывались войска и полувоенные казачьи поселения. Освобождение крестьян привело к разрушению старого порядка и, дав новый импульс традиционному земельному голоду русского крестьянина, раскрыло перед ним невиданные ранее возможности освоения неведомых краев. В первое время крестьянину дали свободу странствовать по всям обширной Российской Империи в поисках целинных земель, пригодных для возделывания, и власти были склонны поощрять его к этим поискам. В данном случае, как и в процессе индустриализации, результаты отмены крепостного права полностью не проявили себя вплоть до последнего десятилетия прошлого века. С 1861 по 1890 г. происходило переселение крестьян, главным образом неорганизованное и в небольших масштабах, из перенаселенных центральных губерний в районы Поволжья и Северного Кавказа, а позднее в Сибирь. В 80-х годах темпы переселения крестьян через Урал в Сибирь составили 27 тыс. человек в год¹. Это было началом нового движения. До того времени европейцы в азиатской части России были представлены главным образом политическими или уголовными ссыльнопоселенцами (причем было известно, что более миллиона из них поселились в Сибири в течение ста лет, предшествовавших 1914 г.), военными и гражданскими представителями русского правительства и коммерсантами, желавшими использовать в своих интересах природные богатства страны и извлекать прибыль из торговли с местным населением, нещадно его обманывая. Теперь впервые закладывались основы разумной политики, предусматривавшей, с одной стороны, ослабление популяционного пресса в европейской части России и, с другой стороны, открывавшей простор для возделывания новых и плодородных земель в азиатской ее части. Это был специфически русский вариант европейской экспансии.

Такая политика достигла своего апогея, когда в 1891 г. началось строительство Транссибирской магистрали, продиктованное, как и вся политика индустриализации в целом, в первую очередь стратегическими соображениями и затеянное по европейскому примеру и с привлечением европейского капитала. В 1892 г. Витте сформировал «комитет по строительству Сибирской железной дороги», в функции которого, помимо прочего, входило стимулирование заселения и колонизации территорий, по которым должна была пролегать магистраль, причем в 1896 г. этот вопрос приобрел такое значение, что в министерстве внутренних дел было создано специальное управление. С этого времени переселение в Сибирь приобрело организованный характер, став крупномасштабной операцией, подкреплявшейся значительными субсидиями из государственной казны. В течение 20 лет, с 1885 по 1905 г., в Сибирь через Урал переселилось около 1885 тыс. крестьян. С 1906 по 1913 г. их общее число достигло 3274 тыс. человек². По данным переписи 1897 г., в Азии насчитывалось 13 506 тыс. переселенцев из России; в 1915 г. их число, по официальным данным, составило 21 632 тыс. человек. Годовые затраты, которые в 90-х годах составляли два с половиной или три миллиона рублей, к 1912 г. выросли до 26 млн. рублей; основная часть средств расходовалась на улучшение земель, предназначенных для поселенцев, и на ссуды поселенцам. Столыпин был горячим сторонником этого плана, который хорошо вписывался в его политику укрепления экономики аграрной России на базе процветающего единоличного крестьянского хозяйства. В 1910 г., незадолго до его убийства, он совершил официальную поездку в Сибирь в сопровождении министра сельского хозяйства Кривошеина; по их возвращении был опубликован отчет об этом визите, явившийся важной официальной апологией проводившейся политики. К тому времени уже был сделан вывод, что «количество переселенцев в Сибирь не составляет и половины естественного прироста населения» и что «какой бы соблазнительной ни казалась идея использовать отселение для облегчения аграрных проблем в европейской части России, ее следует напрочь забыть». Основное внимание уделялось теперь конструктивной цели развития азиатской части России³.

Процесс переселения и колонизации был направлен преимущественно в Сибирь и стимулировался сооружением железной дороги. Из общего числа переселившихся за период 1896—1914 гг. два с четвертью миллиона человек осели западнее озера Байкал, а 350 тыс. человек поселилось на Дальнем Востоке; на долю двух этих контингентов пришлось свыше 70% от общего числа переселенцев. Остальные⁴ обосновались на плодородных землях азиатских степей, до тех пор занятых почти исключительно кочевыми казахами (или киргизами, как их официально именовали тогда)⁵. Этому натиску оказывалось сопротивление, в результате чего возникали конфликты между русскими переселенцами и кочевыми племенами, что было отражено в отчете Столыпина и Кривошеина

с предельной ясностью: «Существо дела заключается в организации не самих киргизов, но киргизских степей, и думать надо о будущем не отдельных племен, а степей в целом»⁶. Казахское восстание 1916 г., официально объясненное сопротивлением призыву казахов в армию, было, конечно, связано с нашествием русских крестьян. Выдвигались также другие проекты развития прочих регионов азиатской части России путем переселения людей из ее европейской части. В 1912 и 1913 гг. состоялись поездки Кривошеина в Туркестан и Закавказье.

Перемещение населения, вызванное катаклизмом войны, имело мало долговременных последствий, хотя определенное число военнопленных, завезенных в азиатскую часть России, остались там и в конце концов ассимилировались. Установление советского режима с его настойчивыми требованиями самоопределения национальных меньшинств, входивших в состав Российской империи, и непопулярность всего, что совершалось при царской власти, вызвали сильную реакцию против политики колонизации в Азии, и недавних русских переселенцев откровенно выживали из Туркестана, Казахстана и Северного Кавказа, а в некоторых случаях и убивали⁷. Вера в то, что земельный голод крестьянина можно удовлетворить раздачей помещичьих земель, моментально отбила охоту к переселению, что произошло бы даже и в том случае, если бы разразившаяся гражданская война не сделала это переселение вообще невозможным. Окончание гражданской войны и голод 1921 г. возродили процесс переселения из европейской в азиатскую часть России⁸. Однако это были скорее беженцы, а не переселенцы, и многие из них впоследствии вернулись домой⁹.

Если не учитывать этих хаотических приливов и отливов населения, то для организации переселения нужно было еще какое-то время. Еще в 1922 г. был создан Государственный колонизационный научно-исследовательский институт (Госколонит)¹⁰. Аграрный кодекс РСФСР, принятый в декабре 1922 г., содержал несколько статей (ст. 222—226), регулировавших миграцию из перенаселенных в необитаемые районы РСФСР, причем за ЦИК оставлялось право объявлять отдельные районы открытыми или закрытыми для поселения¹¹. Тем не менее переселение рассматривалось как «свободный и добровольный» процесс, осуществляемый за счет переселенца; государственные средства привлекались лишь в исключительных случаях, связанных с «принудительным» переселением. Первая попытка официальной организации переселения была намечена в пятилетнем плане Наркомзема по развитию сельского хозяйства, которым предусматривалось переселение 630,5 тыс. человек на незанятые земли в Поволжье и на Урале, а также в Сибири в течение пяти лет начиная с 1923—1924 гг. Сначала в плане признавалось, что для финансирования этой операции потребуются значительные средства, и на нее предполагалось ассигновать 26 млн. рублей в течение пяти лет. Однако было предложено отчислить на эти цели из государственного бюджета

лишь треть указанной суммы, а остальные средства возместить за счет различных источников, включая налоги на население рогионов, из которых убывали переселенцы¹². Эти надежды оказались напрасными. В 1923—1924 гг. государство выделило на содействие переселению тривиальную сумму в размере 500 тыс. рублей, а в 1924—1925 гг. лишь 1500 тыс. рублей¹³; из других источников не было получено ни копейки. При таких обстоятельствах добиться можно было немногого. Из 107 тыс. зарегистрированных в 1923—1924 гг. потенциальных переселенцев фактически к новому месту жительства прибыло лишь 15 тыс., причем все они были, по существу, «самовольными» переселенцами, путешествовавшими по собственной инициативе и за собственный счет¹⁴.

Вскоре выяснилось, что намеченные мероприятия потерпели провал. Зажиточный крестьянин, обеспечивавший свою семью, редко проявлял желание к переселению, особенно если не мог получить компенсацию за землю, которую оставлял¹⁵. Находившиеся на другом фланге жизни батраки обычно вообще не проявляли никакой инициативы к перемещению, а потенциальным переселенцем становился, как правило, середняк или относительно небогатый крестьянин¹⁶, который не мог переселиться без оказания ему материальной помощи, и переселение оплачивалось правительством. Летом 1924 г. Госколонит пессимистически указывал, что «широкая сельскохозяйственная колонизация Сибири должна быть снята как очередная задача ближайшего времени», поскольку размещение и устройство будущих переселенцев должно опираться на развитие местных ресурсов¹⁷. Декрет РСФСР от 7 августа 1924 г. предупреждал добровольных переселенцев, что они будут испытывать тяжелые лишения на новом месте и не смогут рассчитывать на помощь правительства. Принятый два дня спустя декрет разрешал будущим переселенцам создавать «переселенческие товарищества» на основе добровольной взаимопомощи¹⁸. Летом 1925 г. было объявлено, что для переселенцев открыты сибирские Омская, Новониколаевская, Томская, Иркутская и Енисейская области¹⁹. Однако такие меры не могли решить проблему в целом. В 1924—1925 гг. большинство из малого числа переселенцев все еще были «самовольными»²⁰. Больше того, к этому времени число переселенцев на восток почти компенсировалось возвращавшимися в родные места (отношение возвращенцев к переселенцам составляло 80%)²¹; «деколонизация» шла почти такими же темпами, как и колонизация. Только в 1925—1926 гг., когда государство стало выделять больше средств, запланированное переселение крестьян на восточные приграничные земли и в Азию стало действительно эффективным.

Первым шагом к последовательной миграционной политике стал, очевидно, декрет СТО от 17 октября 1924 г., который явился также первым вмешательством государственных органов СССР в этот вопрос. До этих пор переселение рассматривалось как средство облегчения популяционного пресса в голодных и перена-

селенных областях европейской части России. Новым декретом устанавливалось, что цель переселения состоит в производственном освоении новых земель и увеличении таким образом объема сельскохозяйственного и промышленного производства в стране. Учитывая поставленные задачи, декрет учреждал при ЦИК комитет по колонизации, которому были даны широкие полномочия по приобщению кочевых племен к оседлому образу жизни, организации жизни поселенцев, прибывших на свободные земли на свой страх и риск, и, наконец, по колонизации до сих пор незанятых земель путем организованного переселения²². Шесть месяцев спустя был создан исполнительный орган — Всесоюзный переселенческий комитет (ВПК), — который должен был разрабатывать ежегодные и перспективные планы переселения и руководить движением и размещением переселенцев. В состав комитета входили 23 члена, включая представителей от союзных республик, назначенных ЦИК; рабочим органом комитета был президиум из пяти человек²³. Эти нововведения сопровождалась амбициозными оценками относительно того, чего можно было бы достичь немедленно. В начале 1925 г. Госплан строил предположения о переселении 130 тыс. крестьян в течение года в районы Поволжья (50 тыс. человек), Сибири (50 тыс. чел.) и Дальнего Востока (30 тыс. человек)²⁴; после обсуждения этого вопроса на III съезде Советов СССР в мае того же года запланированную цифру увеличили до 165 тыс. человек²⁵. Семилетним сельскохозяйственным планом Наркомзема Украины предусматривалось переселение с северной Украины 350 тыс. крестьян на юг республики; Наркомзем РСФСР составил трехлетний план, предусматривавший переселение 800 тыс. человек в Поволжье, на Северный Кавказ, Урал, Дальний Восток и в Сибирь²⁶. Еще позже в этом же году был принят еще более утопический план переселения в Сибирь 1200 тыс. человек, а затем число переселенцев должно было достичь 4 млн. человек²⁷. Все это были симптомы роста популярности планирования у руководителей партии и правительства и признаки волны оптимизма, захлестнувшей страну летом и осенью 1925 г.

В результате осуществления этих планов и при помощи вновь созданных органов 1925/26 фин. г. стал свидетелем первых практических результатов политики, объявленной октябрьским декретом 1924 г. Тем не менее в ходе управляемой миграции и обживания возникло много проблем, решить которые быстро было нельзя. В декрете, принятом в августе 1925 г., впервые признавалась необходимость какой-либо организации не столько в центре, сколько в районах, где должны были обосновываться переселенцы. Районные (региональные) управления по переселению были созданы в Ростове (по Северному Кавказу), в Свердловске (по Уралу), в Новосибирске (по Сибири) и в Хабаровске (по Дальнему Востоку)²⁸. Эти управления официально подчинялись Наркомзему РСФСР. Однако, поскольку более 70% средств на переселение

и обживание новых мест выделялось из государственного бюджета СССР²⁹, авторитет ВПК был, несомненно, наивысшим. Кроме того, превалировали более реалистические оценки относительно числа переселенцев, которых можно было успешно закрепить на новых землях. Августовским декретом 1925 г. число переселенцев в Сибирь определялось в 35 тыс.; в дальнейшем декретом, принятым в марте 1925 г., были внесены изменения, заключающиеся в том, что определение общей цифры оставлялось на усмотрение Наркомзема с участием всех заинтересованных союзных республик (практически во всех случаях это была РСФСР)³⁰. Объявленное число переселенцев в 1925—1926 гг. должно было составить 120 тыс. человек, причем больше половины из них были плановыми и имели право на получение государственной помощи; число возвращенцев сокращалось до 22 тыс. человек.

Два мотива, вдохновлявшие официальное стимулирование переселения — ослабление популяционного пресса в центральной России и развитие производственных ресурсов восточных территорий — были тесно взаимосвязаны. К 1924 г. последствия войны и голода были преодолены, и в стране в целом был вновь зарегистрирован прирост населения. Было объявлено, что в течение этого года из деревни в город должны переехать не менее 1600 тыс. человек³¹; тем не менее рост безработицы не давал городам возможности поглотить избыток рабочей силы. В разосланном в марте 1925 г. циркуляре Наркомзема РСФСР говорилось о давлении областных властей с целью избавления от избыточного населения как о поводе для организованного переселения, хотя в нем добавлялось, что лучшим средством от сельской перенаселенности было бы применение более рациональных методов сельскохозяйственного производства³². К этому времени проблема избыточного населения стала фигурировать в партийных и государственных документах³³. III съезд Советов СССР в мае 1925 г. постановил, что «в целях предоставления крестьянству малоземельных районов возможности переселяться на свободные земли» следует уделить максимум внимания подготовке земель к переселению и обеспечению переселенцев необходимым инвентарем, «увеличив отпуск государственных средств на эти цели»³⁴. В 1924—1925 гг. 35% переселенцев прибыли из центральных районов РСФСР, а 22,6% — из среднего Поволжья³⁵. Эти пропорции в 1925—1926 гг. упали до 17,8 и 14,5%, а в последующие годы еще ниже: такое падение отражало, вероятно, растущее поглощение избытка рабочей силы в результате промышленного развития этих регионов. Доля переселенцев с Украины для каждого из этих лет составляла 17%, а затем начала резко возрастать. Украина более, чем какая-либо иная часть СССР, хронически страдала от сельской перенаселенности, и ее руководители постоянно высказывали жалобы на пренебрежение нуждами республики при составлении планов переселения и обживания новых земель³⁶. В 1924—1925 гг. из западного региона РСФСР и Белорусской ССР выехало соот-

ветственно лишь 4,9 и 5,7% переселенцев; но в 1925—1926 гг. их число увеличилось до 14,2 и 17%, причем такая тенденция к росту сохранялась или даже усиливалась в последующие годы: низкие показатели на 1924—1925 гг. объяснялись, вероятно, запоздалым организационным развитием районов, которые были перенаселены и почти не имели промышленных предприятий³⁷. Ни из какого другого региона сколько-нибудь значительное число переселенцев на восток не выезжало.

Несмотря на то что в середине 20-х годов давление избыточной рабочей силы, скопившейся в сельскохозяйственном секторе, было основным фактором, обусловившим безотлагательность и популярность политики переселения, марксистское учение обходило стороной концепцию «перенаселенности»³⁸. Большинство официальных заявлений относительно миграции основывалось на необходимости стимулировать рост сельскохозяйственного производства, и по мере того, как все действенное становилось планирование, все настойчивее подчеркивался именно этот тезис. Однако в этой сфере желаемое далеко обогнало действительность. Первым декретом от 17 октября 1924 г. устанавливался принцип, по которому заселение вновь прибывшими должно разрешаться в тех районах, где это приведет к достижению максимальной производительности в кратчайшие сроки и при минимальных затратах; в основном это был поиск быстрого и дешевого решения назревшей проблемы. Такая дилемма была ясно изложена в отчете Наркомзема РСФСР летом 1925 г. Поскольку для заселения «пустынных районов» требовались колоссальные средства, было неизбежным размещение поселенцев в уже обжитых местах, но, с другой стороны, в них было непросто расселить сколько-нибудь значительное число вновь прибывших³⁹. Особую проблему представляли те, кто переезжал по собственной инициативе:

«В то время как переселенческая волна усиливается из года в год, *подготовка земельного фонда для устройства переселенцев относительно отстает* и вновь вселяющиеся хозяйства в значительной степени вынуждены оседать в старожильческих селах, попадая в положение полупролетариев, зачастую эксплуатируются местным кулачеством и *поставляют, в конце концов, довольно значительные кадры безработных в сибирские города*»⁴⁰.

Какой-нибудь наблюдатель, посетивший Сибирь в 1926 г., обнаружил бы, что многие города окружены колониями новых поселенцев, живущих в пещерах, деревянных лачугах или бараках, построенных собственными руками, и работающих на зажиточных местных крестьян⁴¹. Кое-где поселенцам выделяли землю за счет уже живших там людей, «особенно из старообрядцев», которых выживали из собственного дома и понуждали передвигаться на север, в тайгу⁴². Больше всего переселенцев принимала Сибирь: в 1925 г. на ее долю пришлось 62,6% переселенцев, в 1926 г. — 55,2%⁴³. Из общего числа переселенцев в 1925 г. только 4,9% поселились на Дальнем Востоке, а в 1926 г. — 10,3%. В последую-

шие годы, когда размеры субсидий возросли, эти пропорции увеличились. Не менее 21,8% переселенцев в 1924—1925 гг. прибыли в Казахстан, очевидно, без поддержки государства. Однако отношение местного населения к ним было враждебным, и за три последующих года, когда надзор государства за переселением стал несколько эффективнее, «чистое» число переселенцев в Казахстане упало до незначительных величин⁴⁴. Фактически Казахстан оставался закрытым для переселенцев до 1929 г. Закрытой территорией оставались большей частью и среднеазиатские республики; перед тем как приступить к возделыванию сельскохозяйственных культур на новых землях, следовало обеспечить их орошение, а плодородные территории были уже плотно заселены. Вслед за районами Сибири и Дальнего Востока больше всего земель предлагало Поволжье: в 1925 г. там поселилось 3,3% переселенцев, а в 1926 г. — 7,9%. Привлекший внимание первых переселенцев Северный Кавказ⁴⁵ вскоре перестал представлять для них интерес либо из-за того, что вся имевшаяся земля была уже использована, либо из-за того, что ее заняли кулаки. Нельзя утверждать, что к этому времени переселение внесло какой-то большой вклад в дело смягчения перенаселенности отдельных районов или в увеличение сельскохозяйственного производства. Тем не менее хаотичные и стихийные перемещения начала 20-х годов были в 1926 г. взяты под контроль. Был отработан механизм организованного переселения и обживания новых мест. Благодаря этому число переселенцев из года в год росло.

Побочным результатом этих общих планов переселения был проект земельного устройства евреев. В 1923 г. с этой целью был создан комитет, который, очевидно, ничего не мог добиться, пока в следующем году Американская еврейская организация не основала Американскую еврейскую объединенную сельскохозяйственную корпорацию («Агро-Джойнт») с целью стимулирования «массового перехода к продуктивным занятиям» как можно большего числа из 2700 тыс. евреев, проживавших в СССР. Было достигнуто соглашение о том, какие средства вносят для обеспечения этого предприятия «Агро-Джойнт» и советские органы. Осенью 1924 г. президиум Совета национальностей принял решение о создании «Комитета по земельному устройству трудящихся евреев» (Комзет) и разработал программу по поселению 100 тыс. еврейских семей. В распоряжение комитета была предоставлена земля на юге Украины и в Крыму и дополнительно были обещаны территории в Поволжье и на Северном Кавказе⁴⁶. В 1925 г., несмотря на некоторое сопротивление местного населения, было поселено 100 тыс. евреев, а к 1928 г. число еврейских поселенцев, главным образом на Украине и в Крыму, возросло до 250 тыс. человек. Поселения организовывались почти повсеместно в форме колхозов; единоличные еврейские хозяйства были редкими. Этот план не имел никаких политических последствий, хотя Петровский, председатель Совнаркома Украинской ССР, зашел так далеко,

что предложил IX Всеукраинскому съезду Советов в мае 1925 г. создать «административные образования еврейских волостей, районов и округов или даже еврейской республики», и повсюду выражались надежды, что в один прекрасный день это может привести к созданию Еврейской Советской республики⁴⁷.

БЮДЖЕТЫ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Бюджеты союзных республик, подчиненные государственному бюджету, были второстепенной проблемой бюджетной политики. Финансовые отношения между союзным и республиканскими бюджетами были с необычайной точностью обусловлены в первой главе Конституции СССР, принятой 6 июля 1923 г. и предусматривавшей следующие вопросы среди тех, которые попадали под компетенцию верховных органов страны: «Утверждение единого Государственного бюджета Союза Советских Социалистических Республик, в состав которого входят бюджеты союзных республик; установление общесоюзных налогов и доходов, а также отчислений от них и надбавок к ним, поступающих на образование бюджетов союзных республик; разрешение дополнительных налогов и сборов на образование бюджетов союзных республик; установление единой денежной и кредитной системы».

Следствием этих положений было закрепление за государственными органами СССР неограниченных финансовых и бюджетных прав. Наркомфин был союзно-республиканским ведомством, поэтому в каждой республике существовал свой наркомфин, подчиненный центральному; республиканские наркомфины были, по сути дела, не более чем отделениями Наркомфина СССР. Поскольку до образования СССР Украинская и Закавказская ССР имели собственные независимые бюджеты¹, это означало официальное урезывание прав, которыми республики обладали ранее. Однако, поскольку до 1923 г. бюджеты были во многом фиктивными, а другие республики фактически находились в финансовой зависимости от РСФСР, это урезывание было скорее не реальным, а номинальным. Непосредственным результатом введения новых положений была почти полная финансовая централизация. В бюджете 1923—1924 гг. 96% всех доходов поступало в союзный бюджет, и 87% всех расходов оплачивалось из него же. В бюджет РСФСР поступало 2,8% доходов, а оплачивалось из него 10% всех расходов; соответствующие цифры по бюджету УССР составляли 1 и 2,4%².

Когда Сокольников делал свой доклад о бюджете на сессии ЦИК в октябре 1924 г., неудобство излишней централизации уже признавалось всеми, и он мог не только дать оптимистичный и

компетентный обзор состояния финансов страны в целом³, но и высказать согласие на уступки претензиям республик на финансовую автономию. Хотя было «совершенно необходимо» сохранить финансовое единство Союза, так называемый главкизм показывал, что «не всякий централизм полезен». Цель проекта закона о бюджетных правах, который он представил на рассмотрение ЦИК, заключалась в том, чтобы обеспечить каждой республике «действительное проявление тех сил, которыми она располагает в республиканском масштабе для наилучшего построения своего финансового хозяйства»⁴. Тем не менее, если не принимать во внимание определенной степени реальной децентрализации, уступка республикам была скорее внешней. В республики поступало меньше 20% всех союзных доходов, а оплачивали они 22,5% расходов, и ни одна из них не имела сбалансированного бюджета. Даже если бы такое положение было поправлено — что частично и произошло в последующие годы — выделением республикам большей доли доходов и увеличением их доли в союзном бюджете, принцип «единства бюджета», на котором настаивал Сокольников, был прочно закреплен в конституции. Проект закона, одобренного Совнаркомом и представленного теперь на рассмотрение ЦИК, был предназначен для проведения такой установки в жизнь. В ходе прений в обеих палатах только Скрыпник, выступая в Совете Национальностей, заявил серьезный протест, требуя деления как прямых, так и косвенных налогов между Союзом и республиками в постоянной пропорции и указав, что республики поставлены в положение бедных родственников, у которых всегда чего-нибудь не хватает⁵. Другие ораторы от республик по большей части довольствовались просьбами о второстепенных уступках и поправках.

По окончании прений закон о бюджетных правах был принят с несколькими формальными поправками. Каждая союзная республика должна была иметь свой отдельный бюджет, подготовленный ее наркомфином и утвержденный ее центральным исполнительным комитетом. Однако эти бюджеты подлежали рассмотрению Совнаркомом СССР⁶, после чего включались в государственный бюджет в качестве его составной части. Что касается доходов, то все косвенные налоги поступали в союзный бюджет. Доходы от прямого налогообложения также фиксировались союзным бюджетом, но часть их могла быть возвращена республикам одним из двух способов: либо из суммы налога вычитался какой-то процент и возвращался республике, либо к сумме налога добавлялась еще какая-то сумма, которая шла в пользу республики. Неналоговые доходы, главным образом прибыль государственных предприятий, делились между союзным и республиканскими бюджетами в зависимости от характера деятельности этих предприятий, а республикам было предоставлено право вводить некоторые сборы и налоги на свой собственный счет. Что же касается расходов, то республики должны были оплачивать не только содержание аппарата управления, но и затраты на образование,

культуру, здравоохранение, трудовые ресурсы и сельское хозяйство, а также все расходы по автономным республикам и областям (имевшим собственные бюджеты) и местным советам и их исполнительным комитетам (которые в то время бюджета не имели). Теоретически была поставлена задача сбалансировать бюджет в рамках бюджета союзного. Тем не менее, хотя децентрализация в части расходов была удобной, представлялось маловероятным, чтобы центральная власть ослабила свой контроль над налогами, которые были, как пояснил один обозреватель, «не только фискальными источниками, но и орудием как экономической, так и социальной политики Союза»⁷. Хотя был достигнут определенный прогресс в отношении сбалансированности бюджетов республик, принцип «единства бюджета», выраженный в первую очередь в централизованном контроле доходов, всегда соблюдался достаточно строго. Поскольку денежная и кредитная политика также была сосредоточена в руках центральных органов, СССР был и оставался во всех существенных финансовых отношениях высоко централизованным унитарным государством.

Бюджетная система, утвержденная декретом от 29 октября 1924 г., не менялась в течение двух с половиной лет. Субсидирование республиканских бюджетов из союзного продолжало вызывать критику со стороны тех, кто желал усиления независимости республик. ЦК партии в январе 1925 г. рекомендовал «более близкое участие представителей союзных республик и областей» в составлении бюджета⁸. На III съезде Советов СССР в мае 1925 г. Сокольников объявил о своем намерении в следующем бюджете «закрепить за союзными республиками устойчивые источники доходов», с тем чтобы можно было обойтись без субсидий⁹. В резолюции съезда это намерение подтверждалось, и требовалось в кратчайший срок произвести разграничение «предприятий и имуществ» между Союзом ССР и союзными республиками «в сторону увеличения объема имуществ и предприятий, предоставленных союзным республикам»¹⁰. Наркомфин предпринял несколько попыток провести это решение в жизнь. Бюджетными предположениями, представленными Сокольниковым Наркомфину в ноябре 1925 г., предусматривался полный баланс доходов и расходов в бюджетах РСФСР и Украинской ССР, тогда как дефицит бюджета более бедных Белорусской, Закавказской, Туркменской и Узбекской ССР должен был покрываться за счет субсидий, хотя теперь и в меньших размерах; из общего дохода в 3620 млн. рублей по республикам распределялось 648 млн. рублей, или 17,5%¹¹. Эти предположения впоследствии оказались слишком оптимистичными. При росте союзного бюджета до 3900 млн. рублей доля доходов союзных республик тоже увеличилась, но из республиканских бюджетов удалось свести без субсидий только бюджет РСФСР. Итоговые доходы и расходы в разрезе республик за финансовые 1924/25 и 1925/26 гг. выглядели следующим образом (в млн. рублей)¹²:

	Доходы		Расходы		Дефицит	
	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26
РСФСР	407,2	733,7	464,8	681,4	57,6	—
Украинская ССР	77,3	178,3	96,5	186,2	19,2	7,9
Белорусская ССР	15,5	35,7	18,7	43,2	3,2	7,5
Закавказская ССР	23,3	36,4	45,3	74,3	22,0	37,9
Туркменская ССР	4,5	4,7	7,7	15,3	3,2	10,6
Узбекская ССР	13,8	23,3	26,0	41,4	12,2	18,1
Итого:	541,6	1012,1	659,0	1041,8	117,4	82,0

Отличительными чертами этой картины были быстрое увеличение бюджета во всех союзных республиках и рост дефицита во всех республиках, кроме РСФСР и Украинской ССР. Это достаточно убедительно свидетельствует о материальном развитии страны, особенно его более отсталых территорий. Но это открывает также глаза и на то, до какой степени материальное развитие углубило зависимость малых и слабых республик от центральной власти. Прогресс в упорядочении бюджетных систем республик, продолжавшийся в последующие годы, был скорее показателем усиления эффективности мер по делегированию полномочий, нежели какого-либо ослабления централизованного управления бюджетной политикой. Налогообложение было слишком жгучим социальным вопросом и слишком важным инструментом социальной политики, чтобы можно было предоставить его местной инициативе, за исключением весьма ограниченных случаев; в этом отношении, как и в других, введение планирования оказалось весомым фактором, сработавшим в пользу централизованного контроля. 12 января 1926 г. Совнарком поручил Наркомфину разработать проект поправок к закону от 29 октября 1924 г., с тем чтобы более полно учесть запросы союзных республик¹³. На сессии ЦИК в апреле 1926 г. Куйбышев еще раз в принципе признал, что «бюджетные права и возможности союзных республик должны быть расширены». Однако это дело требовало дальнейшей проработки, и оно было отложено до следующей сессии, чтобы на ней окончательно рассмотреть его и принять решение¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Наследие истории

1. *A. de Tocqueville. L'Ancien régime et la révolution française. Livre III, ch. II.*
2. *J. Burckhardt. Reflections on History (Engl. transl. 1943), p. 120.*
3. *A. Sorel. L'Europe et la révolution française. 1885, vol. I, p. 222—223.*
4. См. ниже, гл. 2.
5. *A. Sorel. L'Europe et la révolution française, 1885, vol. I, p. 541—542.*
Примечательно, что Токвиль, получивший в 1848 г. портфель министра иностранных дел, и Сорель, специалист по истории дипломатии, оба признанные авторитеты, настойчиво указывали на существование нитей, связывавших Французскую революцию с предшествующими ей режимами.
6. *Ibid., p. 540.*
7. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 2.
8. Эту точку зрения настойчиво опровергает А. Байков. См.: «Economic History Review», vol. 7, No. 2 (December 1954), p. 137—149.
9. Это выражение, по всей вероятности, было впервые применено французским либеральным журналистом Жирарденом, который в «Ля Пресс» от 6 июня 1848 г. выделил два типа революции: «сверху» (*par en haut*), то есть революция, совершаемая с помощью инициативы, интеллекта, прогресса, идей, и «снизу» (*par en bas*), которая совершается чернью посредством бунта, силы, отчаяния». Прудон, цитируя этот отрывок в своей «Исповеди революционера», громил в качестве «революционеров сверху» не только Людовика XIV, Робеспьера, Наполеона и Карла X, но и Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Кабе и Луи Блана которые ратовали за контроль над трудящимися со стороны «государства, капитала или любой иной власти». См.: «Euvres completes de P.-J. Proudhon», 1876, vol. IX, p. 26—27.
10. *N. Turgenev. La Russie et les Russes, 1847, vol. III, p. 5.*
11. *De Custine. La Russie en 1839. Brussels, 1843, vol. IV, p. 153—154.*
12. О взглядах на эту проблему в XIX веке см.: «Russia and Europe» as a Theme of Russian History». — In: «Essays Presented to Sir Lewis Namier», 1956, p. 363—385.
13. В 1901 г. Троцкий писал: «Недаром чистый либерализм со всеми манчестерскими символами веры отцвел у нас, не успевши расцвести: он решительно не имел под собой почвы. Можно было импортировать манчестерские идеи... но нельзя импортировать питавшей их социальной среды» (см.: *Л. Троцкий. Соч.*, т. XX, с. 85—85). Десять лет спустя он писал об «обуржуазивании» и «европеизации» русской интеллигенции, имея в виду, что она потеряла интеллектуальную самостоятельность и превратилась в орудие правящего класса (там же, с. 351—352).
14. О слабых попытках некоторых первых русских марксистов и самого Маркса избежать этого условия см.: «Большевистская революция...», т. 2, прилож. В.
15. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 1.
16. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 6, с. 24 (здесь и далее ссылки на работы В. И. Ленина, а также К. Маркса и Ф. Энгельса даны по последним изданиям. — *Ред.*).

17. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.
18. Л. Троцкий. Наши политические задачи. Женева, 1904, с. 69.
19. «Социал-демократ» (Петербург), № 2, 6 октября 1906 г., с. 5.
20. «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП», 1934, с. 133—134.
21. В 1894 г. Плеханов писал Аксельроду: «Ты европеец по преимуществу, а это очень важно в каждой русской партии» («Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», 1925, т. I, с. 138). Эта реплика одинаково хорошо показывает как взгляды автора письма, так и его адресата.
22. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 421.
23. Цитируется по книге Г. Зиновьева «Лицом к деревне», 1925, с. 24, так как автору не удалось получить доступ к оригиналу. Уже в 1925 г. Зиновьев указывал на то, что партия «обнаруживает непреклонную волю не делать ни пяди уступок «европейскому» псевдомарксизму, обряженному в «левую» троцкистскую мантию...» (указ. соч., с. 26).
24. См., в частности, случай, описанный в: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 4.
25. Цитируется по книге Баньяна и Фишера «Большевистская революция» («The Bolshevik Revolution, 1917—1918». Stanford, 1934, p. 42).
26. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 2. Плеханов также принимал обвинение в сходстве с якобинцами, предпочитая его гуманитарному либерализму Аксельрода (см.: «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», 1925, т. I, с. 44, 192; т. II, с. 118).
27. В 1905 г. Плеханов обвинил большевиков в том, что они вносят в марксизм волюнтаризм Маха и идеалистов. См.: В. И. Ленин. Соч., 3-е изд., т. VII, с. 267, прим. 121 (см. также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, с. 134. — *Ред.*).
28. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП», 1929, с. 206.
29. В материалах сборника сменовеховцев, опубликованных в 1921 г., один из авторов заявляет, что «Россия сразу, в несколько месяцев Временного Правительства, перелетела через все те иллюзии демократического строя, которые Европа изживала более ста лет» («Смена вех». Прага, 1922, 2-е изд., с. 109).

Глава 2. Новые взгляды

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 324—325, 327.
2. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 111—112.
3. «Тринадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков)», 1924, с. 393.
4. «Пятый Всероссийский съезд РКСМ», 1927, с. 114.
5. L. Trotsky. La Révolution Trahie. [1936], p. 187.
6. «Молодая гвардия», 1926, № 1, с. 235.
7. Доклад Ярославского Центральной контрольной комиссии («Правда», 9 октября 1924 г.). В книге И. Бобрышева «Мелкобуржуазные влияния среди молодежи», 1928, с. 97, рассказывается об оправдании самоубийства, прозвучавшем на одном комсомольском собрании: «Они ссылались на то, что вот раньше, в период гражданской войны, самоубийств среди коммунистов не могло быть, что раньше был героизм, теперь ему на смену пришли самые обыденные вещи, которые не могут вызвать энтузиазма, зажечь революционным огнем. В подтверждение приводились ссылки на то, что вот, дескать, и старые большевики-подпольщики не выдерживают будней и отправляются в „иной мир“».
8. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 383; см. также об этом ниже, гл. 3.
9. Л. Троцкий. Соч., т. XXI, с. 18, 39.
10. «За сто лет». Лондон, 1897, с. 43.
11. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 77.
12. A. Babel. Die Frau und der Sozialismus. Stuttgart, 1981, S. 338; русский перевод книги с предисловием Коллонтай вышел в 1918 г. в Петрограде.
13. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 51—52.

14. «Собрание узаконений», 1917—1918, № 11, ст. 160.
15. Там же, № 10, ст. 152.
16. Там же, № 76—77, ст. 818: о признании фактического брака см. ниже, с. 38—39.
17. «Собрание узаконений», 1920, № 90, ст. 471.
18. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 202.
19. K. Zetkin. Erinnerungen an Lenin. Vienna, 1929, S. 75.
20. «Третий Всероссийский съезд РКСМ», 1926, с. 306.
21. «Тринадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)», 1924, с. 545.
22. А. Коллонтай. Новая мораль и рабочий класс, 1919, с. 59.
23. А. Коллонтай. Семья и коммунистическое государство, 1920, с. 20, 22.
24. «Быт и молодежь», 1926, с. 8.
25. C. Zetkin. Erinnerungen an Lenin. Vienna, 1929, S. 62—63.
26. П. Романов в некогда знаменитом рассказе «Без черемухи», первоначально опубликованном в «Молодой гвардии», 1926, № 6, с. 13—21, от лица своей героини жаловался, что «на всех, кто в любви ищет чего-то большего, чем физиология, смотрят с насмешкой, как на убогих и умственно поврежденных субъектов». Впоследствии о своем участии в жарких спорах относительно этого рассказа вспоминал один из их участников («Юный коммунист», 1931, № 12, с. 54).
27. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8.
28. «Пятый Всероссийский съезд РКСМ», 1927, с. 114, 124—125, 315—317.
29. Л. Троцкий. Вопросы быта, 2-е изд., 1923, с. 121—125. Трудности для женщины совмещать партийную работу с супружескими обязанностями описаны в романе Гладкова «Цемент», опубликованном в 1924 г.; однако дальше описания этих трудностей автор не пошел.
30. На совещании, которое проводил Троцкий, один из выступавших сокрушался, что какой-то лектор на лекции по вопросам семьи и брака свел разговор к изложению работы Энгельса, тогда как «нужно было сделать вывод из этого сочинения Энгельса для настоящего времени, а этого мы как раз не можем сделать» (Л. Троцкий. Вопросы быта, 2-е изд., 1923, с. 125).
31. «Правда», 9 октября 1924 г.
32. «Известия», 15 мая 1925 г.
33. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», 1926, с. 815.
34. «Молодая гвардия», 1926, № 3, с. 136—148.
35. «2-й съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Постановления», 1924, с. 8.
36. «Собрание законов», 1924, № 3, ст. 33; декрет РСФСР о создании местных фондов опубликован в «Собрании узаконений», 1925, № 8, ст. 53.
37. «Тринадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)», 1924, с. 545—546.
38. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет XI созыва, вторая сессия», 1924, с. 116—118.
39. А. И. Рыков. Соч., т. III. 1929, с. 194.
40. Д. Курский. Избранные статьи и речи, 1948, с. 147—148.
41. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет XI созыва, вторая сессия», 1924, с. 117—118. Обстоятельный декрет РСФСР от 8 марта 1926 г. предусматривал устройство бездомных детей в «семьях трудящихся в случае согласия на то последних» с оказанием этим семьям материальной поддержки из общественных фондов («Собрание узаконений», 1926, № 19, ст. 143); за этим последовал декрет от 5 апреля 1926 г. (там же, № 21, ст. 168), в котором указывалось, что крестьянской семье, принимающей на содержание беспризорного ребенка, полагается дополнительный земельный участок, который освобождается от налогообложения на три года.
42. «Известия», 2 января 1926 г.
43. «Статистический справочник СССР за 1928 г.», 1929, с. 896—897.
44. В резолюции ЦИК, опубликованной в апреле 1926 г., еще говорилось о необходимости «мероприятий, направленных к ликвидации детской беспри-

зорности» на Украине («СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия. Постановления», 1926, с. 23).

45. «Известия», 20 февраля 1926 г. В брошюре А. Сабсовича, написанной в 1929 г. (цитируемой в кн.: R. Schlesinger. The Family in the USSR, 1947, p. 169—171), в качестве высшего идеала все еще рассматривалось воспитание детей с самого раннего возраста в специальных казенных учреждениях на содержании государства. Позднее эта идея стала абсолютно неприемлемой даже в качестве отдаленной перспективы.

46. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет XII созыва, вторая сессия», 1925, с. 254—255.

47. Там же, с. 304—305.

48. Согласно статье 133 кодекса о семье от 1918 г. (см. выше с. 33), права детей, рожденных вне брака, никоим образом не отличаются от прав законнорожденных детей, однако право на получение алиментов или раздел имущества в случае развода предоставляется лишь в том случае, если брак зарегистрирован.

49. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», 1926, с. 689—690. «Известия» от 9 января 1926 г. писали о дискуссии, разгоревшейся в провинциальной печати. Речь шла о следующем: в городах женщины выступали за то, чтобы уразить фактический брак с зарегистрированным, тогда как мужчины выступали против, так как это на практике означало укрепление материальных претензий матери к отцу ее ребенка. В деревне же все были против единогласно. В партийных кругах считали, что в принципе такая мера целесообразна, однако вряд ли приемлема, «учитывая еще темноту массы, в особенности крестьянства». «Известия» от 31 января 1926 г. писали о том, что, судя по сообщениям, поступающим из разных районов страны, подавляющее большинство населения было настроено против уравнивания в правах фактического и зарегистрированного брака.

50. В РСФСР, где исход дела решал удельный вес городов и престиж, которым они пользовались в партийных органах, предложение признать равные права и обязанности в случае фактического и законного брака в какой-то момент завоевало поддержку и было записано в семейном кодексе от ноября 1926 г. («Собрание узаконений», 1926, № 82, ст. 612). В других республиках, где преобладало влияние крестьян, это предложение так и не было принято.

51. Наиболее полное и объективное изложение этих событий вместе с библиографией содержится в: «Orientalia Christiana Analecta». Roma, 1941. No. 129. Книга «Путь моей жизни» митрополита Евлогия, опубликованная в Париже в 1947 г., является автобиографией члена синода в 1917—1918 гг.

52. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 7.

53. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 289.

54. Л. Троцкий. Соч., т. XII, с. 141.

55. «Советское строительство. Сборник», т. 4—5, 1926, с. 138.

56. «Собрание узаконений», 1922, № 19, ст. 215.

57. Там же, ст. 217, 218; предыдущий декрет от 9 февраля 1922 г. предусматривал продажу музейных ценностей для борьбы с голодом (там же, № 19, ст. 216).

58. См., например, «Известия» от 28 марта 1922 г. и «Правду» от 19 мая 1922 г.

59. «Известия», 5 августа 1922 г.

60. «Известия», 10 января 1923 г.

61. «Междоцарствие...», гл. 6.

62. «Известия», 29 марта 1922 г.

63. «Известия», 14 мая 1922 г.

64. Развитие «Живой церкви» описано в: «Orientalia Christiana». Roma, 1928, No. 46, p. 8—15; M. Spinka. The Church and the Russian Revolution. New York, 1927, p. 190—224; W. C. Emhardt. Religion in Soviet Russia, 1929, p. 304—332 (указанный раздел книги написан православным теологом-эмигрантом). Многие православные источники содержат разоблачение одного из лидеров движения «Живая церковь», Введенского, как «крещеного еврея» (ibid., p. 312). В них «Живая церковь» именуется «еврейской» церковью, которая

своим существованием обязана неким «еврейским агитаторам» (см. документ, который пространно цитируется в: «*Orientalia Christiana*». Roma, 1923, No. 4, p. 214—217). На Украине, где особенно сильно был развит антисемитизм, главую местной «Живой церкви» клеймили как «наместника обрезанного еврея Бронштейна» (ibid., p. 132—133). Наиболее полная картина антисемитизма того периода нарисована Троцким («Вопросы быта», 2-е изд., 1923, с. 143—145).

65. «Правда», 23 августа 1922 г.

66. «Собрание узаконений», 1922, № 49, ст. 622, 623.

67. Л. Троцкий. Литература и революция, 1923, с. 23. Более удачное сравнение было предложено одним из советских авторов в работе, посвященной «Живой церкви» и озаглавленной «Смена вех в церкви» (цитируется в кн.: W. C. Emhardt. Religion in Soviet Russia, 1929, p. 80); подробнее о сменовеховцах см. ниже, с. 52—55.

68. Л. Троцкий. Вопросы быта, 2-е изд., 1923, с. 143, 145.

69. Там же, с. 146.

70. Документированное описание этого синода см. в: «*Orientalia Christiana*», Roma, 1924, No. 11, p. 22—26; 1928, No. 46, p. 32—40; M. Spinka. The Church and the Russian Revolution. New York, 1927, p. 332—349. Краткие сообщения появлялись в «Правде» от 5, 8 и 9 мая 1923 г.

71. «Известия», 5 мая 1923 г.

72. «Междущаствие...», гл. 1.

73. «Известия», 27 июня 1923 г.

74. В интервью, опубликованном газетой «Манчестер гардиан» от 15 июля 1923 г., Тихон заявил: «Мы, приверженцы старой церкви, ныне боремся не с Советской властью, а с "живой церковью"». На вопрос относительно причин своего освобождения Тихон ответил: «Насколько я понимаю, правительство после ознакомления с моим делом пришло к выводу, что я не принадлежу к контрреволюционерам. Мне было предложено выступить с публичным заявлением по этому поводу, что я и сделал».

75. Перевод этого заявления содержится в кн.: W. C. Emhardt. Religion in Soviet Russia, 1929, p. 129—131.

76. M. Spinka. The Church and the Russian Revolution. New York, 1927, p. 271—272.

77. «Собрание узаконений», 1924, № 82, ст. 827. Соответствующие положения из декретов Украинской и Белорусской республик см. в кн.: П. Гидульнов. Отделение церкви от государства в СССР, 3-е изд., 1926, с. 18, 19.

78. «Правда», 12 и 13 апреля 1925 г.

79. «Правда», 15 апреля 1925 г.

80. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 100—101.

81. Эта точка зрения полностью совпадает с отношением Ленина к религии. Он считал, что член партии обязан быть атеистом, даже воинствующим атеистом, однако государство должно быть терпимо к религиозной деятельности, если последняя не ведет к нарушению общественного порядка.

82. Критик-футурист Брик называл буржуазное искусство «болотным зловонием», а Маяковский требовал расстрела Рафаэля, Растрелли, Пушкина и других «генералов классики». Это требование вызвало протест Луначарского против «разрушительных тенденций» по отношению к прошлому и против попыток отдельных школ выступать от имени властей. Все эти попытки нашли отражение в полуофициальном журнале «Искусство коммуны» в декабре 1918 г. и январе 1919 г. и цитируются в книге В. Полонского «Очерки литературного движения революционной эпохи» (2-е изд., 1929, с. 33, 249—251).

83. В статье, написанной в феврале 1914 г., Троцкий писал: «...явление футуризма является совершенно закономерным и наиболее в своем роде законченным увенчанием эпохи, о которой можно с полным правом сказать: в начале было слово, а также в середине и в конце» (Л. Троцкий. Соч., т. XX, с. 380).

84. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 249. Возможно, отрицательное отношение Ленина было вызвано подозрением, что богдановская «пролетарская философия» зиждется на философии его учителя Маха. Подробнее о деятельности Богданова см. в: «Литературная энциклопедия», 1930, т. 1, с. 526—530.

85. «Литературная энциклопедия», 1935, т. 9, с. 309—311. Здесь среди прочих видных деятелей Пролеткульта названы Полянский, Плетнев и Керженцев. Полянский был историком и литературным критиком, а Керженцев относился к партийцам-интеллектуалам, принимал активное участие в работе Центрального института труда («Междоусерствие...», гл. 2), был полпредом в Швеции и Италии («Литературная энциклопедия», 1931, т. 5, с. 187—189). Подробнее о Плетневе см. ниже, с. 57.

86. «Литературная энциклопедия», 1931, т. V, с. 703—707. Манифест цитируется в книге В. Полонского «Очерки литературного движения революционной эпохи» (2-е изд., 1929, с. 52—53).

87. Подробное описание взглядов Богданова со ссылками на его работы содержится в книге В. Полонского «Очерки литературного движения революционной эпохи» (2-е изд., 1929, с. 56—71).

88. Троцкий, пытаясь объяснить бедность тогдашней литературы и отвечая на упрек в том, что нынче нет Белинских, заявил, что, будь Белинский жив, он, возможно, вошел бы в состав Политбюро (*Л. Троцкий. Литература и революция*, 1923, с. 155).

89. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 174. Эту же идею развивал Троцкий в статье «Пролетарская культура и пролетарское искусство», полагая, что русскому пролетариату, пришедшему к власти путем революции еще до того, как он успел впитать буржуазную культуру, следует прежде всего восполнить этот пробел (*Л. Троцкий. Литература и революция*, 1923, с. 144).

90. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, с. 368.

91. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 301, 304.

92. «Известия», 8 октября 1920 г.

93. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 336.

94. Основные источники, касающиеся «Серапионовых братьев», см. в: «*American Slavic and East European Review*», 1949, vol. 8, p. 47—64. Воспоминания одного бывшего члена этой группы содержатся в кн.: *V. Pozner. Panorama de la littérature russe contemporaine*, 1929, p. 324—327.

95. *Л. Троцкий. Литература и революция*, 1923, с. 41.

96. Там же, с. 41—42. Далее в этой же книге (с. 164) Троцкий пишет, что «своеобразное новонародничество характерно для всех попутчиков».

97. «Писатели об искусстве и о себе», 1924, № 1, с. 83—84 (насколько известно, это единственный номер данного издания). Особенности мировоззрения Пильняка становятся понятны из монолога неграмотного деревенского старика в его романе «Голый год»: «— Ходила Россия под татарами — была татарская ига. Ходила Россия под немцами — была немецкая ига. Россия сама себе умная. Немец — он умный, да ум-то у него дурак, — про ватеры припасен. Говорю на собрании: нет никакого интернационала, а есть народная русская революция, бунт, и больше ничего. По образу Степана Тимофеевича. — «А Карла Марксов?» — спрашивают. — Немец, говорю, а стало быть дурак. — «А Ленин?» — Ленин, говорю, из мужиков, большевик, а вы должны коммуны. Должно, говорю, трезвонить от освобождения ига! Мужикам землю! Купцов — вон! Помещиков — вон, шкурники! Учредилку — вон, а надо совет на всю землю, чтобы все приходили, кто хочет, и под небом решали. Чай — вон, кофий — вон, — брага. Чтобы была вера и правда. Столица — Москва. Верь во что хошь, хоть в чурбана. А коммунов — тоже вон! — большевики, говорю, сами обойдутся».

98. Критик Полонский остроумно подметил сходство отношения «попутчиков» к революции с отношением героя Достоевского Шатова к богу. Шатов веровал в Россию и православие, полагая, что «Христос снова придет в Россию»; но когда его спросили, верит ли он в бога, он ответил: «Я буду верить в бога» (*В. Полонский. О современной литературе*, 1928, с. 73; в книге Полонского речь идет об отношении к революции не Шатова, а писателя Пильняка. — *Ред.*).

99. «Смена веж». Прага, 1922, 2-е изд., с. 50, 52—71. Тема примирения интеллигенции с государством, а также само название сборника сознательно напоминали о знаменитом издании «Вежи», опубликованном в 1908 г. группой сомкнувшихся с православием русских интеллигентов, которые выступили с

критикой интеллигенции за отрыв от народа. Вскоре после этого Устрялов писал: «В большевиках и через большевизм русская интеллигенция преодолевает свое историческое отщепенство от народа и психологическое отщепенство от государства» (*Н. Устрялов*. Под знаком революции, 1927, 2-е изд., с. 257—258).

100. «Смена вех». Париж, № 3, 12 ноября 1921 г.; № 13, 21 января 1922 г.; последним стал № 20 от 25 марта 1922 г.

101. «Известия», 13 октября 1921 г.; «Правда», 14 октября 1921 г.

102. На XI съезде партии Ленин с негодованием говорил о том, что Устрялов и его сподвижники предлагают свои услуги Советской власти, «потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 94).

103. *Н. Бухарин*. Пролетарская революция и культура, 1923, с. 5—6.

104. *В. Полонский*. Очерки литературного движения революционной эпохи, 1929, 2-е изд., с. 291—292. В библиографии данного издания три тома значатся под номерами 23, 29 и 30; доступ к этим книгам получить не удалось.

105. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 94.

106. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 244.

107. «Красная новь», 1921, № 3, с. 271.

108. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 244—245.

109. См. ниже, гл. 5.

110. «Плановое хозяйство», 1925, № 1, с. 263—265; «Большевик», 1925, № 5—6 (21—22), с. 115—125.

111. Один из авторов сборника «Русская историческая литература в классовом освещении» (1927, т. I, с. 54) писал, что под многими из статей мог бы подписаться Иван Аксаков.

112. *Н. Устрялов*. Под знаком революции, 1927, 2-е изд., с. IX. Визит в Москву послужил поводом для резкой критики сменовеховцев в «Плановом хозяйстве» (1926, № 6, с. 215—233).

113. Это стихотворение было написано в период между 15 (28) и 17 (30) января 1918 г. во время второго появления Троцкого в Брест-Литовске. К моменту его публикации в журнале левых эсеров «Знамя труда», 20 февраля 1918 г., переговоры были прекращены и наступление немцев возобновилось.

114. Эта волна захватила и официальные круги. Так, 27 января 1925 г. «Правда» поместила большую статью Покровского, посвященную 150-й годовщине казни Пугачева 10 (21) января 1775 г.

115. «Исход к востоку». София, 1921. Следующий сборник под названием «На путях» вышел в 1922 г. (оба эти издания имели подзаголовок «Утверждение евразийцев»). В период между 1923 и 1930 гг. в Праге вышло несколько номеров периодического издания, которое сначала называлось «Евразийский временник», а позднее — «Евразийская хроника», а также некоторые другие публикации.

116. *В. Полянский*. О современной литературе, 1928, с. 52.

117. *Н. Устрялов*. Под знаком революции, 1927, 2-е изд., с. 188.

118. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 463—467.

119. «Литературная энциклопедия», 1934, т. VIII, с. 691—692.

120. Речь идет о номерах «Правды» от 27 сентября и 25 октября 1922 г. Критические заметки Ленина вместе с иллюстрацией, воспроизводящей соответствующую страницу «Правды», появились в «Вопросах культуры при диктатуре пролетариата» (1925). В своих последних работах Ленин продолжал критику Богданова, утверждая, что трудности, связанные с ликвидацией безграмотности, служат «грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях “пролетарской культуры”», и что предстоит еще много сделать для того, чтобы «достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 364). Яковлев продолжил свое наступление на «попутчиков» в статье «Меньшевизм в пролеткультовских одеждах» («Правда», 1 января 1923 г.).

121. См. об этом в части III следующего тома.

122. *C. Zetkin*. Erinnerungen an Lenin. Vienna, 1929, S. 12—13. Троцкий так определил свое отношение к литературным группировкам того времени:

«Надо поставить во главу угла критерий «за» и «против» революции и дать им полную свободу творчества на их собственной платформе» (*L. Trotsky. La Révolution Trahie. n.d. [1936], p. 206*). Как видим, это мнение исключало нейтралитет по отношению к революции в качестве допустимой позиции литератора.

123. «Печать и революция», 1921, № 1, с. 7—8.

124. *В. Полонский*. Очерк литературного движения революционной эпохи, 2-е изд., 1929, с. 132—136.

125. По свидетельству М. Слонима (*M. Slonim. Modern Russian Literature. New York, 1953, p. 278*), Бердяев, Булгаков и другие писатели попали в число запрещенных в результате публикации статьи Троцкого «Диктатура, где твой кнут?», содержащей критику их произведений.

126. «Социалистический вестник». Берлин, № 20—21, 27 ноября 1923 г., с. 8—9.

127. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 19.

128. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, с. 496. За много лет до этого Герцен объединил римское право, католическую церковь и господство буржуазии в черную троицу, которая никогда не будет приемлема в России («Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена», 1919, т. VIII, с. 151).

129. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, с. 99. Согласно более раннему ленинскому определению, «закон... есть политика» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 30, с. 99). В 1920 г. Ленин цитировал собственную статью, датированную 1906 г.: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть. *Не что иное, как это*, означает понятие «диктатура»...» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, с. 320; т. 41, с. 383). В апреле 1917 г. Ленин определял термин «революционная диктатура» как «власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон*, изданный централизованной государственной властью» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 145). Даже в 1926 г. на сессии ВЦИК еще преобладало мнение о том, что в принципе «закон строится по методу буржуазному», что в любом законодательстве «нет коммунизма» («III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», 1926, с. 134, 585).

130. *А. Гайхбарг*. Основы частного имущественного права, 1924, с. 8—9.

131. «Сборник узаконений», 1917—1918, № 4, ст. 50. Этот декрет предусматривал организацию «революционных трибуналов» для рассмотрения дел по обвинению в контрреволюционной деятельности и спекуляции. Это было первым шагом на пути создания системы юрисдикции, специально предназначенной для политических дел. Она будет рассмотрена нами в части IV следующего тома.

132. Там же, № 20, ст. 420. Упор на «революционное правосознание» на начальном этапе отражал теорию «интуитивного», или «психологического», характера права, выдвинутую Петражицким, юристом с дореволюционным стажем, известным своими кадетскими взглядами. Петражицкий имел много последователей, среди которых было большинство эсеров и некоторые большевики. Определение «революционное» было призвано оградить советскую теорию права от подозрений в том, что предпринимается попытка протащить в нее идеалистические концепции. Впоследствии тот факт, что в декретах от ноября 1917 г. и февраля 1918 г. уделялось такое большое внимание «правосознанию», иногда объясняли тем, что они были приняты в период, когда на посту наркома юстиции находился левый эсер Штейнберг. Это представляется малоубедительным. Наиболее полное изложение этой теории права с большевистских позиций можно найти в книге М. Рейснера «Право, наше право, иностранное право» (1925), которая широко цитируется в кн.: «*Soviet Legal Philosophy*», Harvard, 1951, p. 86—87. Судя по тому, что пишет Рейснер, акцент на «революционное правосознание» в первых советских декретах о законах был сделан под влиянием Луначарского «при поддержке Ленина». Луначарского, который в свое время был последователем Богданова, всегда подозревали в приверженности идеализму. В январе 1918 г. Стуцка писал: «...мы встали на ее (школы Петражицкого) точку зрения об интуитивном праве, но мы глубоко расходимся с

нею в обосновании этой точки зрения» (*П. Стучка*. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права, 1931, с. 10). Впоследствии он указывал, что это положение было включено в декрет 1917 г. «по необходимости» и что «...мы никогда не объявили это правосознание некоторым таинственным источником правды и справедливости» (там же, с. 103).

133. «Собрание узаконений», 1917—1918, № 85, ст. 889.

134. «Вестник Коммунистической академии», 1925, т. XIII, с. 236.

135. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16, 17.

136. О кодексе о браке см. выше, с. 33. Пояснения, касающиеся варианта этого кодекса, которые были опубликованы на английском языке в Москве, проливают свет на основы советской политики в законодательной области: «Следует иметь в виду, что, принимая те или иные законодательные акты, пролетарское правительство, решающее задачу построения социализма в России, исходит из того, что эти акты не будут действовать в течение долгого времени. Оно не собирается создавать «вечные» законы или законы, рассчитанные на века... Мы составляем эти законы таким образом, чтобы с каждым днем их существования необходимость в них или в государственных законодательных актах уменьшалась. У этих законов одно предназначение: стать со временем ненужными» («The First Code of Laws of the Russian Socialistic Federal Soviet Republic». Moscow, 1919, p. 4).

137. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

138. «Советское строительство. Сборник», 1926, т. 4—5, с. 88.

139. Там же, с. 92.

140. «Большая Советская Энциклопедия», 1930, т. XVIII, с. 74, статья «Гражданское право».

141. *А. Гойхбарг*. Курс гражданского процесса, 1928, с. 10.

142. «Советское государство и революция права», 1930, № 11—12, с. 48—49.

143. *А. Гойхбарг*. Основы частного имущественного права, 1924, с. 9.

144. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, с. 66.

145. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 288.

146. «Собрание узаконений», 1919, № 66, ст. 590.

147. Об этих трех декретах см. выше, с. 61—63.

148. Об условиях неспособности см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 6.

149. *Д. Курский*. Избранные статьи, речи, 1948, с. 15.

150. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 230.

151. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 163.

152. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 119; «Собрание узаконений», 1917—1918, № 90, ст. 908.

153. В 1919 г. Курский перечислил целый ряд законов, которые позволяли говорить о «новом уголовном праве» (*Д. Курский*. Избранные статьи и речи, 1948, с. 47—55).

154. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 465.

155. «Собрание узаконений», 1921, № 62, ст. 455.

156. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 410; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 328. По всей вероятности, это первый известный случай употребления выражения, которое вскоре было подхвачено. В «Энциклопедии государства и права» (1925, т. I, с. 1150) указывается, что оно появилось в 1920 г., потому что «некоторых из наших товарищей-революционеров задело просто слово “законность”, однако ссылок на более ранние случаи его использования не содержится. Ленин предвидел если не само это выражение, то смысл, который в него вкладывали, когда в августе 1919 г., в разгар гражданской войны, он говорил, что для победы над Колчаком и Деникиным «необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти...» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 39, с. 155). *П. Стучка* в своей книге «13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права» (1931, с. 122) ошибочно относит появление этого выражения к записке Ленина о полномочиях прокурора, написанной в 1922 г. (см. ниже, с. 70), где слово «законность» встречается много раз, однако безо всякого определения.

157. «Советское строительство. Сборник», 1926, т. 4—5, с. 61—62.

158. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 398. По-видимому, это последний известный случай употребления выражения «революционное правосознание» применительно к гражданскому законодательству, к тому же не предназначенный для опубликования. Оно вновь было употреблено Лениным тремя месяцами позже (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 190) в защиту террора; выражение «социалистическое правосознание» вскользь упоминается в уголовных кодексах РСФСР от 1922 г. (ст. 9) и 1926 г. (ст. 45). После 1922 г. оно вышло из употребления.

159. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.

160. «Собрание узаконений», 1922, № 36, ст. 423. Принятие гражданского кодекса нарком юстиции Курский, помимо прочего, объясняет требованием «установить известную систему юридических норм», выдвинутым в Генуе Ллойд Джорджем в качестве условия установления нормальных отношений с Советской Россией (Д. Курский. Избранные статьи и речи, 1948, с. 71). В январе 1922 г. в Каннах Высший совет потребовал от стран, заинтересованных в иностранных кредитах, помимо прочего, «создать такую законодательно-правовую систему, которая санкционирует коммерческие и другие контракты и следит за их исполнением на основе справедливости» («Resolutions Adopted by the Supreme Council at Cannes, January 1922, as the Basis of the Genoa Conference». Cmd. 1621, 1922, p. 3).

161. «Собрание узаконений», 1922, № 15, ст. 153.

162. Следует отметить, что неприятие теории «силы закона», то есть установленного в законодательном порядке ограничения власти государства как такового, отнюдь не означало терпимости по отношению к чиновникам, превысившим полномочия, данные им законом. «Дискредитирование власти... и подрывание авторитета органов власти» карались лишением свободы на срок до шести месяцев (ст. 109) (в соответствующую статью кодекса — на срок до одного года. — *Ред.*), а «незаконное задержание» — на срок до одного года (ст. 115). Преступления, совершенные представителями власти, всегда привлекали особое внимание ЧК, а позднее ОГПУ. Подробнее о борьбе ЧК с такими преступлениями в 1918—1919 гг. см. в кн.: М. Лацис. Два года борьбы на внутреннем фронте, 1920, с. 68—69. Первое упоминание о «революционной законности» на партийной конференции в декабре 1921 г. (см. выше, с. 66) сопровождалось указанием на «строгую ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов». Как писал Стучка, одним из требований революционной законности было преодоление нежелания судов выносить решения, направленные против должностных лиц и государственных учреждений («Вестник Коммунистической академии», 1925, т. XIII, с. 246—247).

163. Применение принципа аналогии натолкнулось на сильное сопротивление. Так, первый вариант кодекса содержал положение, основанное на принципе «Нет наказания, если оно не предусмотрено в законах», согласно которому преступлением считалось действие, названное таковым в данном кодексе («III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва», бюллетень № 3, 17 мая 1922 г., с. 28). Крыленко считал это изменение необходимым в обстановке, «когда целый ряд преступлений постоянно видоизменяется» (там же, с. 34).

164. «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 51—52, с. 1191—1192.

165. «V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции», 1924, с. 242—243.

166. Там же, с. 244. В целом крестьянское население придерживалось мнения, что наказания за уголовные преступления недостаточно суровы («Совещание по вопросам советского строительства 1925 г., январь», 1925, с. 64, 66).

167. Д. Курский. Избранные статьи и речи, 1948, с. 78.

168. О гражданском кодексе см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19. Текст кодекса помещен в «Собрании узаконений», 1922, № 71, ст. 904.

169. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 398.

170. «Собрание узаконений», 1917—1918, № 34, ст. 456.

171. Об этих кодексах см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

172. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 9.

173. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 198—199. Дополнительные объяснения содержатся в т. XXVII, с. 544—545, прим. 142 (3-е изд. — *Ред.*).
174. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва», бюллетень № 3, 17 мая 1922 г., с. 5, 23.
175. «Собрание узаконений», 1922, № 36, ст. 424.
176. «IV сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва», бюллетень № 10, 25 октября 1922 г., с. 24.
177. «Собрание узаконений», 1922, № 69, ст. 902.
178. «Собрание узаконений», 1923, № 46—47, ст. 478.
179. Противоречия, вызванные конституционной стороной этого вопроса, рассматриваются в части IV следующего тома. Статут Верховного суда СССР, утвержденный ЦИК в ноябре 1923 г., изложен в «Собрании узаконений», 1924, № 29—30, ст. 278. Полномочия прокурора СССР определены в декрете от октября 1924 г. («Собрание законов», 1924, № 23, ст. 203).
180. «Большая Советская Энциклопедия», 1930, т. XVIII, с. 737.
181. П. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права, 1931, с. 106. В другом месте Стучка характеризует советский гражданский кодекс как «те же формулы буржуазного гражданского права, повторяющие в общем формулы римского права, созданные около двух тысяч лет тому назад» (там же, с. 121).
182. Е. Пашуканис. Общая теория права и марксизм, 1929, 3-е изд., с. 70, 96, 125. Эта работа, впервые изданная в 1924 г., была полностью переведена и вошла в книгу: «Soviet Legal Philosophy», Harvard, 1951, p. 111—225. Пашуканис рассматривал тюремное заключение на определенный срок как типично буржуазный элемент, который тесно связан с концепцией «абстрактного человека» и «абстрактного человеческого труда, измеряемого временем» («Энциклопедия государства и права», 1925—1926, т. II, с. 917).
183. L. Trotsky. La Révolution Trahie n.d. [1936], p. 85—86.
184. П. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права, 1931, с. 8.
185. Н. Тимашев в издании «American Slavic and East European Review», т. 12, № 4 от декабря 1953 г., с. 441—462, показывает, что составители проекта уголовного кодекса «сознательно заимствовали многие положения дореволюционного законодательства», особенно кодекса 1903 г.; даже оспариваемый принцип аналогии (см. выше, с. 67) присутствовал в русском кодексе 1845 г. Калинин, одобritельно отзываясь о принципе «управления на основе свода законов» в речи на III съезде Советов СССР в мае 1925 г., употребил старый царский термин «свод законов», которого прежде в официальной советской терминологии не использовали («Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 268).
186. П. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права, 1931, с. 81. Первоначально эта статья появилась в журнале «Советское право», 1922, № 3, с. 3—18.

Глава 3. Класс и партия

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 132—133, 136, 138.
2. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 387.
3. ВКП(б) в резолюциях..., 1941, ч. I, с. 463—464.
4. Г. Зиновьев. Лицом к деревне, 1925, с. 93.
5. Эти наименования приводятся в перечислении лиц, относящихся к этой категории, в речи Зиновьева 1924 г. (Г. Зиновьев. Лицом к деревне, 1925, с. 74). Русское слово «комсостав» является военным термином, обозначающим категорию военнослужащих, которая включает офицеров и унтер-офицеров.
6. См., например, «Советы, съезды Советов и исполкомы», 1924, где делегаты основных советских органов делятся на указанные три категории.
7. Дореволюционное русское общество официально делилось на пять «сословий», принадлежность к которым не зависела от рода занятий. По сути дела, все русские фабричные рабочие до 1917 г. относились к «крестьянам».
8. «Междоусобица...», гл. 14.

9. «Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)», № 34, 7 сентября 1925 г., с. 8; «Справочник партийного работника», № 5, 1925 (1926), с. 258—260.

10. «Ленинградская правда», 5 ноября 1925 г.

11. «Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат. К XIV съезду РКП(б)», 1926, с. 18.

12. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», 1926, с. 77—78.

13. «Перевыборы в Советы РСФСР в 1925—1926 году», 1926, ч. I, с. 2; ч. II, с. 6.

14. К. Ворошилов. Оборона СССР, 1927, с. 184.

15. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 279.

16. Точно установить количественный состав этих классов не представляется возможным, так как данные переписи населения и демографическая статистика, которыми пользовался Госплан, выделяют категории населения в зависимости от рода занятий, но не содержат данных о социальных и профессиональных группах внутри этих категорий. Согласно данным переписи 1926 г., из 147 млн. человек, составляющих население страны, 82,7 млн. использовались в производственной сфере (за исключением детей и прочих иждивенцев, пенсионеров, безработных и военнослужащих); из них 71,7 млн. были заняты в сельском хозяйстве, включая лесоводство и рыболовство. Из 1 млн. 860 тыс. человек, занятых в мелком промышленном и кустарном производстве, значительная доля приходилась на работников сельскохозяйственного производства, которые по социально-политическому признаку тяготели к крестьянству. Те, кто работал в обрабатывающей промышленности (то есть на фабричном производстве), горной промышленности, на транспорте, в торговле и финансах, составляли не более 5 млн. 606 тыс. человек, из них в обрабатывающей и горной промышленности — 2,8 млн. Из этой статистики нельзя сделать выводы относительно числа работников управленческого аппарата, техников, служащих и работников физического труда. В общую категорию людей, занятых в сфере управления государственными и местными органами и в социальной сфере (2 млн. 30 тыс. человек), попали все работающие в этих областях, от руководителей учреждений до вахтеров (F. Lorimer. The Population of the Soviet Union. League of Nations. Geneva, 1946, p. 218—219). Любопытно сравнить эти цифры со статистикой членства в партии (А. Бубнов. ВКП(б). 1931, с. 615). В этот период, по любым оценкам, доля крестьян в населении страны составляла не менее 80%, тогда как доля крестьян — членов партии в 1922—1926 гг. колебалась между 28,8 и 25,7%, причем многие из них были партийными функционерами в сельской местности. Невысокое представительство крестьян в партии было результатом сознательной политики партии и не противоречило партийной доктрине. В течение указанного периода доля рабочих выросла (почти полностью за счет «ленинского призыва» 1924 г.) с 44 до 56,8%, а доля служащих упала с 28,9 до 17,3%. Сравнительный анализ из-за отсутствия статистических данных по этим двум категориям невозможен, однако не вызывает сомнений тот факт, что служащие (то есть интеллигенция) даже в конце этого периода по-прежнему непропорционально широко представлены в партии.

17. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс рассматривает французское крестьянство как класс, который со свержением аристократов-землевладельцев потерял смысл своего существования и поэтому будет искать выход в союзе с городским пролетариатом для защиты своих интересов от городской буржуазии (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 209—211).

18. «Большевицкая революция...», т. 2, гл. 15.

19. О разработке этого вопроса начиная с 1905 г. см.: «Большевицкая революция...», т. 1, гл. 3.

20. Через три месяца после перехода к новой экономической политике, выступая с трибуны III конгресса Коммунистического Интернационала, Ленин охарактеризовал союз между пролетариатом и крестьянством как союз различных классов, имея в виду союз между пролетариатом и крестьянами-бедняками, с одной стороны, и середняками, с другой (В. И. Ленин. Полн. собр.

соч., т. 44, с. 42). Следует отметить, что такую оговорку Ленин делал не всегда.

21. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

22. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 136; сравнение было сделано в «Социалистическом вестнике». Берлин, № 2—3 (120—121), 11 февраля 1926 г., с. 8.

23. Отрывки из речи, произнесенной в июле 1925 г., цитируются по кн.: «The New Policies of Soviet Russia». Chicago, 1921, p. 52—54. Автору не удалось получить доступ к русскому оригиналу.

24. Н. Устрялов. Под знаком революции, 1927, 2-е изд., с. 148.

25. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 285.

26. «Правда», 2 февраля 1926 г.

27. «Тринадцатый съезд Российской коммунистической партии (большеви-ков)», 1924, с. 100—102.

28. О крестьянах-бедняках и батраках см. ниже, гл. 5.

29. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

30. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 141.

31. Об этом процессе в годы гражданской войны см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

32. «Большевик», 1924, № 3—4, с. 18.

33. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 106—107.

34. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 147.

35. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 239, 241.

36. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 422—423.

37. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 382—383.

38. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 60.

39. В 1921 г. Ленин говорил о диктатуре пролетариата: «Это понятие тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берет себе в руки политическую власть и не обманывает ни себя, ни других разговорами насчет «общенародной, общевыборной, всем народом освященной» власти» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 132). Однако трудность заключалась как раз не в отлучении от власти других классов, а в неспособности пролетариата «взять власть себе в руки».

40. Л. Троцкий. Соч., т. XXI, с. 97.

41. В заключительном абзаце статьи о Фейербахе Энгельс назвал немецкое рабочее движение «наследником немецкой классической философии», потому что ему было суждено найти «ключ к пониманию всей истории общества» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 317). Плеханов ожидал появления пролетариата «на историческую сцену... как верующие евреи ждут Мессию» (Г. Плеханов. Соч., т. XV, с. 90), и в 1892 г. отмечал, что «в России пролетариат растет, мужает и крепнет буквально не по дням, а по часам, как сказочный богатырь» (там же, т. III, с. 383—384).

42. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 170.

43. Соответствующие тексты см. в: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 9. Зиновьев вернулся к дискуссии на эту тему в статье, написанной в 1924 г.: «...совокупность взглядов относительно диктатуры пролетариата можно выразить в следующих положениях: это есть *диктатура класса*, если мы рассматриваем дело с точки зрения *социально-классовой*. Это есть *советское государство*, *советская диктатура*, если мы рассматриваем дело с точки зрения *юридической формы*, т. е. со специфически-государственной точки зрения. Это есть *диктатура партии*, если мы рассматриваем тот же вопрос с точки зрения *руководства*, с точки зрения внутреннего механизма всей огромной машины переходного общества» («Правда», 23 августа 1924 г.). Первая часть этой тройной дефиниции претендует на точное решение вопроса. Фактически диктатура государства и диктатура партии — две стороны одного и того же явления, однако их никак нельзя смешивать с диктатурой пролетариата как класса.

44. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 226.

45. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 171.

46. Л. Троцкий. Наши политические задачи. Женева, 1904, с. 50. Другие

отрывки из этой брошюры и более поздний комментарий самого Троцкого приводятся в: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 2.

47. См. таблицы в кн.: А. С. Бубнов. ВКП(б). 1931, с. 615; Шляпников цитируется по кн.: «Десятый съезд Российской коммунистической партии», 1921, с. 29—30.

48. «Междущарствие...», гл. 14.

49. А. С. Бубнов. ВКП(б). 1931, с. 617. Согласно резолюции XIII съезда партии, состоявшегося в период «ленинского призыва», «на отдельных заводах большинство рабочих вошло в ряды нашей партии» («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 571), однако это явно было исключением из правил.

50. Идея выдвижения рабочих на ответственные должности активно высказывалась в 1919—1920 гг. неким Гольцманом, ведущим деятелем профсоюза рабочих-металлистов. Против выступал Бухарин, который в статье, озаглавленной «Рабочая аристократия или сплочение народных масс» («Правда», 14 сентября 1919 г.), протестовал против деления пролетариата на две группы: «постоянных заводских рабочих, материально связанных с городской индустрией», и «элементы, всосанные в сравнительно последнее время... в заводскую жизнь, связанные материально и идейно с деревенской и городской мелкой буржуазией», — первая из которых будет господствовать и дисциплинировать вторую. С критикой выступил также Зиновьев, подготовивший в марте 1920 г. тезисы для IX съезда партии, осуждающие идеи Гольцмана (Г. Зиновьев. Соч., т. VI, с. 344). Гольцман защищался в «Правде» от 26 марта 1920 г. Официально точки над «i» так и не были поставлены, хотя, судя по материалам съезда, Ленин был склонен разделять точку зрения Гольцмана, главным образом в том, что касается его поддержки принципа единоначалия и критики коллегиальности в управлении (об этой дискуссии см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17). Эхо этой дискуссии было слышно на съезде, где Троцкого обвинили в блоке с Гольцманом, а Рязанов осудил план Гольцмана как «тезисы того синдикализма, который старается выдвинуть профсоюзы квалифицированных рабочих на роль управляющих промышленностью» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 273—274; «Девятый съезд РКП(б)», 1934, с. 210—212, 247).

51. «Междущарствие...», гл. 11. Встреча с ним описана в кн.: А. Ransome. 6 Weeks in Russia in 1919. 1919, p. 94—99.

52. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 105.

53. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 421.

54. «Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)», № 1 (59), январь 1924 г., с. 66; № 4 (62), апрель 1924 г., с. 49—51.

55. «Комсостав крупной промышленности», 1924, с. 12—21, 31—32, 52—54; эта партийная публикация была приурочена к XIII съезду партии.

56. В статье и откликах на нее, напечатанных в «Ленинградской правде» от 5, 12 и 13 мая 1925 г., говорилось, что к данному моменту эту систему приняли как должное. Предлагалось также организовать курсы подготовки «красных директоров», некоторые из которых не были знакомы с азами делопроизводства.

57. «Известия Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», № 14 (135), 12 апреля 1926 г., с. 5—7. В этом же издании содержится информация о выдвижении крестьян в советские органы и кооперативы (там же, № 29—30 от 10 апреля 1925 г., с. 2—3), однако есть основания полагать, что ее не восприняли серьезно.

58. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», с. 283. Здесь же подтверждается, что должности, которые предлагали занять рабочим-выдвиженцам, иногда оплачивались ниже, чем их старые должности.

59. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 1.

60. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 452.

61. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 163—164.

62. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 311.

63. И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 216.

64. «Архив русской революции». Берлин, 1922, т. VI, с. 304—311.

65. Л. Троцкий. Соч., т. XXI, с. 99.

66. Л. Крицман. Героический период великой русской революции. [1924], с. 148—149.

67. Склонность этих наркоматов к консерватизму иногда объясняли социальными привязанностями и симпатиями работавших в них служащих (о Наркомземе Грузии см. ниже, гл. 5). Особую репутацию Наркомфина связывают с тем, что в прошлом в этом наркомате на влиятельной должности работал Кутлер («Большевистская революция...», т. 2, гл. 19; «Международное...», гл. 4). Помимо этого, Наркомфин прибегал к услугам профессиональных экономистов старой школы, которых называли «профессорами Наркомфина». В целях увеличения слабой доли членов партии среди служащих Наркомфина в период НЭПа были приняты специальные меры («Вестник финансов», 1924, № 1, с. 103—105; В. Дьяченко. Советские финансы в первой фазе развития Советского государства, 1947, т. I, с. 241—242).

68. «15 лет советского строительства», 1932, с. 255.

69. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17; т. 3, гл. 27.

70. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 95—98. Накануне XII съезда партии ленинская идея строительства «коммунизма некоммунистическими руками» подвергалась нападкам Осинского, статьи которого напечатала «Правда» 24 марта и 15 апреля 1923 г. В обоих случаях за статьями следовал ответ Каменева.

71. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 290.

72. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 385.

73. Л. Троцкий. Соч., т. XXI, с. 62 (в данной цитате словосочетание «статски-советнический», происходящее от «статский советник», ошибочно превращено Карром в «государственно-советский». — *Ред.*).

74. Возможно, на раннем этапе НЭПа некоторые представители свободных профессий (врачи, адвокаты, литераторы и т. д.) являлись исключением из этого общего правила. Однако они не составляли сколько-нибудь значительной прослойки, и вскоре их доходы, как и доходы других членов общества, попали в зависимость от государства или партии.

75. См. выше, гл. 2.

76. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 466.

77. «Правда», 30 ноября 1923 г.

78. «Известия», 4 декабря 1924 г. Эта речь была опубликована под названием «Роль и задачи интеллигенции в послеоктябрьский период».

79. А. И. Рыков. Соч., т. III, 1929, с. 71. В более поздней речи по этому же вопросу он включил в сельскую интеллигенцию «врачей, фельдшеров, ветеринаров» (там же, с. 93).

80. «Правда», 16 января 1925 г., и последующие номера.

81. «Советское строительство. Сборник», 1925, т. II—III, с. 353. В 1925 г. «было уделено внимание приему в партию учителей... с января по сентябрь... принято 3445 учителей» («К XIV съезду РКП(б)», 1925, с. 5).

82. СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 3 сессия, 1925, с. 143—146.

83. «Третий съезд Советов СССР. Постановления», 1925, с. 7.

84. Речь Зиновьева, выступавшего в качестве главного официального представителя Советской власти, была полностью напечатана в газетах и выпущена отдельной брошюрой под названием «Наука и революция» (1925).

85. «Русский современник». Берлин, 1924, № 1, с. 235.

86. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 577.

87. О членстве в партии директоров промышленных предприятий и управляющих в период между 1922 и 1924 гг. см.: «Международное...», гл. 2. Хотя их количество было очень небольшим, сама тенденция имела важное значение. После 1924 г., когда «ленинский призыв» увеличил приток в партию рабочих, а затем крестьян, доля «служащих и прочих» в партии упала (А. С. Бубнов. ВКП(б). 1931, с. 615), что, впрочем, не означало уменьшения их количества в абсолютном исчислении или снижения их роли.

88. В то время одним из немногих большевиков, задававших себе такой вопрос, был историк Покровский, который сам отвечал на него в прямо-таки

мистической манере. Признавая, что «ставить ударение на «объективные причины» более нет никакой возможности», он продолжал: «Ибо «объективные причины» теперь против нас, и на этом строились предсказания как наших «друзей» — постепенно теряющих надежду, что мы «исправимся» и «образумимся», — так и наших врагов, постепенно тоже теряющих надежду, что мы провалимся. Объективная логика старого «экономического материализма» против нас — а мы идем вперед... Есть, значит, что-то в самой «природе» пролетариата нашей страны, что дает ему возможность побеждать, даже когда «объективные причины» не за него, а против него» («История пролетариата СССР», 1930, т. I, с. III—IV).

89. Пожалуй, наиболее ярким проявлением этого феномена был тот успех, с которым бывшие царские офицеры служили в Красной Армии без видимой угрозы объединения и выступления против новых хозяев.

90. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 6—7; т. 2, с. 40.

91. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 145.

92. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 134.

93. О сложностях и двусмысленностях теории «рабочей аристократии» см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

94. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 310. В другом месте Ленин дает определение класса, также основанное на представлении о его квазиперманентном характере: «Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15).

95. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 1.

96. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 300.

97. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 26.

98. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 278.

99. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 381.

100. Г. Кржижановский. Соч., т. III, с. 119. Бухарин с еще большей определенностью указал на необходимый тип рабочего вожака: «Нам нужен сейчас такой психологический тип, который обладал бы хорошими свойствами старой русской интеллигенции в смысле марксистской подготовки, широты охвата, теоретического анализа событий, но с американской практической хваткой... Нам нужен марксизм плюс американизм» (Н. Бухарин. Пролетарская революция и культура, 1923, с. 49). Зиновьев, выступая перед комсомольской аудиторией, заявил, что надо сочетать лучшие черты американизма с лучшими чертами русского народа («Партия и воспитание смены», 1924, с. 51).

101. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 366.

102. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 22.

Глава 4. Персоналии

1. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 2.

2. Об этом впоследствии писал сам Троцкий: «В то же время примиренческая линия тем резче противопоставляла меня большевизму, что Ленин в противовес меньшевикам давал примиренчеству, и не мог не давать, беспощадный отпор» (Л. Троцкий. Перманентная революция. Берлин, 1930, с. 49).

3. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 3.

4. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 387. Отрывок из письма Коллонтай напечатан в журнале «Пролетарская революция» (1935, № 5, с. 39). Троцкий, описывая свое пребывание в Нью-Йорке (Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 1, с. 310—312), пренебрежительно отзываясь о Бухарине и Коллонтай, однако не указывает на какие-либо разногласия политического характера. Тот факт, что Троцкий и Бухарин вернулись в Россию разными путями, позволяет предположить отсутствие добрых отношений между ними.

5. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 2, с. 61.

6. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 5.

7. «Междоусарствие...», гл. 11.

8. «Бюллетень оппозиции». Париж, № 27, март 1932 г., с. 2.

9. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 1, с. 64, 114. Троцкий отрицал ощущение принадлежности к еврейской национальности. «Я не еврей, а интернационалист», — заявил он на встрече с еврейской делегацией (Г. Зив. Троцкий: характеристика. Нью-Йорк, 1921, с. 46). Тем не менее он полностью отдавал себе отчет в том, что значило его еврейское происхождение в русской среде, и в 1917 г. отклонил предложение принять наркомат внутренних дел, полагая, что «такое дополнительное оружие, как мое еврейство», не стоит «давать в руки врагам» (Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 2, с. 62—63).

10. Л. Троцкий. Итоги и перспективы. 2-е изд., 1919, с. 43.

11. Л. Троцкий. Соч., т. XX, с. 330, 337. Эта статья датирована 1912 г. Она резко отличается по интонации от статьи Ленина «О национальной гордости великороссов», написанной в 1914 г.: «Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 108).

12. Л. Троцкий. Соч., т. XX, с. 252.

13. Л. Троцкий. Литература и революция, 1923, с. 68.

14. «Наше слово», 12 апреля 1916 г.; цитируется по кн.: I. Deutscher. The Prophet Armed, 1954, p. 238. Отвстом на это замечание может служить фраза из прощального письма Ленина к швейцарским рабочим, написанного в марте 1917 г.: «Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, может быть не очень короткое, время застрельщиком революционного пролетариата всего мира» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 91).

15. В 1912 г. Ленин жаловался на то, что «вообще в «Vorwärts'e» Троцкий хозяин» и что иностранным отделом заведует Гильфердинг, «приятель Троцкого» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 59).

16. Чернин пишет о том, как Виктор Адлер сказал ему накануне отъезда в Брест-Литовск: «Вы, конечно, поладите с Троцким» (O. Czernin. In the World War, 1919, p. 234). Эта фраза по непонятным причинам отсутствует в немецком издании, вышедшем в свет в том же году.

17. Л. Троцкий. Соч., т. XXI, с. 423—432.

18. В 1920 г. по его инициативе и с одобрения Ленина был принят декрет, который вменял в обязанность пунктуальное посещение собраний и заседаний комитетов и предусматривал штрафы за нарушение этого правила, впрочем, без особого результата (Л. Троцкий. Соч., т. XXI, с. 700).

19. А. Луначарский. Революционные силуэты, 1923, с. 20. Этот набросок увидел свет тогда, когда критика Троцкого была уже разрешена, а клевета еще не обязательна. Портрет Троцкого — лучший в этой книге.

20. M. Eastman. Portrait of a Youth, 1926, p. 15, 31.

21. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 636. Судя по тому, что пишет Сталин (Соч., т. 8, с. 295), автором проекта резолюции был Зиновьев. В декабре 1924 г. Бела Кун, тогдашний рупор Зиновьева, писал в своей статье, нацеленной против Троцкого, что последний в тактических и организационных вопросах всегда тяготел к западноевропейскому марксизму («Правда», 19 декабря 1924 г.).

22. Находясь в изгнании, Троцкий писал: «Стремление учиться никогда не покидало меня, и у меня много раз в жизни бывало такое чувство, что революция мешает мне работать систематически» (Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 1, с. 15). Не стоит воспринимать это признание буквально: на пике своей политической деятельности Троцкий, возможно, такого бы не сказал. Тем не менее оно явно идет вразрез с ленинским замечанием относительно разницы между «теорией» и «жизнью» («Большевистская революция...», т. 1, гл. 1).

23. Подробнее о брошюре 1904 г. см. выше, с. 116; о двух других брошюрах см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 3.

24. А. Луначарский. Революционные силуэты, 1923, с. 27.

25. L. Trotsky. History of the Russian Revolution (Enlg. transl.), vol. I, 1932, p. 15.

26. Г. Зив. Троцкий: характеристика. Нью-Йорк, 1921, с. 12.

27. «Ленинизм или троцкизм», 1924, с. 47.

28. А. Луначарский. Революционные силуэты, 1923, с. 27.
29. А. Morizet. Chez Lénine et Trotski, 1922, p. 108. Три года спустя впечатлительный француз Садуль написал о «мефистофельской, пугающей маске» Троцкого (А. Sadoul. Lettres sur la Révolution Bolchévique, 1919, p. 396).
30. «Правда», 11 января 1924 г.
31. А. Balabanov. My Life as a Rebel (Engl. transl.), 1938, p. 176.
32. А. Луначарский. Революционные силуэты, 1923, с. 20—21. Горький в своих воспоминаниях о Ленине сравнивает Троцкого с Лассалем и замечает, что Троцкий «с нами, но не наш» (М. Gorky. Days with Lenin (Engl. transl.), [1932], p. 57). (Данная оценка Троцкого принадлежит не Горькому, а Ленину. — Ред.). Если учесть позицию самого Горького, то этот абзац звучит несколько двусмысленно и отсутствует в первом варианте («Русский современник». Берлин, 1924, т. 1, с. 229—244).
33. S. Liberman. Building Lenin's Russia. Chicago, 1945, p. 78.
34. И. В. Сталин. Соч., т. 8, с. 276.
35. Троцкий презрительно отзывался о том преимуществе, которое из-за собственного безразличия получал в этом отношении Сталин: «Там, где я наступал на мозоли личных привязанностей, дружб или амбиций, Сталин тщательно собирал вокруг себя всех обиженных» (L. Trotsky. Stalin. New York, 1940, p. 289).
36. М. Eastman. Since Lenin Died, 1925, p. 94.
37. Эти подробности взяты из автобиографии в «Энциклопедическом словаре русского библиографического института Гранат», 1927, т. 41, ч. I, приложение, кол. 143—149.
38. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 3.
39. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 2, с. 74.
40. Свидетельство современника о том, что он «превзошел ожидания» многих, можно считать высшим проявлением такта (А. Луначарский. Революционные силуэты, 1923, с. 32).
41. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 473.
42. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 378.
43. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 2, с. 273.
44. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 556.
45. Там же, с. 138.
46. Н. Суханов. Записки о революции. Берлин, 1922, т. 4, с. 322.
47. В предисловии, датированном 28 декабря 1924 г., к кн.: L. Trotsky. 1917: Die Lehren der Revolution (German transl.), 1925.
48. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 556.
49. А. Balabanov. My Life as a Rebel (Engl. transl.), 1938, p. 243—244.
50. O. Blum. Russische Köpfe, 1923, S. 109.
51. А. Луначарский. Революционные силуэты, 1923, с. 30; критически настроенная свидетельница Эмма Гольдман называет его «мягкотелым и слабым», а его голос — «высоким, необидительным голосом подростка» (E. Goldman. Living my Life, 1932, vol. 2, p. 732).
52. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.
53. Большая часть этих подробностей взята из автобиографии, напечатанной в «Энциклопедическом словаре русского библиографического института Гранат», 1927, т. 41, ч. I, приложение, кол. 162—168.
54. Об этом компромиссе см.: «Большевистская революция», т. 1, гл. 3. Утверждение Суханова о том, что в свое время Каменев принадлежал к меньшевикам (Н. Суханов. Записки о революции. Берлин, 1922, т. 4, с. 322), представляется малоубедительным и, возможно, основано на этом эпизоде.
55. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 2, с. 122.
56. Л. Каменев. Статьи и речи, 1927, т. X, с. 257.
57. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 2, с. 216.
58. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 484—485.
59. Н. Суханов. Записки о революции. Берлин, 1922, т. 2, с. 243. Суханову удалось создать достоверный портрет Каменева.

60. Эти подробности взяты из автобиографии, помещенной в «Энциклопедическом словаре русского библиографического института Гранат», 1927, т. 41, ч. I, приложение, кол. 51—56.

61. *Н. Бухарин*. Мировое хозяйство и империализм, 1918, с. 65.

62. Ленин написал предисловие к переработанному изданию этой статьи, которая должна была выйти в свет отдельной брошюрой летом 1917 г. в Петрограде. Однако в результате атаки Временного правительства на партийную прессу оно было утеряно. Брошюра в конце концов была напечатана под заголовком «Мировое хозяйство и империализм» (1918), но вместо предисловия Ленина ее предвляло предисловие, написанное самим Бухариным и датированное 25 ноября 1917 г. Выше цитируется именно это издание.

63. См. перевод этих тезисов в кн.: *O. H. Gankin, H. H. Fisher. The Bolsheviks and World War*. Stanford, 1940, p. 219—223.

64. В сокращенном виде (без утерянного заключения) эта статья была в конце концов напечатана в книге «Революция права. Сборник» (1925, т. I, с. 5—32) с пояснительной запиской Бухарина. Цитаты взяты из этого издания.

65. «Большевик», № 22, 30 ноября 1932 г., с. 88.

66. «Jugend — Internationale», No. 6, 1 December, 1916, S. 7—9. Об этом журнале см.: «Большевицкая революция...», т. 3, гл. 30.

67. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 30, с. 227—228.

68. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 49, с. 388.

69. «Революция права. Сборник», 1925, т. I, с. 5. Об этом свидетельствует лишь сам Бухарин, но ставить его слова под сомнение нет оснований.

70. «Шестой съезд РСДРП(б)», 1934, с. 101.

71. После смерти Ленина Бухарин вспоминал, что эти два предложения «возмущали нашу интернациональную совесть до глубины души» (*Н. Бухарин*. Атака, 1924, с. 260).

72. «Большевицкая революция...», т. 1, Приложение А.

73. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 264. Рецензию Бухарина см. в: «Коммунист», № 1, 20 апреля 1920, с. 19.

74. «Коммунист», № 3, 16 мая 1918 г., с. 8—11. О дискуссии по вопросу о «государственном капитализме» см.: «Большевицкая революция...», т. 2, гл. 16. Возрождение этой дискуссии в 1925 г. описано в части III следующего тома.

75. «Большевицкая революция...», т. 1, гл. 10.

76. *Н. Бухарин*. Экономика переходного периода, 1920, с. 151. Аспекты, связанные с трудовой повинностью, описаны в: «Большевицкая революция...», т. 2, гл. 17.

77. Троцкий писал о «все возрастающей привязанности Бухарина ко мне», которая возникла в 1917 г. в Нью-Йорке и продолжалась вплоть до 1923 г., пока не переросла в «свою противоположность» (*Л. Троцкий*. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 1, с. 311); в 1922 г. «Бухарин был привязан ко мне чисто бухаринской, т. е. полуистерической, полуребяческой привязанностью» (там же, т. 2, с. 207).

78. Подробнее об этой группе см.: «Большевицкая революция...», т. 1, гл. 8.

79. «Правда», 6 ноября 1920 г.

80. «Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат», 1927, т. 41, ч. I, приложение, кол. 56. Много позже Троцкий писал: «Наивный и взбалмошный Бухарин поклонялся Ленину, обожал его так, как ребенок обожает свою мать, а если и осмеливался дерзить в ходе дискуссии, то делал это не иначе как на коленях».

81. «Большевик», № 2, 15 апреля 1924 г., с. 1.

82. «Большевицкая революция...», т. 3, гл. 21.

83. Там же.

84. «Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (б)», 1923, с. 173—174.

85. О перемене взглядов Бухарина в этот период см.: «Междущарствие...», гл. 13.

86. Там же.

87. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 26.
88. О Крестьянском Интернационале см.: «Междущаствие...», гл. 8. О развитии этой темы Бухариным см. ниже, гл. 5.
89. «Protokoll. Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» (n.d.), 2, S. 520.
90. «Ленинский сборник», 1929, т. XI, с. 401—402.
91. A. Morizet. Chez Lénine et Trotski, 1922, p. 63.
92. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 223, 269.
93. Там же, с. 504—505. По вполне понятным причинам это место позднее из текста речи Сталина исчезло (см.: И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 384).
94. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 210, 242.
95. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 1, с. 311.
96. Об этой дискуссии см. ниже, гл. 5. В 1921 г. Ленин писал: «Бывают такие счастливые натуры (как, например, Бухарин), которые даже при наибольшем ожесточении борьбы меньше всего способны заражать ядом свои нападки» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 272). Однако к Бухарину периода борьбы середины 20-х годов это уже не относилось.
97. Письмо Бухарина не сохранилось, однако это место цитируется в ответе Троцкого от 9 января 1926 г., копия которого находится в архивах Троцкого (Т 2926).
98. Запись этой беседы находится в архивах Троцкого (Т 1897).
99. В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом в 1934 г. Сталин говорил об «издевательском режиме и иезуитских методах, которые имелись в семинарии», а на вопрос о том, есть ли хоть что-нибудь положительное в деятельности иезуитов, ответил: «Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе... Но основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство» (И. В. Сталин. Соч., т. 13, с. 114).
100. Н. Суханов. Записки о революции. Берлин, 1922, т. 2, с. 265—266.
101. L. Trotsky. Stalin. New York, 1946, p. 393.
102. Л. Троцкий. Что и как произошло. Париж, 1929, с. 25.
103. Там же, с. 26. Позднее Троцкий высказался еще конкретнее: «Сталин взял власть в свои руки отнюдь не за счет своих личных качеств, а с помощью обезличенной машины. Не он создал эту машину; скорее машина создала его» (L. Trotsky. Stalin. New York, 1946, p. XV). И все же для того, чтобы «создать» Сталина и передать ему власть, потребовалось нечто большее, чем просто машина.
104. В архивах Троцкого сохранилось замечание относительно Раковского, где он назван «истинным европейцем» в противоположность Сталину, который «наиболее ярко воплощает собой петровское, самое примитивное течение в большевизме».
105. Эти цитаты см. в: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 4.
106. «Междущаствие...», гл. 7.
107. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 21, 26. «Бюллетень оппозиции» (Париж, № 19, март 1931 г., с. 15) приписывает Сталину некоторые замечания на эту тему, сделанные в середине 20-х годов. Коминтерн, заявил он, ничего собой не представляет и существует только благодаря поддержке СССР; о Коммунистической партии Германии: «Все они одним миром мазаны, среди них больше нет революционеров». В ответ на предсказание мировой революции в ближайшие 40—50 лет Сталин якобы заявил, что ее некому делать и что Коминтерн не сможет совершить революцию и через 90 лет.
108. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 355.
109. Утверждение, приводимое в тифлисском партийном журнале «Заря Востока» от 23 декабря 1925 г. (отрывок находится в архиве Троцкого) и взятое из доклада царской полиции, о том, что Сталин начал работать в социал-демократической партии с 1902 г. «сначала как меньшевик, а потом как большевик», даже если оно и соответствует действительности, не имеет особого значения. Раскол произошел только в 1903 г. и не сразу дошел до низовых организаций. Жордания, будущий меньшевистский лидер, в течение некоторого времени был признанным вождем всей партии в Грузии. Несомненно, когда сам

факт и существо раскола стали известны Сталину, он безоговорочно принял точку зрения большевиков.

110. Письмо было опубликовано в журнале «Заря Востока» (Тифлис), 23 декабря 1925 г. (см. предыдущую сноску).

111. *И. В. Сталин*. Соч., т. 3, с. 187.

112. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 303.

113. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, с. 62—63.

114. *Л. Троцкий*. Что и как произошло. Париж, 1929, с. 25.

115. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 37.

116. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 116—171.

117. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 40.

118. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 226.

119. *B. Bazhanov*. Stalin. (German transl. from French), 1931, S. 17, 21.

120. *L. Trotsky*. Stalin. New York, 1946, p. XV.

121. Встреча состоялась 14 марта 1925 г. Сообщение о ней, написанное одним из участников, было помещено в крестьянской газете «Беднота» (5 апреля 1925 г.). Хотя эта публикация выставляет Сталина в чрезвычайно выгодном для него свете, на нее никогда не ссылались биографы Сталина. Не исключено, что это вызвано неосторожным замечанием по поводу землевладения, в котором высказывается точка зрения, противоречащая более поздним сталинским установкам (см. ниже, гл. 5).

122. Демьян Бедный в одном из своих довольно скверных творений, задуманном как дружеский шарж, описывает беседу со Сталиным, в ходе которой автор высказывает свое безошибочно верное мнение по ряду вопросов, тогда как Сталин не роняет ни единого слова и лишь покручивает усы, пока наконец не поднимается, заканчивая беседу радушным: «Заходите, — сказал, — так приятно... поговорить» («Молодая гвардия», 1925, № 9, с. 205—206).

123. «Междущарствие...», гл. 14.

124. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 43. В этом варианте письма опущены имя адресата и несколько малозначащих фраз, которые сохранены в немецком варианте, первоначально опубликованном в: «Die Aktion», 1925, vol. 16, No. 9, S. 214—217.

125. *И. В. Сталин*. Соч., т. 1, с. XIII.

Глава 5. Сельское хозяйство

1. «Междущарствие...», гл. 4.

2. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 337; несколько иные данные за 1924 г. приводятся в кн.: «Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927» (без года издания), с. 168—171. Как сообщил Рыков, посевные площади в 1924 г. в благополучных губерниях РСФСР превысили площади 1913 г., но в губерниях, в наибольшей степени пострадавших от голода 1921 г., они были меньше. Таким образом, в среднем посевные площади составили 88% предвоенных (см.: «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 235—237).

3. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 3, с. 34—37; *Л. Б. Каменев*. Статьи и речи, 1927, т. X, с. 274. Максимальная оценка, названная в речи, произнесенной 9 июня 1924 г., очевидно, не была обоснованным прогнозом, но отражала общее настроение. Далее Каменев задает вопрос и сам на него отвечает: «...Но кто нам даст эти 400 млн.? Маломощный крестьянин? Нет! Мы должны сказать, что 400 млн. пудов хлеба, которые надо вывести за границу, будут произведены середняком и отчасти кулацкими элементами».

4. *А. И. Рыков*. Соч., 1929, т. III, с. 120. Речь от 12 июня 1924 г.

5. Там же, с. 169—175.

6. «Собрание законов», 1924, № 1, ст. 4. Карандашная записка Красина, обнаруженная в архивах Троцкого (25 июня 1924 г., т. 815), свидетельствует, что решение было принято Совнаркомом днем раньше. Но даже после этого, 3 июля, «Ленинградская правда» писала о значительном вывозе хлеба.

7. А. И. Рыков. Соч., 1929, т. III с. 185—187. Речь Рыкова широко освещалась в прессе; отрывок из нее был опубликован в «Интернационале пресскорреспондент» («Internationale Presse-Korrespondenz», 1924. No. 115, 2 September, S. 1491—1493). Сообщение о поездке Рыкова на пароходе по Волге с целью инспектирования хода уборочной кампании на местах было опубликовано в «Известиях» 3 сентября 1924 г.; 30 августа он прибыл в АССР немцев Поволжья («Известия», 1924, 9 сентября). Среди сопровождавших Рыкова лиц был Ягода, заместитель председателя ОГПУ (см.: W. Reswick. I Dreamt Revolution. Chicago, 1952, p. 84).

8. А. И. Рыков. Соч., 1929, т. III, с. 94, 120.

9. «Собрание законов», 1924, № 3, ст. 35; «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 141.

10. Согласно опубликованным позднее данным Госплана, собранным на иной основе, нежели данные Наркомзема, общий сбор зерна в 1924/25 г. составил 3000 млн. пудов по сравнению с 3360 млн. пудов в предшествующем году и 5450 млн. пудов в 1913 г. (см.: «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 340). Недород затронул только посевы зерновых культур, тогда как производство хлопка, льна, сахарной свеклы и продукции молочного животноводства и птицеводства возросло, вследствие чего стоимость всей сельскохозяйственной продукции по довоенным ценам несколько превысила стоимость продукции, произведенной в 1923/24 г.

11. «Плановое хозяйство», 1925, № 5, с. 297. Таблицу закупочных и оптовых рыночных цен на зерно по месяцам в 1923—1924 и 1924—1925 гг. см. в журнале «Плановое хозяйство», 1925, № 11, с. 114—115.

12. В речи, опубликованной в «Экономической жизни» 27 августа 1924 г., Каменев говорил о ценах на зерно как о «центральном вопросе в нашем внутреннем хозяйственном положении». Месяцем позже, обращаясь к членам ЦК РЛКСМ, Каменев говорил о «страшном повышении хлебных цен» (Л. Б. Каменев. Статьи и речи, 1929, т. XI, с. 104).

13. «Междущарствие...», гл. 3.

14. «Плановое хозяйство», 1925, № 10, с. 44. О «недопустимой медлительности» сбора налога писала «Правда» 21 октября 1924 г.

15. «СССР: Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 50—51; Л. Б. Каменев. Статьи и речи, 1929, т. XI, с. 280.

16. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 101.

17. «Правда», 19 декабря 1924 г.

18. «Плановое хозяйство», 1925, № 2, с. 270.

19. Там же, 1925, № 3, с. 275.

20. «Вестник финансов», 1925, № 7, с. 70.

21. «Плановое хозяйство», 1925, № 5, с. 298—299.

22. См. соответствующие таблицы в журнале «Плановое хозяйство», 1925, № 11, с. 114—115.

23. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 246.

24. «Плановое хозяйство», 1925, № 1, с. 47. Каменев отмечал политическое значение этого явления: «Скупка хлебов частным торговым капиталом, и в особенности кулачеством, делает его политической силой, хозяином положения на хлебном рынке и, что еще того хуже, дает ему возможность стать в позу благодетеля по отношению к крестьянину-бедняку» («Плановое хозяйство», 1925, № 1, с. 16).

25. На XIV съезде ВКП(б) мнения по этому вопросу резко разошлись. Каменев, основываясь на данных ЦСУ, утверждал, что 37% крестьян не продавали, а покупали хлеб. Яковлев в статье, опубликованной в «Правде» (9 декабря 1925 г.), и на самом съезде (см.: «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 305) называл эту цифру завышенной до абсурда. О разногласиях по вопросу об излишках хлеба, остававшихся у разных слоев крестьян, см. также ниже (§ «г»).

26. В статье, опубликованной в журнале «Социалистическое строительство», 1925, № 1, с. 140, приводились подсчеты с целью показать, что крестьяне, имеющие до 4 десятин земли в районах относительно развитого зернового хозяйства и до 6 десятин в других районах, больше покупали зерна, чем прода-

вали, и, следовательно, были заинтересованы в низких ценах на хлеб. Однако в этом же журнале эта статья критиковалась как основанная на недостаточно показательных данных (там же, с. 147—149). В Ленинградской губернии, бедной в сельскохозяйственном отношении, в январе 1925 г., то есть после неурожая 1924 г., хлеб покупали, как сообщалось, 60% крестьян (см.: «Совещание по вопросам советского строительства 1925 г.», 1925, с. 131).

27. Разногласия по данному вопросу среди русских марксистов имеют давнюю историю. Еще в 1897 г. группа марксистов в Самаре выступала против высоких цен на хлеб, считая их выгодными для землевладельцев и бьющими по беднякам. Ленин, считавший развитие капиталистических отношений в российской деревне неизбежным и желательным, осуждал подобные взгляды как сентиментальное заблуждение (см.: *В. И. Ленин. Соч.*, 3-е изд., т. II, с. 3—4. [Содержащаяся на этих страницах работа «К вопросу о хлебных ценах», как было позже установлено, не принадлежит В. И. Ленину. — *Ред.*]; сравн.: *Ю. Мартов. Записки социал-демократа. Берлин, 1922, с. 328—330; Н. Ангарский. Легальный марксизм, 1925, с. 100—107.*

28. «Совещание по вопросам советского строительства», 1925, январь, с. 127—128.

29. «Ленинградская правда», 6 августа 1924 г.

30. Сборник статей и речей Зиновьева, начинающийся со статьи от 30 июля 1924 г., вышел под названием «Лицом к деревне» (1925).

31. Отчет о совещании опубликован в «Интернационале пресс-корреспондент» («Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, 4 März, No. 30, S. 342—343); выступления Бухарина на совещании опубликованы в кн.: *Н. Бухарин. О рабкоре и селькоре, 1926, 2-е изд., с. 33—47.*

32. Позднее утверждалось, что членами партии были только 50% рабкоров и 25% селькоров и что «...большинство селькоров — это более грамотные крестьяне из бедняков и середняков и бывшие красноармейцы» («Печать СССР за 1924 и 1925 гг.», 1926, с. 30); однако на ранних этапах движения такое утверждение едва ли могло соответствовать действительности.

33. В изложении Зиновьева трагедия в Дымовке не имеет непосредственного отношения к действиям кулаков. Двое членов ячейки, Попандопуло и Постолати, были также сотрудниками ОГПУ. Угрозами и подачками Попандопуло собрал вокруг себя послушную группу из 60—70 бедняков и с их помощью терроризировал местное население (*Г. Зиновьев. Лицом к деревне, 1925, с. 78*). В данном случае речь идет не столько о кулаках, сколько о безобразиях, творимых примазавшимися к партии элементами. Тем не менее партийная пропаганда использовала инцидент для раздувания антикулацких настроений. Несомненно, деятельность селькоров вообще была направлена против кулаков.

34. «Правда», 1924, 22 и 23 октября; «Известия», 1924, 24 и 28 октября; *Г. Зиновьев. Лицом к деревне, 1925, с. 77—78.*

35. См., например, «Известия», 1924, 29 октября, 13 и 21 ноября, 9 и 13 декабря. В последних двух номерах газеты сообщались биографические сведения о некоторых убитых селькорах.

36. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 633.

37. «Правда», 2 ноября 1924 г.

38. «Еженедельник советской юстиции», 1924, № 45, с. 1092.

39. «Печать СССР за 1924 и 1925 гг.», 1926, с. 29—30.

40. Отчеты о совещаниях публиковались в газетах «Известия» (6 и 7 декабря 1924 г.) и «Правда» (13 и 14 декабря 1924 г.); речи Бухарина были перепечатаны в сб.: *Н. Бухарин. О рабкоре и селькоре, 1926, 2-е изд., с. 51—63.* На совещании обсуждались организационные формы рабселькоровского движения (см.: ч. III следующего тома настоящего издания).

41. Политические аспекты восстания рассматриваются в следующем томе.

42. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 6, с. 309. Подробные сообщения о совещании публиковались в «Правде» 23—26 октября 1924 г.

43. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 6, с. 316—317.

44. *Г. Зиновьев. Лицом к деревне, 1925, с. 65—66.* В речи, произнесенной спустя несколько дней, Зиновьев отмечал такие причины восстания, как высокая цена на хлеб, низкая цена на кукурузу и вето на экспорт зерна (там же,

с. 76—77). В другом выступлении он говорил, что события в Грузии («малюсенский подземный толчок») вместе с дымовским делом представляют собой тревожные признаки («Ленинградская правда», 1924, 9 ноября).

45. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 22. Несколько недель спустя Сталин опять упоминал восстание в Грузии (там же, т. 7, с. 31).

46. «Красная новь», 1925, № 2, с. 145.

47. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 190.

48. *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1929, т. XI, с. 175; ранее доклад был опубликован в «Правде» 31 октября 1924 г.

49. Предложения воспроизводятся по более поздним свидетельствам очевидцев, несогласных с ними и выражавших свое возмущение («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)». М., 1926, с. 190; *М. Попов*. Нарис історії комуністичної партії (більшовиків) України. Харків, 1929, 2-е изд., с. 284—285).

50. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 315—317.

51. *Л. Каменев*. Статьи и речи. М., 1929, т. XI, с. 204.

52. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 632—633; в обращении к Московской парторганизации сразу после заседания Каменев заявил, что от всяких надежд на вывоз хлеба приходится отказаться, но все же предполагалось собрать 300 млн. пудов зерна по средней цене 80—85 коп. (см.: *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1929, т. XI, с. 198).

53. Там же, с. 189.

54. Эта борьба подробно рассматривается в ч. III следующего тома.

55. В статье, опубликованной в «Красной нови» (1921, № 3, сентябрь-октябрь, с. 201—202), Преображенский предсказывал, что «развитие кулачества в новых условиях неизбежно должно привести также к новой группировке сил в деревне», что советской власти придется вмешаться и выступить на стороне бедного крестьянства, что два-три года — или, может быть, немного больше — «мирного сожительства» капиталистического процесса развития с социалистическим вполне возможны, но «наступает момент, когда столкновение неизбежно». В опубликованной спустя некоторое время статье в теоретическом органе Исполкома Коминтерна «Коммунистический Интернационал» (1922, ноябрь, № 25, гр. 6275—6290) намечаются некоторые идеи, выдвигавшиеся им в дискуссиях 1924—1926 гг.

56. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19, 20.

57. «Междоусобица...», гл. 12.

58. Там же, гл. 13, 14.

59. Статья была опубликована в «Вестнике Коммунистической академии» (1924, кн. 8, с. 47—116) и впоследствии включена в книгу Е. Преображенского «Новая экономика» как 2-я глава под заголовком «Закон первоначального социалистического накопления» (1926, с. 52—126). Во втором варианте некоторые формулировки были смягчены, но смысл остался прежним. В дальнейшем ссылки даются на второй вариант, кроме случаев разночтения, когда ссылки даются на оба варианта.

60. Там же, с. 52—58.

61. Там же, с. 59—62.

62. «Вестник Коммунистической академии», 1924, кн. 8, с. 58—59; в «Новой экономике», с. 62—64, слова «эксплуатация мелкого производства» опущены и вместо «экспроприация» говорится «отчуждение».

63. Там же, с. 65—66. На возможности использования печатного станка для этой цели Преображенский обращал внимание и раньше, еще в 1920 г. («Большевистская революция...», т. 2, гл. 17); в январе 1924 г. он был вынужден одобрить финансовую реформу, «ибо мы стихийно подошли к необходимости ее проведения» («Тринадцатая конференция РКП(б)», 1924, с. 37).

64. Там же, с. 35. В мае 1923 г. Сокольников уже предсказывал, что государственный бюджет, равно как и капиталовложения на развитие хозяйства, будет финансироваться не за счет прямого налогообложения крестьян, а за счет прибылей государственной промышленности, то есть «цена национализированного продукта будет заключать в себе, в известном смысле, некоторую

ставку своего рода налога» (Г. Сокольников. Финансовая политика революции, т. II, 1926, с. 116).

65. «Вестник Коммунистической академии», 1924, кн. 8, с. 79; в «Новой экономике» (1926, с. 87) Преображенский смягчает формулировку, говоря о «политике цен, сознательно рассчитанной на отчуждение определенной части прибавочного продукта частного хозяйства во всех его видах».

66. Там же, с. 88.

67. Там же, с. 100—101.

68. «Вестник Коммунистической академии», 1924, кн. 8, с. 92—93. В тексте «Новой экономики» Преображенский смягчает формулировку: «отчуждение части прибавочного продукта».

69. Е. Преображенский. Новая экономика, 1926, с. 116—117.

70. Позже Преображенский писал, что в 1924 г., когда была написана статья о законе социалистического накопления, его оппоненты «больше всего боялись промышленного перенакопления и промышленного перепроизводства» («Большевик», 1926, № 15—16, с. 80); хотя ножницы сомкнулись, опасность их повторного расхождения представлялась большей, чем какая-либо другая.

71. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 27; разработанный Наркомземом пятилетний план развития сельского хозяйства (конец 1924 г.) основывался на том, что «развитие промышленности предполагает развитие сельского хозяйства» («Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», 1924, с. 29).

72. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20. Преображенский называет автором данной формулировки В. М. Смирнова. В неопубликованной записке, датированной 1927 г. и сохранившейся в архивах Троцкого, Смирнов пишет, что не может припомнить, в какой из своих небольших статей он обмолвился подобной фразой. Статья была написана во времена «военного коммунизма» и не имела отношения к условиям НЭПа. Смирнов утверждает, что никогда впоследствии не пользовался этой формулировкой и не основывал на ней никакие теории, что он глубоко сожалеет о своем неудачном выражении.

73. «Правда», 12 декабря 1924 г.; «Большевик», 1925, № 1, с. 25—57. Как утверждает Бухарин, вторая статья была написана «по прямому приказу ЦК» («Красная новь», 1925, № 4, с. 267). Возможно, этим заявлением Бухарин стремился в какой-то степени оправдать демагогический тон статьи. Обе статьи были перепечатаны в брошюре: Н. Бухарин. Критика экономической платформы оппозиции, 1926.

74. О требовании Троцкого, что «диктатура» должна принадлежать не финансам, а промышленности, см.: «Междущарствие...», гл. 4.

75. Ответ Преображенского был опубликован в «Вестнике Коммунистической академии», 1925, кн. XI, с. 223—256 (перепечатан в кн.: Е. Преображенский. Новая экономика, 1926, с. 210—255), с примечанием, что в следующем выпуске будет опубликован ответ Бухарина на возражения Преображенского. Впрочем, Бухарин так и не ответил: дальнейшая полемика едва ли могла продолжаться в рамках академического спора.

76. Представляется целесообразным перечислить полемические выступления Преображенского, так как они дают, пожалуй, самый полный марксистский анализ важнейшей дилеммы советской экономики в рассматриваемый период: 1) «Основной закон социалистического накопления» («Вестник Коммунистической академии», 1924, кн. VIII, с. 47—116); 2) «Еще раз о социалистическом накоплении (ответ тов. Бухарину)» (там же, 1925, кн. XI, с. 223—256); 3) «Экономические заметки» (1) («Правда», 15 декабря 1925 г.); 4) «Закон стоимости в советском хозяйстве» («Вестник Коммунистической академии», 1926, кн. XIV, с. 3—64); 5) «Ответ...» (там же, 1926, кн. XV, с. 157—160); 6) «Экономические заметки» (2) («Большевик», 1926, № 6, с. 60—69); 7) «Экономические заметки» (3) (там же, 1926, № 15—16, с. 68—83). Из перечисленных работ (1) была перепечатана с незначительными изменениями, а (2) и (4) без изменений в кн.: Е. Преображенский. Новая экономика, 1926.

77. Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 514.

78. «Большевистская революция...», т. 2, Приложение Б.

79. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 104. Ленин, однако, не был согласен с термином «дифференциация», часто употреблявшимся народниками, так как этот термин отражал лишь факт неравенства разных категорий крестьян; он предпочитал слово «разложение», которое предполагает постепенный процесс распада традиционного хозяйственного уклада в деревне.

80. Подробно о столыпинской аграрной реформе см. в: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 15.

81. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 416.

82. Сложный расчет по разрозненным и малодостоверным данным показывает, однако, что из 13 или 14 млн. владевших в 1905 г. наделами крестьянских семей, или дворов, столыпинская реформа совершенно не коснулась примерно 5 млн. дворов и еще 1300 тыс. дворов реформа не коснулась сколько-нибудь существенно. Около 5,5 млн. дворов формально вышли из общины и получили самостоятельность, из них к 1917 г. окончательно утвердились как самостоятельные хозяйства около 1300 тыс. дворов. Остальные в 1917 г. находились на разных стадиях перехода от общинного к самостоятельному хозяйству (G. T. Robinson. Rural Russia under the Old Regime, 1932, p. 226—227), но из-за революции процесс перехода остался большей частью незавершенным.

83. «Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927», без года издания, с. 118—119.

84. R. Luxemburg. Die Russische Revolution, 1922, S. 87.

85. Подробнее о декрете см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

86. «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», 1924, с. 30; об этом плане см. ниже, гл. 10.

87. Хотя ежегодно перераспределение практиковалось далеко не повсеместно, подробное описание положения дел в одном из районов Ярославской губернии, где ежегодное перераспределение еще производилось («На аграрном фронте», 1926, № 1, с. 166—174), свидетельствует, что оно еще не стало исключительным явлением. Иногда мир вообще прекращал переделы, что было признаком начала отмирания крестьянской общины.

88. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19. Хутора и отруба представляли собой самостоятельные единицы, отделенные от мира; хутор — участок обрабатываемой земли с жилыми постройками, отруб — надел, обрабатываемый крестьянином, оставшимся жить в деревне с бывшими товарищами по общине.

89. «Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927», с. 120—121. Данные по Украине не приводятся; во многих районах Украины мир как таковой уже исчез, и проведение столыпинской реформы продвинулось там гораздо дальше, чем в других местах.

90. В опубликованной в «Ленинградской правде» 4 ноября 1925 г., в рамках тогдашней кампании против кулаков, статье сообщается, что в соседней Новгородской и Псковской губерниях с началом НЭПа наблюдалось выраженное стремление крестьян выходить из общины на хутора, но в дальнейшем выход на хутора прекратился, крестьяне потеряли к ним интерес, и многие хутора были вновь перделены. Годом позже недавний меньшевик Суханов получил возможность опубликовать «дискуссионную статью», в которой он превозносил мир как последний бастион в борьбе с кулачеством («На аграрном фронте», 1926, № 11—12, с. 97—110).

91. Там же, 1926, № 10, с. 91—92; нечто подобное говорилось и о кулаках на Северном Кавказе («Плановое хозяйство», 1925, № 11, с. 70—71).

92. «Збор законау и захадау БССР», 1925, № 24, ст. 220; декрет явился дополнением к декрету, принятому двумя месяцами раньше, который требовал реорганизации с целью ликвидировать черепосицу и ввести многопольные севообороты вместо трехполья (там же, № 8, ст. 65).

93. П. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права, 1931, с. 208.

94. 1 мая 1925 г. в «Бедноте» были помещены многочисленные письма из деревни, в которых крестьяне высказывались за и против мер по сохранению крестьянских дворов; вообще этот вопрос часто обсуждался на страницах «Бедноты».

95. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва», 1926, с. 562; некоторые существенные замечания относительно данной проблемы, сделанные в ходе обсуждения Кодекса РСФСР о семье и браке, изложены на с. 560—561, 678—679.

96. «Статистический справочник СССР за 1927 г.», 1927, с. 64—65; «Статистический справочник СССР за 1928 г.», 1929, с. 82.

97. Подробнее о первых опытах организации коллективной обработки земли см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17, 19.

98. В принятом в декабре 1922 г. Земельном кодексе понятие «земельное общество» охватывало и прежнюю крестьянскую общину, и колхозы. Совхозам, как государственным хозяйствам, работники которых получали заработную плату от государства, был посвящен особый раздел.

99. «Вестник Коммунистической академии», 1926, кн. XIV, с. 191.

100. «Совхозы к XV годовщине Октября», 1932, с. 6; как указано в этой книге, 1926 г. был годом наибольшего упадка совхозов, в дальнейшем они начали постепенно возрождаться. По данным, приведенным в кн.: «Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927» (без года издания, с. 120—121), в РСФСР по состоянию на 1 января 1927 г. общая площадь совхозных земель составляла около 2,3 млн. десятин; данные по РСФСР, УССР и БССР за 1924—1926 гг. приведены там же, с. 164. В «Статистическом справочнике СССР за 1927 год», с. 60, данные о совхозах в РСФСР даны с вразбавку; здесь исправлена явная опечатка цифры, касающейся совхозов во Всесоюзном сахарном тресте.

101. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

102. «На аграрном фронте», 1925, № 3, с. 111—112. На Украине совхозы занимали только 145 тыс. десятин, тогда как земли Всесоюзного сахарного треста составляли 518 тыс. десятин и земли других государственных предприятий — 885 тыс. десятин; остро стояла проблема перенаселенности, и наблюдался «большой напор со стороны крестьян, чтобы эти земли передать им» («СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия», 1926, с. 421).

103. Соответствующие статьи опубликованы в журналах «На аграрном фронте», 1925, № 1, с. 57—68 (там же, в следующей статье, с. 68—77, довольно неубедительно излагаются преимущества совхозов) и «Плановое хозяйство», 1925, № 4, с. 27—41; запоздалая попытка опровергнуть вторую публикацию была сделана в статье, помещенной в журнале «На аграрном фронте», 1925, № 11—12, с. 35—44.

104. «Экономическая жизнь», 12 октября 1924 г.

105. П. Лежнев-Финьковский, К. Савченко. Как живет деревня, 1925, с. 34—44. Тут же упоминается и слабый совхоз в том же районе; разницу авторы объясняют личными качествами руководителей совхозов.

106. «Известия Центрального Комитета РКП(б)», 1925, № 11—12 (86—87), 25 марта, с. 9—10.

107. «Собрание узаконений», 1925, № 18, ст. 121.

108. «Правда», 11 марта 1925 г.

109. «Збор законау и захадау БССР», 1925, № 48, ст. 375.

110. О положении батраков см. ниже, с. 180—181.

111. «Вопросы труда», 1925, № 2, с. 34.

112. «Правда», 14 октября 1925 г.

113. Там же, 6 марта 1925 г.

114. Я. Яковлев. Наша деревня, 1924, с. 57. О том, как промышленные артели превращались в мелкие частные предприятия, см.: «Междущарствие...», гл. 2; то же самое, конечно, могло происходить и с сельскохозяйственными артелями.

115. П. Лежнев-Финьковский, К. Савченко. Как живет деревня, 1925, с. 44—54. Авторы рассказывают о сельскохозяйственной коммуне в Сибири, созданной в 1920 г. 56 крестьянами; в 1924 г. в коммуне оставалось только 9 членов и недостаток рабочих рук восполнялся наймом работников.

116. «На аграрном фронте», 1925, № 3, с. 106.

117. «Собрание законов...», 1925, № 21, ст. 136; год спустя новым постановлением (там же, № 44, ст. 328), срок был перенесен с 1 января (ошибочно

напечатано с 1 августа) и продлен до 1 апреля 1926 г. Несомненно, имели место случаи сохранения довольно больших владений под тем или иным предлогом. Делегат одного из совещаний на местах в январе 1925 г. говорил о семьях прежних землевладельцев, состоявших всего из пяти «едоков», но сохранивших за собой 40—50 десятин земли («Совещание по вопросам советского строительства», 1925, с. 138). В одном районе в Сибири, где большинство населения составляли середняки, владевшие 286 хозяйствами средней площадью 12,8 десятин, четверо богатеев имели 1400 десятин и нанимали много батраков. Эти кулаки сохранили свои земли с дореволюционного времени (П. Лежнев-Финьковский, К. Савченко. Как живет деревня, 1925, с. 27—28).

118. На Украине некоторые колхозы были нехарактерными для других регионов кооперативными объединениями маломощных крестьян для совместной защиты от кулацкой эксплуатации. «Бедные крестьяне, маломощные крестьяне, которые получили землю, но не могли обрабатывать ее собственными средствами, вступили в колхозы»; некоторые колхозы распались, но все же в 1925 г. на Украине насчитывалось 5578 колхозов, объединявших 286 600 колхозников («Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 12 созыва, 2 сессия», 1925, с. 416). На Украине бедняками были четыре пятых колхозников («На аграрном фронте», 1926, № 2, с. 84). В той степени, в какой колхозы были действительно бедняцкими организациями, признание второстепенности колхозов по сравнению с кооперативами было на руку зажиточным крестьянам, которые играли в кооперативах преобладающую роль (см. ниже, § «в»).

119. Ход совещания освещался в «Правде» (5 и 6 марта 1925 г.). Более подробные материалы печатались в журнале «На аграрном фронте», 1925, № 3, с. 162—164; № 4, с. 34—40; предполагалась публикация еще одной статьи о совещании, но она не была напечатана, возможно, потому, что автор явно не симпатизировал принятым совещанием решениям. Речь Бухарина в журнале не публикуется, вероятно, потому, что она была полностью напечатана в «Правде» (6 марта 1925 г.). Примерно то же Бухарин говорил и в более поздней речи (апрель 1925 г.) (см. ниже, § «в»). Материалы совещания были опубликованы в виде отдельного сборника «Труды первого всесоюзного совещания сельскохозяйственных коллективов», 1925.

120. «Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927», с. 165.

121. «На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 121.

122. «Плановое хозяйство», 1925, № 5, с. 229—235; «На аграрном фронте», 1926, № 2, с. 83—94; № 5—6, с. 129—138. Большинство украинских колхозов фигурируют в статистических материалах как артели, хотя есть сведения, что многие артели были в действительности ТОЗами.

123. «Плановое хозяйство», 1925, № 11, с. 81—83. В ноябре 1925 г. Троцкий в одной своей речи неодобрительно отозвался о сельскохозяйственной коммуне на Украине, которую он только что посетил. Он сказал, что производительность этой коммуны ниже, чем производительность хозяйств окрестных крестьян («Правда», 28 ноября 1925 г.). Спустя несколько дней он, впрочем, дал более благоприятный отзыв об одной коммуне на Северном Кавказе (там же, 5 декабря 1925 г.).

124. «На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 121, 130; «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР», 1931, с. 29. Данные за 1925 и 1926 гг., приведенные в «Итогах десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927», с. 165, значительно ниже.

125. «Социалистическое хозяйство», 1924, кн. 2, с. 57.

126. «Вестник Коммунистической академии», 1926, т. XIV, с. 191.

127. О регламентации аренды и найма см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

128. Следует отметить, что предметом аренды было не владение землей, а право пользования ею. По недоразумению или недосмотру ст. 27 Земельного кодекса запрещала покупку, продажу и заклад земли. Поскольку частная собственность на землю уже не существовала, данная статья, по существу, не имела смысла, однако утверждали, что запрещение касается не владения, а пользования землей. Тем не менее, как отмечал П. Стучка («Вестник Коммунистической академии», 1925, т. XIII, с. 244), определением Верховного суда

статья должна была применяться строго к собственности на землю, то есть была анахронизмом.

129. «На аграрном фронте», 1926, № 9, с. 107. Подобное требование представляется непомерным даже для самых алчных кулаков; вероятно, вместо «три фунта» ошибочно написано «три пуда». Практика субаренды была осуждена резолюцией ЦК от 30 апреля 1925 г. (см. ниже, § «в»).

130. Тогдашние условия аренды обстоятельно рассматриваются в «Экономическом обозрении», 1925, май, с. 1—17. Арендная плата редко выплачивалась наличными деньгами. Зажиточные крестьяне, арендовавшие землю у бедняков, расплачивались частью урожая, бедняки, арендовавшие землю (обычно небольшой участок, на котором работала семья арендатора), расплачивались путем отработок. Кулак мог дать бедному крестьянину семенное зерно, чтобы получить от него долг после сбора урожая и проценты в виде определенного количества отработанных дней в кулацком хозяйстве («Власть Советов», 1925, № 11, 15 марта, с. 4). Расчеты, характерные для денежной экономики, еще не проникли в деревню.

131. «Плановое хозяйство», 1925, № 10, с. 38. Из земли, о которой идет речь, меньше 10% арендовалось малоземельными крестьянами, около половины — крестьянами, уже располагавшими 16 десятинами и более, остальную землю арендовали крестьяне, имевшие от 6 до 16 десятин (там же, 1925, № 10, с. 40).

132. Согласно ст. 35 Земельного кодекса, виды улучшения земли должны были оговариваться условиями арендного договора, но этим требованием обычно пренебрегали.

133. «Плановое хозяйство», 1925, № 10, с. 36, 41.

134. А. Гайстер. Расслоение советской деревни, 1928, с. 53—54.

135. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

136. «Статистический справочник СССР за 1927 г.», 1927, с. 78—79.

137. «На аграрном фронте», 1925, № 2, с. 56; подробно об относительных количествах безземельных крестьян в разных губерниях на Украине см. там же, 1925, № 4, с. 74.

138. «XV конференция ВКП(б)», 1927, с. 125.

139. Заявление Лашевича, опубликованное в «Ленинградской правде» 16 декабря 1925 г.

140. «Итоги советской власти в цифрах, 1917—1927», с. 144—151.

141. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 338; согласно таблицам в «Экономическом обозрении», 1929, № 3, с. 112, в 1925 г. было 18 777 тыс. голов рабочих лошадей. В «Итогах десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927», с. 188—193, говорится о несколько большем поголовье лошадей, что свидетельствует о неуклонном росте поголовья с 1924 по 1926 г. во всех регионах.

142. «Экономическое обозрение», 1925, декабрь, с. 94—97. Примерно те же данные приводятся в таблице поголовья всего рабочего скота (там же, 1926, январь, с. 13). На Украине поголовье крупного рогатого скота и овец в 1925 г. превысило уровень 1916 г., зато лошадей и свиней стало меньше; утверждалось, что общее поголовье сокращается («СССР: Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия», 1926, с. 415, 422). В Белоруссии наблюдался некоторый рост поголовья крупного рогатого скота в 1924—1925 гг., но продолжалось сокращение поголовья лошадей («На аграрном фронте», 1925, № 5—6, с. 177).

143. Там же, 1925, № 2, с. 49.

144. «Плановое хозяйство», 1925, № 8, с. 104.

145. «На аграрном фронте», 1925, № 2, с. 54. На Украине некоторые крестьяне безуспешно пытались пахать на коровах, но земля требовала сильных лошадей или тракторов (см.: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 12 созыва, 2 сессия», 1925, с. 419).

146. «Власть Советов», 1925, № 20, 15 мая, с. 14—15.

147. «На аграрном фронте», 1926, № 3, с. 90.

148. См., например, речь Зиновьева, опубликованную в «Правде» 27 мая 1925 г. По статистическим данным, на которые ссылается П. И. Ляшенко в «Истории народного хозяйства СССР» (1952, т. 2, с. 279), безлошадные кре-

стве составляли в 1912 г. 31,4% по сравнению с 29% десятью годами раньше. Раздел земли и рост числа крестьянских хозяйств после революции автоматически увеличили число «безлошадных» хозяйственных единиц.

149. «Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927», с. 136—141. Приведенные здесь статистические данные говорят о неуклонном сокращении числа безлошадных крестьян в 1924—1926 гг., хотя другие источники не дают оснований для такого вывода.

150. «Вы нам скотину дайте, тогда все будет хорошо», — говорили крестьяне Рыкову, когда он прибыл в АССР немцев Поволжья в августе неурожайного 1924 г. (см.: «Известия», 9 сентября 1924 г.).

151. Таблица в «Вестнике Коммунистической академии» (1926, кн. XIV, с. 220) показывает параллельный рост числа хозяйств без рабочего скота и без инвентаря на Украине:

Год	Без рабочего скота (%)	Без инвентаря (%)
1921	19	24
1922	34	30
1923	45	34
1924	46	42

152. «Большевик», 1928, № 15, с. 31.

153. «Сибирский крестьянин... не может обходиться без уборочных машин. Машины эти сосредоточены в руках «крепких» крестьян... и являются главным орудием эксплуатации односельчан. Расплачивается за пользование уборочными машинами крестьянство главным образом путем отработок и, конечно, на кабальных условиях... Таким образом, эти «крепкие» мужички, с одной стороны, являются передовыми, культурными хозяевами, «пионерами обновленной земли...», а с другой — они, несомненно, являются эксплуататорами деревенской бедноты» (сб. «Советское строительство», 1925, т. II—III, с. 352).

154. См. ниже, § «д».

155. Подробное описание поселка русских крестьян в Северном Казахстане (на границе с Сибирью) показывает, что 70% крестьян, которые не имели лошадей или имели только одну лошадь, попали в полную зависимость от владельцев двух или более лошадей, то есть 30% крестьян в поселке («На аграрном фронте», 1925, № 9, с. 109—110); такое положение представляется вполне типичным повсюду, кроме более плодородных регионов, где земледелие отличалось большей интенсивностью и крестьянину хватало одной лошади, чтобы обеспечить себе прожиточный минимум. В статье в «Правде» от 22 декабря 1925 г. А. П. Смирнов отмечает, что некоторые зажиточные крестьяне не держали лошадей и предпочитали нанимать их, когда требуется. Вероятно, однако, это было редким и, во всяком случае, отнюдь не повсеместным явлением (Смирнов стремился принизить значение такой цифры, как 40% безлошадных крестьян).

156. А. Большаков. Деревня, 1917—1927. 1927, с. 155.

157. О ленинских словах, что «самым рельефным признаком «предпринимательства» является употребление наемного труда», см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

158. Бедняков и батраков определяли по-разному, но в действительности эти категории крестьян были довольно близки по своей сути. Бедняком был крестьянин, который, не имея достаточно земли, был вынужден продавать свой труд; батраком считался наемный сельскохозяйственный работник, который мог пополнять (или не пополнять) свои заработки обработкой и своего участка (чаще батраки работали и на своей земле).

159. «Социалистическое хозяйство», 1925, кн. 5, с. 185—200.

160. «На аграрном фронте», 1925, № 3, с. 92—93 и № 5—6, с. 93—95. Номер этого журнала за 1925 г. и первые месяцы 1926 г. — лучший источник цифровых данных и сведений об условиях труда батраков в рассматриваемый период. Несколько весьма содержательных статей содержат интересные ссылки на другие, зачастую недоступные источники.

161. Там же, 1925, № 1, с. 40.

162. «Междуцарствие...», гл. 1.

163. «На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 47—48. По другим данным, в августе 1926 г. было всего 2083 тыс. наемных сельскохозяйственных рабочих, не считая совхозных рабочих («Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927», с. 162).

164. Ширмой для применения наемного труда служили фиктивное усыновление, «призрение» сирот и бездомных детей, фальшивые колхозы, фиктивные браки «на сезон» и, в азиатских регионах, открытое многоженство (см.: «На аграрном фронте», 1925, № 5—6, с. 93; Л. Крицман. Классовое расслоение в советской деревне, 1926, с. 163—164). «Правда», 11 апреля 1925 г., писала о «жене на рабочий сезон» как о «повседневном явлении»; в журнале «Вопросы труда» (1925, № 3, с. 37—38) упоминается договор, по которому наниматель обязался содержать работавшую на него женщину как свою жену в течение трех лет.

165. Подробные цифровые данные в журнале «На аграрном фронте» (1925, № 5—6, с. 93—97) свидетельствуют, что батраков нанимали чаще всего на шесть месяцев, или «на сезон»; средний срок найма составлял шесть месяцев. Исключением была Белоруссия, где, по всей видимости, преобладал наем на год.

166. Там же, 1925, № 3, с. 94; как сообщает А. Гайстер в книге «Расслоение советской деревни» (1928, с. 93), 46% батраков не имели земли, 52% имели земельные участки, но не имели скота (книга представляет собой доклад назначенной в 1926 г. Коммунистической академией группы во главе с Крицманом для изучения проблемы «дифференциации»).

167. «Плановое хозяйство», 1925, № 11, с. 67; как отмечалось в «Основах перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства» (1924, с. 25), «насыщение сельского хозяйства населением и трудом увеличилось, насыщение его капиталом, орудиями и средствами производства, наоборот, даже понизилось».

168. П. Лежнев-Финьковский, К. Савченко. Как живет деревня, 1925, с. 17—18.

169. «Вопросы труда», 1925, № 2, с. 34; «Плановое хозяйство», 1925, № 11, с. 66. Утверждалось, что плата составляла менее половины довоенной платы за такую же работу. Данные, приведенные в таблице, опубликованной в журнале «На аграрном фронте» (1926, № 1, с. 49), показывают, что реальные заработки батраков в 1924 г. составляли 50—60% заработной платы, которую получали батраки в 1913 г. Наименьшую плату получали батраки в черноземных губерниях, где проблема перенаселенности стояла особенно остро. Как указывает А. Гайстер в книге «Расслоение советской деревни» (1928, с. 95), средняя месячная заработная плата взрослого батрака по коллективным договорам, заключенным в 1925—1926 гг., составляла 21,6 рубля, но такую плату батраки, конечно, не получали.

170. «На аграрном фронте», 1925, № 3, с. 93; № 7—8, с. 87.

171. Там же, 1925, № 4, с. 70.

172. «Вопросы труда», 1925, № 3, с. 37.

173. «Правда», 20 ноября 1924 г.

174. «На аграрном фронте», 1925, № 3, с. 97.

175. Там же, 1925, № 1, с. 37.

176. А. Гайстер. Расслоение советской деревни, 1928, с. 98; в таблице (см. там же, с. 100) показана связь между наймом рабочей силы и арендой земли.

177. «Междуцарствие...», гл. 4.

178. «На аграрном фронте», 1925, № 9, с. 14.

179. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 518.

180. Там же, с. 592.

181. «На аграрном фронте», 1925, № 3, с. 96. В «Социалистическом вестнике» (Берлин, 1925, № 9 (103), с. 8) цитируется сообщение одного профсоюзного активиста из Тульской губернии: «В Тульской губернии за 1923 г. организовано было до 1000 батраков. Каждый крестьянин губернии, если он нанимает батрака, обязан зарегистрировать его в Волисполкоме. Пользуясь этой регистрацией, союз вызывает такого нанимателя к себе и заключает с ним трудовой договор. Ввиду того, далее, что у союза на местах слабые организации, хозяин обязан при уплате заработка своему работнику удерживать с него 2% в союз, 1% в кассу взаимопомощи и 1% в фонд безработных и передавать эти суммы в союз».

182. Политические аспекты такого положения рассматриваются в части IV следующей книги. По свидетельству профсоюзной газеты, «волисполкомы и сельсоветы в большинстве случаев стоят в стороне и не вмешиваются в «частное дело», считая, по-видимому, что в их функции защита профессиональных интересов деревенских тружеников не входит» («Труд», 8 февраля 1924 г.). В октябре 1924 г. Калинин возражал против предложения возложить на сельские исполкомы ответственность за инспекцию труда в сельском хозяйстве («Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 12 созыва, 2 сессия», 1925, с. 75; замечания Ларина см.: «На аграрном фронте», 1925, № 3, с. 96).

183. В ноябре 1924 г. в адрес VI съезда профсоюзов поступили приветствия от нескольких делегаций батраков, но съезд проявил настолько малый интерес к Всеарботземлесу, что даже не вынес резолюции в поддержку его деятельности («Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 210—215, 619); годом позже Томский заявил: «Профсоюзы все пошли в деревню. Но пошли они так, что в одной руке понесли Кодекс законов о труде, а в другой — коллективные договоры, все свои уставы, инструкции и т. д... и эффект получился незначительный, а порой даже отрицательный» («XIV съезд ВКП(б)», 1926, с. 739—740).

184. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 589.

185. Л. Крицман. Классовое расслоение советской деревни, 1926, с. 161.

186. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 9.

187. Об этих трех категориях см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

188. Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 198, 355.

189. В журнале «Плановое хозяйство», 1925, № 12, с. 37, дается определение или, точнее, описание кулачества как категории крестьянства. В «Статистическом справочнике СССР за 1928 г.» ЦСУ впервые предприняло попытку дать строгое определение трех категорий крестьянства. По степени зависимости от сельскохозяйственных и других доходов, стоимости составляющих имущество крестьян средств производства и числу наемных работников крестьянство подразделяется в справочнике на зажиточных, или кулаков («сельскохозяйственные предприниматели»), бедняков («без рабочего скота и с посевом до четырех десятин или с одной головой рабочего скота и посевом до одной десятины» при соответствующем пересчете). Остальные считались «середняками». Ларин различал четыре вида кулаков (конечно, крестьянин мог принадлежать одновременно к нескольким видам кулачества): а) кулак-производитель, который при помощи наемных рабочих ведет хозяйство с предпринимательской целью; б) кулак-скупщик; в) кулак-торговец; г) кулак-ростовщик (Ю. Ларин. Рост крестьянской общественности, 1925, с. 53—57).

190. П. Лежнев-Финьковский, К. Савченко. Как живет деревня, 1925, с. 30—31.

191. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 12 созыва, 2 сессия», 1925, с. 58—59, 73.

192. «На аграрном фронте», 1925, № 5—6, с. 8. В 1918 г. Ленин, не приводя точных цифровых данных, писал о 10 млн. бедняцких крестьянских хозяйств, 3 млн. середняцких и 2 млн. кулацких (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 40. Другие оценки см.: «Междоусервие...», гл. 1).

193. А. Гагарин. Хозяйство, жизнь и настроения деревни, 1925, с. 32—43.

194. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.
195. «Плановое хозяйство», 1925, № 10, с. 36—37, 41.
196. «Экономический бюллетень Конъюнктурного института», 1927, № 11—12, с. 52.
197. Даже Ларин не призывал к немедленной коллективизации: «...мы не собираемся ведь силой загонять в социализм 50 миллионов человек из населения СССР» (*Ю. Ларин*. Рост крестьянской общественности, 1925, с. 37).
198. «Междоусарствие...», гл. 4.
199. «Большевик», 1924, № 3—4, с. 23, 25; автором статьи был Слепков, впоследствии сблизившийся с Бухариным.
200. Приложение датировано 2 июня 1924 г., несомненно, ошибочно. Дальнейшие выпуски не найдены, хотя 2 ноября 1924 г. «Ленинградская правда» сообщила, что приложение будет выходить два раза в месяц.
201. Первая резкая критическая статья появилась в журнале «Большевик», 1924, № 10, с. 66—80. В «Правде» 25 октября 1924 г. была напечатана большая критическая статья Милютин «Аграрный ревизионизм», на которую Варга ответил статьей в «Правде», 1924, 11 декабря. Варга сослался на прецедент венгерской революции 1919 г., когда Бела Кун настроил крестьян против революции попытками коллективизировать сельское хозяйство (этой же аргументацией Варга пользовался, критикуя политику «военного коммунизма», см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17). Poleмика вызвала большой интерес, о чем свидетельствует факт перепечатки обеих статей в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, 9 December, No. 159, S. 2179—2181; 1924, 30 December, No. 169, S. 2327—2330. Милютин вновь выступил на страницах журнала «На аграрном фронте», 1925, № 2, с. 1—10; № 3, с. 7—19. С другой стороны, в появившейся в «Экономическом обозрении» (1925, март, с. 72—89) статье (с примечанием, что изложенные в ней положения не обязательно совпадают с мнением редакции) подчеркивалось, что вопрос о крупном коллективном сельском хозяйстве в любом случае остается открытым, и вновь повторялся аргумент о связи Каутского с идеей коллективного сельского хозяйства.
202. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 21—23.
203. «Правда», 6 февраля 1925 г.
204. Там же, 28 января 1925 г.
205. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 25—28.
206. «Совещание по вопросам советского строительства 1925 г.», 1925, с. 157, 192—193.
207. См. выше, § «а».
208. *Н. Бухарин*. Критика экономической платформы оппозиции, 1926, с. 25—26.
209. «Большевик», 1925, № 3—4, с. 3—17. Бухарин в своей речи в ИККИ в начале апреля 1925 г. говорил о борьбе между буржуазией и пролетариатом в мировом масштабе за руководство крестьянством, о «сеховой пролетарской идеологии» (троцкизме) и в целом подчеркивал важную роль союза с крестьянством («Расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала», 1925, с. 304—328).
210. «Большевик», 1925, № 2 (18), с. 40—55; № 5—6 (21—22), с. 73—100.
211. «Постановления Центрального Исполнительного Комитета СССР 2 созыва, 3 сессия», 1925, с. 7—8.
212. «Известия», 10 февраля 1925 г.
213. «Большевик», 1925, № 5—6 (21—22), с. 25.
214. «Правда», 5, 6 апреля 1925 г.; «Экономическая жизнь», 14 апреля 1925 г.
215. «Правда», 8 апреля 1925 г.; «Беднота», 29 апреля 1925 г.
216. О встрече Сталина с селькорами см. также выше, гл. 4. На XIV съезде ВКП(б) (декабрь 1925 г.) Сталин заявил, что о подобном изложении сути его встречи с селькорами он узнал только в октябре, и опроверг это изложение (*И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 362—363). К тому времени касательство к предложениям, подобным предложению восстановить частную собственность на землю, могло сильно скомпрометировать политического деятеля; однако

Сталин не вкладывал в свои слова особой убежденности. Напротив, они казались, скорее, мыслями вслух, чем заявлением политического характера.

217. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

218. На Украине, где самостоятельные крестьянские хозяйства были преобладающей формой земледелия, Пятый всеукраинский съезд Советов в декабре 1920 г. принял постановление, гарантировавшее землепользование на срок до девяти лет (*М. Попов*. Нарис історії Комуністичної Партії (більшовиків) України, 2-е изд., 1929, с. 252; «Збір законів і розпоряджень», 1921, № 3, ст. 94), но о подобных законодательных актах в других местностях данных нет.

219. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 374.

220. «Собрание узаконений», 1923, № 41, ст. 451; о решении XII съезда РКП(б), на котором основывалось постановление, см.: «Междущарствие...», гл. 1.

221. «Собрание узаконений», 1924, № 58, ст. 570. В предшествующем году в скотоводческих регионах за единицу налогообложения принимался фунт мяса (см.: «Собрание узаконений», 1923, № 42, ст. 452), но такая практика явно себя не оправдала. Примером колебаний шкалы налогообложения в разных регионах могут быть переводные коэффициенты в Туркестанской АССР в 1924/25 г.: одна овца или коза соответствовала 1/10 десятины орошаемой земли, один верблюд, вол, мул или осел — 2/10 десятины, одна лошадь или голова крупного рогатого скота (кроме волов) — 3/10 десятины («Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству», 1924, № 10, с. 72—73).

222. Постановление от 24 августа 1923 г. предусматривало освобождение от налога крестьян, не имеющих скота и имеющих надел не более 3/4 десятины на каждого члена семьи (см.: «Собрание узаконений», 1923, № 97, ст. 969). Но, по всей видимости, это постановление не применялось на практике до 1924/25 г., когда 20% крестьянских хозяйств получили освобождение от уплаты налога по сравнению со всего лишь 2% в 1923/24 г. («Финансы и кредит СССР», 1928, с. 120). В апреле 1923 г. в речи на XII съезде РКП(б) Сокольников признал, что налогообложение зачастую не соответствовало возможностям заплатить налог (*Г. Сокольников*. Финансовая политика революции, 1926, ч. II, с. 109).

223. Подробные выкладки см. в «Экономическом обозрении», 1929, март, с. 34—36. По оценке журнала «Большевик», 1926, № 2, с. 90, налоги не взимались с 21% крестьянских доходов. В Курской и Смоленской губерниях соответственно 72 и 68% крестьянских семей имели дополнительные заработки в сельском хозяйстве и 10 и 15% семей имели доходы, не связанные с сельским хозяйством, которые были освобождены от налога за 1925/26 г. (там же, с. 91—191).

224. Сравнивая положение до и после революции, «Экономическое обозрение» (1926, январь, с. 13) приводит данные, свидетельствующие, что, хотя средний крестьянский доход в 1925 г. составлял только 82% довоенного дохода, реальные доходы крестьян доходили до 95% благодаря меньшим налогам. Что касается сравнительного положения крестьян и рабочих, табличные данные в «Вестнике финансов», 1925, № 10, с. 65, показывают, что крестьянин в 1924/25 г. платил всех налогов, прямых и косвенных, в среднем 4,41 рубля (там же, с. 47, указана иная цифра — 5,43 рубля), рабочий — 14,2 рубля, горожанин (нерабочий) — 40,26 рубля. Справедливости ради следует добавить, что если крестьянин платил меньше налогов, то политика цен ставила его в невыгодное положение; о налогообложении и политике цен как альтернативных средствах изъятия у крестьянских хозяйств прибавочной стоимости см. выше, § «а».

225. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

226. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 518.

227. «Известия», 9 сентября 1924 г.

228. «II съезд Советов СССР. Постановления», 1924, с. 13.

229. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 56; «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 сессия, 2 сессия», 1924, с. 143.

230. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 73. Доклад Рабкрин в пользу предложения был подвергнут критике в «Вестнике финансов», 1925, № 7, с. 250.

231. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», 1926, с. 328.

232. Это предложение было предварительно одобрено Цюрупой на XIV партконференции («Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 67—68) и в статье, опубликованной в журнале «Плановое хозяйство», 1925, № 11, с. 60—63.

233. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 3 сессия», 1925, с. 124, 238—239.

234. «Экономическое обозрение», 1925, апрель, с. 69—70. Создание и работа комиссии не отражены в официальном отчете сессии.

235. Там же, с. 230, 233—234. Не упомянута еще одна причина убоя крупного рогатого скота: крестьяне резали скот, чтобы заплатить налог, предпочитая придерживать зерно в ожидании более высоких цен.

236. См. текст резолюции в «Постановлениях 3 сессии ЦИК СССР 2 созыва», 1925, с. 8—10, и в «Собрании законов», 1925, № 17, с. 124.

237. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 3 сессия», 1925, с. 254—255. О трудностях сбора налога в сельских местностях свидетельствует предложение включить в резолюцию особые положения, касающиеся кочевых и полукочевых народностей. Председатель Наркомфина убедил слушателей, что в резолюции не должно быть конкретных указаний и оговорок, а поправки, если они необходимы, должны быть вынесены для обсуждения и утверждения Президиумом ВЦИК (там же, с. 235—236, 254).

238. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 80.

239. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 635.

240. «Ленинградская организация и четырнадцатый съезд», 1926, с. 108.

241. Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 132—133; вероятно, следует обратить внимание на тот факт, что в кратком изложении речи в журнале «Власть Советов», 1925, № 17—18, с. 29, опущено упоминание о законодательстве насчет наемного труда и Каменеву приписывается отзыв о кулачестве как о «буржуазной верхушке деревни, которая пользуется наемным трудом».

242. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 370.

243. «Власть Советов», 1925, № 19, с. 18.

244. Как и большинство резолюций Политбюро, резолюция, принятая на этом заседании, не была опубликована, но на нее часто ссылались в последующих речах и резолюциях.

245. «Собрание законов», 1925, № 26, ст. 183. Вероятно, с целью исключить сомнения в компетенции всесоюзных органов соответствующие постановления были приняты спустя два-три месяца и в некоторых отдельных республиках. Так, постановление об использовании наемного труда было принято 30 июля 1925 г. в ЗСФСР («Собрание узаконений Закавказской СФСР», 1925, № 8, ст. 475); в Татарской АССР «Временные правила» были перепечатаны среди собственных постановлений («Собрание узаконений Татарской АССР», 1925, № 27, ст. 189). Позднее во многих республиках были приняты поправки, направленные на ужесточение регламентации использования наемного труда (например, на Украине, см.: «Збірник узаконень та розпоряджень», 1925, № 62—63, ст. 350; там же, 1926, № 4, ст. 35; в Белоруссии, см. «Збор законаў і захадаў БССР», 1925, № 42, ст. 351).

246. «Вестник Коммунистической академии», 1925, кн. XIII, с. 245.

247. «Экономическая жизнь», 22 апреля 1925 г.

248. «Беднота», 23 апреля 1925 г. Позднее «Беднота» пошла дальше и в передовой статье в номере от 2 июня 1925 г. критиковала положение ст. 40 Земельного кодекса (не подвергнувшейся изменению) о том, что использование наемного труда допустимо только в том случае, если наниматель сам работает на земле (поскольку труд был единственной основой права иметь землю): «это требование едва ли жизненно в условиях нэпа; во всяком случае, это требование крайне трудно контролировать в жизни».

249. «Собрание узаконений», 1925, № 27, ст. 191.

250. Текст доклада был опубликован в двух редакциях: в «Правде», 24 апреля 1925 г. (в те времена недельная задержка публикации даже самых важных речей была обычным явлением и отнюдь не свидетельствовала о сомнениях в целесообразности опубликования или пересмотре текста), и в журнале «Большевик», 1925, № 8, с. 3—14; № 9—10, с. 3—15. Хотя в «Правде» доклад публиковался «в сокращении», объем журнального текста примерно такой же. Однако стиль и формулировки характеризуются значительными различиями. В частности, в «Большевике» смягчены формулировки некоторых особенно щекотливых и спорных фраз, в том числе большинство высказываний о кулаке. Несомненно, менее сдержанный текст в «Правде» с большим основанием можно считать подлинным текстом выступления Бухарина, и именно этот текст цитируется в настоящей главе. В примечаниях указываются некоторые наиболее существенные расхождения. «Беднота» (26 апреля 1925 г.) перепечатала текст доклада из «Правды» в сокращении. Спустя восемь месяцев, на XIV съезде ВКП(б), Рыков ссылаясь на доклад Бухарина в журнальном изложении; очевидно, к этому времени текст в «Большевике» стал считаться официально принятой редакцией доклада («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 415—416).

251. О разных точках зрения на кооперацию см. ниже, с. 212—215; о дальнейшем развитии этого довода Бухариным и возражениях Крупской см. в части III следующего тома.

252. В журнале «Большевик» этот абзац начинается так: «Зажиточная верхушка крестьянства и середняк, который стремится тоже стать зажиточным, боятся сейчас накоплять». Подобные расхождения в текстах встречаются очень часто. В тексте, напечатанном в «Большевике», Бухарин избегает употреблять слова «кулак» и «батрак»; с другой стороны, он приводит довод, которого не было в «Правде»: «...в деревне мы имеем массу крестьян, которые фактически нигде не работают, но есть должны... и вот это избыточное (скрытое и открытое) перенаселение страшно давит на город, усиливая безработицу». Фраза «...крестьянин боится поставить себе железную крышу, потому что опасается, что его объявят кулаком...», уже звучала в беседе Сталина с селькорами (см.: выше, с. 192), но это вовсе не значит, что Бухарин заимствовал ее у Сталина — возможно, это вообще была ходовая фраза в то время.

253. «Большевик» публикует этот абзац тоже в более сдержанной формулировке, причем перед призывом к крестьянам обогащаться появляются слова, которых нет в тексте, напечатанном в «Правде»: «А борьбу с кулацким хозяйством нужно вести другими путями, другими методами, на других дорожках; новыми методами надо ее вести и вести энергично, чтобы в результате поворота не получилась, так сказать „ставка на кулака“». Слова «ставка на кулака» присутствуют в тексте, напечатанном в «Правде», но в другом контексте (см. ниже, с. 201).

254. В журнале «Большевик» Бухарин утверждал, что не собирается «объявить крестьянской буржуазии „варфоломеевскую ночь“». («Большевик», 1924, № 9—10, с. 6).

255. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 60—62.

256. Там же, с. 66—68, 75.

257. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 83—86.

258. Там же, с. 109—110, 122.

259. Там же, с. 135, 138; как сообщил позднее Сталин, Зиновьев «потребовал тогда недопущения выступления против Бухарина» (*И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 382). Партия никогда не считала Ларина, бывшего меньшевика, серьезным политиком. В 1911 г. Ленин назвал Ларина, этого меньшевика, бывшего не в ладах с официальным меньшевизмом, «enfant terrible оппортунизма» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, с. 191).

260. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 135—142.

261. Там же, с. 143—144.

262. Там же, с. 181—189; о ранее сделанном Бухариным замечании насчет того, что колхозы не являются «столбовой дорогой к социализму», см. выше, § «б».

263. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 4—5.

264. О постановляющей части данной резолюции см. ниже, с. 216—217.

265. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 14—15.

266. Там же, с. 23—24.

267. Во всяком случае, именно так обстояло дело с важнейшими резолюциями, принятыми XIII партконференцией в январе 1924 г. («Междуцарствие...», гл. 14).

268. Текст постановления опубликован в «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 642—649; доклад Молотова был полностью опубликован в «Правде», 9 мая 1925 г.

269. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», 1926, с. 149, 415.

270. В Земельном кодексе 1922 г. вопросы землепользования весьма слабо конкретизировались и почти всецело предоставлялись на усмотрение местных властей («Большевистская революция...», т. 2, гл. 19); требование борьбы с частыми переделами должно было явиться своего рода руководством, как следует трактовать положения кодекса.

271. См. выше, § «б».

272. См. выше, с. 198—199.

273. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 642—649.

274. Каменев в речи, с которой он выступил ранее, в апреле 1925 г., говорил, что «прирост населения в деревне идет таким скорым темпом, что избыток сил не может использоваться ни городом, ни нынешней деревней», и отмечал, что годовой прирост населения составляет 2,5% (*Л. Каменев. Статьи и речи*, 1926, т. XII, с. 131—132); по другим оценкам, на основании переписи 1926 г., годовой естественный прирост населения составлял несколько менее 2% (*F. Lorimer. The Population of the Soviet Union. League of Nations. Geneva, 1946, p. 89*).

275. «Собрание законов», 1925, № 31, ст. 209. Впервые положение приобрело форму декрета СССР. О значении, придававшемся положению, свидетельствует факт его опубликования целиком (хотя и без таблиц) в «Известиях» 8 мая 1925 г., то есть на следующий день после принятия. Документ был опубликован полностью (с таблицами) в «Бедноте» 12 мая 1925 г., заняв почти все ее страницы.

276. В действительности, как указано в кн. «Финансы и кредит СССР» (1938, с. 120), относительное количество крестьян, освобожденных от налога, возросло лишь с 20% в 1924/25 г. до 25% в 1925/26 г.

277. «Экономическая жизнь», 6 мая 1925 г.

278. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет XI созыва. Третья сессия», 1925, с. 25; «Собрание узаконений», 1925, № 29, ст. 207. О поправке см. выше, с. 199.

279. *Л. Каменев. Статьи и речи*, 1926, т. XII, с. 189—190. Речь была опубликована в «Известиях», 6 мая 1925 г. Ввиду отсутствия стенографического отчета о съезде проследить ход дебатов не представляется возможным. Соответствующие резолюции см. в «Резолюції всеукраїнських з'їздів Рад», 1932, с. 197—206, или «Пути укрепления рабоче-крестьянского блока», 1925, с. 71—82.

280. «Резолюції всеукраїнських з'їздів Рад», 1932, с. 199; резолюцию по сельскому хозяйству см. там же, с. 201—206. Годом раньше ЦИК УССР потребовал «твердо проводить классовую политику в налоговом законодательстве» («Бюллетень II сесії Всеукраїнського виконавчого комітету VIII скликанія», 1924, № 7, 17 апреля, с. 7). Это требование очень плохо соблюдалось в 1925 г., когда на Украине налог собирался таким образом, что максимальные льготы получали зажиточные крестьяне. Заявление Крупской по этому поводу на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. Каганович принял с оговоркой, но полностью отрицать то, что говорила Крупская, не мог («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 160, 234).

281. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 323—358. Речь и заключительные замечания включены также в кн.: *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 202—244.

282. В 20-е годы те, кто выступал за «индустриализацию сельского хозяйства», имели в виду механизацию сельскохозяйственных работ. Однако в одной из своих ранних работ Ленин определил этим термином «развитие торгово-промышленного капиталистического земледелия», то есть переход от хозяйства, ориентированного лишь на удовлетворение собственных нужд, к организованному товарному производству, сопровождавшемуся ростом числа «сельских и промышленных предпринимателей» и «сельских и промышленных наемных рабочих» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 3, с. 590); сравн.: «...индустриализация земледелия отделяет поземельную собственность от сельского хозяйства» («Ленинский сборник», 1932, т. XIX, с. 62). Каменев же трактовал или делал вид, что трактует фразу по-иному. Троцкий различал употребление данного термина именно в этом смысле и в смысле «индустриализации земледелия» путем механизации и повышения агротехники (*Л. Троцкий*. Соч., т. XXI, с. 435).

283. О декрете см. ниже, гл. 6.

284. О мерах по переселению см. ниже, Приложение А «Миграция и колонизация».

285. На XII Всероссийском съезде Советов, проходившем одновременно с III съездом Советов СССР, народный комиссар сельского хозяйства РСФСР высказался по данному вопросу еще более откровенно: «Если нет других способов разрешения этого вопроса, то выход из этого один: нужно создать условия, при которых одни свою избыточную рабочую силу могли бы продать, а другие — покупать» (XII Всероссийский съезд Советов», 1925, с. 201).

286. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 411.

287. Полный текст речи был опубликован в газетах «Правда» и «Известия», 26, 27 мая 1925 г.

288. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 369, 391, 407—408.

289. Текст опубликован в: «Третий съезд Советов СССР. Постановления», 1925, с. 21—29, и в «Собрании узаконений», 1925, № 35, ст. 248.

290. «Собрание узаконений», 1921, № 61, ст. 434.

291. «Вторая сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик», 1924, с. 39.

292. См. ниже, гл. 9.

293. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 586. Три упомянутые организации — Маслоцентр, Лыноцентр и Союзкартофель, — а также аналогичная организация плодородства и виноградарства, Плодовинсоюз, по всей видимости, сохранили независимость от Сельскохозяйственного союза — органа, контролировавшего все прочие сельскохозяйственные кооперативы («Плановое хозяйство», 1925, № 4, с. 64).

294. См. ниже, гл. 8.

295. «Собрание законов», 1924, № 5, ст. 11.

296. «XII Всероссийский съезд Советов», 1925, с. 78.

297. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 92, 132.

298. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 43, с. 225; о скептическом отношении Ленина к производственной кооперации см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

299. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 465.

300. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, с. 375.

301. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 18.

302. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 586.

303. Об этом упоминается в кн.: *Л. Поволоцкий*. Кооперативное законодательство, 3-е изд., 1925, с. 178.

304. По данным одной статьи в «Экономическом обозрении», 1929, № 12, в 1925 г. было 4500 товариществ, дававших напрокат тракторы и другие сельскохозяйственные машины и орудия.

305. «Экономическая жизнь», 21 февраля 1926 г.

306. «Сельское хозяйство на путях восстановления», 1925, с. 717. Цифровые данные показывают, что процент членов кооперативов среди разных групп крестьянства возрастал пропорционально благосостоянию крестьян до известного предела, а затем снижался — самые богатые крестьяне могли позволить себе роскошь оставаться вне кооперации («На аграрном фронте», 1925, № 3, с. 118—130; № 11—12, с. 51—66; там же, 1926, № 4, с. 95—96).

307. По некоторым данным, в 1925 г. сельскохозяйственная кооперация охватывала 28% всех крестьянских хозяйств; однако среди производителей специализированных культур и продуктов (молоко, картофель, табак, сахар) доля членов кооперативов доходила до 70—80% (А. Арутюнян и Б. Маркус. Развитие советской экономики, 1940, с. 214).

308. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 12 созыва, 2 сессия», 1925, с. 215—216.

309. «На аграрном фронте», 1925, № 7—8, с. 36.

310. «Правда», 21 ноября 1924 г.

311. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 12 созыва, 2 сессия», 1925, с. 213.

312. «Кооперация в СССР за десять лет», 1928, с. 243.

313. Я. Яковлев. Наша деревня, 1924, с. 65.

314. См. выше, § «б».

315. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 87—90. Об оценке Рыковым планирования см. «Междущарствие...», гл. 4. Как символ отсталости российского сельского хозяйства часто упоминалась соха. По мнению Г. Т. Робинсона (*G. T. Robinson. Rural Russia under the Old Regime*, 1932, p. 244), «можно с достаточным основанием утверждать, что больше половины крестьян все еще пользовались деревянными сохами в 1917 г. С другой стороны, сохранившиеся во многих регионах, соха исчезла в губерниях с наиболее развитым земледелием задолго до 1914 г.». Маккензи Уоллас, побывавший в Смоленской губернии в 1903 г., через 25 лет после своего первого посещения этой губернии отмечал, что за этот период железный плуг повсеместно пришел на смену деревянной сохе (*M. Wallace. Russia*, 2nd ed., 1905, vol. 2, p. 202—203).

316. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 90—91, 107. Руководство Центрального сельскохозяйственного банка возражало против смещения функций и хотело, чтобы кредитные кооперативы действовали отдельно, подчиняясь банку («Вестник финансов», 1925, № 5, с. 26—34).

317. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 17—19.

318. Там же, с. 15. Данное требование относилось ко всем кооперативам, а не только сельскохозяйственным. Один из делегатов протестовал даже против этого ограничения (см. выше, с. 203).

319. «Междущарствие...», гл. 4.

320. «Правда», 10 октября 1925 г.

321. О разногласиях по этому вопросу см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 18.

322. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 113—114.

323. Об этом сообщил сам Сталин в декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 7, с. 382), но подобное заявление едва ли было бы сделано при возможности открытых возражений. В докладе активу Московской организации РКП(б) 9 мая 1925 г. Сталин, отвергая то, что он называл «капиталистическим путем» развития сельского хозяйства, говорил, что «путь капиталистический означает развитие через обнищание большинства крестьянства во имя обогащения верхних слоев городской и сельской буржуазии» (там же, с. 111). — несомненный намек на бухаринский лозунг.

324. Письмо, излагающее «первые впечатления», было написано от первого лица единственного числа, но подписано Сталиным, Молотовым и Андреевым. Сталин упомянул о письме на XIV съезде ВКП(б) и добавил, что несколько дней спустя Оргбюро ЦК постановило, «при полном согласии Бухарина», предпринять снятие редактора «Комсомольской правды» (там же,

с. 383—384). Полный текст письма впервые был опубликован в 1947 г. в собрании сочинений Сталина, т. 7, с. 153—155.

325. На XIV съезде ВКП(б) Каменев признал, что лозунг Бухарина «гулял в течение полугодия по нашей партии» («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 254); по словам Крупской, «широкими партийными массами он учитывался как лозунг партийный, как лозунг ЦК» (там же, с. 160). Издававшийся в Берлине меньшевистский «Социалистический вестник» назвал лозунг «обогащайтесь» «призывом Политбюро к буржуазии» («Социалистический вестник». Берлин, 1925, № 10 (104), с. 4). О реакции сменовеховцев см. ниже, с. 433—434, прим. 376.

326. «Большевик», 1925, № 9—10, с. 16—38, 59—64.

327. См. об этих документах: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19; они были напечатаны в «Ленинском сборнике», 1925, т. 4, с. 389—396, с пояснением Преображенского о том, что тезисы были подготовлены им по поручению комиссии, назначенной ЦК для изучения данного вопроса.

328. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 270. Это должно было произойти в первой половине июня 1925 г. Утверждалось, что статья Крупской была отослана «на следующий день после появления статьи Бухарина» (номер «Большевика» со статьей Бухарина был датирован 1 июня 1925 г., но журналы не всегда выходили пунктуально). Статья Крупской и ответ Бухарина так и не были опубликованы, но были размножены и распространялись оппозиционерами на XIV съезде ВКП(б). Крупская показала свою статью Петровскому, по словам которого «она указывала прямо на неправильную политику ЦК, направляла политику партии в сторону разгрома кулака» («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 168). В своем ответе Бухарин отнюдь не каялся в грехах. Один из абзацев бухаринского ответа прозвучал на XIV съезде ВКП(б): «Когда мы требуем у концессионера увеличенных поставок его продукции, мы тем самым обращаемся к нему с лозунгом «накопляй». Не только кулак, но и концессионер входит в систему самого широкого сотрудничества» (там же, с. 383).

329. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 282—383.

330. Сообщение о конференции появилось в «Ленинградской правде» 24 июня 1925 г. Речь Зиновьева по аграрному вопросу — она была дана в выдержках; места, обусловленные фактом выступления перед военной аудиторией, были опущены — была напечатана почти через неделю (в «Правде» и «Ленинградской правде», 30 июня, 1 июля 1925 г.).

331. Самым подробным из имеющихся сообщений об этом инциденте является сообщение на IV съезде КП Грузии осенью 1925 г., которое упоминалось в «Ленинградской правде» 23 декабря 1925 г.; на XIV съезде ВКП(б) о проекте говорили Зиновьев и Орджоникидзе; проект был назван «дурацким» и встретившим «должный отпор» со стороны партии («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 118, 223). Утверждение Троцкого, что инициатором проекта якобы был Сталин (L. Trotsky. Stalin. New York, 1946, p. 397), представляется маловероятным.

332. «Исторические записки», 1954, т. 46, с. 302; подробностей и точной даты нет.

333. «На аграрном фронте», 1925, № 10, с. 10—11.

334. «Бюллетень 4 сессии Всеукраинского Центрального Виконавчого Комітету», 1925, № 2, с. 23.

335. См. выше, § «в».

336. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

337. О кампании за возрождение Советов речь пойдет в IV части следующего тома, о подъеме украинского национализма — в одном из последующих томов.

338. «Пролетарская правда». Харьков, 12 мая 1925 г.

339. Зиновьев процитировал данное высказывание на XIV съезде ВКП(б) спустя пять месяцев («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 119). Каганович обвинил Зиновьева в том, что тот «вырвал отдельную цитату» из речи Петровского (там же, с. 234). Возможно, определенную роль

- сыграла беседа Петровского с Крупской, побывавшей в Харькове (там же, с. 168).
340. Также процитировано Зиновьевым («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 122).
341. Резолюция, принятая ЦК КП(б)У на июльском (1925 г.) Пленуме, была одобрена ЦК РКП(б) в октябре 1925 г. («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 40).
342. М. *Полов*. Нарис історії Комуністичної Партії (більшовиків) України, 2-е изд., 1929, с. 287.
343. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 160.
344. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 337; «Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927», без года издания, с. 168—171.
345. «На аграрном фронте», 1925, № 7—8, с. 52; «Плановое хозяйство», 1925, № 9, с. 8—9; № 10, с. 47—48. Эту оценку повторил Каменев в речи 4 сентября 1925 г. (см. ниже, прим. 352).
346. «Социалистическое хозяйство», 1925, кн. 4, с. 5.
347. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 263—264, 266.
348. «Плановое хозяйство», 1925, № 10, с. 54; 1926, № 1, с. 41—42.
349. См. таблицы в кн.: «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 339—344. В стоимостном выражении зерно составляло 85% всей сельскохозяйственной продукции.
350. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 155.
351. В замечаниях Каменева (перепечатанных в кн.: Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 299—300) впервые упоминались «самые серьезные социальные последствия» сосредоточения излишков хлеба в руках зажиточных крестьян и приводились цифры, упомянутые Каменевым в речи 4 сентября 1925 г. (см. ниже, с. 228).
352. Речь Каменева от 4 сентября была напечатана в «Правде» (17, 18 сентября 1925 г.) и перепечатана в кн.: Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 303—337.
353. «Плановое хозяйство», 1925, № 9, с. 12.
354. «Правда», 25 сентября 1925 г.; автором статьи был В. Милютин. О расхождении между растущими ценами на продукты сельского хозяйства и прогнозами Госплана свидетельствуют таблицы, помещенные в журнале «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 74.
355. «На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 18. Эти данные подтверждаются в «Экономическом обозрении», 1926, № 3, с. 43—44. Там же указано, что по показателям прохождения хлеба через контрольные пункты удельный вес «основных государственных организаций» (очевидно, Хлебопродукт и Госбанк, но не кооперативы) сократился с 73% в августе до 49,5% в сентябре (подробные цифровые данные см. там же, с. 48).
356. «Экономическое обозрение», 1926, март, с. 46.
357. «На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 121.
358. См. ниже, с. 226.
359. Статья Преображенского в «Правде», 15 декабря 1925 г.
360. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 320.
361. См. выше, § «а».
362. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 12 созыва, 2 сессия», 1925, с. 470.
363. «Экономическое обозрение», 1926, № 2, с. 128—129; «На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 20—21. Как отмечалось в последнем источнике, «в одном районе (Северный Кавказ) кулак был милостив и добр к советской власти, в другом же районе (Украина) горел желанием всячески пакостить и гадить ей», то есть на Северном Кавказе кулаки продавали государственному заготовительным органам хлеб по более низким ценам. Более высокая концентрация хозяйства была выгодна украинскому кулаку благодаря более интенсивному хозяйству и близости к рынкам. Рыков подтвердил, что именно на Украине хлебозаготовки сопровождались наибольшими трудностями (там же, 1925,

№ 10, с. 5). Наблюдались резкие колебания цен по регионам («Вестник финансов», 1925, № 9, с. 3).

364. Г. Сокольников. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 231.

365. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 263—264, 416.

366. «Собрание законов», 1925, № 60, ст. 444.

367. В Белоруссии декрет от 1 сентября 1924 г. предоставлял право вести хлебозаготовки на территории республики следующим организациям: Белорусскому отделению Хлебопродукта, Белорусскому отделению Госбанка, отделу пищевой промышленности ВСНХ БССР и сельскохозяйственным и потребительским кооперативам («Збор законаў і захадаў БССР», 1924, № 21, ст. 197). На неудобства, связанные с множественностью хлебозаготовительных организаций, обращалось внимание и в 1924 г., но до кризиса осенью 1925 г. никаких мер не принималось (Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 348).

368. Во всех странах Восточной Европы до 1914 г. финансирование операций с активами в виде зерна было важной функцией банков, которые обычно располагали существенными зерновыми запасами. Летом 1925 г. Госбанк защищал свои интересы на хлебном рынке, оправдывая это тем, что «условия реализации урожая сильнее всего влияют на размер эмиссии банковских билетов» («Экономическая жизнь», 1 июля 1925 г.). В нижеследующей таблице приведены данные о закупках зерна тремя крупнейшими заготовительными организациями (млн. пудов):

	1923—1924	1924—1925	1925—1926
Хлебопродукт	85,6	128,9	204,9
Госбанк	50,9	77,5	107,5
Центросоюз	37,3	28,5	60,0

Источник: «На аграрном фронте», 1926, № 5—6, с. 22.

369. Вопрос о столкновениях между представителями разных заготовительных организаций обсуждался сессией ЦИК РСФСР в октябре 1925 г. Представитель Наркомвнуторга РСФСР обвинял работников Наркомвнуторга СССР в неопытности и некомпетентности («Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 12 созыва, 2 сессия», 1925, с. 445, 448, 452, 485). В «Экономической жизни» (30 сентября 1925 г.) яркими красками описывалось положение, сложившееся в Ростове; ситуация в целом достаточно подробно описана в журнале «Плановое хозяйство», 1926, № 1, с. 54—58.

370. Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 526.

371. Неожиданно за такое возвращение к рыночной конкуренции выступил Красин: «Даже если в результате такого параллелизма происходит известное повышение цен на заготавливаемый товар, оно идет на пользу крестьянина или мелкого производителя, и СССР в целом не теряет, а скорее выигрывает от такого соперничества» (Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, 1928, с. 127).

372. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (большеви-ков)», 1927, с. 483.

373. См. выше, с. 224.

374. См. ниже, гл. 10.

375. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 39, 42. Точная дата публикации статьи Институтом Ленина не была известна, Зиновьев сослался на нее в октябре 1925 г. (см. ниже, с. 232).

376. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 238. Рассуждениям Зиновьева благоприятствовал тот факт, что совсем незадолго до этого Устрялов поместил в харбинской сменовеховской газете «Новости

жизни» статью, озаглавленную «Ныне отпускаешь...», содержащую восторги по адресу речи Бухарина, в которой тот выдвинул лозунг «обогащайтесь» (*Н. Устрялов*. Под знаком революции, 2-е изд., 1927, с. 209—211).

377. Цитируемые здесь и далее отрывки взяты из окончательной редакции статьи, опубликованной в «Правде» 19 и 20 сентября 1925 г. и вышедшей отдельной брошюрой (*Г. Зиновьев*. Философия эпохи, 1925).

378. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 375.

379. На эти слова Зиновьева ссылался Угланов на XIV съезде ВКП(б) («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 195—196); первоначальный вариант текста никогда полностью не публиковался.

380. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 318. К данному эпизоду имел отношение и В. Куйбышев, который также находился в Москве. Куйбышев, кандидат в члены Политбюро и председатель ЦКК, был весьма влиятельным политическим деятелем (там же, с. 441—442).

381. Сообщая о данном эпизоде, Сталин цитировал собственное письмо (*И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 375—376). В переработанном тексте появилось также упоминание о кооперации («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 194).

382. «Большевик», 1925, № 17—18, с. 51—59.

383. *Г. Зиновьев*. Ленинизм, 1925, с. 215—220. Большая часть главы была опубликована отдельной статьей в «Ленинградской правде», 26 сентября 1925 г.

384. *Г. Зиновьев*. Ленинизм, 1925, с. 255.

385. Там же, с. 260.

386. См. выше, с. 229.

387. *Г. Зиновьев*. Ленинизм, 1925, с. 281. Главы о НЭПе публиковались и в виде статей в шести номерах «Ленинградской правды», 29 сентября — 4 октября 1925 г.

388. *Г. Зиновьев*. Ленинизм, 1925, с. 326. Резолюция партконференции и споры о социализме в одной стране рассматриваются в части III следующей книги.

389. Там же, с. 318.

390. Там же, с. 358, 360. О «диктатуре партии» см. выше, гл. 3.

391. См. доклад Каменева и проект резолюции в: *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 347—371; в сокращении доклад был опубликован в «Правде» 24 октября 1925 г. Решение ЦК было опубликовано в «Правде», 1925, 15 октября, и в ВКП(б) в резолюциях..., 1941, ч. II, с. 32. В докладе Каменева были представлены данные ЦСУ «о распределении хлебных избытков»:

Площадь	% населения	% общего производства	% излишков
Без посевов	3	—	—
С посевом до 1 десятины	12	3	—
1—2 десятины	22	12	—
2—3 «—»	20	16	3
3—4 «—»	14	15	11
4—6 «—»	15	21	23
6—8 «—»	7	12	19
8—10 «—»	3	7	12
Свыше 10 десятин	4	14	30

Источник: *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 355—356; сумма цифр в последней колонке не равна 100%.

392. О чувстве облегчения недвусмысленно говорилось в передовой статье в «Правде», 15 октября 1925 г.

393. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 457—458.
394. «Правда», 2 октября 1925 г.; «Ленинградская правда», 6 октября 1925 г.
395. Летом 1925 г. вышла книга «Советская деревня», написанная Лариным, который уже выступал против Бухарина на XIV партийной конференции (см. выше, § «в»). В книге обращалось внимание на рост расслоения крестьянства и осуждалась проводившаяся политика, которая благоприятствовала кулаку. С критикой книги выступил один из приверженцев Бухарина, Марецкий, поместивший в журнале «Большевик» (1925, № 19—20) длинную статью. Ларин ответил на критику «дискуссионной» статьей в «Правде» 16 декабря 1925 г.
396. См. выше, с. 222.
397. «Ленинградская правда», 15 октября 1925 г.; факт внесения поправок подтверждается сравнением проекта и окончательного текста резолюции.
398. Окончательную редакцию молотовской резолюции см. в: «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 38—39. Об «особых собраниях бедноты» идет речь в IV части следующей книги.
399. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 361. Сокольников утверждал следующее: «С.-х. налог должен быть перестроен таким образом, чтобы он действительно стал в деревне силой, организующей деревенскую бедноту и середняков за Советскую власть, против богатеев и деревенских кулаков. Такая задача должна быть поставлена на очередь дня» (*Г. Сокольников*. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 22—23). Данная статья впервые была опубликована в «Вестнике финансов», 1925, № 10, с. 3—22, и, очевидно, представляла собой суть доклада Сокольникова Центральному Комитету.
400. *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 380. Приведенная фраза взята из книжного обозрения и в этом контексте едва ли оправдывала кулацкий уклон, что вменялось Каменевым в вину ее автору («Печать и Революция», 1925, № 5—6, с. 335; номер был подписан в печать 14 июня 1925 г.).
401. Собрание освещалось в печати («Правда», 20, 24 октября 1925 г.; «Ленинградская правда», 21, 22 октября 1925 г.). Речь и заключительное слово Каменева см. в: *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 372—408.
402. «Правда», 13, 14, 15 ноября 1925 г.; статья вышла также отдельной брошюрой.
403. Фраза из неопубликованной записки Троцкого, относящейся ко времени работы XIV съезда ВКП(б). О данной записке, обнаруженной в архивах Троцкого (Т 2975), см. в части III следующей книги.
404. «Правда», 11 декабря 1925 г.; на приведенные Каменевым цифры яростно нападал Яковлев в серии статей (там же, 9, 10, 16 декабря), а также Сталин на XIV съезде ВКП(б) (*И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 329—330).
405. Там же, с. 315—316.
406. Там же, с. 336—337, 373.
407. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 331—332.
408. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 476—477.
409. О роли, которую съезд сыграл в определении политики в области промышленности, см. ниже, гл. 6.
410. См. выше, § «в».
411. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 50—52.
412. «Правда», 12 января 1926 г.
413. «Правда», 13 февраля 1926 г.
414. См., например, передовую статью в «Известиях» от 27 февраля 1926 г. Кулак, однако, не лишился симпатий Бухарина, который в докладе в Ленинграде в феврале 1926 г. говорил, что середняки, а иногда и бедняки видят в кулаке «отца-благодетеля, который хотя и дерет с него шкуру, но который кое-что все-таки дает, а мы кормим его хорошими декретами, прекрасными речами о Чемберлене, но почти ничего ему не даем» (*Н. Бухарин*. Доклад на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б), 1926, с. 30).
415. См. выше, § «б».

416. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 40.
417. Там же, с. 68.
418. Наиболее полный отчет о работе съезда помещен в журнале «На аграрном фронте», 1926, № 1, с. 3—9. Отрывочная информация о съезде появлялась в «Правде» с 27 января по 2 февраля 1926 г.
419. «На аграрном фронте», 1925, № 11—12, с. 18.
420. Об этом говорил Калинин в речи, помещенной в «Правде» 2 февраля 1926 г.
421. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—1926 год», 3-е изд., 1926, с. 47.
422. «Вестник Коммунистической академии», 1926, т. XV, с. 251.
423. Как немаловажное обстоятельство следует отметить тот факт, что Шанину, «наркомфиновскому профессору» и видному стороннику линии Сокольников (о возражениях Шанина против индустриализации в ноябре 1925 г. см. ниже, гл. 6), которого Сталин критиковал на XIV съезде ВКП(б) (*И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 298), позволили еще раз высказать свою точку зрения в журнале «Большевик» (1926, № 2, с. 65—87). Шанин утверждал, что «совершенно ошибочно... предположение, что наша промышленность может в ближайшее время развиваться в ногу с сельским хозяйством», что промышленность и так уже развивается слишком быстро, ведя к нарушению экономического равновесия, и что единственный выход — увеличение объема импорта потребительских товаров. Шанин был открытым сторонником экономики свободной конкуренции, он выступал за то, чтобы направлять ресурсы (капитал) в те отрасли, которые сразу же дадут наибольшие доходы при наименьших потребных капиталовложениях, а такой отраслью, несомненно, было сельское хозяйство. Попытка примирить подобные взгляды с решениями съезда партий, конечно, не увенчалась успехом, и вообще такая точка зрения, вероятно, в последний раз высказывалась на страницах партийной печати. Сокольников, единственный влиятельный поборник подобных взглядов, был снят с поста наркома финансов примерно в то время, когда была опубликована статья. В дальнейшем Шанин продолжал помещать свои статьи в «Плановом хозяйстве», выражая ортодоксальную точку зрения по вопросам финансовой политики (см. ниже, гл. 9).
424. «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 107—120. Статья была обозначена как «дискуссионная», то есть редакция не принимала на себя ответственность за точку зрения автора.
425. «Большевик», 1926, № 7—8, с. 86—100.
426. «Плановое хозяйство», 1926, № 5, с. 10—11.
427. В 1924—1925 гг. было собрано 332 млн. рублей налога, не считая 100 млн. рублей отчислений в местные бюджеты, а в 1925—1926 гг. было собрано 252 млн. рублей вместе с отчислениями в местные бюджеты («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 гг.», 1928, с. 553).
428. «Большевик», 1925, № 19—20, с. 52—59.
429. «Финансы СССР за XXX лет, 1917—1947», 1947, с. 248. Источники данных в книге не указаны, поэтому их не следует считать вполне достоверными.
430. См. выше, § «в».
431. «Большевик», 1926, № 6, с. 74. Это замечание имеет общий характер, но можно полагать, что оно основывается на наблюдениях автора на Украине.
432. Несколько позже Наркомфин РСФСР было принято решение об освобождении бедняцких крестьянских хозяйств от налога ниже рубля, так как расходы на взимание почти равнялись самому налогу. Сумма налога ниже рубля составляла около 300—400 тыс. рублей по РСФСР (см.: *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 361—362).
433. О росте влияния кулаков подробно говорится в части IV следующей книги.
434. «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 41—42, 60.
435. «На аграрном фронте», 1926, февраль, с. 11—19.
436. «Правда», 6 марта 1926 г.
437. «Известия», 3 марта 1926 г.

438. См. выше, § «в».
439. «Плановое хозяйство», 1925, № 11, с. 33—50.
440. A. Ransome. 6 Weeks in Russia in 1919. 1919, p. 100.
441. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 204.
442. «Собрание узаконений», 1921, № 28, ст. 157.
443. «На аграрном фронте», 1925, № 11—12, с. 225; Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли. 1928, с. 222—224.
444. «Экономическая жизнь», 7 ноября 1924 г. (Цитата дается в переводе с английского — в газетном тексте данного абзаца нет. — *Ред.*)
445. В мае 1925 г. Каменев утверждал, что в последние месяцы, после ряда неудач, Коломенский завод начал выпускать тракторы, которые работают «вполне удовлетворительно», но выпуск тракторов был совершенно недостаточен (Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 292). В «Итогах десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927», с. 245, сообщается, что в 1924—1925 и 1925—1926 гг. советские заводы выпустили соответственно 481 и 815 тракторов. В конце 1926 г. завод «Красный путиловец» в Ленинграде выпускал «чрезвычайно ничтожное количество тракторов в пять-шесть раз дороже, чем за границей» («XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», 1927, с. 122—123).
446. «Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству», 1925, август, № 23 (44), с. 14—15.
447. Ю. Ларин. Рост крестьянской общественности и ее очередные задачи, 1925, с. 37.
448. «Правда», 17 и 18 декабря 1925 г. Весной 1926 г. из США было импортировано 10 тыс. тракторов («Власть Советов», 1926, № 23, с. 12—13); строительство Сталинградского тракторного завода началось в 1926 г., но пуск планировался не раньше 1929 г. (М. Лацис. Сельскохозяйственные концессии, 1926, с. 15).
449. Г. Кржижановский. Соч., 1936, т. III, с. 117.
450. Е. Преображенский. Новая экономка, 1926, с. 247.
451. «Правда», 12, 13 января 1926 г. Электрификация деревни, во всяком случае в сколько-нибудь значительных масштабах, представлялась делом столь отдаленного будущего, что споры на этот счет носили довольно отвлеченный характер.
452. Там же, 3 марта 1926 г. Кроме сообщения о съезде, в газете была опубликована статья, в которой подчеркивалось значение оснащения сельскохозяйственных кооперативов тракторами и другой техникой.
453. См. выше, § «в».
454. Статьи по этому вопросу появились в журналах «Плановое хозяйство», 1926, № 4, с. 120—127; № 5, с. 107—127; № 6, с. 112—121, и «Экономическое обозрение», 1926, № 3.
455. «Правда», от 20 сентября 1925 г. Об этой статье см. ниже, гл. 10 (приведенные слова в газетном тексте не обнаружены, даются в переводе с английского. — *Ред.*)
456. И. В. Сталин. Соч., т. 8, с. 119.
457. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929—1930 год», 1930, с. 437.
458. «Правда», 6 апреля 1926 г.
459. Об этом заявил Троцкий, выступая на Пленуме ЦК в апреле 1926 г. (см. следующее примечание).
460. Отчет о работе Пленума не публиковался, и текстом первоначальной редакции резолюции Рыкова я не располагаю. Доклад Рыкова на собрании коммунистов-хозяйственников Московской организации 13 апреля 1926 г. «Итоги Пленума ЦК ВКП(б)» был напечатан в «Правде» 23 апреля 1926 г. Тексты речи Троцкого и поправок сохранились в архивах Троцкого (Г 2982, 2983); наиболее важные из поправок упоминались на XV конференции партии (см.: «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», 1927, с. 122, 126, 138). Споры, касавшиеся промышленности, рассматриваются ниже, гл. 6. Значение этих разногласий для отношений между Троцким и новой оппозицией рассматривается в части III следующей книги.

461. В одной статье от 2 апреля 1926 г., сохранившейся в архивах Троцкого (Т 874), автор которой, очевидно, был тесно связан с Госпланом — возможно, это был Смилга, — логически развивались основные положения статьи Оссовского (см. выше, с. 241): «Гарантируя посредством изменения политики цен приток ресурсов для развития промышленности в мере, достаточной для нормального роста производства, мы в то же время освободимся от необходимости искусственно поддерживать развитие промышленности... При определении нашей политики цен мы должны... руководствоваться принципами соответствия цен темпам развития, которые мы считаем необходимыми для той или иной отрасли, а не принципом соответствия цены затратам в данный момент». Троцкий, если учесть его позицию, не был вполне убежден в осуществимости и целесообразности подобного курса.

462. Об этом обмене репликами писал Рыков в «Правде» 23 апреля 1926 г.

463. «Социалистический вестник». Берлин, 1926, № 10 (128), с. 15; поскольку сообщение относится ко времени, когда «блок» еще не сформировался, возможно, так и было в действительности.

Дзержинский в своем выступлении на Пленуме ЦК открыто обвинил Троцкого и Каменева в совместном «создании новой платформы, которая приближалась бы к замене не так давно выдвинутого лозунга «Лицом к деревне» лозунгом «Кулаком к деревне» (Ф. Дзержинский. Избранные произведения, 1957, т. 2, с. 259).

464. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 95—96.

465. См. выше, § «г».

466. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 97—100. В более ранних изданиях как автор резолюции указывается Каменев, чье имя после 1936 г. замалчивалось. Влияние реформы прослеживается в балансовом отчете Госбанка — «вложения» (то есть вложения в товары, главным образом зерно) сократились с 89 млн. рублей на 1 октября 1925 г. до 52 млн. рублей на 1 октября 1926 г. и 5,9 млн. рублей годом позже («Государственный Банк СССР, 1921—1926». М., 1927, с. 31—32).

467. И. В. Сталин. Соч., т. 8, с. 134.

Глава 6. Промышленность

1. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

2. «Междоусарствие...», гл. 4.

3. Там же, гл. 3.

4. Там же.

5. См. ниже, гл. 9.

6. В журнале «Социалистическое хозяйство» (1924, № 3, с. 12) упоминается несколько статей, опубликованных в начале 1924 г., в которых выражено недоверие к реформе, вызванное этими обстоятельствами. Год спустя Бронский напомнил о «серьезной и упорной борьбе против срочного проведения денежной реформы, проводимой многими из наших руководящих товарищей-хозяйственников», которые теперь, однако, «научены опытом» (там же, 1925, № 5, с. 11).

7. «Промышленность СССР в 1925—1926 годах» (ВСНХ, 1926), с. 8.

8. Ю. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР, 1926, с. 408, Розенфельд приводит высказывание Пятакова по этому вопросу.

9. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 260—261; указывалось, что в это время 60% всех банковских кредитов поступало в распоряжение легкой промышленности и менее 30% — тяжелой (там же, с. 271).

10. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—1926 годы», 1925, с. 82. Более высокие данные о промышленном производстве на 1923—1924 гг. приводятся в «Контрольных цифрах народного хозяйства на 1926—1927 годы», 1926, с. 321. Несколько более низкие цифры опубликованы в «Промышленности СССР в 1925—1926 годах» (ВСНХ, 1927), с. 20—21. Последние, очевидно, представляют собой чистые показатели, исключаящие полуфабрикаты, переда-

ваемые из одной отрасли в другую. Такие колебания характерны для всех статистических данных того времени; редко можно понять, являются ли более поздние данные более точными, чем предыдущие, или же они были получены на другой основе. Однако они редко влияют на общую картину.

11. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—1926 год», 1925, с. 79.

12. «Социалистическое хозяйство», 1925, № 1, с. 82—83. Термин «тяжелая промышленность», который обычно включает топливные отрасли (уголь, нефть), химическую и электроэнергетическую отрасли, а также металлургию и машиностроение, здесь, вероятно, ограничивается металлургией и металлообработкой. Об отчаянном положении этих отраслей в 1920 г. см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16; об их медленном оживлении в 1923 г. см.: «Международное...», гл. 4. В декабре 1924 г. Дзержинский утверждал, что тяжелая промышленность в целом достигла 46% от довоенного уровня производства («Правда», 4 декабря 1924 г.).

13. «Экономическое обозрение», октябрь 1927 г., с. 110. Цифры 1913 г. приведены из «Контрольных цифр народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 320 (автор в «Экономическом обозрении» использовал несколько заниженные цифры, судя по его процентным расчетам; это, вероятно, связано с различными поправками по территориальному признаку).

14. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 2, с. 165—182.

15. «Плановое хозяйство», 1925, № 9, с. 301. В своей речи на заседании ВСНХ 2 декабря 1924 г. («Правда», 4 декабря 1924 г.) Дзержинский заявил, что промышленная прибыль составила 4 млн. рублей на 1922—1923 гг. и 45 млн. — на 1923—1924 гг.

16. «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1927, с. 109. С. Г. Струмилин в своих «Очерках советской экономики» (1928, с. 166—167) указывает, что тресты, непосредственно подчиненные ВСНХ СССР, получили прибыль в 100 млн. рублей в 1923—1924 гг. после выделения 130 млн. на амортизацию. По вопросу об амортизации см. ниже, с. 440, прим. 51.

17. «Международное...», гл. 3.

18. «Международное...», гл. 4.

19. «Экономическая жизнь», 5 июня 1924 г. Когда через несколько дней Сокольников выступал в том же тоне в Деловом клубе, Смилга в ответ спросил: «Индустриалисты существуют для Наркомфина или Наркомфин для индустриалистов?» В то время Смилга был редактором вновь основанного журнала «Вестник промышленности, транспорта и торговли» при Совете съездов — органа руководителей промышленности («Международное...», гл. 2).

20. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 102—103.

21. См. выше, гл. 5.

22. О внутрипартийной борьбе см. в III части следующего тома.

23. Главметалл и Главэлектро были единственными главками, которые пережили весь период от «военного коммунизма» до НЭПа («Вопросы истории», 1953, № 7, с. 42). Вряд ли это произошло случайно, поскольку эти главки руководили работой тех двух отраслей, куда частным предприятиям не было доступа.

24. «Социалистическое хозяйство», 1925, № 1, с. 81.

25. «Международное...», гл. 1. Бухарин в полемике с Троцким в январе 1925 г. жаловался на то, что оппозиция хочет использовать государственные субсидии в качестве «центра тяжести для финансирования промышленности, в то время как партия хочет, чтобы промышленность опиралась на банковский кредит. (Н. Бухарин. Критика экономической платформы оппозиции, 1926, с. 83).

26. Помимо получения ссуд, промышленность, естественно, платила налоги; таблица в кн.: R. W. Davies. The Development of the Soviet Budgetary System, 1958, р. 103, показывает, что в 1924—1925 гг., а также в 1925—1926 гг. промышленность выплачивала больше, чем получала. Но даже в этом случае процесс был знаменательным, поскольку подоходные налоги поступали в основном от легкой промышленности, а ссуды выплачивались тяжелой промышленностью.

27. «СССР. Центральный исполнительный комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 136. Об утверждении Сокольниковым того же тезиса в 1922 г., см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.
28. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия, 1924, с. 150—151.
29. «Экономическая жизнь», 2 ноября 1924 г.
30. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 239. Делегаты рабочих-металлистов и железнодорожников говорили о растущем спросе на продукцию тяжелой промышленности: валовое производство Югостали было реализовано за год вперед, а ремонт 3000 локомотивов задерживался из-за отсутствия материалов (там же, с. 258, 273).
31. «Экономическая жизнь», 21, 22 ноября 1924 г.: «Правда», 2 декабря 1924 г.; решение СТО от 24 ноября опубликовано в: «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 634. Позже Дзержинский признавался, что это решение было принято большинством в один голос и что он голосовал против него (Ф. Дзержинский. Избранные произведения, 1957, т. 2, с. 266—267).
32. Л. Каменев. Статьи и речи, 1929, т. XI, с. 265—268.
33. «Экономическая жизнь», 2, 4 декабря 1924 г.; резолюция конференции была опубликована полностью там же, 7 декабря 1924 г.
34. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 634—635.
35. См. ниже, гл. 9.
36. «Экономическая жизнь», 25 февраля 1925 г.
37. «Междуцарствие...», гл. 4.
38. «Экономическая жизнь», 25 февраля 1925 г.
39. Помимо других видов деятельности, оно «выпустило целый ряд экономико-статистических работ по отдельным отраслям промышленности» (Г. Крижановский. Соч., 1934, т. II, с. 296).
40. Отчет о работе совещания опубликован в журнале «Плановое хозяйство», 1925, № 6, с. 269—272.
41. Там же, 1926, № 6, с. 253.
42. Решение СТО от 2 апреля 1925 г. приводится в кн.: М. Савельев. Директивы ВКП(б) в области хозяйственной политики, 1928, с. 171; обращение Троцкого к участникам пленума конференции было опубликовано в газете «Экономическая жизнь» от 18 августа 1925 г.
43. О кредитной политике в этот период см. ниже, гл. 9.
44. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 151—180, 208.
45. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 24—25.
46. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 52.
47. Там же, «Постановления», 1925, с. 36.
48. «Междуцарствие...», гл. 4.
49. «Ленинградская правда», 2 июня 1925 г.
50. С. Г. Струминин. Очерки советской экономики, 1928, с. 166—167, таблица; соответствующие цифры на 1925—1926 гг. составили 614 и 365 млн. рублей.
51. По сведениям из одной статьи в журнале «Плановое хозяйство», 1926, № 4, с. 146—156, амортизационные и новые капиталовложения в промышленность не превысили сумму амортизационных отчислений до 1925—1926 гг., хотя С. Г. Струминин в своих «Очерках советской экономики» (1928, с. 164—165) пытается обосновать мотивы, побудившие его оспаривать правильность этих расчетов. Неспособность скорректировать довоенные стоимостные показатели в соответствии с показателями восстановительной стоимости привела к искажению амортизационных величин до 1925—1926 гг.: «Прибыль промышленности за последнее время в основном носит фиктивный характер, поскольку при расчете амортизации в 1923, 1924 и 1925 годах не принимались во внимание изменения покупательной способности червонца в сравнении с довоенным рублем». («Социалистический вестник». Берлин, 31 марта 1926 г., № 6 (124), с. 8). В 1925—1926 гг. показатели основного капитала, полученные до 1 октября 1923 г., были ревальвированы с учетом восстановительной стоимости на 1 октября 1925 г., и в документы была занесена новая цифра («Плановое хозяйство», 1939, № 8, с. 39).

52. Л. Каменев. Статьи и речи, 1929, т. XI, с. 139—140.
53. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.
54. О трудностях, связанных с производством железа и стали на Урале в этот период, и быстром оживлении производства на Украине см.: «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 80; «Промышленность СССР в 1925—1926 году» (ВСНХ, 1927), с. 12.
55. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 263—264, 275, 287.
56. Там же, с. 288.
57. «Междоусарствие...», гл. 1.
58. «Ленинградская правда», 27 января 1925 г.
59. Там же, 12 апреля 1925 г.; еще об одном выступлении в таком же духе см.: там же, 15 апреля 1925 г.
60. Рекомендации комиссии и речь Дзержинского приводятся в «Ленинградской правде» от 18 июня 1925 г.
61. Там же, 27 июня, 5 июля 1925 г., обсуждение плана широко комментировалось в номерах газеты «Ленинградская правда» первой половины июля 1925 г.
62. «Плановое хозяйство», 1925, № 8, с. 23—25; о «главизме» см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.
63. «Плановое хозяйство», 1925, № 6, с. 254; «Экономическое обозрение», сентябрь 1925 г., с. 18.
64. «Собрание законов», 1925, № 53, ст. 398.
65. См. ниже, гл. 9.
66. По словам Сокольников, заем «опирается на рост накапливающихся в банках депозитов и представляет форму гарантии государства по долгосрочным долгам предприятиям» (Г. Сокольников. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 211); на XIV партийном съезде Рудзутак упрекал Сокольников в том, что тот надеялся, будто, именуя краткосрочные кредиты долгосрочными, можно действительно увеличить ссуду для экономического оживления («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 330).
67. О финансовых аспектах данной ситуации см. ниже, гл. 9. Позднее Троцкий заявил, что он предупреждал 12 июня и еще раз 24 июня 1925 г. (неясно, в какой форме) о том, что погоня за развертыванием определенных отраслей промышленности угрожает финансово-кредитным кризисом и что «промышленность или, во всяком случае, отдельные ее отрасли расширяются не по средствам» (см. его речь на заседании ЦК партии в апреле 1926 г., сохранившаяся в архивах Троцкого). Дезен, официальный представитель Наркомфина, относившийся к займу с опасением, писал, что «характер займа и возможность его размещения вовсе не исключают сами по себе инфляционной опасности», но «при невозможности нормальным путем увеличить основной капитал промышленности» необходимо идти на риск («Экономическое обозрение», сентябрь 1925 г., с. 16—17); подобно многим другим руководящим работникам Наркомфина, Дезен верил в «нормальные» методы финансирования и считал, что крупномасштабное развертывание промышленности невозможно без привлечения иностранного капитала (там же, с. 22).
68. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 321. Идентичные данные приводятся Центральным статистическим управлением в сборнике «Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927», с. 230.
69. Эти цифры приводятся в «Промышленности СССР в 1925—1926 году» (ВСНХ, 1927), с. 15, 20—21. Другие цифры свидетельствуют о таких же результатах: в таблице в журнале «Социалистическое хозяйство» (1925, № 5, с. 27) показано, что объем производства в государственной промышленности вырос с 1553 млн. довоенных рублей в 1923—1924 гг. до 2524 млн. в 1924—1925 гг., а объем продаж в государственной промышленности с 1278 млн. до 2290 млн. рублей, что означает увеличение на 62,5 и 77,5% соответственно. Согласно другим расчетам за календарные годы в червонцах, производство в тяжелой промышленности возросло с 4660 млн. рублей в 1924 г. до 7739 млн. в 1925 г., производство средств производства — с 2169 млн. до 3356 млн. руб-

лей, а производство потребительских товаров — с 2551 млн. до 4383 млн. руб. лей («Социалистическое строительство СССР», 1936, с. 2).

70. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—1926 год», 1926, с. 320. В «Экономическом обозрении» (октябрь 1927 г., с. 110) приводятся примерно такие же, хотя и не идентичные, данные о производстве чугуна, стали и проката. Для 1913 г., вероятно, приводятся заниженные данные, чтобы процентное отношение в последующие годы не выглядело слишком неблагоприятно (см. выше, с. 439, прим. 13).

71. Об этих цифрах и о том, как они были встречены, см. ниже, гл. 10.

72. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—1926 год», 1925, с. 17—18, 79.

73. «Экономическая жизнь», 3, 4 октября 1925 г. Первоначально этот проект исходил от официального представителя Наркомфина («Экономическое обозрение», сентябрь 1927 г., с. 18).

74. «Экономическая жизнь», 27 октября 1925 г.

75. «Ленинградская правда», 11 ноября 1925 г.

76. Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 571.

77. Г. Сокольников. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 19; впервые эта статья была опубликована в «Вестнике финансов», 1925, № 10, с. 3—22.

78. Г. Сокольников. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 40—43. Эта статья, в основе которой, очевидно, лежало его выступление на конференции, была опубликована в «Вестнике финансов», 1925, № 11—12, с. 3—15.

79. Об открытии съезда сообщила «Правда» от 18 ноября 1925 г. Речь Дзержинского была опубликована 22, 24 ноября, а Зиновьева — 1 декабря.

80. См. выше, гл. 5.

81. «Экономическое обозрение», ноябрь 1925 г., с. 25—40.

82. «Правда», 1 декабря 1925 г.

83. Там же, 15 декабря 1925 г.

84. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 135.

85. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 355. Прения на съезде будут отражены в части III следующего тома.

86. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 48—50.

87. Речь Троцкого на съезде профсоюза текстильщиков Московской губернии была опубликована в газете «Правда» от 31 января и 2 февраля 1962 г. Она была категоричной по тону.

88. «Экономическая жизнь», 21 марта 1926 г.

89. Там же, 25 марта 1926 г. Отмечали, что это означает увеличение на 40% против предыдущего года. Однако различия в классификации отраслей затрудняют точное сравнение с цифрами Госплана от августа 1925 г. (см. выше, с. 263—264).

90. «Большевик», 1926, № 5, с. 3—8. О статье Шанина см. выше, с. 266.

91. Троцкий выразил эту же точку зрения в ноябре 1925 г. во вступлении, написанном им к памфлету «К социализму или к капитализму?» для перевода на английский язык: «У нас есть все основания рассчитывать на то, что при правильном руководстве рост промышленности будет обгонять процесс расчленения деревни и нейтрализовать его, создавая технические предпосылки и экономические возможности для постепенной коллективизации сельского хозяйства» (*L. Trotsky. Towards Socialism or Capitalism?* 1926, p. 11). Этот аргумент, очевидно, привлек внимание. Троцкий напомнил о нем в своем письме от 12 июля 1926 г. VI конгрессу Коминтерна, копия которого находится в архивах Троцкого (см. в кн.: *L. Trotsky. The Third International after Lenin*. New York, 1936, p. 281).

92. Цитата из неопубликованного протокола комитета приводится в «Бюллетене оппозиции», Париж, сентябрь 1932 г., № 29—30, с. 34 (речь неверно датруется апрелем 1927 г., см. там же, март 1931 г., № 19, с. 17, и март 1932 г., № 27, с. 3). Сталин в своем докладе активу Ленинградской партийной организации после сессии опять воспользовался сравнением с крестьянином, который, вместо того чтобы починить плуг, купил «больший граммофон», но конкретное

не упоминал при этом ни Днепрострой, ни Троцкого (*И. В. Сталин*, Соч., т. 8, с. 130).

93. См. выше, гл. 5.

94. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 91—97; по разделу резолюции о сельском хозяйстве и планировании см. выше, гл. 5, и ниже, гл. 10.

95. *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 119—122, 147.

96. Внешний оптимизм официальной линии был ярко продемонстрирован в обращении к Коммунистической академии 27 апреля 1926 г. Милютина, народного комиссара финансов РСФСР, который по-новому сформулировал старые доводы, клеймя позиции Преображенского и Сокольников как представителей двух уклонов («Вестник Коммунистической академии», 1926, т. XVI, с. 216—227).

97. Первоначальное ограничение частных предприятий, когда на них могло быть занято не более пяти рабочих с использованием механических мощностей или десяти рабочих без механических мощностей («Большевистская революция...», т. 2, гл. 17), было ослаблено в 1921 г.: число рабочих могло достигать 20 (там же, т. 2, гл. 19). Согласно отчету ВСНХ («Частный капитал в народном хозяйстве СССР», 1927, с. 33), «сотни» частных предприятий превышали этот лимит. Декретом РСФСР от мая 1925 г. частным предприятиям в определенных условиях разрешалось нанимать до 100 рабочих (*Ю. С. Розенфельд*. Промышленная политика СССР, 1926, с. 494).

98. «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 122. Таблица в «Итогах десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927», с. 284, относится только к «цензовым» отраслям и приводит несколько завышенные общие цифры (вероятно, это связано с различными подходами к систематизации): согласно этим цифрам, доля государственной промышленности в стоимостном выражении произведенной продукции оставалась постоянной в период с 1923—1924 по 1925—1926 гг. — на уровне около 90% от объема «цензовой» промышленности, в то время как доля кооперативов слегка возросла за счет частного сектора.

99. «Частный капитал в народном хозяйстве СССР», 1927, с. 35.

100. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

101. *Ю. С. Розенфельд*. Промышленная политика СССР, 1926, с. 499—500.

102. Как указывает С. Г. Струмилин в работе «Очерки советской экономики» (1928, с. 179), они составляли в показателях капиталовложений всего 1,1% от всех капиталовложений в промышленность в 1925 г., как считает *Ю. С. Розенфельд* в «Промышленной политике СССР» (1926, с. 504), они использовали менее 5% рабочей силы, занятой в государственной промышленности, однако производили 8% всей выпускаемой продукции. Эти цифры показывают, что, как и следовало ожидать, доля используемого основного капитала была гораздо ниже на арендованных предприятиях, чем в государственной промышленности.

103. Там же, с. 502—503.

104. Дополнительный бюллетень к «Плановому хозяйству», 1925, № 12, с. 6—7.

105. «Большевик», 1926, № 14, с. 36, 43. Рабочие на частных фабриках получали более высокую заработную плату, чем в государственной промышленности, но политически были более отсталыми; считалось, что между нанимателями и рабочими существуют «патриархальные отношения», отмечаются религиозные праздники, а рабочие частных предприятий «часто упорно уверяют, что госпромышленность неизбежно должна быть побита частным капиталом, если бы последнему „дали волю“» (там же, с. 40—43).

106. «Частный капитал в народном хозяйстве СССР», 1927, с. 31—32.

107. Как утверждалось в одной статье в «Правде» от 24 марта 1925 г., от 80 до 90% промышленных предприятий в сельской местности представляли собой либо кузницы, либо деревенские мельницы.

108. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

109. По данным из «Контрольных цифр народного хозяйства на 1928—1929 год» (1928, с. 424—425), частные предприятия в 1925—1926 гг. составляли 19,9% всего промышленного производства, а промышленные кооперативы — 8,2%; поскольку значительная часть промышленных кооперативов относилась

к «цензовым» отраслям (см. выше, табл. на с. 271), в сельскохозяйственных отраслях наблюдалось явное преобладание частных предприятий.

110. См. выше, с. 443, прим. 97.

111. Эти сведения взяты из детального и, несомненно, официального отчета промышленных кооперативов, опубликованного в журнале «Экономическое обозрение», апрель 1926 г., с. 134—136.

112. О развитии этого тезиса см. там же, июнь 1927 г., с. 109—110. Согласно более поздним источникам, 47% всех рабочих, занятых в промышленных кооперативах в 1926 г., были наемными работниками (А. Арутюнян и Б. Маркус. Развитие советской экономики, 1940, с. 209).

113. «Собрание законов», 1925, № 25, ст. 168.

114. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 93, 149.

115. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 19—21.

116. «III съезд Советов СССР. Постановления», 1925, с. 26.

Глава 7. Труд

1. «Социалистическое хозяйство», 1925, № 4, с. 413.

2. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 186.

3. «Междущарстие...», гл. 2.

4. «Социалистическое хозяйство», 1925, № 5, с. 413; «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 138 (даже Шмидт признал, что данные по Ленинграду были «фигтивными»).

5. Там же, с. 199.

6. Об этой реформе см. «Междущарстие...», гл. 2. ЦК партии выпустил директиву, по которой безработные члены партии должны были регистрироваться на бирже труда («Справочник партийного работника, 1925 г.», 1926, т. 5, с. 251).

7. Ю. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР, 1926, с. 321.

8. «Правда», 14 октября 1925 г.

9. Ю. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР, 1926, с. 317, 319. Здесь приводятся цифры, данные Госпланом. Другие расчеты были выполнены на основе оперативных данных: число рабочих в промышленности по классификации, принятой для переписей, было указано равным 1 190 775 человек (включая 1 110 539 человек в государственном секторе) в 1923—1924 гг., 1 429 515 человек (включая 1 319 973 человека в государственном секторе) в 1924—1925 гг. и 1 728 364 человека (включая 1 592 750 человек в государственном секторе) в 1925—1926 гг. («Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 132). По более поздним расчетам, общая численность рабочих в крупной промышленности за три анализируемых года составляла соответственно 1795 тыс. человек, 2107 тыс. и 2678 тыс. человек («Социалистическое строительство СССР», 1934, с. 306; там же, 1936, с. 508).

10. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 3, с. 218.

11. «Плановое хозяйство», 1925, с. 24. Начиная с осени 1925 г. раздавались непрерывные жалобы на нехватку квалифицированных рабочих; в феврале 1926 г. Госплан сообщил СТО, что «запасы квалифицированной рабочей силы на рынке труда оказались исчерпанными» (там же, 1926, № 2, с. 53).

12. См. выше, гл. 5.

13. «Ленинградская правда», 15 апреля 1925 г.

14. Как показывают выполненные тогда же расчеты, чистый продукт, производимый промышленным рабочим, был почти в пять раз больше («Экономическое обозрение», 1925, № 10, с. 80).

15. Е. Преображенский. Новая экономика, 1926, с. 240.

16. «Труд», 1 июля 1925 г.

17. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 815; дискуссии, происходившие по этому вопросу ранее, описаны в: «Междущарстие...», гл. 2. На Украине безработный мог пользоваться своим избирательным правом только в том случае, если он был зарегистрирован на бирже труда

или имел удостоверение, выданное местным исполкомом, сельсоветом или милицией, или же был членом профсоюза; другие безработные были лишены избирательных прав (см. «Збірник узаконень та распоряжень», 1924, № 34, ст. 235). Такое положение действовало, очевидно, только на Украине.

18. Официальные данные см. в: «International Labour Review», Geneva, 1929, vol. 20, № 4, p. 518; аналогичные соотношения приведены в кн.: «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927», с. 337.

19. В этой связи надо отметить необычно высокое в тот период преобладание женщин в общей структуре населения страны, особенно в той возрастной группе, откуда и поступала главным образом рабочая сила, причем эта диспропорция объясняется, конечно, первой мировой и гражданской войнами. Как показала перепись 1926 г., население Советского Союза состояло приблизительно из 71 млн. мужчин и 76 млн. женщин. В возрастной группе от 25 до 29 лет соотношение мужчин и женщин составляло только 83:100; в возрасте свыше 30 лет на каждые 100 женщин приходилось 87,9 мужчин (F. Lorimer. The Population of the Soviet Union. Geneva, 1946, p. 41—42).

20. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 619.

21. Один из первых случаев тайной договоренности между администрацией и рабочими с целью игнорировать постановление, запрещающее женщинам работать в ночное время, описан в: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

22. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 185, 208, 222—223.

23. Там же, с. 488.

24. «Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству», 1925, № 19 (40), с. 58. Статьей 129 Кодекса законов о труде, принятого в ноябре 1922 г., Наркомтруду поручалось составить перечень «особо вредных и тяжелых профессий», к которым не должны допускаться женщины и подростки, но это поручение не было выполнено в той части, которая относилась к женскому труду. Перечень запрещенных для женщин профессий был утвержден гораздо позже, 30 октября 1925 г. («Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства», 1926, № 1, с. 34—35). Однако предусматривалось, что наркомтруд союзной республики может разрешать исключения в тех случаях, когда они оправданы «по местным условиям производства». Перечень запрещенных для женщин профессий включал «все подземные работы» в горнодобывающей промышленности. Немецкая рабочая делегация, посетившая Советский Союз в 1925 г., была поражена, увидев женщин, работающих в шахтах под землей, и задала Томскому вопрос об этом; он не стал отрицать факты и, в частности, выступил за привлечение женщин к ночным работам; возражения против такого привлечения основывались, по его словам, «на старых буржуазных предрассудках» («Труд», 20 августа 1925 г.).

25. А. Рашин. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР, 1928, с. 140—141.

26. Перечень профессий, запрещенных для подростков, периодически публиковался в соответствии со ст. 129 Кодекса законов о труде; в последний раз он появился 24 февраля 1925 г. («Известия народного комиссариата труда», 1925, № 11—12, с. 16—17).

27. «Собрания узаконений», 1922, № 39, ст. 447; обязательный уровень брони для подростков по отраслям варьировал, составляя минимум 2,5 и максимум 13%.

28. «Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству», 1924, № 12, с. 59.

29. «Тринадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевики)», 1924, с. 206—208.

30. «Шестой съезд Российского ленинского коммунистического союза молодежи», 1924, с. 201, 206—208.

31. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 88, 184, 201—202.

32. Там же, с. 464.

33. Там же, с. 202; о найме рабочих в обход бирж труда см.: «Междуцарствие...», гл. 2.

34. «Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, № 13—14 (88—89), с. 14.
35. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 829, 852.
36. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 78.
37. «Труд», 27 февраля 1926 г.
38. «VII съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи», 1926, с. 32—33, 341.
39. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», 1927, с. 181—182, 217, 352. По данным переписей, среди промышленных рабочих доля подростков составляла: в 1923 г. — 6,6%, в 1924 г. — 5,5, в 1925 г. — 5,2, в 1926 г. — 5,7% («Статистический справочник СССР за 1928 г.», 1929, с. 532—533).
40. «Собрание узаконений», 1921, № 56, ст. 353; № 76, ст. 621; «Собрание узаконений» 1922, № 24, ст. 270; № 35, ст. 413.
41. «Собрание узаконений», 1923, № 49, ст. 484; «Собрание законов», 1925, № 34, ст. 236, 237. Позже доля вакансий была увеличена до 1,25 и 2,5% («Собрание законов», 1926, № 44, ст. 320).
42. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 112—113.
43. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 814.
44. «Собрание узаконений», 1924, № 80, ст. 801; № 90, ст. 915; «Собрание законов», 1925, № 34, ст. 236, 237.
45. «Междущаствие...», гл. 2. В первой половине 1924 г. обязательный минимум месячной заработной платы варьировал от 6 до 4 руб. 50 коп., в зависимости от зоны («Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству», 1924, № 8, ч. II, с. 66); в течение 1925 г. в том же источнике периодически появлялись подобные декреты, устанавливавшие несколько более высокие минимальные ставки заработной платы.
46. «Междущаствие...», гл. 2.
47. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 120, 255, 282. Сложившееся положение было описано в статье «Несвоевременность выплаты заработной платы и борьба с ней», опубликованной в журнале «Вопросы труда», 1924, № 11, с. 56—60. Персонал предприятий и организаций, находившихся на госбюджете, теперь получал зарплату регулярно (как правило); то же самое относилось и к рабочим и служащим государственных предприятий (например, железных дорог); служащие, получавшие зарплату из местного (областного или районного) бюджета, были в несколько худшем положении, но более всего страдали учителя, агрономы и врачи. В легкой промышленности рабочие получали зарплату регулярно, а в тяжелой были еще неблагополучны, особенно в горнодобывающей и металлургической отраслях. В феврале 1926 г. задержки с выплатой заработной платы из бюджетов местных органов власти все еще составляли от трех до четырех месяцев («Экономическая жизнь», 13 февраля 1926 г.). Даже в апреле 1926 г. поступали жалобы на задержку выплаты заработной платы занятым на работах «у частных лиц и предприятий по исполнению государственных подрядов и поставок», и декретом было предусмотрено, чтобы такие предприятия перед получением полагающихся им сумм представляли доказательства о выплате ими своим рабочим и служащим заработной платы («Собрание законов», 1926, № 25, ст. 158).
48. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 255, 629—630.
49. В следующем году ВЦСПС издал приказ, по которому сумма вычетов из заработной платы в форме кредита на кооперативы не могла превышать максимальную долю в 15% («Труд», 18 июля 1925 г.), а средняя сумма таких вычетов сократилась с 12,7% в марте 1925 г. до 4,8% в сентябре 1926 г. (А. Рашин. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР, 1928, с. 60).
50. О МОПРе см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.
51. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 520.
52. Среднемесячная заработная плата за каждый квартал с октября — декабря 1922 г. в условных рублях и с января — марта 1924 г. в червонных рублях приведена в кн.: А. Рашин. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР, 1928, с. 6, 11; данные по месяцам с октября 1924 г. в условных и червонных рублях приведены в журнале «Плановое хозяйство»,

1926, № 2, с. 54; данные по годам (только в червонных рублях) можно найти в кн.: «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 376—377. Описание методики расчета условного рубля дано в кн.: *S. Zagorsky. Wages and Regulation of Conditions of Labour in the USSR*. Geneva, 1930, p. 191—193. При определении точного значения понятия «зарботная плата» за этот период для целей статистики всегда возникала некоторая неуверенность; применявшиеся на практике способы вряд ли были одинаковыми. После того как был введен НЭП, вознаграждение за труд потеряло характер социального обеспечения, который оно носило при «военном коммунизме», и превратилось в оплату полученной стоимости («Большевистская революция...», т. 2, гл. 19). Термин «зарботная плата» был официально определен в 1925 г. и охватывал все формы прямого вознаграждения за труд, включая сверхурочные и премиальные, а также платежи натурой, но исключая выплаты по социальному страхованию, предоставление бесплатного жилья и прочие бесплатные льготы, предоставляемые государством, местными органами или предприятиями, принадлежащими нанимателям («Собрание законов», 1925, № 14, ст. 107). С другой стороны, те, кто хотел в целях внутренней или внешней пропаганды доказать, что рабочему живется лучше, чем на самом деле, обычно называли эти косвенные компоненты дохода рабочего «общественной частью зарботной платы»; предприниматели по той же причине рассматривали затраты на социальное страхование и другие льготы рабочим как часть фонда зарботной платы своих предприятий, «объединяя в своих калькуляциях и зарботную плату, и расходы на социальное страхование в одну общую рубрику затрат на рабочую силу» («Плановое хозяйство», 1925, № 8, с. 36; в этой статье Струмилин подробно доказывает необходимость их разделения). Примером такой практики может служить таблица в журнале «Экономическое обозрение», 1926, № 4, с. 115, где дан расчет всех «затрат на рабочую силу» в государственной промышленности в 1924—1925 гг. 81 % всей суммы падал на зарботную плату (приблизительно 75 % наличными и 6 % натурой), а 19 % — на социальные расходы, включая 12 % на социальное страхование и менее значительные статьи затрат, охватывающие стоимость спецодежды, культурных мероприятий, лечения и т. п. Наем жилья для рабочих, обычно предусмотренный в горнодобывающей и нефтедобывающей промышленности, а также в других случаях, когда промышленные предприятия удалены от городских центров, рассматривался обычно как платеж натурой.

53. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 98. На съезде один критик подверг эти цифры сомнению, утверждая, что они относятся исключительно к тяжелой промышленности и предприятиям, где работает не меньше 250 человек (тогда как среднее число рабочих на одном предприятии составляло 14 человек); он также квалифицировал предвоенные статистические данные, на основании которых были исчислены процентные соотношения, как неподдающиеся. Официальный оратор в ответ заявил, что при статистических расчетах учитывались данные о зарботной плате 1300 тыс. рабочих (там же, с. 138—140, 157).

54. «Социалистическое хозяйство», 1925, № 5, с. 28; аналогичные цифры с незначительными отклонениями были опубликованы Госпланом (см.: *Ю. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР*, 1926, с. 348).

55. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 170—171.

56. Подробные данные по различным отраслям приведены в кн.: *А. Рашин. Зарботная плата за восстановительный период хозяйства СССР*, 1928, с. 86—88, 95.

57. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 117, 143, 294; весной 1925 г. зарботная плата на машиностроительных заводах Гомзы была более чем на 50 % ниже предвоенного уровня, хотя на соответствующих заводах Москвы и Ленинграда этот уровень был превышен («Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 203).

58. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

59. «Труд», 7 октября 1923 г.

60. «Междоусербие...», гл. 2; упоминание в резолюции комитета по разнице в зарботной плате (там же, гл. 3) о необходимости подтягивания низкой

заработной платы до «среднего уровня» относилось, однако, к подтягиванию низкооплачиваемых отраслей, а не низких ставок в той же отрасли.

61. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 463, 613—616.

62. «Труд», 16 октября 1924 г.; последующие заявления ВЦСПС в 1925 и 1926 гг. о необходимости «устранения разрыва в зарплате между поденщиками и сдельщиками, квалифицированными и неквалифицированными рабочими» приводятся в кн.: *А. Рашин. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР*, 1928, с. 28.

63. Там же, с. 67—78, приводятся данные по некоторым отраслям; квалифицированные рабочие в 1925 г. зарабатывали в среднем почти вдвое больше, чем неквалифицированные.

64. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 135.

65. Преображенский, полагавший, что в советской экономике заработная плата будет в значительной мере свободна от закона стоимости, утверждал, что система дифференцированных ставок, или тарифная сетка, «не имеет ничего общего с социализмом и не может иметь» (*Е. Преображенский. Новая экономика*, 1926, с. 176). Аргументация в пользу того, что разница в вознаграждении будет исчезать с развитием социализма, приводится также в кн.: *А. Рашин. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР*, 1928, с. 136—137.

66. «Собрание узаконений», 1924, № 11, ст. 90.

67. Там же, № 53, ст. 595; № 64, ст. 646. Об этих урезываниях см.: «Международствие...», гл. 3.

68. «Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству», 1924, № 8, ч. II, с. 66.

69. Там же, № 10, ч. II, с. 86—87.

70. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 103, 178.

71. Там же, с. 460—461.

72. «Экономическая жизнь», 29 ноября 1924 г.; газета ответила на то, что было очевидной атакой на специалистов в газете «Труд»; протест, высказанный выступавшим оратором на конференции ВСНХ против премий специалистам, был изложен там же, 6 декабря 1924 г.

73. «Собрание законов», 1925, № 43, ст. 324, 325; как сообщала «Экономическая жизнь» от 4 июля 1925 г., принятию этого постановления предшествовало достижение договоренности между ВСНХ и ВЦСПС.

74. «Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству», 1925, № 22 (43), ч. II, с. 105—106.

75. «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства», 1925, № 16, с. 24—25; о дальнейшем определении этих особых должностей см.: там же, 1926, № 1, с. 32—33.

76. «Правда», 23 августа 1925 г.; текст был перепечатан в «Известиях Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, № 41 (116), с. 5, в «Справочнике партийного работника», 1925 (1926), т. 5, с. 306—307, а также в сб. «ВКП(б) о профсоюзах», 1940, с. 241—242, с датой 18 сентября 1925 г., что могло быть датой рассылки документа в партийные организации.

77. «Правда», 29 ноября 1925 г.

78. Там же, 9 декабря 1925 г.

79. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 199.

80. «Собрание законов», 1926, № 22, ст. 147. Как показывают таблицы, помещенные в кн.: *А. Рашин. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР*, 1928, с. 126—127, 547, — директора, являвшиеся «ответственными политическими работниками», в марте 1926 г. получали в среднем 187,9 червонного рубля в месяц, а 282 директора (вероятно, беспартийные) — 309,5 рубля; из числа последних 17,4% получали более чем по 400 рублей в месяц. Директорам, кроме этого, обычно предоставлялось бесплатное и весьма комфортабельное жилье, машина, а иногда и другие преимущества.

81. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 8, с. 139.

82. «Экономическое обозрение», 1925, № 11, с. 14; эта система описана в журнале «Вестник финансов», 1925, № 4, с. 130—131.

83. «Плановое хозяйство», 1925, № 6, с. 266; на VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. один из ораторов выразил недовольство тем, что в Госбанке и Промбанке должностные оклады оказались во много раз выше, чем в Наркомфине, и во многих других наркоматах («Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 143). В одной статье в «Вопросах труда», 1925, № 2, с. 44—47, приводились примеры, когда ставка зарплаты за одну и ту же работу в разных учреждениях различалась в четыре-пять раз.

84. «Плановое хозяйство», 1925, № 6, с. 267.

85. «Собрание законов», 1925, № 9, ст. 86; около четверти «советских работников» получало заработную плату из госбюджета СССР, половина — из бюджетов местных органов власти и четверть — из бюджетов государственных предприятий (см.: *S. Zagorsky. Wages and Regulation of Conditions of Labour in the USSR. Geneva, 1930, p. 138*).

86. «Собрание законов», 1925, № 42, ст. 321.

87. «Труд», 18 июля 1925 г.

88. «Собрание законов», 1926, № 67, ст. 514; официальной датой введения новой системы было 1 октября 1926 г.

89. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», 1927, с. 131—133, 152—153, 184, 242, 788.

90. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

91. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 39, с. 21; об этой статье см. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

92. «Междуцарствие...», гл. 2. Как Гастев, так и Керженцев были ранее работниками Пролеткульта (см. выше, гл. 2); Керженцев с 1921 по 1923 г. был торгпредом в Стокгольме, а в 1923 г., когда заинтересовался НОТ, основал «Лигу времени» (выпускавшую журнал «Время») с целью пропаганды рационализации работы путем измерения затрачиваемого на нее времени, причем этот метод заслужил одобрение Троцкого (*Троцкий*. Соч., т. XXI, с. 70, 471—472).

93. «Труд», 5, 6 февраля 1924 г.

94. «Правда», 13, 14 февраля 1924 г.

95. Там же, 17 февраля 1924 г.

96. «Труд», 20, 22 февраля 1924 г.

97. Довольно подробный отчет о конференции был опубликован в «Труде» за 11, 12 марта 1924 г.; тезисы Куйбышева были напечатаны в брошюре «Бюллетень 2-й Всесоюзной конференции по НОТ, 15 марта 1924 г.», 1924, с. 27—36.

98. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 4, с. 62—106.

99. Один профсоюзный автор в журнале «Плановое хозяйство», 1925, № 5, с. 91, попытался противодействовать этой тенденции, приведя отрывок из работы Маркса «Заработная плата, цена и прибыль»: «Производительность труда зависит от прогрессивных улучшений в области общественных производительных сил: улучшений, вызываемых расширением производства, концентрацией капиталов, комбинацией и разделением труда, введением машин, улучшением методов, применением химических и других природных сил, сокращением времени и пространства, а также всеми особенными приспособлениями, посредством которых наука заставляет силы природы служить труду и при помощи которых общественный или кооперативный характер труда достигает своего полного развития» (цитата дана в том виде, как она приведена в журнале; ср.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, с. 128. — *Ред.*). Однако этот аргумент оказался палкой о двух концах. Однажды, воспользовавшись случаем, Рыков выдвинул встречное обвинение в том, что повышение производительности труда не отразилось в достаточной степени на росте заработной платы, подкрепив его аргументом относительно того, что частично рост производительности труда был не заслугой рабочего, а следствием улучшения организации работы и совершенствования оборудования («Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1924, с. 84).

100. «Междуцарствие...», гл. 2.

101. «Социалистическое хозяйство», 1925, № 2, с. 451—453, где помещена подробная библиография брошюр, докладов и статей на тему о повышении

производительности труда, опубликованных в течение 1924 г. и первых месяцев 1925 г.

102. «Экономическая жизнь», 18 июня 1924 г.; на следующий день «Экономическая жизнь» в передовой статье выступила за «организацию соревнования» для этой цели.

103. «Тринадцатый съезд Российской коммунистической партии (большеви-ков)», 1924, с. 83.

104. «Экономическая жизнь», 24 июня 1924 г. На VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. Догадов признал, что статистические данные о производительности труда, публикуемые разными органами, отличаются друг от друга «как небо от земли» («Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 99); примерно в это же время Дзержинский признал, что снижение цен на промышленные товары отрицательно сказывается на производительности труда («Правда», 4 декабря 1924 г.).

105. «Экономическая жизнь», 3 июля 1924 г. В одной своей речи, 2 декабря 1924 г., Дзержинский заявил, что на заводах, находившихся в то время в ведении Главметалла, число рабочих в 1913 г. составляло 99 тыс. человек, а в 1923—1924 гг. 80 тыс. человек; однако в первом случае объем производства составлял 173 млн. рублей золотом, а во втором — 62 млн. («Правда», 4 декабря 1924 г.).

106. Я. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР, 1926, с. 360.

107. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 626—629. Обычное для того времени различие оценок в соотношении между производительностью труда и заработной платой в то время отражает большей частью убеждения тех, кто их готовил и представлял на обсуждение. Более тщательные по сравнению с другими расчеты приведены в журнале «Социалистическое хозяйство», 1925, № 4, с. 419—420. Они свидетельствуют, что с октября 1922 г. по октябрь 1923 г. темпы роста заработной платы намного превышали темпы роста производительности труда, что в период с октября 1923 по октябрь 1924 г. и те, и другие росли медленнее, но одинаковыми темпами, а также что после октября 1924 г. в результате проведения соответствующей кампании и решения ЦК партии заработная плата оставалась неизменной, а производительность труда сильно возросла. Такая констатация в целом может быть верна для периода после октября 1923 г., если не ранее. Таблица в «Экономическом обозрении» (1926, № 4, с. 109—110) свидетельствует, что пропорция затрат на рабочую силу (то есть заработная плата плюс расходы на социальные услуги) к общим издержкам производства во всей государственной промышленности сократилась с 27% в октябре 1924 г. до 23% в апреле 1925 г.

108. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 135, S. 1787—1789.

109. Л. Каменев. Статьи и речи, 1929, т. XI, с. 134—135; первое предложение из ленинской цитаты (см. выше, с. 286) было напечатано «шапкой» на первой полосе «Экономической жизни» от 7 ноября 1924 г.

110. «Большевик», 1924, № 12—13, с. 9.

111. «Ленинградская правда», 24 октября 1924 г.

112. «Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XI созыва», 1924, с. 108.

113. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 35.

114. Там же, с. 115, 252, 257.

115. Там же, с. 256—257, 281.

116. Там же, с. 166.

117. Там же, с. 438; в циркуляре ВЦСПС подчеркивалось, что любое дальнейшее повышение заработной платы будет зависеть от роста производительности труда («Труд», 28 января 1925 г.).

118. «Большевицкая революция...», т. 2, гл. 16, 17.

119. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. I, с. 628.

120. «Труд», 23 августа, 17 сентября 1924 г.

121. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 296, 460, 600—601; утверждение, помещенное в «Вопросах труда» (1924, № 11, с. 7) относительно того, что съезд продемонстрировал «поразительное единодушие» в пользу сделки и возражал против нее один Рязанов, было далеко от

истины. Кульминацией кампании явилось принятие профсоюзами развернутого постановления, разрешающего неограниченно применять сдельную систему оплаты труда («Труд», 4 февраля 1925 г.).

122. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 464, 639—640.

123. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 785.

124. Подробную таблицу см. в кн.: А. Рашии. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР, 1928, с. 53. Отношение фактически выплаченной заработной платы к размерам ставок было самым высоким у металлостов, вслед за которыми, отставая совсем ненамного, шли рабочие химической и бумажной промышленности.

125. Среднемесячная заработная плата была следующей:

	В условных рублях	В червонных рублях
<i>1924 г.</i>		
Октябрь	25,58	42,25
Ноябрь	22,92	38,54
Декабрь	23,54	39,71
<i>1925 г.</i>		
Январь	23,56	40,07
Февраль	22,72	39,77
Март	23,02	41,74

Источник: «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 54.

126. Как показывают расчеты, приведенные в: Ю. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР, 1926, с. 361, — объем производства промышленной продукции в пересчете на человеко-дни к апрелю 1925 г. вырос на 32% по сравнению с тем же периодом предыдущего года, а за весь 1924/25 фин. г. он увеличился на 46%.

127. Президиум Ленинградского губпрофсовета в июле 1925 г. указал, что повышение производительности было достигнуто «за счет усиления интенсивности труда рабочих и только в некоторой степени за счет усовершенствования организационных методов производства, роста технических улучшений предприятия» («Ленинградская правда», 26 июля 1925 г.).

128. «Собрание законов», 1925, № 6, ст. 35.

129. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 193—194.

130. «Социалистическое строительство СССР», 1934, с. 337. Как показано в кн.: А. Рашии. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР, 1928, с. 33—34, — доля рабочих, находившихся на сдельной форме оплаты труда, составляла (данные за сентябрь каждого года) 45,7% в 1923 г., 51,4 в 1924 г., 60,1 в 1925 г. и 61,3% в 1926 г.; это подтверждает, что 1924—1925 гг. были периодом наиболее быстрого распространения сдельщины.

131. Там же, с. 57; после марта 1926 г. объем сверхурочных работ начал сокращаться.

132. «Труд», 9 января 1925 г.

133. Там же, 6 февраля, 11 и 17 марта 1925 г.

134. «Ленинградская правда», 2 августа 1925 г.

135. «Труд», 25 сентября 1925 г.

136. «Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», 1927, с. 382.

137. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 722.

138. Об этих комиссиях см.: «Междущарствие...», гл. 2.

139. «Труд», 16 июня 1925 г.

140. «Правда», 17 июля 1925 г. Полный текст этой резолюции опубликован не был, однако публикация выдержек из нее сопровождалась в «Правде» передовицей, заставлявшей обратить внимание на ее значение. Диагноз «невнимательного отношения со стороны профорганизаций к мнениям, настроениям, требованиям, справедливым и законным, рабочих масс» и «уродливого блока между хозяйственниками, профсоюзами и партиями» был подтвержден на XIV съезде партии в декабре следующего года («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 722—724, 729, 785). По утверждению Томского, на одной из фабрик забастовка началась из-за нового и оказавшегося непригодным метода подачи пряжи к ткацким станкам (там же, с. 734). Забастовки стали теперь сравнительно редким явлением: в 1924 г. было зарегистрировано 267 забастовок (151 на государственных предприятиях), в которых участвовало 42 тыс. рабочих («Седьмой съезд профессиональных союзов СССР», 1927, с. 90).

141. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 25.

142. «Третий съезд Советов СССР. Постановления», 1925, с. 20; см. также «Собрание законов», 1925, № 35, ст. 251.

143. Суммарные данные по месяцам в условных и червонных рублях приведены в журнале «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 54; более подробные цифры можно найти там же, 1926, № 5, с. 280—281, а также в «Экономическом обозрении», 1926, № 3, с. 112—113. Как свидетельствуют материалы, приведенные в «Экономической жизни» от 14 ноября 1925 г., заработная плата в конце сентября 1925 г. была на 14% выше уровня предыдущего года и достигла 95% уровня 1913 г.; лишь в тяжелой и в горнодобывающей промышленности рост заработной платы значительно отставал от общих темпов: она составила 74 и 66% от довоенного уровня соответственно. Таблица, помещенная в «Экономическом обозрении», 1926, № 4, характеризует резкий рост затрат на рабочую силу по отношению к сумме общих издержек производства в государственной промышленности — с 23% в апреле 1925 г. до 32% в июле 1925 г.; в сентябре 1925 г. они опять сократились до 26%.

144. «Плановое хозяйство», 1926, № 1, с. 40. Расчет был осложнен тем фактом, что Госплан ошибочно ожидал увеличения покупательной способности рубля и считал, что рост ставок приведет к повышению реальной заработной платы на 20%; исходя из этого, потребовалось бы повышение номинальной зарплаты до 53 рублей (там же, 1926, № 2, с. 54). Более того, Госплан рекомендовал повысить на три рубля в месяц взимаемую с рабочих квартирную плату с целью создания фондов для ремонта жилищ, однако эта рекомендация принята не была; поэтому расчеты Госплана по размерам заработной платы следует — с теоретической точки зрения — сократить на соответствующую сумму.

145. См. ниже, гл. 9.

146. Один делегат от оппозиции на XIV съезде партии рассказывал, что на предприятии на делегатском собрании некий хозяйственник заявил: «Я приехал из Москвы, мне там сказали, что можно дать 10% надбавки, и я вам даю» («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 785).

147. «Социалистическое хозяйство», 1925, № 4, с. 18—19.

148. Об этой речи см. выше, гл. 5; Каменев снова говорил о своем предложении об участии рабочих в прибылях предприятий три месяца спустя в речи на московской партийной конференции, отчет о которой был опубликован в «Правде» 13 декабря 1925 г.

149. «Междуцарствие...», гл. 10.

150. На XIV съезде партии Андреев расценил поведение Сокольников как «подрыв авторитета профсоюзов» и свидетельство «легкомысленного отношения к рабочим» («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 795—796); другие ораторы критиковали это заявление как демагогическое (там же, с. 242, 296, 339, 500). Сокольников был по большому месту. Предложение Каменева относительно участия рабочих в прибылях также попало под огонь критики на том основании, что оно было несправедливым по отношению к рабочим, занятым в легкой промышленности (там же, с. 170, 196).

151. «Правда», 4 октября 1925 г.
152. Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 371.
153. См. выше, гл. 5.
154. Суть разногласий по этому вопросу в руководстве партии с трудом прослеживается по стенографическому отчету («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 201), но, судя по тексту стенограммы, эти разногласия действительно существовали.
155. См. выше, с. 289.
156. Ранняя стадия этого процесса описана в «Междущарствии...», гл. 3. Передовая статья в «Экономической жизни» от 22 октября 1925 г. призывала к «более четкой дифференциации в работе профессионалиста и хозяйственника» и обвиняла некоторых освобожденных работников профсоюзов в том, что они рассматривают свою деятельность как «служебно-подсобную к роли хозяйственника»; в журнале «Большевик» (1925, № 21—22, с. 5) признавалось, что «рабочий относится особенно отрицательно к имеющему кое-где место «хозяйственному» уклону профсоюзов» и что «содержание профсоюзной работы приходит у нас, частично, в известном ограничительном смысле, в противоречие с запросами рабочих масс».
157. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 41—43.
158. Там же, с. 32; само поручение, по-видимому, не вошло в текст официальных резолюций ЦК партии.
159. «Экономическая жизнь», 14 октября 1925 г.
160. «Правда», 20 октября 1925 г.
161. «Плановое хозяйство», 1926, № 6, с. 258. Поскольку покупательная способность рубля в течение зимы упала, понижение реальной заработной платы было частично прикрыто стабильностью номинальной зарплаты. Упоминание в апрельской (1926) резолюции ЦК партии о мерах, принятых для общего повышения заработной платы «в начале экономического года» («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 97), то есть в октябре 1925 г., было, по-видимому, подсказано желанием отнести на счет ЦК повышение заработной платы, произведенное в течение прошедшего лета; неправильная датировка, однако, представляется явно преднамеренной.
162. Этот материал был опубликован в «Правде» за 21 ноября 1925 г.
163. Г. Сокольников. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 230. Весь абзац см. в: Ф. Дзержинский. Избранные произведения, 1957, т. 2, с. 208—210; речь была произнесена 11 декабря 1925 г. на Московской областной партийной конференции.
164. «Экономическая жизнь», 18 декабря 1925 г.
165. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 722—747.
166. XIII партийная конференция, состоявшаяся в январе 1924 г., в попытке устранить существовавшее среди промышленных рабочих недовольство впервые рекомендовала профсоюзам созывать производственные конференции по объединениям (трестам) «с участием представителей фабзавкомов и руководителей предприятий» («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 539), а система производственных совещаний и производственных комиссий на всех важных промышленных предприятиях была предписана совместным циркуляром ВЦСПС и Рабкрин от 21 мая 1924 г. (выдержки из циркуляра приводятся в: Ю. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР, 1926, с. 300—301). Это предложение было еще раз рекомендовано к реализации на VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г., работа которого была специально увязана с кампанией по повышению производительности труда («Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 462), а также на XIV партийной конференции в апреле 1925 г. («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 5—9). Тем не менее в подробной резолюции ЦК партии от 15 мая 1925 г. («ВКП(б) о профсоюзах», 1940, с. 236—240) признавалось, что проведенная работа позволила выявить «ряд существенных недочетов» и что не удалось охватить «действительно широкие слои рабочих»; резолюция содержала новые указания по оживлению этой работы. В октябрьской (1925) резолюции ЦК партии, подвергшей критике «хозяйственный уклон» профсоюзов, об этом не упоминалось (см. выше, с. 295);

высказывания Томского на XIV съезде партии показывают, что проблема совмещения действенных производственных совещаний с властью и ответственностью администрации была в Советском Союзе не менее актуальной, чем в капиталистических странах. На съезде Молотов объявил, что в Москве создано 371 производственное совещание, охватывающее 34 тыс. рабочих, а в Ленинграде — 204 совещания, охватывающие 36 тыс. рабочих; он предупредил против попыток ограничивать состав совещаний исключительно членами партии («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 60). Едва ли много таких совещаний было создано за пределами Москвы и Ленинграда. Как указывалось в статье в журнале «Большевик», 1926, № 13, с. 45—58, работа таких совещаний за последний год ослабла, и на них стали смотреть с неудовольствием, как на стимулирующие «хозяйственный уклон».

167. По вопросу о «единоначалии» и «коллегальности», а также об осуждении последней см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17. Теперь же возникла необходимость разъяснить, что производственные совещания не нарушают принципа единоначалия на промышленных предприятиях.

168. Резолюция, предложенная Томским и принятая в конце прений, содержала отдельный параграф относительно стачек на частных предприятиях. В ней имелась ссылка на постановление XI съезда партии, состоявшегося в 1922 г., где сказано, что «одной из самых главных задач профсоюзов является всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата и борьба его с капитализмом», и было выдвинуто требование, что борьба должна быть «максимально централизована и протекать при активной поддержке и руководстве центральных союзных органов» («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 66—67). В то время, однако, не было зарегистрировано никаких забастовок с участием профсоюзов, даже и на частных предприятиях.

169. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 780—781.

170. Там же, с. 784—785; ход дискуссии о государственном капитализме и социализме рассматривается в части III следующего тома.

171. Там же, с. 793—796.

172. «Труд», 4 февраля 1926 г.

173. Там же, 12 февраля 1926 г.

174. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 97.

175. «Труд», 25 марта 1926 г.

176. М. Томский. Избранные статьи и речи, 1917—1927. 1928, с. 327—328.

177. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, т. II, с. 97.

178. И. В. Сталин. Соч., т. 8, с. 137.

179. «Собрание законов», 1926, № 35, ст. 262.

180. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 189—192.

181. Там же, с. 204; см. также «Междущарствие...», гл. 2.

182. «Собрание законов», 1925, № 8, ст. 74; тщательно продуманное постановление по вопросам организации и контроля фондов последовало годом позже («Собрание законов», 1926, № 19, ст. 124).

183. Отчет был издан в качестве специального дополнения к журналу «Плановое хозяйство», 1925, № 12, с. 20—22.

184. См. выше, с. 276—277.

185. «Междущарствие...», гл. 2. По некоторым данным, в 1925 г. московские рабочие платили за квартиру и коммунальные услуги 5,6%, а периферийные рабочие — 2,3% своей заработной платы, тогда как до войны эти затраты составляли от 20 до 25% зарплаты; неработавшие платили очень высокую квартплату, но число их было незначительно («Плановое хозяйство», 1925, № 6, с. 45—46). В некоторых отраслях промышленности значительная часть рабочих (в угледобывающей и нефтедобывающей отраслях — до 72%) селилась по найму предприятиями, на которых они работали («Статистика труда», 1927, № 7, с. 12—13).

186. «Советское строительство», 1926, № 5, с. 113. В 1912 г. жилищная площадь в расчете на одного жителя Москвы составляла 7,4 кв. м; к 1920 г., вследствие массового выезда людей из Москвы и несмотря на ухудшение, порчу и разрушение жилого фонда, она выросла до 9,3 кв. м; с 1921 г. она начала

стремительно сокращаться и к 1925 г. упала до 5,2 кв. м (Д. Бронер. Очерки экономики жилищного хозяйства Москвы, 1946, с. 13). Судя по оценке, которой пользовался Госплан в начале 1925 г., жилая площадь в расчете на одного советского рабочего составляла 9 квадратных аршин (приблизительно около 5 кв. м) по сравнению с идеальным минимумом в 16 квадратных аршин; на Украине и в других местах условия были еще хуже («Плановое хозяйство», 1925, № 6, с. 36—37). Статистические данные, характеризующие очень большие различия в этом отношении между разными городами, можно найти в: «Советское строительство. Сборник», 1925, т. II—III, с. 28, а также в журнале «Вестник финансов», 1925, № 6, с. 226; все эти расчеты датируются 1925 годом, когда внимание было впервые серьезно обращено на этот вопрос.

187. «Советское строительство», 1926, № 5, с. 117.

188. Д. Бронер. Очерки экономики жилищного хозяйства Москвы, 1946, с. 64—68.

189. Л. Поволоцкий. Кооперативное законодательство, 3-е изд., 1926, с. 232.

190. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», 1939, с. 295; см. также «Собрание узаконений», 1924, № 27, ст. 262.

191. См. об этом в: Л. Поволоцкий. Кооперативное законодательство, 3-е изд., 1926, с. 247—248.

192. «Собрание узаконений», 1924, № 63, ст. 636; комитет был действительно основан постановлением СТО от 5 июля 1924 г. («Собрание законов», 1924, № 1, ст. 22), и в состав его вошел представитель «Всесоюзного организационного бюро по жилищно-строительным кооперативам».

193. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 588.

194. «Собрание законов», 1924, № 5, ст. 60. Это был закон СССР; ноябрьские декреты 1924 г., предусматривавшие, что кооперативы, снимающие жилые помещения, должны иметь преимущество перед прочими съемщиками, а рабочие жилищно-строительные кооперативы — перед другими претендентами на застройку земли, и гарантировавшие ЖСК скидку со стоимости строительных материалов, были декретами РСФСР («Собрание узаконений», 1924 № 8, ст. 893, 900). Как и по многим другим вопросам, не было полной ясности в отношении сравнительной компетентности союзных и республиканских органов; примерами могут служить декреты, принятые властями Украины, Белоруссии и Закавказья.

195. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 196—197, 490.

196. A. Z. Arnold. Banks, Credit and Money in Soviet Russia. New York, 1938, p. 311.

197. «Собрание законов», 1925, № 26, ст. 176, 184.

198. Там же, ст. 178, 179.

199. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (б)», 1925, с. 204—205.

200. Протоколы этой конференции опубликованы в сб.: «Вопросы современного жилищного и промышленного строительства», 1926; обзор ее работы дан в журнале «Плановое хозяйство», 1926, № 4, с. 256.

201. «Известия народного комиссариата труда СССР», 1925, № 31—32, с. 46—58.

202. «Третий съезд Советов СССР. Постановления», 1925, с. 36—37.

203. «Известия Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, № 29—30 (104—105), с. 8.

204. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 532; как утверждалось, общая сумма за 1924—1925 гг. была на 7% больше, чем в 1923—1924 гг. (за этот период данные не приводились).

205. Д. Бронер. Очерки экономики жилищного хозяйства Москвы, 1946, с. 16.

206. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—1926 год», 1925, с. 28—30, 33.

207. Относительно полемики по этому вопросу см.: «Плановое хозяйство», 1925, № 9, с. 23.

208. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия», 1926, с. 44.

209. «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 29.

210. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 93.
211. «Плановое хозяйство», 1928, № 1, с. 123—136.
212. См. выше, с. 295—296. Собственные признания Томского были не менее откровенными. «Мы часто смешиваем свои функции с функциями хозяйственников», — сказал он, выступая с речью в октябре 1925 г. (*М. Томский. Избранные статьи и речи, 1917—1927. 1928, с. 298*).
213. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 87; «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1927, с. 267.
214. Число промышленных рабочих, охваченных коллективными договорами, составляло на 31 января 1924 г. 1727,2 тыс. человек, на 31 января 1925 г. — 2198,6 тыс. и на 31 января 1926 г. — 2747 тыс.; доля промышленных рабочих, охваченных коллективными договорами, на эти даты составляла 86,6%, 94,1 и 96,4% соответственно (*А. Рашин. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР, 1928, с. 30*).
215. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 724—725.
216. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 62.
217. «Правда», 10 декабря 1925 г.; речь была произнесена на Московской губернской партийной конференции.
218. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 736—738; в предыдущей речи в октябре 1925 г. Томский заявил, что рабочие клубы должны быть местами как отдыха, так и просвещения (*М. Томский. Избранные статьи и речи, 1917—1927. 1928, с. 300—302*).
219. «Междущарствие...», гл. 2.
220. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 29; английское выражение «тред-юнионизм» использовалось Зиновьевым, как и Лениным («Большевистская революция...», т. 2, гл. 16), в уничижительном смысле.
221. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.
222. Там же, гл. 19.
223. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 64.
224. Это отстранение стало абсолютно полным, когда в январе 1925 г. перестал быть обязательным наем рабочей силы через биржи труда («Междущарствие...», гл. 2).
225. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 172—173.
226. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 743.
227. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 70.
228. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 101—102, 121—122.
229. Там же, с. 462.
230. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 730—731.
231. «Междущарствие...», гл. 2.
232. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 445, 449, 538.
233. «Собрание законов», 1925, № 77, ст. 585.
234. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 90.
235. *Л. Троцкий. Вопросы быта*, 2-е изд., 1923, с. 142—143.
236. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 322.
237. Там же, с. 320.
238. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 735; интересным и существенным поводом для такого недовольства было то, что хозяйственник имел больше шансов, чем профсоюз, на получение в партийных органах благоприятного для себя решения.
239. «Междущарствие...», гл. 2.
240. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 66.
241. *L. Trotsky. The Real Situation in Russia, [1928]*, p. 49. В этой книге утверждается, причем довольно выпяренным языком, что изменение привело к превращению коллективного договора «из двустороннего соглашения в административный инструмент». Утверждение о том, что большинство производственных конфликтов решалось «путем обязательной, а не примирительной процедуры», не подтверждается материалами выходившей в то время прессы;

тем не менее применявшиеся властями принудительные меры могли быть решающим фактором, даже если и применялись они редко.

242. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 207—208.

243. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

244. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 794.

245. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 63.

246. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 780.

247. Там же, с. 741.

248. Эта фраза впервые была использована в резолюции ЦК партии в январе 1922 г. (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 349), а затем подхвачена на XI съезде партии (см.: «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 423).

Глава 8. Внутренняя и внешняя торговля

1. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 375; данные 1913 г. см.: *С. Г. Струмилин*. Очерки советской экономики, 1928, с. 280; в «Итогах десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927» (с. 368—369) приводится валовой показатель, равный 8567 млн. рублей, на 1923—1924 гг.; он относится ко всем европейским областям РСФСР, Украинской и Белорусской республикам; гораздо более высокие цифры приводятся Ю. С. Розенфельдом в «Промышленной политике СССР», 1926, с. 464. Цифры, относящиеся к периоду до 1923—1924 гг., следует в основном рассматривать как неточные, хотя нет оснований сомневаться в том, что после 1921 г. объем торговли постоянно рос.

2. «Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 40; *Ю. С. Розенфельд*. Промышленная политика СССР, 1926, с. 466; несколько более высокие цифры были приведены в журнале «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 65. Согласно декрету СТО от 11 апреля 1924 г., правительственные органы, учреждения и организации должны были регистрировать все торговые сделки на соответствующей бирже («Известия», 7 мая 1924 г.).

3. *Ю. С. Розенфельд*. Промышленная политика СССР, 1926, с. 518. Цифры, охватывающие период до 1923—1924 гг. (они также приводились Дзержинским в его докладе, опубликованном в «Правде» от 4 декабря 1924 г.), вероятно, были взяты из учетных документов ВСНХ; цифры за 1924—1925 гг. получены из Наркомвнуторга, поэтому может возникнуть сомнение относительно идентичности основы исчисления этих показателей, однако они кажутся правдоподобными.

4. «Экономическая жизнь», 8 августа 1924 г.

5. «Плановое хозяйство», 1925, № 2, с. 126—127.

6. «Междуцарствие...», гл. 3, 4.

7. Там же, гл. 4.

8. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 582—584.

9. *С. Г. Струмилин*. Очерки советской экономики, 1928, с. 273. Цифры взяты из данных Госплана, а для 1923—1924 гг. — из «Контрольных цифр народного хозяйства на 1926—1927 год» (1926, с. 373), которые, как считалось, строились на недооценке объема частной торговли, рассчитанного по налоговым поступлениям. Цифры, приведенные в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1927—1928 год» (1928, с. 484—485), были снова скорректированы в сторону увеличения и дают менее благоприятную картину, иллюстрирующую долю государственной торговли (см. следующую таблицу). Струмилин также пытается провести грань, хотя это не учитывается в контрольных цифрах, между «частнокапиталистической торговлей» и «простым товарным обменом», при этом под последним подразумевается прямая крестьянская торговля, а не торговля, осуществляемая торговцем или торговой организацией по лицензии. Любая оценка крестьянской торговли носила в значительной мере предположительный характер, хотя ее объем был довольно большим и продолжал способствовать росту «частного» сектора; данные о ней, приведенные в «Плановом хозяйстве» (1925, № 11, с. 10), вероятно, были взяты из учетных документов

Наркомвноторга (они также приводятся Ю. С. Розенфельдом в «Промышленной политике СССР», 1926, с. 464).

10. Проценты за последние два года рассчитаны по таблице в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 484—485. Проценты на 1923—1924 гг. приводятся Ю. С. Розенфельдом в «Промышленной политике СССР» (1926, с. 479) на базе цифр Наркомвноторга, которые не всегда сопоставимы между собой, хотя они и рассматриваются как точные в кн.: «XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1927, с. 129.

11. Статистические данные, призванные проиллюстрировать долю частной торговли в сбыте продукции, выпущенной отраслями государственной промышленности в 1923—1924 гг., приводятся в журнале «Плановое хозяйство», 1925, № 4, с. 81—83. Эта доля колебалась от нуля в нефтяной промышленности до 40% в не очень важной отрасли по производству крахмала; общая доля составляла 10%. Поступали жалобы по поводу того, что государственная промышленность продавала свою продукцию частным торговцам, которые перепродавали ее, наживая на этом прибыль («Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет XII созыва, вторая сессия», 1925, с. 497).

12. «Междуцарствие...», гл. 4.

13. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 583.

14. См. выше, гл. 5.

15. См. выше, гл. 6.

16. «Плановое хозяйство», 1925, № 4, с. 77—92. Статья, в которой приводится эта фраза, содержит наиболее полные данные об этом мало освещенном эпизоде, и в ней делается вывод, что, когда государственная и кооперативная торговля будет окончательно организована, не останется места для частного торговца, но последний временно полезен как «дополнение к основной работе государственной и кооперативной сети». Позднее в «Экономическом обозрении» (октябрь 1925 г., с. 161) один автор использовал термин «новая торговая политика», когда имела в виду вся политика давления, оказываемого на частного торговца, которая начала проводиться в 1924 г., и характеризовал непродолжительный перерыв с ноября 1924 г. по март 1925 г. как «некоторую перемену курса, не успешную, впрочем, выразиться в конкретных мероприятиях».

17. «Плановое хозяйство», 1925, № 1, с. 10—12. Это была передовая статья в первом номере ежемесячного журнала Госплана.

18. Относительно этой, очевидно, укоренившейся практики см.: там же, 1925, № 3, с. 49—50; она не исчезла в 1925 г.

19. Об этом декрете см. ниже, с. 319—320.

20. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 15.

21. Об этой встрече сообщалось в «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 19, S. 527—528.

22. «Сборник декретов, постановлений и приказов по народному хозяйству», 1925, № 22 (43), с. 32—33.

23. О детальном анализе частной торговли в этот период см.: А. М. Гинзбург. Частный капитал в народном хозяйстве, 1927, с. 111—154.

24. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 482.

25. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 550. Об этой резолюции см.: «Междуцарствие...», гл. 3.

26. «Собрание узаконений», 1924, № 16, ст. 150.

27. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16, 19.

28. На VI съезде профсоюзов в ноябре 1924 г. докладчик сказал, что операция «перешла на принцип добровольности еще до издания на этот предмет особого декрета» («Шестой съезд профсоюзов СССР», 1925, с. 302). Согласно тому же источнику, 62% промышленных рабочих в то время состояли в потребительской кооперации, в некоторых районах этот уровень достигал 90%, однако составлял 50% в Москве, где было очень много магазинов и частных торговцев (там же, с. 302—303).

29. «Собрание узаконений», 1924, № 17, ст. 173.

30. «Экономическая жизнь», 24 апреля 1924 г.

31. Продолжали оставаться в силе формальные различия между «рабочей кооперацией» и «кооперацией граждан в целом». Они обозначались в более

ранний период и ставили своей задачей расколоть кооперативное движение и лишить его независимости («Большевистская революция...», т. 2, гл. 17). Рабочая кооперация продолжала функционировать, но у нее была своя собственная организация в этом движении.

32. Резолюция Центрального Комитета партии от августа 1922 г. была вынуждена, хотя и неохотно, признать «смешанные кооперативы, преимущественно вокруг потребительской кооперации» («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 462). Позднее эти смешанные кооперативы были запрещены.

33. «Собрание узаконений», 1924, № 64, ст. 648. Это был первый декрет СССР о кооперации, который был принят совместно Совнаркомом и ВЦИК; большинство декретов о кооперации принимались республиками (см., например, декрет РСФСР, там же, № 89, с. 894). Кооперативы подчинялись, в зависимости от функций, Наркомторгу и Наркомфину, которые представляли собой объединенные комиссары, а также наркомземам республик. Конституционная ситуация была двусмысленной. Л. Поволоцкий в книге «Основные начала кооперативного права СССР» (1925, с. 7—19) привел подробные доводы против претензий украинской кооперации на то, что, хотя кооперативы не были перечислены в конституции, СССР имел, по конституции, право определять «основные принципы» кооперативного закона. Это мнение, вероятно, преобладало на практике. Центросоюз сочетал прежние функции центрального органа потребительской кооперации РСФСР и новые — центрального органа всей кооперации СССР (Л. Поволоцкий. Кооперативное законодательство, 3-е изд., 1926, с. 99).

34. «Тринадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков)», 1924, с. 416, 436—437, 442—443.

35. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 584—588.

36. Декрет от 26 июля 1924 г. («Известия», 10 октября 1924 г.). Нет никакой уверенности в том, является ли этот декрет более эффективным, чем предыдущий от октября 1921 г. («Большевистская революция...», т. 2, гл. 19). Другой неприятностью, с которой очень трудно было справиться, явилось то, что бывшая собственность кредитной кооперации была передана потребительской («Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 133).

37. Л. Каменев. Статьи и речи, 1927, т. X, с. 294.

38. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 301—302, 308.

39. Передовая статья в газете «Экономическая жизнь» от 23 октября 1924 г.; еще одна статья (там же, 25 января 1925 г.) отмечала, что многие кооперативы увеличили свой товарооборот в три или четыре раза, в то время как их оборотный капитал вырос лишь на 10—12%.

40. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

41. Тот факт, что эти нападки были неожиданными, подтверждается ссылками на них во ВЦИКе, где, как говорили, Рыков «ударил колом кооперацию», и его выступление характеризовалось следующим образом: «Одно слово Рыкова попало как искра в пороховой погреб и взорвало было нашу кооперацию» («СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва. 3 сессия», 1925, с. 81, 121—122).

42. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 249—250, 283—284.

43. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 315.

44. «Экономическая жизнь», 1 марта 1925 г.: «Плановое хозяйство», 1925, № 3, с. 40—51; 1925, № 5, с. 111. В конце 1924 г. кооперативы опротестовали векселей на общую сумму 20 млн. рублей (Л. Каменев. Статьи и речи, 1929, т. XI, с. 283—284).

45. «Ленинградская правда», 31 января 1925 г.

46. Об отчете Куйбышева по этому вопросу см. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва. 3 сессия», 1925, с. 195—197. Резолюцию см.: там же, «Постановления», 1925, с. 15; «Собрание законов», 1925, № 17, ст. 125.

47. См. выше, гл. 6.

48. «Плановое хозяйство», 1925, № 3, с. 276; № 5, с. 300.

49. Декрет был опубликован в «Правде» от 12 апреля 1925 г.
50. См. выше, гл. 5.
51. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 90—91, 128.
52. Там же, с. 98, 101, 127. На 1 сентября 1924 г. 11% рабочих и 19,4% «ответственных работников» в руководящем органе Центросоюза были членами партии. Год спустя это процентное соотношение составило 13,6 и 28,2%. Среди руководящих работников кооперации на 1 сентября 1924 г. 71,5% были членами партии, а год спустя это число составило 66,9% («Партийные, профсоюзные и кооперативные органы и госаппарат. К XIV съезду ВКП(б)», 1926, с. 184, 188).
53. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 15—16, 18, 21.
54. «Собрание законов», 1925, № 40, ст. 290.
55. Один автор, настроенный беспристрастно к кооперации, характеризует преобразования, происшедшие в сельском районе Тверской губернии. Когда потребительская кооперация возобновила свою деятельность в 1923 г., там функционировали два частных магазина, которые взяли верх над кооперацией, поскольку предлагали более дешевую продукцию более высокого качества и имели более низкие накладные расходы; в последующие два года кооперативы так преуспели, что к 1926 г. все, что осталось от частной торговли, сводилось к «двум жалким деревянным лавчонкам, которые заключали мелкие торговые сделки на сумму в несколько копеек каждая» (А. М. *Большаков*. Советская деревня, 1917—1927. 1927, с. 121—126).
56. «Экономическое обозрение», декабрь 1925 г., с. 202.
57. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.
58. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 309.
59. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.
60. О жалобах кооперации и действиях СТО сообщалось в «Экономической жизни» от 31 июля 1925 г.
61. Там же, 13, 19 января 1926 г.
62. «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 119.
63. «Собрание узаконений», 1924, № 62, ст. 620. О февральских декретах см.: «Междущарствие...», гл. 4.
64. «Постановления ЦИК Союза ССР, 2 сессия», 1924, с. 13.
65. «Междущарствие...», гл. 4.
66. Ю. С. *Розенфельд*. Промышленная политика СССР, 1926, с. 438—439.
67. Речь Дзержинского (см. выше, гл. 6) была опубликована в «Правде» от 4 декабря 1924 г. Примерно в это же время Бухарин пояснил, что если политика оппозиции осенью 1923 г. была направлена на поддержание высоких цен и высоких прибылей, то теперь официальная политика предусматривает «минимальную прибыль за единицу товара» в сочетании с увеличением объема производства (Н. *Бухарин*. Критика экономической платформы оппозиции, 1926, с. 83).
68. «Экономическая жизнь», 7 ноября 1924 г.
69. «Междущарствие...», гл. 3.
70. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 272.
71. «Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству», октябрь 1926 г., № 13, с. 18—19; о первоначальном распоряжении см.: «Междущарствие...», гл. 4.
72. Ю. С. *Розенфельд*. Промышленная политика СССР, 1926, с. 453; «Плановое хозяйство», 1925, № 10, с. 68.
73. Л. *Каменев*. Статьи и речи, 1929, т. XI, с. 226.
74. «Совещание по вопросам советского строительства 1925 г.: январь», 1925, с. 143.
75. «Экономическое обозрение», апрель 1926 г., с. 120—124.
76. Ю. С. *Розенфельд*. Промышленная политика СССР, 1926, с. 453.
77. См. выше, гл. 5.
78. «Экономическое обозрение», 1926, февраль, с. 31; аналогичный результат получается из статистических данных об объеме продаж потребительской

кооперации, охватывающей более крупный диапазон продукции (там же, 1926 г., апрель, с. 124—127).

79. См. выше, гл. 5.

80. Каменев использовал эту фразу в своем безуспешном докладе на заседании Центрального Комитета партии в октябре 1925 г., когда, хотя и осторожно, он отметил, что это явление связано скорее всего с розничными ценами (*Л. Каменев. Статьи и речи*, 1926, т. XII, с. 359).

81. О начале этого процесса и первых попытках его диагностировать см. ниже, гл. 9.

82. *Ю. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР*, 1926, с. 453.

83. Оба документа были опубликованы на первой странице газеты «Ленинградская правда» от 31 октября 1925 г.; «Правда» опубликовала передовую статью на эту тему 30 октября 1925 г., но не перепечатала эти документы. И то, и другое можно найти во втором томе «Избранных произведений» Ф. Дзержинского (с. 169—172).

84. «Экономическая жизнь», 14 января 1926 г.

85. «Правда», 18 февраля, 4 марта 1926 г.

86. О слиянии народных комиссариатов внешней и внутренней торговли и об образовании народного комиссариата торговли (Наркомторга) в ноябре 1925 г. см. ниже, с. 332—334.

87. «Экономическая жизнь», 18, 21, 23 марта 1926 г. Председателем Центральной комиссии цен был назначен Каменев (там же, 13 апреля 1926 г.).

88. «Экономическое обозрение», 1926, май, с. 52; в неопубликованной записке от 2 апреля 1926 г. об экономической политике, имеющейся в архивах Троцкого (см. выше, гл. 5), доходы от торговли оцениваются в 210 млн. рублей в 1923—1924 гг., 435 млн. в 1924—1925 гг. и 800 млн. в текущем экономическом году.

89. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 94, 97. Дзержинский в своей речи на сессии горячо критиковал низкую эффективность государственного и кооперативного торгового аппарата (*Ф. Дзержинский. Избранные произведения*, 1957, т. 2, с. 263—264).

90. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия», 1926, с. 9.

91. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 2, с. 184—186; 1925, № 1, с. 197—198.

92. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 1, с. 147, 160.

93. *Л. Б. Красин. Внешняя торговля СССР*, 1924, с. 10.

94. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 352.

95. *Л. Б. Красин. Внешняя торговая политика СССР*, 1924, с. 10.

96. «Экономическое обозрение», февраль 1926 г., с. 66, 72; окончательные результаты подтверждаются в «Контрольных цифрах народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 296—297. Госплан дает суммарные цифры в трех наименованиях — «довоенные цены», «текущие цены в товарных рублях», «текущие цены в червонных рублях» (последнее наименование широко использовалось). Это иногда путало советских статистиков, а также тех, кто пользовался их выкладками; например, «Социалистическое хозяйство», 1925, № 1, с. 198, дает цифру 370 млн., отражающую валовой объем экспорта в товарных рублях, в то время как таблица в «Контрольных цифрах на 1926—1927 год» ясно свидетельствует о том, что эти суммарные данные рассчитаны на основе довоенных цен.

97. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 296—297.

98. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 352; «Экономическое обозрение», декабрь 1925 г., с. 228.

99. «Международствие...», гл. 1. Красин все еще призывал к положительному решению вопроса о долгосрочных иностранных займах в 1925 г. (отрывки из его брошюры того года «Зачем нам нужны внешние займы?» напечатаны в книге Л. Б. Красина «Вопросы внешней торговли», 1928, с. 351—373), но на этот раз он практически остался без поддержки в партийных кругах, даже со стороны Сокольников.

100. Итоговые цифры даны в «Контрольных цифрах народного хозяйства на 1926—1927 год», с. 296—297; более детальные, но неполные данные (только по торговле со странами Европы) приведены в «Экономическом обозрении», декабрь 1925 г., с. 224, 228. Экспорт ржи был возобновлен в июле и августе 1925 г., когда стали ясны виды на хороший урожай (там же, март 1926 г., с. 43), но, за исключением всплеска в самом конце, дефицит экспортных поставок все еще оставался значительным.

101. См. ниже, гл. 10. Значение, которое придавалось Госпланом внешней торговле, демонстрируется регулярным появлением детального бюллетеня о мировой торговле в журнале «Плановое хозяйство».

102. Официальные цифры внешней торговли с 1918 г. по сентябрь 1923 г. относились исключительно к торговле со странами, граничащими с СССР на западе, включая и морские границы («Внешняя торговля СССР за 20 лет (1917—1937)», 1939, с. 6). Советский таможенный тариф от февраля 1922 г. («Собрание узаконений», 1922, № 24, ст. 259) был «таможенным тарифом для европейской торговли». В сентябре 1923 г. он был распространен и на зону Дальнего Востока, но не на другие страны по ту сторону границ Советского Союза в Азии («Собрание узаконений», 1923, № 83, ст. 803). О торговле со странами Востока см. в части V следующего тома.

103. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, 1928, с. 156—158.

104. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—1926 год», 1925, с. 52—53; «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 58. Эти расчеты были приняты и подтверждены в резолюции Центрального Комитета партии о внешней торговле от октября 1925 г., в которой указывалось, что уровень внешней торговли должен достичь 60% от довоенного (об этой резолюции см. ниже, с. 332).

105. См. выше, гл. 5.

106. «Экономическое обозрение», 1926, № 2, с. 123.

107. Г. Сокольников. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 19, 41—42; в конце ноября 1925 г., однако, Сокольников продолжал рассчитывать на то, что стоимость валового объема экспорта составит 800 млн. рублей (там же, с. 231).

108. «На аграрном фронте», 1926, № 4, с. 5.

109. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 296—297.

110. См. ниже, гл. 9.

111. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

112. «Собрание узаконений», 1922, № 24, ст. 266.

113. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

114. «Собрание узаконений», 1922, № 76, ст. 945. Об особой роли кооперации в первые годы советской внешней торговли см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 24. О смешанных компаниях см.: там же, гл. 29, 31.

115. Записка Троцкого Ленину от 12 декабря 1922 г. в архивах Троцкого.

116. Статус Внешторга, утвержденный ВЦИК в ноябре 1923 г., приводится в «Систематическом собрании действующих законов СССР», 1926, т. I, с. 88—96; гостири официально характеризовались как «государственные органы, непосредственно подчиненные Наркомату, но в своей организации во многом уже приближающиеся к акционерным обществам, работающим также на основе хозяйственного расчета, с выделенными капиталами, отдельным балансом и отдельной отчетностью» (Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, 1928, с. 76).

117. Достаточно полный отчет об этой организации см.: там же, с. 64—72. Оперативный отдел лондонского представительства был зарегистрирован как компания под названием «Аркос»; берлинское представительство вместе с его отделом торговли насчитывало в 1925 г. 800 сотрудников, а лондонское вместе с «Аркос» немного меньше (там же, с. 116). Много данных общего характера о работе Внешторга и его органов приводится также в книге Л. Б. Красина «Внешняя торговля СССР» (1924), которая, как считают, представляет собой пересмотренный и расширенный вариант того же отчета.

118. Л. Каменев. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 464. Областные хозяйст-

венные советы получили право назначать своих представителей в торгпредствах («Собрание узаконений», 1923, № 42, ст. 453).

119. «Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат. К XIV съезду ВКП(б)», 1926, с. 134. В 1924 г. среди работников Внешторга членов партии было 15,5%, а в 1925 г. — 18,1%.

120. Согласно «Статистическому вестнику» (Берлин, 18 сентября 1926 г., № 17—18 (135—136), с. 12), важные посты в торгпредстве в Берлине с недавнего времени заняли зять Рыкова, зять Иоффе, а также брат Лозовского. Эти сообщения, соответствующие или не соответствующие правде, носили симптоматический характер: Куйбышев говорил на XIV съезде партии в декабре 1925 г. о результатах проведенного незадолго до съезда Центральной контрольной комиссией обследования «Наркомвнешторга и всех его заграничных представительств, в частности лондонского и берлинского» («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 546).

121. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, 1928, с. 100—101.

122. Там же, с. 71, 90, 99.

123. Там же, с. 61.

124. «Вестник финансов», 1925, № 8, с. 13.

125. «Год работы правительства СССР, 1924—1925», 1926, с. 447; декрет СТО, уполномочивший Маслоцентр заниматься внешней торговлей, приводится в «Собрании законов», 1925, № 2, ст. 26.

126. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, 1928, с. 121—137.

127. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 32—38.

128. Как пишет Глейнов (*G. Gleinow*. *Neu Siberien*, 1928, p. 390), в результате такого решения в Сибири госторги были переданы в подчинение областным властям, которые таким образом одержали победу над центральными органами торговли РСФСР.

129. В статье-некрологе о Красине, напечатанной год спустя в журнале «Плановое хозяйство», 1926, № 12, с. 14—24, резолюция от октября 1925 г. рассматривалась как победа политики Красина; но это было правдой лишь частично.

130. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, 1928, с. 42.

131. «Собрание законов», № 78, ст. 590.

132. Резолюция Госплана, поддерживающая слияние в июле 1923 г., упоминается в сочинениях Кржижановского (1934, т. II, с. 281). Кржижановский снова настаивал на нем в статье, опубликованной в «Экономической жизни», 21, 23 ноября 1925 г.

133. Появились заявления Цюрупы («Правда», 20 ноября 1925). Рыкова (там же, 9 декабря 1925 г.), Лежавы («Экономическая жизнь», 21, 23 ноября 1925 г.).

134. Статья в журнале «Власть Советов», 6 декабря 1925 г., № 49, была направлена против такой трактовки декрета.

135. «Экономическая жизнь», 19 ноября 1925 г.

136. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 299.

137. Видимо, эта резолюция не была опубликована, но ссылки на нее делались, и она была одобрена в решении Центрального Комитета партии от апреля 1926 г. («ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 97)

138. Там же, с. 92.

139. «Правда», 22 сентября 1925 г.: об этой статье см. ниже, гл. 10.

140. «Собрание узаконений», 1922, № 28, ст. 320.

141. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

142. «Собрание узаконений», 1923, № 80, ст. 246; об определении его статуса в августе 1923 г. см.: «Систематическое собрание действующих законов СССР», 1926, т. I, с. 43—45.

143. «Собрание узаконений», 1923, № 23, ст. 259; № 26, ст. 307.

144. «Собрание законов», 1925, № 21, ст. 139; «Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству», сентябрь 1925 г., № 24 (45), ст. 24—25.

145. «Собрание законов», 1925, № 52, ст. 394.

146. Об этих концессиях, а также об отношении в целом концессий к внешней политике см. в части V следующего тома.

147. «Большевик», 1925, № 8, с. 46—60; *G. Gerschuni. Die Konzessionspolitik Sowjetrusslands*, 1926, S. 123—124. Автор этой книги, используя советские источники информации, сообщает, что к началу 1925 г. насчитывалось 90 действующих концессий (включая 22 немецких, 17 английских и 8 американских). Из них 26 относились к числу торговых, 17 — производственных, 13 — горно-промышленных, 13 — сельскохозяйственных, 12 — транспортных, 6 — лесоводческих и 3 — «других».

148. «Большевик», 1925, № 8, с. 57; *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 473.

Глава 9. Финансы и кредит

1. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 137. Цифры, приведенные в кн. *R. W. Davies. The Development of the Soviet Budgetary System*, 1958, p. 82, — показывают, что итоговая сумма бюджета существенно превысила 2300 млн. рублей, причем на прочие неналоговые источники дохода, кроме транспорта, пришлось несколько более высокая доля (12,6%), а на доход от эмиссии денег — гораздо меньшая (5,4%).

2. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 12—13.

3. Значение «контрольных цифр» объяснялось в журнале «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 46: они представляли собой «общий вывод, который намечает директивы данным наркоматам для составления своих смет». Они давали ориентир, но не были обязательными.

4. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 136—138; бюджет на 1923—1924 гг. был первым бюджетом СССР, но в том году Закавказская СФСР и Дальневосточная область (недолго просуществовавшая после Дальневосточной республики) сохранили по техническим причинам самостоятельные валюты и отдельные бюджеты.

5. Трудно сказать, почему в государственный бюджет был полностью включен бюджет наркомата почт и телеграфов (то есть текущие поступления и расходы), тогда как все остальные промышленные предприятия вели бухгалтерский учет самостоятельно, а госбюджет имел дело только с полученными прибылями или понесенными убытками. Сокольников обосновывал эту практику тем, что работа почт и телеграфов все еще убыточна (*Г. Сокольников*. Финансовая политика революции, 1926, т. II, с. 161—162); однако то же самое было справедливым и в отношении других предприятий. Видимо, решающим фактором было то, что и до революции телеграф и почта были единственными «национализированными» предприятиями и поэтому включались в бюджет.

6. Предварительные оценки в том виде, в каком они были представлены в Совнарком и ЦИК в октябре 1924 г., опубликованы в журнале «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 52—54. Речь Сокольникова при вынесении их на обсуждение ЦИКа опубликована в кн.: «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 135—196.

7. Там же, с. 139.

8. «Постановления ЦИК Союза ССР, 2 сессия», 1924, с. 17, 32—42; «Собрание законов», 1924, № 20, ст. 196. На II Всесоюзном съезде Советов в январе 1924 г. Ларин подверг налог критике как недостаточно дифференцированный («Второй съезд Советов СССР», 1924, с. 154—160).

9. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 142—143.

10. «Собрание законов», 1924, № 19, ст. 189; о предусмотренных законом финансовых отношениях между Союзом и республиками см. приложение Б «Бюджеты союзных республик».

11. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 294—295.

12. Там же, 3 сессия, 1925, с. 169.

13. «Плановое хозяйство», 1925, № 1, с. 57—58.

14. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 634.
15. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 9.
16. «Вестник финансов», 1925, № 10, с. 35—44.
17. См. закон о Рабкрине, принятый в ноябре 1923 г., в «Систематическом собрании действующих законов СССР», 1926, т. I, с. 189—193.
18. Решение не было опубликовано, и приводимая информация основана на таком авторитетном источнике, как кн.: В. Дьяченко. Советские финансы в первой фазе развития Советского государства, 1947, т. I, с. 426, — являющемся достаточно надежным.
19. «Собрание законов», 1925, № 17, ст. 127, 128; № 71, ст. 520.
20. Там же, № 38, ст. 282.
21. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия. Постановления», 1926, с. 16—18.
22. В декабре 1924 г. конференция специалистов по бюджету из Наркомфина и союзных республик приняла резолюцию, где говорилось, что бюджет 1925—1926 гг. будет уже не сборником предварительных оценок, подвергающихся из месяца в месяц корректировке, а «твердым годовым бюджетом» («Вестник финансов», 1925, № 1, с. 96). Одной из важных целей введения «твердого» бюджета было намерение покончить с системой огульного предоставления субсидий ведомствам, расходы которых Наркомфин контролировать не мог. «Твердый» бюджет создавал основания для «бюджетной дисциплины»; при этом средства можно было расходовать только на те цели, на которые они выделялись; тем самым обеспечивалось и единообразие в управлении («Экономическое обозрение», 1925, с. 13—15). Насколько этого удалось добиться на практике — другой вопрос.
23. Изложение доклада Куйбышева см. в кн.: «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 3 сессия», 1925, с. 189—203; резолюцию см. там же: «Постановления», с. 13—17.
24. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 128—129.
25. «Третий съезд Советов СССР. Постановления», 1925, с. 30—31; «Собрание законов», 1926, № 35, ст. 250. Подробные цифры бюджета опубликованы в «Вестнике финансов», 1925, № 6, с. 170—175.
26. «Собрание законов», 1928, № 48, ст. 347.
27. См. таблицы в кн.: R. W. Davies. Op. cit., p. 82—83.
28. «Сборник декретов, постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству», 1925, № 22 (43), с. 35.
29. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.
30. Относительно налога на соль см.: «Собрание узаконений», 1922, № 19, ст. 211; он был отменен в марте 1927 г. («Собрание законов», 1927, № 17, ст. 186).
31. О сумме вновь введенных акцизных сборов см.: «Плановое хозяйство», 1926, № 1, с. 98—103.
32. «Собрание узаконений», 1923, № 17, ст. 214; № 41, ст. 436.
33. «Междущаствие...», гл. 1.
34. G. Sokolnikov, etc. Soviet Policy in Public Finance. Stanford, 1931, p. 180. Сталин в письме 1927 г. ссылаясь на развернувшуюся якобы дискуссию на октябрьском (1924 г.) Пленуме ЦК партии, когда «...некоторые члены ЦК возражали против введения водки, не указывая, однако, никаких источников, откуда бы можно было черпать средства для промышленности», а семеро членов ЦК, включая и его самого, выступили с заявлением, в котором утверждалось, что в течение лета и осени 1922 г. Ленин «несколько раз» выступал в защиту введения водочной монополии, необходимой для «поддержания валюты и поддержания промышленности» (И. В. Сталин, Соч., т. 9, с. 192). Это похоже на ошибку в датировке полемики относительно введения водки в январе 1923 г. (см. предыдущее примечание); тем не менее в октябре 1924 г. дискуссия могла быть продолжена.
35. «Вестник финансов», 1924, № 11, с. 69, 77.
36. «Ленинградская правда», 10 марта 1925 г. В этом номере содержалась публикация речи, произнесенной накануне в Ленсовете.
37. «Экономическая жизнь», 9 апреля 1925 г.

38. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 474.
39. *G. Sokolnikov, etc.* Op. cit., p. 189—190, 194—196; о «рыковке» см.: «Междущарствие...», гл. 1. 10 апреля 1925 г. Каменев объявил в Моссовете о скором принятии решения о производстве сорокаградусной водки, аргументируя его тем, что это единственный путь прекращения незаконного самогонварения (*Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 145—146).
40. «Социалистическое хозяйство», 1925, № 4, с. 15; спустя шесть месяцев Сталин на XIV съезде партии отстаивал эту политику при помощи утверждения (повторенного дважды), что нельзя «строить социализм в белых перчатках» и что лучше получать доход от торговли водкой, чем идти на поклон к иностранным капиталистам (*И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 340—341). Как показывают данные, приведенные в журнале «Плановое хозяйство», 1925, № 11, с. 150, бюджетные поступления от продажи водки составили в 1924—1925 гг. (в сопоставимых ценах) 16,2% от уровня 1913 г.
41. *Г. Сокольников*. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 21.
42. Полные данные см. в «Вестнике финансов», 1925, № 11—12, с. 190—192; их анализ дан в «Экономическом обозрении», 1926, № 11, с. 21—24. Контрольными цифрами Госплана на 1925—1926 гг. предусматривалось увеличение бюджета с 3750 до 3850 млн. рублей.
43. «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 73.
44. Комиссия провела много заседаний, посвященных обсуждению бюджета; вкратце о них сообщалось в газете «Экономическая жизнь», 1926, 31 марта, 1, 4, 5, 7 и 11 апреля.
45. Тексты докладов см. в: «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия», 1926, с. 18—97; резолюцию, утверждающую бюджет, см. там же: «Постановления», 1926, с. 3—13.
46. *R. W. Davies*. Op. cit., p. 82—83.
47. «Междущарствие...», гл. 1.
48. «Собрание узаконений», 1924, № 34, ст. 311; № 45, ст. 421; № 55, ст. 536; перечень всех этих займов с указанием суммы реализации см. в кн.: «Задачи и перспективы госкредита в СССР», 1927, с. 12. О первом выигрышном золотом займе см.: «Междущарствие...», гл. 3.
49. «Собрание законов», 1924, № 15, ст. 155.
50. «Задачи и перспективы госкредита в СССР», 1927, с. 62; декрет см. в: «Собрание законов», 1925, № 13, ст. 105.
51. «Экономическое обозрение», 1925, № 12, с. 129.
52. «Экономическая жизнь», 10 января 1925 г.
53. *G. Sokolnikov, etc.* Op. cit., p. 263.
54. *R. W. Davies*. Op. cit., p. 126; другие расчеты приведены в источниках, цитированных здесь, а также в «Плановом хозяйстве», 1925, № 11, с. 148.
55. «Собрание законов», 1925, № 13, ст. 100; № 68, ст. 505.
56. «Плановое хозяйство», 1925, № 10, с. 108.
57. «Собрание законов», 1925, № 81, ст. 612.
58. «Плановое хозяйство», 1925, приложение к № 12; информационный отчет о деятельности сберегательных банков см. в: «Вестник финансов», 1925, № 6, с. 126—135.
59. «Экономическое обозрение», 1925, № 10, с. 211.
60. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.
61. «Собрание узаконений», 1922, № 4, ст. 41; «Съезды Советов РСФСР», 1939, с. 209.
62. «Собрание узаконений», 1924, № 29—30, ст. 275; № 11, с. 31.
63. «На аграрном фронте», 1926, № 11, с. 149.
64. Нормативные документы об Украинском сельскохозяйственном банке см. в: «Собрание законов», 1926, II, № 4, ст. 28.
65. Об отношениях между сельскохозяйственными и кредитными кооперативами см. выше, гл. 5; подробное описание развития и организации сельскохозяйственного кредита дано в статье в «Энциклопедии государства и права», 1925—1927, т. 3, с. 829—836.
66. «ВКП(б) в резолюциях...», ч. I, 1941, с. 646.
67. «Большевик», 1926, № 9—10, с. 64.

68. «Междущаствие...», гл. 3.

69. В ноябре 1925 г. в статье в украинском партийном журнале «Коммунист» (которая цитировалась «Ленинградской правдой» от 2 декабря 1925 г.) утверждалось, что поддержка бедняка не соотносится с прежними указаниями партии о проведении здоровой кредитной политики; автор статьи возражал против «упорядочения или популяризации особых привилегий для бедняка при получении сельскохозяйственного кредита» и требовал исключить из кредитной политики любое «понятие о социальных услугах».

70. «Междущаствие...», гл. 1.

71. «Экономическая жизнь», 24, 25 апреля 1924 г.

72. A. Z. Arnold. Banks, Credit and Money in Soviet Russia. New York, 1937, p. 266. Перечень банков взят из объявления в «Экономической жизни» от 22 августа 1924 г. О создании Внешторгбанка также см. упомянутую книгу А. Арнольда, с. 313—316; к этому времени он был уже широко известен по своему первоначальному названию Роскомбанк (Российский коммерческий банк); о других банках см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19. Товарищество взаимного кредита было центральным органом, объединявшим несколько действовавших в стране обществ взаимного кредита, обслуживавших нэпманов и частных торговцев и полагавшихся на частные вклады при создании своих фондов. Сумма частных вкладов неуклонно возрастала: утверждалось, что в 1925 г. она выросла на 14 млн. рублей («Экономическое обозрение», 1926, № 1, с. 7). На 1 октября было зарегистрировано 167 таких товариществ, в том числе 91 в РСФСР и 65 на Украине, объединявших 57 тыс. членов, с общим балансом до 67 млн. рублей; размер ставки по ссудам колебался от 4 до 10% в месяц (там же, 1926, № 3, с. 146—153).

73. Подробно о росте числа банков и их отделений в 1924 и 1925 гг. см.: A. Z. Arnold. Op. cit., p. 284—285.

74. «The State Bank of the USSR». Moscow, 1927, p. 31—32. А. З. Арнольд в своей книге (с. 252—253) попытался на базе материала, опубликованного в разных книжках журнала «Вестник финансов», разделить показатель «Ссуды и учтенные векселя» по различным категориям заемщиков, и выяснилось, что это были главным образом «госпредприятия», за которыми шли «кооперативы» и «кредитные учреждения»; ссуды частным фирмам и сельскому хозяйству (которое тем не менее имело значительное преимущество перед кооперативами и прочими кредитными организациями) были пренебрежимо малы. В то время Государственный банк СССР не был — в техническом смысле — центральным банком, то есть банком, который в первую очередь занимается финансированием других банков. Он вел все банковские операции на свой собственный счет: в 1925 г. 75% всех его сделок было совершенно не главной конторой, а отделениями по всей стране, число которых составляло 400 или 500 («Плановое хозяйство», 1925, № 5, с. 289). Перечень промышленных и коммерческих трестов и предприятий (там же, 1925, № 11, с. 27) показывает, что многие из них получали кредит одновременно в трех или четырех банках, одним из которых был Госбанк; он являлся «главным конкурирующим кредитным учреждением по отношению к остальным банкам» (там же, 1925, № 11, с. 31—32).

75. «На аграрном фронте», 1926, № 1, с. 145—146; в «Плановом хозяйстве» (1925, № 11, с. 79) указаны более высокие ставки.

76. «На аграрном фронте», 1926, № 3, с. 54; «Плановое хозяйство», 1925, № 11, с. 80.

77. С 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. 90% всего кредита промышленные предприятия получили в основном в Госбанке, а также в Промбанке («Экономическое обозрение», 1925, № 12, с. 132); Госбанк выдавал только краткосрочные ссуды.

78. Данные обо всех этих банках собраны в книге А. З. Арнольда (с. 289, 294, 298, 304, 309, 311, 314—315); краткая историческая справка о Промбанке помещена в «Экономическом обозрении», 1925, № 11, с. 139—149, о Мосгорбанке — в «Вестнике финансов», 1925, № 3, с. 145—150.

79. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 23. Из карандашных записок, которыми обменивались Троцкий, Пятаков, Красин и Сокольников на заседаниях СТО 2 июля 1924 г. и которые сохранились в архивах Троцкого,

явствует, что трое первых не доверяли кредитной политике Госбанка и председателю его правления Шейнману и требовали санирования портфеля векселей Госбанка; Сокольников обещал сделать это, но хотел избежать официального вмешательства СТО.

80. «Плановое хозяйство», 1925, № 1, с. 19, 30—31.

81. Осторожные настроения, порожденные финансовой реформой, привели к временному прекращению роста кредита весной 1924 г. и к спаду в торговле; этот феномен, продолжавшийся в течение трех месяцев, подробно обсуждался в журнале «Социалистическое хозяйство», 1924, № 5, с. 94—103.

82. Сокращение банкнотной эмиссии в зимние месяцы после продажи урожая и ее увеличение в конце лета и осенью было давно устоявшейся и привычной особенностью финансов России.

83. Приведенная ниже таблица (данные в млн. рублей) составлена по сведениям, взятым из книги «Наше денежное обращение», 1926, с. 154—155, и сборника «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 382—383 (где допущена ошибка в графе «Казначейские билеты» по данным на 1 октября 1925 г.):

	Банкноты Госбанка	Казначей- ские билеты и монета	Всего
На 1 октября 1924 г.	346,5	280,7	627,2
На 1 января 1925 г.	410,8	331,9	742,7
На 1 апреля 1925 г.	402,4	363,3	765,7
На 1 июля 1925 г.	460,1	386,0	846,1
На 1 октября 1925 г.	652,0	490,9	1142,9
На 1 января 1926 г.	726,6	542,7	1269,3
На 1 апреля 1926 г.	693,4	510,8	1204,2

84. «Наше денежное обращение», с. 132—133; предусмотренное законом покрытие, которое должно было составлять 25%, относилось только к банкнотам и в тот период было вне опасности.

85. Статья в «Экономической жизни» за 23 ноября 1924 г. начиналась с замечания о том, что «определение пределов банковской эмиссии становится все больше злобой дня», и подвергала критике «невольных инфляционистов», засевавших в Госплане. Вышедший в том же месяце «Вестник финансов», 1924, № 11, с. 79—86, обнаружил признаки «как бы инфляции» в нежелании крестьянина продавать зерно, в дефиците промышленных товаров и в разнице между официальными и «вольными» ценами и доказывал, что увеличение банкнотной эмиссии просто обострило бы кризис: по мнению журнала, образование цен должно было быть предоставлено самому себе. Статья, опубликованная в «Экономической жизни» 14 января 1925 г. и выдержанная в более умеренном тоне, заканчивалась рекомендацией о проведении «энергичной политики по развитию кредитных отношений, не связанных с выпуском новых денежных знаков». Однако это означало постановку дилеммы без предложений ее решения. Краткие комментарии к разногласиям со стороны Госплана появились в «Плановом хозяйстве», 1925, № 1, с. 289—291.

86. В «Плановом хозяйстве», 1925, № 5, с. 115—135, излагается существо доводов Струмилина на совещании в Госплане в январе 1925 г., скорректированных в соответствии с положением дел, сложившимся в мае 1925 г.

87. Статья Сокольников в «Экономической жизни» от 4 апреля 1925 г. представляет собой несколько измененный вариант его доклада.

88. Там же, 16 апреля 1925 г.

89. Г. Сокольников. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 248.

90. «Третий съезд Советов», 1925, с. 422. В конце своей речи Сокольников предостерег от чрезмерного увеличения кредита, но в мягких выражениях: «Здесь нужно выдерживать твердую линию, и мы стараемся ее выдерживать, хотя

иногда очень туго приходится, потому что нажимают со всех сторон» (там же, с. 445).

91. «Плановое хозяйство», 1926, № 5, с. 96—97.

92. Незаконный ввоз мануфактуры, одежды и предметов роскоши в Советский Союз совершался в то время контрабандно в довольно широких масштабах, главным образом через границы с азиатскими странами. О подробностях этой контрабандной торговли, включая перечень товаров, конфискованных в 1924—1925 гг., см. там же, с. 92—94; полностью ликвидировать ее считалось невозможным. Троцкий писал о необходимости борьбы с контрабандой, «выкачивающей сейчас из страны валюту на десятки и десятки миллионов рублей» (*Л. Троцкий. К социализму или к капитализму?* — «Плановое хозяйство», 1925, с. 35; приведенная цитата в указанном автором источнике — «Правда» от 22 сентября 1925 г. — отсутствует. — *Ред.*).

93. Одно из объяснений, которое давалось в то время живучести спекуляции валютой, заключалось в том, что «частный торговец, будучи нами вытесняем по одной линии из хлебной торговли, по другой линии из торговли промышленными товарами, устремился на черную биржу и в валютные операции, подрывая курс нашей валюты» («Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 29). О «черной бирже», или «американке», см. там же, 1926, № 2, с. 90; «Экономическое обозрение», 1926, № 1, с. 7—9.

94. Г. Сокольников. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 207.

95. «Плановое хозяйство», 1925, № 9, с. 39.

96. «Вестник финансов», 1925, № 7, с. 3—12. В следующей книжке этого журнала в форме дискуссионной статьи был опубликован материал, где доказывалось, что накопление иностранной валюты нерационально и необходимость в резервном фонде такого рода будет уменьшаться (там же, 1925, № 8, с. 9—12); в сентябрьском номере того же журнала один «наркомфиновский профессор» опубликовал другую дискуссионную статью, в которой был дан обзор зарубежных теорий денежного обращения и инфляции и делался верный вывод, что «...так как при монополии внешней торговли валютный курс не играет такой роли, как при системе свободной торговли, то расхождение между валютным курсом и уровнем цен при указанных условиях может сохраняться в течение неопределенного периода времени» (там же, 1925, № 9, с. 30—66). Так что путаница и неразбериха по этим вопросам в официальных кругах были довольно сильными.

97. «Собрание законов», 1925, № 45, ст. 530.

98. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—1926 год», 1925, с. 33—35, о подготовке и судьбе контрольных цифр см. ниже, гл. 10.

99. «Экономическое обозрение», 1925, № 10, с. 28—38.

100. «Социалистическое хозяйство», 1925, № 5, с. 15—16.

101. «Экономическое обозрение», 1925, № 10, с. 40.

102. «Экономическая жизнь», 24 сентября 1925 г.; о критических замечаниях, высказанных Сокольниковым в комментариях к контрольным цифрам Госплана на 1925—1926 гг., см. ниже, гл. 10.

103. Г. Сокольников. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 235; «Плановое хозяйство», 1926, № 5, с. 98—99.

104. С апреля 1925 г. червонец начал котироваться в Риме («Экономическая жизнь», 23 апреля 1925 г.), но этого не произошло больше ни на одной бирже в странах Центральной или Западной Европы.

105. «Вестник финансов», 1925, № 11—12, с. 175—178.

106. «Экономическое обозрение», 1926, № 1, с. 5.

107. «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 64.

108. Брошюра была перепечатана в третьем томе книги Г. Сокольников «Финансовая политика революции», с. 31—47 (приведенные здесь цитаты см. на с. 38, 45), где она датирована ноябрем 1925 г. Некоторые данные, содержащиеся в самой брошюре, дают основания полагать, что она была написана не позднее октября: ее текст полон уничижительных отзывов о планировании, спровоцированных, по-видимому, сентябрьской дискуссией о контрольных цифрах Госплана (см. ниже, гл. 10).

109. «Экономическое обозрение», 1925, № 11, с. 114.
110. Г. Сокольников. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 232—233.
111. Там же, с. 257; текст этого выступления был опубликован в «Экономической жизни» от 1 декабря 1925 г.
112. «Правда», 10 декабря 1925 г.
113. Об этом замедлении см. выше, гл. 6.
114. Общая сумма банкнот, находившихся в обращении, сократилась с 1269 млн. рублей на 1 января 1926 г. до 1204 млн. рублей на 1 апреля того же года.
115. «Междуцарствие...», гл. 3.
116. «Плановое хозяйство», 1926, № 6, с. 110—111.
117. В единицах использовавшегося Госпланом индекса цен стоимость червонца упала с 5,36 довоенного рубля на 1 сентября 1925 г. до 4,56 на 1 февраля 1926 г. («Задачи и перспективы госкредита в СССР», с. 54).
118. Е. Преображенский. Новая экономика, 1926, с. 201—202; отрывок взят из доклада, прочитанного в Коммунистической академии в январе 1926 г.
119. «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 29, 35, 38.
120. Там же, с. 77.
121. «Социалистическое строительство», 1926, № 1, с. 24.
122. «Правда», 5 февраля 1926 г.
123. «VII съезд Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи», 1926, с. 252—253.
124. «На аграрном фронте», 1926, № 3, с. 100—104.
125. «Экономическое обозрение», 1926, № 2, с. 44.
126. Ортодоксальная точка зрения на финансы подробно изложена в двух статьях Шанина в «Плановом хозяйстве», 1926, № 2, с. 92—103; № 5, с. 91—106. Хотя вторая статья была опубликована только в мае, написана она, по-видимому, сразу же после первой, увидевшей свет в февралю. Среди сторонников девальвации червонца был приверженец Бухарина Стецкий (см. его статью в «Правде» от 6 февраля 1926 г.). В неподписанной статье, обнаруженной в архивах Троцкого и датированной 2 апреля 1926 г., все названо своими именами более резко, чем в любом другом документе того времени: «Очевидно, что накопление в рамках всего народного хозяйства в целом оказалось столь незначительным, что мы могли бы добиться необходимого развития только путем искусственного снижения курса рубля, то есть чем-то вроде налога на всех обладателей наличных денег».
127. Замешательство, царившее в партийных кругах, отражено в передовой статье «Правды» от 21 февраля 1926 г., в которой выражалось беспокойство за судьбу валюты, но не давалось никаких позитивных рекомендаций.
128. «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 91.
129. Там же, № 6, с. 36.
130. Тем не менее этот вопрос обсуждался в «Экономической жизни» даже 5 марта 1926 г.
131. A. Z. Arnold. Op. cit., p. 292.
132. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 97; может быть, было и совпадением то, что в день опубликования резолюции в «Правде» на видном месте появилась статья о необходимости увеличения добычи золота («Правда», 13 апреля 1926 г.).
133. «Собрание законов», 1926, № 48, ст. 348; A. Z. Arnold. Op. cit., p. 263.
134. Лишь в октябре 1927 г. Сокольников заявил, что «система золотого обращения заменена системой золотого обеспечения» (Г. Сокольников. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 290), что было грубым искажением действительности.

Глава 10. Планирование

1. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 20.
2. О соответствующих мерах в этой области см.: «Междуцарствие...», гл. 4.

3. «Социалистическое хозяйство», 1925, № 1, с. 82.
4. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.
5. «Плановое хозяйство», 1926, № 3, с. 91; см. также статью Кржижановского в газете «Экономическая жизнь» от 19 апреля 1923 г. под названием «Госплан после двух лет работы», а также интервью с ним в том же номере, где подчеркивалась важность единого хозяйственного плана.
6. «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», 1924.
7. Г. Кржижановский. Соч., 1934, т. II, с. 155.
8. Относительно этого указания см. в книге «Междущарствие...», гл. 4.
9. «Междущарствие...», гл. 3.
10. Решение было принято президиумом Госплана 13 декабря 1923 г. (Г. Кржижановский. Соч., 1934, т. II, с. 191). Отчет Госплана о новом органе проливает свет на экономическое мышление того периода: «В последнее время Госплану пришлось создать в дополнение к ранее функционировавшим секциям специальный орган в виде Конъюнктурного совета с примыкавшей к ним Торговой секцией, и наряду с этим пришлось положить начало деятельному контролю операций наших банков. Мы полагаем, что аппарат Госплана уже достаточно окреп, чтобы считать первые этапы его работы, естественным образом направленные в сторону базы всей экономики, в сторону производства, в настоящее время уже пройденными. Теперь уже возможно гораздо более деятельное вмешательство в распределительный механизм, в процессы товарного обращения. Здесь мы подходим к... тайникам всей денежно-капиталистической системы» (цитируется по журналу «Плановое хозяйство», 1926, № 4, с. 14—15); «конъюнктурные органы» Госплана были созданы «под влиянием огромного кризиса сбыта» осенью 1923 г. В конце 1924 г. были созданы также региональные конъюнктурные секции (там же, с. 59—60).
11. «Междущарствие...», гл. 3, 4.
12. «Междущарствие...», гл. 2, 4.
13. См. выше, гл. 5.
14. Громан, привлекая внимание к этому аспекту, пессимистически замечал: «10 Америк нужно, чтобы поглотить этот темп накопления неиспользованных сил» («Плановое хозяйство», 1925, № 8, с. 129).
15. См. ниже, Приложение А.
16. Н. Бухарин. Экономика переходного периода, 1920, с. 7—8.
17. Л. Троцкий. Соч., т. XII, с. 141.
18. Е. Преображенский. Новая экономика, 1926, с. 28—29, 36—37; это положение продолжало оставаться официальной доктриной в течение двух десятилетий; распространенный учебник 20-х годов (*Липидус и Островитянов. Политическая экономия*, 1928) начинался с утверждения, что политическая экономия и ее законы связаны со стихийным функционированием капиталистической экономики, а к плановому хозяйству отношения не имеют, и что «закон стоимости» находится в процессе отрицания.
19. «Плановое хозяйство», 1925, № 1, с. 88—101; № 2, с. 125—141. Громан испортил здравый аргумент эксцентричной попыткой продемонстрировать, что в период восстановления хозяйства после разрухи соотношение сельскохозяйственной и промышленной товарной продукции вернулось к довоенной пропорции, то есть 63 : 37; позже это послужило поводом для того, чтобы необоснованно обвинить его в том, что он считал это соотношением неизменным.
20. «Экономическое обозрение», 1925, № 3, с. 63—71.
21. «Плановое хозяйство», 1925, № 7, с. 151—166.
22. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 479.
23. «Большевик», 1926, № 15—16, с. 73.
24. Большевистское прошлое Громана часто обращалось против него: в одной своей речи в октябре 1924 г. Каменев упомянул о «мстечке» для меньшевиков в Госплане (*Л. Каменев. Статьи и речи*, 1929, т. XI, с. 202).
25. «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», 1924, с. 6; об этом докладе см. выше, с. 360.
26. «Плановое хозяйство», 1925, № 8, с. 100—101. Тем не менее на последней стадии обсуждения оратор добавил: «Громан рекомендует нам изучать

восстановительный процесс и на основе этого восстановительного процесса строить план. Но нам нельзя дожидаться, пока эти закономерности будут окончательно выявлены, ибо мы уже теперь должны практически помочь восстановительному процессу и процессу развития» (там же, 1925, № 8, с. 140).

27. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 212.

28. «Собрание законов», 1925, № 13, ст. 106; в соответствии с декретом, принятым девятью месяцами раньше, одна из функций Наркомвнуторга заключалась в составлении генерального перспективного плана развития торгового оборота в СССР и его координации через Госплан с генеральным планом народного хозяйства СССР («Собрание узаконений», 1924, № 50, ст. 473).

29. «Экономическая жизнь», 29 марта 1925 г.: обзор этой публикации был с запозданием и весьма неохотно опубликован в «Плановом хозяйстве», 1926, № 2, с. 254—256. Указание подготовить балансовый отчет к 1 октября 1924 г. было дано СТО 21 июля 1924 г. (С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, 1928, с. 311); задержка выполнения этого задания была причиной постоянных жалоб Госплана. Полный балансовый отчет был в конце концов опубликован в 1926 г. в 29-м томе «Трудов Центрального статистического управления», когда интерес к нему уже пропал.

30. Об этом плане см. выше, с. 360; он обсуждался в «Плановом хозяйстве», 1925, № 8, с. 100—140, см. выше, с. 364—365.

31. Там же, 1926, № 3, с. 23; Г. Кржижановский. Соч., 1934, т. II, с. 191. Этот план был опубликован под названием «Перспективный план по сельскому хозяйству лесостепи и полесья Украины» (Харьков, 1925).

32. Обзор и краткое изложение отчета даны в «Плановом хозяйстве», 1925, № 10, с. 399—411; самого документа в распоряжении автора не было.

33. «Собрания законов», 1925, № 56, ст. 422, 423.

34. См.: «Плановое хозяйство», 1926, № 5, с. 59; на заседании президиума Госплана 23 июня 1925 г. Кржижановский дал общий анализ «контрольных цифр», сравнив их с планом электрификации ГОЭЛРО, принятым в 1920 г. (там же, 1925, № 7, с. 9—28). Однако, как позже пояснил Кржижановский, существо нового плана заключалось в том, что он «сочетал производственную технику, экономический анализ и финансовую программу» (Г. Кржижановский. Соч., 1934, т. II, с. 335—336).

35. См. выше, гл. 9.

36. «Плановое хозяйство», 1925, № 8, с. 13.

37. Там же, № 7, с. 105. Громан сам писал о контрольных цифрах: «Мы соединили оба момента: момент объективной тенденции развития и момент телеологический — цели, которые ставит себе государство. Мы говорили, что контрольные цифры есть органический синтез прогноза объективного развития и осознания тех целей, которые ставит себе государство; мы говорили, что цифровое выражение хозяйственных процессов органически связано с определенной системой экономической политики» (там же, 1926, № 5, с. 60).

38. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925—1926 год», 1925, с. 9—15.

39. Там же, с. 15—46.

40. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 288—289.

41. Там же, с. 4—5.

42. Г. Кржижановский. Соч., 1934, т. II, с. 336.

43. Дж. М. Кейнс, посетивший СССР как раз в то время, когда были опубликованы контрольные цифры, сказал в интервью: «Если вы будете иметь хороший урожай в течение двух лет подряд, тогда экономическое положение Советской России несравненно изменится — настолько, что увеличение богатств в Советской России будет больше, нежели самый большой кредит, который вы получите или могли бы получить за границей» («Ленинградская правда», 8 сентября 1925 г.).

44. См. выше, гл. 5, 9.

45. См. выше, гл. 9, сочиненная им для этого случая фраза («планировать — значит располагать резервами») была дважды повторена им осенью

1925 г. (*Г. Сокольников*. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 33, 217), однако на этот раз она была сказана в том смысле, что это делает планирование неосуществимым.

46. Там же, с. 63—66. Утверждение (там же, с. 347), что эта речь была опубликована в «Экономической жизни» от 24 сентября 1925 г., было неправильным: в этом номере газеты была помещена речь, произнесенная им 18 сентября (см. ниже).

47. «Вестник финансов», 1925, № 9, с. 116—118.

48. Отчет об этом заседании был опубликован в «Правде» и «Экономической жизни» 24 сентября 1925 г. и журнале «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 31, 44; текст речи Каменева см. в: *Л. Каменев*. Статьи и речи, 1926, т. XII, с. 344—346. «Ленинградская правда» от 18 сентября 1925 г. (день заседания) поместила изложение произнесенной ранее, 4 сентября, Каменевым речи о хозяйственном положении (см. выше, гл. 5) с его примечанием, что он ссылаясь на цифры Госплана, поскольку других не было, хотя знал, что «ошибки в них вероятны»; кампания против контрольных цифр была развернута в следующие две недели.

49. Члены Госплана постоянно высказывали недовольство таким отношением («Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 31, 44, 84). В литературе того периода постоянно встречаются ссылки на нежелание других ведомств сотрудничать с Госпланом; в «Контрольных цифрах народного хозяйства на 1925—1926 год» было помещено примечание с просьбой к экономическим органам и ведомствам присылать поправки к любым данным, но ни одна организация не откликнулась («Плановое хозяйство», 1926, № 1, с. 40). Отношения между Госпланом и ЦСУ продолжали оставаться «ненормальными» (там же, 1926, № 2, с. 57). Раздражение ранее созданных комиссариатов по поводу претензий вновь образованного ведомства сыграло на первых этапах планирования отрицательную, хотя и незначительную роль.

50. «Экономическое обозрение», 1925, № 10, с. 28.

51. «Правда», 20 и 22 сентября 1925 г. (приводимые в тексте цитаты на самом деле содержатся не в указанных номерах газеты, а в книге с тем же названием, выпущенной издательством «Плановое хозяйство» в 1925 г., см.: *Л. Троцкий*. К социализму или к капитализму? М., 1925, с. 1, 3. — *Ред.*); пассаж из первой статьи показывает, что она была написана 28 августа, всего через неделю после опубликования цифр. Статьи были переизданы отдельной брошюрой, а ее перевод на английском языке появился в начале 1926 г. со специальным предисловием, датированным 7 ноября 1925 г. (Кисловодск). Годом позже Сталин высмеивал Троцкого за высокопарную фразу «об исторической музыке роста социализма».

52. Такой аргумент содержится в передовой статье в «Экономической жизни» от 1 октября 1925 г.

53. «Известия», 4 октября 1925 г.; «Экономическое обозрение», 1925, № 10, с. 8.

54. Речь, произнесенная 16 октября 1925 г. и опубликованная в «Правде» от 20 октября 1925 г.

55. Речь была опубликована (с ошибкой в дате: действительная дата — 22 октября) в журнале «На аграрном фронте», 1925, № 10, с. 3—16.

56. *Г. Сокольников*. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 47; об этой статье см. выше, гл. 9.

57. «Плановое хозяйство», 1926, № 1, с. 33—34.

58. «Социалистическое хозяйство», 1925, № 5, с. 25—26.

59. *Г. Кржижановский*. Соч., 1934, т. II, с. 289, прим. 1.

60. Статья А. П. Смирнова в «Правде» от 22 декабря 1925 г.

61. См. выше, гл. 5.

62. «Правда», 15 октября 1925 г.

63. «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 7—8.

64. Как отметил один советский обозреватель, в любой западной стране установление государственного контроля над тяжелой промышленностью, транспортом и внешней торговлей, как это сделало Советское правительство, на деле

- означало бы установление контроля над всей экономикой; в СССР так не получалось («Вестник финансов», 1925, № 7, с. 7).
65. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 299—300, 311.
66. Там же, с. 354—356.
67. Происшедшие после XIV съезда перестановки лиц, занимавших важные государственные должности, рассматриваются в части III следующего тома.
68. «Плановое хозяйство», 1926, № 2, с. 30, 41—42.
69. Г. Сокольников. Финансовая политика революции, 1928, т. III, с. 69—
81. Там же, с. 347, неправильно указывается, что речь, произнесенная 12 марта 1926 г., была выступлением на президиуме Госплана.
70. В распоряжении автора не было стенографического отчета об этом совещании, вышедшего в 1926 г. под названием «Проблемы планирования: итоги и перспективы». Однако о совещании достаточно подробно сообщалось в газете «Экономическая жизнь» от 11, 14, 16, 17, 18, 20 марта 1926 г. и в журнале «Плановое хозяйство», 1926, № 4; речь Кржижановского была включена в собрание его сочинений (Г. Кржижановский. Соч., 1934, т. II, с. 286—301).
71. «Плановое хозяйство», 1926, № 4, с. 7.
72. Г. Кржижановский. Соч., 1934, т. II, с. 286—301.
73. «Плановое хозяйство», 1926, № 4, с. 31—58.
74. Г. Кржижановский. Соч., 1934, т. II, с. 337.
75. Отчет помещен в «Плановом хозяйстве», 1925, № 4, с. 59—79; доклад опубликован в «Экономической жизни» от 17 марта 1926 г.
76. В неопубликованной памятной записке от 2 апреля 1926 г., сохранившейся в архивах Троцкого (см. выше, гл. 5), отмечалось, что основной недостаток контрольных цифр 1925 г. заключался в отсутствии каких бы то ни было оценок фактического или возможного удорожания основного капитала; это должно было быть исправлено в цифрах 1926 г.
77. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. II, с. 93.
78. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия», 1926, с. 19.
79. См. выше, гл. 9.
80. «Плановое хозяйство», 1925, № 9, с. 18; Г. Кржижановский. Соч., 1934, т. II, с. 277—278. Как показывают более поздние данные, энергетические мощности в 20-х годах росли очень медленно, хотя темпы роста производства электроэнергии были несколько выше:

Год	Энергетические мощности, млн. кВт	Производство электроэнергии, млрд. кВт·ч
1921	1,2	0,5
1924	1,3	1,6
1925	1,4	2,9
1926	1,6	3,5

Источник: «Советское строительство на 1935 г.», 1936, с. 97.

81. «Ленинградская правда», 24, 25 сентября 1925 г.
82. «Правда», 19 декабря 1926 г.; Малая Советская Энциклопедия, 1934, т. 2, с. 646—647.
83. «Плановое хозяйство», 1925, № 4, с. 315—316.
84. Об этих резолюциях см. выше, гл. 5.
85. «Известия», 8 сентября 1925 г.; «Ленинградская правда», 9 сентября 1925 г.
86. «Правда», 22 сентября 1925 г. (относительно этого источника см. сноску 51 к настоящей главе. — *Ред.*).
87. См. выше, гл. 6.
88. См. об этом в части IV следующего тома.

89. Как и следовало ожидать, Госплан УССР был наиболее активным из плановых органов; его программа работы на 1923—1924 гг. была утверждена центральным Госпланом в декабре 1923 г. («Экономическая жизнь», 8 декабря 1923 г.). Итоги начального этапа планирования на Украине в декабре 1924 г. подвел председатель ВСНХ УССР: «Под влиянием торгового кризиса осени 1923 г. ВСНХ УССР поставил себе первой задачей изыскание способов планового предвидения и предупреждения подобных кризисов. К середине 1924 г. эта задача была в известной степени разрешена: был создан *сводный промышленный план*, который дал возможность поставить определенное плановое руководство украинской промышленностью» (там же, 5 декабря 1924 г.). Было упомянуто также о «плане» украинского угольного треста «Донуголь» на 1923—1924 гг., который был перевыполнен, что позволило обеспечить значительные запасы угля («Плановое хозяйство», 1925, № 4, с. 315). Декрет о создании Госплана РСФСР датирован 13 февраля 1925 г. («Собрание узаконений», 1925, № 20, ст. 140).

90. Г. Кржижановский. Соч., 1934, т. II, с. 286.

91. «Экономическая жизнь», 11 декабря 1923 г.; об образовании Уральского экономического района см. в части IV следующего тома.

92. «Экономическое обозрение», 1926, № 3, с. 189—192.

93. «Плановое хозяйство», 1925, № 10, с. 259.

94. Об отчете экспедиции см.: «Плановое хозяйство», 1926, № 1, с. 288—309.

95. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 год», 1926, с. 223—224, 238—243 (по Украине), 254—257 (по Белоруссии), 258, 268—272 (по Северо-Западному экономическому району), 282 (по Уральскому экономическому району).

Приложение А. Миграция и колонизация

1. Статистические сведения см. в: G. von Mende. Studien zur Kolonisation in der Sovetunion. Breslau, 1933, S. 11; это лучший из имеющихся источников по данному предмету.

2. Удобные для пользования обобщенные сведения об этом процессе переселения вместе со статистическими показателями помещены в «Энциклопедическом словаре Русского библиографического института бр. А. и И. Гранат», т. XXXI, 1933, 2-е изд., с. 531—548. С 1906 по 1914 г. в Северную и Южную Америку переселилось свыше трех миллионов человек: подавляющее большинство из них составляли национальные меньшинства, включая евреев, в отличие от переселенцев в азиатскую часть России.

3. P. A. Stolypin, A. V. Krivoschein. Die Kolonisation Siberian (перевод на немецкий язык, 1912 г.), S. 99, 101.

4. Данные взяты по кн.: G. von Mende. Studien zur Kolonisation in der Sovetunion. Breslau, 1933, S. 60, примечание 6. Из небольшого числа переселенцев, официально зарегистрированных в Туркестане, высокий процент относится к Семиречью, которое хотя и входило в состав Туркестана в соответствии с территориально-административным делением до 1924 г., но географически принадлежало зоне степей (позднее Казахстану); переселение в собственно Туркестан, где отношение со стороны коренного населения было неблагоприятным для русских крестьян, было незначительным.

5. См. об этом: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 11.

6. P. A. Stolypin, A. V. Krivoschein. Die Kolonisation Sibiens, S. 112; правительственный циркуляр, приведенный в «Энциклопедическом словаре Русского библиографического института бр. А. и И. Гранат», т. XXXI, с. 532, указывает, что мотивы переселения в Казахстан объясняются тем, «чтобы православные могли превосходить над... туземцами».

7. Эти данные приводятся по кн.: G. von Mende. Studien zur Kolonisation in der Sovetunion, S. 32, 35—37.

8. Как свидетельствуют приведенные там же (S. 30) официальные сведения, общее число переселенцев в 1920 г. составило 85 тыс. человек (включая 59 тыс.

в Сибирь и 25 тыс. в Казахстан), а в 1921 г. 72 тыс. человек (из которых 52 тыс. в Сибирь и 17 тыс. в Казахстан).

9. «Деколонизация» Западной Сибири, явившаяся результатом оттока из этого региона возвращавшихся беженцев, привлекла внимание властей, и в 1923 г. была создана комиссия, перед которой была поставлена задача исследовать природу этого явления (*G. von Mende. Studien zur Kolonisation in der Sowetunion*, S. 30).

10. Об итогах первых этапов его работы см. «Труды Государственного колониационного научно-исследовательского института», 1924, т. 1, с. 299—341.

11. «Собрание узаконений», 1922, № 68, с. 901.

12. «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», 1924, с. 59—61 (об этом плане см. выше, гл. 10); «Экономическое обозрение», 1929, № 3, с. 146—148.

13. Данные из неопубликованного отчета приводятся в кн.: *G. von Mende. Studien zur Kolonisation in der Sowetunion*, S. 35.

14. «Экономическое обозрение», 1929, № 3, с. 146, 152.

15. «На аграрном фронте», 1926, № 10, с. 73.

16. В своей работе «Развитие капитализма в России», увидевшей свет в 1899 г., Ленин отмечал, что «из районов выселения идет главным образом крестьянство *среднего достатка*, а на родине остаются главным образом крайние группы крестьянства» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 3, с. 175).

17. «Труды Государственного колониационного научно-исследовательского института», 1924, т. 1, с. 353—355.

18. «Собрание узаконений», 1924, № 68, ст. 679, 681.

19. «Собрание узаконений», 1925, № 49, ст. 371.

20. В «Экономическом обозрении», 1929, № 3, с. 153, указывается, что общая цифра за этот год составила 111 тыс. человек, 80% которых были «самовольными» переселенцами; тем не менее общая цифра почти наверняка преувеличена. Один из источников того периода насчитывал 12,5 тыс. «плановых» и 57 тыс. «самовольных» переселенцев («Плановое хозяйство» 1925, № 12, с. 232—233).

21. «Экономическое обозрение», 1929, № 3, с. 152.

22. См. об этом в кн. Г. Глейнова «Новая Сибирь» (*G. Gleinov. Neu-Siberian*, 1928, S. 261), который пользовался отдельным сборником декретов; автор настоящего тома этим сборником не располагал.

23. «Собрание законов», 1925, № 30, ст. 193, 194.

24. «Плановое хозяйство», 1925, № 3, с. 274.

25. «На аграрном фронте», 1925, № 9, с. 143—144; с другой стороны, в официальном декрете от 6 июля 1925 г. («Собрание узаконений», 1925, № 49, ст. 371) вновь указывается цифра 130 тыс. человек.

26. «На аграрном фронте», 1925, № 5—6, с. 92; об отчете Наркомзема РСФСР, представившего свой план Госплану, см. выше, гл. 10. Относительно отчета Наркомзема УССР см. выше гл. 10; планы поселения в степях юга Украины не были осуществлены из-за сопротивления местных кулаков, которым удалось взять в краткосрочную аренду земли, первоначально предназначенные для переселенцев («На аграрном фронте», 1925, № 9, с. 18).

27. Там же, 1924, № 12, с. 233.

28. «Собрание законов», 1925, № 57, ст. 453.

29. «Экономическое обозрение», 1929, № 3, с. 148.

30. «Собрание законов», 1926, № 20, ст. 153.

31. «На аграрном фронте», 1925, № 5—6, с. 86. Таблица в «Основах перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», 1924, с. 24, показывает быстрое повышение плотности населения с 1916 по 1923 г. в западных районах (то есть в Белоруссии), на Украине, в северо-восточных, северо-западных и центральных областях РСФСР; в районах Поволжья население оставалось постоянным, что, конечно, объяснялось голодом 1921—1922 гг. В отчете Госколонита говорилось, что сельское население способно к неограниченному росту, который сдерживается лишь низким «физиологическим уровнем существования». Исходя из того, что на каждого занятого в сельском хозяйстве работника должно приходиться четыре или пять десятин земли, Госколонит в

1923 г. определил, что в четырех центральных и западных областях европейской части России проживает 14 (или 19) млн. человек «избыточного» населения («Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института», 1926, т. 3, с. 535—536, 549); расчеты носили несколько искусственный характер (особенно потому, что в них не были учтены доходы от занятий, не связанных с сельским хозяйством), но в определенной степени указывали на важность проблемы.

32. См. об этом в кн.: *G. von Mende. Studien zur Kolonisation in der Sowetunion*, S. 37.

33. См. выше, гл. 5.

34. «Третий съезд Советов СССР. Постановления», 1925, с. 26.

35. Эти и приводимые ниже процентные соотношения (*G. von Mende. Studien zur Kolonisation in der Sowetunion*, S. 38) были рассчитаны по цифрам «Статистического справочника СССР за 1928 г.», 1929, с. 66—67.

36. Председатель Госплана УССР Гринько в марте 1926 г. утверждал, что «межреспубликанская миграция у нас почти полностью не организована» («Экономическая жизнь», 14 марта 1926 г.); поскольку практически все доступные и пригодные для заселения земли находились на территории РСФСР, этим утверждением подразумевалось, что украинцы были в невыгодном положении. Он привел в дополнение не особенно относящееся к делу сравнение: средняя плотность населения в расчете на 100 десятин по СССР в целом составляет 19 человек, а в УССР — 67 человек. Та же жалоба была повторена на сессии ЦИК месяц спустя («СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия», 1926, с. 468—469).

37. В резолюции ЦИК Белорусской ССР от 31 октября 1925 г. указывалось, что «аграрное перенаселение» является основным бедствием, от которого страдает республика («Збор законау и захадау БССР», 1925, № 48, ст. 181); из Белоруссии в Донбасс переселенцы двигались непрерывным потоком «в поисках работы» («СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 3 сессия», 1927, с. 69).

38. В журнале «Большевик» (1925, № 9—10, с. 81—94) был дан нагоняй Лубны-Герцыку и другим «профессорам» из Госколонита за преувеличение ими проблемы сельской перенаселенности; однако ее существование признавалось и указывалось, что решение можно найти только на путях индустриализации.

39. «Плановое хозяйство», 1925, № 8, с. 113 (об этом докладе см. выше, гл. 10).

40. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 432.

41. *G. Gleinov. Neu-Siberien*, 1928, S. 267—268.

42. «Плановое хозяйство», 1925, № 12, с. 232—233.

43. Анализ по регионам, куда направлялись переселенцы, дан в «Экономическом обозрении», 1930, № 5, с. 87.

44. Данные о переселенцах и возвращенцах приведены в «Статистическом справочнике СССР за 1928 г.», 1929, с. 66—67.

45. «Плановое хозяйство», 1925, № 10, с. 35.

46. Первой выступила в этом направлении, по-видимому, Белорусская ССР, принявшая соответствующие декреты в июле и октябре 1924 г. («Збор законау и захадау БССР», 1924, № 20, ст. 183, 184); тем не менее такая поспешность указывает скорее на остроту еврейской проблемы в республике, чем на наличие средств или земель.

47. Источниками информации для описания этого эпизода послужили статьи в следующих изданиях: «На аграрном фронте», 1925, № 5—6, с. 112—122; «American Jewish Book», 1925, vol. 27, p. 58—62; 1926, vol. 28, p. 59, 77—81; «Власть Советов», 1925, № 14, с. 10; «Universal Jewish Encyclopedia», 1939, vol. 1, p. 253—256; 1941, vol. 3, p. 291. Декрет от 25 сентября 1925 г., определявший права Комзета и предоставлявший ему полномочия создавать республиканские комитеты при ЦИК союзных и автономных республик, опубликован в «Собрании законов», 1925, № 69, ст. 509 (о поправке к этому декрету, принятой резолюцией от 21 марта 1928 г., см. «Собрание законов», 1928, № 21, ст. 188).

Приложение Б. Бюджеты союзных республик

1. Предположительно также и Белорусская ССР, хотя свидетельств этого не обнаружено.

2. «Социалистическое хозяйство», 1924, № 2, с. 6.

3. Относительно этой части его доклада см. выше, гл. 9.

4. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 164; относительно этого статута см. выше, гл. 9.

5. Там же, с. 327—328; при обсуждении проекта декрета на заседании ЦИК РСФСР несколькими неделями ранее отмечалось, что из 600 млн. рублей, собранных на территории РСФСР в результате прямого налогообложения, в бюджет РСФСР должно было поступить лишь 130 млн. рублей; из общей суммы неналоговых поступлений предполагалось отчислить в союзный бюджет 150 млн. рублей, тогда как в бюджет РСФСР имелось в виду направить лишь 90 млн. рублей («Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет XI созыва, вторая сессия», 1924, с. 174—175). Было решено, что проект бюджета должен обсуждаться также на заседании ЦИК УССР («СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, вторая сессия», 1924, с. 163); однако отчетов о заседании, где было принято такое решение, обнаружить не удалось.

6. В соответствии со ст. 12 этого закона совнаркомам заинтересованных союзных республик полагалось в течение двух недель рассмотреть предложенные поправки; по истечении этого срока поправки, по-видимому, могли приниматься через их голову; отмечена жалоба на то, что «бюджет каждой союзной республики прежде, чем получить окончательное утверждение, должен пройти девять инстанций» («Экономическое обозрение», 1925, № 11, с. 15).

7. Там же, № 9, с. 12.

8. «ВКП(б) в резолюциях...», 1941, ч. I, с. 634.

9. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 429—430; в ходе прений украинский делегат пожаловался, что «бюджета мы почти не имеем» и что Наркомфин УССР «в процессе этой работы бюджет и составлял» (там же, с. 460).

10. Там же, «Постановления», 1925, с. 31.

11. «Экономическая жизнь», 14 ноября 1925 г.; было объявлено, что рассмотрению республиканских бюджетов Совнарком посвятил два заседания, 21 и 28 ноября 1925 г. (там же, 3 декабря 1925 г.).

12. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год», 1928, с. 554—555, 558—559. Поскольку Туркменская и Узбекская ССР были созданы только в 1924—1925 гг., показатели их бюджетов на этот год следует рассматривать как частично предположительные; превышение доходов над расходами в бюджете РСФСР за 1925—1926 гг. является, очевидно, результатом поступления средств из сводного бюджета по другой статье; оно не использовалось для покрытия дефицита бюджета других союзных республик.

13. «Вестник финансов», 1926, № 5—6, с. 221—223.

14. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, вторая сессия», 1926, с. 96—97. Бюджеты автономных республик были связаны с бюджетами союзных республик, в состав которых они входили, в основном таким же образом, как бюджеты союзных республик с союзным бюджетом; о бюджетах областных и местных органов, средства которых не включались в союзный и республиканские бюджеты, будет рассказано в части IV следующего тома.

Э. КАРР
**ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ**
5

**СОЦИАЛИЗМ
В ОДНОЙ СТРАНЕ
1924—1926**
Том I

Художник *Ю. Н. Егоров*
Технический редактор *Л. Н. Шупейко*
Корректор *Л. М. Диваньян*

Сдано в набор 19.09.1988 г. Подписано в печать 25.10.1988 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 30. Уч.-изд. л. 37,25.
Изд. № 24/44507. Зак. 3458.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
119847, Зубовский бульвар, 17.

